Р
8
166
Вып 2

Р 8
166

Собраніе статей

Владиміра Андреевича

ГРИНГМУТА.

Отд. I

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Выпускъ II.

МОСКВА.
1909.

32
203
Р 8
166

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ

В. А. Грингмута.

[Отд. I.]

Выпускъ второй.

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1908.

2007044873

ОТДѢЛЪ I.

Политическія статьи.

(ВЫПУСКЪ II).

«Приказъ» генерала Ванновскаго.

Мы имѣли уже случай указать на ту зрѣлую обдуманность и государственную мудрость, которыми отличается послѣдній «Приказъ» генерала Ванновскаго. Каждая его часть, всѣ слова его тщательно взвѣшены, отличаются ясною опредѣленностью, не допускающею никакихъ лжетолкованій, и своимъ серіознымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ душевнымъ словомъ могутъ вызвать лишь самое полное и горячее сочувствіе со стороны всѣхъ благомыслящихъ людей.

Можно было полагать, что и наши «либералы» по достоинству оцѣнятъ высокія качества «Приказа» и будутъ содѣйствовать его успѣху, то-есть полному умиротворенію общественнаго мнѣнія, возбужденнаго агитаціонною смутой послѣднихъ дней.

Ожиданія эти, къ сожалѣнію, не оправдались.

Русскія Вѣдомости (№ 94), обсуждая «Приказъ» генерала Ванновскаго, тщательно умалчиваютъ о знаменательныхъ словахъ его, которыя призываютъ учащуюся молодежъ «помнить свой долгъ и исполнять свои обязанности». А между тѣмъ весь успѣхъ предпринятой генераломъ Ванновскимъ трудной задачи заключается именно въ томъ, чтобы наша учащаяся молодежь, толкующая все о своихъ «правахъ», вспомнила, наконецъ, что у нея есть *долгъ* и *обязанности*, которыя она должна исполнять, ничѣмъ не отличаясь отъ остальныхъ гражданъ, которые такъ же лишь въ томъ случаѣ могутъ разсчитывать на охраненіе своихъ законныхъ правъ, если сами строго и свято исполняютъ возложенныя на нихъ существующими законами обязанности. Если наша учащаяся молодежь, въ своемъ увлеченіи, забыла это основное правило гражданственности и навлекла на себя вслѣдствіе этого цѣлый рядъ тяжкихъ невзгодъ, то искренняя любовь къ этой заблудшейся молодежи и сердечное о ней попеченіе побудили генерала Ванновскаго спасти ее отъ дальнѣйшихъ бѣдъ призывомъ ея къ исполненію своего долга. Содѣйствовать же молодежи въ забвеніи ею этого долга можетъ только чувство холоднаго къ ней безсердечія.

Газета *Россія* (№ 697) пошла еще дальше: она точно также въ обсужденіи «Приказа» генерала Ванновскаго замалчиваетъ «нелиберальный» призывъ учащейся молодежи къ долгу и обязанностямъ, но, кромѣ того, весьма скептически относится къ той части циркуляра г. министра, которою онъ ставитъ учебному персоналу въ первую, неуклонную и непремѣнную обязанность «внесеніе въ дѣло воспитанія юношества разума, любви и сердечнаго попеченія».

«Любовь и сердечное попеченіе», возражаетъ *Россія* министру, «не могутъ быть результатомъ приказа или циркуляра. Они не насаждаются циркуляромъ, а зарождаются на иной почвѣ. Если мы допустимъ, что, слѣдуя «Приказу», начальство и преподаватели возгорятъ любовью и сердечнымъ по-

печеніемъ, то остается еще вопросъ о томъ, насколько дѣйствующій режимъ, обязательный для нихъ по закону и неотмѣненнымъ инструкціямъ, позволяетъ проявлять разумъ, любовь и сердечное попеченіе. Въ виду этого, едвали можно сказать, что сначала должны слѣдовать любовь и сердечное попеченіе, а потомъ коренныя реформы школьныхъ порядковъ, а не наоборотъ».

Итакъ, *Россія* объявляетъ генералу Ванновскому, что нашъ учебный персоналъ *не исполнитъ* того требованія, которое министръ ставитъ ему «въ первую, неуклонную и непремѣнную обязанность», пока не будутъ осуществлены коренныя реформы учебныхъ порядковъ. А это осуществленіе можетъ потребовать очень продолжительнаго времени, если судить по словамъ всегда столь хорошо освѣдомленнаго *Новаго Времени* (№ 9015).

Дѣло въ томъ, что газета г. Суворина заявляетъ о необходимости образовать комиссію, имѣющую прежде всего устроить всероссійскій «анкетъ» (*С.-Петербургскія Вѣдомости* предлагали, какъ извѣстно, созывъ «всероссійскаго съѣзда»), дабы о школьномъ вопросѣ высказали свое мнѣніе «рѣшительно всѣ—и спеціалисты, и неспеціалисты».

Вотъ подлинныя слова этого авторитетнаго заявленія, которое съ восторгомъ перепечатываетъ московская газета *Курьеръ* (№ 95):

«Необходимо предложить Академіи Наукъ, отдѣльнымъ факультетамъ всѣхъ университетовъ, попечителямъ учебныхъ округовъ, педагогическимъ совѣтамъ классическихъ и реальныхъ гимназій и всѣмъ ученымъ обществамъ высказаться по вопросу о реформѣ школы. Хорошо было бы, если бы такое же предложеніе было сдѣлано также и частнымъ лицамъ, бывшимъ студентамъ, которымъ на государственной службѣ и на всѣхъ поприщахъ практической дѣятельности приходится дорого платиться за недостатки нашего школьнаго строя. Думы большихъ городовъ, по крайней мѣрѣ университетскихъ, земскіе дѣятели, дворянскія собранія, подвергнувъ у себя обсужденію вопросъ о реформѣ школы, также могли бы дать не мало указаній, основанныхъ на непосредственномъ знакомствѣ съ нуждами нашей общественной жизни. Только послѣ такого анкета коммиссія, получивъ въ свое распоряженіе цѣлый рядъ самостоятельныхъ взглядовъ и мнѣній и, быть-можетъ, предварительныхъ проектовъ, могла бы сдѣлать второй шагъ и приступить къ обработкѣ собраннаго такимъ путемъ матеріала, къ составленію проекта реформы существующаго школьнаго строя».

Этотъ «анкетъ» могъ бы еще болѣе быть расширенъ, если принять во вниманіе указаніе газеты *Недѣля* (№ 13), которая, говоря о теперешней нашей школѣ, заявляетъ слѣдующее:

«Если по истеченіи полныхъ тридцати пяти лѣтъ наша школа и выходитъ теперь въ отставку, то она при этомъ едвали выслужила Владиміра; многіе зато вспомнятъ ««владимірку»».

По нашему мнѣнію, изъ такого «анкета» ничего кромѣ сумбура выйти не можетъ, и это, конечно, очень хорошо знаетъ генералъ Ванновскій: когда онъ, въ бытность свою военнымъ министромъ, приступалъ къ реформѣ нашей военной школы, онъ весьма благоразумно не устраивалъ многочисленной коммиссіи съ предложеніемъ «высказать свое мнѣніе рѣшительно всѣмъ—и спе-

ціалистамъ, и неспеціалистамъ». Да и теперь, какъ намъ передаютъ изъ Петербурга, онъ высказался противъ созыва многочисленныхъ коммиссій, которыя, по вполнѣ справедливому его замѣчанію, «часто осложняютъ и замедляютъ ходъ дѣла».

Но во всякомъ случаѣ *Новому Времени* все это, конечно, лучше извѣстно, и если его проектъ о всероссійскомъ «анкетѣ» будетъ осуществленъ, то окончанія коренной реформы нашей школы придется ждать очень долго, и за все это время, по заявленію *Россіи*, учебный персоналъ, вопреки «Приказу» министра, не будетъ проявлять ни разума, ни любви, ни сердечнаго попеченія!

Но *Россія* въ своемъ либеральномъ азартѣ не довольствуется и этимъ мрачнымъ предсказаніемъ.

Отмѣчая прекрасныя слова «Приказа» генерала Ванновскаго, въ которыхъ говорится о необходимомъ общеніи между школой и семьей, петербургская газета прямо заявляетъ:

«Пока печать будетъ лишена возможности точно и ясно отражать мнѣніе общества, до тѣхъ поръ не установится то общеніе между обществомъ и Правительствомъ по вопросамъ школьной реформы, которое министръ признаетъ желательнымъ и необходимымъ».

Этому смѣлому скачку отъ коренной школьной реформы къ коренной реформѣ законовъ о печати могутъ удивляться только тѣ, кто не знакомъ съ тактикой нашихъ «либераловъ». Теперь они всюду забили тревогу о томъ, что у нихъ будто бы «скованы уста», и что Россія погибнетъ, если имъ не будетъ разрѣшено открыто проповѣдывать весь тотъ вздоръ, который накопился у нихъ на душѣ. А когда они, какъ надѣются, послѣ коренной реформы въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія добьются коренной реформы въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, тогда они потребуютъ коренной реформы основныхъ законовъ Россійской Имперіи.

Вѣдь «полная свобода печати» имъ только для того и нужна, чтобы проповѣдывать необходимость именно этого переворота.

Итакъ, по мнѣнію нашихъ «либераловъ», анархія въ нашей школѣ прекратится только тогда, когда она, сверхъ того, будетъ перенесена въ печать и общество.

Неужели они дѣйствительно надѣются соблазнить Правительство такою заманчивою перспективой?

Слова Государя Императора о русскомъ дворянствѣ и земствѣ.

Русское дворянство, видѣвшее за послѣднее время столько знаковъ всемилостивѣйшаго къ нему вниманія со стороны своего Царя, нынѣ осчастливлено новою рѣчью, съ которою Государю Императору угодно было обратиться 29 августа въ Курскѣ къ собравшимся для Его встрѣчи представителямъ служилаго сословія Россіи.

Указавъ на то, что дворянство «постоянно пользовалось благоволеніемъ

своихъ Монарховъ за вѣрную, самоотверженную службу Престолу», Самодержавный Вождь Россіи подтвердилъ съ особою ясностью, что одинъ изъ главныхъ видовъ этой службы заключается въ «*руководствѣ крестьянскимъ управленіемъ*», къ которому Русскихъ дворянъ призвалъ Царь-Миротворецъ, «довершая славныя дѣла» Царя-Освободителя.

Дѣйствительно, величайшее дѣло царствованія Императора Александра II, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, положило лишь основаніе той великой крестьянской реформѣ, въ которой такъ нуждалось и до сихъ поръ такъ нуждается Россія. Съ великими затрудненіями сопряженъ былъ первый шагъ этой реформы—фактическое освобожденіе крестьянъ. Но еще бо́льшія затрудненія возникли, когда государственная жизнь поставила на очередь необходимость упорядочить весь новосозданый бытъ освобожденнаго крестьянства.

Есть много основаній предполагать, что большинство людей, трудившихся надъ разрѣшеніемъ великой задачи, поставленной имъ Императоромъ Александромъ II, увлеклись чрезмѣрнымъ оптимизмомъ, полагая, что крестьяне, получивъ свободу, сами собою устроятся въ мирномъ порядкѣ и заживутъ нормальною, полезною для себя и для Государства жизнію, не нуждаясь въ чьемъ бы то ни было руководствѣ.

Жизненная правда съ неумолимою суровостію разсѣяла эти благодушныя иллюзіи. Одна фактическая «свобода» не оказалась тѣмъ абсолютнымъ благомъ, какимъ ее, очевидно, считали реформаторы шестидесятыхъ годовъ. Крестьяне сами собою не устроились, и жизнь ихъ приняла такое во всѣхъ отношеніяхъ ненормальное теченіе, которое грозило величайшими опасностями какъ для самихъ крестьянъ, такъ и для помѣстнаго дворянства, а слѣдовательно и для всего Государства. Злонамѣренные люди поспѣшили воспользоваться тѣмъ невообразимымъ хаосомъ, который водворился въ нашей сельской жизни: начались тѣ «хожденія въ народъ», которыя имѣли цѣлію возбудить въ крестьянахъ совершенно ложное представленіе о правахъ собственности и подстрекнуть ихъ къ преступнымъ покушеніямъ на недвижимое имущество помѣстныхъ дворянъ.

И вотъ уже въ 1883 году Императоръ Александръ III, вступивъ на Прародительскій Престолъ, счелъ необходимымъ обратиться, черезъ собравшихся въ Москвѣ со всей Россіи волостныхъ старшинъ, ко всему русскому крестьянству со строгимъ словомъ назиданія, указавъ на *предводителей дворянства*, какъ на тѣхъ лицъ, которыхъ должны слушаться крестьяне. А затѣмъ Онъ не замедлилъ учредить, въ институтѣ земскихъ начальниковъ, тѣ реальныя, законныя нормы, въ которыхъ *Русское дворянство* получило возможность нести свою службу Монаршему Престолу въ видѣ *руководства крестьянскимъ управленіемъ*.

Русское дворянство бодро и ревностно принялось за эту службу, и нынѣ оно удостоилось высшей награды, которая только можетъ выпасть на долю русскаго вѣрноподданнаго гражданина—милостивой благодарности своего Монарха.

Вотъ тѣ знаменательныя слова, которыми Государь 29 августа осчастливилъ все Русское дворянство за ту добросовѣстность, съ которою оно исполняетъ порученное ему Царемъ-Миротворцемъ руководство крестьянскимъ управленіемъ:

«*На этомъ поприщѣ вы служите Мнѣ не за страхъ, а за совѣсть. Благодарю васъ за службу*».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта Высочайшая награда преисполнитъ Русское дворянство глубокимъ чувствомъ радости и послужитъ ему поощреніемъ къ еще болѣе ревностной службѣ на томъ же, все еще многотрудномъ, поприщѣ руководства крестьянскимъ управленіемъ.

Дѣйствительно, жизненная практика выяснила съ неотразимой убѣдительностію, что однимъ управленіемъ крестьянскаго быта, при существующихъ условіяхъ, ограничиться нельзя.

Земскимъ начальникамъ приходится бороться съ цѣлымъ рядомъ ненормальныхъ явленій, устраненіе которыхъ не входитъ въ ихъ компетенцію; дѣйствія земскихъ начальниковъ, законныя сами по себѣ, часто оказываются несогласованными съ дѣйствіями другихъ мѣстныхъ властей. Такимъ образомъ наша сельская жизнь продолжаетъ еще страдать отъ многовластія, которое часто приводитъ къ безвластію и къ отсутствію у крестьянъ яснаго представленія о точныхъ границахъ ихъ правъ и обязанностей, а это въ свою очередь является желанною почвой для всякой злонамѣренной пропаганды. Вотъ почему со всѣхъ сторонъ раздаются единодушные голоса, указывающіе на то, что наша сельская жизнь нуждается не только въ твердомъ руководствѣ со стороны мѣстныхъ дворянъ, но и въ томъ «Сельскомъ уставѣ», который былъ ей обѣщанъ еще Царемъ-Освободителемъ и который долженъ создать тѣ твердыя законныя условія, при которыхъ только и можетъ дѣйствовать съ полною плодотворностью дворянское руководство крестьянскимъ управленіемъ.

Вотъ тѣ слова, которыя Государь Императоръ изволилъ посвятить этому важному вопросу сельской реформы:

«Я знаю, что сельская жизнь требуетъ особаго попеченія: дворянское землевладѣніе переживаетъ тяжелое время; есть неустройства и въ крестьянскомъ. Для устраненія послѣднихъ, по Моему повелѣнію, соображаются необходимыя мѣры. Къ участію въ этихъ трудахъ будутъ призваны губернскіе комитеты, съ участіемъ дворянства и земства. Что касается помѣстнаго землевладѣнія, которое составляетъ исконный оплотъ порядка и нравственной силы Россіи, то его укрѣпленіе будетъ Мною непрестанною заботой».

А затѣмъ, обращаясь къ представителямъ земства, Государь Императоръ сдѣлалъ еще слѣдующее важное заявленіе:

«Я радъ буду оказать вамъ всякое попеченіе, заботясь въ то же время объ объединеніи дѣятельности всѣхъ властей на мѣстахъ».

Въ этомъ рядѣ высокознаменательныхъ выраженій Высочайшей Воли открывается въ ясныхъ очертаніяхъ картина будущаго упорядоченнаго быта сельской жизни: существующее неустройство въ крестьянскомъ землевладѣніи будетъ устранено, но отнюдь не путемъ *умаленія* помѣстнаго дворянскаго землевладѣнія; напротивъ того, *укрѣпленіе* помѣстнаго землевладѣнія будетъ непрестанною заботою Государя, видящаго въ этомъ именно землевладѣніи «исконный оплотъ порядка и нравственной силы Россіи».

Въ этихъ провозвѣстительныхъ словахъ своего Монарха Русское дворянство видитъ цѣлую программу твердой правительственной политики, которая его предохранитъ отъ всякихъ покушеній на его законную собственность, съ какой бы стороны эти покушенія ни направлялись для подрыва сословнаго строя Русскаго Государства.

Твердое проведеніе этой политики, несомнѣнно, положитъ предѣлъ тому «тяжелому времени», которое, по словамъ Государя, нынѣ приходится переживать дворянскому землевладѣнію.

Упорядоченіе сельской жизни произойдетъ при «объединеніи дѣятельности всѣхъ властей на мѣстахъ». Исчезнетъ, слѣдовательно, та несогласованность дѣйствій многочисленныхъ мѣстныхъ властей, которая до того путала и смущала крестьянъ, что они иной разъ предпочитали никакой власти не признавать и никакого начальства не слушаться.

Государь Императоръ, заявляя о томъ, что по Его повелѣнію нынѣ соображаются необходимыя мѣры для сельской реформы, присовокупляетъ, что «къ участію въ этихъ трудахъ будутъ призваны губернскіе комитеты, съ участіемъ дворянства и земства».

Такимъ образомъ, и дворянство, и земство осчастливлены милостивымъ довѣріемъ Монарха, призывающаго ихъ высказать свои мнѣнія по вопросу объ упорядоченіи той части государственной жизни, съ которою какъ дворянство, такъ и земство приходятъ съ разныхъ сторонъ въ непосредственное соприкосновеніе.

Можно надѣяться, что наше земство окажется достойнымъ этого довѣрія и будетъ держаться въ законныхъ предѣлахъ своей дѣятельности, которые только и могутъ обезпечить ей полезную плодотворность. Вотъ какъ Государь Императоръ опредѣляетъ эту дѣятельность:

«*Помните, что призваніе ваше — мѣстное устройство въ области хозяйственныхъ нуждъ. Успѣшно выполняя это призваніе, вы можете быть увѣрены въ сердечномъ Моемъ благоволеніи*».

Такимъ образомъ въ этихъ словахъ выражена ясная политическая программа Императорскаго Правительства, полагающая предѣлъ всякимъ недоразумѣніямъ и лжетолкованіямъ въ области мѣстной чисто-хозяйственной дѣятельности нашихъ земствъ.

Ясность и твердость политической программы является величайшимъ благомъ для Государства, а потому не только Русское дворянство и земство, но и вся Россія нынѣ преисполнена чувствомъ глубокой вѣрноподданнической благодарности своему Монарху, соблаговолившему открыть ей часть Своихъ Царскихъ заботъ и Свою Державную Волю относительно усовершенствованія одного изъ важнѣйшихъ жизненныхъ органовъ Русскаго Государства.

Университетская реформа.

Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, тайный совѣтникъ Г. Э. Зенгеръ, открывая 30 сентября засѣданіе, учрежденной съ Высочайшаго соизволенія, Коммиссіи по вопросу о преобразованіи высшихъ учеб-

ныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, обратился къ членамъ Коммиссіи, между прочимъ, со слѣдующими словами:

«Уповаю на то, что мы постараемся выполнить Высочайше возложенную на насъ задачу съ постояннымъ сознаніемъ своей отвѣтственности передъ Русскимъ Государемъ, русскою наукой и русскимъ обществомъ, а также съ постояннымъ и горячимъ стремленіемъ принести истинную пользу русской учащейся молодежи».

Эти слова совершенно ясно опредѣляютъ тѣ главныя четыре цѣли, которыхъ Коммиссія должна достигнуть въ предстоящихъ ей работахъ.

Она прежде всего обязана исполнить тѣ требованія, которыя уже неоднократно раздавались съ высоты Престола, и подготовить ту прочную организацію высшихъ учебныхъ заведеній, безъ которой они не только не приносятъ ожидаемой отъ нихъ культурной пользы Русскому государству, но и вносятъ въ него опасную смуту и вредное броженіе, мѣшающее правильному развитію и дѣйствію остальныхъ государственныхъ органовъ. Мы только-что пережили нѣсколько лѣтъ среди такъ-называемыхъ «университетскихъ безпорядковъ», вызывавшихся ненормальными явленіями, причина которыхъ кроется не только въ стѣнахъ самихъ университетовъ, но и въ совершенно чуждыхъ университету внѣшнихъ вліяніяхъ со стороны общества, печати и систематической антиправительственной пропаганды. Всему этому долженъ быть положенъ конецъ.

Вредные элементы броженія, находящіеся въ самихъ университетахъ, должны быть удалены изъ нихъ, а отъ внѣшней деморализаціи учащееся юношество должно быть ограждено соотвѣтствующими мѣрами, могущими укрѣпить его нравственное, научное и національно-патріотическое самосознаніе. Университетъ долженъ быть храмомъ науки и серіознаго труда, доставляющимъ любвеобильному сердцу Русскаго Царя не тяжелыя заботы и тревоги, а свѣтлую радость.

Вторая цѣль, къ которой должна стремиться вновь учрежденная Коммиссіи ясно формулирована въ 10-мъ пунктѣ вопросовъ, предложенныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія на обсужденіе отдѣльнымъ университетамъ. Этотъ пунктъ можетъ быть названъ краеугольнымъ камнемъ всякой университетской реформы, когда бы и гдѣ бы она ни совершалась. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли для университета быть что-либо важнѣе, чѣмъ «*поднятіе уровня университетскаго образованія*»? Наука постоянно идетъ впередъ, а потому и университеты могутъ быть полезны лишь въ той мѣрѣ, въ которой они постоянно *поднимаютъ уровень* научнаго образованія. Если великое государство должно стремиться къ своей политической и экономической самостоятельности, то оно еще болѣе должно заботиться о своей самостоятельности въ области научнаго образованія, давая отборному своему юношеству такую полноту научнаго знанія, которое ни въ какомъ случаѣ не стояло бы ниже уровня научнаго образованія въ другихъ наиболѣе культурныхъ государствахъ. Какъ, напримѣръ, германскій студентъ, выходя изъ своего университета, не нуждается въ какомъ-либо дополнительномъ ученіи въ заграничныхъ университетахъ, такъ и русскій студентъ долженъ получать въ стѣнахъ своего роднаго университета столь же полное научное образованіе и не нуждаться въ «заграничныхъ командировкахъ», безъ которыхъ не можетъ обойтись теперь ни одинъ изъ «оставленныхъ при университетѣ» кандидатовъ на профессорское званіе. Спросите всѣхъ нашихъ дѣй-

ствительно-серіозныхъ ученыхъ: всѣ они скажутъ, что научились дѣйствительно *владѣть* своею наукой только въ заграничныхъ, германскихъ или французскихъ, университетахъ, и что безъ «заграничныхъ командировокъ» наши ученые стояли бы приблизительно на степени гг. Вересаевыхъ и тѣхъ «юридическихъ младенцевъ», о которыхъ еще недавно говорилось въ нашей печати. Всѣ у насъ въ университетахъ знаютъ, что это—сущая правда, но ее стараются замолчать. Такой порядокъ еще можетъ быть допустимъ въ какомъ-нибудь Бѣлградскомъ или Японскомъ университетѣ, но никакъ не въ университетахъ Россійской Имперіи, которымъ не подобаетъ быть лишь «подготовительною школой къ германскимъ университетамъ», какъ о нихъ презрительно отзываются въ Германіи, въ которой теперь хотятъ даже закрыть доступъ русскимъ студентамъ въ германскіе университеты, въ виду рѣзкаго пониженія научнаго уровня въ Россіи.

Итакъ, новая Коммиссія при всѣхъ своихъ занятіяхъ должна постоянно имѣть въ виду 10-й пунктъ программы: «Какія мѣры могли бы привлечь студентовъ къ болѣе усердными, чѣмъ нынѣ, занятіямъ и поднять уровень получаемаго ими университетскаго образованія». Для этого необходимаго уровня у насъ есть готовое мѣрило: уровень германскаго университетскаго образованія. Если Коммиссія найдетъ *безошибочное* средство для поднятія нашего университетскаго образованія до такого именно уровня, то этимъ самымъ весь университетскій вопросъ будетъ рѣшенъ; если она этого средства не найдетъ, то университетская реформа останется безплодною.

Но, можетъ-быть, очень трудно найти такое безошибочное средство? Нисколько. Пусть въ университеты поступаютъ лишь даровитые юноши, влекомые исключительно *научными*, а не *утилитарными* интересами (въ видѣ полученія чиновъ и служебныхъ преимуществъ), и наши университеты сразу освободятся отъ массы молодыхъ людей, у которыхъ нѣтъ ничего общаго съ *серіозною наукой*, и которые препятствуютъ правильному ходу университетскаго преподаванія, понижаютъ его уровень и служатъ постоянными жертвами для антиправительственной пропаганды.

Пусть будутъ учреждены государственные экзамены при различныхъ вѣдомствахъ, сообразно съ ихъ спеціальными требованіями, пусть къ этимъ экзаменамъ допускаются и лица, могущія удовлетворять имъ, безъ университетской подготовки, но университеты будутъ храмами чистой науки, дающими лишь ученыя степени, отъ которыхъ ни въ какомъ случаѣ никакая служебная карьера, кромѣ чисто-ученой, профессорской, зависѣть не будетъ.

Лишь при этихъ условіяхъ можно будетъ дѣйствительно «привлечь студентовъ къ болѣе усердными, чѣмъ нынѣ, занятіямъ и поднять уровень получаемаго ими университетскаго образованія» до уровня первоклассныхъ европейскихъ университетовъ.

Этимъ самымъ будетъ достигнута и та *третья* цѣль, которую тайный совѣтникъ Г. Э. Зенгеръ поставилъ новой Коммиссіи: исполнить свой долгъ предъ русскимъ обществомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если, съ одной стороны, наука требуетъ наибольшаго *повышенія* уровня университетскаго образованія, то общество, въ лицѣ не всегда разумно-чадолюбивыхъ родителей, настойчиво требуетъ наибольшаго его *пониженія*. Для науки безусловно важно, чтобы молодые люди, готовящіе себя къ ученому поприщу, работали какъ можно *больше*, а для такихъ родителей хотѣлось бы, чтобъ ихъ сыновья учились какъ можно *меньше*. На чью сторону должно стать Правительство? Оно не

можетъ игнорировать ни требованій науки, ни требованій родителей. Но если оно даетъ университетамъ вышеупомянутую организацію, то одновременно будутъ удовлетворены и наука, и общество. Въ самомъ дѣлѣ, жалобы общества имѣютъ въ настоящее время нѣкоторое основаніе: безъ университетскаго диплома нельзя поступить на службу, а такъ какъ всѣ родители желали бы— и это вполнѣ понятно—доставить своимъ сыновьямъ возможность вступать на службу, то они и вынуждены непремѣнно готовить ихъ къ университету и посылать ихъ въ университетъ не ради «*науки*», а ради *диплома*, и чѣмъ скорѣе и легче достается этотъ дипломъ, тѣмъ болѣе это соотвѣтствуетъ желаніямъ и интересамъ какъ родителей, такъ и ихъ сыновей.

Но если университетъ никакихъ карьерныхъ дипломовъ выдавать не будетъ, а на службу можно будетъ поступать безъ спеціально-научныхъ университетскихъ занятій, то и университеты, освободившіеся отъ ненужнаго имъ балласта, получатъ возможность повысить свой научный уровень до должной высоты, и родители будутъ удовлетворены. Въ университетъ будутъ поступать лишь особенно-даровитые, преданные наукѣ юноши, которые уже по одной своей этой преданности никогда не будутъ жаловаться на чрезмѣрную серіозность и продолжительность ученія и, конечно, уже не будутъ устраивать «стачекъ противъ науки»; всѣ же остальные молодые люди найдутъ полезное и выгодное примѣненіе своимъ практическимъ способностямъ на всевозможныхъ доступныхъ имъ поприщахъ государственной и общественной службы, для которыхъ вовсе не требуется высшей научной подготовки.

Такимъ образомъ откроется, наконецъ, тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ все время вращается нашъ университетскій вопросъ, и тогда дѣйствительно можетъ быть достигнута *четвертая* цѣль, поставленная новой Коммиссіи—«принесеніе истинной пользы русской учащейся молодежи». Теперь эта молодежь, безо всякой пользы, чуть не насильно привлекается въ университеты. Вѣдь дѣйствительно ни для самой молодежи, ни для университета, ни для науки, ни для государства, ни для общества, нѣтъ никакой пользы въ томъ, что громадная, не поддающаяся никакой дисциплинѣ, масса студентовъ числится четыре, пять, шесть лѣтъ въ университетѣ, проводя свое время на посторонннихъ заработкахъ, наукой почти, а чаще всего совсѣмъ, не занимаясь и устраивая періодическіе скандалы, послѣдствія которыхъ ложатся такимъ тяжелымъ бременемъ какъ на самихъ молодыхъ людей, такъ и на ихъ несчастныхъ родителей.

Освободите всю эту массу юношей, совершенно чуждыхъ наукѣ, отъ обязанности непремѣнно вступать въ ея священные храмы, дайте имъ возможность, какъ можно скорѣе, честно зарабатывать свой хлѣбъ на различныхъ подходящихъ къ ихъ вкусамъ и дарованіямъ поприщахъ, и вы ихъ сразу освободите и отъ теперешней безполезной, праздной траты времени въ университетахъ, и отъ всѣхъ вредныхъ увлеченій, которыя вызываются и поощряются этою праздностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ вы освободите и тѣхъ юношей, которые искренно желаютъ серіозно учиться въ университетѣ, отъ столь вреднаго для нихъ сообщества громадной массы нежелающихъ учиться товарищей.

Всѣ станутъ на свое мѣсто, всѣ пойдутъ своею дорогой, никто никому помѣхой не будетъ, и университетскій вопросъ будетъ разрѣшенъ согласно требованіямъ высшаго Правительства, согласно интересамъ истинной науки, согласно желаніямъ общества, согласно стремленіямъ молодежи, во благо русскаго просвѣщенія и всего Русскаго Государства.

Хлѣбныя залежи.

Хлѣбныя залежи на южныхъ желѣзныхъ дорогахъ, о которыхъ въ послѣднее время такъ много говорится въ нашей печати, вызываются далеко не одною недостаточною провозною и пропускною способностью нашихъ рельсовыхъ путей. Прежде всего слѣдуетъ указать на чисто-случайную и временную пертурбацію, вызванную въ нормальномъ распредѣленіи подвижнаго состава южныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ серединѣ сентября, большими Курскими маневрами. Въ настоящее время эта причина уже устранена, но послѣдствія ея еще дають себя чувствовать. Съ другой стороны, накопленіе хлѣба вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что оба порта, для которыхъ преимущественно предназначаются грузы, Ѳеодосія и Николаевъ, завалены хлѣбомъ вслѣдствіе недостаточнаго числа пароходовъ, занимающихся вывозомъ его.

Портовыя хранилища хлѣбныхъ грузовъ могутъ вмѣстить лишь опредѣленное ихъ количество, а потому оба порта отказываются принимать съ желѣзныхъ дорогъ новые грузы, пока прежніе не вывезены пароходами, а эта вывозка, какъ сказано выше, производится не съ желательною скоростью, вслѣдствіе чего на желѣзнодорожныхъ станціяхъ накопляются грузы, ждущіе очереди и портоваго сообщенія объ очисткѣ мѣста въ хлѣбохранилищахъ на извѣстное количество вагоновъ.

Это обстоятельство не только въ значительной степени удлиняетъ сроки очередныхъ отправокъ, но и нарушаетъ ихъ, такъ какъ часто приходится раньше отправлять болѣе поздній грузъ, назначенный въ одинъ изъ двухъ портовъ, по полученіи оттуда благопріятнаго извѣстія, тогда какъ болѣе ранній грузъ, предназначенный въ другой портъ, отправляется позже, въ виду того, что этотъ портъ еще не освободился отъ загромождавшихъ его грузовъ.

Наконецъ, необходимо принять во вниманіе и то существенное обстоятельство, что наши станціи завалены не только грузами предназначенными къ отправкѣ, но и громаднымъ количествомъ такихъ грузовъ, которые доставляли на станцію для полученія подъ нихъ ссудъ. Этимъ грузамъ, хранящимся въ видѣ обезпеченія выданной ссуды или, вѣрнѣе, въ видѣ сданнаго на комиссію товара, по закону, предоставлены лучшія крытыя помѣщенія, и станціонное начальство несетъ строгую отвѣтственность за ихъ цѣлость. Но, загромождая крытыя станціонныя помѣщенія, размѣръ которыхъ въ точности опредѣленъ закономъ, эти грузы вынуждаютъ станціонное начальство принимать все сдаваемое для дальнѣйшей отправки лишь въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ свободному мѣсту въ прочихъ помѣщеніяхъ; иногда этого свободнаго мѣста можетъ и вовсе не хватать. Всѣ грузы, сложенные внѣ этихъ крытыхъ помѣщеній, станціонное начальство не можетъ принимать съ ручательствомъ за ихъ цѣлость, а предоставляетъ отправителямъ лишь возможность складывать ихъ близъ станцій подъ открытымъ небомъ, заботясь со своей стороны только о томъ, чтобы грузъ находился на сухомъ мѣстѣ и не могъ бы снизу подвергаться подмачиванію. Что касается до предохраненія такихъ грузовъ отъ атмосферическихъ вліяній, а также охраны ихъ отъ расхищенія, то эта забота возлагается на самихъ отправителей.

Такой порядокъ, очевидно, нормальнымъ назвать нельзя; но вызванъ

онъ, главнымъ образомъ, желѣзнодорожною ссудною операціей, побуждающею помѣщиковъ вывозить съ величайшею поспѣшностью свой хлѣбъ прямо изъ-подъ молотилокъ на станціи желѣзныхъ дорогъ, терпя отъ этого двойные убытки, такъ какъ при этихъ условіяхъ они, въ сущности, продаютъ свой хлѣбъ за безцѣнокъ и къ тому же вліяютъ на общее паденіе хлѣбныхъ цѣнъ.

Эта послѣдняя причина хлѣбныхъ залежей находится въ тѣсной связи съ повсемѣстнымъ тяжелымъ кризисомъ, переживаемымъ нашимъ сельскимъ хозяйствомъ. На нее слѣдовало бы обратить серіозное вниманіе, какъ мѣстнымъ Комитетамъ, такъ и Особому Совѣщанію. Въ самомъ дѣлѣ, при нормальномъ положеніи сельскаго хозяйства, наши землевладѣльцы не только не спѣшили бы сбывать свой хлѣбъ осенью, путемъ дешевой продажи или путемъ ссудной операціи, но хранили бы его до весны и перерабатывали бы его въ болѣе цѣнные продукты. Понятно, это во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовало бы какъ ихъ личнымъ интересамъ, такъ и экономическимъ интересамъ государства, не говоря уже о высокомъ культурномъ вліяніи, которое такая раціональная сельскохозяйственная дѣятельность имѣла бы на все сельское населеніе. Но мы еще очень далеки отъ этой нормальной постановки сельскаго хозяйства. Громадное большинство нашихъ помѣщиковъ находится подъ такимъ гнетомъ хроническаго и остраго безденежья, что не имѣетъ физической возможности воспользоваться хорошимъ урожаемъ иначе, какъ немедленно выбрасывая свой хлѣбъ на рынокъ, или на желѣзнодорожныя станціи, которыя своими ссудами являются для такихъ вѣчно-нуждающихся землевладѣльцевъ истиннымъ искушеніемъ. Банковые платежи, плата за воспитаніе дѣтей, погашеніе срочныхъ долговъ не ждутъ «весны», а потому не могутъ ея ждать и помѣщики.

Вотъ, слѣдовательно, одна изъ главныхъ причинъ нашихъ осеннихъ залежей, и эту причину, къ сожалѣнію, еще долго нельзя будетъ устранить, если въ ближайшемъ будущемъ не будутъ приняты мѣры къ радикальному подъему нашего сельскаго хозяйства, столь заброшеннаго въ угоду фабричной и заводской промышленности.

Само собою разумѣется, съ этимъ печальнымъ явленіемъ приходится считаться и желѣзнодорожному вѣдомству. Оно не имѣетъ возможности устранить его, такъ какъ это не входитъ въ его компетенцію, но приспособляться къ создаваемымъ жизнью условіямъ ему безусловно необходимо. Однако, эти приспособленія требуютъ большихъ затратъ, и дѣло Государственнаго Казначейства изыскать необходимыя на то средства.

Но если даже эти деньги будутъ найдены, если и будетъ должнымъ образомъ увеличена провозная и пропускная способность нашихъ желѣзныхъ дорогъ, то и въ этомъ случаѣ хлѣбныя залежи на станціяхъ еще не устранятся, пока наши южные порты не будутъ оборудованы въ такой степени, чтобы могли безъ задержекъ принимать хлѣбъ съ желѣзныхъ дорогъ и отпускать его на пароходахъ.

Царское милосердіе.

Государю Императору благоугодно было ознаменовать день Своего Ангела актомъ милосердія.

Его отеческое, любвеобильное сердце не переставало сокрушаться объ участи тѣхъ несчастныхъ юношей, которые, поддавшись злымъ совѣтамъ враговъ Россіи, навлекли на себя своими проступками заслуженную тяжкую кару, приведшую ихъ нынѣ, можно надѣяться, къ ясному сознанію своей вины. Въ виду этой надежды, Государь нашелъ теперь возможнымъ вернуть этихъ молодыхъ людей въ лоно ихъ семей, дабы облегчить имъ тотъ путь раскаянія, который долженъ привести ихъ къ прежней нормальной, мирной жизни, согласующейся съ установленнымъ государственнымъ и общественнымъ порядкомъ.

Царская сердечная заботливость объ этихъ заблудшихъ юношахъ несомнѣнно отзовется въ ихъ сердцахъ искреннею, горячею благодарностью. Они возвратятся изъ дальней ссылки къ своему домашнему очагу, благословляя имя Того, Кто не только вернулъ имъ свободу, но и далъ имъ возможность очнуться отъ того кошмара, который такъ долго держалъ ихъ въ оковахъ безумія, и который довелъ бы ихъ и до гораздо болѣе тяжкихъ преступленій, еслибъ они не были во время остановлены на томъ скользкомъ пути, который увлекалъ ихъ въ бездонную пропасть.

Нынѣ они возвращаются въ нашу среду иными, чѣмъ они были еще полгода тому назадъ. Имъ пришлось за это короткое время испытать то, что̀ сдѣлало ихъ сразу болѣе опытными, болѣе благоразумными, болѣе серіозно и дѣльно смотрящими на жизнь и менѣе податливыми на тѣ пустыя слова и иллюзіи, которыми ихъ соблазняли мнимые радѣтели о благѣ нашего учащагося юношества.

Они вернутся теперь къ своимъ родителямъ, и, хотя и поздно, но оцѣнятъ справедливость ихъ совѣтовъ, которыми они нѣкогда такъ легкомысленно пренебрегали, пускаясь въ самовольное, безсмысленное политиканство, по наущенію своихъ злѣйшихъ враговъ, скрывавшихся затѣмъ за ихъ спинами. Они снова, послѣ долгой разлуки, увидятъ своихъ матерей, проливщихъ столько горькихъ слезъ за все время ихъ сумасбродства и вызваннаго имъ наказанія. Они начнутъ теперь новую жизнь и вѣчно будутъ благодарны Тому, Кто далъ имъ возможность осушить эти слезы.

Да послужитъ судьба этихъ возвращенныхъ къ счастію несчастныхъ юношей назидательнымъ примѣромъ для ихъ товарищей, которые теперь ясно видятъ тяжкія послѣдствія безумныхъ увлеченій краснобайствомъ политическихъ подстрекателей, старающихся отвратить студентовъ отъ прямого ихъ долга, отъ серіозныхъ научныхъ занятій и толкнуть ихъ на путь преступныхъ демонстрацій. Они столь же ясно видятъ, до какой степени болитъ о нихъ сердцемъ Государь, Которому они своими необдуманными дѣйствіями причиняютъ столько горя, и Который, тѣмъ не менѣе, въ день Своего Ангела перенесся мыслью къ нимъ на дальнюю окраину, пожалѣлъ ихъ въ глубинѣ Своего сердца и снялъ съ нихъ заслуженную ими кару.

Имѣть въ Царѣ такого нѣжно-любящаго Отца, — какое это счастье для нашего учащагося юношества! Какъ же можно не платить ему такою же любовью, какъ же можно не быть Ему беззавѣтно преданнымъ, какъ не охранять Его отъ всякой скорби, отъ всякой лишней заботы, какъ не стараться изо всѣхъ своихъ силъ о томъ, чтобы доставлять Ему однѣ только радости, одно только счастье?

И какъ легко этого достигнуть русскому учащемуся юношеству! Для этого не требуется отъ него никакихъ жертвъ, никакихъ особыхъ подвиговъ: студентамъ стóитъ только заботиться о прямыхъ своихъ научныхъ интересахъ,

которые для нихъ являются поистинѣ жизненными интересами. Имъ стóитъ лишь быть дѣйствительно *учащимся* юношествомъ, — и «университетскій вопросъ» разрѣшится самъ собою, прекратятся всѣ «студенческіе безпорядки и забастовки», исчезнутъ всѣ затрудненія и недоразумѣнія, и въ нашихъ университетахъ водворится полезная, серіозная работа на благо русской наукѣ, къ утѣшенію родителей и къ радости великаго милосердіемъ Царя.

Двухсотлѣтіе русской періодической печати.

16 декабря, 1902 года, минетъ ровно *двѣсти лѣтъ* съ того знаменательнаго дня, въ который Петръ Великій Именнымъ Своимъ Указомъ положилъ начало русской періодической печати.

Великій Преобразователь Россіи явился и въ данномъ дѣлѣ первымъ основателемъ одного изъ тѣхъ могущественныхъ культурныхъ орудій, которыми Онъ наградилъ Свое Государство съ цѣлью возвысить его до одного уровня съ государствами Западной Европы.

Не всѣ начинанія Петра привились къ Россіи, и не всѣ привившіяся принесли ей ту пользу, которую несомнѣнно имѣлъ въ виду Великій Государь во всѣхъ своихъ «повшествахъ», и вина въ этомъ случаѣ, конечно, лежитъ не на Немъ. Многое исказилось послѣ Его кончины, не вслѣдствіе чьего-либо злаго умысла, а единственно вслѣдствіе того, что Петръ Великій ставилъ въ образецъ Россіи Европу *своего* времени, Европу, которая была совершенно иною, нежели та Европа, какою она стала спустя нѣсколько десятилѣтій по Его кончинѣ, когда на развалинахъ всѣхъ ея великихъ преданій воцарился необузданный хаосъ демократическаго произвола, отразившійся затѣмъ и на европейскихъ учрежденіяхъ, введенныхъ Петромъ въ Россію.

Этой катастрофы Петръ Великій, при всей Своей геніальности, предвидѣть не могъ; Онъ скончался въ 1725 году, когда на престолъ Франціи только что вступилъ Людовикъ XV, истинный виновникъ этой катастрофы, сокрушившей на порогѣ XIX вѣка весь государственный строй Франціи, а затѣмъ и всей Западной Европы. Еслибы Петръ Великій жилъ и предпринялъ Свою реформу столѣтіемъ позже, Онъ несомнѣнно провелъ бы ее на столь же широкихъ основаніяхъ, превративъ доставшееся Ему по наслѣдію Царство въ могущественную міровую Имперію, но Онъ, конечно, не поставилъ бы всю Западную Европу, какъ безукоризненный образецъ для Россіи, а выбралъ бы изъ ея культурнаго быта лишь тѣ стороны, которыя дѣйствительно достойны были нашего вниманія и соревнованія; такимъ образомъ, Своею властною рукой Онъ оградилъ бы Россію отъ тѣхъ западныхъ язвъ, которыя могли ей принести лишь величайшій вредъ; и въ то же время Онъ не возстановилъ бы противъ Своихъ реформъ истинно-Русскихъ людей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не подалъ бы повода къ тому слѣпому, рабскому подражанію Европѣ, которымъ такъ неразумно увлеклись отрекшіеся отъ своей родины Русскіе «прогрессисты».

Но, къ сожалѣнію, этой услуги Петръ Великій Россіи оказать не могъ. *Вся* Европа цѣликомъ была поставлена Петромъ въ образецъ Россіи, и этимъ

былъ роковымъ образомъ предопредѣленъ тотъ великій политическій расколъ, который образовался у насъ еще при жизни Петра и который съ теченіемъ времени все увеличивался вплоть до настоящихъ дней.

Образовались у насъ двѣ партіи: *западническая*, считающая своимъ культурнымъ идеаломъ весь европейскій государственный строй, даже теперь, когда онъ обнаружилъ всю свою жалкую несостоятельность, и *русская*, назвавшая себя *славянофильскою*, отрекшаяся не только ото всего Запада, но и отъ самого Петра, не видящая въ Немъ тѣхъ великихъ заслугъ, которыми Онъ обезсмертилъ Свое имя, и ищущая свои идеалы въ нашемъ, симпатичномъ по своей патріархальности, допетровскомъ государственномъ бытѣ, воскресить который, однако, при настоящихъ условіяхъ совершенно невозможно во всей его чистотѣ,—а лишь въ этой *чистотѣ* заключается вся его сила и все его обаяніе.

Лишь немногіе Русскіе люди, и между ними, главнымъ образомъ, незабвенный Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, ясно видѣли ошибки какъ той, такъ и другой нашей партіи. Высоко цѣня великія заслуги Петра, они умѣли отличать и его невольныя погрѣшности, точно такъ же, какъ они умѣли отличать высоко-культурныя стороны европейскаго быта отъ всѣхъ его язвъ и хроническихъ недуговъ.

Тому же М. Н. Каткову было суждено придать и русской періодической печати то великое, благое значеніе, которое она, по существу своему, можетъ имѣть въ томъ единственно нормальномъ государствѣ, какимъ является находящееся подъ истинною Самодержавною Властью государство Россійское. Катковъ взялъ изъ западнаго образца періодической печати лишь тѣ ея стороны, которыя могли служить на пользу Россіи, и придалъ имъ тотъ именно характеръ, который соотвѣтствовалъ своеобразнымъ условіямъ самобытнаго русскаго государственнаго строя.

Печать сама по себѣ не является ни абсолютнымъ благомъ, ни абсолютнымъ зломъ: она становится благомъ или зломъ лишь въ зависимости отъ того, въ чьихъ рукахъ она находится. Точно такъ же и свобода печати можетъ приносить величайшій вредъ и величайшую пользу, смотря по тому, кто ею пользуется. Въ виду этого важно не то, чтобы въ благоустроенномъ государствѣ существовала одинаковая свобода печати, какъ для честнаго человѣка, такъ и для мошенника, а важно то, чтобы честный человѣкъ могъ свободно выражать свои мнѣнія въ печати. Свобода придаетъ печати исполинскую силу, а потому для государства не можетъ быть безразличнымъ, принадлежитъ ли эта сила людямъ, желающимъ сохраненія и укрѣпленія государства, или людямъ, стремящимся къ его разрушенію.

Все это, казалось бы, является неопровержимою истиною, а на самомъ дѣлѣ, въ Западной Европѣ, эта истина почти всѣми давно забыта, и свобода печати предоставляется тамъ всѣмъ безъ различія партіямъ, какихъ бы онѣ государственныхъ идеаловъ ни домогались. Это, впрочемъ, и понятно; тамъ, гдѣ разрушенъ идеалъ Самодержавной формы правленія, поборники всѣхъ остальныхъ формъ правленія имѣютъ совершенно одинаковое право на предъявленіе своихъ притязаній. Тамъ, гдѣ нѣтъ истины, всѣ виды лжи совершенно равноправны и пользуются одинаковою свободой; но тамъ, гдѣ царитъ истина,—ни одна форма лжи допущена быть не можетъ.

Для Россіи такою истиной является ея Самодержавіе. Съ высокой идеей этой истины долженъ быть строго согласованъ весь строй Россійскаго Госу-

дарства, вся его внѣшняя и внутренняя политика, всѣ функціи его государственной и общественной жизни, а, слѣдовательно, и вся организація той великой силы, которая называется періодическою печатью.

Такъ именно смотрѣлъ на русскую печать М. Н. Катковъ. Онъ видѣлъ въ ней совершенно особое значеніе, присущее ей одной, въ отличіе отъ печати всего остальнаго міра.

Редакторъ русскаго органа печати долженъ нести, по его мнѣнію, серіозную, сознательную *государственную* службу, наравнѣ съ вѣрнѣйшими слугами Русскаго Царя.

Онъ долженъ постоянно помнить принесенную имъ вѣрноподданническую присягу и неизмѣнно служить вѣрой и правдой Святой Православной Церкви, Русскому Самодержавному Царю и, создавшему Россію, Русскому народу. Онъ долженъ быть неустрашимымъ ратоборцемъ за славу, единство и цѣлость Россіи, отстаивая ее противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, кто бы они ни были, подкапывающіеся подъ нее анархисты, или явно ведущіе ее къ гибели либеральствующіе сановники.

Само собою разумѣется, что всѣ эти враги Россіи могли относиться только со враждой и ненавистью къ такому высокому идеалу редактора русской газеты, который былъ поставленъ и олицетворенъ М. Н. Катковымъ. Они требовали себѣ такой свободы печати, которая давала бы имъ полную возможность разрушать ту великую истину, на которой зиждется Россія—разрушать ея Православную Церковь и Самодержавную власть ея Царей. Они желали бы внести въ Россію ту же самую безпринципность, которая привела въ смятеніе всѣ умы Западной Европы, давно уже не знающей, гдѣ истина. Они желали бы, чтобы даже Самодержавное Правительство смотрѣло на самодержавную форму правленія лишь какъ на «переходную» форму, которая, можетъ-быть, завтра должна будетъ уступить свое мѣсто другой формѣ, а та—третьей, четвертой и т. д., по примѣру все того же Запада.

При *такомъ* взглядѣ на Самодержавіе, Самодержавное Правительство дѣйствительно должно было бы предоставить полную свободу печати всѣмъ своимъ злѣйшимъ врагамъ. Но этотъ взглядъ абсолютно ложенъ, ибо Самодержавіе есть *жизненное* начало для Россіи, и не только для Россіи, но и для каждаго нормальнаго государства, какъ насъ въ томъ убѣждаетъ въ настоящее время, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, тотъ же примѣръ Западной Европы, съ ея, всюду безполезнымъ, всюду нелѣпымъ, всюду вреднымъ парламентаризмомъ и съ ея, всюду «свободною» и всюду позорно-продажною печатью.

Не для разрушенія государственныхъ и общественныхъ основъ Россіи создалъ Петръ Великій русскую періодическую печать, не предвидя, конечно, той громадной силы, которую суждено было ей пріобрѣсти, какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи. Эту силу посвятилъ исключительно на сохраненіе, укрѣпленіе, нравственно-политическое оздоровленіе Россіи первый великій русскій публицистъ М. Н. Катковъ. Но этою же силой воспользовались и внутренніе враги Россіи, требуя себѣ все большей и большей необузданности для разрушенія и деморализаціи ея государственнаго и общественнаго организма.

Таково положеніе, въ которомъ застаетъ Русскую печать двухсотлѣтній ея юбилей.

Печать, повторяемъ мы, не есть ни абсолютное благо, ни абсолютное зло: она станетъ тѣмъ или другимъ, смотря по тому, въ чьихъ рукахъ ее оставитъ Правительство.

Россія въ 1902 году.

Истекшій 1902 годъ займетъ во внутренней жизни Россіи выдающееся мѣсто: онъ знаменуетъ собой начало новой эры, которая обѣщаетъ благое, плодотворное развитіе всѣхъ внутреннихъ силъ Русскаго Государства.

Наглядньмъ признакомъ этой новой эры является то сознательное, цѣлесообразное усиленіе созидательной Правительственной Власти, которое такъ явно обнаружилось, на великую пользу Россіи, когда Самодержавной Волѣ Государя Императора благоугодно было призвать на постъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ виду воспрянувшей у насъ анархической крамолы, человѣка, одареннаго долговременнымъ и многообразнымъ государственнымъ опытомъ, яснымъ умомъ и желѣзною волей.

Такого, именно, непоколебимаго, вѣрнаго и мудраго исполнителя Верховныхъ предначертаній Россія ждала въ то критическое время, когда, послѣ гнуснаго убійства двухъ, глубоко преданныхъ Престолу, министровъ, — преступная пропаганда перенесла свою дѣятельность въ крестьянскую среду, вызвавъ возмутительныя явленія въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ южныхъ губерній.

Какъ въ свое время, въ 1881 году, такъ и теперь, необходимо было быстрое и сильное подавленіе всей этой противогосударственной агитаціи, дабы сразу лишить ее возможности дальнѣйшаго распространенія своего вреднаго вліянія.

Если въ 1881 году могли еще являться въ неопытныхъ умахъ нѣкоторыя сомнѣнія въ цѣлесообразности быстрыхъ репрессивныхъ мѣръ, то теперь подобныя сомнѣнія были совершенно невозможны. Блестящій успѣхъ этихъ мѣръ, за которыми въ 1881 году непосредственно послѣдовала эра спокойнаго, могущественнаго національнаго возрожденія Россіи, ясно указалъ разъ навсегда, какимъ путемъ Русское Правительство всегда можетъ справляться со всякою крамолой, гдѣ бы и въ какой бы формѣ она ни появлялась.

Появленіе ея въ такомъ громадномъ государствѣ, какъ Россія, всегда возможно, тѣмъ болѣе, что она всегда можетъ разсчитывать на поддержку нашихъ внѣшнихъ враговъ, для которыхъ здоровое развитіе Россійской Державы является вѣчнымъ кошмаромъ: они ничего бы такъ не желали, какъ того, чтобы Россія страдала «внутренними революціонными недугами», ложную вѣсть о которыхъ они громко провозглашаютъ въ своей печати, лишь только въ Россіи заколобродитъ десятокъ—другой сбитой съ толку легкомысленной молодежи.

Эти частичныя броженія возможны у насъ еще и потому, что наша учащаяся молодежь, къ сожалѣнію, находилась до послѣдняго времени въ тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ воспитанія, на которыя въ истекшемъ году сдѣланы были съ высоты Престола такія настойчивыя указанія. Что же тутъ удивительнаго, если эта молодежь, лишенная религіозно-нравственнаго воспитанія и не стѣсненная даже элементарными правилами дисциплины, выдѣляетъ иногда изъ своей среды сумасбродныхъ мечтателей и слѣпыхъ фанатиковъ, становящихся жертвами въ рукахъ шайки опытныхъ пропагандистовъ, вліяющихъ на нее и тайными, и явными путями?

А между тѣмъ, эти безсердечные губители молодежи стараются придать

этимъ, подстроеннымъ имп, искусственнымъ вспышкамъ мятежнаго огня значеніе какого-то «всеобщаго, глубокаго россійскаго недуга», который, будто бы, можетъ быть устраненъ отнюдь не репрессивными мѣрами, а «коренными реформами всего государственнаго строя Россіи».

Такимъ нелѣпымъ иллюзіямъ пустоголовая часть нашего «общества» всегда готова вѣрить. Конечно, такое наивное легковѣріе и позорно, и досадно, но, по правдѣ сказать, большой бѣды въ немъ нѣтъ.

Бѣда—и великая бѣда—явилась бы лишь тогда, еслибъ этой иллюзіи повѣрили лица, облеченныя правительственною властью, еслибъ и они въ преступныхъ крикахъ и дѣйствіяхъ одурманенныхъ мальчишекъ увидѣли «великій недугъ земли Русской», еслибъ они, вмѣсто быстраго прекращенія этихъ искусственныхъ броженій, сочли нужнымъ прислушиваться къ праздной болтовнѣ взбаломученнаго «общества» и искать въ немъ опоры, упуская изъ виду, что они могутъ немедленно найти ее во всеоружіи правительственной власти.

Россія здорова и всегда будетъ здоровою, лишь бы Правительство, какъ нынѣ, такъ и впредь, всегда стояло на своемъ посту, держа въ крѣпкихъ рукахъ кормило государства. Лишь при этомъ условіи въ Россіи могутъ процвѣтать здоровый, бодрый порядокъ и истинная плодотворная свобода, состоящая въ томъ, чтобы каждый вѣрноподданный Русскаго Царя могъ *свободно* и *спокойно* заниматься *своимъ* дѣломъ въ строгихъ границахъ справедливаго закона, твердо огражденный ото всякаго произвола.

Репрессивныя мѣры, ограничивающія эту свободу, являются лишь печальною необходимостью при тѣхъ нарушеніяхъ государственнаго порядка, о которыхъ мы говорили выше. Онѣ являются необходимыми именно для того, чтобы Правительство, по быстромъ и прочномъ возстановленіи порядка, получило возможность спокойно продолжать свою *созидательную*, *творческую* дѣятельность, которая составляетъ главную его обязанность, обусловливая плодотворное развитіе государства.

Творческая дѣятельность Правительства всегда вызываетъ собой и живое, полезное содѣйствіе со стороны лучшей части общества.

У насъ много говорятъ о необходимости «общественной инициативы». Да, тамъ, гдѣ Правительство выпускаетъ живую инициативу изъ своихъ рукъ, она по необходимости переходитъ въ руки того разнороднаго, исполненнаго противорѣчій и противоборствующихъ притязаній, громаднаго конгломерата людей, называемаго «обществомъ», которое и проявляетъ тогда не одну, а тысячи, парализующихъ другъ друга, инициативъ.

Но тамъ, гдѣ Правительство, помня свой долгъ предъ Богомъ и свои обязанности предъ государствомъ, неустанно работаетъ надъ его развитіемъ, просвѣщеніемъ и могуществомъ, являясь первымъ инициаторомъ во всѣхъ благихъ дѣлахъ, направленныхъ къ одной и той же, ясно намѣченной, великой государственной цѣли, — тамъ и общество проявляетъ живую, кипучую дѣятельность, спѣша на помощь Правительству въ разрѣшеніи насущныхъ національныхъ и культурныхъ задачъ, способствующихъ достиженію все той же единой великой цѣли. Стóитъ только Правительству ясно и твердо сказать, *куда* оно идетъ, и общество тотчасъ же пойдетъ за нимъ съ радостнымъ восторгомъ, съ облегченнымъ сердцемъ, съ просвѣтленнымъ умомъ и со спокойною увѣренностью за свое будущее.

Къ сожалѣнію, на «общественную дѣятельность» у насъ установился

совершенно ложный взглядъ. Наше общество, по мнѣнію нашихъ либераловъ, только можетъ либо *бездѣйствовать*, либо *противодѣйствовать* Правительству. О томъ же, чтобъ оно *содѣйствовало* Правительству, повидимому, и рѣчи быть не можетъ!

Истекшій годъ представилъ намъ, къ сожалѣнію, не мало прискорбныхъ примѣровъ такого совершенно-ложнаго принципіальнаго взгляда. Мѣстные комитеты, призванные къ содѣйствію Правительству въ его заботахъ о поднятіи нашего сельскаго хозяйства, во многихъ случаяхъ поняли этотъ призывъ въ смыслѣ какого то безсилія и растерянности Правительства и присвоили себѣ право предлагать ему мѣры не сельско-хозяйственнаго, а общегосударственнаго характера, могущія не содѣйствовать, а лишь препятствовать Правительству въ его благихъ начинаніяхъ. «Общество» и Правительство почему-то являются у насъ, какъ будто, двумя, противоположными, воюющими сторонами, имѣющими каждое свои спеціальные органы власти, которые, будто бы, только и призваны къ тому, чтобы всюду вносить духъ междуусобной вражды, начиная со столицъ и кончая глухими захолустьями Россіи. Вся наша молодежь воспитывается въ томъ превратномъ убѣжденіи, будто это ненормальное положеніе дѣлъ вполнѣ законно, будто общество по существу своему всегда обязано бороться противъ Правительства.

Этому, совершенно ложному, воззрѣнію, принесшему уже столько горя Россіи, долженъ быть положенъ конецъ. Правительство послѣднее время полагалось, повидимому, на здравый смыслъ общества, который долженъ былъ ему подсказать и разъяснить всю пелѣпость и весь вредъ его антиправительственной фронды. Но общество само никогда не отрезвится безъ бодрой и сильной инпціативы самого Правительства. Оно броситъ свою фронду лишь тогда, если Правительство ему ясно и твердо укажетъ, *въ чемъ* и *какъ* общество можетъ содѣйствовать правительственнымъ мѣропріятіямъ.

Вотъ именно такое ясное и твердое указаніе Россія услышала въ истекшемъ году съ высоты Престола въ тѣхъ двухъ актахъ Самодержавной воли, которые выразились въ Царскихъ словахъ о воспитаніи юношества и въ назначеніи министромъ Внутреннихъ Дѣлъ государственнаго мужа, въ твердомъ направленіи котораго не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

И, дѣйствительно, съ первыхъ же шаговъ новаго министра можно было видѣть, что его призывъ къ серіозной государственной работѣ не останется пустымъ звукомъ.

Быстрыми и твердыми мѣрами, основанными на личномъ изученіи дѣла, министръ прекратилъ всѣ броженія, мѣшавшія правильному ходу государственной и общественной жизни, такъ что на порогѣ Новаго Года онъ уже могъ, въ знаменательной рѣчи, произнесенной имъ 29 декабря, намѣтить программу дальнѣйшей творческой дѣятельности Правительства, къ содѣйствію которой призываются и общественныя силы, какъ въ трудахъ мѣстнаго управленія, такъ и въ трудахъ по крестьянскому преобразованію, къ которымъ, по волѣ Монарха, будутъ «привлечены дѣятели, опытомъ жизни ознакомленные съ сельскимъ бытомъ».

Да осѣнитъ милость Божія въ наступающей нашей новой исторической эрѣ всѣ эти благія начинанія, возникшія по Самодержавной Волѣ возлюбленнаго Государя нашего, и да даруетъ Господь Царю и Россіи великое счастіе видѣть отрадные плоды этихъ начинаній, направленныхъ къ укрѣпленію и развитію благоденствія и могущества нашей дорогой родины!

Вопросы русской жизни.

I.

Противоцерковность и безцерковность.

Dum tacent, clamant.
Cicero.

Графъ Толстой, какъ извѣстно, въ послѣднее время всегда открыто выступалъ противъ Церкви Христовой. Вся его проповѣдь направлена противъ всего, что̀ установлено Православною Церковью, Вселенскими Соборами и Святыми Отцами. Онъ издѣвается надъ чудотворными иконами, надъ богослужебными обрядами, а изъ Священнаго Писанія, не стѣсняясь, выбрасываетъ все то, что̀ не подходитъ подъ его личный вкусъ.

Въ виду этого, проповѣдь графа Толстого своимъ цинизмомъ можетъ вызвать лишь негодованіе въ православномъ человѣкѣ.

Но, тѣмъ не менѣе, она имѣетъ одно несомнѣнное достоинство: полную откровенность. Графъ Толстой признаетъ великую силу Церкви Христовой и идетъ на нее съ поднятымъ забраломъ; онъ не падѣваетъ личины ни сына, ни пастыря Православной Церкви; онъ не рядится въ овечью шкуру, а набрасывается на Церковь хищнымъ волкомъ съ гордою самоувѣренностью, что онъ личною своею силой одолѣетъ ее, если ужъ врата Адовы ея не могутъ одолѣть.

Но, во всякомъ случаѣ, никто не скажетъ, что графъ Толстой лицемѣритъ, или что онъ игнорируетъ Православную Церковь.

Есть, однако, другого рода проповѣдь, идущая къ той же цѣли, какъ графъ Толстой, но иными, прикровенными путями, подъ личиной Православія. Раздается она изъ устъ такихъ лицъ, отъ которыхъ можно было бы ожидать, по занимаемому ими мѣсту, полной и искренней преданности Православной Церкви. Но проповѣдь эта говоритъ о чемъ угодно, только не о Церкви: она игнорируетъ ее; она дѣлаетъ видъ, будто Церкви Христовой со всѣмъ ея вѣковымъ устройствомъ, со всѣми прославившими ее Мучениками и Святыми, со всѣми ея таинствами и священными обрядами,—совершенно не существовало и не существуетъ!

*Анти*церковная проповѣдь графа Толстого признаетъ Церковь великою міровою силой, съ которою нужно де бороться.

*Без*церковная проповѣдь считаетъ Церковь какою-то quantité négligeable, о которой и говорить не стоитъ, или которую можно превратить въ ничтожную величину систематическимъ замалчиваніемъ.

Если насъ поражаетъ гордая самоувѣренность Толстого, считающаго себя въ силахъ побороть Церковь, то что̀ же сказать о гордой, самоувѣренной проповѣди, считающей Церковь столь слабою, столь дряхлою, что съ нею и бороться-то не стоитъ, такъ какъ-де ее можно одолѣть даже не словомъ, а простымъ презрительнымъ молчаніемъ?

Какъ *противо*церковная, такъ и *без*церковная проповѣдь стоятъ на чистораціоналистической почвѣ. Для нихъ не существуетъ ни благодати, ни чудесъ

Божіихъ. Вѣра въ личнаго Бога замѣнена ими какимъ-то туманнымъ пантеизмомъ; Сынъ Божій выставляется простымъ философомъ-моралистомъ, который, будто бы, никакихъ другихъ небесныхъ истинъ, кромѣ взаимной человѣческой любви, намъ не открылъ. Всѣ же таинства и обряды считаются излишнимъ и даже вреднымъ формализмомъ.

Объ проповѣди до такой степени тождественны по своей цѣли, что вы не найдете ни одной модной *безцерковной* проповѣди, подъ каждымъ словомъ которой не подписался бы обѣими руками графъ Толстой. А, между тѣмъ, если *противо*церковная проповѣдь графа Толстого вызываетъ въ насъ негодованіе, то, совершенно тождественная съ нею по цѣлямъ, *безцерковная* проповѣдь пользуется у насъ большою популярностью, и увлекающіеся ею слушатели постепенно охладѣваютъ къ Церкви, удаляются отъ нея и становятся такими же ея врагами, какъ и ученики графа Толстого.

Безцерковная проповѣдь старается внушить своимъ слушателямъ, что они могутъ быть хорошими христіанами, идя наперекоръ Христовой Церкви, не соблюдая ни ея правилъ, ни ея обрядовъ. И такое ученіе является, конечно, желанною приманкой и удобною отговоркой для всѣхъ, которымъ хочется какъ-нибудь легализировать свое нерадивое и небрежное отношеніе къ Церкви Христовой.

Такимъ образомъ, у насъ постепенно образуется цѣлая секта *безцерковниковъ*, которые офиціально, по бумагамъ своимъ, числятся православными, а на самомъ дѣлѣ являются самыми настоящими Толстовцами.

Это весьма важное обстоятельство, на которое нельзя не обратить серіознаго вниманія: *безцерковная проповѣдь плодитъ не только безцерковниковъ, но и противоцерковниковъ.*

Внушая своимъ слушателямъ *равнодушіе* къ Церкви, *безцерковная* проповѣдь учитъ ихъ пренебрегать Церковью, *не подчиняться* ей, а отсюда лишь одинъ шагъ *къ неповиновенію* ей, къ полному *враждебному отъ нея отдѣленію* и къ сознательному *возстанію* на нее. Такого широкаго успѣха даже графъ Толстой своею рѣзкою, прямою *анти*церковною проповѣдью достигнуть не можетъ.

Все іезуитское коварство *безцерковной* проповѣди обнаруживается и въ тѣхъ софизмахъ, которыми она себя оправдываетъ. Она для того, видите ли, замалчиваетъ Церковь, чтобы не отпугнуть отъ себя слушателей. Православная Церковь оказывается, такимъ образомъ, какимъ-то пугаломъ для Русскихъ людей, которое нужно тщательно замаскировать или убрать въ сторону, такъ какъ де иначе Русскіе люди въ Православную Церковь не войдутъ.

Какая лицемѣрная ложь! Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій въ своихъ боговдохновенныхъ проповѣдяхъ не только не скрываетъ Православной Церкви, но всюду выдвигаетъ ее на первый планъ. И что же? Отпугиваетъ ли отецъ Іоаннъ Русскихъ людей отъ Православной Церкви, или привлекаетъ къ ней? Поставить этотъ вопросъ значитъ и рѣшить его: ибо кто же не знаетъ, какъ весь Русскій народъ, безъ различія возраста, сословій и званій, высоко чтитъ каждое слово *строго церковной* проповѣди отца Іоанна? И если отецъ Іоаннъ говоритъ съ совершенно-невѣрующими людьми, то и тутъ онъ никогда не позволитъ себѣ, въ чемъ бы то ни было, замалчивать Православную Церковь, а напротивъ, онъ ее ставитъ на такую высоту, что и невѣрующіе колеблются въ своемъ невѣріи и стремятся къ ней, какъ къ высшему идеалу.

Существуетъ еще и другая, давно избитая, софистическая увертка: нельзя-де осуждать проповѣдника за то, чего онъ *не* говоритъ.

Да, конечно, одно какое-нибудь случайное замалчиваніе Церкви не даетъ еще права осуждать проповѣдника; но если онъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ *всегда* и *всюду* держится этой іезуитской тактики замалчиванія, если онъ *никогда, ни единымъ* словомъ, не обмолвился въ пользу Церкви или противъ ея враговъ, если *всѣ* его слова *всегда* и *всюду* вполнѣ соотвѣтствуютъ толстовскому лжехристіанству,—то неужели нельзя произнести справедливаго сужденія о такой проповѣди и такомъ проповѣдникѣ?

Къ чему скрывать отъ себя истину? *У насъ началась, подъ православною личиной, открытая толстовская пропаганда.*

На первый разъ намъ достаточно констатировать лишь этотъ фактъ, всю зловѣщую опасность котораго игнорировать нельзя.

II.

Университетскій идеалъ.

Для старѣйшаго русскаго Университета снова наступилъ годичный его праздникъ—день рожденія русской университетской науки, а, слѣдовательно, и день рожденія всѣхъ русскихъ Университетовъ.

Новорожденныхъ привѣтствуютъ благопожеланіями; чего же пожелать русскимъ Университетамъ, какъ не того, чтобъ они достигли своего идеала?

Когда и какъ они его достигнутъ, это предсказать, конечно, невозможно, но не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ истинные друзья русскаго просвѣщенія всею душой желаютъ нашимъ Университетамъ возможно быстраго и возможно полнаго достиженія того идеальнаго состоянія, при которомъ русская университетская наука только и можетъ достигнуть полнаго разцвѣта и приносить Россіи всю ожидаемую отъ нея пользу.

Попробуемъ же начертать картину идеальнаго русскаго Университета.

Поступаютъ въ него молодые люди, прекрасно подготовленные къ серіознымъ научнымъ занятіямъ, изъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ ихъ пріучили любить и уважать науку, настойчиво и плодотворно заниматься серіознымъ умственнымъ трудомъ и отдаваться ему съ благороднымъ, безкорыстнымъ самоотверженіемъ.

Поступаютъ въ Университетъ только тѣ молодые люди, которые чувствуютъ истинное призваніе къ серіозному, чисто научному труду, вслѣдствіе природной особой даровитости своей, дающей имъ возможность заниматься этимъ трудомъ съ должною плодотворностью.

Вся остальная школьная молодежь, одаренная другими, чисто-практическими способностями, находитъ полное и разнообразное примѣненіе имъ въ обширной сѣти среднихъ и высшихъ профессіональныхъ и техническихъ училищъ, въ которыхъ изъ нихъ вырабатываются полезные дѣятели на безчисленныхъ въ Россіи поприщахъ чисто-практической дѣятельности.

Въ Университетахъ же сосредоточивается высшій умственный цвѣтъ націи, ея будущіе ученые дѣятели на высокихъ поприщахъ чистой науки, которые призваны ее развивать, укрѣплять ея основы, раздвигать ея горизонты и создавать ей—русской наукѣ—такое высокое почетное положеніе, чтобы не мы искали свѣта науки въ Западной Европѣ, а Западная Европа искала его у насъ.

Вступивъ въ Университеты, молодые люди становятся, дѣйствительно *студентами, учащимися, работающими* надъ наукой, *изслѣдователями* ея при ревностномъ участіи опытныхъ ученыхъ руководителей,—а не простыми *слушателями* однѣхъ только читаемыхъ имъ лекцій.

Та же приблизительно система научной работы, которая существуетъ на нашихъ медицинскихъ факультетахъ,—гдѣ она, къ сожалѣнію, парализуется чрезмѣрною многочисленностью студентовъ,—господствуетъ и во всѣхъ остальныхъ университетскихъ отдѣленіяхъ. Всюду студенты съ первыхъ же шаговъ подводятся къ *первоисточникамъ* науки и пріучаются къ непосредственной систематической надъ ними работѣ, дополняя ее основательнымъ изученіемъ соотвѣтствующей научной литературы.

Къ этому идеалу уже теперь близки наши не только медицинскіе, но и естественно-историческіе и физико-математическіе факультеты, изъ которыхъ, поэтому, уже теперь выходятъ настоящіе европейскіе ученые. Но, увы, какъ далеки отъ этого идеала наши историко-филологическіе и въ особенности юридическіе факультеты! Дай Богъ, чтобъ они скорѣе достигли этого идеала: тогда мы въ нихъ увидимъ не только *аудиторіи*, но и *лабораторіи* въ обширномъ смыслѣ этого слова, въ которыхъ молодые люди будутъ дѣйствительно *работать* надъ изученіемъ всѣхъ научныхъ пріемовъ, примѣнимыхъ къ данной научной спеціальности, систематически взслѣдуя первоисточники права, исторіи и литературы, пріучаясь къ строго-логичному научному мышленію, такъ чтобы выйти изъ Университета во всеоружіи избранной имъ науки, не нуждаясь, какъ теперь, въ «дополнительномъ» или, вѣрнѣе, элементарномъ изученіи ея на студенческихъ скамьяхъ западныхъ университетовъ.

Въ идеальномъ Университетѣ и профессора идеальны: это люди исключительно преданные, прежде всего, своей наукѣ, а затѣмъ своимъ студентамъ. Они ихъ близко знаютъ, такъ какъ вокругъ каждаго профессора группируется лишь такое число студентовъ, которое совмѣстимо съ требованіями плодотворной научной работы.

Профессоръ, искренно воодушевляемый любовью къ наукѣ и любовью къ студентамъ, не можетъ не вызвать и въ ихъ юныхъ сердцахъ такой же искренней отвѣтной любви къ себѣ и къ наукѣ. На почвѣ научныхъ интересовъ между ними устанавливается прочная этическая связь, которая и самого профессора воодушевляетъ и ободряетъ къ научному труду и къ успѣшному руководительству своими студентами. Такая дѣятельность высоко поднимаетъ профессора въ сферу чистыхъ благородныхъ идеаловъ, въ которой онъ находитъ возможнымъ дружно работать со своими товарищами на поприщѣ безкорыстнаго соревнованія научными трудами, вдали отъ всякихъ личныхъ интересовъ, интригъ и мелкаго соперничества, столь не достойныхъ людей истинной науки.

Такимъ образомъ, идеальный русскій Университетъ является истиннымъ храмомъ науки, храмомъ неустаннаго серіознаго труда, храмомъ образцовымъ для всѣхъ прочихъ учрежденій царящими въ немъ миромъ и согласіемъ.

Достижимъ ли этотъ идеалъ?

Вполнѣ достижимъ, и достигнуть его вовсе не такъ трудно,—какъ это, можетъ быть, инымъ кажется. Нужно только неуклонно идти къ его достиженію путемъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій.

Пожелаемъ же русскимъ Университетамъ, чтобы скорѣе были примѣнены эти мѣропріятія, которыя только и могутъ разрѣшить нашъ университетскій вопросъ созданіемъ идеальнаго русскаго Университета.

III.

Наша „прямолинейность".

— Все это такъ, но это ужъ очень прямолинейно.

Такое возраженіе вы услышите у насъ на каждомъ шагу, когда кѣмъ-нибудь предлагается прямая, рѣшительная мѣра.

Это очень удобное, безхарактерное, ни къ чему не обязывающее возраженіе имѣетъ полное право гражданства и въ нашей политической жизни. «Все это такъ, но это ужъ очень прямолинейно», скажетъ какой-нибудь глубокомысленный «политикъ», и воображаетъ себѣ, что онъ сказалъ что-то дѣльное, умное, а между тѣмъ онъ ровно ничего не сказалъ, такъ какъ не сказалъ ни да, ни нѣтъ.

Въ комнатѣ тяжко больнаго собрался консиліумъ врачей. Нога больнаго заражена гангреной, которая грозитъ распространеніемъ на все тѣло. Одинъ изъ врачей доказываетъ неопровержимыми аргументами необходимость немедленно отрѣзать ногу.

— Все это такъ, возражаетъ ему другой врачъ, но это ужъ очень прямолинейно.

Возможно ли такое возраженіе при такихъ обстоятельствахъ? Еслибъ оно было произнесено, то развѣ произнесшій его врачъ не возбудилъ бы противъ себя негодованіе всѣхъ своихъ коллегъ?

А вотъ, когда у насъ идетъ вопросъ о какой-нибудь политической гангренѣ, и мы доказываемъ необходимость рѣшительной, коренной операціи для спасенія всего государственнаго организма, то намъ отвѣчаютъ, равнодушно пожимая плечами: «все это такъ, но это ужъ очень прямолинейно». И никто не замѣчаетъ всей нелѣпости такого возраженія!

Мы понимали бы *настоящее* возраженіе, которое намъ доказывало бы, что дескать «это вовсе не такъ, никакой тутъ гангрены нѣтъ, а, слѣдовательно, никакой тутъ операціи и не нужно»; мы, дѣйствительно, и слышимъ такія возраженія со стороны нашихъ принципіальныхъ *противниковъ*. По ихъ мнѣнію, народовластіе—благо, а Правительство—зло, а потому они и стараются открыть доступъ народовластію во всѣ артеріи и мышцы государственнаго организма Россіи. Мы же видимъ въ народовластіи величайшую отраву для Россіи и считаемъ единственнымъ для нея благомъ полновластное Самодержавіе, а потому находимъ крайне необходимымъ, разъ навсегда, положить рѣшительною мѣрой конецъ возникшей у насъ въ шестидесятыхъ годахъ и быстро распространяющейся демократической гангренѣ.

— Все это такъ, возражаютъ намъ наши *единомышленники*, но это ужъ очень прямолинейно.

Они, видите ли, вполнѣ съ нами согласны, что народовластіе въ Россіи есть величайшее зло, что оно ведетъ непрестанную борьбу съ Правительствомъ какъ въ нашихъ выборныхъ земствахъ, такъ и въ нашихъ выборныхъ думахъ; они согласны съ нами, что эта борьба не должна существовать, что она деморализуетъ и наше общество, и даже значительную часть самого Правительства, что она дискредитуетъ правительственную власть въ глазахъ народа; со всѣмъ этимъ они безусловно согласны,—но когда мы предлагаемъ

уничтожить это зло въ самомъ корнѣ, они съ нѣкоторымъ ужасомъ машутъ руками, лепеча обычную фразу: «это ужъ очень прямолинейно».

Вотъ еслибы мы предложили имъ «криволинейную» мѣру, они бы выразили ей полное сочувствіе; но коль скоро мы имъ предлагаемъ *прямой*, а не *кривой* путь, они на такой путь идти не рѣшаются!

Имъ бы хотѣлось найти «золотую середину», «чтобы овцы были цѣлы и волки были сыты», то-есть, чтобы признаваемая ими смертоносною гангрена распространилась по всему организму Россіи, но чтобъ организмъ этотъ, несмотря на это, остался совершенно здоровымъ.

Но вѣдь это абсурдъ! Неужели серіозные люди могутъ предлагать такой «компромиссъ»? Могутъ; ибо такая нелѣпая мѣра имѣетъ въ ихъ глазахъ большое преимущество—она «не прямолинейна».

Предлагается ими и другая мѣра: никакой коренной операціи не производить, а посредствомъ разныхъ мелкихъ палліативныхъ мѣръ наложить на разные наши народовластные элементы различныя уздечки, окружить ихъ всевозможными рамками и сѣтками, лишить ихъ нѣкоторыхъ острыхъ орудій борьбы, а Правительству дать болѣе сильныя орудія для болѣе успѣшной борьбы противъ этихъ элементовъ.

Что же этимъ достигнется? А то, видите ли, что этими мѣрами общество будетъ очень довольно (?), такъ какъ вѣдь общественные органы все-таки будутъ кое-какъ существовать: полное же ихъ устраненіе очень бы раздражитъ общество.

Если уже обращать вниманіе на «общество» или вѣрнѣе на искусственно волнующихъ его демагоговъ, то они будутъ волновать общество трагическими воплями о «стѣсненіи общественной свободы», какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, съ тою только разницей, что, при полномъ отсутствіи выборныхъ общественныхъ организацій, всѣ ихъ театральныя декламаціи останутся пустыми фразами; при существованіи же, хотя и стѣсненномъ, этихъ организацій, слова демагоговъ всегда будутъ находить себѣ реальную почву для созданія упорнаго антиправительственнаго общественнаго теченія.

Существующая теперь, къ великому вреду для Россіи, борьба между Правительствомъ и обществомъ будетъ и дальше тянуться, отравляя и парализуя всякую здоровую правительственную и общественную дѣятельность. А между тѣмъ рѣшительная, *коренная* мѣра сразу бы прекратила эту борьбу, создавъ благотворныя условія для созданія дружнаго содѣйствія всего общества правительственнымъ плодотворнымъ начинаніямъ.

— Да, все это такъ, говорятъ намъ, но это ужъ очень прямолинейно....

IV.

Четвертый элементъ.

Самарскій вице-губернаторъ В. Г. Кондоиди въ одной изъ рѣчей своихъ впервые весьма вѣрно охарактеризовалъ ту многочисленную группу мелкихъ агитаторовъ, которые образуются при каждомъ общественномъ самоуправленіи и, служа по найму на разныхъ учрежденныхъ Управами должностяхъ, присвоиваютъ себѣ незаконное вліяніе на дѣятельность земскихъ и городскихъ учрежденій, направляя ее чаще всего на антиправительственную фронду.

Эту группу людей, являющихся вѣчнымъ ферментомъ для всевозможныхъ радикально-демократическихъ протестовъ, демонстрацій, манифестацій, вплоть до открытыхъ безпорядковъ, составляетъ преимущественно то «вольное казачество», какъ его вѣрно назвалъ въ одной изъ своихъ статей князь Д. И. Цертелевъ, которое, нигдѣ не имѣя ни кола, ни двора, не связанное никакими серіозными имущественными или традиціонными условіями съ мѣстнымъ населеніемъ, съ легкимъ сердцемъ и еще болѣе легкою совѣстью вноситъ въ это населеніе смуту и волненіе, сбивая съ толку и устрашая ограниченныхъ и безхарактерныхъ людей и подбивая къ задорнымъ антиправительственнымъ выходкамъ провинціальныхъ краснобаевъ.

В. Г. Кондоиди назвалъ всѣхъ этихъ заразныхъ общественныхъ микробовъ «третьимъ элементомъ», отъ котораго онъ совѣтовалъ тщательно ограждать здоровые элементы земства.

Но за послѣднее время у насъ на Руси народился еще *четвертый* тлетворный элементъ антиправительственной агитаціи.

Это уже не безызвѣстные какіе-нибудь наемные управскіе писцы и служаки, которые, подобно Полтавскимъ статистикамъ, производили свою подпольную работу въ глухихъ медвѣжьихъ углахъ Малороссіи, приведшую къ возмутительнѣйшимъ крестьянскимъ буйствамъ и преступленіямъ, какъ насъ о томъ впослѣдствіи оповѣстило Правительственное Сообщеніе.

Вполнѣ сочувствуя дѣятельности «третьяго» элемента, представители *четвертаго* элемента, однако, какъ по своему происхожденію и общественному положенію, такъ и по формѣ своей агитаціонной дѣятельности, рѣзко отличаются ото всей этой единомышленной имъ, кишащей среди мѣстнаго населенія, мелкоты. Они представляютъ собой крупныя единицы; они носятъ громкія имена; они занимаютъ видныя общественныя должности и мечтаютъ о высокомъ руководительствѣ въ нашемъ государствѣ, когда они его превратятъ въ ту форму, которая наболѣе соотвѣтствуетъ ихъ корыстному, эгоистическому честолюбію.

Не въ захолустныхъ деревняхъ, не на мужицкихъ сходкахъ ведутъ они свою агитацію, а въ столичныхъ и губернскихъ городахъ, на блестящихъ общественныхъ собраніяхъ; не подпольныя «золотыя грамоты» подсовываютъ они невѣжественнымъ, довѣрчивымъ мужикамъ и бабамъ: они открыто говорятъ сверкающія либеральнымъ фейерверкомъ рѣчи предъ избраннымъ элегантнымъ обществомъ и пожинаютъ громкія рукоплесканія со стороны мѣстныхъ джентльменовъ и великосвѣтскихъ львицъ.

У «третьяго» элемента, говорили мы, нѣтъ ни кола, ни двора; этого уже никакъ нельзя сказать про *четвертый* элементъ. Эти господа вполнѣ обезпечены и движимымъ, и недвижимымъ имуществомъ, и ведутъ свою агитацію не потому, чтобъ имъ, какъ третьему элементу, нечего было терять; напротивъ того, они надѣются своею «популярною» дѣятельностью выдвинуться на такія мѣста, которыя еще болѣе упрочатъ ихъ матеріальное благосостояніе, а кстати и расширятъ ихъ общественное, а, можетъ-быть, и государственное вліяніе.

Но у нихъ съ «третьимъ» элементомъ есть одна общая черта: они свою пропаганду не ограничиваютъ какимъ-нибудь однимъ опредѣленнымъ мѣстомъ и не связываютъ ее съ какимъ-нибудь однимъ общественнымъ учрежденіемъ; напротивъ того, обладая бо́льшею свободой передвиженія, чѣмъ третій элементъ, они быстро переносятся то въ столицы, то въ губернскіе города,

чтобы всюду сѣять смуту, всюду вызывать тенденціозныя демонстраціи и антиправительственные протесты.

Гдѣ бы ни открылся съѣздъ съ очень скромною, повидимому, цѣлью, гдѣ бы ни собралось общество съ очень мирнымъ, повидимому, совершенно спеціальнымъ назначеніемъ, мы всегда можемъ ожидать, что на этомъ съѣздѣ или въ этомъ обществѣ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, появится тотъ или другой представитель четвертаго элемента, чтобы немедленно извратить дѣятельность этого съѣзда или общества, расширить, издѣваясь надъ закономъ, границы его занятій до предѣловъ общегосударственнаго парламента, возбудить въ немъ преніи по общегосударственнымъ вопросамъ и создать на этой почвѣ цѣлый рядъ протестовъ противъ тѣхъ или другихъ дѣйствій Правительственной Власти.

Эти гастроли именитыхъ либеральныхъ фрондеровъ превратились у насъ въ какой то спортъ, состоящій въ томъ, чтобы выпросить у Правительства разрѣшеніе на открытіе какого-нибудь съѣзда или общества съ самымъ невиннымъ названіемъ, которое устраняло бы всякую мысль о какой бы то ни было противоправительственной агитаціи, съ тѣмъ, чтобы, получивъ это разрѣшеніе, превратить засѣданія этого учрежденія во всероссійскій скандалъ

Все это дѣлается въ разсчетѣ на какую то наивную и непсдѣлимую будто бы близорукость Правительства, «qui n'existe que pour qu'on lui fasse des niches», какъ говорятъ Французы.

Но разсчеты эти, конечно, болѣе чѣмъ сомнительны.

Четвертый элементъ слишкомъ скоро открылъ всѣ свои карты, такъ что дѣятельности его еще легче поставить предѣлъ, чѣмъ дѣятельности третьяго элемента.

V.

„Правительственный соціализмъ“.

Необходимо разсѣять невообразимую путаницу мыслей, соединяющуюся у насъ въ Россіи съ этими двумя словами: «правительственный соціализмъ».

Путаница эта происходитъ отъ того, что у насъ однимъ и тѣмъ же имепемъ «соціализма» обозначаются два совершенно различныя понятія.

Что такое «соціализмъ» въ настоящемъ смыслѣ этого слова? Стремленіе разрушить настоящій общественный и государственный строй, путемъ насильственной революціи или постепенной эволюціи, съ тѣмъ чтобы создать новый искусственный строй коммунистическаго эгалитаризма.

Различныя партіи и фракціи «соціалистовъ» вполнѣ согласны между собой въ этомъ общемъ стремленіи и расходятся лишь въ выборѣ способовъ разрушенія существующаго строя и созданія будущаго.

Согласны всѣ соціалисты и въ томъ, что главнымъ поприщемъ своей агитаціи они избрали *рабочую* среду, какъ наиболѣе благопріятную для проповѣди всякихъ соціальныхъ утопій.

Въ самомъ дѣлѣ, на Западѣ, гдѣ впервые возникъ соціализмъ, рабочее населеніе представляетъ собой весьма обширный по своей численности, но весьма ограниченный по своему умственному развитію, ничѣмъ необезпеченный, вѣчно нуждающійся пролетаріатъ, который, по своей неопытности,

легче всего можетъ вѣрить тѣмъ обѣщаніямъ земного рая, которыми его соблазняютъ соціалистическіе демагоги, въ свою очередь нуждающіеся въ громадной массѣ приверженцевъ для своей борьбы противъ существующаго общественнаго и государственнаго строя.

Пропаганда этихъ демагоговъ сводится въ сущности къ *двумъ* аргументамъ, изъ коихъ *первый* безусловно *вѣренъ*, а *второй* столь же безусловно *ложенъ*:

1) «Современное положеніе рабочихъ неудовлетворительно».

2) «Положеніе это можетъ быть улучшено лишь послѣ *разрушенія* современнаго общественнаго и государственнаго строя».

Этотъ второй, *ложный*, аргументъ и составляетъ исключительную характеристическую черту дѣйствительнаго, *подлиннаго* соціализма. Необходимость разрушенія современнаго общественнаго строя для улучшенія быта рабочихъ соціалисты доказываютъ тѣмъ, что современный строй основанъ де на полной противоположности интересовъ рабочихъ и работодателей, а такъ какъ, будто бы, эти интересы непримиримы, то и слѣдуетъ разрушить этотъ строй и замѣнить его новымъ, въ которомъ бы совершенно не было работодателей-капиталистовъ, а были бы одни рабочіе.

Такова программа дѣйствительнаго «соціализма», какъ ее, между прочимъ, установилъ и «научно» развилъ пресловутый Карлъ Марксъ. «Соціалисты» или «марксисты» встрѣчаются въ разныхъ слояхъ общества и всюду, по мѣрѣ силъ и возможности, содѣйствуютъ осуществленію этой программы: одни — путемъ пропаганды ея среди рабочихъ, другіе—организаціей рабочихъ стачекъ и бунтовъ, третьи—постепеннымъ усиленіемъ соціалистическихъ партій въ парламентахъ конституціонныхъ государствъ, четвертые—*законодательными и административными мѣрами Правительства*, клонящимися все къ той же цѣли, къ обострению борьбы между рабочими и работодателями, между «трудомъ» и «капиталомъ», для подготовленія конечнаго разрушенія современнаго общественнаго и государственнаго строя.

Вотъ этотъ послѣдній, *четвертый* видъ соціалистической пропаганды и является дѣйствительнымъ «*Правительственнымъ соціализмомъ*». Этотъ наиболѣе вредный и опасный видъ пропаганды осуществляется въ тѣхъ государствахъ, въ Правительство которыхъ сумѣли пробраться приверженцы Маркса, какъ мы это, напримѣръ, видѣли во Франціи. «Правительственные марксисты» пользуются своею законодательною и административною властью для того, чтобы всѣми мѣрами разобщить интересы фабрикантовъ и рабочихъ, поощрить послѣднихъ къ борьбѣ противъ «капитализма» и, въ особенности, парализовать и устранять всякія попытки рабочихъ къ дружной, согласной взаимодѣятельности съ фабрикантами и къ освобожденію себя отъ ига соціалистическихъ вожаковъ.

Правительственнымъ же соціализмомъ являются и тѣ правительственныя мѣры, которыя какъ бы подготовляютъ будущій коммунистически-эгалитарный строй, увеличивая кадры безземельнаго пролетаріата, разрушая сословный строй современнаго общества и содѣйствуя устраненію частной собственности и переходу ея въ собственность коммунистическую или, какъ у насъ говорятъ, къ «обобществленію» ея.

Итакъ, мы ясно понимаемъ, какого рода правительственная дѣятельность можетъ и должна быть названа «Правительственнымъ соціализмомъ».

Но существуетъ совершенно иная дѣятельность въ области рабочихъ

интересовъ, которая у насъ, по недоразумѣнію, тоже иногда называется «соціализмомъ», хотя эта дѣятельность совершенно противоположна по своимъ средствамъ и цѣлямъ той дѣятельности, которую мы только что охарактеризовали.

Эту *анти*соціалистическую дѣятельность можно опредѣлить слѣдующею формулой:

1) «Современное положеніе рабочихъ неудовлетворительно».

2) «Положеніе это можетъ быть улучшено при *сохраненіи* современнаго общественнаго и государственнаго строя».

Въ этой формулѣ какъ первая, такъ и вторая части *безусловно* вѣрны. Формула основана на томъ убѣжденіи, что между рабочими и работодателями, между «трудомъ» и «капиталомъ», не только нѣтъ никакой «непримиримой противоположности интересовъ», а есть, напротивъ того, полная общность интересовъ, такъ какъ 1) ни «трудъ» не можетъ обойтись безъ «капитала», ни «капиталъ» безъ «труда», и 2) работодатели столь же заинтересованы въ улучшеніи быта рабочихъ, какъ и сами рабочіе. А если это такъ, то улучшеніе это можетъ лучше всего осуществиться при настоящемъ общественномъ и государственномъ строѣ безо всякой соціальной «революціи» или «эволюціи», а путемъ цѣлаго ряда разумныхъ мѣръ, клонящихся къ установленію и укрѣпленію дружнаго взаимодѣйствія между рабочими и работодателями. Эти же мѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ, лучше всего могутъ вырвать всякую почву изъ-подъ ногъ соціалистической пропаганды.

Такая дѣятельность, признающая *общность* интересовъ «труда» и «капитала», никоимъ образомъ «соціалистическою» названа быть не можетъ, а если за такую дѣятельность, *по долгу своему*, принимается Правительство, то ее можно называть «Правительственнымъ соціализмомъ» лишь вслѣдствіе полнѣйшаго незнанія дѣла.

Такое незнаніе дѣла обнаруживаютъ у насъ тѣ лица, которыя *всякую* Правительственную мѣру, касающуюся улучшенія быта рабочихъ, называютъ «соціалистическою», не разбирая, клонится ли она къ сохраненію или къ разрушенію современнаго строя, къ укрѣпленію или расторженію взаимной связи фабрикантовъ и рабочихъ, къ устраненію или къ созданію антагонизма между «трудомъ» и «капиталомъ», словомъ—къ «соціализму» или къ «антисоціализму».

Это недоразумѣніе порождаетъ весьма вредныя послѣдствія. Мы очень часто видимъ, что самыя разумныя мѣры Правительства, стремящіяся къ серіозному улучшенію быта рабочихъ на почвѣ общности ихъ интересовъ съ работодателями, встрѣчаются съ враждебною подозрительностью со стороны тѣхъ именно лицъ, которыя должны были бы имъ вполнѣ сочувствовать.

Есть, однако, еще и другая причина этого прискорбнаго недоразумѣнія: мы слишкомъ привыкли судить объ условіяхъ своей жизни по условіямъ жизни на Западѣ. Тамъ соціализмъ, *настоящій* соціализмъ, пустилъ уже глубокіе корни и успѣлъ въ значительной степени создать борьбу «труда» и «капитала», въ то время какъ руки Правительства были связаны конституціонными путами. У насъ же, слава Богу, и рабочіе, и работодатели, и Правители совершенно иные, чѣмъ на Западѣ: они могутъ дружнымъ, согласнымъ дѣйствіемъ создать въ Россіи такое прочное положеніе промышленныхъ факторовъ, общества и государства, на основаніи вѣковыхъ устоевъ современнаго нашего строя, что у насъ никогда не будетъ рѣчи ни о «рабочемъ», ни о «научномъ соціализмѣ, не говоря уже о «соціализмѣ Правительственномъ».

VI.

Поляки въ Петербургѣ.

Покойный графъ М. Н. Муравьевъ совершенно вѣрно говорилъ, что Поляки опасны намъ не въ Вильнѣ и Варшавѣ, а въ главномъ центрѣ русской жизни, въ Петербургѣ.

Тамъ, на Литвѣ и въ Привислинье, польскія домогательства пользуются довольно элементарными средствами: подкупомъ, улещеніемъ неопытныхъ администраторовъ, ксендзовскою проповѣдью въ школахъ и костелахъ, подпольною литературой, уличными и общественными демонстраціями и изрѣдка открытыми «повстаніями». Со всѣми этими различными орудіями польской пропаганды легко справиться зрѣло-обдуманными рѣшительными мѣрами со стороны мѣстной администраціи, а если бы таковая не оказалась на высотѣ своего положенія, то ей на помощь всегда могли бы придти своими указаніями и требованіями центральныя Петербургскія власти.

Лишь въ томъ случаѣ, когда польской пропагандѣ удается свить себѣ гнѣздо въ самомъ Петербургѣ, является серіозная опасность для нашихъ западныхъ окраинъ, слѣдовательно и для Русскаго Государства. И это весьма понятно. Присутствіе польскаго элемента въ центрвльномъ управленіи Россіи не можетъ не имѣть весьма вредныхъ послѣдствій для всего нашего государственнаго организма. Съ одной стороны, польскіе «патріоты», находясь на различныхъ ступеняхъ центральной администраціи, никогда не будутъ сочувствовать и содѣйствовать лицамъ, могущимъ развить и укрѣпить Русскую государственность, а, напротивъ того, всегда будутъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, ея ослабленію и разрушенію; съ другой же стороны, они всюду, гдѣ и какъ только могутъ, будутъ стремиться къ осуществленію желаній польской пропаганды, пуская въ ходъ все искусство свойственнаго ихъ національному характеру интриганства.

Дѣйствовать Полякамъ въ этомъ отношеніи гораздо удобнѣе въ Петербургѣ, чѣмъ въ Вильнѣ и Варшавѣ, гдѣ не такъ легко ввести въ заблужденіе мѣстную администрацію, на глазахъ которой ежедневно совершаются факты, опровергающіе всю ложь польскихъ обольстителей. Совсѣмъ иное дѣло въ Петербургѣ. Центральная администрація въ общемъ своемъ составѣ знакомится съ Польскимъ вопросомъ и съ настоящимъ положеніемъ Привислинскаго и Сѣверо-Западнаго краевъ не непосредственно, а потому и гораздо болѣе склонна вѣрить убаюкивающимъ ее «примирительнымъ» рѣчамъ различныхъ преемниковъ Іосафата Огрызки.

Но дѣйствія петербургскихъ Поляковъ не ограничиваются однимъ лишь убаюкиваніемъ центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и систематическою парализаціей ихъ энергіи: служащіе въ этихъ вѣдомствахъ Поляки принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы наполнить ихъ своими единоплеменниками и, такимъ образомъ, еще болѣе усилить свое вліяніе на весь государственный организмъ Россіи.

Эта систематическая полонизація центральной администраціи уже обратила на себя вниманіе Правительства, и нѣкоторыя вѣдомства приняли надлежащія мѣры къ тому, чтобы поставить предѣлы этому несомнѣнному злу.

Есть, однако, еще и другое зло, устраненіемъ котораго также озабочены правительственныя власти.

Дѣло въ томъ, что въ Петербургскомъ районѣ есть большіе заводы, снабжающіе нашу армію и нашъ флотъ различнымъ боевымъ матеріаломъ. Изготовленіе этого матеріала составляетъ во многихъ отношеніяхъ государственную тайну, такъ какъ между отдѣльными великими державами идетъ постоянное соревнованіе въ изобрѣтеніи и примѣненіи новыхъ техническихъ усовершенствованій, какъ въ выработкѣ различныхъ боевыхъ снарядовъ, такъ и въ сооруженіи цѣлыхъ военныхъ судовъ. Ясно, какъ Божій день, что на заводахъ, занимающихся подобною работой, необходимо принимать строжайшія мѣры, чтобы вполнѣ обезпечить эту столь важную для государственной безопасности работу отъ всякаго соглядатайства со стороны враждебныхъ Россіи элементовъ. Кто знаетъ, какъ въ этомъ отношеніи поставлены аналогичные заводы въ Германіи, Австріи и Англіи, тотъ пойметъ, съ какою тщательною заботливостью и почти щепетильною рачительностью не только правительственныя власти, но и сами заводчики стараются о томъ, чтобы сохранить въ должной тайнѣ всѣ примѣняемыя на заводахъ новыя усовершенствованія боеваго матеріала. Точно такъ же вполнѣ понятны всѣ ухищренія, которыя пускаются въ ходъ всевозможными шпіонами, чтобы проникнуть на эти заводы въ качествѣ рабочихъ, съ цѣлью тамъ высмотрѣть и выкрасть оттуда наиболѣе интересныя военно-техническія тайны.

Точно такъ же и у насъ въ Россіи судостроительные и механическіе заводы, работающіе для нашей арміи и для нашего флота, привлекаютъ къ себѣ особое вниманіе Поляковъ, старающихся тѣми или другими способами пристроиться къ этимъ заводамъ. Старанія эти иногда увѣнчиваются успѣхомъ. Такъ, напримѣръ, на Невскомъ судостроительномъ и механическомъ заводѣ Поляки, въ качествѣ мастеровъ и рабочихъ, стали появляться сперва въ видѣ единичныхъ исключеній, а затѣмъ, укрѣпившись въ столь желательной для нихъ позиціи, они стали систематически наполнять заводъ своими единоплеменниками. И вотъ за послѣднее время приливъ Поляковъ на Невскій заводъ сталъ столь интенсивнымъ, что не могъ не обратить на себя серіознаго вниманія Правительственной власти, которая, заботясь не только о должной охранѣ государственныхъ интересовъ, но и объ огражденіи русскихъ рабочихъ отъ вреднаго на нихъ вліянія безпокойнаго польскаго элемента, предложила администраціи завода принять необходимыя мѣры къ устраненію этого въ высшей степени нежелательнаго явленія.

Администрація завода, допустившая по непростительной небрежности,—мы надѣемся, что тутъ была одна только небрежность,—появленіе Поляковъ среди своихъ рабочихъ, могла бы немедленно загладить свою оплошность полнымъ очищеніемъ своего завода отъ этого нежелательнаго элемента. Этого всѣ и ожидали.

Но администрація Невскаго завода и пальцемъ не пошевельнула и преспокойно оставила всѣхъ Поляковъ на своихъ мѣстахъ.

VII.

Будетъ ли война?

Несмотря на послѣднее *Правительственное Сообщеніе*, такъ рѣшительно заявившее, что «Россія не пожертвуетъ ни единою каплей крови своихъ сыновъ» въ томъ случаѣ, еслибы Славянскія государства рѣшили домогаться насильственными средствами измѣненія существующаго строя Балканскаго полуострова,—наше «общество» все еще продолжаетъ тревожно обсуждать вопросъ: «будетъ или не будетъ война?»

На чемъ основана эта тревога? На силѣ аналогіи.

— «Настоящее положеніе,—говорятъ иные пессимисты,—какъ двѣ капли воды похоже на время, предшествовавшее послѣдней Турецкой войнѣ. Этой войны мы тогда тоже не хотѣли, а между тѣмъ мы были вынуждены начать ее. То же самое повторяется и теперь.

Аналогія дѣйствительно имѣетъ большую силу, въ особенности для умовъ поверхностныхъ и мало развитыхъ. Вѣдь и организаторы Македонскаго» возстанія увѣрены, что Россія *должна* будетъ обнажить за нихъ свой мечъ по аналогіи съ тѣмъ, какъ она обнажила его двадцать пять лѣтъ тому назадъ вслѣдствіе Болгарскаго возстанія.

Конечно, спора нѣтъ, что «*тѣ же* причины всегда имѣютъ и тѣ же послѣдствія». Но для этого необходимо, чтобы причины были дѣйствительно *тѣми же*. А въ данномъ вопросѣ этого никакъ утверждать невозможно.

Начать съ того, что двадцать пять лѣтъ тому назадъ дѣло шло объ освобожденіи бывшаго славянскаго государства, Болгаріи, населенномъ однимъ и тѣмъ же однороднымъ племенемъ. Теперь же роль Болгаріи желаетъ играть «Македонія», которая еще въ до-христіанскую эру утратила какъ свою государственность, такъ и свою специфически македонскую національность, превратившись, вслѣдствіе своего смѣшаннаго состава населенія, въ вѣчное яблоко раздора между Турками, Албанцами, Греками, Сербами и Болгарами, не говоря уже о Куцовлахахъ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ Россія имѣла въ своемъ богатырскомъ порывѣ ясную, опредѣленную цѣль предъ собой—автономію Болгаріи. Но какой же серіозный человѣкъ можетъ думать объ «автономіи Македоніи»? Дайте сегодня автономію Солунскому, Коссовскому и Монастырскому вилайетамъ, которые слывутъ подъ именемъ «Македоніи», утратившимъ всякое историческое, географическое и національное значеніе,—и завтра же вспыхнетъ въ этомъ «автономномъ государствѣ» ожесточеннѣйшая кровавая междоусобица между Греками, Болгарами, Сербами и Албанцами, которая, вмѣсто водворенія мира и порядка на Балканскомъ полуостровѣ, превратитъ его въ пылающій костеръ національныхъ страстей, такъ какъ и Греція, и Сербія, и Болгарія вступятся каждая за своихъ единоплеменниковъ, когда они начнутъ взаимную рѣзню въ «автономной Македоніи». Такимъ образомъ, еслибы Россія стремилась даровать Македоніи автономію, она сознательно стремилась бы къ возбужденію братоубійственной войны между православнымъ населеніемъ Балканскаго полуострова. Такова ли миссія Россіи?

Но, скажутъ намъ, Россія должна стремиться не къ *автономіи* Македоніи, а къ *раздѣлу* ея между Болгаріей, Сербіей и Грецією.

Нужно быть очень наивнымъ, чтобы сдѣлать такое возраженіе.

Раздѣлъ Македоніи приведетъ Балканскій полуостровъ къ той же братоубійственной войнѣ, какъ и автономія Македоніи.

Нѣтъ ни одного Болгарина, который не возмутился бы при одной мысли о раздѣлѣ Македоніи, такъ какъ онъ всю Македонію считаетъ принадлежащею Болгаріи. Но съ такою же увѣренностью Сербы и Греки предъявляютъ свои государственныя права на всю Македонію. Если же спросить путемъ голосованія самихъ «Македонцевъ», то получатся такіе запутанные «черезполосные» отвѣты, которые уже окончательно сдѣлаютъ немыслимымъ вопросъ о какомъ-либо справедливомъ раздѣлѣ Македоніи.

Такимъ образомъ, Россія не можетъ стремиться ни къ автономіи Македоніи, ни къ ея раздѣлу. Она можетъ стремиться лишь къ водворенію такого порядка въ Солунскомъ, Косовскомъ и Монастырскомъ вилайетахъ, который давалъ бы возможность христіанскому ихъ населенію жить въ полной безопасности отъ какихъ бы то ни было насилій со стороны турецкихъ властей и мѣстнаго мусульманскаго населенія.

Вотъ эту именно задачу Русское Императорское Правительство и взяло въ свои руки, съ твердымъ намѣреніемъ рѣшить ее наилучшимъ образомъ безо всякой войны.

Въ этой задачѣ ей сочувствуютъ и содѣйствуютъ всѣ великія державы, тогда какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ Россія была совершенно одинока въ своемъ искреннемъ заступничествѣ за Болгарію, что и побудило тогда Турцію къ упорному сопротивленію справедливымъ требованіямъ Россіи.

И тутъ, слѣдовательно, никакой аналогіи между обѣими эпохами не существуетъ.

Разныя причины приводятъ къ разнымъ послѣдствіямъ: если двадцать пять лѣтъ тому назадъ при тогдашнихъ условіяхъ разрѣшеніе Болгарскаго вопроса привело Россію къ войнѣ, то при теперешнихъ вышеуказанныхъ обстоятельствахъ разрѣшеніе «Македонскаго» вопроса Россію, Богъ дастъ, къ войнѣ не приведетъ.

Но значитъ ли это, что весной въ Македоніи не вспыхнетъ возстаніе?

Возстаніе это, конечно, легко можетъ вспыхнуть, если главари «Македонскихъ» комитетовъ захотятъ во что бы то ни стало помѣшать Россіи въ ея благомъ намѣреніи даровать христіанскому населенію Европейской Турціи благоустроенныя условія мирной, счастливой жизни. Если же эти главари будутъ не противодѣйствовать, а содѣйствовать миролюбивой политикѣ Россіи, то можно быть увѣреннымъ, что въ разрѣшеніи Македонскаго вопроса не прольется ни капли не только русской, но и вообще славянской крови.

VIII.

Что дали намъ наши „Комитеты“?

Трагикомедія, разыгрываемая нашими пресловутыми «Сельскохозяйственными Комитетами», близится, слава Богу, къ своему давно желанному концу.

Уѣздные Комитеты передали груды своихъ бумагъ Комитетамъ Губернскимъ, изъ коихъ многіе уже покончили сортировку этихъ бумагъ, съ подобающими сему случаю словопреніями, и уже переслали многотомные резуль-

таты своихъ «трудовъ» въ Петербургское Особое Совѣщаніе, а тѣ Губернскіе Комитеты, которые еще не успѣли послѣдовать ихъ примѣру, несомнѣнно черезъ нѣсколько недѣль также покончатъ и свои труды, и свое существованіе.

Въ виду этого, уже теперь можно поставить вопросъ: что дали намъ наши «Комитеты»?

Ровно ничего новаго.

Такой отвѣтъ на данный вопросъ, конечно, не будетъ неожиданнымъ для тѣхъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ нашею «общественною» жизнью.

Пусть намъ укажутъ хоть одну идею, все равно полезную или безполезную, высказанную въ «Комитетахъ», которая раньше не была бы высказана въ нашей повременной печати. Въ серіозныхъ газетахъ и журналахъ Особое Совѣщаніе легко можетъ найти серіозные и дѣльные отвѣты на поставленные имъ вопросы, въ пустозвонныхъ же изданіяхъ оно можетъ найти тѣ пустые и нелѣпые отвѣты, которые въ Комитетахъ высказывались наиболѣе «прогрессивными» ихъ членами.

И это весьма понятно.

Нашъ сельско-хозяйственный кризисъ давно уже служитъ жгучею темой, не сходящею со столбцовъ нашей періодической печати. Знатоки сельскаго хозяйства имѣли полную возможность печатно высказать всѣ свои цѣнныя указанія на причины этого кризиса и на средства къ его устраненію. Точно такъ же и либеральные болтуны наводнили свою печать всѣми тѣми пустыми и громкими фразами, которыя, не имѣя никакого отношенія къ сельскому хозяйству, всегда неизмѣнно повторяются этими господами по какому угодно поводу или предлогу.

Какъ столичные, такъ и въ особенности всѣ наши провинціальные, либералы никакихъ собственныхъ, вынесенныхъ изъ жизни, идей не имѣютъ: они исключительно запасаются этими идеями изъ либеральныхъ газетъ и журналовъ, а потому они ничего другого и не могутъ высказывать, какъ только то, что они вычитали въ *Русскихъ* или *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Русской Мысли* или *Вѣстникѣ Европы*, или въ какихъ-нибудь другихъ изданіяхъ той же легкомысленной марки.

Организація Сельско-Хозяйственныхъ Комитетовъ имѣла, поэтому, слѣдующій, вѣроятно, неожиданный для Правительства, результатъ:

Всѣ тѣ нелѣпыя теоріи, которыя высказывались въ либеральныхъ изданіяхъ небольшимъ сравнительно числомъ спеціально къ сему приставленныхъ публицистовъ, получили внезапно возможность съ громомъ и трескомъ изливаться изъ устъ «мѣстныхъ людей» и фигурировать въ сочиненныхъ ими комитетскихъ «докладахъ». пріобрѣтая вслѣдствіе этого ореолъ какъ бы «общественнаго мнѣнія». А либеральные агитаторы, конечно, не преминутъ воспользоваться этимъ мишурнымъ ореоломъ:

«Правительство, скажутъ они, можетъ игнорировать мнѣніе той или другой газеты, но обязано считаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Если протестуетъ какой-нибудь публицистъ, то Правительство можетъ, пожалуй, пожать плечами и ограничиться улыбкой; но если тотъ же протестъ произносится общественнымъ дѣятелемъ, тогда Правительство обязано съ трепетомъ выслушать его и исполнить требованіе протестанта».

Само собою разумѣется, что Правительство относится съ одинаковымъ равнодушіемъ ко вздорнымъ протестамъ, отъ кого бы они ни исходили, отъ

газетчика ли, «земца» или «думца». Но либеральные агитаторы сумѣютъ, конечно, эксплуатировать въ свою пользу и это «пренебрежительное отношеніе Правительства къ уважаемымъ общественнымъ дѣятелямъ».

Мы назвали всю дѣятельность нашихъ Сельско-Хозяйственныхъ Комитетовъ трагикомедіей. И дѣйствительно, трудно сказать, какого элемента больше въ этой дѣятельности, печальнаго или смѣшного.

Конечно, всѣ эти либеральные краснобаи, всѣ эти ходящіе граммофоны, механически повторяющіе старыя стереотипныя газетныя клише, подъ видомъ «собственныхъ, глубоко продуманныхъ убѣжденій», всѣ эти фигляры и акробаты «либерализма» производятъ высоко комическое впечатлѣніе; но если подумать, сколько потрачено времени и труда людьми дѣла и представителями Правительства только для того, чтобы дать возможность этимъ комедіянтамъ исполнить свои «нумера» на комитетскихъ подмосткахъ; когда подумаешь, что совершенно даромъ потраченъ цѣлый годъ на выслушиваніе давно всѣмъ извѣстныхъ либеральныхъ «докладовъ» и на серіозное обсужденіе несеріозныхъ «проектовъ» и «требованій», въ то время, какъ наше сельское хозяйство на цѣлый годъ глубже завязло въ засасывающее его болото нашей экономической неурядицы,—то, право, становится не до смѣху.

А если подумаешь, что пройдетъ еще не мало времени, пока Особое Совѣщаніе успѣетъ разобраться въ той лавинѣ всевозможнаго бумажнаго матеріала, который со всей Россіи обрушится на его голову, и что лишь послѣ этой безпросвѣтной работы Особое Совѣщаніе получитъ возможность приступить къ работѣ сколько-нибудь продуктивной, результаты которой тоже еще не такъ-то скоро дойдутъ до нашего сельскаго хозяйства, которое за все это время будетъ все болѣе и болѣе погружаться въ то болото, о которомъ мы говорили выше,—когда подумаешь обо всемъ этомъ, то уже ровно ничего комическаго во всей этой авантюрѣ не найдешь.

IX.

„Начала, чуждыя русской жизни".

Среди знаменательныхъ словъ Высочайшаго Манифеста 26 февраля (1903 г.) особенно выдается указаніе на то препятствіе, которое встрѣчаетъ общая работа по улучшенію народнаго благосостоянія—въ «смутѣ, посѣянной отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти *увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни*».

Ни для кого не тайна, въ чемъ заключаются эти начала, чуждыя русской жизни.

Это — начала, написанныя на знамени нашей, такъ-называемой, «либеральной» партіи, начала, проповѣдуемыя нашею либеральною печатью, нашими либеральными протагонистами на сценѣ общественныхъ съѣздовъ и собраній, начала, открыто проводимыя во мнимо-научныхъ лекціяхъ нашихъ либеральныхъ профессоровъ и въ резюмирующей и разъясняющей всю эту либеральную агитацію заграничной лже-русской печати, открыто ставящей точки надъ тѣми *і*, которыя такъ усердно выводятся ея вышепоименованными «легальными» сообщниками.

Вотъ именно этою совокупностью пропаганды чуждыхъ русской жизни

началъ и вызывается та смута, на которую указываетъ Манифестъ 26 февраля, требующій отъ «всѣхъ исполнителей Государевой Воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни».

Кто же эти «исполнители Государевой Воли?»

Всѣ безъ исключенія вѣрноподданные Его Императорскаго Величества, какъ состоящіе, такъ и не состоящіе на непосредственной Государственной службѣ. Всѣ мы, безъ различія сословія, пола и состоянія, обязаны самоотверженно и безпрекословно исполнять Волю нашего Государя, въ особенности же мы — публицисты, облеченные особымъ довѣріемъ Императорскаго Правительства, дающаго намъ драгоцѣнное право вліять путемъ печатнаго слова на мысли и дѣйствія всего Русскаго народа. На насъ поэтому падаетъ и строгая отвѣтственность передъ Государемъ, если мы дарованное намъ право употребимъ не на исполненіе Его Воли, не на противодѣйствіе «началамъ, чуждымъ русской жизни», а на дерзкую ихъ защиту или на робкое имъ потворство.

Вотъ почему мы всегда считали своимъ долгомъ всюду бороться съ этими пагубными началами, гдѣ бы мы ихъ ни встрѣчали — въ Россіи или за границей, въ печати или въ рѣчахъ агитаторовъ и лжеучителей Русскаго народа.

Само собою разумѣется, что наша борьба этимъ агитаторамъ и лжеучителямъ не нравится. Всѣ эти волки тщательно кутаются въ овечьи шкуры и требуютъ отъ насъ, чтобы мы предъ ихъ личинами преклонялись и не дерзали ихъ срывать или приподнимать, такъ какъ иначе де мы помѣшаемъ ихъ лицемѣрному, обманному дѣлу; они, слѣдовательно, требуютъ отъ насъ, чтобы мы дѣлались ихъ молчаливыми пособниками въ ихъ преступной дѣятельности, чтобы мы равнодушно и трусливо смотрѣли, какъ они въ своихъ іезуитскихъ рѣчахъ и статьяхъ систематически отравляютъ Русскій народъ началами, чуждыми русской жизни, сѣя всюду смуту, препятствующую общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія.

Пособниками этихъ политическихъ воровъ мы быть не можемъ и не желаемъ, а потому и впредь будемъ твердо противодѣйствовать имъ, не обращая вниманіе на то, прячутся ли они подъ «легальными» масками, или откровенно участвуютъ въ пасквильныхъ трудахъ гг. Струве и К°.

Вся программа нашей либеральной партіи заключается въ томъ, чтобы всякими неправдами убѣдить и общество, и Правительство, въ необходимости измѣнить государственный строй Россіи по образцу западныхъ конституціонныхъ началъ. Этого своего намѣренія никогда не отрицали ни либеральная печать, ни «либеральные» всякаго рода дѣятели. Всѣ они стремятся, по мѣрѣ силъ и доступныхъ имъ способовъ, со строго выработанною партійною дисциплиной, къ широкому пропагандированію своей идеи, прикрывая ее лишь легкимъ флеромъ «эзоповаго языка», въ томъ разсчетѣ, что ни Правительство, ни люди, преданные вѣковымъ устоямъ Россійской Державы, ничего подъ этимъ флеромъ не замѣтятъ.

Глубокая безнравственность ихъ проповѣди заключается уже въ томъ, что они *сознательно* проповѣдуютъ *завѣдомую ложь*: они сами знаютъ, что даже на Западѣ конституціонныя начала со своимъ пресловутымъ «парламентаризмомъ» доказали свою полную несостоятельность, и, тѣмъ не менѣе, наши «либералы», *тщательно скрывая* этотъ несомнѣнный фактъ, всячески восхва-

ляютъ Русскому народу, какъ истые шарлатаны, бракованный западный товаръ, стараясь всячески, кстати и некстати, набросить тѣнь на существующій строй Русскаго Государства.

А потому вся, требуемая ими, «свобода печати» нужна имъ только для этой пропаганды началъ, *чуждыхъ* русской жизни, ибо для проповѣди началъ, *свойственныхъ* русской жизни, печать наша пользуется болѣе чѣмъ широкою свободой.

Такъ, напримѣръ, одна изъ «либеральныхъ» газетъ, обсуждая Высочайшій Манифестъ, заканчиваетъ свою статью требованіемъ, чтобы нашей печати «предоставлена была возможность возможно (sic!) полнаго и свободнаго выраженія мнѣній по жизненнымъ вопросамъ, нынѣ поставленнымъ на разрѣшеніе».

Въ чемъ заключается смыслъ этого изящнаго произведенія либеральной стилистики?

Неужели человѣкъ въ здравомъ умѣ можетъ предположить, что печать наша лишена возможности полно и свободно выражать свое мнѣніе о вопросахъ, поставленныхъ Высочайшимъ Манифестомъ, въ *соотвѣтствіи съ выразившеюся въ этомъ Государственномъ актѣ Царскою Волей*, исполнять которую обязаны всѣ вѣрноподданные граждане Россіи? Для чего же тутъ требовать еще болѣе «полной свободы» для печати, если она не думаетъ *отступать* отъ этого своего долга? Требованіе этой болѣе полной свободы является понятнымъ лишь со стороны той печати, которая намѣрена обсуждать вопросы, поставленные Манифестомъ, *въ совершенно противоположномъ ему духѣ*, въ духѣ «началъ, чуждыхъ Русской жизни».

Высочайшій Манифестъ ясно установилъ требованіе «твердаго противодѣйствія» этимъ началамъ. Этому требованію своего Государя должны прежде всего подчиниться русская печать и всѣ, кто съ ней соприкасаются. Тутъ не можетъ быть мѣста ни потворству, ни поблажкамъ, ни, тѣмъ менѣе, намѣренно близорукому пособничеству.

X.

Какъ быть съ нашими окраинами?

Съ затаеннымъ дыханіемъ глядятъ Тифлисъ, Варшава, Вильна, Рига и Ревель на Гельсингфорсъ: тамъ рѣшается великій вопросъ о томъ, чѣмъ быть нашимъ окраинамъ.

Если въ Финляндіи восторжествуетъ Русская Государственная идея, она восторжествуетъ и во всѣхъ остальныхъ окраинахъ Россіи, и всѣ онѣ безропотно сольются воедино подъ Самодержавнымъ скипетромъ Императора Всероссійскаго.

Если же, чего не дай Богъ, финляндскимъ крамольникамъ удалось бы одержать верхъ въ своей преступной борьбѣ, тогда уже безо всякаго сомнѣнія и Армяне, и Балты, и Поляки поднимутъ головы и будутъ домогаться разчлененія Россіи.

Такимъ образомъ, финляндскій вопросъ имѣетъ въ настоящее время первостепенное значеніе не только для нашей Финляндской окраины, но и для всѣхъ остальныхъ нашихъ окраинъ и для государственнаго бытія всей Россіи.

Но развѣ можетъ быть малѣйшее сомнѣніе въ окончательномъ торжествѣ Русской Государственной идеи въ нашихъ Финляндскихъ губерніяхъ?

Для насъ такого сомнѣнія быть не можетъ, но, какъ извѣстно, мы въ Россіи одиноки: громадное большинство нашей либеральной и либеральствующей интеллигенціи не скрываетъ своего сочувствія теперешней финляндской крамолѣ, точно такъ же, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ она не скрывала своего сочувствія польскому ржонду. Вся эта масса нашихъ легкомысленныхъ общественныхъ болтуновъ открыто глумится надъ самымъ понятіемъ «тѣсно сплоченной, подъ скипетромъ Самодержавнаго Царя, Россіи» и надѣется на то, что этой идеѣ будетъ нанесено пораженіе финляндскими сепаратистами.

На чемъ же основана эта надежда?

На томъ, къ сожалѣнію, прискорбномъ, но неопровержимомъ фактѣ, что наше общество, какъ въ центрѣ Имперіи, такъ и на окраинахъ, никакъ не можетъ привыкнуть къ той мысли, что Императорское Правительство строго руководствуется твердо-установленною политическою программой, не зависящею отъ личныхъ воззрѣній ея исполнителей. Вы не только въ Гельсингфорсѣ, но и въ Москвѣ, а въ особенности въ Петербургѣ, можете на каждомъ шагу услышать такого рода разсужденіе:

— Все, что теперь дѣлается въ Финляндіи, вызвано личною политикой генерала Бобрикова. Когда онъ уйдетъ, всѣ непріятныя Финдляндцамъ мѣры будутъ отмѣнены, и тогда восторжествуетъ финляндская государственная идея.

Нелѣпость такого разсужденія бросается въ глаза, такъ какъ генералъ Бобриковъ никакой личной политики вести не можетъ и является лишь исполнителемъ Верховной Воли Государя. Но вы въ этомъ нашихъ либераловъ и сепаратистовъ не убѣдите: они попрежнему будутъ отрицать, чтобы наше Правительство держалось какой-нибудь опредѣленной программы, какъ въ своей общей, такъ и въ своей окраинной политикѣ, которая де всецѣло зависитъ отъ различныхъ взглядовъ случайно будто бы назначаемыхъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ. У нашихъ либераловъ и сепаратистовъ сложилось даже такое представленіе, будто послѣ строго-консервативнаго начальника края обыкновенно слѣдуетъ начальникъ края мягко-либеральный, и что слѣдовательно, и въ Гельсингфорсѣ рано или поздно генералъ-губернаторскій постъ будетъ занятъ какимъ-нибудь слабохарактернымъ, близорукимъ лицомъ, благодаря которому Финляндія снова вернетъ себѣ всю свою «автономію».

Нерѣдко приходится слышать въ той же средѣ еще и такія разглагольствованія:

— Силой ничего сдѣлать нельзя съ сепаратистами ни въ Гельсингфорсѣ, ни въ Варшавѣ, ни гдѣ бы то ни было. Не смирилась Польша послѣ 1863 года, не смирится и Финляндія послѣ 1899 года. А потому не лучше ли намъ испытать *новый* путь, путь *примиренія?*

И это они называютъ «новымъ» путемъ! Такъ наивно могутъ разсуждать не взрослые, серіозные люди, а неразумныя дѣти, не знающія ни прошлой, ни даже вчерашней исторіи своего отечества! Неужели они не знаютъ, что «примирительная» политика въ Польской окраинѣ уже была испытана *два раза* и привела въ первый разъ къ кровавому мятежу 1830 года, а второй разъ—къ такому же мятежу 1863 года? Испытайте въ третій разъ въ Польшѣ «примирительную» политику, и Поляки снова сочтутъ ее за политику трусливой слабости и въ третій разъ воспрянутъ духомъ, чтобы тѣмъ или инымъ способомъ осуществить свои «автономныя» фантазіи.

Точно такъ же и въ Финляндіи. Вся Финляндія благоденствовала и была спокойна вплоть до 1863 года, когда Россія вступила на путь «примирительной» политики, созвавъ впервые Финляндскій Сеймъ, не созывавшійся съ 1809 года. Съ этого момента финляндскіе сепаратисты увлеклись мечтой о полной «государственной автономіи» Финляндіи, становясь съ каждымъ годомъ все болѣе дерзкими и наглыми въ своихъ притязаніяхъ, и довели, наконецъ, финляндскую интеллигенцію до открытаго бунта противъ Государевой Воли. Такимъ образомъ, переживаемый нынѣ острый кризисъ въ Финляндіи вызванъ не теперешнею твердою политикой Императорскаго Правительства, а нашими «примирительными» ошибками шестидесятыхъ годовъ.

Да и странно говорить о «примиреніи», когда дѣло идетъ о Россіи и ея окраинахъ. Всѣ онѣ пріобрѣтены были кровью Русскихъ людей и закрѣплены за Россіей мирными трактатами, которые и явились тѣми актами примиренія, которые одни только и имѣютъ для Россіи серіозное, реальное значеніе. Какое же нужно еще «примиреніе» между Россіей и живущими на этихъ окраинахъ сепаратистами?

Всякое примиреніе основывается на взаимныхъ уступкахъ. Мы очень хорошо знаемъ, какихъ, весьма реальныхъ, весьма крупныхъ, уступокъ требуютъ отъ насъ польскіе, финляндскіе и балтійскіе сепаратисты. Но какія же предлагаютъ они намъ уступки?

— *Ровно никакихъ.* Уступать должны мы, а они будутъ наступать.

Каждая наша уступка только усилитъ ихъ дерзкую требовательность и убѣдитъ ихъ въ томъ, что они де защищаютъ «правое дѣло», и въ томъ, что мы ихъ будто бы боимся.

Къ тому же наши уступки примутъ немедленно реальную, осязательную форму, а съ ихъ стороны могутъ быть лишь пустыя, ни для кого не обязательныя, обѣщанія, да и тѣхъ они намъ искренно не дадутъ, такъ какъ ни одинъ польскій сепаратистъ не откажется даже отъ такого бреда, какъ возстановленіе «Польши отъ моря до моря», и ни одинъ свекоманъ не согласится даже на такой пустякъ, какъ на свободную торговлю русскихъ коробейниковъ въ «великомъ герцогствѣ Финляндскомъ».

Да, наконецъ, о какомъ «примиреніи» можетъ идти рѣчь, когда со стороны Императорскаго Правительства предъявляются лишь законныя требованія, поддерживаемыя столь же законными мѣрами, а со стороны сепаратистовъ выставляются требованія, идущія въ разрѣзъ съ закономъ, и принимаются мѣры, нарушающія установленные законы?

Финляндскіе сепаратисты доходятъ въ своей дерзости до того, что не признаютъ Высочайшихъ Манифестовъ. Польскіе сепаратисты теперь до этого не доходятъ. Почему? Да потому, что они уже почувствовали и въ 1830, и въ 1863 году, что значитъ не подчиниться русскимъ государственнымъ законамъ. Вотъ почему они теперь сравнительно притихли и съ нетерпѣніемъ ждутъ, чѣмъ разрѣшится въ Финляндіи оппозиція этимъ законамъ.

Финляндцы еще не испытали послѣдствій своего бунта, а потому и продолжаютъ проявлять свою наглость. Они успокоятся лишь тогда, когда получатъ такой же урокъ, какой въ свое время получили Поляки, но тогда *окончательно* успокоятся и Поляки, и Балты, и Армяне, понявъ, что у Императорскаго Правительства есть дѣйствительно строго-обдуманная, послѣдовательная государственная политика по отношенію къ окраинамъ, отъ которой не будетъ уклоненій ни вслѣдствіе какихъ-либо личныхъ воззрѣній ея исполнителей, ни, тѣмъ менѣе, вслѣдствіе какихъ-либо «требованій» мѣстныхъ крамольниковъ.

XI.

Участіе духовенства въ жизни своей паствы.

Высочайшій Манифестъ 26 февраля (1903 г.) указалъ на необходимость *«углубить плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы»*.

Этими словами Государю угодно было обратить наше вниманіе на одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ современной русской жизни, вопросъ, который у насъ и толкуется, и разрѣшается весьма разнообразно.

Возникъ этотъ вопросъ съ тѣхъ поръ, какъ наше «интеллигентное» общество стало увлекаться, на ряду съ полнымъ атеизмомъ какихъ-нибудь Фейербаховъ, Штраусовъ и Ренановъ, также и ученіями инославныхъ вѣроисповѣданій, сектантскихъ толковъ и еретическихъ лжеученій. Восхваляя разныхъ Редстоковъ, Пашковыхъ и Толстыхъ, какъ «истинныхъ христіанъ», наши интеллигенты привыкали смотрѣть на православныхъ священнослужителей, какъ на людей, не понимающихъ «истиннаго значенія заповѣдей Христовыхъ и даже прямо извращающихъ это значеніе. Правда, православное духовенство основывалось въ своемъ толкованіи ученія Господняго на авторитетѣ глубочайшихъ, боговдохновенныхъ Учителей Вселенской Церкви и ея Святыхъ Соборовъ; но это именно и не нравилось нашимъ интеллигентамъ, видящимъ въ Православной Церкви какое-то пугало для ихъ безпочвеннаго и безалабернаго легкомыслія. То ли дѣло гг. Пашковы и Толстые, предоставляющіе интеллигентамъ полную свободу отыскивать «истинное значеніе» Евангелія сообразно со степенью ихъ собственнаго недомыслія и невѣжества!

Начались истинныя оргіи безцерковнаго, а затѣмъ и противуцерковнаго «христіанства». Наше интеллигентное общество съ ликованіемъ уцѣпилось за мысль, что «можно быть истиннымъ христіаниномъ лишь при условіи полнаго отреченія отъ Церкви». «Не Церковь, говорили они, должна руководить нами въ пониманіи Христа, а нашъ собственный умъ».

Легко понять, въ какія дебри зашло наше общество въ пониманіи Христа, коль скоро каждый членъ этого общества «по-своему» понималъ и толковалъ завѣты Спасителя! Возникли безконечные и неразрѣшимые споры и препирательства, въ которыхъ поверхностное легкомысліе соперничало съ тупою ограниченностью, приходя иной разъ къ самымъ нелѣпымъ и чудовищнымъ выводамъ. Образовалось даже цѣлое общество религіозной болтовни, въ которомъ христіанство уже переплетается съ язычествомъ и сексуальною психопатіей.

Интеллигенты, наконецъ, сами почувствовали, что имъ для рѣшенія своихъ споровъ безъ содѣйствія духовенства обойтись невозможно. Они обратились къ нему за совѣтомъ, но и тутъ поставили ему условіе: «Мы нуждаемся въ тебѣ, намъ нужно посовѣтоваться съ тобой, но мы въ Церковь твою не пойдемъ; вотъ если ты само покинешь Церковь и выйдешь къ намъ на нашъ житейскій базаръ, мы будемъ съ тобой говорить. А если ты даже отречешься отъ Церкви и никогда намъ о ней говорить не будешь, то мы, пожалуй, будемъ даже слушаться тебя».

Какъ это ни прискорбно, но нашлись,—правда, пока еще очень немно-

гіе священно-служители, которые послѣдовали этому приглашенію и нынѣ содѣйствуютъ еще большему среди общества распространенію антицерковнаго христіанства.

Это у насъ называется «единеніемъ духовенства съ обществомъ!» При такомъ единеніи общество ничего не выигрываетъ въ смыслѣ уясненія себѣ истиннаго христіанства, а духовенство все теряетъ въ смыслѣ возможности содѣйствовать этому уясненію.

Въ самомъ дѣлѣ, если священно-служитель въ толкованіи Священнаго Писанія руководствуется не ученіемъ Церкви, а собственною фантазіей, то онъ утрачиваетъ то именно преимущество, которымъ онъ отличался отъ всего мірского общества: онъ теряетъ ту благодатную силу, которую ему даруетъ лишь Церковь, и которая можетъ быть дѣйственною лишь до тѣхъ поръ, пока священно служитель остается вѣрнымъ сыномъ Православной Церкви, свято хранящимъ ея непогрѣшимое ученіе и ея вѣковые уставы. Священно-служитель, отступающій отъ этого ученія и не признающій этихъ уставовъ, становится такимъ же простымъ «интеллигентомъ», какъ и всѣ остальные болтливые и бурливые «интеллигенты» нашего общества, а потому его участіе въ разрѣшеніи какъ религіозныхъ, такъ и общественныхъ или иныхъ какихъ вопросовъ истинно-плодотворнымъ быть не можетъ.

Не отрекаться отъ Церкви, не игнорировать ея ученіе должны священно-служители, желающіе, слѣдуя указанію нашего Государя, «усугубить свое плодотворное участіе въ духовной и общественной жизни ихъ паствы»: напротивъ того, они должны своею истинно-христіанскою жизнью и церковною проповѣдью привлекать наше общество къ Церкви, разсѣивая тѣ нелѣпыя антицерковныя предубѣжденія, которыя укоренились въ немъ, благодаря собственному его легкомысленному невѣжеству и еретическимъ ученіямъ нашихъ лжехристіанскихъ кривотолковъ.

Православная Церковь исполнена не духомъ мрачнаго рабства, какъ думаютъ наши интеллигенты, а духомъ истинной, лучезарной свободы: вотъ что должны показать и доказать наши священно служители, и мы въ правѣ сѣтовать на нихъ, если они этого не дѣлаютъ. Или, можетъ-быть, они сами сомнѣваются въ этой истинѣ? Тогда, конечно, имъ не слѣдуетъ оставаться въ Церкви, если они не хотятъ быть лицемѣрами, ибо въ тысячу разъ честнѣе толстовскій богохульникъ въ своей блузѣ, чѣмъ толстовскій священникъ въ своей рясѣ.

Государь желаетъ, чтобы священно-служители «усугубили свое плодотворное участіе въ духовной и общественной жизни *ихъ паствы*». Это весьма знаменательное указаніе.

Священно-служители призываются къ активному труду не въ качествѣ «общественныхъ дѣятелей», а въ качествѣ *церковныхъ пастырей*, которымъ Церковью ввѣрена паства для заботливаго, любовнаго попеченія о ея духовномъ благѣ, для неусыпной охраны ея отъ всякихъ враговъ и соблазновъ и для неуклоннаго веденія ея по указанному Церковью истинному пути Христову.

Вотъ въ этомъ смыслѣ живое участіе священно-служителей въ духовной и мірской жизни ихъ паствы всегда будетъ плодотворно: священникъ, близко зная духовную и мірскую жизнь каждаго изъ своихъ пасомыхъ, всегда будетъ для нихъ незамѣнимымъ благимъ совѣтникомъ во всѣхъ вопросахъ на ихъ личномъ и общественномъ поприщѣ, но, конечно, при томъ лишь условіи, если тѣсное единеніи священника и его паствы будетъ находиться подъ благодатною сѣнью Церкви Божіей, просвѣщающей своихъ вѣрныхъ сыновъ свѣтомъ истины, любви и правды.

XII.

Чего намъ ждать отъ мѣстной реформы?

Прежде всего—*полнаго упраздненія губернскаго земства.*

Одной уже этой реформы будетъ совершенно достаточно, чтобъ убѣдить всю Россію, что Правительство, дѣйствительно, рѣшилось приступить къ серіозной, плодотворной реорганизаціи и къ окончательному упроченію всего строя нашей мѣстной жизни, а не ограничиться снова лишь какими-нибудь безцѣльными компромиссами и легкими палліативами.

Но упраздненіе губернскаго земства будетъ имѣть не только громадное симптоматическое и глубокое психологическое значеніе: оно сразу очиститъ атмосферу нашего мѣстнаго быта отъ всѣхъ скопившихся въ немъ вредоносныхъ испареній, выдѣляемыхъ антиправительственною земскою борьбой, которая, какъ извѣстно, ведется съ несравненно бо́льшею интенсивностью губернскими земствами, чѣмъ земствами уѣздными.

Это послѣднее свойство губернскихъ земствъ объясняется весьма естественно тѣмъ, что у уѣздныхъ земствъ гораздо больше спеціально-хозяйственнаго дѣла (которымъ они, впрочемъ, тоже довольно плохо занимаются), тогда какъ у губернскихъ земствъ непосредственнаго хозяйственнаго *дѣла* очень мало, а потому и дѣятельность ихъ преимущественно наполняется громкими *словами* и пустыми *фразами*. Вотъ почему губернскія земства сдѣлались у насъ истинными «школами политическаго пустословія», въ которыхъ и вырабатываются тѣ жалкіе подражатели французскимъ якобинцамъ, не ограничивающіеся ролью «провинціальныхъ львовъ демократизма», но мечтающіе и о томъ, чтобы «взять Бастилію» даже въ самомъ Петербургѣ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы губернскія земства не оправдывали ожиданій своихъ учредителей, по крайней мѣрѣ тѣхъ лицъ, которыя, вырабатывая въ началѣ 60-тыхъ годовъ проектъ земскихъ учрежденій, видѣли въ нихъ «піонеровъ конституціонализма» въ Россіи, а потому старались придать имъ не столько практическую *хозяйственную* организацію, сколько организацію *политическую*, которая должна была служить основаніемъ въ Россіи народовластнаго *самоуправленія*, являющагося высшимъ государственнымъ идеаломъ для нашихъ скудоумныхъ либераловъ. Эту политическую роль они по преимуществу поручили *губернскому* земству, являющемуся у насъ какъ бы нѣкимъ провинціальнымъ парламентомъ или «земскимъ соборикомъ» въ ожиданіи великаго всероссійскаго парламентарнаго «земскаго собора». Губернскія земства должны были всегда помнить эту свою роль и вырабатывать въ своей средѣ тѣхъ «народныхъ борцовъ», которые должны были, по западно-европейскому образцу, вести атаку на Правительственную Власть.

Что такова именно была роль, предназначенная нашимъ земскимъ учрежденіямъ вообще, а губернскимъ земствамъ въ особенности, видно изъ того, что наши либералы уже съ конца шестидесятыхъ годовъ стали настойчиво требовать возможно бо́льшаго расширенія компетенціи и власти земствъ не въ смыслѣ болѣе плодотворной чисто *хозяйственной* ихъ дѣятельности, а именно въ смыслѣ болѣе интенсивнаго *политическаго самоуправленія*. Князь Васильчиковъ жаловался уже въ 1869 году, что самоуправленіе у насъ только

«основано», но еще не «устроено»; Головачевъ въ 1874 году требовалъ предоставить земствамъ контроль надъ дѣйствіями администраціи и сѣтовалъ на то, что они «значительно ограничены въ смыслѣ ихъ *политическаго* значенія въ общей системѣ государственнаго управленія»; Безобразовъ находилъ, что наши земскія учрежденія еще не настоящіе органы государственнаго самоуправленія, а только «мѣстныя *общественныя вольности*, могущія развиться въ такіе органы»; и эти требованія и сѣтованія продолжались вплоть до нашего времени, когда Струве въ своемъ заграничномъ «наиболѣе связанномъ съ *земскою* группой органѣ» указываетъ на земскихъ людей, какъ на главныхъ противоправительственныхъ борцовъ, и печатаетъ сочувственныя его революціонной дѣятельности письма земскихъ гласныхъ, «пользующихся, какъ ему извѣстно, вѣсомъ и вліяніемъ въ своихъ земствахъ».

Всѣ эти сочувствующіе бѣглому марксисту земскіе гласные пріобрѣли себѣ «вѣсъ и вліяніе» въ губернскихъ земствахъ своею игрой во «фронду» и «оппозицію» Правительственной Власти, являющіяся главными видами нашего земскаго спорта.

Къ чему же мы будемъ поощрять дальнѣйшее развитіе этого спорта? Зачѣмъ мы будемъ содержать для него особыя арены въ видѣ губернскихъ земствъ? Не пора ли намъ закрыть эту школу «дурнаго политическаго тона», или, чтобы назвать ее безо всякихъ эвфемизмовъ, «школу политическаго разврата».

Давно уже у насъ отмѣченъ тотъ фактъ, какое пагубное, именно *развращающее*, вліяніе имѣютъ наши губернскія земства на нашихъ дворянъ, которые въ дворянскихъ собраніяхъ чувствуютъ себя истинно-Русскими людьми и вѣрноподданными Самодержавнаго Русскаго Царя, а вступая въ атмосферу губернскихъ земскихъ собраній, какъ бы невольно становятся въ оппозицію Императорскому Правительству, и, увлекаясь этою ролью, постепенно проходятъ всѣ ея стадіи, начиная съ демократическихъ рѣчей и антигубернаторскихъ демонстрацій и кончая пасквильными письмами для «органа» г. Струве.

Кто потеряетъ отъ того, что у насъ не будетъ губернскихъ земствъ?

Никто, кромѣ г. Струве и его корреспондентовъ.

Зато выиграетъ отъ этого упраздненія мѣстная Правительственная Власть, которая, освободясь отъ унизительной для нея борьбы съ земскими политиканами, получитъ, наконецъ, возможность сосредоточить всю свою энергію на благоустройствѣ мѣстнаго жизненнаго строя. Выиграетъ отъ этого упраздненія мѣстное населеніе, которое избавится отъ обязанности нести расходы не только на уѣздныя земства, но и на земства губернскія. Выиграютъ отъ этого сами уѣздныя земства, избавившись отъ теперешняго грубаго деспотизма, подъ которымъ ихъ держитъ губернское земство. Выиграетъ, наконецъ, вся Россія, освободившись отъ этой школы пустаго политическаго фразерства, извращающей здравый умъ Русскихъ людей и сѣющей среди русскаго общества ту тяжелую смуту, которая приноситъ такой неисчислимый вредъ нашему Отечеству.

Вотъ почему мы глубоко убѣждены въ томъ, что *первымъ* шагомъ къ дѣйствительно плодотворной новой организаціи нашего мѣстнаго строя должно быть *полное упраздненіе губернскаго земства*.

XIII.

Кто долженъ управлять уѣздами?

Первымъ шагомъ къ упорядоченію нашей мѣстной жизни должно быть, какъ мы говорили, *упраздненіе губернскаго земства*.

Вторымъ шагомъ должно быть учрежденіе должности *уѣзднаго начальника*, или, если хотите, *уѣзднаго вице-губернатора*.

Мы неоднократно указывали на ненормальность нашей мѣстной жизни, зависящую отъ того *двоевластія*, которому она подчинена. Параллельное существованіе власти *правительственной* и власти *земской* ведетъ лишь къ тому, что обѣ онѣ находятся между собою въ хроническомъ, а иногда и въ остромъ конфликтѣ и, парализуя другъ друга, вызываютъ то хаотическое *безвластіе*, которое такъ гибельно отзывается на всей нашей мѣстной, въ особенности сельской, жизни.

Но двоевластіе это существуетъ, въ дѣйствительности, лишь въ губернскихъ городахъ, вліяя оттуда вреднымъ, разлагающимъ образомъ на уѣздную жизнь. Въ уѣздныхъ же центрахъ существуетъ одна только *земская* власть, тогда какъ правительственная власть не имѣетъ тамъ представителя, который находился бы въ такомъ же авторитетномъ отношеніи къ уѣздному земству, въ какомъ губернаторъ находится къ теперешнему земству губернскому.

Высшимъ представителемъ правительственной власти въ уѣздѣ является исправникъ, но лишь какъ органъ власти полицейской, не находясь ни въ какой органической связи ни съ земствомъ, съ одной стороны, ни съ земскими начальниками—съ другой. Земскіе же начальники точно также никакого вліянія на правильную дѣятельность уѣздныхъ земствъ не имѣютъ и сами не подчинены какому-либо *правительственному* руководству, исходящему изъ *уѣзднаго* центра, такъ какъ всѣ они непосредственно зависятъ отъ центра губернскаго—отъ губернатора.

Такимъ образомъ, въ уѣздѣ у насъ нѣтъ единоличнаго отвѣтственнаго за всю уѣздную жизнь представителя Правительственной власти,—нѣтъ *уѣзднаго начальника*, который, подчиняясь губернатору, *управлялъ бы уѣздомъ* на тѣхъ же приблизительно правахъ, на какихъ губернаторъ будетъ управлять губерніей по осуществленіи предстоящей мѣстной реформы, которая, какъ извѣстно, значительно расширитъ и усилитъ компетенцію губернаторской власти. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, эти уѣздные начальники могли бы вѣрнѣе всего быть названы «уѣздными вице-губернаторами», являясь въ сущности представителями губернатора въ уѣздѣ, подобно тому, какъ губернаторы являются представителями Государя въ губерніи.

Перечислять ли всѣ выгоды, которыя получатся отъ этой давно уже ожидаемой у насъ реформы? Онѣ сами собой бросаются въ глаза каждому, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ нуждами нашей мѣстной жизни.

«Децентрализація» и «усиленіе личной отвѣтственности»—вотъ основная идея предстоящей мѣстной реформы, и этой идеѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ учрежденіе болѣе мелкихъ—уѣздныхъ—единицъ, имѣющихъ во главѣ лично отвѣтственнаго за весь уѣздъ администратора въ лицѣ уѣзднаго начальника или вице-губернатора.

Можно ли требовать отъ губернатора, чтобъ онъ зналъ во всѣхъ подробностяхъ всѣ уѣзды своей губерніи и несъ полную отвѣтственность за все, что въ этихъ уѣздахъ происходитъ, если органами его власти въ каждомъ уѣздѣ являются лишь исправникъ и нѣсколько земскихъ начальниковъ? Можетъ ли губернаторъ вникать во всѣ мелочи уѣздной жизни, о которыхъ ему докладываютъ эти, сравнительно довольно мелкіе, хотя и весьма полезные, представители Правительственной Власти? Сами они обязаны входить во всѣ эти мелочи уѣздной жизни, видѣть въ каждой изъ нихъ выдающійся жизненный интересъ и посвящать этому интересу все свое вниманіе. Но отъ губернатора нельзя требовать, при всей сложности и важности его главной административной дѣятельности, чтобъ онъ столь же живо интересовался всѣми мелкими вопросами уѣздной жизни, которые ему, въ губернскомъ городѣ, поневолѣ должны представляться весьма микроскопическими при всей ихъ мѣстной обостренности.

Совершенно иное дѣло—уѣздный вице-губернаторъ. Живя одною жизнью со своимъ уѣздомъ и отвѣчая за правильный ея ходъ, онъ не можетъ находить въ ней какія-либо слишкомъ мелкія для него явленія. Доводя до свѣдѣнія губернатора лишь болѣе важные вопросы, требующіе высшаго, губернаторскаго, рѣшенія, уѣздный начальникъ рѣшаетъ всѣ остальные вопросы собственною властью, руководя, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣятельностью какъ исправника, такъ и земскихъ начальниковъ, которые находятъ въ немъ всегда легкодоступнаго, опытнаго и авторитетнаго разрѣшителя всѣхъ ихъ сомнѣній и недоумѣній, и далекаго отъ бюрократическаго формализма представителя Правительственной Власти, готоваго во всякое время поддержать своимъ авторитетомъ каждое живое, справедливое дѣло.

«Все это хорошо», говорятъ намъ, «но, гдѣ вы найдете людей пригодныхъ для должности уѣздныхъ начальниковъ»?

Какъ гдѣ? Да тамъ же, на мѣстахъ. Уѣздные начальники по преимуществу должны быть именно тѣми «мѣстными дѣятелями», которые у насъ обыкновенно противопоставляются «центральной бюрократіи».

Возьмите, напримѣръ, самаго дѣльнаго въ уѣздѣ земскаго начальника изъ помѣстныхъ дворянъ даннаго уѣзда и сдѣлайте его уѣзднымъ начальникомъ, или, какъ мы его назвали бы, уѣзднымъ вице-губернаторомъ. Будьте увѣрены, что онъ прекрасно справится со своимъ дѣломъ и будетъ драгоцѣннѣйшимъ сотрудникомъ своему губернатору.

А то возьмите предсѣдателя уѣздной земской управы, который, можетъ-быть, потому только и фрондируетъ противъ Правительства, что самъ не состоитъ на правительственной службѣ. Вѣдь у насъ на мѣстахъ есть много полезныхъ лицъ, которыя жаждутъ мѣстной дѣятельности и, не находя себѣ доступа на административные посты, поневолѣ идутъ на земскую службу и заражаются тамъ моднымъ антиправительственнымъ духомъ. Въ исправники они не пойдутъ по традиціонному предубѣжденію, а въ уѣздные вице-губернаторы или въ помощники вице губернатора—слѣдуетъ, конечно, учредить и такую должность—они пойдутъ съ величайшею охотой, видя въ этихъ должностяхъ не только поприще для полезной мѣстной дѣятельности, но и начало блестящей административной карьеры. Съ этою цѣлью слѣдовало бы установить, чтобы губернскіе вице-губернаторы назначались преимущественно изъ вице-губернаторовъ уѣздныхъ, и затѣмъ, доказавъ свою дѣловитость, они могли бы разсчитывать на дальнѣйшія высшія должности по мѣстной или центральной администраціи.

Мы уже не говоримъ о томъ всеобщемъ оживленіи, которое будетъ внесено въ наши уѣзды, коль скоро уѣздные города станутъ центрами болѣе или менѣе самостоятельной административной жизни: подтянутся и уѣздныя земства, и городскія думы, съ большимъ интересомъ станутъ служить земскіе начальники, исправники и становые; воспрянетъ духомъ и мѣстное дворянство, которое въ своихъ законныхъ нуждахъ найдетъ себѣ дѣятельную поддержку не только въ лицѣ своего уѣзднаго предводителя, но и въ лицѣ своего уѣзднаго вице-губернатора, такого же мѣстнаго дворянина, какъ и предводитель, вслѣдствіе чего оба они гораздо болѣе будутъ связаны общими интересами, нежели губернскій предводитель дворянства и губернаторъ, для котораго мѣстные интересы не всегда бываютъ близкими сердцу, *родными* интересами.

Къ тому же, съ упраздненіемъ губернскаго земства и съ сосредоточеніемъ всей земской дѣятельности въ уѣздахъ, при ней необходимо будетъ учредить дѣятельный правительственный контроль, который можетъ быть порученъ, конечно, не исправникамъ и земскимъ начальникамъ, а лишь *новому* представителю Правительства, соотвѣтствующему *новымъ* условіямъ мѣстной жизни,— «уѣздному начальнику» или «уѣздному вице-губернатору».

XIV.

Москва или Петербургъ?

Всякій разъ, когда Первопрестольная столица горитъ пламеннымъ восторгомъ, наслаждаясь великимъ счастіемъ имѣть въ своихъ стѣнахъ Царя и Царицу, снова становится на очередь вѣковой вопросъ о преимуществахъ Москвы и Петербурга, какъ столицъ Россійской Имперіи.

Споръ объ этихъ преимуществахъ остается до сихъ поръ неразрѣшеннымъ, и доводы въ пользу той и другой столицы всѣмъ давнымъ-давно уже извѣстны, такъ что повторять ихъ здѣсь было бы совершенно излишне и безполезно.

Но есть другой спорный вопросъ между Москвой и Петербургомъ,—вопросъ объ общемъ духѣ и направленіи нашей государственной жизни.

Съ тѣхъ поръ, какъ, рядомъ съ Москвой, возникъ на Невѣ новый государственный центръ, Россія живетъ какою-то двойственною жизнью, московскою и петербургскою, причемъ преобладаетъ то одна, то другая, а иногда та и другая текутъ параллельно, переплетаясь между собой, парализуя другъ друга и нарушая этимъ правильное развитіе нашего государственнаго организма.

Въ самомъ дѣлѣ, ни въ одномъ государствѣ мы не видимъ такой двойственности въ культурѣ и политикѣ, какую мы наблюдаемъ въ исторической жизни Россіи за послѣднія два столѣтія. И это весьма понятно: въ другихъ государствахъ мы нигдѣ не видимъ *двухъ* жизненныхъ центровъ, такъ же какъ и въ человѣческомъ организмѣ мы не видимъ двухъ сердецъ. Этою аномаліей страдаетъ только Россія, и этою именно аномаліей и объясняется двойственность ея культурной и политической жизни.

Перенося свою резиденцію въ созданную Имъ новую столицу, Петръ Великій, конечно, думалъ, что Петербургъ будетъ единственнымъ центромъ

Россіи, и что Москва навѣки заглохнетъ, превратившись въ простой провинціальный городъ, лишенный всякаго политическаго значенія. Но историческая правда взяла свое: въ Москвѣ было столько здоровыхъ жизненныхъ силъ, что, несмотря на пренебреженіе къ ней Петербурга, она не только не заглохла, но, переживъ тяжелое для нея время XVIII столѣтія, она совершила великій подвигъ 1812 года и затѣмъ стала въ теченіе XIX вѣка сперва медленно, а потомъ все быстрѣе возвращать себѣ свое прежнее великое значеніе въ организмѣ Русскаго государства.

Въ этомъ, конечно, ей значительно содѣйствовало ея почти центральное положеніе въ Европейской Россіи, положеніе исторически и логически вполнѣ естественное для истинной столицы Россійской Имперіи. Благодаря этому, Москва сама собою притянула къ себѣ цѣлый десятокъ желѣзнодорожныхъ линій, а это обстоятельство укрѣпило за ней значеніе главнаго торгово-промышленнаго центра всей Россіи.

Но и внутренняя, этическая сила Москвы дала ей возможность къ концу XIX вѣка во многихъ отношеніяхъ не только сравняться съ Петербургомъ, но и превзойти его. Оказалось, что изъ пепла 1812 года Москва воскресла не только тѣломъ, но и духомъ. Ореолъ мученичества навѣки остался на ея высокомъ челѣ, вызывая къ ней невольное уваженіе со стороны всѣхъ остальныхъ городовъ святой Руси, такъ что она въ духовномъ истинно-русскомъ отношеніи стала далеко выше Кіева, въ которомъ русскій духъ таится лишь въ древнихъ монастыряхъ и храмахъ.

Такимъ образомъ Москва снова выступила на политическую арену въ русской государственной жизни, и съ тѣхъ поръ въ организмѣ государства Россійскаго забились два сердца, потекла та странная двойственная жизнь, о которой мы говорили выше.

Правда, Москвѣ досталась въ удѣлъ не та практическая, исполнительная роль, которую всецѣло присвоилъ себѣ Истербургъ, но роль болѣе духовная, этическая, которая имѣетъ подчасъ глубокое вліяніе на всю Россію. Достаточно, напримѣръ, вспомнить, что при Александрѣ III Россія жила «московскою» государственною жизнью, хотя самъ Царь-Миротворецъ почти все Свое царствованіе пребывалъ въ Петербургѣ.

Московское вліяніе на жизнь Россіи чувствуется на каждомъ шагу, и въ этомъ отношеніи вліяніе Москвы не слабѣетъ, а все крѣпнетъ и растетъ. Но тѣмъ сильнѣе борется съ нимъ вліяніе Петербурга. По всѣмъ жизненнымъ вопросамъ Россіи образовались у насъ два враждебные лагеря: національный московскій и космополитическій петербургскій. (Этому не противорѣчитъ, что въ Петербургѣ живутъ и дѣйствуютъ многія лица національныхъ, «московскихъ» убѣжденій, а въ Москвѣ много «петербургскихъ» космополитовъ). Дошло до того, что не только въ политическихъ, но даже и въ религіозныхъ вопросахъ мыслящіе Русскіе люди раздѣлились на эти два лагеря, такъ что у насъ теперь уже образовалось «московское» и «петербургское» Православіе. Это очень серіозное симптоматическое явленіе, о которомъ намъ придется въ другой разъ говорить подробнѣе.

Но, какъ бы то ни было, двойственность нашей государственной и общественной жизни не подлежитъ никакому сомнѣнію, и она до тѣхъ поръ роковымъ образомъ будетъ продолжаться, сбивая насъ съ толку и внося вольное и невольное противорѣчіе въ самыя лучшія наши намѣренія и мѣропріятія,—пока государственный организмъ Россіи будетъ страдать этою двусердечною аномаліей.

Правда, эту аномалію пытаются отрицать тѣ люди, которые называютъ Москву «сердцемъ» Россіи, а Петербургъ—ея «головой». Но отъ этого сущность дѣла не мѣняется: какой можетъ быть толкъ въ человѣкѣ, у котораго голова находится въ разладѣ съ сердцемъ, когда дѣйствія этого человѣка парализуются постоянною борьбой между его сердцемъ и умомъ? Точно такъ же и государство можетъ жить правильною жизнью лишь въ томъ случаѣ, если у него «сердце» и «умъ» находятся въ полной между собою гармоніи.

Возможна ли эта гармонія между Москвой и Петербургомъ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Они вовсе не «дополняютъ» другъ друга, какъ насъ хотятъ увѣрить иные защитники нашей «двойственности». Обѣ столицы смотрятъ такъ противоположно на наши жизненные вопросы, что тутъ о какихъ-либо компромиссахъ, о какой-либо «золотой серединѣ» и думать нельзя.

Остается только терпѣливо ждать того отдаленнаго, а можетъ-быть и близкаго времени, когда въ Россіи сольются въ единый мощный организмъ и сердце и умъ ея, и когда въ ея жизни окончательно исчезнутъ послѣдніе признаки двойственности.

Нечего и говорить о томъ, что наши надежды всецѣло направлены къ тому, чтобъ и сердцемъ, и головой Россіи была по стародавнему Первопрестольная Москва, создавшая Россію, а потому и призванная всѣми духовными и матеріальными силами свято и мощно охранять свое созданіе.

XV.

Московское и Петербургское Православіе.

Въ прошломъ нашемъ очеркѣ, говоря о коренномъ различіи между Москвой и Петербургомъ, мы указали на то, что даже и въ отношеніяхъ къ Православной Церкви можно отмѣтить спеціально-петербургскія черты, которыхъ вы не найдете въ истинно-русскомъ, «московскомъ» Православіи.

Мы, само собою разумѣется, и въ данномъ случаѣ, какъ и въ прошломъ очеркѣ, должны сдѣлать оговорку: въ Петербургѣ есть много лицъ «московскаго» закала, которыя наравнѣ съ истинными Москвичами возмущаются петербургскимъ «православіемъ», точно такъ же, какъ и въ Москвѣ есть не мало лицъ, даже среди духовенства, которыя уже соблазнились петербургскими модными вѣяніями въ области религіозныхъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, мы едвали ошибемся, если припишемъ именно Петербургу какъ главную иниціативу, такъ и особенно тщательное культивированіе этихъ модныхъ вѣяній.

Въ чемъ же заключаются основныя черты петербургскаго православія?

Главною чертой этого «православія» является его болѣе или менѣе сознательная *антицерковность*.

Легкомысленная поверхностность, вообще свойственная Петербургу, давно уже вызвала въ немъ индифферентизмъ къ религіи вообще, а къ Церкви въ особенности. Этотъ легкомысленный, безпочвенный индифферентизмъ чрезвычайно обрадовался, когда нашелъ для себя «благовидный» предлогъ въ лженученіи графа Толстаго, выступившаго непримиримымъ врагомъ Церкви и выдвинувшаго противъ нея цѣлую груду мнимо-научныхъ, а то и просто невѣжественныхъ клеветъ и кощунственныхъ обвиненій. Благодаря Толстому, у петербургскихъ индифферентовъ очутилась почва подъ ногами, и они стали

относиться къ Церкви уже съ сознательнымъ пренебреженіемъ и смотрѣть на нее съ высоты своего «интеллигентнаго» величія; явилась для нихъ возможность не ходить въ церковь и не соблюдать церковныхъ правилъ не просто изъ лѣни и легкомыслія, а изъ «глубокаго убѣжденія» въ своемъ превосходствѣ надъ Церковью Божьей. Мало того, явилась возможность хвастаться своимъ «истиннымъ» христіанствомъ, которое де ничего общаго съ Церковью не имѣетъ.

Но вотъ Толстой былъ признанъ еретикомъ. Петербургу, всегда желающему быть «корректнымъ», неловко стало ссылаться на его авторитетъ для оправданія своего антицерковнаго духа. На выручку явились нѣкоторыя духовныя лица чисто петербургскаго склада, доказывавшія, что для того, чтобы жить безъ Церкви, нѣтъ никакой необходимости ополчаться противъ нея, достаточно просто *игнорировать* ее. Раздалась проповѣдь, въ которой не произносилось даже имени Православной Церкви, такъ что слушатели получали впечатлѣніе и даже убѣжденіе, что въ христіанствѣ Церковь ровно никакой роли не играетъ и что можно сдѣлаться христіаниномъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Церковь, да и не придавая особеннаго значенія даже и самой Вѣрѣ.

Для легкомысленныхъ интеллигентовъ это была цѣлая находка. Они поставили крестъ надъ Церковью и надо всѣмъ, что̀ имѣетъ какое-либо къ ней отношеніе, и стали пуще прежняго величать себя «истинными» христіанами!

Такова, слѣдовательно, главная черта петербургскаго «православія»— безцерковность или, что̀ то же самое, антицерковность

Но есть и другая секта въ петербургскомъ «православіи». Эта секта «блудныхъ сыновъ».

Къ ней принадлежатъ интеллигенты, менѣе легкомысленные, чѣмъ вышеупомянутые индифференты, но столь же невѣжественные какъ они и превосходящіе ихъ своею гордостью. Они относятся къ Церкви не пренебрежительно, а снисходительно. Правда, они тоже находятъ Церковь не по своему вкусу, но полагаютъ, что если они удостоятъ ее своего благосклоннаго «интеллигентнаго» вниманія, она почувствуетъ себя столь польщенною, что немедленно согласится подвергнуть себя какимъ угодно измѣненіямъ, лишь бы угодить просвѣщенному вкусу г.г. «интеллигентовъ». Они называютъ себя «блудными сынами» и гордятся этимъ названіемъ, требуя, чтобы Церковь бросилась къ нимъ навстрѣчу, не помня себя отъ радости. Они забываютъ, что блудный сынъ евангельскій былъ встрѣченъ съ великою радостью отцомъ своимъ, когда пришелъ къ нему не съ гордыми требованіями и не съ укорами, а съ искреннимъ, полнымъ, глубокимъ раскаяніемъ, припавъ къ отцу своему съ такими словами: «*отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой*».

Наши же петербургскіе «блудные» интеллигенты являются къ Церкви не съ покаяніемъ, а чуть не съ нотаріусомъ, который долженъ составить протоколъ о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ «блудные сыны» согласны вернуться въ Церковь. А если Церковь не согласится сдѣлать имъ тѣ уступки, которыя они отъ нея требуютъ, то они повернутся къ ней спиной и уйдутъ, сожалѣя о несостоявшейся сдѣлкѣ, но взваливая всю вину не на себя, а на Церковь, которая де по неразвитости своей не поняла великаго значенія нашихъ «интеллигентовъ».

А требованія этихъ господъ далеко не маловажны: они желаютъ, чтобы Церковь, между прочимъ, отказалась отъ своего вѣками установившагося взгляда на аскетизмъ и отнеслась къ нему съ тою же фанатическою злобой, съ какою относятся къ нему сами «интеллигенты».

Эта фанатическая злоба является одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ этихъ господъ, ищущихъ, будто бы, сближенія съ Церковью. Проповѣдуя устами одну лишь «христіанскую любовь», они съ пѣной у рта набрасываются на христіанскихъ пустынниковъ и отшельниковъ, покрывая ихъ самыми злостными ругательствами и клеветническими инсинуаціями. Одна уже эта *злоба* противъ этихъ Святыхъ Угодниковъ Божіихъ, а также и непомѣрная *гордость* петербургскихъ интеллигентовъ по отношенію къ нашей Святой Матери Церкви, ясно показываютъ, откуда они черпаютъ свои силы и къ чему стремятся ихъ желанія.

Совершенно противоположнымъ этому духу гордыни и злобы является истинно-христіанскій духъ «московскаго» Православія.

Истинно православный христіанинъ съ Церковью не торгуется, онъ своимъ разумомъ не гордится, а потому и не ставитъ его выше вѣковой мудрости Вселенской Церкви Божіей, ея же Главой является Самъ Спаситель рода человѣческаго. Истинный православный христіанинъ, какъ его всегда понимала Москва, не отдѣляетъ Христа отъ Его Церкви. Онъ знаетъ и вѣруетъ, что великіе Отцы и Учители Церкви своею чистою, благоговѣйною, а въ особенности *аскетическою* жизнью получили возможность ближе и лучше понимать и чувствовать великую истину христіанскаго ученія, чѣмъ люди оставшіеся въ міру, и что безъ ихъ святаго апостольскаго содѣйствія, осѣненнаго Божіею благодатію, ученіе Христа не распространилось бы такъ побѣдоносно по всей вселенной.

Православный христіанинъ вѣритъ и въ силу *молитвы* и знаетъ, что молитва есть непосредственное общеніе человѣка съ Богомъ; онъ знаетъ и то, что чѣмъ выше въ религіозно-нравственномъ отношеніи стоитъ человѣкъ, тѣмъ легче ему войти въ это желанное для каждаго человѣка общеніе. Къ Богу приблизиться мы можемъ не тѣломъ, а духомъ, а потому тотъ человѣкъ, который своею аскетическою жизнью всего болѣе освободилъ свой духъ отъ узъ тѣлесныхъ, всего ближе стоитъ къ Богу и легче всего входитъ съ Нимъ въ молитвенное общеніе. Какъ высоко мы поэтому должны цѣнить тѣ молитвы, которыя за насъ и для насъ слагаютъ и возносятъ къ Господу святые мужи и жены, удалившіеся отъ міра для того, чтобъ исключительно посвятить себя Богу!

Чуткій къ духу Православной Церкви великій нашъ поэтъ глубоко понялъ высокое поэтическое значеніе христіанскаго аскетизма въ этомъ именно отношеніи, когда онъ своему вдохновенному переложенію великопостной молитвы предпослалъ слѣдующія дорогія каждому Русскому сердцу слова:

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ.

Такъ именно, какъ Пушкинъ, вѣритъ и мыслитъ московское Православіе.

А петербургское интеллигентное сектантство въ отцахъ-пустынникахъ и ихъ молитвахъ никакой «пользы» не признаетъ и осыпаетъ этихъ «людей не отъ міра сего» злостными глумленіями.

И это называется «православіемъ», и это выдается за «христіанскую любовь!!»

Мы уже не говоримъ о третьей петербургской сектѣ, смѣшивающей христіанство съ грубымъ, чувственнымъ язычествомъ. Тутъ уже и религіи нѣтъ, а есть только одна оргіастическая психопатія, которая даже и для Петербурга является возмутительною, а тѣмъ болѣе для Москвы....

XVI.

Естественная цензура.

Въ Высочайшемъ Рескриптѣ, отъ 16 апрѣля, данномъ на имя Августѣйшаго Московскаго Генералъ-Губернатора, Государю Императору угодно было указать на то благое вліяніе, которое имѣло для Русскаго Царя пребываніе подъ благодатною сѣнью Святой Матери-Церкви, въ стѣнахъ древняго Кремля, среди великихъ святынь Московскихъ и славныхъ памятниковъ родной исторіи.

Пребываніе Царя въ Москвѣ всегда вызываетъ и много другихъ благихъ послѣдствій для національнаго самосознанія Русскаго государства и Русскаго народа, и чѣмъ продолжительнѣе то время, въ теченіе котораго Государь осчастливливаетъ Свою Первопрестольную столицу Своимъ милостивымъ посѣщеніемъ, тѣмъ живѣе чувствуется это оздоровленіе Россіи.

Признаки этого столь желаннаго оздоровленія намъ неоднократно уже приходилось отмѣчать на этихъ же страницахъ. Къ нимъ принадлежитъ и тотъ признакъ, на которомъ мы желали бы нынѣ остановить особое вниманіе нашихъ читателей.

Мы говоримъ о временномъ *оздоровленіи нашей печати* въ теченіе всего пребыванія Ихъ Величествъ въ Москвѣ.

Это знаменательное явленіе замѣчалось не только въ этомъ году, но и три года тому назадъ, когда Государь и Государыня впервые провели чуть не цѣлый мѣсяцъ среди Московскихъ святынь и великихъ памятниковъ нашей исторіи. И тогда, какъ и теперь, вся антинаціональная и антиправительственная печать наша, какъ по мановенію волшебнаго жезла, прекратила свои яростныя нападки на Православную Церковь, свои косвенныя вылазки противъ Самодержавной Власти и свои глумленія надъ національными идеалами Русскаго народа. И это сдѣлалось само-собой, безо всякихъ цензурныхъ «циркуляровъ» или правительственныхъ предписаній, а въ силу одной лишь стихійной мощи русскихъ этическихъ началъ, съ которыми нашимъ «либераламъ» гораздо труднѣе бороться, чѣмъ съ петербургскими чиновниками.

Вся наша «демократическая» печать, присущими ей еще остатками русскаго чутья, *сама поняла* всю несвоевременность какихъ-либо антинаціональныхъ или антиправительственныхъ демонстрацій въ то время, когда вся Россія съ такою ясностью и съ такимъ восторгомъ сознавала себя Россіей, видя Царя подъ сѣнью Кремлевскихъ святынь. Вотъ почему печать эта, для которой въ обыкновенное время не существуетъ русскихъ идеаловъ,—развѣ только какъ объекты цинической издѣвательства,—въ теченіе этихъ трехъ «московскихъ недѣль», какъ три года тому назадъ, такъ и нынѣ, наложила на себя добровольную, естественную цензуру и своимъ обычнымъ зубоскальствомъ не нарушала общей гармоніи народнаго умиленія и восторга.

Тѣ же почтенные органы нашей печати, которые, не имѣя опредѣленныхъ убѣжденій, сегодня служатъ національнымъ идеямъ, а завтра легкомысленному космополитизму, совмѣщая иногда это противоположное служеніе даже въ теченіе одного и того же дня,—эти вѣтренные органы въ теченіе всѣхъ «московскихъ недѣль» забыли даже о существованіи космополитизма и печатали чуть не хвалебныя оды національному значенію Москвы.

Словомъ, всѣ невѣжественные и легкомысленные инстинкты нашей «либеральной» и «либеральствующей» печати были парализованы общимъ подъемомъ народнаго духа, и *естественная цензура* заступила у нихъ мѣсто цензуры искусственной.

Можно положительно придти къ тому выводу, что еслибы Москвѣ были возвращены ея историческія права, какъ традиціонной и дѣйствительной столицѣ Россіи, то этотъ могущественный подъемъ русскаго національнаго сознанія, выражавшійся каждый разъ во время пребыванія Царя въ Москвѣ, сдѣлался бы нормальнымъ, постояннымъ явленіемъ, въ силу котораго искусственная цензура превратилась бы у насъ чуть не въ синекуру.

Это уже ясно изъ того, что пресловутое «общественное мнѣніе», выразителемъ котораго является печать, всегда находится въ прямой зависимости отъ того повышеннаго или пониженнаго тона, въ которомъ дѣйствуетъ Правительственная Власть.

Въ этой истинѣ насъ убѣждаетъ внимательное изученіе исторіи всѣхъ государствъ.

Нѣтъ государства безъ созидающей и охраняющей его Власти. Чѣмъ крѣпче и разумнѣе эта Власть, тѣмъ лучше для государства. Но Власть эта можетъ находиться въ разныхъ рукахъ, и отъ этого зависитъ и степень ея крѣпости, и степень ея разумности. Она можетъ быть сильна и разумна въ рукахъ самодержавнаго монарха. Она можетъ быть сильна, но всегда будетъ несправедлива, а, слѣдовательно, и неразумна, при олигархическомъ правленіи партійной группы людей, будутъ ли это Аѳинскіе 30 тирановъ, или Французскіе якобинцы, какъ прежнихъ, такъ и нашихъ дней. Власть, наконецъ, будетъ не сильна и не разумна, если она будетъ въ рукахъ многоголоваго народа.

И вотъ мы видимъ въ исторіи государствъ, что всякій разъ, когда самодержавное монархическое правительство крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ государственную власть и разумно ею пользуется, все общественное мнѣніе находится въ полномъ согласіи съ правительствомъ, какая бы оппозиція правительству ни проявлялась отдѣльными лицами или группами лицъ. Антагонизмъ между общественнымъ мнѣніемъ и правительствомъ является всегда лишь по иниціативѣ самого же правительства, когда оно почему-либо выпускаетъ изъ своихъ рукъ государственную Власть; ибо тогда тотчасъ же начинаютъ присвоивать себѣ эту брошенную на улицу Власть представители общества или народа, доказывая, что не только данное правительство, но и всякое вообще правительство, безъ общества управлять государствомъ не можетъ и что поэтому нужно раздѣлить, то-есть ослабить Власть, а это уже есть прямой путь къ *уничтоженію* правительственной Власти, къ демократической *революціи*.

Возьмемъ, напримѣръ, исторію Французской Революціи.

Намъ перечисляютъ цѣлую массу причинъ, почему она стала «необходимою». Ее, видите ли, потребовало «общественное мнѣніе», а кто же можетъ устоять противъ общественнаго мнѣнія?

На самомъ же дѣлѣ, Французскую Революцію вызвала лишь одна причина—слабосиліе и растерянность Людовика XVI. Еслибы, вмѣсто этого монарха, упустившаго изъ рукъ государственную власть, на престолѣ Франціи находился хотя бы тотъ же Наполеонъ, который взошелъ на этотъ престолъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ казни своего предшественника,—то неужели онъ сдѣлалъ бы тѣ роковыя уступки «общественному мнѣнію», которыя вызвали собой Французскую Революцію?

Конечно, нѣтъ. Онъ ихъ не сдѣлалъ бы даже въ томъ случаѣ, еслибы Вольтеръ и Руссо написали въ десять разъ больше сарказмовъ и утопій, «подготовившихъ» эту Революцію. Да можно быть увѣреннымъ, что добродушному Жанъ-Жаку и въ голову не пришло бы писать свой наивно-революціонный *Соціальный договоръ*, еслибы при немъ Франція находилась подъ управленіемъ Людовика XIV или Наполеона I. Онъ его не написалъ бы не изъ страха передъ правительственною цензурой, а просто, подчиняясь *естественной цензурѣ* общественнаго мнѣнія, которое при Людовикѣ XIV и Наполеонѣ I стояло бы безусловно на сторонѣ правительства и просто не интересовалось бы произведеніями революціонной литературы.

Установилась пословица, будто «народы имѣютъ тѣ правительства, которыхъ они заслуживаютъ».

Эта пословица по существу своему невѣрна, такъ какъ въ дѣйствительности активная роль въ исторіи принадлежитъ всегда *правительству* и переходитъ къ народу лишь тогда, если правительство само беретъ на себя инициативу самоослабленія и саморазрушенія.

А потому, если опредѣлять историческимъ закономъ отношеніе правительства къ общественному мнѣнію, то можно установить обратную формулу, что «каждое правительство имѣетъ дѣло съ такимъ общественнымъ мнѣніемъ, какого оно заслуживаетъ».

Сильное и разумное правительство всегда имѣетъ общественное мнѣніе за себя; слабое, уступчивое, неразумное—противъ себя.

XVII.

Православная церковь передъ судомъ „интеллигенціи".

Вопросы церковные не сходятъ со страницъ нашей свѣтской печати.

На первый взглядъ этому можно было бы только радоваться. Въ самомъ дѣлѣ, если наше «интеллигентное» общество такъ интересуется Церковью, то это, можетъ быть, потому, что оно, во-первыхъ, стало менѣе интересоваться свѣтскими вопросами, а, во-вторыхъ, потому, что оно чувствуетъ потребность вернуться въ лоно Церкви, изъ котораго оно, по своему легкомыслію, самовольно себя удалило.

Еслибы таковы были дѣйствительныя причины того интереса, который наша «интеллигенція» нынѣ такъ усиленно стала проявлять къ церковнымъ вопросамъ, то мы первые отъ всей души привѣтствовали бы это явленіе, какъ въ высшей степени желательное.

Но, къ сожалѣнію, такое предположеніе не находитъ себѣ реальнаго оправданія. Интересъ церковными вопросами нисколько не заслонилъ собою у нашей «интеллигенціи» ея интереса вопросами свѣтскими, уровень которыхъ

за послѣднее время не только не повысился, но даже значительно понизился. Къ тому же то невѣжественное легкомысліе, съ которымъ «интеллигенція» трактуетъ свѣтскіе вопросы, переносится ею и на вопросы церковные, которые она не столько рѣшаетъ, сколько оскверняетъ пошлостью своихъ взглядовъ и разсужденій.

Что же касается желанія «интеллигенціи» вернуться въ лоно Церкви, то это лишь благовидный предлогъ, прикрывающій собой совершенно иныя цѣли.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли предполагать, что такое искреннее желаніе присуще всей нашей «интеллигенціи?» Еслибы наша «интеллигенція» представляла собою какую-нибудь замкнутую партію людей, солидарныхъ между собой и отвѣчающихъ другъ за друга въ своихъ стремленіяхъ и желаніяхъ, то мы могли бы ожидать отъ нихъ какого-либо общаго стремленія къ Церкви. Но мы не можемъ даже сказать, чтобы та единственная связь, которая соединяетъ всѣхъ нашихъ интеллигентовъ — ихъ невѣжественное легкомысліе — у всѣхъ ихъ стояло на одномъ и томъ же общемъ для всѣхъ уровнѣ. И легкомысліе, и невѣжество отличаются у нашихъ «интеллигентовъ» массой различныхъ ступеней и оттѣнковъ и входятъ между собой въ самыя разнообразныя комбинаціи. Въ виду этого можно, конечно, предположить, что, по всей вѣроятности, есть не мало отдѣльныхъ «интеллигентовъ», которые, отличаясь наименьшею степенью легкомыслія и невѣжества, чувствуютъ дѣйствительную потребность и искреннее желаніе вернуться къ Церкви и войти съ вѣрой и благоговѣніемъ подъ ея святую и благодатную сѣнь. Кто не знаетъ такихъ отрадныхъ примѣровъ, и никто не укажетъ ни одного случая, когда бы Церковь не открывала съ истинною материнскою любовью своихъ всепрощающихъ объятій такимъ искренно-кающимся грѣшникамъ. Еслибы таковыми именно грѣшниками, жаждущими церковной благодати, были *всѣ* наши «интеллигенты», то русское общество находилось бы наканунѣ своего коренного нравственнаго обновленія, наканунѣ того лучезарнаго дня, когда русская «интеллигенція» слилась бы навѣки съ Русскимъ народомъ въ общей православной вѣрѣ въ Церковь Христову.

Но, увы, до этого дня намъ еще очень далеко, да и наступитъ ли онъ когда-нибудь? Какъ бы многочисленны ни были упоминаемые нами выше примѣры искренняго раскаянія «интеллигентовъ», примѣры эти остаются все-таки лишь единичными, теряющимися въ общей массѣ нашей «интеллигенціи», которая не только не думаетъ о какомъ-либо собственномъ раскаяніи, но съ кичливою надменностью *призываетъ самую Церковь къ покаянію передъ «интеллигенціей» въ какихъ-то ея прегрѣшеніяхъ!*

Развѣ мы не видимъ, какъ на каждомъ шагу «интеллигенты» въ своихъ статьяхъ и рѣчахъ творятъ судъ и расправу надъ Вселенскою Церковью, пользуясь всѣмъ клеузническимъ аппаратомъ современныхъ присяжныхъ софистовъ? У нихъ, въ сущности, та же самая цѣль, которая была у книжниковъ и фарисеевъ, желавшихъ «обольстить словомъ» Спасителя, о которыхъ намъ повѣствуютъ Св. Евангелисты Матоей, Маркъ и Лука:

«И взыскаша архіереи и книжницы возложити нань руцѣ въ той часъ и убоящася народа; и наблюдше, послаша лаятелей, притворяющихъ себе праведники быти, да имутъ Его въ словеси, бо еже предати его начальству и области игемоновѣ. И вопросиша Его, глаголюще: Учителю, вѣмы, яко право глаголеши и учиши и не на лица зриши, но воистину путь Божію учиши. Достоитъ ли намъ Кесареви дань дяти, или ни?

«Разумѣвъ же Іисусъ лукавство ихъ, рече: что Мя искушаете, лицемѣри?»

Кому не извѣстны современные «лаятели», которые фарисейски подходятъ къ представителямъ Церкви, «притворяясь праведниками», и сказавъ имъ нѣсколько льстивыхъ словъ, внезапно ставятъ имъ какой-нибудь коварный софистическій вопросъ, чтобы поймать ихъ на отвѣтѣ и предать въ лицѣ ихъ всю Церковь на глумленіе народное, и донести «начальству и власти игемоновѣ» на Церковь, какъ на учрежденіе вредное, подлежащее полному уничтоженію?

Что же отвѣчаютъ имъ представители Церкви? Тѣ изъ нихъ, которые, подобно самому Спасителю, ясно видятъ все «лукавство» и «лицемѣріе» этихъ мнимо-праведныхъ «лаятелей», отвѣчаютъ имъ съ тѣмъ же достоинствомъ и съ тою же мѣткостью, съ какими нѣкогда самъ Спаситель отвѣчалъ искушавшимъ его фарисеямъ.

Но, къ сожалѣнію, встрѣчаются и близорукіе простецы, дающіе себя «обольстить словомъ» и слѣпо вѣрящіе соблазнительнымъ словамъ лицемѣровъ, «притворяющихъ себе праведники быти». Они теряются, не находятъ, что отвѣтить на поставленные имъ лукавые вопросы, и готовы даже преклониться предъ умственнымъ превосходствомъ и мнимою ученостію своихъ вопрошателей. Это тѣ жалкіе люди, которые, несмотря на свой духовный санъ, совершенно обмірщились въ постоянномъ соприкосновеніи съ нашимъ легкомысленнымъ, невѣжественнымъ обществомъ и совершенно утратили возможность стоять выше, чувствовать глубже и видѣть дальше его. Чего же ожидать отъ этихъ рясофорныхъ «интеллигентовъ», которые образовали свой умъ не на свято-отеческихъ твореніяхъ, а на «твореніяхъ» современныхъ беллетристовъ? Какъ же *такимъ* представителямъ Церкви не становиться втупикъ передъ софизмами современныхъ «лаятелей?»

Но можно ли хоть на минуту допустить, что эти софизмы могли бы сколько нибудь смутить *истинныхъ* представителей Церкви, хотя бы, напримѣръ, Филарета Московскаго, Амвросія Оптинскаго, Ѳеофана Затворника, Серафима Саровскаго, Варнаву у Черниговской, Іоанна Кронштадтскаго и великихъ современныхъ архипастырей нашихъ, возвышающихся спасительными свѣточами надъ моремъ нашей бушующей «интеллигенціи»?

Впрочемъ, по правдѣ сказать, чтобъ отвѣтить на всѣ эти жалкіе софизмы и не требуется даже какой либо особо выдающейся прозорливости и учености: они до такой степени пошлы и глупы, что можно сразу разоблачить скрывающуюся въ нихъ безсовѣстную ложь и тенденціозную передержку.

А тенденція современныхъ фарисеевъ совершенно очевидна. Такъ же, какъ и древніе фарисеи, они измышляютъ и ставятъ свои духовные вопросы не ради праздныго словопренія, а дабы дискредитировать Православную Церковь, лишить ее божественнаго авторитета въ глазахъ народа и Правительства и подготовить этимъ ея окончательное упраздненіе.

Точно такъ же, какъ Спасителя ненавидѣли фарисеи за то, что Онъ безпощадно уличалъ ихъ въ лицемѣріи, точно такъ же и «интеллигенты» наши ненавидятъ Его Церковь, уличающую ихъ въ лукавствѣ и ставящую еще нѣкоторые предѣлы ихъ необузданному произволу.

Они уже самовольно освободились отъ многихъ стѣснявшихъ ихъ церковныхъ догматовъ, законовъ и обрядовъ. Но этого имъ мало: они хотятъ

истребить *всѣ безъ исключенія догматы*, не говоря уже о законахъ и обрядахъ, которые они просто перестали соблюдать.

Они всю свою жизнь очень легко обходятся безъ постовъ и говѣнія, безъ молитвъ и причащенія, совершенно игнорируя даже существованіе Церкви. Лишь въ одномъ жизненномъ вопросѣ имъ приходится еще считаться съ Церковью—въ вопросѣ *брачномъ*: вотъ почему они съ такимъ бѣшенствомъ теперь набросились на брачные законы Церкви, какъ на послѣднюю крѣпкую ея позицію. А встрѣчая на своемъ пути неугодное ихъ пошлымъ инстинктамъ воззрѣніе Отцовъ Церкви на святую чистоту брака, они, кстати, съ такою же яростью нападаютъ и на Святыхъ Отцовъ, и на всю аскезу христіанской Церкви, столь тѣсно связанную съ основною вѣрою христіанства въ *наиболѣе важную, загробную, вѣчную* часть жизни человѣка. Уже изъ одного ихъ стремленія думать лишь о своей земной жизни и превратить ее въ какую-то веселенькую оперетку—видна вся низменная подкладка ихъ «великаго ученія».

Церковью же они интересуются лишь съ тою цѣлью, чтобы найти въ ней слабую, по ихъ мнѣнію, сторону, учинить надъ этой слабой стороной «интеллигентную» инквизицію и затѣмъ обратиться къ народу и Правительству съ громкими криками: «распни, распни Ее».

Кстати, во Франціи ее уже и распинаютъ. Что же это мы то отстали отъ этой «просвѣщенной націи», давно уже упразднившей церковные брачные законы и столь успѣшно развращающей народъ, пріучая его къ тому брачному распутству, о которомъ такъ вздыхаютъ наши «интеллигенты?»

XVIII.

Политическія преступленія.

Какъ это ни прискорбно, но приходится констатировать тотъ фактъ, что политическія преступленія какъ будто снова становятся хроническимъ вопросомъ нашей государственной и общественной жизни.

Мы не станемъ останавливаться на причинахъ этого возмутительнаго явленія, такъ какъ причины эти намъ извѣстны еще съ конца семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія и съ тѣхъ поръ не мѣнялись. Всякій разъ, когда у нашихъ крамольниковъ является почему-то предположеніе, что Правительство готово дѣлать имъ какія нибудь уступки, они выступаютъ съ болѣе смѣлыми революціонными требованіями, подкрѣпляя ихъ террористическими преступленіями, которыя, по ихъ разсчетамъ, должны еще увеличить предполагаемую ими слабость Правительства и побудить его путемъ страха къ еще большей уступчивости предъ вышеуказанными революціонными требованіями. Но стоитъ только этимъ господамъ убѣдиться въ томъ, что Правительство ни на какія уступки не пойдетъ и твердо принимаетъ мѣры совершенно обратныя тѣмъ, которыхъ отъ него требуетъ «легальная» и «нелегальная» крамола,—какъ они тотчасъ же возвращаются въ свои норы, и политическія преступленія совершенно выходятъ изъ нашего государственнаго и общественнаго обихода, какъ мы это, напримѣръ, видѣли въ теченіе всего царствованія Царя-Миротворца.

Насъ, поэтому, гораздо болѣе интересуетъ вопросъ не о причинахъ снова появившихся у насъ политическихъ преступленій, а объ отношеніи къ нимъ

нашего «общественнаго мнѣнія». Выразителемъ его считается, какъ извѣстно, наша «пресса», а потому вопросъ сводится въ сущности къ тѣмъ газетнымъ отзывамъ, которыми встрѣчено было послѣднее политическое преступленіе, жертвой котораго палъ Уфимскій губернаторъ.

Консервативныя газеты, разумѣется, открыто выразили свое негодованіе по поводу этого гнуснаго, возмутительнаго событія. Но консервативныхъ газетъ у насъ, какъ извѣстно, ничтожное меньшинство, а широкое интенсивное вліяніе на русскую читающую публику находится всецѣло въ рукахъ нашей «легальной», именующей себя «либеральною», антиправительственной партіи. Она является не столько *выразителемъ* «общественнаго мнѣнія», сколько его *создателемъ*, такъ что, въ сущности, небольшая группа журналистовъ вызываетъ по своему усмотрѣнію тѣ или другія настроенія русской читающей публики, которыя, различаясь собою въ мелочахъ, имѣютъ неизмѣнно одну и ту же антиправительственную тенденцію.

Какъ же отнеслась наша «либеральная» печать къ гнусному злодѣянію уфимскихъ революціонеровъ?

Осудила ли она ихъ кровавое возмутительное дѣло? Заклеймила ли она ихъ своимъ презрѣніемъ? Выразила ли она свое сочувствіе несчастной ихъ жертвѣ?

Нисколько. Ничего этого вы въ нашей «либеральной печати не найдете.

Вотъ еслибы случилось какое-нибудь несчастіе съ передовымъ «земцемъ», который прославился бы дерзкою антицерковною или антиправительственною дѣятельностью,—о, тогда, конечно, наши «либеральные» фабриканты «общественнаго мнѣнія» разразились бы цѣлымъ потокомъ сентиментально-гражданскихъ панегириковъ. А теперь? Кто убитъ? Губернаторъ? Ни слова о немъ! Пускай «общественное мнѣніе» пріучается смотрѣть на убійство губернатора такъ же равнодушно, какъ на какую нибудь банальную желѣзнодорожную катастрофу. Можно, пожалуй, посвятить убитому коротенькую выписочку изъ послужнаго списка, но и только. Выразить же порицаніе его убійцамъ—Боже сохрани! Вѣдь это было бы ужасно, еслибъ «общественное мнѣніе» настроилось противъ нихъ! Они вѣдь дѣйствовали *противъ* Правительства, а въ глазахъ «общественнаго мнѣнія» это должно считаться заслугой. — Такова точка зрѣнія нашей «либеральной» партіи.

Какъ далеко мы ушли отъ конца семидесятыхъ годовъ. Тогда еще «легальные» крамольники считали долгомъ приличія послѣ каждаго политическаго преступленія открыто протестовать противъ своихъ «нелегальныхъ» сообщниковъ, совершавшихъ эти преступленія. Положимъ, никто этимъ фиктивнымъ протестамъ не вѣрилъ, но все-таки внѣшній декорумъ былъ соблюденъ. Теперь же цинизмъ нашихъ «либераловъ» дошелъ до того, что они ни о какомъ декорумѣ ужъ и не думаютъ.

Конечно, наши упреки имъ не поправятся: они станутъ въ театральную позу и будутъ трагически восклицать пустозвонныя фразы, въ родѣ того, напримѣръ, что: «вы отняли у насъ право слова, такъ оставьте же намъ право молчанія!»

Но вѣдь на серіозныхъ людей эти бутафорскіе возгласы точно такъ же не произведутъ никакого впечатлѣнія, какъ и былые фиктивные «протесты», доказывающіе, что «либералы» де добиваются революціонныхъ реформъ легальными, а не насильственными путями, какъ будто тутъ главный вопросъ идетъ о различныхъ *средствахъ*, а не объ общей для нихъ *преступной цѣли*.

Такъ и теперь. Кто это отнимаетъ у либераловъ «право слова?» Они могутъ говорить всякое слово, кромѣ слова революціоннаго. *А имъ оно только и надо.* Вотъ они и взываютъ къ «общественному мнѣнію» и внушаютъ ему такую нелѣпость, будто въ Россіи вообще нѣтъ «свободы слова». А «общественное мнѣніе», находящееся у нихъ въ слѣпомъ порабощеніи, вѣритъ всякому вздору, который они ему преподносятъ путемъ ли краснорѣчивыхъ словъ, или путемъ не менѣе «краснорѣчиваго молчанія».

Эти жалкіе эксплуататоры общественнаго довѣрія желаютъ еще, чтобъ имъ была предоставлена эксплуатація довѣрія правительственнаго. Какая наивность! Они воображаютъ, что если они, напримѣръ, такъ систематически воздерживаются отъ осужденія политическихъ убійствъ, то никто истиннаго значенія этого ихъ поступка не пойметъ; они думаютъ, что никто не замѣчаетъ, какъ они этимъ способствуютъ тому, чтобъ общественное мнѣніе относилось равнодушно къ такимъ возмутительнымъ злодѣяніямъ, какъ то, которое на дняхъ совершилось въ Уфѣ, и что они такимъ образомъ искусственно поддерживаютъ ту атмосферу, въ которой такія преступленія могутъ дѣлаться хроническими явленіями въ нашей государственной и общественной жизни.

Нѣтъ, тактика ихъ слишкомъ прозрачна и никого въ обманъ не введетъ. Мы имъ совѣтуемъ лучше снова вернуться къ соблюденію декорума посредствомъ фиктивныхъ протестовъ. Это все-таки будетъ приличнѣе, благовоспитаннѣе.

XIX.

Чему намъ учиться у Петра?

Петровскія празднества окончились, такъ что можно подвести имъ нѣкоторые итоги.

Мы оставимъ въ сторонѣ офиціальныя торжества, которыя, по правдѣ сказать, никакою глубокою идейностью не отличались. Зато главенствующая у насъ «либеральная» печать успѣла высказать за это краткое юбилейное время очень много «идей».

Къ сожалѣнію, «идеи» эти ни новизной, ни глубиной, ни разнообразіемъ не отличаются: это все тѣ же банальныя варіаціи на одну и ту же давно избитую тему о необходимости, «слѣдуя по стопамъ Петра», работать надъ усиленною европеизаціей Россіи. А такъ какъ де европеизація Россіи есть не что иное, какъ исполненіе политической программы нашихъ «либераловъ», то изъ этого де слѣдуетъ, какъ дважды-два — четыре, что если мы будемъ исполнять эту программу, то этимъ самымъ мы будемъ идти по стопамъ Петра Великаго. Словомъ, наши «либералы» преспокойно отождествляютъ себя съ Великимъ Петромъ, полагая, что никто не замѣтитъ всей нелѣпости этого отождествленія.

Петръ Великій всю жизнь Свою олицетворялъ Собою Царскую Самодержавную Власть въ самомъ полномъ, неограниченномъ ея смыслѣ. — Наши «либералы» всѣми способами стремятся уничтожить эту Власть.

Петръ Великій былъ истиннымъ вѣрующимъ Сыномъ Православной Церкви и мечталъ не о разрывѣ Церкви съ Государствомъ, а о наитѣснѣйшемъ ихъ объединеніи. — Наши «либералы» мечтаютъ о полномъ упраздне-

нія всѣхъ догматовъ церковныхъ, то-есть объ упраздненіи самой Церкви и рукоплещутъ атеистическимъ подвигамъ г. Комба.

Петръ Великій велѣлъ Русскимъ людямъ учиться наукамъ, художествамъ и промысламъ у иностранцевъ, но во главѣ каждаго русскаго дѣла ставилъ только Русскихъ людей. — Наши «либералы» находятъ вполнѣ естественнымъ и даже желательнымъ, чтобы русскія дѣла находились въ рукахъ враждебныхъ Россіи инородцевъ и даже иностранцевъ.

Петръ Великій хотѣлъ, чтобы русское юношество пріучалось съ юныхъ лѣтъ къ упорному труду и непремѣнно достигало въ наукахъ тѣхъ же успѣховъ, какихъ достигаютъ молодые люди въ образцовыхъ высшихъ научныхъ школахъ Западной Европы. — Наши «либералы» желаютъ, чтобы русскія школы являлись школами не труда, а празднаго своеволія, изъ которыхъ выходили бы цѣлыми стадами недисциплинированные ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи оболтусы, годные не для серіознаго научнаго труда, о которомъ всегда мечталъ Великій Петръ, а лишь для безобразныхъ школьныхъ и уличныхъ скандаловъ.

Уже одно это послѣднее обстоятельство ясно показываетъ, что Петръ былъ поборникомъ истиннаго просвѣщенія Россіи, а наши «либералы» отстаиваютъ принципы дикаго варварства.

Такимъ образомъ Петръ и наши «либералы» являются прямыми антиподами.

Сколько же нужно смѣлости, чтобъ отождествлять программу Петра съ программой нашихъ «либераловъ», какъ это дѣлали юбилейныя статьи «либеральной» прессы!

«Либеральная» программа требуетъ разрушенія того, что Петръ отстаивалъ самымъ непоколебимымъ образомъ.

«Либеральная» программа требуетъ перенесенія къ намъ изъ Европы того, что въ Европѣ Петра либо совсѣмъ не интересовало, либо вызывало Его негодованіе. Онъ взялъ изъ Европы лишь немногія, хотя и существенныя, ея особенности: ея технику и ея науку, ибо ихъ только Онъ, по справедливости, признавалъ полезными для Россіи. Онъ очень любилъ Голландію, но и въ ней онъ не соблазнился ни республиканскимъ ея устройствомъ, ни ея религіознымъ свободомысліемъ, а очаровался одною лишь мореходною ея техникой, которая въ то время дѣйствительно была первою въ мірѣ. Нашимъ же «либераламъ» хотѣлось бы именно перенести въ Россію западноевропейскіе *политическіе* и *религіозные* порядки, или, вѣрнѣе—безпорядки.

«Либеральная» программа, наконецъ, отвергаетъ именно то, чѣмъ Петръ такъ стремился наградить Россію и въ чемъ она и до сихъ поръ такъ нуждается — серіозную, трудовую, научную школу.

Петръ Великій былъ олицетвореніемъ *упорнаго, неустаннаго, полезнаго труда.*

Вотъ чему намъ слѣдуетъ у него учиться.

Онъ пробудилъ Русскихъ людей отъ той медлительной вялости и безсрочной, неторопливой дѣятельности, которыя являлись наиболѣе слабыми сторонами ихъ симпатичной «широкой натуры», и призвалъ ихъ къ бодрой, быстрой энергіи и къ точной, отчетливой работѣ, которая ни въ чемъ не уступала бы научной и технической работѣ заграничныхъ ученыхъ людей.

«Учиться и трудиться» — вотъ былъ истинный девизъ всей Его личной жизни; это былъ завѣтъ, который Онъ оставилъ въ наслѣдіе всей обновленной Имъ Россіи.

«Учиться и трудиться» — вотъ что и доселѣ велитъ намъ Петръ. Что сказалъ бы Онъ, еслибы снова явился среди насъ и увидалъ, въ какомъ положеніи находятся наши школы, изъ которыхъ наши «либералы» стараются изгнать даже самый принципъ труда, замѣняя его легонькимъ преподаваньицемъ, такъ какъ на ихъ Простаковскій взглядъ ученіе есть только излишнее мученіе, котораго въ школѣ ни подъ какимъ видомъ терпѣть нельзя.

А, между тѣмъ, когда же мы, наконецъ, сравняемся съ Европой въ научномъ просвѣщеніи, если мы, «либерально» отвергая завѣты Петра, не будемъ съ малолѣтства ни серіозно учиться, ни серіозно трудиться? Вѣдь серіозный, полезный трудъ безъ серіознаго, сосредоточеннаго ученія немыслимъ.

А потому, пусть «либералы» попрежнему стараются разрушить нашу научную школу, но пусть они не отождествляютъ себя съ Великимъ Петромъ, такъ какъ они этою своею дѣятельностью являются заклятыми врагами какъ Петра, такъ и всей Россіи.

XX.

Подпольное Земство.

На дняхъ министръ Внутреннихъ Дѣлъ счелъ необходимымъ опровергнуть подлинность приписаннаго ему нѣкоторыми заграничными газетами «письма» къ бывшему Бессарабскому губернатору.

Письмо это, совершенно невѣроятное по своему содержанію, облечено было опытнымъ фальсификаторомъ въ довольно правдоподобную стилистическую форму, въ которую проскользнула лишь одна техническая погрѣшность *), которая, конечно, прошла совершенно незамѣченною тѣми читателями, для обмана которыхъ былъ сфабрикованъ этотъ подложный документъ.

Кто же сочинилъ этотъ фальсификатъ?

Въ виду того, что онъ появился впервые въ лондонской газетѣ *Times*, и что вслѣдъ затѣмъ петербургскому корреспонденту этой газеты г. Braham'у предложено было оставить предѣлы Россіи, само собою напрашивается предположеніе, что этотъ джентльменъ былъ причастенъ, если не къ *составленію* этого подложнаго письма, обнаруживающаго скорѣе автора, искусившагося въ русской канцелярской стилистикѣ, то, во всякомъ случаѣ, къ его *обнародованію* въ такомъ распространенномъ и считающемся серіознымъ органомъ печати, какъ *Times*.

Основательно ли это предположеніе, или г. Braham уличенъ былъ въ какихъ-либо другихъ клеветническихъ навѣтахъ на Россію, — мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ газета *Times* является далеко не единственною распространительницею вздорныхъ слуховъ о Россіи: спеціальная фабрикація и продажа подложныхъ русскихъ «документальныхъ» свѣдѣній принадлежитъ, главнымъ образомъ, подпольной *русской* печати, пріютившейся за границей и переправляющей въ Россію свои возмутительныя произведенія въ видѣ контрабанды.

Этимъ «доблестнымъ» дѣломъ преимущественно занимается бѣжавшій

*) Въ *заголовкѣ* того бланка, на которомъ будто бы написано это письмо.

изъ Петербурга марксистъ Струве, съ которымъ еще такъ недавно посылись въ вліятельныхъ сферахъ Невской столицы, какъ съ какимъ-то серіознымъ, научнымъ авторитетомъ, но который и тогда былъ уже тѣмъ, чѣмъ онъ обнаружился теперь — самымъ банальнымъ русскимъ «революціонеромъ» и низкимъ пасквилянтомъ.

Само собою разумѣется, что такого сорта человѣку фальсификатъ газеты *Times* пришелся особенно по душѣ, и что поэтому онъ всѣми доступными ему мѣрами постарался придать этой наглой лжи видъ истины, дѣлая изъ нея всевозможные нелѣпые выводы о томъ, будто само Правительство нарочно подготовило и организовало Кишиневскій погромъ!!

Нужно быть очень ограниченнымъ человѣкомъ, чтобы разсчитывать на довѣрчивое отношеніе Русскихъ людей къ подобной белибердѣ. Бездарность г. Струве была всѣмъ извѣстна еще въ то время, когда онъ въ Петербургѣ наслаждался своею пустѣйшею болтовней передъ студентами и курсистками. Но теперь онъ, очевидно, утратилъ за границей послѣдній остатокъ здраваго смысла, если онъ считаетъ возможнымъ d'offrir de pareilles bourdes au public russe.

Неужели онъ думаетъ, что даже сидящіе въ нашихъ «либеральныхъ» редакціяхъ «легальные» его сообщники хоть на минуту повѣрятъ, что Русское Правительство само искусственнымъ образомъ организовало Кишиневскую рѣзню?! Мы увѣрены, что они въ этомъ отношеніи всѣ поголовно отрекутся отъ г. Струве, не потому, чтобъ они не сочувствовали его *цѣлямъ*, а потому, что пускаемыя имъ въ ходъ *средства* уже черезчуръ наивны и вызываютъ какъ разъ обратное впечатлѣніе.

Да и вообще наши «либералы» едвали могутъ быть довольны дѣятельностью г. Струве, который, по умственной близорукости своей, очевидно, не понимаетъ того громаднаго вреда, который онъ имъ наноситъ тою откровенностью, съ которою онъ раскрываетъ всѣ ихъ тайныя карты.

Когда мы упрекаемъ нашихъ «либеральныхъ земцевъ» въ томъ, что они хотятъ играть *политическую* роль, что они стараются объединять дѣятельность земствъ для усиленія ихъ антиправительственной фронды и что они распространяютъ свою пресловутую грамотность съ цѣлью облегченія путей революціонной пропагандѣ,—они становятся въ позу оскорбленной невинности и жалуются на то, что мы де на нихъ взводимъ незаслуженныя обвиненія, такъ какъ де ни у кого изъ нихъ и на умѣ не можетъ быть какихъ-либо иныхъ цѣлей, кромѣ указанныхъ закономъ въ сферѣ мѣстныхъ, экономическихъ условій.

Теперь же г. Струве, старающійся всячески услужить своимъ оставшимся въ Россіи друзьямъ, оказывается для нихъ попстинѣ опаснѣе врага!

Онъ печатаетъ цѣлый рядъ статей и своихъ собственныхъ, и подписанныхъ разными «земскими гласными», и въ этихъ статьяхъ совершенно открыто развертываетъ широкую чисто политическую, антиправительственную программу нашихъ земствъ, которыя, какъ оказывается, съ самаго начала своего возникновенія, только одну эту программу въ своихъ мысляхъ и имѣли, приноравливая къ ней свою дѣятельность даже тогда, когда она имѣла по внѣшнему виду чисто-мѣстную, экономическую личину. Что же касается «объединенія» земствъ, земскихъ «съѣздовъ» и земской «грамотности», то ихъ истинная цѣль не только не скрывается сотрудниками г. Струве, но даже подчеркивается.

Вообще вся дѣятельность г. Струве является, какъ мы уже сказали, истинно-медвѣжьею услугой для нашихъ «либераловъ», подпольную дѣятельность которыхъ онъ выводитъ на свѣтъ Божій, давая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень глубокомысленные совѣты относительно еще болѣе интенсивнаго развитія этой дѣятельности въ смыслѣ разрушительной пропаганды.

Такъ, напримѣръ, нѣкій «Земскій гласный Т.» совѣтуетъ земствамъ брать примѣръ со студентовъ и устраивать «*Забастовки*», отказывая губернаторамъ въ кредитахъ «на разъѣзды приставовъ», что будто бы поставитъ Правительство въ совершенно безвыходное положеніе, какъ то доказываетъ де случай, бывшій въ 1636 году въ Англіи съ «частнымъ лицомъ Джономъ Гемпденомъ, отказавшимся отъ уплаты корабельныхъ налоговъ».

Какая поразительная аналогія! Какъ не преклониться предъ ученостью «земскаго гласнаго Т.?»

Тотъ же «земскій гласный» предлагаетъ и другія «комбинаціи», въ видѣ, напримѣръ, «*бойкота*», очевидно, по образцу гг. финляндскихъ сепаратистовъ, которые со своимъ бойкотомъ такъ блистательно провалились, — или въ видѣ «уже выработанныхъ практикой земской жизни *съѣздовъ* земскихъ дѣятелей съ цѣлью установленія возможнаго единообразія въ проведеніи извѣстныхъ принциповъ и началъ въ жизни».

«Эти съѣзды» видите ли, «очень цѣнны, какъ мощное агитаціонное средство, вносящее бодрость и воодушевленіе въ работу отдѣльныхъ лицъ, будящее духъ общественности и гражданскихъ инстинктовъ въ своихъ участникахъ и часто дѣйствующее на болѣе умѣренныхъ и косныхъ возбуждающимъ образомъ... Извѣстны лица, которыя явились впослѣдствіи докладчиками въ Комитетахъ исключительно подъ давленіемъ той нравственно-принудительной силы, которая заключается въ общемъ рѣшеніи, и которые безъ этого стимула, по ихъ собственному признанію, уклонились бы отъ активной роли докладчиковъ въ виду неблагопріятнаго состава мѣстнаго Комитета».

Другой «Гласный» развиваетъ теорію пресловутыхъ «земскихъ ходатайствъ» и откровенно выдаетъ всю настоящую ихъ подкладку.

«Можно только пожелать, говоритъ онъ, чтобы земскія ходатайства, не измѣняя своей традиціонной *формы*, становились все болѣе и болѣе рѣшительными и категорическими *по существу*, чтобъ они все болѣе и болѣе выдвигали основныя стороны общественной и государственной жизни страны, хотя бы формально и продолжали пріурочивать ихъ къ потребностямъ даннаго района, уѣзда или губерніи».

Но «земскій гласный Т.» и этимъ недоволенъ:

«Къ чему,—спрашиваетъ онъ,—ради какой комедіи, мы будемъ заботиться о томъ, чтобы сохранить форму лойяльности въ этихъ ходатайствахъ? Это также смѣшно, какъ взять кусочекъ мяса рукой съ тарелки, насадить его пальцами на вилку и потомъ отправить въ ротъ».

Не правда ли, какое тонкое сравненіе! Вообще риторика сотрудниковъ г. Струве стоитъ на одномъ и томъ же высокомъ уровнѣ, какъ и его собственное остроуміе.

Посмотрите, напримѣръ, съ какимъ пустозвоннымъ самовосхваленіемъ описывается роль «земцевъ»:

«Мы, земцы, — представители населенія Россіи. Мы — видные люди въ странѣ, которая говоритъ нашими устами. Голосъ каждаго изъ насъ подымающійся въ официальной обстановкѣ нашихъ собраній, громко и отчетливо

раздается во всей Россіи. Политическія домогательства — это наша естественная стихія»...

Какова же ближайшая цѣль этихъ великихъ людей?

«Ихъ непосредственная цѣль, — говоритъ «земскій гласный Т.», — широкая агитація, имъ нужны на первыхъ ступеняхъ борьбы открытые глаза и уши, имъ нужна арена — и они выходятъ на площадь. Но ареною можетъ служить не только площадь, а и закрытое помѣщеніе. Стѣны земскаго собранія не препятствуютъ обратиться этому часто невзрачному помѣщенію во всероссійскую аудиторію. Въ нихъ можетъ разыграться политическая демонстрація безъ шествія по улицамъ, безъ развѣвающихся знаменъ».

Такъ вотъ каковы они, эти «видные люди въ странѣ, которая говоритъ ихъ устами».

И эти жалкіе фразеры хотятъ перевернуть всю Россію! На кого же они надѣются?

«Земскій гласный Т.» намъ открываетъ и этотъ секретъ. Они надѣются на—народъ!!

Почему? А вотъ послушайте:

«Если въ настоящее время стало возможнымъ распространеніе сотенъ тысячъ изданій революціонной прессы въ народной массѣ, то лишь благодаря тому, что среди народа значительно распространилась грамотность и повысился уровень умственнаго его развитія. Очевидно, что *въ этомъ дѣлѣ первенствующей важности земства сыграли первостепенную роль*».

Ну можно ли такъ предательски изобличать своихъ друзей, которые сидятъ въ редакціяхъ *Русскихъ Вѣдомостей*, *Курьера*, *Вѣстника Европы*, *Новостей* и тому подобныхъ «либеральныхъ» газетъ и усердно стараются прятать концы въ воду, увѣряя насъ въ ангельской невинности нашихъ земствъ, Какъ же имъ теперь писать хвалебныя статьи хотя бы распространенію земской грамотности, когда г. Струве такъ безцеремонно обнажилъ истинную сущность этой дѣятельности? Вѣдь онъ ихъ зарѣзалъ этою непростительною, глупѣйшею gaffe!

А г. Струве еще себя сравниваетъ съ Герценомъ!

XXI.

Заграничныя басни о Россіи.

Что выгоднѣе для Россіи, чтобы за границей имѣли о ней вѣрное понятіе, или чтобы тамъ о ней ходили нелѣпыя легенды?

Я зналъ оригинальнаго русскаго мыслителя К. Н. Леонтьева, который на этотъ вопросъ отвѣтилъ такимъ образомъ:

— Пусть они насъ не знаютъ, это для насъ же лучше! Если они преувеличиваютъ нашу силу, намъ легче держать ихъ «въ респектѣ», и я радъ, что они блѣднѣютъ и дрожатъ при одномъ имени «казакъ», не подозрѣвая, какіе, въ сущности, наши казаки добродушные люди; а если они ошибаются въ обратную сторону, придавая намъ слишкомъ ничтожное значеніе, то тѣмъ хуже для нихъ: когда наступитъ время, мы застанемъ ихъ врасплохъ, неожиданно развернувъ передъ ними всю свою необъятную мощь. Вообще, *otte ignotum pro magnifico*, и я вовсе не желаю, чтобъ Европа знала какъ нашу

дѣйствительную силу, такъ и нашу дѣйствительную слабость. Не даромъ военные люди такъ тщательно оберегаютъ отъ непрошенныхъ глазъ подробные планы своихъ крѣпостей. Европа насъ не знаетъ, а мы ее знаемъ; не ясно ли, что всѣ преимущества на нашей сторонѣ?

Какъ ни блестящъ этотъ парадоксъ, съ нимъ, однако, вполнѣ согласиться невозможно.

Конечно, если рѣчь идетъ о нашей *военной* силѣ, то для насъ выгоднѣе, чтобъ Европа о ней точныхъ свѣдѣній не имѣла. Но во всѣхъ остальныхъ случаяхъ мы можемъ только желать, чтобъ Европа имѣла о насъ правильное представленіе, соотвѣтствующее *истинѣ*, а не лжи. Мы отъ этого только выиграемъ. Nous gagnons à être connus de près.

По этому поводу мнѣ приходитъ на память отвѣтъ Русскаго иностранцу, который въ сотый разъ повторялъ извѣстную поговорку: «grattez le Russe, et vous verrez apparaître le Tatare».

— Pardon, mais il faut gratter plus fort.

— Pourquoi?

— Parceque alors vous verrez réapparaître le Russe, le vrai Russe, et c'est celui-là qui gagne à être connu *).

Кто изъ насъ не слышалъ чудовищныхъ нелѣпостей о Россіи, которымъ такъ серіозно вѣрятъ даже наши друзья, союзники Французы. Еще на дняхъ г. Эмиль Массаръ, редакторъ-издатель *Patrie*, пріѣхавшій въ Россію на юбилей Петербурга, разсказывалъ въ своей газетѣ, какъ онъ, встрѣтившись у генерала Е. В. Богдановича съ Полтавскимъ губернаторомъ, княземъ Урусовымъ, слышалъ отъ него слѣдующій достовѣрный анекдотъ.

Въ бытность князя въ Парижѣ его спросилъ одинъ изъ знакомыхъ ему Французовъ:

— А кто скорѣе бѣжитъ, лошадь или медвѣдь?

— Почему такой странный вопросъ?

— Да вѣдь у васъ въ Петербургѣ ѣздятъ экипажи, въ которые запряжены медвѣди.

Еслибы всѣ нелѣпости, которыя твердятъ о насъ на Западѣ, отличались такимъ же невиннымъ свойствомъ, соотвѣтствующимъ классическому типу «подъ тѣнью клюквы», то это было бы еще полбѣды и давало бы только лишнюю пищу для нашихъ юмористическихъ журналовъ.

Но дѣло въ томъ, что за границей о Россіи распускаютъ нелѣпыя легенды не только не знающіе насъ иностранцы, но и очень хорошо насъ знающіе соотечественники, которые занимаются этимъ похвальнымъ дѣломъ не для того, чтобы подурачиться надъ легковѣріемъ Французовъ или Нѣмцевъ, а для того, чтобы нанести Россіи серіозный нравственный ущербъ, который легко можетъ современемъ причинить ей и сильный матеріальный вредъ.

Мы въ прошлый разъ указали на то, какъ политическіе негодяи, вродѣ Струве и К°, безсовѣстно клевещутъ на Россію, распуская завѣдомо ложныя

---

*) — Поскребите Русскаго, и подъ нимъ окажется Татаринъ.

— Виноватъ, но вы, пожалуйста, скребите сильнѣе, глубже.

— Зачѣмъ?

— Потому что тогда подъ татарскимъ слоемъ снова окажется Русскій, и этотъ уже будетъ настоящій Русскій, и вотъ его-то вы и полюбите, если ближе съ нимъ познакомитесь.

свѣдѣнія о томъ, будто бы Кишиневская рѣзня была организована самимъ Русскимъ Правительствомъ!

Какіе плоды приноситъ подобный вымыселъ, мы можемъ видѣть изъ австрійскихъ газетъ, передающихъ подробности о состоявшейся въ Вѣнѣ 3 іюня (21 мая), въ залѣ Ронахера, многолюдной сходкѣ, созванной для того, чтобы выразить протестъ противъ Кишиневскихъ безобразій.

Изъ отчета объ этой сходкѣ, напечатаннаго 4 іюня въ *Neues Wiener Tagblatt*, мы узнаемъ, что вся собравшаяся публика принадлежала къ интеллигентнымъ слоямъ общества; явились даже три депутата рейхсрата Dr. Офперъ, Dr. Эллепбогенъ и г. Пернерштorферъ, а также значительное число русскихъ студентовъ и студентокъ.

И вотъ Dr Эллепбогенъ произноситъ рѣчь, въ которой авторитетно заявляетъ, что Кишиневская рѣзня вовсе не имѣла антисемитическаго характера, а была «нарочно устроена Русскимъ Правительствомъ, желавшимъ направить грозившее ему самому революціонное теченіе на ни въ чемъ неповинныхъ Евреевъ». (!!) Съ этой де цѣлью «среди Кишиневскаго населенія открыто распространялись прокламаціи, *предварительно прошедшія черезъ цензуру епископа Москвы (die die Zensur des Bischofs von Moskau vorher passiert hatten)* и призывавшія христіанъ къ избіенію Евреевъ». (!?!)

И эта возмутительная ложь была покрыта громкими рукоплесканіями присутствовавшихъ вѣнскихъ интеллигентовъ и русскою учащеюся молодежью! Они, значитъ, вѣрятъ, что въ Россіи такія возмутительныя прокламаціи могутъ быть одобрены высшимъ Московскимъ духовенствомъ!

Конечно, если они знакомятся съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи по изданію такихъ безсовѣстныхъ клеветниковъ, какъ Струве, они могутъ еще и не тому повѣрить Вотъ почему мы не можемъ игнорировать такую клевету; мы должны открыто выступать съ ея опроверженіемъ, дабы наше молчаніе не было истолковано, какъ знакъ согласія.

Къ сожалѣнію, наша «либеральная» печать — а ея органы занимаютъ, какъ извѣстно, своимъ количествомъ господствующее положеніе на публичной аренѣ — слишкомъ преклоняются предъ г. Струве, чтобы рѣшиться опровергать печатаемый имъ вздоръ.

Такъ, напримѣръ, *Новости*, заговоривъ въ своемъ № 144 о пасквильномъ журналѣ этого бѣглаго марксиста, находятъ возможнымъ сказать о немъ лишь слѣдующее:

«Вполнѣ понятно, что листокъ, запрещенный ко ввозу въ Россію, желалъ бы добиться отмѣны этого запрета не только для себя, но и для однородныхъ съ нимъ изданій».

«Вполнѣ понятно», что и *Новости* сочувствовали бы отмѣнѣ этого запрета, ибо они ни словомъ не протестуютъ противъ той массы гнусной лжи, которая печатается у г. Струве и которая тогда свободно распространилась бы по всей Россіи.

Или, можетъ-быть, *Новости* въ этомъ случаѣ не стоятъ за «свободу печати»?

P. S. Кстати: *Новости* спрашиваютъ насъ: «стоимъ ли мы за *распространеніе* или за *сокращеніе* грамотности въ народѣ и какую роль мы желали бы въ этомъ дѣлѣ предоставить земству?»

Вотъ нашъ отвѣтъ: мы стоимъ за самое широкое религіозно-нравственное просвѣщеніе народа путемъ правильно поставленныхъ церковно-приходскихъ

школъ и находимъ въ высшей степени желательнымъ, чтобы земства всѣми доступными имъ средствами содѣйствовали церковно-приходскимъ школамъ въ этомъ истинно-благомъ дѣлѣ. Простая же грамотность, *безъ* религіозно-нравственнаго просвѣщенія, можетъ быть желательна лишь такимъ революціонерамъ, какъ г. Струве, который радуется, что «въ настоящее время стало возможнымъ распространеніе сотенъ тысячъ изданій революціонной прессы въ народной массѣ, благодаря лишь тому, что среди народа значительно распространилась грамотность». Это—самая худшая аттестація, выданная нашей народной грамотности. Еслибъ ее сопровождало хорошее религіозно-нравственное воспитаніе народа, то г. Струве не могъ бы похвастаться распространеніемъ революціонной литературы среди народа.

Новости, очевидно, какъ и г. Струве, стоятъ за простую грамотность и даже не подозрѣваютъ той истины, что грамотность сама по себѣ не можетъ быть ни добромъ, ни зломъ, а что она можетъ стать добромъ лишь въ томъ случаѣ, если она такова, что не содѣйствуетъ, а препятствуетъ распространенію революціонной пропаганды.

Поймутъ ли это когда-либо *Новости?* Едвали. Они слишкомъ «либеральны», чтобъ отречься отъ тѣхъ абсурдовъ, которые входятъ въ составъ «либеральнаго» катихизиса.

XXII.

Наши куцые конституціоналисты.

— Вы, кажется, Иванъ Ивановичъ, собираетесь за границу?

— Да, необходимо нужно съѣздить.

— Почему необходимо? Развѣ доктора васъ куда-нибудь посылаютъ?

— Нѣтъ, но мнѣ хочется, наконецъ, подышать свободнымъ воздухомъ.

— То-есть какимъ это «свободнымъ воздухомъ»? Для этого нѣтъ надобности ѣхать за границу. Если вамъ отравленный городской воздухъ надоѣлъ, такъ поѣзжайте въ деревню: тамъ воздухъ чистый, свободный.

— Нѣтъ, я не про этотъ воздухъ говорю; я хочу подышать свободнымъ политическимъ воздухомъ. Вѣдь мы здѣсь задыхаемся въ Россіи. Нужно освѣжиться, пожить хоть нѣсколько недѣль человѣческою, гражданскою жизнью.

Такъ говорилъ мнѣ на-дняхъ, выходя послѣ вкуснаго обѣда изъ московскаго «Эрмитажа», одинъ изъ выдающихся нашихъ «интеллигентныхъ» бюрократовъ, съ безукоризненно расчесанными русыми бакенбардами, добродушнымъ, открытымъ лицомъ и уже значительною плѣшью.

Я мигомъ представилъ себѣ, какъ онъ будетъ въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ фланировать по Вѣнскому «Грабену», подъ Берлинскими «Линами» и по Парижскимъ модными «бульварамъ». Вотъ тутъ-то онъ и будетъ наслаждаться тѣмъ «свободнымъ воздухомъ», который будетъ внушать ему пріятныя «гражданскія» мысли о томъ, гдѣ и какъ повеселѣе провести предстоящій вечеръ.

Кто изъ насъ не видѣлъ эту характерную разновидность общаго типа «Русскихъ за границей»? Ихъ сразу можно издали узнать, этихъ «департаментскихъ генераловъ», жаждущихъ заграничнаго свободнаго воздуха. Они, какъ малыя дѣти, радуются, что вмѣсто вицмундировъ и корректныхъ сюрту-

ковъ могутъ надѣвать свѣтлые куцые костюмы и яркіе галстуки, а черные цилиндры замѣнить мягкими фѣтрами вычурныхъ фасоновъ. Они вырвались изъ своихъ канцелярій, какъ школьники изъ класса, и чувствуютъ потребность de se laisser aller, насладиться тѣмъ внѣшнимъ изящнымъ комфортомъ отельной, городской и пригородной жизни, какого дѣйствительно въ Россіи не найдешь, и пожить съ легкою безпечностью «въ полное свое удовольствіе», съ величественно-небрежнымъ сорепіемъ денегъ, которымъ за границей отличаются именно русскіе туристы отъ путешествующихъ Нѣмцевъ, Англичанъ и Американцевъ.

«*Un Russo, pieno di lusso*», поютъ венеціанскіе «гондольные» артисты, такъ какъ Италіянцы себѣ Русскаго иначе и представить не могутъ, какъ только «полнымъ роскоши».

И вотъ наши «роскошные» департаментскіе генералы наслаждаются за границей плѣнительнымъ *dolce far niente*, и это, конечно, въ порядкѣ вещей послѣ ихъ каторжной канцелярской работы.

Но гдѣ же тутъ наслажденіе «свободнымъ политическимъ воздухомъ», отъ недостатка котораго они въ Россіи, будто бы, «задыхаются»?

А какъ же? Прогуливаясь передъ обѣдомъ по «Грабену», подъ «Линами» и на «бульварахъ», они, отъ нечего дѣлать, останавливаются передъ нѣкоторыми «спеціальными» окнами книжныхъ магазиновъ, за которыми красуются «запрещенныя» русскія изданія, съ самыми заманчивыми заглавіями, и все больше на тему о «конституціи».

— Ахъ, да, вѣдь я либералъ! вспоминаетъ Иванъ Ивановичъ. Мы даже съ Петромъ Петровичемъ въ клубѣ всегда послѣ обѣда за ликеромъ мечтаемъ о конституціи. Нужно изучить новѣйшую литературу по этому предмету. Да и Петръ Петровичъ просилъ меня привезти ему самыя пикантныя вещицы.

И вотъ Иванъ Ивановичъ входитъ въ магазинъ, и къ его услугамъ тотчасъ является спеціальный прикащикъ, великолѣпно изучившій вкусы нашихъ «интеллигентовъ» и «съѣвшій собаку» на русской подпольной литературѣ. Онъ выкидываетъ цѣлые вороха этой дряни, въ которой политическія неприличія дружно перемѣшаны съ равноцѣнными имъ неприличіями безнравственнаго свойства. Иванъ Ивановичъ лихорадочно перелистываетъ тѣ и другія, откладываетъ себѣ безъ разбору нѣсколько десятковъ этихъ книгъ, журналовъ, брошюръ и брошюрокъ, щедро расплачивается за нихъ и велитъ ихъ доставить себѣ въ отель.

Патріотическая жертва принесена! Можно опять пріятно погулять до обѣда и подумать о томъ, что будетъ послѣ обѣда.

Вернувшись въ свой отель, послѣ веселой ночи, при лучахъ утренней зари, Иванъ Ивановичъ видитъ у себя на столѣ громадный свертокъ въ желтой бумагѣ.

— Это что такое?

Онъ развертываетъ присланную ему кипу.

— Ахъ, да! Я и забылъ. Конституціонная литература.

Иванъ Ивановичъ выбираетъ себѣ одинъ изъ этихъ запретныхъ плодовъ и старается читать его «на сонъ грядущій». Политическія нелѣпости, азартно провозглашаемыя авторомъ брошюры, перепутываются въ умѣ Ивана Ивановича съ только-что пережитыми имъ нелѣпостями болѣе игриваго свойства, и онъ сладко засыпаетъ, видя себя во снѣ говорящимъ какую-то горячую рѣчь не то въ «отдѣльномъ», не то въ «министерскомъ» кабинетѣ.

Затѣмъ Иванъ Ивановичъ будетъ таскать съ собою всю купленную имъ груду запрещенныхъ книгъ по всѣмъ заграничнымъ палестинамъ, куда ему вздумается поѣхать, чтобы «подышать свободнымъ воздухомъ».

Онѣ ему скоро надоѣдятъ, потому что, въ сущности, во всѣхъ «одно и то же», и всѣ онѣ написаны однимъ и тѣмъ же спеціальнымъ языкомъ русскихъ «революціонныхъ» изданій, въ которомъ отражается самая низменная утопичность, грубое незнаніе Россіи и Русскаго народа и лакейскіе отзвуки придворныхъ сплетенъ. Иванъ Ивановичъ благополучно довезетъ ихъ до русской границы и затѣмъ, за нѣсколько километровъ до «Россіи», онъ съ гражданскимъ мужествомъ всѣ ихъ выброситъ за окно своего купэ.

Въ Щаковѣ, Торжѣ и Эйдткуненѣ развелась мѣстная кустарная промышленность среди желѣзнодорожныхъ низшихъ служителей. Они подбираютъ русскія запрещенныя книги и брошюры, которыми усѣяны, послѣ прохода курьерскихъ поѣздовъ, направляющихся въ Границу, Александрово и Вержболово, откосы желѣзнодорожной линіи, вслѣдствіе принесенія послѣднихъ «политическихъ жертвъ» русскими куцыми конституціоналистами. Выброшенныя книги перепродаются за гроши Евреямъ, которые затѣмъ переправляютъ ихъ контрабандой въ Россію вмѣстѣ съ кипами «свѣжихъ» запрещенныхъ книгъ. Подержанные экземпляры идутъ на потребности «малоимущихъ» любителей этой литературы.

А Иванъ Ивановичъ возвращается въ свой департаментъ свѣжимъ, бодрымъ и принимается попрежнему «генеральствовать»; лишь въ клубѣ, послѣ обѣда, за ликеромъ, онъ таинственно передаетъ Петру Петровичу, какъ хорошо за границей дышать «свободнымъ воздухомъ», и какая тамъ продается интересная «конституціонная» литература, и какъ послѣ всего этого «задыхаешься въ Россіи»?

Всѣ эти мечтанія и заграничныя похожденія разныхъ нашихъ благодушныхъ Ивановъ Ивановичей, конечно, отличаются очень невиннымъ свойствомъ: почему, въ самомъ дѣлѣ, «интеллигентному» человѣку и не помечтать и не побаловаться за границей всякаго рода запретными плодами? Жаль только русскихъ денегъ, идущихъ на поддержаніе заграничныхъ бездарныхъ пасквилянтовъ, злобно и гадко глумящихся надъ тѣмъ, что Русскому человѣку всего дороже.

Текущимъ лѣтомъ, напримѣръ, нашимъ гуляющимъ за границей Иванамъ Ивановичамъ всюду будутъ подсовывать «новую» брошюру князя Григорія Волконскаго, «одного изъ вожаковъ умѣренной либеральной партіи въ Россіи», какъ аттестуютъ его заграничные друзья. Предупреждаемъ Ивановъ Ивановичей, что ничего особеннаго они въ этой книгѣ не найдутъ, такъ какъ она всецѣло разсчитана на легковѣріе добродушныхъ русскихъ туристовъ. Трудно себѣ представить болѣе бездарнаго пережевыванія старой, надоѣвшей всѣмъ болтовни.

Князь Григорій Волконскій, конечно, тоже восхваляетъ конституцію. Вы думаете, что онъ приводитъ какіе-нибудь новые аргументы въ пользу этой нелѣпѣйшей формы правленія, такъ какъ вѣдь всѣ старые аргументы съ трескомъ провалились вмѣстѣ со скандальнымъ нравственнымъ крушеніемъ европейскаго парламентаризма? Ничуть не бывало. Князь Григорій Волконскій просто игнорируетъ это крушеніе и старается продать русскому обществу негодный заграничный товаръ, тщательно скрывая его дрянное качество. Главный аргументъ князя заключается въ томъ, что въ Россіи нужно де ввести

конституцію потому, что ее хотѣлъ ввести Лорисъ Меликовъ!! Тутъ, конечно, въ сотый разъ, разсказывается старая исторія объ этой пресловутой «куцой конституціи», выдуманной храбрымъ кавказскимъ генераломъ.

Я никогда не забуду мѣткой характеристики Лорисъ-Меликова, сдѣланной однажды покойнымъ К. Н. Леонтьевымъ.

Какъ-то зашла у насъ рѣчь о непримиримой ненависти К. Н. Леонтьева къ Европѣ.

— Почему вы ее такъ ненавидите, Константинъ Николаевичъ? спросилъ я его.

— Потому, что слишкомъ хорошо ее знаю.

— Слѣдовательно, по вашему, чтобы быть убѣжденнымъ русскимъ патріотомъ, нужно тщательно изучить Европу?

— Еще бы! Какъ же иначе? На одномъ «національномъ воспитаніи», какъ его у насъ нѣкоторые понимаютъ, далеко въ патріотизмѣ не уѣдешь. Всякое истинное знаніе основывается на сравненіи. Только тотъ, кто хорошо изучилъ Европу во всѣхъ ея историческихъ, политическихъ и соціальныхъ подробностяхъ, можетъ восторгаться ея великимъ прошлымъ и возмущаться ея отвратительною современностью и всею низменною нелѣпостью ея теперешней политической культуры. Вѣдь это только очень невѣжественные люди могутъ прельщаться современною Европой, въ родѣ какого-нибудь Лорисъ-Меликова, прямо перешедшаго, со всею своею армянскою дикостью, изъ пороховаго дыма кавказскихъ геройскихъ подвиговъ въ петербургскіе салоны европеизованныхъ государственныхъ дѣятелей. Вотъ такіе и подобные имъ невѣжды и могутъ только восхищаться лакированною поверхностью Европы и ея пошлѣйшимъ парламентаризмомъ и даже мечтать о перенесеніи его въ Россію!

Князь Григорій Волконскій стоитъ въ этомъ отношеніи еще ниже Лорисъ-Меликова, такъ какъ онъ съ благоговѣніемъ взираетъ на него и на его «конституцію», какъ на какія-то неземныя творенія!

Итакъ, наши Иваны Ивановичи предупреждены: если они, тѣмъ не менѣе, будутъ въ предстоящія имъ заграничныя поѣздки пріобрѣтать брошюру князя Григорія Волконскаго, то пусть сами на себя пеняютъ, если она не удовлетворитъ даже ихъ добродушно-куцый конституціонализмъ.

XXIII.

Кто у насъ завидуетъ Сербамъ?

За послѣднюю недѣлю наши либеральные интеллигенты занимались гораздо болѣе вопросами сербской, чѣмъ русской жизни.

Выражая, вмѣстѣ со всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ, свое негодованіе по поводу звѣрскаго убійства короля Александра и королевы Драги, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, умилялись предъ бѣлградскою парламентскою комедіей, предъ «величавымъ» засѣданіемъ скупщины и провозглашеніемъ ею старой ультралиберальной конституціи съ новыми сверхлиберальными измѣненіями, а въ особенности предъ тѣмъ фактомъ, что король Петръ присягнулъ этой конституціи, связавшей ему руки и ноги.

— Ну, теперь въ Сербіи все пойдетъ какъ по маслу, говорилъ мнѣ

старый «шестидесятникъ», предобродушный дѣтски наивный старикъ, который, несмотря на свои 70 лѣтъ и на свою длинную сѣдую бороду, за все послѣднее время ничего не забылъ и ничему не научился.

— Почему же вы такъ думаете? спросилъ я его.

— А развѣ вы не читали? Король Петръ не только присягнулъ конституціи, но и заявилъ въ своемъ манифестѣ, что конституція для него святыня, и что онъ будетъ настоящимъ конституціоннымъ королемъ.

— Ну, и что же? По моему, всего этого еще очень мало для счастія Сербіи.

— Какъ? Этого мало? Чего же вамъ еще нужно? Поймите же: онъ будетъ *настоящій* конституціонный король. Онъ конституціи никогда не нарушитъ и другимъ нарушать не позволитъ.

— Ну, а если «другіе» его не послушаютъ?

— То-есть какъ же такъ «не послушаютъ?» Вѣдь онъ—король.

— Настоящій, конституціонный?

— Ну, да!

— Лишенный всякихъ правъ и имѣющій лишь обязанность подписывать тѣ бумаги, которыя ему подсовываютъ министры? Кто же такого короля будетъ слушаться? А если онъ захочетъ проявить свою волю на благо народа помимо министровъ, то его ждетъ участь Александра.

— Позвольте, позвольте! закипятился мой старикъ, и глаза у него засверкали за золотыми очками въ то время, какъ его длинная бѣлая борода вся нервно затряслась.—Позвольте! Зачѣмъ же ему проявлять свою волю помимо министровъ, когда министры пользуются одобреніемъ скупщины, а, слѣдовательно, находятся въ полномъ согласіи съ народною волей и народнымъ благомъ?

— Такъ почему же, въ такомъ случаѣ, сербскіе министры такъ часто расходятся со своею скупщиной, разгоняютъ депутатовъ по домамъ и назначаютъ новые выборы?

— Очень просто: для того, чтобы апеллировать къ верховному судьѣ всего государства—къ самому народу.

— И этого судью они во время выборовъ спаиваютъ, подкупаютъ, дѣйствуютъ на него лестью и угрозами, лживыми обѣщаніями, палками и пулями, чтобы только всѣми правдами и неправдами «сколотить» себѣ угодное имъ парламентское большинство. И вотъ представьте себѣ, что королю эта выборная мерзость будетъ не по душѣ; онъ вздумаетъ оградить свой народъ отъ этого разврата. Что же онъ можетъ сдѣлать противъ своихъ министровъ?

Сидѣвшій предо мною старецъ торжественно всталъ и, поднявъ знаменательно руку, произнесъ:

— Онъ имѣетъ право и обязанность замѣнить негодныхъ министровъ хорошими.

— То-есть, говоря проще, онъ можетъ отдать преимущество одной политической партіи передъ другою и этимъ навлечь на себя ненависть первой партіи, которая станетъ агитировать противъ него въ народѣ, доказывая, что онъ не заслуживаетъ народнаго довѣрія и народной любви, что онъ готовъ нарушить конституцію и даже ее уже нарушилъ, что онъ тиранъ, извергъ, что бѣдная Сербія изнемогаетъ подъ его «игомъ» и т. д. и т. д. И вотъ народъ, повѣривъ всему этому, на какихъ-нибудь выборахъ дастъ перевѣсъ прогнаннымъ министрамъ. Они тотчасъ заявятъ свои притязанія на министерскіе

портфели, и тогда «истинно-конституціонный» король принужденъ будетъ вручить имъ столь алчно желаемую ими правительственную власть, которою они тотчасъ же воспользуются, чтобъ отомстить главарямъ свергнутой ими партіи. Тогда эти главари будутъ въ свою очередь въ качествѣ «мучениковъ» травить народъ противъ короля, обвиняя его въ томъ, что бѣдная Сербія изнемогаетъ подъ его «игомъ», что онъ недостоинъ народной любви, что онъ измѣнилъ его благу и т. д. по заведенному шаблону. А народъ все болѣе будетъ убѣждаться въ этихъ «истинахъ», выслушивая поочередно съ обѣихъ сторонъ одни и тѣ же обвиненія. И вотъ «истинно-конституціонный» король, одушевленный самыми лучшими намѣреніями, обратится въ какое то народное пугало. Тамъ, гдѣ есть конституція, существуютъ, по необходимости и политическія партіи, борющіяся изъ-за эгоистическихъ властолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ интересовъ во вредъ государству и народу; а конституціонный король является жалкою, презрѣнною игрушкой въ рукахъ этихъ эгоистическихъ партій. Если онъ человѣкъ слабый, безхарактерный, онъ погибнетъ въ вихрѣ непримиримой, яростной борьбы партій; если онъ, напротивъ того, человѣкъ умный, энергичный, онъ захочетъ освободиться отъ ига партій, и тогда онъ погибнетъ, какъ «нарушитель конституціи». Какъ ни кинь, все клинъ. А потому, называется ли король Сербіи Миланомъ, Александромъ или Петромъ, для Сербіи не можетъ быть ни счастія, ни покоя, пока у нея есть конституція.

— Съ этимъ не согласится ни одинъ Сербъ, воскликнулъ, сжимая кулаки, взволнованный старикъ.

— Я это знаю, и въ этомъ именно и заключается роковое несчастіе Сербіи. Но не только Сербъ, но ни одинъ Русскій «либералъ» не согласится съ этою простою истиной, которая такъ очевидна каждому сколько-нибудь благоразумному, добросовѣстному человѣку.

— Позвольте, значитъ я неблагоразуменъ, недобросовѣстенъ? Вѣдь это...

— Вы? Вы только неблагоразумны. Вы застыли на отжившихъ наивныхъ «идеалахъ» 60-тыхъ годовъ и отстали отъ своего вѣка. А вотъ ваши ученики, современные «либеральные» публицисты, тѣ прямо недобросовѣстны. Они очень хорошо знаютъ, что конституція есть вредный, развращающій народъ обманъ, а между тѣмъ никто изъ нихъ этого не говоритъ, стараясь выставить русскимъ читателямъ сербскую парламентскую комедію, какъ высшій идеалъ государственности. Ужъ больно имъ самимъ хочется водворить въ Россіи ту же систему партійной борьбы изъ-за власти, которая развратила и разорила несчастную Сербію. Теперь они только публицисты, профессора, думскіе и земскіе гласные, и кормятся лишь общественнымъ пирогомъ; а имъ подавай пирогъ государственный. Аппетита на него у нихъ хватитъ. А что Россія погибнетъ, пока они будутъ грызться изъ-за этого пирога и другъ у друга вырывать министерскіе портфели, до этого имъ никакого дѣла нѣтъ.

— Позвольте, какое право имѣете вы читать въ ихъ душахъ?

— Право свободнаго, здравомыслящаго человѣка, не желающаго быть ни жертвой, ни сообщникомъ ихъ лицемѣрія.

XXIV.

Американскій отзвукъ Кишиневскаго погрома.

Новый примѣръ направленной противъ Россіи заграничной лжи!

На этотъ разъ подобная ложь пышно расцѣла въ отечествѣ класси-

ческой «желтой прессы», въ Соединенныхъ Штатахъ, славящихся первыми въ мірѣ спеціалистами по устройству колоссальныхъ *humbug*'овъ, которымъ, однако, въ «старой Европѣ» давно уже перестали придавать серіозное значеніе.

Но такъ какъ послѣдній американскій *humbug* былъ направленъ противъ Россіи, то онъ нашелъ себѣ дѣятельную поддержку среди европейскихъ завистниковъ и ненавистниковъ нашего отечества, во главѣ которыхъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, оказались Англичане.

Не только джингоистская печать, но даже полуофиціальное *Агентство Рейтера* стали распространять извѣстіе, будто «между Россіей и Соединенными Штатами происходили переговоры относительно выраженнаго президентомъ Соединенныхъ Штатовъ намѣренія передать Русскому Правительству петицію американскихъ Евреевъ по поводу событій въ Кишиневѣ».

Это извѣстіе до такой степени наполнило фантазію враговъ Россіи, въ особенности лондонскихъ и вѣнскихъ журналистовъ, пылкими мечтами о какой-то неминуемой будто бы русско-американской катастрофѣ, что они стали волновать общественное мнѣніе самыми невѣроятными тенденціозными вымыслами.

Пришлось изъ Петербурга успокоить ихъ офиціознымъ сообщеніемъ, что «правительство Соединенныхъ Штатовъ не дѣлало по поводу событій въ Кишиневѣ никакихъ заявленій; но если бы даже оно на это рѣшилось, то Россія, конечно, сумѣла бы на такого рода вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла отвѣтить соотвѣтственнымъ образомъ».

Едвали можно допустить, чтобы правительство Соединенныхъ Штатовъ серіозно рѣшилось на подобное вмѣшательство. Этому противорѣчитъ тотъ принципъ невмѣшательства, который такъ ревниво оберегается самими Американцами, не терпящими даже и намека какого-либо иностраннаго давленія на ихъ собственныя дѣла, такъ и положеніе, занятое въ данномъ вопросѣ президентомъ Розвельтомъ, котораго организаторы послѣдняго *humbug*'а хотѣли было сдѣлать своимъ орудіемъ.

Нелѣпая легенда, сочиненная пресловутымъ корреспондентомъ газеты *Times*, будто само Русское Правительство организовало Кишиневскій погромъ, была подхвачена съ особою жадностью американскими Евреями, которые организовали, на почвѣ этой возмутительной и давно уже опровергнутой лжи, направленную противъ Россіи демонстрацію: съ помощью продажной печати и всякаго рода громкихъ воззваній, реклямъ и завываній, они сочинили какую-то не то петицію, не то угрозу «кровожадному» Русскому Правительству. Мало того, они вздумали замѣшать въ это дѣло самого президента Розвельта и поручить ему передачу этого нелѣпаго документа Русскому Правительству!

Разсчетъ ихъ былъ таковъ: Розвельтъ теперь усиленно готовитъ свою кандидатуру къ предстоящимъ президентскимъ выборамъ, а слѣдовательно, долженъ очень дорожить своею популярностью; въ виду этого онъ долженъ будетъ согласиться на все, что отъ него потребуютъ американскіе Евреи, которые приписываютъ себѣ выдающуюся роль въ будущихъ выборахъ.

Президентъ Розвельтъ дѣйствительно очень любезно принялъ явившуюся къ нему еврейскую депутацію и разсказалъ ей пару анекдотовъ изъ собственной жизни о томъ, что онъ лично зналъ нѣсколькихъ очень порядочныхъ Евреевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разоблачилъ предъ своими слушателями всю ту ложь, жертвами которой они стали, повѣривъ, будто Кишиневское безобразіе совершилось по волѣ Русскаго Правительства.

«Для насъ служитъ великимъ удовлетвореніемъ»,—сказалъ, между прочимъ, президентъ Розвельтъ,—«сознаніе того факта, что Русское Правительство раздѣляетъ съ нами чувства ужаса и негодованія, вызванныя Кишиневскими злодѣяніями, и что оно приметъ мѣры къ предотвращенію подобныхъ преступленій и къ наказанію лицъ, ихъ совершившихъ. Русское Правительство взираетъ на эти эксцессы съ той же самой точки зрѣнія, съ какой наше правительство относится къ безпорядкамъ и къ случаямъ примѣненія Линчева суда, имѣвшимъ мѣсто въ нашемъ отечествѣ. Губернаторъ Кишинева смѣщенъ со своей должности, и отъ 300 до 400 участниковъ въ погромѣ арестованы и подвергнутся строжайшимъ наказаніямъ. Въ виду этого я внимательно разсмотрю ваше прошеніе и тщательно взвѣшу, благоразумно ли будетъ, при данныхъ обстоятельствахъ, дѣлать какіе-либо дальнѣйшіе официальные шаги».

Очевидно, президентъ Розвельтъ нашелъ болѣе благоразумнымъ не дѣлать этихъ «дальнѣйшихъ шаговъ», какъ объ этомъ и свидѣтельствуетъ появившееся въ заграничныхъ газетахъ выше приведенное официальное сообщеніе изъ Петербурга.

Къ тому же весь дипломатическій корпусъ, аккредитованный при правительствѣ Соединенныхъ Штатовъ, отнесся крайне несочувственно къ попыткѣ американскихъ Евреевъ побудить президента къ такому очевидному *faux pas*, который послужилъ бы прецедентомъ для вмѣшательства Соединенныхъ Штатовъ во внутреннія дѣла и другихъ государствъ. Конечно, всѣ они сумѣютъ должнымъ образомъ отвѣтить на подобное непрошенное вмѣшательство, не говоря уже о Россіи, которая никогда не потерпитъ никакого нарушенія столь элементарныхъ традицій международнаго права.

Само собою разумѣется, что враждебная Россіи газета *Times* возлагаетъ большія надежды на то, что анти-русская агитація въ Америкѣ пересилитъ благоразуміе и здравый смыслъ президента, и заранѣе уже предсказываетъ торжество всей этой еврейской затѣи, «которой не только евреи, *но и другіе русскіе подданные*, будутъ имѣть основаніе быть благодарными».

Этими словами органъ лондонскихъ аферистовъ выдалъ истинную подкладку всего этого дѣла, въ которомъ видна не только еврейская, но и иная рука, всюду создающая всевозможныя интриги противъ Россіи, въ надеждѣ такъ или иначе нанести ей нравственный или матеріальный ущербъ.

Это все тѣ же наши «добрые пріятели», наши внѣшніе и внутренніе смутьяны, которымъ было бы очень на руку, еслибы Россіи дѣйствительно былъ нанесенъ такой ущербъ. Мы увѣрены, что и г. Струве, и наши «либералы», будутъ рукоплескать американскимъ рекламныхъ дѣлъ мастерамъ за всю эту искусственно вздутую ими «Кишиневскую демонстрацію», если только она увѣнчается какимъ-либо успѣхомъ.

Къ счастію, въ этомъ успѣхѣ можно болѣе чѣмъ сомнѣваться, въ виду твердаго и покойнаго положенія, занятаго Русскимъ Правительствомъ.

Что же касается живущихъ въ Россіи Евреевъ, то лишь крайняя близорукость могла бы лишить ихъ возможности видѣть ту медвѣжью услугу, которую имъ дѣлаютъ американскіе и англійскіе *humbugmen*, смѣшавшіе ихъ интересы съ интересами русскихъ анти-государственныхъ элементовъ. Сочувствовать иностранному вмѣшательству во внутреннія дѣла Россіи могутъ лишь злѣйшіе ея враги, а наиболѣе благоразумные русскіе Евреи всегда протестовали противъ зачисленія ихъ въ эту категорію.

Къ этой именно категоріи принадлежатъ тѣ «другіе русскіе подданные», на «благодарность» которыхъ такъ разсчитываетъ *Times*. Но едва ли эти разсчеты окажутся основательными въ виду того несомнѣннаго фіаско, который во всякомъ случаѣ будетъ результатомъ комедіи, инсценированной соотечественниками безсмертнаго Барнума.

XXV.

Двойная задача нашей окраинной политики.

Жизненные интересы Россіи предъявляютъ ей безусловное, неумолимое требованіе — неустанно заботиться о томъ, чтобы границы ея являлись не слабымъ, а твердымъ оплотомъ ея государственнаго организма.

А между тѣмъ, эти границы чрезвычайно отдалены отъ національнаго центра Россіи и заселены совершенно чуждыми и даже враждебными ей племенами, содѣйствующими не укрѣпленію, а ослабленію этого столь необходимаго ей оплота. Одними крѣпостями тутъ дѣлу не поможешь, коль скоро не только вокругъ этихъ крѣпостей, но и въ стѣнахъ ихъ живетъ населеніе, преданное не интересамъ Россіи, а своимъ собственнымъ національнымъ и «государственнымъ» интересамъ, или даже интересамъ враговъ Россіи.

Въ виду этого, окраинная политика Русскаго Правительства принуждена считаться со всевозможными препятствіями, которыя, однако, не должны ослаблять его благоразумной энергіи и мудрой послѣдовательности въ разрѣшеніи той государственной задачи, которую ставятъ не какія-либо случайныя увлеченія и фантазіи, а, какъ мы уже сказали, *жизненные* интересы всего государства. Не «шовинизмъ» и не «напруссизмъ» заставляютъ Россію заботиться объ укрѣпленіи русской государственности на своихъ окраинахъ, а естественная *force majeure* борьбы за существованіе, которая съ такою категорическою неумолимостью дѣйствуетъ и въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, заставляя его заботиться о прочности стѣнъ того дома, въ которомъ онъ живетъ. Это требованіе такъ ясно, что его могутъ отрицать лишь наши окраинные сепаратисты, по весьма понятной своекорыстной причинѣ, и наши «либералы»—по причинѣ совершенно непонятной слѣпоты своей.

Но трудная задача нашей окраинной политики облегчается одною характерною особенностью, которою отличаются всѣ почти наши окраины.

Россія, въ силу логическаго хода своей исторіи, постепенно расширяя предѣлы своего государства, всюду заставала въ новыхъ, пріобрѣтаемыхъ ею, земляхъ, составляющихъ нынѣ ея окраины, не *одну* какую-либо тѣсно сплоченную группу не-русскихъ людей, а по меньшей мѣрѣ *двѣ* группы, изъ коихъ одна была господствующею, а другая подчиненною, одна—угнетающею, другая—угнетенною.

Такъ, въ Финляндіи Россія нашла Финское населеніе, угнетаемое Шведами; въ Эстляндіи она застала Эстонцевъ, порабощенныхъ Нѣмцами, въ Лифляндіи и Курляндіи — Латышей въ точно такомъ же рабствѣ у тѣхъ же Нѣмцевъ; Литва представила Россіи древнее литовское населеніе изнемогавшимъ подъ польскимъ игомъ; въ самой Польшѣ простой народъ невыразимо страдалъ подъ крѣпостническимъ гнетомъ гордой шляхты, обратившей его въ состояніе простого вьючнаго скота, «быдла»; въ Украйнѣ противъ тѣхъ же

польскихъ угнетателей боролось малорусское казачество; наконецъ, на Кавказѣ все мѣстное православное Грузинское племя безжалостно эксплуатировалось не только мусульманами, но въ особенности величайшимъ бичомъ всего края—Армянами.

Такимъ образомъ Россія всюду являлась съ двоякою миссіей: 1) освобожденія угнетенныхъ отъ угнетателей и 2) водворенія русской государственности.

Весьма естественно можно было надѣяться, что угнетенные, изъ простого чувства благодарности, станутъ на сторону Россіи, освободившей ихъ отъ невыносимаго гнета, и помогутъ ей въ ея государственномъ дѣлѣ.

Но твердо *разсчитывать* на чью-нибудь благодарность въ дѣлахъ политики, въ которыя къ тому же еще замѣшаны вопросы національные, было бы, конечно, великою ошибкой. И, дѣйствительно, во всѣхъ вышеупомянутыхъ окраинахъ коренное населеніе, освобожденное Россіей отъ своихъ угнетателей, явилось въ край лишь новымъ анти русскимъ элементомъ. Таковы «младофинны», «младо-эсты», «младо-латыши», «младо-литовцы», польскіе «демократы», малорусскіе «украинофилы», и младо-грузины», — всюду поднявшіе, съ большею или меньшею энергіей и притязательностью, свои національные флаги и мечтающіе не о болѣе тѣсномъ сближеніи съ освободившею ихъ Россіей, а о своей собственной національной, а то и «государственной» самостоятельности!

И вотъ бывшіе угнетатели этихъ «младо-націй» обращаются къ намъ, Русскимъ, съ такими рѣчами:

— Вотъ видите, что вы надѣлали! Вы ихъ освободили отъ насъ, вы ихъ спустили съ цѣпи, а они набросились не только на насъ, но и на васъ. Это грубый народъ, ихъ все время нужно было держать подъ желѣзной палкой; а вы протянули имъ руку, вмѣсто того чтобы протянуть ее намъ, людямъ культурнымъ, шведскимъ графамъ, нѣмецкимъ баронамъ и польскимъ магнатамъ. Освободивъ ихъ, вы толкнули ихъ на путь соціализма, который столько же опасенъ намъ, какъ и вамъ. Бросьте ихъ, сговоритесь лучше съ нами, мы готовы идти съ вами на примиреніе: вѣдь мы представляемъ собой консервативный элементъ, а потому, мы должны быть ближе вашему сердцу, чѣмъ всѣ эти вчерашніе рабы, а сегодняшніе демократы.

Такъ говорятъ намъ на нашихъ окраинахъ, въ особенности—въ Балтійскихъ и Привислинскихъ губерніяхъ. Въ Финляндіи Шведы до такихъ откровенностей еще не дошли, но несомнѣнно дойдутъ, какъ только Финны ихъ окончательно покинутъ. Лишь на Кавказѣ мы этихъ рѣчей не слышимъ и, вѣроятно, никогда не услышимъ, такъ какъ тамъ, въ сущности, русской окраинной политики совершенно не существуетъ, и мы не только не освободили Грузинъ отъ армянскаго ига, а сами добровольно пошли подъ это иго. Но, конечно, когда-нибудь и въ «пламенной Колхидѣ» восторжествуетъ русская государственная идея, какъ она нынѣ начинаетъ торжествовать среди «Финскихъ хладныхъ скалъ», и какъ она считается уже восторжествовавшею въ Вильнѣ, Варшавѣ, Юрьевѣ, Ревелѣ и Ригѣ.

Мы говоримъ—«*считается* восторжествовавшею», такъ какъ до полнаго фактическаго ея торжества еще очень и очень далеко, какъ въ Сѣверо-Западномъ и Привислинскомъ краяхъ, такъ и въ краѣ Прибалтійскомъ. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, Поляки и Нѣмцы заговорили о «примиреніи», доказывая, что они были бы для Россіи болѣе вѣрными друзьями, чѣмъ Эсты,

Латыши, Литовцы и польскіе демократы. Польскіе толки о «примиреніи» давно всѣмъ извѣстны, а что такіе же голоса раздаются и изъ среды прибалтійскихъ Нѣмцевъ, объ этомъ мы почерпнули весьма интересныя и цѣнныя свѣдѣнія изъ «Путевыхъ впечатлѣній» нашего корреспондента, «Вѣчнаго Странника», напечатанныхъ въ № 158 нашей газеты.

Итакъ, насъ стараются увѣрить, что наша освободительная миссія на окраинахъ была ошибочною, и что намъ все время слѣдовало идти рука объ руку съ «миролюбивыми, культурными» угнетателями мѣстнаго варварскаго населенія!

Въ 1888 году мнѣ пришлось провести довольно продолжительное время въ Ригѣ, какъ разъ въ самый разгаръ введенія русскихъ судовъ. Я познакомился тамъ съ очень интересною личностью, старымъ архитекторомъ-Латышомъ, нѣкимъ (если память не измѣняетъ) г. Бауманомъ, очень умнымъ человѣкомъ, проведшимъ всю свою жизнь въ краѣ и ненавидѣвшимъ Нѣмцевъ всею своею душой. Онъ строилъ зданіе новаго *русскаго* Окружнаго Суда и очень этимъ гордился.

— Вы не можете себѣ представить, говорилъ онъ мнѣ, — какъ мы всѣ, Латыши и Эсты, страдаемъ отъ этихъ проклятыхъ нѣмецкихъ судовъ, которые спеціально измышлены, чтобы въ нихъ не было ни права, ни правды, и чтобы въ нихъ всегда торжествовали одни только Нѣмцы! Вотъ посмотрите, какъ они теперь презрительно относятся къ вамъ, Русскимъ. А еслибы вы знали, какъ они теперь за *нами* ухаживаютъ, чтобы мы стояли на ихъ сторонѣ и дружно съ ними или противъ васъ! Чего только они намъ теперь не обѣщаютъ, какъ только они намъ не льстятъ! Мы де съ ними принадлежимъ къ высшей культурѣ, которую должны защищать противъ русскихъ варваровъ! А вотъ припомните мои слова: лѣтъ черезъ десять—едвали я доживу до тѣхъ поръ—все это перемѣнится, и *Нѣмцы будутъ васъ звать въ союзники противъ насъ.* Не вѣрьте имъ тогда, какъ мы теперь имъ не вѣримъ. Помните, что если они вамъ будутъ обѣщать свое миролюбіе, то это будетъ только потому, что вы дали намъ возможность освободиться отъ нихъ. Еслибы вы этого не сдѣлали, то никогда бы вы съ ними не справились. Они будутъ стараться обойти васъ лестью, какъ теперь стараются обольстить насъ, которыхъ они такъ же ненавидятъ, какъ и васъ. Но, умоляю васъ, — не вѣрьте имъ. Они будутъ вамъ говорить о своей «лойяльности», о своей преданности Россіи»,—и все это будетъ ложь, потому что они ничѣмъ не дорожатъ, кромѣ своихъ средневѣковыхъ привилегій, и никого не хотятъ знать, ни Германіи, ни Россіи, а только самихъ себя. Они у сосѣдей-Поляковъ переняли ихъ несосвѣтимую гордость и запосчивое чванство, и проявляютъ эти качества съ гораздо большею послѣдовательностью и нѣмецкимъ упрямствомъ (*Querköpfigkeit*), чѣмъ пустоголовые Поляки... Но вы стали на нашу сторону, этимъ вы получили возможность сокрушить даже и это баснословное упрямство. Вы въ этомъ никогда не раскаетесь.

— Все это хорошо, возразилъ я, — но вчера я былъ у одного изъ нашихъ молодыхъ блестящихъ адвокатовъ, стоящихъ во главѣ младо-латышской партіи, и то, что́ я тамъ слышалъ, для насъ далеко не утѣшительно. Эти господа уже мечтаютъ о «латышскомъ университетѣ» и чуть не о «латышской конституціи», а о Россіи они и слышать не хотятъ. Съ ними придется намъ, пожалуй, еще больше возиться, чѣмъ съ Нѣмцами. Они требуютъ...

Старикъ Бауманъ замахалъ руками.

— Знаю, Знаю, чего они требуютъ! Мало ли что́ имъ вздумается требовать. Все будетъ зависѣть отъ васъ: сдѣлаете имъ хоть одну уступку—и все дѣло пропало; они вообразятъ, что вы въ нихъ нуждаетесь. А вы знайте, что они теперь уже къ Нѣмцамъ назадъ не пойдутъ, и что вы ничѣмъ не рискуете, твердо стоя на почвѣ русской государственной политики. Пусть они занимаются латышскою народною литературой и этнографіей, это вамъ мѣшать не будетъ, и это даже очень интересно, а въ политику вы ихъ не пускайте ни на одинъ шагъ. Это — молодые прыгающіе жеребята, со временемъ они успокоятся. А вотъ Нѣмцы — тѣ хищные волки: они никогда не успокоятся; вотъ имъ скоро уже невозможно будетъ скалить свои зубы, тогда они облекутся въ овечьи шкуры; *такъ вы тогда особенно ихъ берегитесь и ни единому слову ихъ не вѣрьте.*

Такъ говорилъ старый Латышъ. Живъ ли онъ еще? Я этого не знаю, но я знаю, что пророческія слова его относительно Нѣмцевъ, да и относительно Поляковъ, сбылись. Будемъ надѣяться, что они сбудутся и относительно насъ, Русскихъ.

XXVI.

„Замѣчательный“ датскій профессоръ.

Его зовутъ П. К. Фредериксенъ. Онъ когда-то былъ профессоромъ политической экономіи и финансоваго права при Копенгагенскомъ университетѣ и членомъ Датскаго парламента. Къ какой партіи онъ тамъ принадлежалъ, мы не знаемъ, но, судя по той поразительной ограниченности, которою онъ, какъ оказывается, надѣленъ въ достаточной мѣрѣ, онъ, вѣроятно, принадлежалъ къ той упрямой «радикальной» партіи, которая вела такую безсмысленную и пагубную для Даніи оппозицію противъ благородной, истинно-національной политики королевскаго правительства.

Но профессоръ Фредериксенъ интересовался не только дѣлами своего отечества, а обратилъ свое просвѣщенное вниманіе и на Россію, въ особенности же на ея Финляндскую окраину, которой онъ даже посвятилъ цѣлое сочиненіе.

Какой то Бельгіецъ, корреспондирующій изъ Берлина въ *Indépendance Belge*, счелъ нужнымъ интервьюировать столь замѣчательнаго ученаго и узналъ отъ него, что вышеупомянутое сочиненіе его о Финляндіи отличается авторитетностью (*une oeuvre qui fait autorité*); жаль только, что онъ не сообщаетъ ни названія этого столь выдающагося труда, ни тѣхъ лицъ, для которыхъ онъ служитъ авторитетомъ.

Но этого мало: профессоръ Фредериксенъ сообщилъ услужливому Бельгійцу, что онъ вообще «не перестаетъ заниматься Россіей въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ и замѣченныхъ изданій (*il ne cesse de s'occuper de la Russie dans des publications remarquables et remarquées*)».

Такъ вотъ какой существуетъ на свѣтѣ ученый спеціалистъ по «россіевѣдѣнію», а мы этого даже и не подозрѣвали!

Какъ много мы потеряли вслѣдствіе такого непростительнаго нашего незнакомства съ «замѣчательными» и нами не «замѣченными» сочиненіями датскаго профессора, мы можемъ судить по тѣмъ замѣчательнымъ свѣдѣніямъ о

Россіи, которыя онъ благосклонно сообщилъ своему бельгійскому собесѣднику *).

Разговоръ, разумѣется, шелъ о Финляндскомъ вопросѣ, въ которомъ, какъ мы видѣли, г. Фредериксенъ пользуется такою «авторитетною» освѣдомленностью.

Датскій профессоръ очень жалѣетъ нашихъ либераловъ; они де надѣялись, что та «минимальная конституція», которою наслаждалась Финляндія, будетъ распространена на всю остальную Россію, а теперь она исчезла даже въ самой Финляндіи.

— Да вѣрно ли это? спрашиваетъ Бельгіецъ.

— Какъ?—восклицаетъ г. Фредериксенъ,—вы сомнѣваетесь въ этомъ?.. Да вѣдь это всѣмъ извѣстно, объ этомъ кричатъ всѣ голоса. Въ Финляндіи нѣтъ больше никакихъ законовъ, а есть только генералъ Бобриковъ, который замѣняетъ собой и законы, и пророковъ.

— Но откуда же явился такой ужасный человѣкъ?

— Его изобрѣла *московская бюрократія и ея исчадіе г. Побѣдоносцевъ. La bureaucratie moscovite et M. Pobedonostzeff qui en est l'émanation*).

Такъ вотъ какія истины проповѣдуетъ «авторитетный» знатокъ Россіи и Финляндіи! Das lässt tief blicken! какъ говорятъ Нѣмцы. Это поистинѣ бездонное невѣжество!

Слыхали ли вы когда нибудь о «Московской бюрократіи?» У насъ въ Россіи извѣстна лишь бюрократія петербургская, какъ могущественная вертящая Россію сила. А между тѣмъ, оказывается, есть и въ Москвѣ особая бюрократія, которая настолько, будто бы, сильна, что создаетъ К. П. Побѣдоносцева и вмѣстѣ съ нимъ изобрѣтаетъ Н. И. Бобрикова!

Ну, не замѣчательный ли это датскій профессоръ, являющійся даже для кого-то тамъ «авторитетомъ» въ вопросахъ, касающихся Россіи и Финляндіи? Онъ, очевидно, пишетъ свои «замѣчательныя и замѣченныя» сочиненія, пользуясь, въ качествѣ источниковъ, тѣми заграничными невѣжественнѣйшими газетными статьями, которыя выставляютъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, этого высоко-культурнаго, добрѣйшаго и гуманнѣйшаго ученаго юриста, какимъ-то кровожаднымъ Малютой Скуратовымъ, который чуть не собственноручно «вѣшаетъ профессоровъ и студентовъ безо всякаго суда». Еще недавно намъ привезли изъ Италіи вырѣзанный изъ газеты портретъ (*не* карикатуру) К. П. Побѣдоносцева, на которомъ онъ изображенъ какимъ-то лохматымъ, бородатымъ мужикомъ въ монашескомъ клобукѣ, а въ сопровождавшей портретъ статьѣ говорилось, что «этотъ тиранъ наполнилъ всю Сибирь жертвами своего фанатическаго деспотизма!!»

На такомъ именно уровнѣ, какъ этотъ итальянскій писака, стоитъ и датскій профессоръ Фредериксенъ со всѣми своими «авторитетными» сочиненіями о Россіи.

Онъ разсказываетъ своему собесѣднику, печатающему эти росказни въ своей, казалось бы, столь серіозной брюссельской газетѣ, что въ Россіи царитъ «абсолютное отрицаніе порядка, законности и справедливости», что даже «сенатскіе приговоры безпрестанно отмѣняются политическими распоряженіями», что то и дѣло «совершаются казни безо всякаго суда», и что «Россіи грозитъ революція, если ей не будетъ дана конституція».

Обращаемъ вниманіе *Русскихъ Вѣдомостей* и *Вѣстника Европы* на

*) См. *Indépendence Belge* отъ 20 іюня 1903 года.

вполнѣ подходящаго къ нимъ «авторитетнаго» иностраннаго ученаго спеціалиста; онъ, конечно, охотно будетъ присылать имъ «замѣчательныя» корреспонденціи, которыя несомнѣнно будутъ «замѣчены» ихъ читателями, вполнѣ подготовленными къ довѣрчивому воспріятію такой вздорной умственной пищи.

XXVII.

Иностранная легенда о Русскомъ Царѣ.

Американская шумиха, организованная противъ Россіи по поводу Кишиневскаго погрома, благополучно сдана въ архивъ.

Русское Правительство наотрѣзъ отказалось не только принять «адресъ-протестъ», сочиненный американскими политиканами, но даже и ознакомиться съ его содержаніемъ.

Такимъ образомъ, вся эта несуразная попытка вмѣшаться во внутреннія дѣла Россіи, вопреки основнымъ принципамъ международнаго права, вопреки политическому такту и простой политической порядочности, вся эта затѣя, говоримъ мы, потерпѣла полное, позорное фіаско.

Иначе, конечно, и быть не могло.

Лишь у наивно-грубыхъ, некультурныхъ умовъ американскихъ демагоговъ могла явиться дикая мысль, будто организованный ими грандіозный *humbug* произведетъ какое-нибудь впечатлѣніе на Россію. Они кричали, шумѣли, устраивали митинги, собирали подписи, вообразивъ себя въ роли какихъ-то «міровыхъ героевъ», но, получивъ чувствительный щелчокъ по своему напыщенному самомнѣнію, они тотчасъ же смирились, успокоились, сдали дѣло въ архивъ и бросились устраивать какой-нибудь другой скандалъ по какому-нибудь другому вопросу, такъ какъ безъ какихъ нибудь искусственно организованныхъ и громко раздутыхъ скандаловъ эти герои «желтой прессы» ни одного дня прожить не могутъ.

Итакъ, въ Америкѣ горькая пилюля Кишиневскаго фіаско была живо проглочена, и нынѣ Американцы, какъ ни въ чемъ не бывало, уже протягиваютъ намъ свои «дружескія» объятія.

Не то въ Англіи. Тамъ эту пилюлю никакъ переварить не могутъ.

Какое, казалось бы, дѣло Англичанамъ до Кишинева и до Америки? Конечно, никакого. Но у нихъ всегда есть дѣло до Россіи, которой они постоянно и всюду стараются всячески нанести изъ-за угла чужими руками какой-нибудь коварный ударъ. То они натравливаютъ на насъ Японію, то пытаются поссорить насъ съ Китаемъ, то стараются отклонить отъ насъ Францію, то подстрекаютъ Америку сдѣлать намъ какую-нибудь пакость.

Во главѣ всей этой далеко не джентльменской политики стоитъ въ области печати, конечно, нашъ старый другъ *Times*, избравшій, какъ извѣстно, Кишиневское дѣло своимъ спеціальнымъ конькомъ, воображая себѣ, будто это дѣло обнаружило тотъ *locus minoris resistentiae* въ организмѣ Россіи, ту «слабую» ея сторону, на которую стоитъ только приналечь, чтобы сокрушить тотъ миѳическій «колоссъ на глиняныхъ ногахъ», какимъ все еще рисуется Россія въ наивномъ, чисто ребяческомъ воображеніи нашихъ западныхъ сосѣдей.

Вотъ почему *Times* не щадилъ ни усилій, ни подлоговъ, чтобы раздуть мѣстныя кишиневскія безобразія до степени первостепеннаго государственнаго

и даже международнаго политическаго событія, вотъ почему онъ съ такимъ восторгомъ уцѣпился и за американскую вздорную затѣю, предрекая ей колоссальное вліяніе на Русское Правительство и на Русское общество, и вообще на всю Россію, которая де вынуждена будетъ преклониться предъ грознымъ американскимъ «адресомъ-протестомъ» и начать совершенно новую эру своей политической жизни.

Въ виду этого, мы съ особымъ интересомъ развернули *Times*, чтобы посмотрѣть, какъ она отнеслась къ тому позорному фіаско, которое, какъ мы видѣли, заставило Американцевъ поспѣшно сдать въ архивъ свою столь неудачную затѣю.

Вотъ что мы нашли въ передовой статьѣ названной газеты:

„Отказъ Русскаго Правительства нисколько не умаляетъ великаго значенія того историческаго факта, что Розвельтъ и его совѣтники рѣшились официально выразить широкораспространенную симпатію къ несчастнымъ русскимъ Евреямъ. Этотъ безпримѣрный шагъ ясно свидѣтельствуетъ о нравственномъ мужествѣ и рѣшимости Розвельта и Гея. Большаго успѣха они достигнуть не могли, не подвергаясь обвиненію въ недружелюбныхъ дѣйствіяхъ и соотвѣтствующимъ репрессаліямъ. Хотя дипломатическій этикетъ вынужденъ былъ положить конецъ всему этому движенію, но все-таки теперь уже невозможно, чтобы это великое заявленіе правительства великаго народа *не проникло черезъ стѣны бюрократіи и не дошло до свѣдѣнія Царя.*“

Вотъ она—западная легенда о «Русскомъ Царѣ, окруженномъ непроницаемыми стѣнами бюрократіи»!

Предо мною воскресъ, какъ живой, мой другъ Dr Юлій Эймъ, одинъ изъ бывшихъ главарей младо-чешской партіи, славившійся не только своимъ жгучимъ краснорѣчіемъ, но своею всесторонною образованностью.

Я съ нимъ провелъ въ 1893 году нѣсколько недѣль на Вэртскомъ, или вѣрнѣе Вербицкомъ, озерѣ въ Каринтіи и изумлялся его глубокимъ познаніямъ въ области политики и литературы Западной Европы и его столь же основательному непониманію Россіи, которую онъ очень любилъ, никогда въ ней не бывавъ, не зная ни одного русскаго слова и имѣя столь же опредѣленныя, сколь невѣрныя, представленія о Русскомъ Правительствѣ, Русскомъ обществѣ и Русскомъ народѣ. Мы проводили съ нимъ время въ безконечныхъ спорахъ о Россіи и ея политикѣ, и вотъ тутъ то я наслушался цѣлаго ряда легендъ о Россіи, которыя на Западѣ успѣли прочно засѣсть въ народной и общественной фантазіи, и которыя ничѣмъ изъ этой фантазіи не выкуришь.

Среди нихъ была и вышеуказанная легенда о Русскомъ Царѣ.

— Какъ вы думаете,— спросилъ меня однажды Dr Эймъ, взбираясь со мной на вершину одной изъ крутыхъ скалистыхъ горъ, возвышающихся на сѣверномъ берегу Вербицкаго озера,—какъ вы думаете, знаетъ Государь Александръ III о младо-чешской партіи?

— Конечно, знаетъ.

— Я не думаю.

— Почему же вы сомнѣваетесь въ этомъ?

— Потому, что Онъ не поддерживаетъ насъ въ нашей борьбѣ съ Нѣмцами.

— А чѣмъ же Онъ могъ бы поддерживать васъ?

— Мало ли чѣмъ! Угрозами Австрійскому правительству, открытымъ поощреніемъ нашей борьбы чрезъ князя Лобанова-Ростовскаго (тогдашняго русскаго посла въ Вѣнѣ), щедрыми субсидіями въ пользу нашей «Матицы» и всего нашего движенія...

— Что̀ вы. Опомнитесь,—воскликнулъ я.—Развѣ можетъ Россія вмѣшиваться во внутреннія дѣла Австріи?

— Россія все можетъ; сто́итъ ей только захотѣть или, вѣрнѣе, стоитъ только захотѣть Русскому Царю. Вотъ только въ томъ бѣда, что Русскій Царь ничего этого не знаетъ. Еслибъ Онъ зналъ о Младо-Чехахъ, Онъ давно уже заставилъ бы Франца-Іосифа короноваться въ Прагѣ. Нѣтъ, Онъ, очевидно, ничего про насъ не знаетъ. Да, впрочемъ, откуда Онъ могъ бы и знать о томъ, что̀ происходитъ въ Австріи, когда Онъ ровно ничего не знаетъ о томъ, что̀ происходитъ въ Россіи.

— Что̀ за вздоръ вы говорите!

— Какъ вздоръ? Вѣдь всѣмъ извѣстно, что Русскій Царь ничего не знаетъ, кромѣ того, что̀ Ему говоритъ бюрократія, а бюрократія, разумѣется, Его обманываетъ.

— Откуда вы все это взяли?

— Да, помилуйте, это знаетъ въ Прагѣ каждый сапожникъ.

— Ну, а вы вѣдь не сапожникъ, а образованный, культурный человѣкъ, членъ Рейхсрата, первоклассный журналистъ! Какъ можете вы вѣрить такимъ баснямъ?

— Да какъ же Русскій Царь можетъ что-нибудь знать, когда у васъ въ Россіи нѣтъ парламента?

— Послушайте! Вѣдь такіе аргументы можетъ приводить лишь самый безмозглый либералъ! Неужели вы станете увѣрять меня, что парламенты существуютъ для того, чтобы государи узнавали изъ ихъ преній то, что̀ происходитъ на бѣломъ свѣтѣ вообще и въ ихъ государствахъ въ особенности? Парламенты существуютъ только какъ публичныя арены для борьбы между политическими атлетами, старающимися либо пробиться къ власти, либо удержать ее за собой. А если эти борцы хотятъ *узнать* о чемъ-либо происшедшемъ или происходящемъ во внутренней или внѣшней жизни своего отечества, они почерпаютъ эти свѣдѣнія изъ такого общедоступнаго источника, какъ газеты, или же обращаются съ «вопросами» или «запросами» къ представителямъ своего государя, который, конечно, гораздо скорѣе, точнѣе и подробнѣе, нежели они, знаетъ все, что̀ ему нужно знать, благодаря той тысячѣ совершенно независимыхъ отъ парламента офиціальныхъ, полуофиціальныхъ, частныхъ и чисто личныхъ источниковъ, которыми располагаетъ глава современнаго государства. Неужели вы думаете, что Францъ Іосифъ или Вильгельмъ II безъ своего парламента ничего не знали бы о дѣйствительныхъ нуждахъ своего государства? Да какой же серіозный человѣкъ можетъ теперь еще сомнѣваться въ томъ, что государи встрѣчаютъ въ своихъ парламентахъ не помощь, а непреодолимую помѣху въ изученіи и удовлетвореніи насущныхъ нуждъ своихъ подданныхъ?

— Да, но вы говорите о Германскомъ и Австрійскомъ императорахъ, а я говорю о Русскомъ Царѣ.

— Да какая же между ними разница?

— Русскій Царь не имѣетъ другихъ источниковъ для Своего освѣдомленія, кромѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ Своихъ министровъ и губернаторовъ, то-есть высшихъ представителей той бюрократіи, которая, какъ извѣстно, окружаетъ Его непроницаемою стѣной.

— Опять этотъ вздоръ! Да вы понятія не имѣете о жизни Русскаго Царя! Вы забываете объ Его офиціальныхъ и частныхъ пріемахъ, во время

которыхъ Онъ видитъ массу самыхъ разнообразныхъ людей, которые говорятъ съ Нимъ совершенно откровенно, какъ дѣти со своимъ отцомъ; вы забываете, что Русскій Царь, какъ и мы, простые смертные, ежедневно читаетъ русскія и иностранныя газеты; вы, повидимому, понятія не имѣете о томъ громадномъ количествѣ писемъ, памятныхъ и докладныхъ записокъ, которыя Государь ежедневно получаетъ и по почтѣ, и другими, болѣе вѣрными, путями; вы даже и не подозрѣваете о существованіи Комиссіи подаваемыхъ на Высочайшее имя прошеній, доводящей съ общепризнаннымъ безпристрастіемъ до свѣдѣнія Государя такіе факты, о которыхъ даже Его министры ничего не знаютъ. А затѣмъ столь частыя путешествія Государя, во время которыхъ Онъ приходитъ въ непосредственное общеніе со всѣми классами населенія Россіи, даютъ Ему возможность лично провѣрять тѣ свѣдѣнія, которыя, какъ вы видите, доходятъ къ Нему съ тысячи различныхъ сторонъ. Въ западныхъ строго-конституціонныхъ государствахъ государи могутъ предоставить такую широкую освѣдомленность своимъ министрамъ, такъ какъ вѣдь не государи, а министры тамъ за все отвѣчаютъ, и я, дѣйствительно, думаю, что, напримѣръ, королева Викторія гораздо меньше знаетъ текущія государственныя дѣла, чѣмъ ея министры. Въ Россіи не то. Въ Россіи за все въ ней творящееся отвѣчаетъ предъ Богомъ одинъ только Царь, и Ему, поэтому, необходимо превосходить Своею освѣдомленностью всѣхъ Своихъ министровъ и губернаторовъ, то-есть ту самую «бюрократію», которая, по-вашему, держитъ Его въ какихъ-то «непроницаемыхъ стѣнахъ».

— Какъ, неужели вы защищаете русскую бюрократію?

— Нисколько, но она грѣшитъ не тѣмъ, что она будто бы «скрываетъ истину» отъ Государя, такъ какъ она не могла бы этого сдѣлать, еслибъ и хотѣла, а въ томъ, что она, помимо своего бездушнаго, рутиннаго, бумажнаго формализма, въ отличіе отъ западной бюрократіи, не исполняетъ въ безусловной точности воли Верховной Власти, искажая ее по своему личному воззрѣнію и въ угоду такимъ доктринамъ, которыя находятся въ прямой противоположности съ основными началами русской государственности. Прусскіе «юнкера» придерживаются девиза: «Und der König absolut, wenn er unsern Willen thut» *), а русскіе бюрократы скорѣе стремятся къ противоположному идеалу: «Und der Kaiser absolut, wenn nur jeder seinen eigenen Willen thut» **). Вотъ въ чемъ заключается истинная бѣда Россіи: не въ томъ, что Государь будто бы остается въ невѣдѣніи относительно того, что творится въ Россіи, а въ томъ, что въ нашемъ обществѣ, включая сюда и нашу бюрократію, ослабло чувство долга и преданности завѣтнымъ идеаламъ Россіи, и что вслѣдствіе этого самыя благія, великодушныя и справедливыя начинанія Государя встрѣчаютъ при осуществленіи своемъ препятствія именно тамъ, гдѣ они могли бы разсчитывать на самое горячее содѣйствіе. Вотъ, напримѣръ, нынѣ царствующій Государь Александръ III, помимо всякой бюрократіи, отлично освѣдомленъ о томъ тяжкомъ неустроеніи, въ которомъ находится наша сельская жизнь. Онъ ясно понялъ, что именно нужно сдѣлать для водворенія законнаго въ ней порядка, и предпринялъ великую реформу, которую, однако, бюрократія всѣми силами постаралась свести почти на нѣтъ.

— Но что же, по вашему, нужно въ такомъ случаѣ сдѣлать?

---

*) „Король самодержавенъ, если только онъ исполняетъ нашу волю".

**) „Государь самодержавенъ, если только каждый исполняетъ свою собственную волю".

— Ну, конечно, не вводить у насъ парламента, который уже окончательно парализовалъ бы волю Монарха. Нужно, чтобы каждый министръ безусловно подчинялся этой Волѣ, оставляя въ сторонѣ свои личныя фантазіи; нужно, чтобы всѣ министры дѣйствовали въ полномъ между собою согласіи, добросовѣстно исполняя Монаршую Волю, и чтобъ они выбирали себѣ своихъ помощниковъ, руководствуясь не только ихъ способностями, но и ихъ *убѣжденіями* и ихъ *строгимъ отношеніемъ къ своему долгу*. При этихъ условіяхъ Воля Государя всегда въ точности исполнялась бы не только въ столицѣ, но и въ послѣдней деревушкѣ необъятной Россіи.

— Да, но для этого нужно одно условіе.

— Какое?

— Чтобы Русскій Царь не находился въ непроницаемыхъ стѣнахъ бюрократіи.

— Вы опять все о томъ же? Вѣдь я же вамъ объяснилъ, что это вздоръ.

— Помилуйте, вѣдь это знаетъ каждый сапожникъ въ Прагѣ.

— Ну, ладно! Вотъ мы и на вершинѣ нашей горы, а вотъ и ресторанъ; выпьемъ по кружкѣ Пильзенскаго и будемте любоваться чуднымъ видомъ на озеро.

Такъ я и не могъ выбить изъ головы моего достопочтеннаго друга нелѣпую легенду о «Русскомъ Царѣ, сидящемъ въ непроницаемыхъ стѣнахъ бюрократіи», за которую онъ держался съ истинно-чешскою послѣдовательностію, и которую я снова встрѣтилъ, какъ старую знакомую, въ приведенныхъ выше словахъ англійской газеты.

XXVIII.

„Либералы“ и Саровское торжество.

Сегодня (19 іюля) вся Россія мыслями въ Саровѣ.

И Русскій Царь, и Русскій народъ ни о чемъ иномъ сегодня и мыслить не могутъ, какъ только о томъ великомъ торжествѣ Православія, которое является столь выдающимся событіемъ въ государственной и общественной жизни Россіи.

Разверните сегодняшнія газеты, и вы увидите, что всѣ онѣ посвящаютъ главное свое вниманіе Саровскимъ торжествамъ, и первое мѣсто среди своихъ статей отводятъ либо разсужденіямъ объ этомъ великомъ событіи, либо извѣстіямъ о томъ, какъ оно совершается.

Да иначе не можетъ и быть. Русскія газеты пишутся и издаются для Русскихъ людей, а не для какихъ-нибудь нехристей, которые одни только въ такіе великіе дни, какъ сегодняшній, могутъ интересоваться чѣмъ-либо инымъ, а не тѣмъ, что составляетъ единую заботу слившихся въ своихъ помыслахъ Царя и народа.

Но есть у насъ столичныя, казалось бы, тоже русскія, газеты, которыя къ этимъ святымъ помысламъ относятся съ нескрываемою антипатіей. Онѣ держатся въ сторонѣ и отъ Царя, и отъ Русскаго народа, очевидно полагая, что онѣ превосходятъ ихъ своимъ «либеральнымъ» умомъ, кичащимся своею безрелигіозною пустотой.

Такихъ явныхъ антирусскихъ газетъ издается въ Москвѣ цѣлая пара. Интересно было взглянуть, какъ онѣ отнесутся сегодня къ тому всенародному торжеству, которое такъ сильно охватило умы всего Русскаго народа.

Обѣ газеты стараются въ руководящихъ своихъ статьяхъ совершенно *замолчать* это переживаемое нами великое историческое событіе, отвлекая вниманіе своихъ читателей совершенно въ другія стороны.

Одна изъ этихъ газетъ посвящаетъ сегодня свою первую статью ликованію не по поводу торжества въ Саровскомъ монастырѣ, а по поводу торжества г. Комба, упразднившаго всѣ монастыри во Франціи *). Вы понимаете, какой тутъ тонкій намекъ!

А другая газета тоже демонстративно игнорируетъ въ своей передовицѣ Саровское торжество, посвящая ее вопросу о «всеобщемъ обученіи». И здѣсь видна замѣренная тенденція, которая даже особенно подчеркивается. Упомянувъ о томъ, что еще въ XVII вѣкѣ православное духовенство заботилось о просвѣщеніи народа, и что тогда же «одинъ изъ сановниковъ Православной Церкви» усиленно требовалъ учрежденія училищъ, московская «либеральная» газета говоритъ съ похвальною откровенностью:

„Конечно, понятіе о размѣрахъ и *характерѣ* образованія за два съ половиной вѣка измѣнилось, и, повторяя приведенныя слова одного изъ сановниковъ Православной Церкви, *мы разумѣемъ, конечно, нѣчто иное*“, *чѣмъ разумѣлъ онъ* **).

Еще бы! «Онъ» разумѣлъ образованіе *въ духѣ Православной Церкви*, а вы—«нѣчто иное». «Онъ» желалъ укрѣпить въ душахъ и умахъ русскихъ дѣтей *страхъ Божій и преданность Царю*», а вы—«нѣчто иное». Да, конечно, «характеръ» вашихъ школъ ничего не имѣетъ общаго съ характеромъ истинно-русскихъ церковныхъ училищъ, противъ которыхъ вы и доселѣ ведете непримиримую борьбу, такъ какъ онѣ даютъ своимъ питомцамъ *доброе, нравственное воспитаніе*, тогда какъ ваши школы даютъ своимъ ученикамъ—«нѣчто иное».

Итакъ, наши «либералы» въ день Саровскаго торжества какъ бы говорятъ чрезъ свои офиціальные органы русскимъ читателямъ приблизительно слѣдующее: «Охота вамъ обращать вниманіе на Саровъ! Вотъ посмотрите на насъ: мы гораздо больше интересуемся г. Комбомъ и земскими школами, чѣмъ какимъ-то тамъ русскимъ монастыремъ. Мы о немъ и думать не хотимъ. Да и вообще эти монастыри... Намъ нужно брать примѣръ съ г. Комба и французскихъ соціалистовъ, закрывающихъ монастыри, а не содѣйствующихъ ихъ укрѣпленію. Все это у насъ происходитъ отъ невѣжества. Вотъ дайте нашимъ земствамъ достаточно денегъ для введенія всеобщаго обязательнаго обученія, и они въ своихъ школахъ заведутъ, конечно, не церковное образованіе, а *нѣчто совершенно иное*, и тогда Саровскія торжества станутъ невозможными, и у насъ воцарятся порядки, которыми нынѣ уже наслаждается Франція, благодаря г. Комбу.»

---

*) *Курьеръ* отъ 19 іюля 1903 г.

**) *Русскія Вѣдомости* отъ 19 іюля 1903 г. Курсивъ вездѣ нашъ. Эта газета отважилась и на другую демонстрацію: всѣ телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства она не печатала крупнымъ шрифтомъ, за исключеніемъ телеграммы, сообщающей о цѣломъ рядѣ чудесныхъ исцѣленій въ Саровѣ; эту телеграмму газета напечатала *самымъ мелкимъ шрифтомъ*, какъ бы выражая этимъ свое презрѣніе къ народной святынѣ!

Съ помощью Божіею, Русскій народъ сумѣетъ отвратить отъ Россіи такую ужасную перспективу. Россіи нужно только *ясно знать* своихъ враговъ, чтобы затѣмъ уже быть увѣренною въ своемъ спасеніи. Опасны они ей лишь тогда, когда являются подъ личинами «друзей народа». Но въ критическіе моменты они бываютъ вынуждены сбрасывать свои личины и являться въ настоящемъ своемъ видѣ.

Такимъ именно критическимъ днемъ является сегодняшній день—19 іюля. «Либералы» вынуждены были открыть свои козыри, и они ихъ открыли.

Для Русскаго народа идеаломъ является Серафимъ Саровскій, для «либераловъ»—попъ разстрига Комбъ. Для Русскаго Царя предметомъ заботы служитъ религіозно-нравственное образованіе Русскаго народа въ духѣ Православной Церкви; для нашихъ либераловъ—«нѣчто иное».

Этого никогда забывать не слѣдуетъ.

XXIX.

Иностранный взглядъ на Саровскія торжества.

Иностранцы ровно ничего не поняли и никакъ не могутъ разобраться въ тѣхъ великихъ событіяхъ, которыми Россія такъ интенсивно жила въ теченіе цѣлой недѣли.

Событія эти свалились на нихъ, какъ снѣгъ на голову. Они и не подозрѣвали, что православная Россія мечтала о нихъ въ теченіе болѣе полувѣка и радостно готовилась къ нимъ въ теченіе полугода.

Иностранцы вообще знаютъ о Россіи только то, что̀ невѣжественные, большею частію, корреспонденты англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ газетъ, проживающіе гдѣ-то вдали отъ Россіи, въ городѣ Петербургѣ, пишутъ для своихъ, еще болѣе невѣжественныхъ относительно Россіи, читателей.

А пишутъ они имъ исключительно только то, что̀ можетъ повредить Россіи въ глазахъ Европы; они тщательно собираютъ всѣ неблагопріятныя явленія въ нашей жизни, умалчивая объ явленіяхъ отрадныхъ, а когда у нихъ не хватаетъ необходимыхъ имъ «русскихъ ужасовъ», они ихъ сами сочиняютъ; благо за границей всякая ложь о Россіи всегда сойдетъ за истину.

Имъ, напримѣръ, во что бы то ни стало хочется представить Россію «на краю гибели»: вотъ они и тверлятъ въ своихъ корреспонденціяхъ на всѣ лады о томъ, напримѣръ, будто «весь народъ въ Россіи ожесточенъ деспотизмомъ земскихъ начальниковъ» и «думаетъ только о борьбѣ за свободу совѣсти».

И вдругъ это умилительное зрѣлище Сарова и Дивѣева, съ этими сотнями тысячъ Русскихъ людей, духовно сливающихся воедино со своимъ Царемъ предъ величіемъ Господа и ниспосланнымъ Имъ Русскимъ Чудотворцемъ.

Зрѣлище это совершенно ошеломило иностранныхъ корреспондентовъ тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже сказали, оно явилось для нихъ полною неожиданностью. О томъ, что въ Саровѣ готовятся небывалыя религіозныя торжества, они узнали только чуть не въ день отъѣзда Государя Императора изъ Петербурга въ Нижегородскую губернію. Тутъ они бросились направо и налѣво, чтобы наскоро собрать кое-какія свѣдѣнія о Саровской пустыни, о Преподобномъ Серафимѣ, о причинахъ торжества и о его значеніи. Все слы-

шанное ими они собрали въ кучу, приправили все своими фантастическими вымыслами и кощунственнымъ остроуміемъ и преподнесли своимъ добродушнымъ читателямъ въ видѣ какого-то невозможнаго ералаша правды и лжи.

Даже аккуратные Нѣмцы и тѣ нагородили цѣлую тьму несосвѣтимаго вздора, котораго православнымъ христіанамъ и передать невозможно. Достаточно сказать, что глубокомысленный петербургскій корреспондентъ *Berliner Tageblatt*, хорошенько не разслыхавъ, что фамильное имя Преподобнаго Серафима въ міру было *Мошнинъ*, придалъ ему искаженное имя *Машинъ* и на этомъ основаніи констатировалъ его родство съ покойною королевой Сербскою Драгой Машиной!! А о томъ, какъ этотъ «Машинъ» попалъ въ «страшную Саровскую *пустыню*» (sic! *Wüste*) и тамъ превратился въ Серафима,— объ этихъ досужихъ вымыслахъ нѣмецкой филистерской фантазіи мы предпочитаемъ лучше совсѣмъ не говорить.

Но особенно иностранныхъ корреспондентовъ занимаетъ вопросъ: *почему* именно теперь состоялись Саровскія торжества? Они не останавливаются предъ весьма смѣлымъ рѣшеніемъ этого вопроса. Всѣ эти торжества, видите ли, выдуманы русскими жандармами, чтобы «отвлечь вниманіе народа отъ тѣхъ бѣдствій, которыя онъ испытываетъ отъ ожесточеннаго деспотизма земскихъ начальниковъ». Но жандармское изобрѣтеніе окажется де совершенно напраснымъ, ибо народъ, сошедшійся со всѣхъ концовъ Россіи въ Саровской «пустынѣ», повѣдалъ другъ другу свои бѣдствія, и теперь онъ уже не замедлитъ «потребовать себѣ свободы совѣсти».

Мы смѣемся надъ этимъ вздоромъ, а за границей всему этому слѣпо вѣрятъ. И вѣрятъ этому не только добродушные бюргеры, рѣшающіе за кружкой пива судьбу всего міра, но даже такіе «свѣтлые умы», какъ Бьэрнстернъ-Бьэрнсонъ, выпустившій на дняхъ воззваніе ко всѣмъ народамъ Европы, приглашающее ихъ выразить свою солидарность въ томъ, чтобы не давать денегъ Россіи, пока Русскій народъ не получитъ требуемыхъ имъ правъ и свободы совѣсти, а Финляндія—своихъ допотопныхъ «привилегій».

Но что же иностранцы пишутъ о самомъ главномъ: о трогательно-величавыхъ событіяхъ въ Саровѣ, о явныхъ чудесахъ, совершившихся надъ страждущими, о патріархальномъ единеніи Царя со Своимъ народомъ, то-есть обо всемъ томъ, что дѣйствительно такъ сильно выдвигаетъ Саровское торжество изъ ряда современныхъ міровыхъ событій?

Объ этомъ самомъ главномъ иностранцы ровно ничего не пишутъ: все это для нихъ какъ бы совсѣмъ не существовало и не существуетъ. Въ этой сферѣ у нихъ нѣтъ ушей, чтобы слышать, и нѣтъ очей, чтобы видѣть: тутъ чувства ихъ оказываются деревянными, а умъ—окаменѣлымъ.

Я никогда не забуду, какъ я въ истекшемъ мартѣ мѣсяцѣ, разговорившись въ Петербургѣ съ молодымъ иностраннымъ дипломатомъ, приглашалъ его пріѣхать на Пасху въ Москву, чтобы видѣть Царя, встрѣчающаго Свѣтлый Праздникъ со Своимъ народомъ.

— Единеніе Монарха съ народомъ, говорилъ я, на почвѣ религіозной представляетъ собою ничѣмъ невыразимое, глубокое, захватывающее душу, зрѣлище...

— Да,— отвѣтилъ мнѣ мой элегантно корректный собесѣдникъ,—я могу себѣ это представить: я видѣлъ однажды на кинематографѣ, какъ султанъ ѣдетъ въ пятницу въ мечеть среди народа...

Само собою разумѣется, что я, послѣ этого замѣчанія, не сталъ даже

настаивать на томъ, чтобы сей господинъ съ деревяннымъ сердцемъ профанировалъ своимъ присутствіемъ Московское Пасхальное торжество.

Воображаю себѣ, какіе глубокомысленные афоризмы сталъ бы онъ высказывать, еслибъ ему случилось быть на прошлой недѣлѣ въ Саровѣ!

XXX.

Уличные безпорядки.

Происшедшіе въ послѣднее время уличные безпорядки въ нѣкоторыхъ южныхъ городахъ Россіи, прекращеніе которыхъ удалось лишь съ потерей человѣческихъ жизней, произвели, весьма естественно, тяжелое впечатлѣніе на все русское общество, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что и Правительство обратило на нихъ серіозное вниманіе.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ сами собою напрашиваются два вопроса:

Гдѣ причина этихъ столь прискорбныхъ явленій?

Какими средствами можно предотвратить ихъ повтореніе?

На эти два вопроса приходится слышать весьма различные отвѣты, которые, однако, можно раздѣлить на двѣ категоріи, соотвѣтственно двумъ главнымъ теченіямъ нашего общественнаго мнѣнія.

Тѣ люди, которые въ настоящее время девизомъ своимъ избрали злорадное изреченіе «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», съ трудомъ сдерживаютъ свое ликованіе и, принимая серіозный, озабоченный, а иногда даже трагическій видъ, говорятъ похоронымъ тономъ, между тѣмъ, какъ глаза у нихъ искрятся отъ радости:

— Да, настали послѣднія времена! Кто могъ ожидать этого еще десять лѣтъ тому назадъ? Тутъ обыкновенными политическими мѣрами ничего сдѣлать нельзя. Придется прибѣгнуть къ радикальнымъ реформамъ. Вѣдь безъ этихъ реформъ мы Богъ знаетъ до чего доживемъ!

И мысленно они протягиваютъ руку бунтующей въ южныхъ городахъ черни, которую осуждаютъ одними лишь лицемѣрными устами. Имъ хочется всюду вселить тревогу, то-есть взять на себя роль «салонныхъ террористовъ», дѣйствующихъ заодно съ террористами уличными. Всюду они распространяютъ невѣроятные слухи, какъ зловѣщіе авгуры, и лишь между собой, въ интимномъ кружкѣ, предаются преждевременному веселому хохоту, въ полной увѣренности, что теперь уже «le jour de gloire est arrivé».

Главное, на чемъ они настаиваютъ, это то, что «тутъ обыкновенныя полицейскія мѣры не помогутъ», надѣясь, что, проникшись этимъ убѣжденіемъ, Правительство вообще откажется отъ какихъ бы то ни было репрессивныхъ мѣръ и само устроитъ торжественную встрѣчу пресловутому «jour de gloire».

Но, слава Богу, у насъ подъ впечатлѣніемъ прискорбныхъ южно-русскихъ событій просыпается русское самосознаніе и чувство государственнаго самосохраненія, и преступной терроризаціи «салонныхъ террористовъ» поддается далеко не все русское общество, соглашаясь съ ними лишь въ томъ отношеніи, что тутъ, дѣйствительно, обыкновенными полицейскими мѣрами дѣлу не поможешь.

Тутъ нужны благоразумныя, энергическія государственныя мѣры, которымъ, однако, вовсе не нужно непремѣнно отличаться какою-нибудь чрезвы-

чайностью, такъ какъ въ наличности никакой чрезвычайной опасности у насъ не имѣется.

Чѣмъ вызваны южно-русскіе безпорядки?

Отсутствіемъ должнаго надзора за дѣятельностью соціалистическихъ агитаторовъ, которые съ большою легкостью могли вести свою преступную пропаганду среди рабочаго, а отчасти и сельскаго, населенія. Это ясно доказывается тѣмъ, что всѣ эти безпорядки возникли не на какой-либо тяжелой экономической почвѣ, какою явилась бы, напримѣръ, продолжительная массовая безработица или невыносимая голодовка вслѣдствіе неурожая, а на почвѣ искусственно-созданной агитаторами, сбившими рабочій народъ съ толку всевозможными средствами преступной пропаганды.

Покончить съ этою пропагандой, преградить ей доступъ въ населеніе,— вотъ неотложная задача, требующая правильнаго рѣшенія со стороны Правительства, и для этого рѣшенія нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ какимъ-либо чрезвычайнымъ мѣрамъ. Нужна только правильная организація мѣстной администраціи въ отношеніи какъ ея личнаго состава, такъ и ея цѣлесообразной полной освѣдомленности и активной многосторонней дѣятельности, и нужно полное и строгое согласованіе мѣстной администраціи съ администраціей центральною, дабы послѣдняя никогда не рисковала наталкиваться на личные взгляды или даже фантазіи мѣстныхъ администраторовъ.

Такая полная административная гармонія является вполнѣ нормальною въ каждомъ нормальномъ государствѣ, и ея тѣмъ легче достигнуть въ такомъ государствѣ, какъ Россія.

Если въ нашей мѣстной администраціи оказались, по той или другой причинѣ, недостатки и пробѣлы, которыми ловко воспользовались дерзкіе воры, то слѣдуетъ немедленно устранить эти недостатки и пополнить эти пробѣлы, дабы дальнѣйшіе подвиги этихъ воровъ были невозможны. И мы видимъ, что Правительство дѣйствительно принимаетъ соотвѣтствующія этой задачѣ мѣры, какъ, напримѣръ, реорганизацію фабричной инспекціи, созданіе сельской полиціи, за которою должны были бы слѣдовать организаціи и спеціальной фабричной полиціи. Еслибъ эта мѣра была принята лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ, то, безъ сомнѣнія, теперешніе южно-русскіе безпорядки были бы явленіемъ совершенно немыслимымъ, и нашимъ «либераламъ» и въ голову не приходили бы бредни о приближеніи «jour de gloire».

Конечно, съ прибытіемъ пожарной команды на мѣсто пожара, послѣдній самъ собою не потухнетъ: нужна борьба съ прискорбными послѣдствіями бѣдствія, организованнаго дерзкими поджигателями, и всякая борьба требуетъ жертвъ. Съ этимъ нужно заранѣе помириться. Но это тѣмъ болѣе должно побудить насъ къ непримиримой борьбѣ съ самими поджигателями.

XXXI.

Главный источникъ нелѣпыхъ легендъ о Россіи.

Намъ уже не разъ приходилось отмѣчать тотъ баснословный вздоръ, который циркулируетъ въ заграничной печати относительно Россіи и принимается заграничнымъ обществомъ за чистую монету.

Мы указывали и на одинъ изъ источниковъ, изъ которыхъ черпаются

эти ложныя свѣдѣнія—невѣжество или болѣе или менѣе злонамѣренная фантазія проживающихъ въ Россіи иностранныхъ корреспондентовъ заграничныхъ газетъ.

Но главнымъ источникомъ нелѣпыхъ легендъ о Россіи являются наши милые соотечественники «либеральнаго образа мыслей», которые за границей сознательно лгутъ на Россію, и авторитетность которыхъ не подвергается иностранцами ни малѣйшему сомнѣнію. Къ нимъ же присоединяются въ этомъ отношеніи и тѣ изъ нашихъ беллетристовъ и «ученыхъ» того же отрицательнаго направленія, которые удостоились великой чести видѣть свои писанія переводимыми на иностранные языки. Мы, конечно, не говоримъ о такихъ присяжныхъ клеветникахъ, какъ гг. Струве и К°, которые составили себѣ спеціальную профессію изъ систематическаго извращенія истины, для того, чтобы представить Россію въ совершенно-ложномъ свѣтѣ, ради гнусныхъ цѣлей той преступной пропаганды, которая даетъ своимъ вожакамъ «славу» и деньги, а своимъ жертвамъ—позорную гибель. Эти господа создаютъ нелѣпыя легенды о Россіи, такъ-сказать, по обязанности, такъ какъ они этимъ только и живутъ, и хотя иностранцы имъ тоже, по неразборчивости своей, охотно вѣрятъ, но уже одно то обстоятельство, что они поставили себя внѣ закона и покинули свою родину, къ жизни которой они всегда относятся съ предвзятою озлобленностью, легко можетъ возбудить скептическое отношеніе къ ихъ увѣреніямъ у сколько-нибудь серіозныхъ, вдумчивыхъ представителей заграничнаго общества.

Совершенно иное положеніе занимаютъ добровольные, *легальные* клеветники Россіи, которые просто изъ любви къ искусству либеральнаго вранья взводятъ на Россію всякія небылицы во время своихъ заграничныхъ путешествій, а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвращаются въ Россію, въ министерскіе департаменты, на учительскія и профессорскія каѳедры, въ газетныя и журнальныя редакціи, на различныя ступени судебной дѣятельности и на столь излюбленную ими почву всякихъ самоуправленій. Вотъ они-то и являются главнымъ источникомъ курсирующихъ за границей нелѣпыхъ легендъ о Россіи, такъ какъ за границей никто не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ за уродливое явленіе представляютъ собой русскіе «либералы», желающіе отождествлять себя съ лучшими представителями западнаго настоящаго либерализма, съ которымъ, однако, у нихъ ничего нѣтъ общаго уже вслѣдствіе того грубаго невѣжества и убогаго образованія, которымъ такъ рѣзко отличаются наши «либералы» отъ своего западнаго прототипа. Всѣ они знаютъ только модныя «послѣднія» слова каждой науки, совершенно не зная первыхъ ея словъ. Это рѣзкое различіе бросается въ глаза каждому сколько-нибудь серіозному человѣку въ Россіи, за границей же нашихъ «либераловъ», къ сожалѣнію, принимаютъ въ серіозъ, а каждое ихъ слово о Россіи—за чистую монету.

Какъ-то разъ одному изъ моихъ знакомыхъ пришлось встрѣтить въ одной изъ лучшихъ итальянскихъ газетъ возмутительную картину всеобщей безнравственности и повальнаго пьянства во всей Россіи, которая изображена какимъ-то мрачнымъ, адскимъ вертепомъ.

Знакомый мой пришелъ въ негодованіе, написалъ опроверженіе и лично отправился съ нимъ въ редакцію означенной газеты, изъ которой «интересная, поразительная своею голою правдой», статья стала уже переходить въ остальную, не только итальянскую, но и французскую, и нѣмецкую печать.

Редакторъ принялъ лично моего знакомаго съ величайшею любезностью, внимательно прочелъ его опроверженіе и нѣсколько задумался.

— Извините,—сказалъ онъ, наконецъ,—вы насъ упрекаете въ томъ, что мы судимъ о Россіи, совершенно ея не зная. Допустимъ, что это правда. Но вѣдь совершенно такъ же, какъ мы, судятъ о Россіи и первоклассные ея писатели, которые у насъ пользуются громаднымъ успѣхомъ, какъ, напримѣръ, Максимъ Горькій. Въ виду этого, вы мнѣ уже позвольте вѣрить ему и боготворящему его русскому обществу болѣе, чѣмъ вамъ.

Такъ опроверженіе моего знакомаго и осталось непапечатаннымъ.

Мнѣ самому пришлось однажды быть свидѣтелемъ очень характерной сцены.

Это было во Франціи, въ 1896 году, въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ, шедшемъ изъ Парижа въ Кале. Кромѣ меня, въ нашемъ купэ были еще два господина—Французъ и Русскій, разговаривавшіе во время пути, тогда какъ я въ бесѣдѣ ихъ участія не принималъ.

Французъ разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ по Англіи, Испаніи и Голландіи. Русскій спросилъ его, былъ ли онъ также и въ Россіи.

— О, нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—и, конечно, никогда не буду.

— Почему же?

— Да, помилуйте, тамъ всюду требуется имѣть при себѣ паспортъ, а вѣдь такую бумажку такъ легко потерять; пріѣдешь безъ паспорта на русскую границу, а жандармы тебя сейчасъ же сцапаютъ и въ Сибирь на каторгу отправятъ.

— Да, у насъ въ Россіи на этотъ счетъ строго, засмѣялся Русскій.

— Ну, вотъ видите, совершенно серіозно заключилъ Французъ,—какъ же вы хотите, чтобъ я ѣхалъ въ Россію?

— Погодите немного, утѣшалъ его Русскій,—скоро у насъ ни паспортовъ, ни жандармовъ, ни Сибири больше не будетъ, тогда пріѣзжайте къ намъ какъ свободный гражданинъ къ свободнымъ гражданамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? И скоро это будетъ?

— Ну, не знаю, но во всякомъ случаѣ лѣтъ черезъ пять-шесть.

— А вы хорошо знаете политическое положеніе въ Россіи? вмѣшался я въ разговоръ.

— Еще бы, я служу въ Петербургѣ.

И онъ назвалъ крупное правительственное учрежденіе. Я нѣсколько помолчалъ и затѣмъ спросилъ его по-русски:

— Зачѣмъ же вы поддерживаете въ вашемъ собесѣдникѣ такое нелѣпое убѣжденіе, будто у насъ на границѣ жандармы отправляютъ въ Сибирь иностранцевъ, если у нихъ не имѣется паспорта?

Петербуржецъ косо посмотрѣлъ на меня.

— Не стоитъ, процѣдилъ онъ сквозь зубы:—все равно не повѣритъ.

Затѣмъ онъ углубился въ какую-то газету и больше уже въ разговоры ни съ кѣмъ не вступалъ.

Вотъ, благодаря такимъ-то господамъ, нелѣпыя легенды о Россіи пускаютъ за границей все болѣе крѣпкіе корни.

Еще недавно баронъ де-Бай, извѣстный знатокъ русскаго древняго искусства, передалъ мнѣ слѣдующій не менѣе характерный случай.

Онъ встрѣтилъ въ салонѣ своей супруги, собирающей вокругъ себя представителей парижскаго ученаго и литературнаго міра, почтеннаго старца,

который съ большимъ интересомъ разспрашивалъ барона объ его многочисленныхъ путешествіяхъ по Россіи.

— Да, да, сказалъ онъ въ заключеніе,—все это очень интересно, но все-таки я не желалъ бы жить въ такой странѣ, какъ Россія.

— Почему же?

— Да, помилуйте, развѣ это цивилизованная страна, если тамъ такъ обращаются со Львомъ Толстымъ!

— А какъ съ нимъ обращаются?

— Да развѣ вы не знаете? Не только на крыльцѣ его дома постоянно стоитъ жандармъ, но и у дверей его кабинета.

— Какой вздоръ!

— Нѣтъ, это не вздоръ, а правда.

— Даю вамъ голову на отсѣченіе, что это совершеннѣйшій вздоръ, и что графъ Толстой пользуется не только въ своемъ домѣ, но и во всей Россіи, абсолютною свободой. Я это знаю.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Мнѣ этотъ возмутительный фактъ переданъ весьма уважаемымъ Русскимъ, заслуживающимъ безусловнаго довѣрія.

Ну что вы подѣлаете противъ такой слѣпой вѣры въ такіе «авторитеты»? Или, лучше сказать, что вы подѣлаете съ такими «авторитетами».

Кстати. Баронъ де-Бай, составляющій, какъ извѣстно, въ Россіи весьма цѣнныя коллекціи древняго русскаго искусства, выставляетъ ихъ въ Парижѣ и читаетъ о нихъ публичныя лекціи, содѣйствуя, по силамъ своимъ, умственному сближенію Франціи и Россіи. Всѣ эти коллекціи онъ рѣшилъ пожертвовать городу Парижу, съ просьбой отвести для нихъ одну изъ безчисленныхъ, пока еще пустующихъ, залъ Малаго Дворца Искусствъ въ Елисейскихъ Поляхъ, переходящаго въ собственность Парижской Думы.

Предложеніе барона было принято съ восторгомъ, и щедрое его пожертвованіе возбудило всеобщее сочувствіе. Начались переговоры между нимъ и Думой относительно выбора залы, ея убранства, времени перенесенія въ нее коллекцій и т. д. Словомъ, все шло какъ по маслу.

И вдругъ перемѣна.

Городъ Парижъ отказывается принять коллекціи барона де-Бай.

Почему?!

А потому, видите ли, что одинъ изъ вліятельныхъ членовъ Думы узналъ отъ одного выдающагося Русскаго, что «русскаго искусства не существуетъ».

И городъ Парижъ преклонился предъ этимъ авторитетнымъ изреченіемъ и рѣшилъ не давать залы для «несуществующаго» искусства...

XXXII.

Въ чемъ сила и слабость соціализма?

Профессоръ Моммзенъ, говоря о демократіи, совершенно справедливо указалъ на то, что «главная ея сила заключается въ стремленіи къ идеаламъ»; «но», прибавилъ онъ, «въ этомъ заключается и главная ея слабость».

Въ самомъ дѣлѣ, демократическіе идеалы способны увлекать собою не только ограниченныя въ своемъ умственномъ горизонтѣ народныя массы, но и

тѣхъ образованныхъ людей, у которыхъ пылкая фантазія преобладаетъ надъ трезвымъ чувствомъ дѣйствительности и надъ логикой здраваго смысла. Такія слова, какъ «свобода», «равенство» и «братство» представляются такимъ людямъ не просто словами, а драгоцѣнными, реальными благами, для достиженія которыхъ необходимо пожертвовать всѣмъ, что имѣешь, съ жизнью включительно.

Но блага эти недостижимы, и какъ только устанавливается чисто-демократическій режимъ, здравомыслящіе люди убѣждаются въ томъ, что этотъ режимъ ничего общаго со свободой, равенствомъ и братствомъ не имѣетъ и что онъ, отличаясь сверхъ того недостатками, чуждыми режиму монархическому, является сравнительно съ нимъ не прогрессомъ, а регрессомъ въ развитіи государственнаго быта цивилизованныхъ народовъ.

Стремясь къ демократическимъ идеаламъ, человѣчество какъ бы взбирается съ величайшимъ трудомъ, цѣною громадныхъ жертвъ, на вершину горы, покрытую, какъ ему кажется, роскошною растительностью, а когда эта вершина, наконецъ, достигнута, она оказывается голою, пустынною, безплодною, возбуждающею лишь тоску по безвозвратно покинутымъ полямъ и долинамъ. Но націи, достигшія этихъ безплодныхъ вершинъ, не сразу приходятъ къ сознанію своей роковой ошибки: онѣ еще долгое время стараются утѣшать себя иллюзіями, желая во что бы то ни стало видѣть свободу, равенство и братство тамъ, гдѣ ихъ и слѣда нѣтъ; онѣ истощаютъ свои послѣднія силы въ искусственномъ, насильственномъ созданіи этихъ иллюзій.

Въ этихъ безплодныхъ усиліяхъ и заключается слабость демократій, обрекающая ихъ рано или поздно на гибель.

Насколько иными являются идеалы соціалистическіе.

Главная сила и главная слабость соціализма заключается въ *утопичности*.

Не только нельзя осуществить соціалистическихъ идеаловъ, но нельзя создать и того режима, при которомъ неосуществимость этихъ идеаловъ была бы для всѣхъ очевидна.

Въ самомъ дѣлѣ, если можно создать чисто-демократическое государство, республику, на примѣрѣ которой можно убѣдиться въ неосуществимости демократическихъ идеаловъ, то создать чисто-соціалистическое государство *невозможно*, что бы тамъ ни говорили Марксъ, Бебель, Жоресъ, Бернштейнъ и прочіе главари соціалистическаго движенія. Соціалистическое государство есть прямой абсурдъ, противорѣчащій самымъ основнымъ элементамъ человѣческой природы и человѣческой общественности. Соціалистическое государство есть *утопія*, которая никогда и нигдѣ въ чистомъ своемъ видѣ—а объ этомъ чистомъ видѣ только и мечтаютъ соціалисты — не существовала и существовать не можетъ, а потому невозможна и практическая повѣрка соціалистическихъ идеаловъ.

Намъ на-дняхъ пришлось говорить съ нѣкоторыми Французами, приходящими въ ужасъ и отчаяніе отъ всего, что нынѣ творится во Франціи.

— Единственная наша надежда,—сказалъ одинъ изъ нихъ, очень опытный журналистъ,—заключается лишь въ томъ, что если мы выпьемъ соціалистическій кубокъ до дна, то мы почувствуемъ къ этому напитку такое физическое и нравственное отвращеніе, что навсегда его отъ себя отбросимъ. Тогда разсѣется соціалистическій кошмаръ, и мы воскреснемъ къ новой, здоровой государственной жизни. А поэтому намъ нужно теперь заботиться не о побѣдѣ

роялизма или бонапартизма, такъ какъ мы этимъ соціалистическихъ стремленій въ народѣ не уничтожимъ: напротивъ того, мы должны способствовать скорѣйшему торжеству соціализма, организаціи чисто-соціалистическаго государства, и тогда лишь Франція можетъ спастись посредствомъ сильной, естественной реакціи. Пусть только осуществится республика г. Жореса, и тогда онъ самъ убѣдится въ ея негодности.

— Но въ томъ-то и бѣда,— возразилъ одинъ изъ собесѣдниковъ,— что республика г. Жореса никогда не осуществится, такъ какъ г. Жоресъ и теперь уже убѣжденъ въ ея негодности. Соціалистическая пропаганда служитъ ему только «трамплиномъ» для его политической карьеры, какъ она служила Милльерану, Либкнехту, а нынѣ служитъ Бебелю, Зингеру и Бернштейну. Всѣ они слишкомъ умны, чтобы хоть на минуту вѣрить въ осуществимость соціалистическаго государства; они морочатъ его безсмысленными идеалами рабочую темную массу для своихъ личныхъ, чисто эгоистическихъ успѣховъ; всѣ они являются крупными собственниками, которымъ соціалистическое равенство могло бы принести одно лишь разореніе. Но они, проповѣдуя это равенство, отлично знаютъ, что оно, по природѣ вещей, никогда наступить не можетъ, а слѣдовательно проповѣдь эта для нихъ совершенно безопасна и вмѣстѣ съ тѣмъ неопровержима, такъ какъ *теоретическія* возраженія для народной массы неубѣдительны, а *практическія* возраженія невозможны, разъ нигдѣ нѣтъ и никогда не будетъ практическаго соціализма.

— Но какой же остается выходъ для Франціи? спросилъ я.

— Никакого выхода ей не остается, кромѣ развѣ внезапной, сильной диктатуры. Но и она безъ громадной, тяжкой войны невозможна. Сверхъ того, и диктатура рано или поздно встрѣтится съ соціалистической пропагандой, которая никогда не исчезнетъ, пока политическіе агитаторы будутъ эксплуатировать въ личныхъ своихъ интересахъ рабочія массы, которыя, по существу своему, всегда будутъ отличаться бо́льшею воспріимчивостью къ соціалистическимъ утопіямъ, чѣмъ какіе бы то ни было другіе слои населенія государства. Соціалистическіе агитаторы будутъ переходить, по мѣрѣ достиженія своихъ личныхъ цѣлей, въ ряды буржуазіи, на ихъ смѣну будутъ выступать новые политическіе авантюристы, которые будутъ съ успѣхомъ распѣвать рабочимъ все тѣ же избитыя пѣсни о возможности установить невозможное соціалистическое равенство, а рабочіе все будутъ, какъ Папургово стадо, стремиться къ достиженію недостижимаго режима. Мы поэтому никогда соціалистическаго кубка до дна не выпьемъ, ибо дна этого нѣтъ и быть не можетъ. Мы будемъ медленно все болѣе и болѣе отравляться этимъ ядовитымъ напиткомъ, переходя въ постепенное разложеніе безо всякой надежды ни на здоровую реакцію, ни даже на смерть, если только какое-либо другое, здоровое государство окончательно не покончитъ съ нами...

Эта ужасная перспектива заставляетъ насъ глубоко задуматься надъ судьбой каждаго государства, въ которое уже успѣла пробраться соціалистическая пропаганда. Оградить отъ нея рабочее населеніе является первою, безусловною обязанностью каждаго правительства, стоящаго на высотѣ своего призванія. Никакія жертвы не могутъ быть слишкомъ велики для спасенія народа отъ тѣхъ пагубныхъ иллюзій, которыми его отравляютъ соціалистическіе агитаторы.

XXXIII.

С. Ю. Витте и государственныя задачи Россіи.

Справедливая оцѣнка государственной дѣятельности С. Ю. Витте въ качествѣ министра Финансовъ принадлежитъ, конечно, исторіи, которая приметея за свою критическую работу лишь тогда, когда на ея судъ предстанутъ не только тѣ явленія, которыя уже стали достояніемъ общественнаго вѣдѣнія и сужденія, но и тѣ, которыя, имѣя, можетъ-быть, первостепенное значеніе, пока еще извѣстны лишь небольшому кругу лицъ, посвященныхъ въ высшія государственныя тайны.

Въ самомъ дѣлѣ, будетъ ли справедлива оцѣнка государственной дѣятельности С. Ю. Витте, если мы будемъ судить о ней лишь по тѣмъ результатамъ, которыхъ она достигла? Можемъ ли мы знать, что эти результаты были именно тѣ, къ которымъ эта дѣятельность стремилась? Не являются ли они, можетъ-быть, лишь уступками и компромиссами, на которые приходилось соглашаться въ борьбѣ съ тѣми или иными препятствіями, всегда возникающими на каждомъ шагу энергичнаго дѣятеля и мѣшающими ему развернуть всю свою силу и достичь возвышенныхъ, намѣченныхъ имъ, цѣлей? А С. Ю. Витте былъ именно такимъ энергическимъ дѣятелемъ, ставившимъ себѣ лишь высокія государственныя задачи, разрѣшеніе которыхъ, однако, зачастую усложнялось по самымъ разнообразнымъ причинамъ, которыя иногда зависѣли не отъ него лично, а отъ обстоятельствъ, лежавшихъ внѣ его воли и возникавшихъ вопреки его разсчетамъ. Распредѣленіе отвѣтственности за неудачи между внутренними и внѣшними ихъ причинами всегда возможно лишь послѣ ознакомленія съ этими причинами и послѣ тщательнаго ихъ изученія. А кто можетъ знать, скоро ли намъ будетъ дана возможность ознакомиться съ тѣми, столь сложными, условіями, среди которыхъ протекала вся государственная дѣятельность Сергѣя Юльевича?

Но, во всякомъ случаѣ, мы уже теперь можемъ констатировать нѣсколько фактовъ, которые едва ли будутъ опровергнуты будущею исторической критикой.

И прежде всего никто не станетъ отрицать, что С. Ю. Витте былъ первый русскій министръ Финансовъ, ставившій себѣ на разрѣшеніе не только спеціально-финансовыя, но и широкія общегосударственныя задачи. Положительно не было ни одного вопроса государственной и общественной жизни Россіи, которымъ бы онъ живо не интересовался, и который онъ не старался бы, по мѣрѣ своихъ силъ, разрѣшить въ томъ или другомъ смыслѣ. Но этого мало: большинство тѣхъ законодательныхъ мѣръ, которыя вырабатывались за послѣднія десять лѣтъ въ сферѣ финансоваго вѣдомства, носили на себѣ характеръ широкаго общегосударственнаго розмаха и разносторонней научно-литературной обработки. Пользующіеся ученою репутаціей профессора нашихъ университетовъ съ особымъ рвеніемъ принимали участіе въ предварительномъ обоснованіи проектовъ, подготовлявшихся въ Министерствѣ Финансовъ. Если этому рвенію не всегда соотвѣтствовала правильность примѣнявшихся ими ученыхъ методовъ, то вина въ этомъ падаетъ на общій, къ сожалѣнію, невысокій уровень нашей университетской науки, а никакъ не на бывшаго ми-

нистра Финансовъ, который обращался къ нашимъ ученымъ съ искреннимъ довѣріемъ, желая выяснить необходимую серіозную обосновку государственныхъ задачъ Россіи и не жалѣя, для достиженія этой благой цѣли, ни силъ своихъ, ни матеріальныхъ жертвъ.

Мы никогда не должны упускать изъ виду, что государственныя задачи Россіи представляютъ собою большею частію такую попстинѣ *terra incognita*, которую сперва нужно *открыть*, а потомъ уже подвергнуть тщательному изученію. Нельзя вести управленіе Россіи по какимъ-либо готовымъ западнымъ или восточнымъ шаблонамъ. Такого громаднаго и сложнаго государства, какъ современная Россія, никогда еще на земномъ шарѣ не существовало, такъ какъ ни «великія» азіятскія монархіи, ни Римская имперія, ни обширныя средневѣковыя государства, ни кратковременный расцвѣтъ искусственной Наполеоновой монархіи, ни, наконецъ, современныя многоземельныя англо саксонскія государства, то-есть Англія и Соединенные Штаты Сѣверной Америки, даже издали не походятъ на своеобразное, колоссальное явленіе Государства Россійскаго, заключающаго въ себѣ, въ одной общей межѣ, и свою метрополію, и всѣ безчисленныя ея колоніи. А потому невозможно управлять Россіей, подражая управленію какихъ бы то ни было бывшихъ или современныхъ государствъ, а нужно постоянно творчески создавать для нея особые своеобразные типы управленія, примѣняясь къ своеобразнымъ потребностямъ ея населенія, ея географическаго положенія и ея самобытныхъ экономическихъ условій.

Но кому у насъ въ точности извѣстны эти своеобразныя потребности и самобытныя условія? Гдѣ у насъ та серіозная наука высшаго отечествовѣдѣнія, со всѣми ея точными историческими, экономическими и статистическими данными, на основаніи которой можно было бы воздвигнуть самостоятельное зданіе Русскаго государственнаго управленія? Все это пока у насъ, какъ мы сказали, *terra incognita* иногда въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Этимъ объясняется въ значительной степени тотъ недостатокъ междувѣдомственной гармоніи, на который у насъ такъ часто раздаются жалобы.

Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли различныя вѣдомства держаться одного и того же взгляда на управленіе Россіей, когда они не имѣютъ такой твердой, безспорной почвы, которая служила бы для нихъ общепризнаннымъ основаніемъ для выработки коренныхъ принциповъ русскаго государственнаго управленія? Одни считаютъ Россію азіятскою деспотическою монархіей, другіе стараются приравнять ее къ западнымъ демократическимъ государствамъ, третьи видятъ въ ней исключительно земледѣльческую страну, четвертые хотятъ искусственно превратить ее въ страну чисто-промышленную, пятые переносятъ всю ея будущность въ Европу, шестые — въ Азію, седьмые хотятъ погубить ея центръ ради окраинъ, восьмые — окраины ради центра, и т. д. до безконечности Общаго, всѣми признаннаго взгляда на Россію и на единственно для нея возможную политику у насъ въ наличности нѣтъ, такъ какъ никто въ точности не знаетъ, что̀ такое Россія, для чего и какъ она существуетъ, и въ чемъ заключаются ея жизненные интересы и насущныя потребности. Всюду, поэтому, производятся почти наугадъ всевозможные эксперименты надъ Россіей въ самыхъ разнообразныхъ, часто противорѣчивыхъ и мѣшающихъ другъ другу направленіяхъ.

С. Ю. Витте ясно сознавалъ весь вредъ этой государственной безпринципности и постоянно старался найти теоретическое обоснованіе своихъ законопроектовъ и подвести подъ нихъ солидный научный фундаментъ, который

служилъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и яснымъ критеріемъ для выработки того или другаго общаго государственнаго міровоззрѣнія.

Въ этомъ исканіи онъ былъ поистинѣ неутомимъ, принимая и изучая всевозможныя государственныя теоріи и отвергая ихъ, какъ только онъ убѣждался въ ихъ несостоятельности. Онъ отправился, какъ смѣлый изслѣдователь, на открытіе невѣдомой страны съ властнымъ, яснымъ взоромъ, не затемненнымъ какою-либо предвзятою идеей, окруженный группой товарищей и путеводителей, изъ коихъ одни ему измѣняли, другіе намѣренно или ненамѣренно вводили въ заблужденіе, третьи до конца оставались вѣрными; но онъ никогда не падалъ духомъ, неутомимо шелъ впередъ, вѣря въ свою звѣзду, составляя себѣ опредѣленные взгляды, по мѣрѣ накоплявшагося опыта, подавая всѣмъ примѣръ своею желѣзною энергіей, устраняя со своего пути всѣ препятствія, каковы бы они ни были, или пользуясь ими для своихъ же цѣлей. Даже враги его, сомнѣвавшіеся въ дѣйствительной пользѣ той интенсивной, лихорадочной дѣятельности, которая безпрерывно кипѣла во всѣхъ департаментахъ и отдѣлахъ его Министерства, порвавшаго съ традиціями вѣчно-соннаго бюрократизма, — отдавали ему справедливость, какъ вѣчному труженику, не знавшему предѣловъ ни своимъ собственнымъ силамъ, ни силамъ своихъ подчиненныхъ. Достаточно ему было, по тѣмъ или другимъ причинамъ, придти къ убѣжденію въ необходимости той или другой мѣры, онъ немедленно принимался, со всею присущею ему энергіей, за ея осуществленіе, не жалѣя ни времени, ни силъ, ни средствъ, чтобы добиться желаемаго результата и сдѣлать то, что иной разъ казалось совершенно невозможнымъ.

Открылъ ли онъ Россію? Узналъ ли онъ ея государственныя задачи, вѣрно ли онъ ихъ опредѣлилъ, и удалось ли ему ихъ правильно рѣшить?

Кто могъ бы утвердительно отвѣтить на эти вопросы, сознавая всю хаотическую неясность этихъ задачъ, рѣшеніе которыхъ подъ силу не одному, хотя бы и геніальному, человѣку, а лишь цѣлому ряду выдающихся умовъ, принадлежащихъ нѣсколькимъ смѣняющимъ другъ друга поколѣніямъ.

Къ тому же, мы еще разъ повторяемъ, С. Ю. Витте сдѣлалъ лишь первые элементарные шаги къ научному обоснованію русскаго государственнаго управленія, и явившіеся ему на помощь представители русской науки не всегда стояли на высотѣ своего призванія, а иногда даже пытались подчинить науку политикѣ, вмѣсто того, чтобы подчинять политику наукѣ.

Но нужно надѣяться, что эти первые шаги не останутся послѣдними. Съ одной стороны, С. Ю. Витте, занявъ нынѣ болѣе высокій постъ предсѣдателя Комитета Министровъ, получитъ возможность усовершенствовать свою государственную опытность въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, а съ другой стороны, толчокъ, данный имъ въ Министерствѣ Финансовъ научному изученію своеобразныхъ основъ Русскаго Государства, не только не замретъ при его преемникахъ, но, по необходимости, вызоветъ себѣ отголосокъ и въ другихъ Министерствахъ; наконецъ, и сама русская наука, нужно надѣяться, постарается удовлетворить предъявляемыя ей требованія въ болѣе серіозномъ и безпристрастномъ видѣ, нежели она это дѣлала до сихъ поръ.

Если все это сбудется, то къ числу несомнѣнныхъ заслугъ С. Ю. Витте можно будетъ причислить и его инициативу въ уясненіи необходимости созданія научной основы для управленія Россіей и въ проложеніи первыхъ опытныхъ путей къ опредѣленію и изученію великихъ государственныхъ и міровыхъ задачъ нашего отечества.

XXXIV.

Сіонизмъ.

Сіонизмъ принялъ за послѣднее время характеръ весьма остраго вопроса въ нашей русской жизни, такъ что, при всей безплодности этого вопроса, обойти его молчаніемъ невозможно.

Безплоднымъ мы называемъ этотъ вопросъ потому, что ни одинъ серіозный человѣкъ—будь онъ христіанинъ или Еврей—ни на минуту не повѣритъ въ возможность переселенія Евреевъ въ какое-то утопическое царство, будетъ ли оно находиться въ Палестинѣ, на Синайскомъ полуостровѣ, въ Восточной Африкѣ или въ какой бы то ни было иной части земного шара. Иллюзія самостоятельнаго еврейскаго царства, да къ тому же еще на чисто соціально-демократической основѣ, можетъ соблазнить лишь очень ограниченныхъ людей, преимущественно еврейскихъ пролетаріевъ, которые, какъ и всѣ вообще пролетаріи, охотно вѣрятъ всякимъ соціалистическимъ баснямъ, которыми ихъ морочатъ, въ своекорыстныхъ цѣляхъ, разные болѣе или менѣе ловкіе шарлатаны.

Главнымъ вожакомъ сіонизма состоитъ, какъ извѣстно, вѣнскій журналистъ Dr. Герцль. Имѣемъ ли мы право предполагать, что онъ дѣйствительно морочитъ своихъ единовѣрцевъ и выманиваетъ у нихъ милліоны, на подобіе г-жи Эмберъ, обѣщая имъ какія-то фантастическія, завѣдомо несуществующія, блага?

Найдутся люди, которые станутъ защищать Dr. Герцля и доказывать, что онъ, можетъ быть, слишкомъ увлекается своею идеей, но что онъ увлекается ею совершенно искренно, что онъ, слѣдовательно, сознательно другихъ не обманываетъ, а безсознательно обманываетъ самого себя. Но, какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что весь сіонизмъ построенъ на сознательномъ или безсознательномъ обманѣ, и если Русское Правительство приняло нынѣ серіозныя мѣры противъ эксплуатаціи проживающихъ въ Россіи Евреевъ сіонистскими агитаторами, то эти мѣры никоимъ образомъ «антисемитическими», «нетерпимыми» названы быть не могутъ.

Особенно характерна была роль Dr. Герцля на послѣднемъ Базельскомъ конгрессѣ «сіонистовъ». То, что онъ тамъ говорилъ, до такой степени противорѣчило дѣйствительности, что мы предоставляемъ самимъ читателямъ, на основаніи нижеслѣдующаго изложенія фактовъ, рѣшить вопросъ, имѣется ли здѣсь налицо безсознательный или сознательный обманъ.

Вотъ что, между прочимъ, говорилъ Dr. Герцль 23 августа новаго стиля въ Базелѣ, открывая конгрессъ «сіонистовъ»: *)

„Наше дѣло съ каждымъ днемъ *лучше понимается правительствами*, заинтересованными въ еврейской эмиграціи, наше рѣшеніе дать Еврейскому народу пріютъ такъ соотвѣтствуетъ общей потребности, что оно, наконецъ, *должно удаться*".

Разсказавъ затѣмъ, какая неудача постигла его, Dr. Герцля, въ его переговорахъ съ султаномъ относительно образованія самостоятельной еврейской

*) См. *Новости* 1903 г., № 2.223. Курсивъ вездѣ нашъ.

колоніи въ предѣлахъ турецкихъ владѣній (то-есть въ Палестинѣ) и съ Англійскимъ правительствомъ относительно заселенія Синайскаго полуострова еврейскими колонистами, Dr Герцль съ особою торжественностью перешелъ къ изложенію *положительныхъ* результатовъ своей дѣятельности:

„Когда члены Англійскаго правительства узнали о результатѣ переговоровъ (относительно Синайскаго полуострова), *они сейчасъ же предложили мнѣ другую область вмѣсто прежней для цѣлей еврейской колонизаціи.* Эта новая область не имѣетъ того историческаго поэтически-религіознаго значенія, которое еще имѣлъ Синайскій полуостровъ, но я не сомнѣваюсь, что конгрессъ, какъ представитель еврейскихъ массъ, *приметъ это предложеніе* съ горячею благодарностью. *Предложеніе* это заключается въ *автономной еврейской колонизаціи въ Восточной Африкѣ подъ британскимъ протекторатомъ.* Я получилъ разрѣшеніе передать *это предложеніе* конгрессу на обсужденіе.

„Еврейскій народъ, само собою разумѣется, не можетъ имѣть другой конечной цѣли, кромѣ Палестины. Наши взгляды относительно страны нашихъ предковъ неизмѣнны и должны остаться неизмѣнными, но конгрессъ долженъ признать, что *выдающійся шагъ впередъ сдѣлало наше движеніе, благодаря переговорамъ съ Британскимъ правительствомъ.*

„*Предложеніе относительно Восточной Африки было сдѣлано намъ* въ такомъ видѣ, что оно должно способствовать улучшенію и облегченію положенія Еврейскаго народа, безъ того, чтобы мы должны были отказаться отъ чего-нибудь изъ великихъ принциповъ, на которыхъ основано наше движеніе.

Конгрессъ долженъ выбрать комиссію, которая занялась бы обсужденіемъ *этого предложенія.* Но, къ какому рѣшенію мы ни придемъ, мы должны заявить, что сердца наши преисполнены чувствомъ глубочайшей благодарности за то *благожелательное отношеніе, которое Великобританія выказала Еврейскому народу*". (*Бурныя рукоплесканія. По адресу Англіи устраиваются восторженныя овваціи.*)

Итакъ, кажется, все ясно: Dr. Герцль утверждаетъ: 1) что Англійское правительство *само предложило* ему Восточную Африку для еврейской колонизаціи и 2) что это предложеніе не обставлено никакими условіями или оговорками, такъ что отъ самихъ «сіонистовъ» вполнѣ зависитъ, принять это столь любезное и щедрое предложеніе или отказаться отъ него.

Обратимся теперь къ дѣйствительности.

Вотъ текстъ письма, адресованнаго англійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ г. Грибергу, агенту г. Герцля по дѣлу о переселеніи Евреевъ въ Восточную Африку *):

М. Г.—Г. Чемберлэнъ сообщилъ маркизу Лэнсдоуну письмо, съ которымъ вы обратились къ нему 13 іюля и которое содержало *предложеніе Dr. Герцля* относительно основанія еврейской колоніи въ Восточной Африкѣ. Г. министръ принялъ также во вниманіе соображеніе, представленное вами 6 августа въ министерство иностранныхъ дѣлъ сэръ-Э. Баррингтону и г. Хэрсту, и его превосходительство поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ изучилъ этотъ вопросъ съ тѣмъ интересомъ, который вызываетъ всякой попыткой улучшить положеніе еврейской расы. *Но г. министръ не имѣлъ времени войти во всѣ подробности этого вопроса и обсудить его съ г. комиссаромъ англійскаго Протектората въ Восточной Африкѣ.* Вотъ почему *ему еще невозможно высказать свое окончательное мнѣніе объ этомъ вопросѣ.* Онъ согласенъ на то, чтобы въ Восточную Африку были посланы лица съ порученіемъ удостовѣриться въ существованіи свободныхъ земель, пригодныхъ для намѣченной цѣли, и, въ такомъ случаѣ, онъ далъ этимъ лицамъ полную возможность *обсудить* съ комиссаромъ его величества, *возможно ли* основать въ Восточной Африкѣ еврейскую колонію и при какихъ условіяхъ это основаніе было бы допустимо. *Если* эти переговоры достигнутъ рѣшенія, удовлетворяющаго правительство его величества, лордъ Лэнсдоунъ *приметъ* благосклонно *предложенія,* имѣющія цѣлью основать честную еврейскую колонію съ предоставленіемъ членамъ этой колоніи права соблюдать ихъ религіозные обычаи. *Въ томъ случаѣ, если бы представилось* такое благопріятное рѣшеніе вопроса и было передано г. статсъ-секретарю, *онъ былъ*

*) Письмо это появилось во многихъ иностранныхъ органахъ печати, между прочимъ въ № 243 *Indépendance Belge.*

бы готовъ приступить къ обсужденію подробностей этого проекта, главныя черты котораго состояли бы въ уступкѣ большаго пространства земли, въ назначеніи еврейскаго администратора для мѣстнаго управленія колоніей и въ предоставленіи ей полной свободы касательно муниципальнаго законодательства и религіозныхъ дѣлъ: правительство его величества признало бы эту автономію и держало бы колонію подъ своимъ контролемъ.

„Теперь нѣтъ надобности входить въ обсужденіе условій этой земельной концессіи, но г. министръ предупреждаетъ, что правительство его величества не приметъ на себя никакихъ издержекъ по этому дѣлу и предоставляетъ себѣ право снова воспользоваться данною территоріей, если бы колонія потерпѣла неудачу.

„Примите и пр.

„ЧЕМБЕРЛЕНЪ ХИЛЛЬ“.

Итакъ, не Англійское правительство предложило Dr. Герцлю Восточную Африку для еврейской колонизаціи, а онъ самъ обратился съ этимъ предложеніемъ къ Англійскому правительству, что̀ совершенно мѣняетъ дѣло и что̀ Dr. Герцль скрылъ отъ своихъ базельскихъ слушателей.

Но какъ же отнеслось Англійское правительство къ предложенію Dr. Герцля? Болѣе чѣмъ сдержанно, не давая никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній и требуя предварительныхъ переговоровъ съ комиссаромъ англійскаго Протектората въ Восточной Африкѣ, лордомъ Деламиромъ (Delamere). Все, слѣдовательно, будетъ зависѣть отъ того, какъ отнесется къ этому вопросу лордъ Деламиръ.

И это все Dr. Герцль *тщательно скрылъ* на Базельскомъ конгрессѣ и заставилъ своихъ слушателей пропзвести благодарственныя овацiи Англійскому правительству за великую и щедрую услугу, которую лордъ Лэнсдорфъ будто бы уже оказалъ «сіонистамъ».

На самомъ же дѣлѣ «сіонистамъ» такъ же не видать Восточной Африки, какъ не видать имъ Палестины и Синайскаго полуострова.

Вотъ телеграмма лорда Деламира, посланная 28 августа изъ Уганды и опубликованная въ *Times* отъ 29 августа:

Здѣсь всѣ очень раздражены противъ переселенія иностранныхъ Евреевъ. Неужели для нихъ построены здѣсь дорогія желѣзныя дороги и потрачены громадныя деньги на подъемъ страны? Наплывъ Евреевъ навѣрное вызоветъ волненія среди полудикихъ туземцевъ, ревниво оберегающихъ свои права. Потребуется особое учрежденіе для контроля надъ Евреями. Неужели англійскій плательщикъ податей, землевладѣлецъ въ Восточной Африкѣ, можетъ быть доволенъ, что эта прекрасная и цѣнная страна будетъ вручена иностранцамъ? Развѣ у насъ нѣтъ колонистовъ собственной нашей расы? Страна должна быть постепенно, но прочно заселена англійскими колонистами. Здѣшніе Англичане, въ особенности тѣ, кто знакомъ со здѣшнею страной, взываютъ къ общественному мнѣнію противъ такого проекта омраченія ясной будущности нашей страны.

Что̀ же въ такомъ случаѣ остается отъ всѣхъ проектовъ Dr. Герцля, отъ всего его сіонизма? Не ясно ли, что вся его затѣя не что̀ иное, какъ колоссальный *humbug?* Какъ можно вѣрить его пустымъ словамъ?

Вотъ что̀, напримѣръ, онъ говорилъ о Россіи въ той же своей базельской рѣчи:

„Въ интересахъ Еврейскаго народа я отправился въ Россію. Я могу заявить, что встрѣтилъ тамъ извѣстное пониманіе нашихъ сіонистскихъ стремленій. Я слышалъ тамъ выраженіе доброй воли *сдѣлать кое-что полезное для насъ.* Я могу заявить, что Русское Правительство не будетъ ставить препятствій на пути сіонизма, если онъ, какъ до сихъ поръ, сохранитъ свой спокойный, законный характеръ. *Русское Правительство готово поддержать наше стремленіе своимъ вліяніемъ у султана. Такое объщаніе Русскаго Правительства, которое я имѣю возможность передать конгрессу, составляетъ дипломатическое пріобрѣтеніе, важность котораго не можетъ быть достаточно оцѣнена. Этимъ не только устраняется значительное препятствіе, но пріобрѣтается могущественное содѣйствіе*“.

Такъ говорилъ Dr. Герцль 23 августа н. ст.—и говорилъ сознательную ложь, ибо 12 августа Русское Правительство офиціально увѣдомило его, что оно можетъ допустить сіонизмъ лишь какъ средство къ выселенію Евреевъ изъ Россіи въ Палестину, но что разъ эта цѣль сіонизмомъ оставлена въ сторонѣ, и сіонизмъ является лишь средствомъ агитаціи среди еврейскихъ массъ, Русское Правительство найдетъ себя вынужденнымъ прекратить сіонистскую пропаганду въ Россіи.

Этотъ офиціальный документъ Dr. Герцль также счелъ нужнымъ *утаить* отъ Базельскаго конгресса.

Итакъ, имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ сознательнымъ или безсознательнымъ обманомъ?

И не должны ли русскіе Евреи благодарить Русское Правительство за то, что оно ихъ защищаетъ отъ дальнѣйшей эксплуатаціи со стороны иниціаторовъ этого обмана?

XXXV.

Македонскій вопросъ.

Что Македонскій вопросъ сталъ вопросомъ нашей, русской, жизни, видно уже изъ того, что онъ раздѣлилъ русское общество на два лагеря, смотрящіе далеко не одинаково на ту роль, которая предназначена Россіи въ разрѣшеніи этого вопроса.

Одни хотятъ увѣрить насъ, что Македонскій вопросъ ничѣмъ не отличается отъ вопроса Болгарскаго въ томъ видѣ, какъ онъ возникъ четверть столѣтія тому назадъ, и что, слѣдовательно, роль Россіи должна быть совершенно та же, что и въ 1877 году, когда она, въ величавомъ порывѣ благороднѣйшаго самопожертвованія, взялась разрубить своимъ мечомъ Гордіевъ узелъ вѣкового Восточнаго вопроса.

Другіе (въ томъ числѣ и мы) видятъ все глубокое различіе, существующее между Болгарскимъ и Македонскимъ вопросами, какъ въ самомъ ихъ существѣ, такъ и въ тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ они возникли, и поэтому не находятъ возможнымъ, чтобы, при столь радикально измѣнившихся условіяхъ, Россія буквально повторила тотъ же самый образъ дѣйствій, какъ и 25 лѣтъ тому назадъ, если бы даже онъ былъ свободенъ отъ тѣхъ ея промаховъ, которые, въ концѣ концовъ, привели ее въ качествѣ подсудимой на Берлинскій конгрессъ. Эти промахи вовсе не были какою-либо роковою необходимостью и отнюдь не вытекали изъ общей восточной политики Россіи конца 70-хъ годовъ, и мы, поэтому, легко можемъ себѣ представить, что послѣдняя война дѣйствительно получила окончательное свое завершеніе въ Сапъ-Стефанскомъ мирномъ договорѣ, и что этотъ договоръ дѣйствительно вступилъ въ силу и примѣнялся во всѣхъ своихъ частяхъ до настоящаго времени.

И, тѣмъ не менѣе, мы и въ этомъ случаѣ стояли бы теперь передъ тѣмъ же самымъ Македонскимъ вопросомъ, такъ же какъ мы недавно стояли передъ Критскимъ, Эпирскимъ и Оссалійскимъ вопросами, и какъ мы всегда будемъ стоять передъ однимъ изъ вопросовъ, вызываемыхъ населеніемъ той или другой европейской провинціи Турецкой имперіи, стремящимся сбросить съ себя ненавистное мусульманское иго.

Въ сущности, нѣтъ никакого Македонскаго вопроса, а есть только вопросъ Турецкій.

Можно ли въ настоящее время положить конецъ турецкому владычеству въ Европѣ, или нѣтъ,—вотъ вопросъ, который слѣдуетъ себѣ поставить, коль скоро является необходимость серіозно взглянуть на современное политическое положеніе Балканскаго полуострова.

Прошло то время, когда Россіи приходилось рѣшать Турецкій вопросъ отдѣльными частями, достигая каждый разъ лишь ничтожной доли того, что соотвѣтствовало бы ея дѣйствительнымъ желаніямъ и усиліямъ. Какъ Севастопольская, такъ и послѣдняя Балканская война доказали, что русское войско можетъ совершать истинныя чудеса стойкости, выносливости и храбрости, но что даже положительные результаты, достигнутые этими чудесами, вызывали впослѣдствіи тяжелое чувство неудовлетворенности какъ въ Россіи, такъ и въ освобожденныхъ отъ Турецкаго ига государствахъ, которыя вслѣдствіе этого относились къ Россіи далеко не съ тою благодарностью, на которую она въ правѣ была разсчитывать. Такъ точно будетъ и впредь, если мы снова станемъ напрягать всѣ свои усилія, чтобы въ концѣ концовъ неудовлетворительно рѣшить еще какую-нибудь частицу Турецкаго вопроса.

Сознанія этой истины въ Россіи не было въ 1877 году, когда она съ такимъ богатырскимъ порывомъ ринулась на спасеніе Болгаръ, а теперь она отъ этого сознанія отдѣлаться не можетъ, а потому она и неспособна на повтореніе того же самаго богатырскаго порыва. А безъ народнаго энтузіазма въ наше время народныхъ войскъ войны вести нельзя, такъ же нельзя, какъ нельзя ее вести, напримѣръ, безъ денегъ. Вотъ одно изъ главныхъ различій между современнымъ отношеніемъ Россіи къ Балканскому вопросу и тѣмъ, съ которымъ она приступала къ его рѣшенію въ 1877 году. Кликните кличъ на всю Россію, что дѣло идетъ о водруженіи православнаго креста надъ Св. Софіей,—и вся Россія воспрянетъ духомъ и съ восторгомъ приметъ участіе въ этомъ *русскомъ* крестовомъ походѣ. Но преемники г. Стамбулова, хозяйничающіе нынѣ въ Болгаріи, убійцы короля Александра, празднующіе свои оргіи въ Сербіи, и динамитчики г. Сарафова, издѣвающагося надъ ясно-выраженною волей Императорскаго Русскаго Правительства,—никакого воодушевленія въ Русскомъ народѣ вызвать не могутъ. Неужели можно отрицать эту истину? Неужели можно ее забыть и утверждать, что съ 1877 года ничего въ сознаніи Русскаго парода не измѣнилось, и что онъ могъ бы выслать своихъ героевъ подъ начальствомъ какого-нибудь новаго Черняева, чтобы подраться объ руку съ какимъ-нибудь г. Машинымъ, или вмѣстѣ съ г. Сарафовымъ подкладывать динамитъ подъ жилища мирныхъ гражданъ и разбойнически захватывать и эксплуатировать богатыхъ Американокъ? На такіе «подвиги» неспособны были бы даже худшіе изъ Черняевскихъ «добровольцевъ».

Но и помимо того, сама Россія въ настоящее время совершенно иная, чѣмъ она была четверть столѣтія тому назадъ. Въ то время она могла сосредоточить все свое вниманіе на одномъ Балканскомъ полуостровѣ, въ предѣлахъ котораго и заключался весь тогдашній «Восточный вопросъ». Теперь этотъ вопросъ сдѣлался всемірнымъ, такъ какъ онъ простерся на весь Азіатскій континентъ, и въ рѣшеніи его принимаетъ живѣйшее участіе не только вся Европа, но и Америка. Въ 1877 году Россія могла еще позволить себѣ роскошь самопожертвованія ради балканскихъ Славянъ, въ настоящее время такая чисто-«альтруистическая» политика была бы безуміемъ не только въ

интересахъ самой Россіи, но даже и въ интересахъ балканскихъ Славянъ, которые могли бы, при неблагопріятномъ рѣшеніи вопроса, утратить въ Россіи ту могущественную силу, которая одна только могла бы со-временемъ, *въ избранный ею самою исторический моментъ*, доставить имъ то, чего они такъ желаютъ.

Значитъ ли это, что Россія ничего не должна дѣлать для водворенія нормальнаго порядка въ Македоніи? Нисколько. Но и тутъ слѣдуетъ предоставить ей самой выборъ средствъ для достиженія этого результата.

Россія, какъ извѣстно, выработала опредѣленную программу для реформъ въ Македоніи, которая немедленно принята султаномъ и немедленно же отвергнута г. Сарафовымъ, который этимъ, разумѣется, могъ только вооружить противъ себя Россію. Ничего подобнаго въ 1877 году не было: тогда Турція отвергла реформы, предложенныя Россіей, которая тогда логически и должна была объявить Турціи войну. Но такую логику теперь, очевидно, примѣнить невозможно. Мало того, Россія теперь, благодаря г. Сарафову, лишена возможности требовать отъ Турціи проведенія македонскихъ реформъ, такъ какъ она, при всемъ желаніи, не могла бы этого сдѣлать въ виду господствующаго въ Македоніи мятежа.

Такимъ образомъ Македонское возстаніе не только не содѣйствуетъ окончательному рѣшенію вѣковаго Турецкаго вопроса, но только осложняетъ его, отодвигая еще дальше время этого рѣшенія...

XXXVI.

Истинный либерализмъ.

Намъ неоднократно приходилось указывать, что между нашимъ русскимъ невѣжественнымъ лже-либерализмомъ и истиннымъ либерализмомъ Запада, въ особенности Англіи и Германіи, ничего почти нѣтъ общаго, кромѣ развѣ внѣшняго ярлыка. Русскій «либерализмъ» является, въ сущности, очень плохою копіей своего западнаго оригинала, и притомъ одностороннею копіей, утрирующею лишь худшія, чисто-наружныя стороны западнаго либерализма и совершенно не интересующеюся его наиболѣе цѣнною, внутреннею сущностью.

Этому именно вопросу о здоровой сущности и негодной внѣшности либерализма посвящена интересная статья извѣстнаго германскаго соціолога Карла Іенча (Jentsch), появившаяся въ № 50 еженедѣльнаго журнала *Zukunft*, издаваемаго Максимиліаномъ Гарденомъ (Harden), котораго, конечно, никто не заподозритъ въ «реакціонерствѣ», такъ какъ онъ уже не разъ подвергался цензурнымъ и судебнымъ карамъ со стороны Прусскаго правительства за свои смѣлыя статьи, критикующія слова и дѣйствія императора Вильгельма II.

Карлъ Іенчъ иронизируетъ надъ попыткой организовать въ Германіи «большую либеральную партію», которой онъ спеціально посвящаетъ свою статью «Die grosse liberale Partei», и доказываетъ, что истинно-либеральной партіи никогда не существовало и существовать не можетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, «либеральная партія» должна, повидимому, состоять изъ людей, отличающихся «либеральнымъ образомъ мыслей», или, какъ говорятъ Іенчъ, «liberale Gesinnung». Но что такое «либеральный образъ мыслей?» Это, очевидно, образъ мыслей *свободнаго человѣка*. Но можетъ ли человѣкъ,

принадлежащій къ какой-нибудь партіи и рабски подчиняющійся ея интересамъ, быть дѣйствительно «свободнымъ человѣкомъ?» Очевидно, нѣтъ. Партія безъ дисциплины существовать не можетъ, а всякая партійная дисциплина, по необходимости, должна быть строгою и односторонней, эгоистическою и нетерпимою къ остальнымъ партіямъ. Ни одинъ истинно-свободный, истинно-либеральный человѣкъ съ такою дисциплиной, лишающей его свободы мысли, слова и дѣйствія, никогда не примирится. Но и этого мало:

„Либеральный образъ мыслей,—говоритъ Карлъ Іенчъ,— есть образъ мыслей свободнаго человѣка. Этотъ образъ мыслей бываетъ прирожденнымъ, но онъ можетъ развиться лишь при извѣстной мѣрѣ внѣшней свободы. А внѣшняя свобода отдѣльнаго человѣка обезпечивается лишь его экономическою независимостью, и самою благопріятною формой этой независимости является *собственность*, въ особенности земельная собственность. Магнату всего легче развить зародышъ либеральнаго образа мыслей, если онъ, какъ это часто и случается, дѣйствительно обладаетъ этимъ зародышемъ. *Глубокое и богатое образованіе*, конечно, тоже способствуетъ этому развитію и можетъ до извѣстной степени возмѣстить недостатокъ внѣшней свободы и даже пріобрѣсти нѣкоторую ея долю".

Такимъ образомъ мы видимъ, что истинно-либеральнымъ образомъ мыслей могутъ обладать лишь люди, достигшіе независимости и возвысившіеся надъ толпой, благодаря своему имущественному или умственному *аристократизму*. Въ виду этого легко понять, какъ ошибочны стремленія нашихъ лжо-либераловъ къ демократическому эгалитаризму.

„Свобода", говоритъ Іенчъ, „не знаетъ для себя большаго врага, чѣмъ равенство. Признакомъ свободы является безпрепятственное развитіе и проявленіе (Entladung) своей силы. А всеобщее равенство есть не что иное, какъ всеобщая *не*свобода, ограниченіе каждаго человѣка всѣми остальными людьми".

Въ виду этого Іенчъ доказываетъ, что свобода можетъ проявляться лишь при первенствѣ. И такъ же, какъ свѣтъ можетъ проявиться лишь среди окружающаго его мрака, такъ же и сущность свободнаго человѣка можетъ проявиться лишь среди людей несвободныхъ, подчиненныхъ.

„Свобода отдѣльныхъ лицъ предполагаетъ подчиненіе многихъ другихъ лицъ. Противорѣчіе между индивидуальными стремленіями и условіями существованія становится до извѣстной степени выносимымъ, такъ какъ не всѣ люди обладаютъ одинаковою силой, а слѣдовательно не всѣ ощущаютъ одинаковую потребность проявленія своей силы на болѣе высокомъ поприщѣ и въ болѣе обширномъ кругу дѣятельности; напротивъ того, громадная масса людей нуждается въ руководствѣ и чувствуетъ себя счастливою въ своей зависимости, если только ее разумно вести и разумно съ нею обращаться".

Другими словами, такъ же какъ въ государствѣ не можетъ быть всеобщаго равенства, такъ же не можетъ быть въ немъ и всеобщей свободы; и дѣйствительно, до сихъ поръ не было еще государства, въ которомъ бы населеніе не распадалось, подъ тѣмъ или другимъ названіемъ, на различные слои, изъ коихъ одни, высшіе и болѣе малочисленные, обладали большею свободой въ сравненіи съ болѣе многочисленными подчиненными слоями. Всегда были и будутъ правящіе и правимые, начальствующіе и подначальные люди.

Но возвратимся къ понятію о «либеральной партіи» и въ особенности къ идеалу «великой либеральной партіи», который мерещится нѣмецкимъ политиканамъ.

„Если подъ либеральною партіей", говоритъ Іенчъ, „подразумѣвать партію либеральныхъ людей, то *великая* либеральная партія является ничѣмъ инымъ, какъ *contradictio in adjecto*; ибо истинно-либеральный образъ мыслей является столь рѣдкою добродѣтелью, что, вѣроятно, всѣ дѣйствительно-либеральные люди, живущіе въ настоящее время въ Германіи, легко умѣстились бы въ неособенно обширномъ залѣ. Существуютъ и могутъ существовать

лишь отдѣльные либералы въ вышеуказанномъ смыслѣ, но такой либеральной *партіи* существовать не можетъ. Такъ какъ въ каждой большой толпѣ большинство людей всегда бываетъ близорукимъ, эгоистическимъ, нелиберальнымъ, то вообще никакая партія, какъ бы она ни именовалась, не можетъ быть хранительницей свободы. Каждая партія становится деспотическою, какъ только она достигаетъ власти".

Но и въ то время, пока политическая партія находится въ оппозиціи, она стремится къ свободѣ лично для себя, и ея риторика о всеобщей свободѣ для всего народа никогда не введетъ въ заблужденіе серіознаго мыслителя.

Къ этой политической риторикѣ принадлежатъ также фразы о всеобщемъ, для всѣхъ равномъ, просвѣщеніи, при чемъ идеаломъ является «разумное государство» Фихте, которое Іенчъ считаетъ «самою ослѣпительною, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самою обманчивою иллюзіей».

„Государство, въ которомъ десять милліоновъ гражданъ представляли бы собой самостоятельно мыслящихъ, совершенно свободныхъ людей, дѣйствующихъ лишь по собственнымъ убѣжденіямъ,— такое государство было бы ничѣмъ инымъ, какъ польскимъ сеймомъ, возведеннымъ въ десятимилліонную степень. Въ государствѣ, состоящемъ изъ одинхъ только Бисмарковъ и Ницше, по необходимости вспыхнула бы война всѣхъ противъ всѣхъ, которая прекратилась бы лишь съ истребленіемъ всѣхъ гражданъ. Общества и государства могутъ жить лишь тогда, если масса ихъ населенія дѣлится на различныя стада, изъ коихъ каждое имѣетъ не болѣе одного вожака. Тотъ, кто самостоятельно мыслитъ и желаетъ самостоятельно дѣйствовать, никогда не станетъ членомъ какой-либо партіи, исключая тотъ случай, когда онъ можетъ стать ея главаремъ и сумѣетъ убѣдить своихъ сотоварищей, что они, повинуясь ему, слѣдуютъ собственному своему убѣжденію и собственной своей волѣ".

Карлъ Іенчъ касается, конечно, и вопроса о формахъ правленія. И тутъ онъ, какъ истинный либералъ, мыслитъ совершенно иначе, чѣмъ наши лже-либералы:

„Съ демократіей, республикой и парламентаризмомъ у либерализма ничего нѣтъ общаго. Существуетъ ли въ государствѣ демократія или противоположная ей форма правленія — это вопросъ чисто-технической. Технически возможна демократія лишь въ небольшихъ общинахъ, члены которыхъ по образованію и матеріальному состоянію болѣе или менѣе равны между собой, въ особенности въ маленькихъ крестьянскихъ республикахъ. Такія республики могутъ быть либеральными въ томъ смыслѣ, что каждый крестьянинъ можетъ свободно всѣмъ распоряжаться на своемъ дворѣ и на своей землѣ, не подчиняясь какимъ-либо бюрократическимъ и полицейскимъ ограниченіямъ. Зато по отношенію къ религіи, обычаямъ, искусству, наукѣ и общимъ культурнымъ вопросамъ такія общины въ высшей степени не либеральны и отличаются величайшею нетерпимостью".

Да и вообще демократія очень далека отъ истиннаго либерализма:

„Такъ какъ человѣкъ, принадлежащій къ простонародной массѣ, по необходимости всегда бываетъ близорукимъ и эгоистичнымъ, а слѣдовательно *не*либеральнымъ (если только, въ видѣ исключенія, необычайныя дарованія его не возвысятъ и не выведутъ изъ предѣловъ его сословія, имущественнаго состоянія и узкости кругозора), то демократія, то-есть владычество простонародья, находится въ прямомъ противорѣчіи съ истиннымъ либерализмомъ, который по существу своему является по преимуществу аристократическимъ міровоззрѣніемъ, какъ мы это въ особенности видимъ на примѣрѣ англійскихъ либеральныхъ аристократовъ. Истинный либералъ никогда не стремится къ демократіи, но заботится о простонародномъ слоѣ государства въ томъ смыслѣ, что онъ не препятствуетъ, а содѣйствуетъ возвышенію даровитыхъ людей, находящихся въ этомъ слоѣ, облегчая имъ доступъ къ образовательнымъ учрежденіямъ".

Мы еще разъ напоминаемъ, что статья Карла Іенча появилась не въ какомъ-нибудь органѣ аристократической консервативной партіи, а напечатана на самомъ почетномъ мѣстѣ архи-либеральной *Zukunft* Максимиліана Гардена. Въ виду этого особенно интересно отношеніе автора къ вопросу о «монархіи или республикѣ».

„Вопросъ: монархія или республика?“—говоритъ онъ,—„можетъ быть рѣшенъ сообразно съ историческимъ развитіемъ и индивидуальными особенностями каждаго народа. Лишь одни невѣжды могутъ думать, что республика обезпечиваетъ гражданамъ бо́льшую мѣру свободы, чѣмъ монархія. Свободой, которою доселѣ пользовался гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, онъ обязанъ не своей конституціи, а своей обширной странѣ, дававшей ему возможность уклоняться отъ каждаго непріятнаго ему давленія. Но по мѣрѣ сгущенія народонаселенія исчезаетъ и свобода. Рабочіе имѣютъ всего менѣе основаніе желать себѣ республику. Если ихъ коалиціи становятся неудобными предпринимателямъ, то рабочіе въ обѣихъ великихъ республикахъ, по сю и по ту сторону Океана, такъ же подвергаются репрессивнымъ и даже военнымъ мѣрамъ, какъ и въ Австріи. Въ Сѣверной Америкѣ раздаются жалобы на неслыханную эксплуатацію рабочихъ дѣтей, а французскіе рабочіе съ восторгомъ привѣтствовали бы монархическаго Бисмарка, который обезпечилъ бы имъ хорошее страхованіе на случай старости и инвалидности. Якобинцы во Французскомъ парламентѣ, которые тоже называютъ себя соціалистами, стараются отдѣлаться отъ необходимости заняться полезными рабочими реформами, производя шумныя разрушенія монастырей, а царящій во французской печати „либерализмъ“ заботится о томъ, чтобы крики негодованія одураченныхъ рабочихъ раздавались лишь въ мало распространенныхъ изданіяхъ въ родѣ *Humanité Nouvelle*“.

Мы, слѣдовательно, видимъ, что въ рабочемъ вопросѣ Карлъ Іенчъ отличается тою трезвостью взглядовъ, которую мы тщетно стали бы искать у нашихъ «либераловъ».

Жестоко, но вполнѣ справедливо судитъ Іенчъ и о парламентаризмѣ:

„Либеральный человѣкъ долженъ желать для своего государства твердыхъ основныхъ законовъ, но отнюдь не такъ называемаго парламентаризма. Парламентаризмъ не можетъ существовать безъ шарлатанства (Schwindel), исключая того случая, когда депутатскія полномочія являются привилегіей аристократіи, а народъ совершенно отрѣзанъ отъ выборовъ, а слѣдовательно и отъ правительственной власти. Такой случай былъ только однажды въ одномъ государствѣ, а именно въ Англіи, въ періодъ между второю „славною“ революціей и царствованіемъ королевы Викторіи. Въ этотъ періодъ Англія, какъ извѣстно, сдѣлалась міровою державою и пріобрѣла несмѣтныя богатства, но зато рабочіе страдали въ такомъ угнетеніи, которое является безпримѣрнымъ въ человѣческой исторіи. Личная свобода пользуется лучшимъ покровительствомъ въ монархіи, могущей стоять выше партій, въ которой правительственная власть находится въ рукахъ лицъ, несущихъ служебную отвѣтственность за свои дѣйствія, чѣмъ въ парламентарной монархіи или республикѣ, въ которыхъ народъ является игрушкой въ рукахъ борющихся изъ-за власти партій и въ которыхъ каждая безотвѣтственно правящая шайка дѣйствуетъ за кулисами парламентскаго большинства, состоящаго большею частью изъ манекеновъ, денежныхъ и административныхъ карьеристовъ и презрѣнныхъ, продажныхъ личностей“.

Такъ судитъ о парламентаризмѣ истинно-либеральный мыслитель. Какая пропасть отдѣляетъ его отъ тѣхъ манекеновъ и карьеристовъ, которые у насъ въ Россіи присвоиваютъ себѣ имя «либераловъ»!

XXXVII.

Соціалистическая пропаганда.

Въ виду того, что соціализмъ, по причинамъ, на которыя мы уже не разъ указывали, грозитъ занять выдающееся мѣсто среди вопросовъ нашей общественной и государственной жизни, интересно прослѣдить различныя фазы соціалистической борьбы въ иностранныхъ государствахъ, между прочимъ и въ Италіи, гдѣ соціализмъ нашелъ себѣ если не первую, то во всякомъ случаѣ вторую родину.

Италія представляетъ намъ, въ этомъ отношеніи, еще и другой интересъ: какъ разъ теперь она сосредоточиваетъ свое вниманіе на Россіи, и всѣ

благомыслящіе органы итальянской печати стараются наперерывъ высказать свои симпатіи столь мало, въ сущности, знакомой имъ «Сѣверной Имперіи», могущественнаго Вождя которой они очень желали бы видѣть «въ стѣнахъ Вѣчнаго Города высокимъ гостемъ короля Виктора Эммануила». Вмѣстѣ съ тѣмъ, итальянская печать вынуждена сознаться, что родина Данте и Рафаэля страдаетъ въ настоящее время тяжкими недугами, вызванными соціалистическою пропагандой, грозящею погубить высокую литературную и художественную славу Италіи. Это сознаніе побуждаетъ итальянскихъ публицистовъ заняться внимательнымъ изслѣдованіемъ характера соціалистической пропаганды и отысканіемъ тѣхъ средствъ, которыя могли бы содѣйствовать успѣшной съ нею борьбѣ.

Особенно симпатичною нашему отечеству является передовая статья въ № 247 миланской газеты *Corrier della Sera*, написанная въ видѣ корреспонденціи изъ Петербурга. Указавъ сперва на необходимость заключенія русско-итальянскаго торговаго трактата и на взаимныя выгоды, которыми могли бы, на основаніи такого договора, воспользоваться оба государства, авторъ означенной статьи вполнѣ основательно напоминаетъ своимъ соотечественникамъ, что для желаемаго сближенія Италіи съ Россіей встрѣчается гораздо меньше препятствій, чѣмъ для состоявшагося уже франко-русскаго сближенія.

„Итальянцы“, говоритъ онъ, „не имѣютъ никакихъ историческихъ предубѣжденій противъ Россіи. Французы могли бы еще вспомнить разрушеніе Наполеоновской Имперіи и казацкихъ лошадей, скакавшихъ на водопой къ Версальскимъ фонтанамъ. Мы останемся лишь при воспоминаніяхъ о Суворовѣ, но вѣдь это были годы, въ которые Италія являлась поприщемъ борьбы для ея друзей и для ея враговъ, и „сыновья свободы“ грабили наравнѣ съ большею еще яростью, чѣмъ солдаты самодержавныхъ императоровъ. Это печальныя, но, къ счастью, далекія воспоминанія. Ближе къ намъ стоятъ Крымскіе дни; но и тутъ наши берсальеры дрались ради патріотической демонстраціи, не ощущая ни малѣйшей злобы противъ своихъ храбрыхъ противниковъ. И исторія намъ доказываетъ, что Итальянцы должны быть благодарны Россіи за Крымскую войну“.

Въ виду этого, *Corrier della Sera* съ полною увѣренностью доказываетъ, что политическое и экономическое сближеніе Италіи съ Россіей должно быть во всѣхъ отношеніяхъ желательною цѣлью итальянскихъ патріотовъ, и само собою разумѣется, что къ той же цѣли готовы стремиться и мы, Русскіе, дорожащіе интересами своего отечества. Если Тройной Союзъ не помѣшалъ намъ войти въ тѣсное политическое соглашеніе съ Австро-Венгріей, то онъ еще менѣе можетъ служить препятствіемъ къ нашему сближенію съ Италіей, которую мы никогда не имѣли повода упрекать въ какой-либо неблагодарности.

Нѣкоторымъ препятствіемъ, однако, могутъ явиться итальянскіе соціалисты, но *Corrier della Sera* не допускаетъ мысли, чтобъ это препятствіе могло имѣть серіозное значеніе.

„Будьте увѣрены“, говоритъ авторъ названной статьи, „что эти четыре маньяка (стоящіе во главѣ итальянскихъ соціалистовъ) не достигнутъ того, чтобы вся страна опустилась до уровня международнаго сознанія какихъ-нибудь Нямъ-Нямъ или дикарей Фиджійскихъ острововъ. Они могли бы разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, еслибъ они вдругъ сдѣлались компетентными знатоками высшей международной политики. Но они знаютъ вселенную лишь въ той мѣрѣ, въ которой они могли ее видѣть, проѣзжая по трамваю изъ Милана въ Монцу, или изъ Рима во Фраскати, а ихъ спеціальное изученіе Россіи ограничивается выпьетками *Михаля Строгова*, пресловутаго романа Жюля Верна“.

Въ тотъ же смыслѣ высказывается и флорентійская газета *Nazione*, помѣстившая въ своемъ № 266 замѣчательную передовую статью подъ заглавіе-

емъ «Отъ желѣзнаго вѣка къ вѣку свистка» («Dall'età del ferro all' età del fischio»).

Напомнивъ, что человѣчество, на пути своего культурнаго развитія, пережило каменный и бронзовый вѣка, а нынѣ переживаетъ «вѣкъ желѣза», со всѣми его усовершенствованіями не только въ области вооруженія и промышленности, но и въ области нравственной цивилизаціи, озаренной вѣчными идеалами христіанства, проповѣдующаго, что мы должны любить своихъ ближнихъ какъ самихъ себя,—авторъ статьи съ негодованіемъ отмѣчаетъ наступленіе новой эры, проповѣдующей Дарвиновскую теорію «борьбы за существованіе» и требующей, чтобы мы ненавидѣли своихъ ближнихъ и любили только самихъ себя.

„Отсюда возникла классовая борьба и ненависть, отсюда появились стремленія къ гадательному, невѣрному, неизвѣстному будущему, ко мнимому всеобщему равенству, къ химерическому полному счастью, которое на самомъ дѣлѣ оказалось бы всеобщимъ матеріальнымъ и нравственнымъ несчастіемъ.

„Отсюда идутъ всѣ подстрекательства и безпрестанныя агитаціи къ упраздненію разрушенію какими бы то ни было средствами существующихъ учрежденій со стремленіемъ къ высшимъ идеаламъ какого-то страннаго альтруизма, который нельзя хорошенько отличить отъ самаго простаго эгоизма, точно такъ же, какъ нельзя отличить въ соціалистическихъ химерахъ добра отъ зла, до такой степени предѣлы ихъ неясны и перепутаны.

„Все то, что могло противостоять этимъ новымъ стремленіямъ, должно было, по необходимости, служить предметомъ первыхъ ударовъ соціалистическаго натиска. Поэтому была объявлена война противъ собственности, возгорѣлась борьба противъ промышленности посредствомъ самыхъ безсмысленныхъ стачекъ, приносящихъ вредъ какъ самимъ стачечникамъ, такъ и промышленности и торговлѣ. А залѣмъ пошли парламентскія и провинціальныя обструкціи, при которыхъ самыя насущныя, неотложныя дѣла зачастую отодвигаются на задній планъ вслѣдствіе препій, состоящихъ изъ рева и свистковъ, въ то время, какъ среди самыхъ сильныхъ аргументовъ фигурируетъ битье стеколъ и другихъ предметовъ.

„Но и этого мало: будущая цивилизація должна замѣнить собою даже всѣ старыя формы вѣжливости и учтивости.

„Такъ, напримѣръ, гостепріимство, которое съ незапамятныхъ временъ всегда считалось священнымъ, сегодня должно подвергнуться переоцѣнкѣ.

„Гость, чтобы быть прилично принятымъ, долженъ исповѣдывать принципы своего хозяина. Эта аксіома составитъ также существенную часть новаго международнаго права.

„Поэтому, если глава какой-либо націи, дѣлаясь гостемъ другой націи, по чувству сердечнаго къ ней благожеланія и уваженія, не будетъ, однако, раздѣлять извѣстныхъ убѣжденій нѣкоторой части этой націи, то должны найтись люди, которые возьмутся внушить ему эти убѣжденія и указать ему, какъ онъ долженъ думать, говорить и дѣйствовать, и притомъ эти внушенія-указанія ему будутъ даваться при оглушительномъ звукѣ свистковъ! Чудовищное порожденіе сумасбродныхъ мозговъ! Недостойная мысль, которую съ презрѣніемъ и негодованіемъ отброситъ отъ себя всякій истинно-цивилизованный,—слѣдовательно и традиціонно-гостепріимный народъ!

„Такъ вотъ какъ занимается заря новой эры въ то время, какъ близится къ закату „вѣкъ желѣза“. Настаетъ вѣкъ „свистковъ“, которые будутъ служить не только оружіемъ уличной толпы, но и доминирующею, характеристическою нотой будущей эпохи, лейтмотивомъ грядущей цивилизаціи“...

Само собою разумѣется, здравомыслящіе Итальянцы ни за что не хотятъ мириться съ такою перспективой и рѣшили организовать «національную антисоціалистическую лигу». Образовался для сей цѣли особый учредительный Комитетъ, издавшій программу дѣйствій предполагаемой Лиги, долженствующей быть «могущественнымъ оплотомъ противъ соціалистическихъ теорій, проповѣдуемыхъ людьми, отрицающими отечество и ежедневно предающими его поруганію».

„Путемъ дерзости и нахальства“, говорится въ этой программѣ, „путемъ криковъ и

насилія, благодаря трусости однихъ и преступной апатіи другихъ, соціалисты успѣли обратить въ полурабство большинство нашего рабочаго населенія, которое они сбили со толку, и которое теперь безсознательно идетъ къ своей гибели. Они дезорганизовали всѣ функціи нашей промышленности, какъ разъ въ то время, когда она стала играть выдающуюся роль на международномъ рынкѣ; они съ легкомысленнымъ сумасбродствомъ натравляютъ ряды рабочихъ на работодателей, вызывая этимъ въ ближайшемъ будущемъ полную экономическую гибель Италіи, а слѣдовательно и всеобщее разореніе Итальянскаго народа.

„Вотъ почему мы предлагаемъ всѣмъ благомыслящимъ гражданамъ соединиться въ крѣпкій союзъ, чтобъ отразить наступленіе этихъ дикихъ массъ, чуждыхъ нашему отечеству, къ которому они относятся какъ отцеубійцы. Шагъ за шагомъ, посредствомъ энергической пропаганды здравыхъ идей, путемъ неустанной борьбы, мы хотимъ отвоевать у этихъ узурпаторовъ занятыя ими позиціи; но въ особенности мы желаемъ—какъ необходимое и вѣрное средство нашей побѣды—обезпечить свободу совѣсти нашимъ рабочимъ, которою соціалисты завладѣли лживыми обѣщаніями.

„Задача наша не легка, мы это знаемъ и ни отъ кого не скрываемъ. Но чтобы достигнуть желаннаго успѣха, намъ слѣдуетъ лишь идти по стопамъ самихъ же соціалистовъ. Чѣмъ они достигли своей силы? *Организаціей, пропагандой, борьбой.* Чѣмъ мы можемъ лишить ихъ этой силы? *Организаціей, пропагандой, борьбой!* Въ этомъ заключается весь секретъ нашей побѣды, и съ этого мы и начнемъ наши дѣйствія!

„Но недостаточно противополагать пропаганду пропагандѣ, недостаточно объяснить народу лживость соціалистическихъ обѣщаній: необходимо, чтобы чрезъ наше посредство, и только чрезъ наше посредство, народъ получилъ всѣ возможныя экономическія улучшенія, которыя онъ иначе требовалъ бы и тщетно надѣялся бы получить отъ соціалистической пропаганды. Мы, слѣдовательно, будемъ защищать и предлагать законы, которые наиболѣе способствовали бы развитію промышленности и земледѣлія; мы будемъ стараться устранять столкновенія между капиталомъ и трудомъ, постепенно объясняя рабочимъ опасности несправедливыхъ и несвоевременныхъ требованій и защищая ихъ права и желанія, если они дѣйствительно благоразумны.

„Справедливость и истинная свобода для всѣхъ—таковъ будетъ нашъ девизъ, но выше всего мы поставимъ жизненные интересы нашего отечества и защиту его развитія на всѣхъ его поприщахъ.

„А такъ какъ этому желанію справедливости и истинной свободы соціалисты могутъ противопоставить лишь длинную практику насилій, такъ какъ они привели всю страну въ тяжелое, невыносимое положеніе, грозящее опасностью для всѣхъ, а въ особенности для самихъ пролетаріевъ, мы увѣрены, что за нами послѣдуютъ всѣ слои населенія, рабочіе, промышленники, ремесленники и землевладѣльцы".

Успѣхъ этой программы Антисоціалистической Лиги былъ въ Италіи настолько значительный, что главарь итальянскихъ соціалистовъ, депутатъ Энрико Ферри, не на шутку всполошился и нашелъ нужнымъ выступить въ соціалистическомъ органѣ *Avanti!* съ ожесточенною критикой вышеозначенной программы. Не находя возможнымъ опровергнуть разумность идей, развитыхъ въ этомъ документѣ, Энрико Ферри приходитъ къ заключенію, что «двигателями прогресса являются экономическія условія и *чувства*, въ силу которыхъ человѣкъ дѣйствуетъ не потому, какъ онъ *мыслитъ*, а потому, какъ онъ *чувствуетъ*».

Въ сущности, говоритъ Энрико Ферри, «всюду оправдывается доктрина Герберта Спенсера: свѣтъ движется не *идеями*, а *чувствомъ*».

Оппонентомъ вожака итальянскихъ соціалистовъ выступилъ Альфредо Фриллли, одинъ изъ главныхъ иниціаторовъ Антисоціалистической Лиги *).

„Да,—говоритъ онъ,—Ферри совершенно правъ: соціалисты стараются не столько убѣдить народныя массы въ истинѣ соціалистическихъ доктринъ, сколько произвести на нихъ гипнотизирующее впечатлѣніе, заставляя звучать струны ихъ наивныхъ чувствъ и разсчитывая на ихъ скудную культуру и слабыя логическія способности, чтобъ увлечь ихъ

*) *La Nazione*, № 266, отъ 23 сентября 1903 года.

подъ знамя соціализма въ порывѣ энтузіазма и сумасбродства, стремящагося къ какой то новой эрѣ, которая ничего въ точности не опредѣляетъ, но зато даетъ возможность надѣяться на все, что̀ угодно. Это, слѣдовательно, своего рода игра, въ которой побѣда остается на сторонѣ тѣхъ, кто сумѣетъ лучше овладѣть людьми, поражая ихъ наиболѣе слабую сторону, способность ихъ чувственной эмоціи.

„Но Ферри очень хорошо сознаетъ, что такой аргументъ не достаточенъ и не научень, а потому онъ приводитъ другой доводъ: „„одного *чувства* недостаточно, рѣшительнымъ моментомъ является *нужда*. Человѣкъ мыслитъ и чувствуетъ сообразно со своими нуждами (матеріальными, моральными и интеллектуальными), изъ которыхъ слагается все его существованіе"".

„И съ этимъ мы вполнѣ согласны. Но тутъ является вопросъ: можетъ ли соціалистическій режимъ удовлетворить населеніе хотя бы отчасти въ его матеріальныхъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ нуждахъ? Энрико Ферри говоритъ *да*, а я думаю и говорю *нѣтъ*.

„Въ самомъ дѣлѣ,—не говоря о возможной и вѣроятной узурпаціи, посредствомъ которой у болѣе слабыхъ будетъ отнята, среди полнаго торжества всеобщаго равенства, значительная часть общаго благосостоянія, къ выгодѣ болѣе сильныхъ и болѣе хитрыхъ (вѣдь соціалистамъ еще не удалось отмѣнить основные принципы борьбы за существованіе),—на какомъ основаніи соціалисты хотятъ насъ убѣдить, что, при господствѣ ихъ доктринъ, нравственныя и умственныя потребности населенія найдутъ полное свое удовлетвореніе?

„Что̀ бы они ни говорили, но вѣдь общество, организованное согласно соціалистическимъ доктринамъ, сведется ко громадной казармѣ, въ которой каждый былъ бы однимъ изъ безчисленныхъ колесъ исполинскаго механизма, безо всякой возможности подвять себя до высшаго уровня и дѣйствовать по собственной инициативѣ, причемъ всякое независимое дѣйствіе являлось бы актомъ дерзкаго мятежа. Поэтому очень трудно представить себѣ, что, при такихъ условіяхъ, люди въ соціалистическомъ государствѣ могли бы имѣть необходимую свободу удовлетворить свои матеріальныя, моральныя и интеллектуальныя нужды.

„А потому, если мы, организуя Національную Антисоціалистическую Лигу, стремимся завладѣть народными *чувствами*, призывая къ жизни великія идеи, возникшія изъ неизмѣнной, вѣчной истины, идеи отечества, семьи, индивидуальной свободы, могутъ ли насъ обвинять въ томъ, что мы предпринимаемъ дѣло, лишенное здраваго смысла? Вѣдь мы не пускаемъ въ ходъ другихъ рычаговъ, кромѣ тѣхъ, которые, по сознанію самого Ферри, являются единственно-возможными.

„Но мало того, мы обращаемся не только къ народному чувству: мы имѣемъ въ виду и удовлетвореніе его *нуждъ*: но мы желаемъ, чтобы народъ завоевалъ свое благосостояніе не мимоходомъ среди соціалистическихъ агитацій, но прочнымъ и устойчивымъ образомъ, благодаря братской и разумной уступчивости правящихъ классовъ.

„Ферри правъ и въ томъ, когда онъ говоритъ, что правящіе и владѣющіе классы во всѣхъ обществахъ наименѣе способны къ борьбѣ. Тѣмъ не менѣе, это не причина, чтобы намъ не приняться за нашу задачу. Если эти классы до сихъ уклонялись отъ борьбы, то это вовсе не является необходимымъ закономъ, а лишь прискорбною апатическою привычкой, которая должна прекратиться, такъ какъ высшіе принципы истинной цивилизаціи нынѣ подвергаются опасности со стороны дерзкаго меньшинства, и такъ какъ намъ болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуется потребность защищаться противъ тѣхъ, кто сами стали жертвами иллюзіи сентиментальной оптики, вслѣдствіе которой нелѣпость облекается въ яркія краски надежды, и стараются перевернуть человѣческое общество, чтобы завлечь его къ безсознательному переходу на путь страданія и рабства.

„Антисоціалистическая Лига не ведетъ войны противъ опредѣленной категоріи лицъ: она хочетъ лишь вырвать больную страну изъ рукъ шарлатановъ, которые ее терзаютъ и, подобно доктору Дулькамарѣ, даютъ смерть, обѣщая жизнь".

Если въ Италіи явилась необходимость организовать Антисоціалистическую Лигу для того, чтобы «отвоевать позиціи, находящіяся въ рукахъ соціалистовъ», то у насъ въ Россіи задача является, славу Богу, пока еще простою: не дать соціалистамъ занять тѣхъ позицій, которыя они стремятся завоевать. А это задача, которую должна разрѣшить не какая либо «Антисоціалистическая Лига», а Русское Правительство, имѣющее всѣ средства къ благополучному ея разрѣшенію. Нужны лишь для этого твердая воля и разумная энергія.

XXXVIII.

Университетскій вопросъ.

Изо всѣхъ нашихъ жизненныхъ вопросовъ, одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ несомнѣнно занимаетъ вопросъ университетскій, какъ по своему вліянію на всѣ сферы нашей государственной и общественной жизни, такъ и по той запутанности, которую онъ въ настоящее время представляетъ, и которая, несомнѣнно, еще долго будетъ мѣшать его правильному рѣшенію.

Кто виновенъ въ этомъ удручающемъ положеніи нашего университетскаго вопроса? Легче было бы отвѣтить, кто въ немъ не виновенъ. И высшія учебныя власти, и антиправительственная пропаганда, и профессора, и студенты, и общество, и печать, — всѣ несутъ свою долю отвѣтственности въ постепенномъ усложненіи университетскаго вопроса, и всѣ они готовы сваливать всю вину другъ на друга. Впрочемъ, это явленіе всегда повторяется въ Россіи, коль скоро Правительство выпускаетъ изъ своихъ рукъ опредѣленное и разумно энергическое рѣшеніе какого-либо государственно-общественнаго вопроса: тотчасъ же за рѣшеніе его берутся непризванные къ тому и совершенно некомпетентные элементы, которые своими произвольными, противорѣчивыми стремленіями ничего, кромѣ величайшаго хаоса, въ данный вопросъ внести не могутъ.

Мы на этихъ страницахъ уже столько говорили объ университетскомъ вопросѣ, что читатели наши вполнѣ уяснили себѣ нашъ взглядъ на его положеніе, а потому мы теперь (когда Правительство ничего еще не успѣло сдѣлать для его рѣшенія) къ нему и не возвратились бы, еслибы не нашли въ нашей повременной печати яркаго образчика тѣхъ именно произвольныхъ фантастическихъ стремленій въ этой области, о которыхъ мы только-что говорили.

Мы разумѣемъ статью В. В. Розанова объ университетскомъ вопросѣ, недавно появившуюся въ № 9883 *Новаго Времени*, въ которой авторъ предлагаетъ закрыть университеты, перебросить затрачиваемые на нихъ милліоны «до болѣе благопріятнаго времени» въ деревню, въ сельскую школу, а пока разбить университеты на отдѣльные пансіоны, имѣющіе каждый во главѣ своей знаменитаго профессора, который самъ выбиралъ бы себѣ «подручныхъ» спеціалистовъ другихъ каѳедръ и талантливыхъ, только талантливыхъ, учениковъ, «какъ покойный Листъ музыкантовъ». Такихъ 20—30—40 пансіоновъ образовали бы «университетъ», и въ нихъ попадалъ бы только тотъ, «кто понравился г. профессору» совокупностью духовныхъ даровъ своихъ послѣ перваго «опытнаго», «испытательнаго» года.

При такой системѣ вся злоба нашего умственнаго пролетаріата сосредоточивалась бы на профессорахъ, которые подвергались бы такимъ яростнымъ нападкамъ со стороны массы тѣхъ молодыхъ людей, которые имъ «не понравились», со стороны ихъ родителей, общества и демократической печати, что профессора не имѣли бы возможности спокойно и сосредоточенно заниматься своимъ научнымъ и воспитательнымъ дѣломъ, и первые возстали бы противъ такого невыносимаго, отвѣтственнаго положенія.

Но если г. Розановъ, по нашему мнѣнію, не сумѣлъ найти вѣрнаго

рѣшенія университетскаго вопроса, то исходная его точка, изъ которой онъ направился къ этому рѣшенію, безусловно вѣрна. Онъ весьма основательно доказываетъ, что «университетское образованіе должно быть искомо», тогда какъ теперь оно само ищетъ себѣ слушателей, заманивая ихъ въ университетъ разными льготами и преимуществами, вслѣдствіе чего «лекціи не слушаются, съ нихъ бѣгутъ, на нихъ не являются»:

„У насъ книжка бѣгаетъ за человѣкомъ, школа за ученикомъ, профессоръ за студентомъ; какое-то всеобщее ухаживаніе высшаго за низшимъ, зрѣлаго за незрѣлымъ, вы ученнаго за невыученнымъ. И ученикъ—студентъ или гимназистъ—бѣгутъ отъ учителя какъ курица отъ повара, который ее хочетъ зарѣзать. Явленіе до послѣдней степени дикое и ненатуральное, и, между тѣмъ, оно на глазахъ у всѣхъ.

Наука точно склонила свою гордую голову. Ученый точно присѣлъ на корточки, ползетъ и шепчетъ, ко всѣмъ приставая — какъ до извѣстной степени уличная дешевая краса.

Какъ примѣръ этого ненормальнаго положенія, г. Розановъ приводитъ весьма характерный случай съ покойнымъ профессоромъ Захарьинымъ:

Ужасно странно было лѣтъ десять назадъ слушать протесты московскихъ студентовъ-медиковъ противъ знаменитаго Захарьина. Имъ бы учиться у него, а они требовали, чтобы онъ пересталъ ихъ учить, вышелъ изъ состава профессоровъ. Знанія Захарьина лишь за большую цѣну открывались паціентамъ: такъ, посмотрите, съ какою робостью этотъ паціентъ, внеся сто рублей, входилъ въ кабинетъ доктора, чтобы дать осмотрѣть себя, и ужъ можно представить себѣ, какъ, затаивъ дыханіе, онъ слушалъ его совѣты! Такъ ли входилъ студентъ въ аудиторію Захарьина? А вѣдь, въ сущности, онъ приходилъ еще за драгоцѣннѣйшимъ: за умѣньемъ лѣчить, за осмысленіемъ всей своей дѣятельности, да, наконецъ,— за карьерой.

Да, это дѣйствительно было возмутительное явленіе! Но г. Розановъ ошибается, взваливая всю вину въ данномъ случаѣ на студентовъ. Студенты долго оставались вѣрными профессору Захарьину и переполняли его аудиторію даже въ то время, когда въ профессорскомъ синклитѣ зависть и мелкая злоба метали громъ и молніи противъ знаменитаго терапевта, составлявшаго гордость русской науки. Студенты взбунтовались лишь тогда, когда они сами подпали подъ вліяніе закулисныхъ «товарищескихъ» интригъ, бушевавшихъ въ факультетскомъ и университетскомъ совѣтѣ. Г. Розановъ говоритъ: «Всѣ цѣнятъ отзывъ: ««онъ былъ ассистентомъ Захарьина»», и вотъ къ этому уже всѣ рвутся». Да, къ ассистентамъ Захарьина рвутся паціенты, но и только. Московскіе медики продолжаютъ всячески интриговать противъ нихъ за то именно, что они были ассистентами столь высоко надъ этими медиками возвышавшагося Захарьина.

Мы не хотимъ сказать, что весь корень университетскаго вопроса заключается въ профессорскомъ кумовствѣ и въ вызываемыхъ имъ недостойныхъ науки интригахъ, но что значительная доля вины въ запутанности университетскаго вопроса лежитъ именно на профессорскихъ междоусобіяхъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Этому злу можетъ помочь лишь твердо проведенная система правительственнаго назначенія профессоровъ, точно такъ же какъ наплыву въ Университетъ молодыхъ людей, не желающихъ учиться, можетъ противодѣйствовать лишь обращеніе университетовъ въ истинные храмы науки, не дающіе никакихъ чиновъ и служебныхъ привилегій молодымъ людямъ, посвятившимъ себя изученію науки, и только науки.

Объ этомъ мы уже столько говорили, что находимъ излишнимъ повторять сказанное.

XXXIX.

Наши Мадьяры.

Происходящая нынѣ въ Венгріи революціонная агитація, грозящая существованію Габсбургской монархіи, для насъ въ высшей степени поучительна: то же самое, что̀ дѣлаютъ нынѣ Мадьяры подъ предводительствомъ Кошута, то дѣлали бы и у насъ Финны подъ руководствомъ Мехелина, еслибы мы вовремя не спохватились и не положили предѣла финляндскому сепаратическому движенію.

Еслибы мы, повинуясь традиціонному русскому благодушію, не переставая вѣрить финляндской пресловутой «лойяльности», дали постепенно развиться «финляндскому войску», не только въ видѣ пѣхоты и конницы, но—въ видѣ артиллеріи (постоянной мечты Мехелина и К°), то рано или поздно наступилъ бы день, когда въ Финляндскомъ Сеймѣ былъ бы поднятъ вопросъ о замѣнѣ русскаго командованія шведскимъ (или финскимъ) и русскаго знамени—финляндскими эмблемами. Вопросъ этотъ былъ бы, конечно, разрѣшенъ Русскимъ Императорскимъ Правительствомъ въ отрицательномъ смыслѣ,—и давно подготовлявшійся острый русско-финскій конфликтъ вспыхнулъ бы во всей своей силѣ. Финляндцы стали бы предъявлять намъ свои требованія, опираясь не на бумажные «адресы-протесты», а на свою «армію», и намъ пришлось бы отвѣтить на эти требованія не простыми рескриптами и указами, а несравненно болѣе энергическими средствами, которыя потребовали бы тяжкихъ жертвъ какъ съ русской, такъ и, въ особенности, съ финской стороны.

Что финляндскій вопросъ во многихъ отношеніяхъ отличается отъ вопроса мадьярскаго, это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Венгрія нѣкогда была самостоятельнымъ государствомъ, а Финляндія таковымъ никогда не была. Мадьяры явились въ Венгрію, землю славянскую, дикими завоевателями, получившими нѣкоторыя культурныя начала отъ покоренныхъ ими сосѣднихъ Славянъ и Нѣмцевъ. Финны сами были покорены Шведами, а затѣмъ Русскими, и получили отъ нихъ свою культуру. Наконецъ, Австрія была вынуждена дѣлать уступки Мадьярамъ, такъ какъ она безъ нихъ не можетъ удержать за собой положенія великой державы, тогда какъ Россія не имѣетъ никакой внѣшней побудительной причины подчиняться сепаратическимъ фантазіямъ Финляндцевъ, а, слѣдовательно, финляндскій вопросъ не является для нея такимъ *жизненнымъ* вопросомъ, какимъ мадьярскій вопросъ является для Австріи.

Все это совершенно вѣрно. И, тѣмъ не менѣе, остается еще очень много аналогическихъ чертъ между этими двумя вопросами.

Мы уже не говоримъ о племенномъ родствѣ, существующемъ, какъ извѣстно, между Финнами и Мадьярами и сохранившемся, если не въ ихъ образѣ жизни и внѣшнемъ обликѣ, то въ ихъ языкѣ и древнихъ легендахъ. Да и вообще та аналогія, на которую мы указываемъ, основана не столько на общихъ этнографическихъ данныхъ, сколько на общемъ государственномъ положеніи обоихъ народовъ.

Какъ Финны, такъ и Мадьяры стремятся къ полной не только національ-

ной, но и политической самостоятельности. Достигнуть ея они надѣются, установивъ фикцію «личной уніи», Мадьяры—съ Австріей, Финны—съ Россіей. Въ виду этого, Мадьяры видятъ въ императорѣ Австрійскомъ только «короля Венгерскаго», а Финляндцы желали бы видѣть въ Императорѣ Всероссійскомъ только «Великаго Князя Финляндскаго». Вся разница въ томъ, что Венгерцы уже успѣли юридически обосновать свое сепаратическое воззрѣніе, создавъ дуалистическое Австро-Венгерское государство, Финляндцамъ же не удалось, и нынѣ уже никогда не удастся основать какую-то нелѣпую «Россію-Финнію», которая должна была бы служить прологомъ къ образованію двухъ совершенно самостоятельныхъ государствъ—Россіи и Финляндіи.

Намъ недавно пришлось разговориться съ однимъ венгерскимъ политическимъ дѣятелемъ, который совершенно откровенно высказался за справедливость указанной нами аналогіи.

— Мы, Мадьяры, говорилъ онъ,— слѣдимъ съ величайшимъ интересомъ за перипетіями, которыя нынѣ переживаетъ Финляндія, а Финляндцы съ еще большимъ интересомъ слѣдятъ за развитіемъ мадьярскаго вопроса. Между патріотами обоихъ государствъ установились постоянныя связи, и мы можемъ смѣло сказать, что мы научили Финляндцевъ тѣмъ стремленіямъ къ самостоятельности, которыя они нынѣ проявляютъ. Не будь нашихъ успѣховъ въ борьбѣ съ Нѣмцами, Финляндцамъ никогда и въ голову не пришло бы бороться съ Русскими.

— А развѣ вы не видѣли, что Финляндцы, слѣдуя вашему примѣру, должны были потерпѣть пораженіе въ этой борьбѣ, такъ какъ численное ихъ отношеніе къ Русскимъ совершенно иное, чѣмъ отношеніе Мадьяръ къ Австрійцамъ?

— Нѣтъ, они не потерпѣли бы пораженія, еслибы не надѣлали кучи ошибокъ.

— Какихъ?

— Да вотъ тѣхъ, вслѣдствіе которыхъ они потеряли свою армію.

— А въ чемъ же состоятъ эти ошибки?

— Въ пустой формалистикѣ. Новый воинскій законъ увеличивалъ и усиливалъ финскую армію, и его нужно было принять съ открытыми объятіями, все равно, былъ ли онъ изданъ съ согласія Сейма, или безъ его согласія. Въ *этомъ* отношеніи нужно было идти навстрѣчу Русскому Правительству, обворожить его лойяльностью, а не раздражать строптивостью. Нужно было послать въ Петербургъ благодарственную депутацію съ изъявленіемъ признательности за новый законъ, съ просьбой примѣнять его въ усиленномъ даже размѣрѣ. А въ награду за эту уступчивость можно было бы весьма легко получить весьма существенныя, хотя, можетъ-быть, и не особенно видныя, льготы въ пользу финляндской самостоятельности. Русскіе не Нѣмцы: добротой и лаской можно отъ нихъ получить все, что угодно. Вмѣсто этого, финляндскіе патріоты съ удивительною близорукостью придрались къ пустякамъ, раздражали генерала Бобрикова, а затѣмъ уже раздражались и сами и давали ему возможность ссылаться на ихъ излюбленныя выходки, какъ на поводъ къ еще большимъ строгостямъ. Мехелинъ хотѣлъ разыграть роль Кошута; это было слишкомъ рано. И у насъ Кошутъ въ 1849 году привелъ Венгрію лишь къ паденію. Финляндцамъ нуженъ такой спокойный и съ виду уступчивый политикъ, какимъ у насъ былъ Францъ Деакъ, а такого у нихъ нѣтъ; Мехелинъ всего менѣе могъ бы быть Деакомъ. Впрочемъ, свекоманы

такъ испортили свое дѣло, что его теперь не могъ бы исправить даже человѣкъ съ талантомъ Деака.

— А старая финская партія?

— Сейчасъ и у нея нѣтъ талантливаго руководителя, но ея стремленія гораздо благоразумнѣе; она готова на разныя уступки, которыя могутъ усыпить чрезмѣрно-возбудившуюся подозрительность Россіи, и, если свекоманы не будутъ имъ мѣшать своими, теперь еще несвоевременными, демонстративными требованіями, финскіе націоналисты могутъ еще вернуть себѣ все утраченное и пріобрѣсти много поваго.

— Какъ, неужели вы надѣетесь, что Финляндія снова можетъ, напримѣръ, вернуть себѣ свою «армію»?

— Почему же нѣтъ? Финляндцамъ нужно теперь лѣтъ на десять успокоиться, чтобы Россія о нихъ забыла. Пусть два, три сейма пройдутъ при абсолютной тишинѣ, и довѣріе Россіи будетъ снова возстановлено. Тогда снова будетъ назначенъ не вонствующій, а, по примѣру прежнихъ лѣтъ, благодушный генералъ-губернаторъ, а въ Петербургѣ представителемъ Финляндіи снова будетъ не русскій, но финляндскій статсъ-секретарь. Да и вообще къ тому времени многое измѣнится и въ самой Россіи, а это дастъ Финляндцамъ возможность начать новую, болѣе систематическую и терпѣливую борьбу за свою полную самостоятельность.

— Я думаю, вы ошибаетесь; пѣснь финляндской самостоятельности окончательно спѣта.

— Да, но лишь тогда, когда окончательно будетъ спѣта пѣснь русскаго благодушія.

— А вы думаете, что русское благодушіе непстощимо?

— Россію можно лаской и добрыми словами усыпить и затѣмъ разобрать по частямъ, такъ что, когда она проснется, ея уже не будетъ. Но стоитъ только ее раздражить, она тотчасъ же ощетинится, и тогда съ нею ничего не подѣлаешь. Это очень хорошо и очень долго понимали Балтійскіе Нѣмцы, а потомъ они это пониманіе утратили, какъ нынѣ его утратили и Финляндцы. Всего лучше умѣютъ обходиться съ Русскими Армяне, которые лишь въ послѣдніе дни надѣлали глупостей, оказавъ внѣшнее сопротивленіе въ монастырскомъ вопросѣ; эта безтактность надолго отодвинетъ основаніе армянскаго государства на Кавказѣ.

— А Поляки?

— О, это виртуозы въ дѣлѣ усыпленія Русскихъ, но у нихъ тоже нѣтъ выдержки. Безъ ихъ глупаго 1863 года Варшава давно была бы столицей Польскаго королевства.

— Такъ что всѣмъ сепаратистамъ нужно учиться выдержкѣ у вашихъ, мадьярскихъ, патріотовъ?

— Да, именно; мы спокойно сидѣли съ 1850 до 1866 года и получили автономію; затѣмъ мы такъ же спокойно сидѣли съ 1866 года до настоящаго времени, и теперь насталъ моментъ, когда мы можемъ выступить съ настойчивымъ требованіемъ о самостоятельной арміи. Затѣмъ наступитъ опять долгая передышка, пока, наконецъ, явится удобный случай окончательно оторваться отъ Австріи.

— Да, но тогда вы очутитесь лицомъ къ лицу съ милліонами Славянъ, населяющихъ Венгрію, съ которыми вы безъ Австріи уже не справитесь.

— Къ тому времени мы всѣхъ Славянъ сдѣлаемъ Мадьярами.

— Сомнѣваюсь, чтобы вамъ это удалось. А какую же перспективу вы обѣщаете Финляндцамъ, еслибъ они послѣдовали вашему примѣру и самой тактикѣ? Неужели вы думаете, что могла бы существовать самостоятельная Финляндія между Россіей и Швеціей.

— Да, конечно, какъ необходимый буферъ между этими двумя государствами.

— Какъ, вы еще вѣрите въ отжившую теорію «буферныхъ» государствъ? Да и неужели Россія и Швеція такъ озлоблены другъ противъ друга, что нуждаются въ какомъ-либо «буферѣ»? Повѣрьте мнѣ, не подстрекайте Финляндцевъ къ какимъ-либо новымъ глупостямъ въ родѣ «временной» лицемѣрной «лойяльности». Все, что произошло въ Финляндіи, явилось не слѣдствіемъ «раздраженія» генерала Бобрикова, а слѣдствіемъ роковой исторической необходимости, которая, повѣрьте мнѣ, теперь уже устранила и традиціонное «русское благодушіе», пробудивъ Россію къ бодрой, самостоятельной политикѣ высокаго, идеальнаго національизма.

— Я этому не вѣрю.

— Такъ мы васъ въ этомъ убѣдимъ.

XL.

Ближній и Дальній Востокъ.

Вопросы Ближняго и Дальняго Востока не разъ уже привлекали къ себѣ серіозное, сосредоточенное вниманіе Россіи, но ни разу еще они не являлись одновременно на нашемъ политическомъ горизонтѣ съ такою жгучею обостренностью, какъ въ настоящій, несомнѣнно выдающійся по своей важности, историческій моментъ.

Отъ той политики, которой нынѣ намѣрено держаться Императорское Русское Правительство, будетъ зависѣть судьба Россіи на многія, можетъ-быть, столѣтія. Ибо вся будущность Россіи такъ тѣсно связана съ Востокомъ, что и *европейское* свое призваніе или, вѣрнѣе, свое *міровое* призваніе Россія можетъ исполнить достойно лишь въ томъ случаѣ, если она достойно разрѣшитъ свои восточныя задачи.

Каковы эти задачи?

Всѣ онѣ сводятся къ одному главному жизненному вопросу: къ основанію и поддержанію такого прочнаго, несокрушимаго мирнаго положенія на всемъ Востокѣ, которое давало бы Россіи возможность приступить къ исполненію своего мірового призванія, не опасаясь, чтобы какія-либо осложненія на ея восточныхъ границахъ могли отклонить ее отъ этого призванія.

Какъ же можетъ Россія создать такое положеніе? Одними лишь завоеваніями? Нисколько. Принципіальнымъ воздержаніемъ отъ какихъ-либо завоеваній? Еще менѣе того.

Разумная и твердая, планомѣрная и послѣдовательная политика Россіи на Востокѣ не должна гнаться за вѣчно-новыми завоеваніями, но и не должна избѣгать ихъ, если они представляются необходимыми для обезпеченія того прочнаго мира, который, какъ мы сказали, является единственною цѣлью Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ, Россіи ничего другого не нужно на Востокѣ, кромѣ полной увѣренности, что ея владѣнія совершенно безопасны отъ какого бы

то ни было насильственнаго нарушенія ихъ предѣловъ. Коль скоро положеніе на Востокѣ будетъ таково, то ни Китай, ни Японія, ни Англія, ни Соединенные Штаты и помышлять не будутъ о какомъ бы то ни было враждебномъ отношеніи къ Россіи, какъ о томъ, напримѣръ, теперь уже не помышляютъ ни Персія, ни Корея, и какъ, безъ англійскихъ подстрекательствъ, не помышлялъ бы о томъ и Афганистанъ,—Россія могла бы быть вполнѣ покойною и, со своей стороны, не находила бы ни малѣйшаго повода враждебно относиться къ вышеназваннымъ государствамъ.

Но чтобы достигнуть этого, столь желательнаго для всѣхъ, результата, необходимо, чтобы на всемъ безъ исключенія Востокѣ имя Бѣлаго Царя почиталось, какъ символъ высшей справедливости и несокрушимой мощи.

Но этого до сихъ поръ, напримѣръ, Англичане и Японцы признавать не хотятъ, а потому и Россіи приходится ожидать съ ихъ стороны всякихъ враждебныхъ дѣйствій, начиная съ закулисныхъ каверзъ и кончая открытою войною, а слѣдовательно ей приходится быть готовою къ энергическому проявленію своей мощи, причемъ, смотря по обстоятельствамъ, она можетъ оказаться вынужденною укрѣпить свое положеніе, во избѣженіе новыхъ нападеній, какимъ-либо новымъ завоеваніемъ.

Вотъ, напримѣръ, Англичане, а за ними и подпавшіе ихъ злокозненному вліянію Японцы, упрекаютъ Россію, что она «безо всякаго повода заняла Манчжурію и теперь не хочетъ изъ нея уходить».

Если же по строгой справедливости возстановить дѣйствительный ходъ событій, то несправедливость этого упрека становится очевидною.

Въ самомъ дѣлѣ, перенесемся къ кануну боксерскаго возстанія. Россія въ то время была такъ далека отъ какихъ бы то ни было не только завоевательныхъ, но даже вообще воинственныхъ помышленій, что вся ея безконечная пограничная съ Китаемъ территорія охранялась лишь пикетами вошедшихъ даже въ пословицу «дремлющихъ казаковъ». Мы почти цѣлый годъ и не подозрѣвали, какъ тщательно Китай, подъ видомъ «боксерскаго мятежа», систематически подготовлялъ вооруженное вторженіе въ наши предѣлы, такъ что, когда это вторженіе совершилось, оно застало нашъ Благовѣщенскъ почти безъ всякихъ войскъ, мѣсто которыхъ было поспѣшно занято наскоро кое-какъ вооружившимися Благовѣщенскими жителями. Одновременно въ самомъ Пекинѣ посольства европейскихъ державъ, въ томъ числѣ и Императорское Русское посольство, подверглись осадѣ и жесточайшему штурмованію, а построенная на русскія средства Манчжурская желѣзная дорога была почти вся разрушена китайскими регулярными и «мятежными» войсками, и—что особенно возмутило всѣ русскія сердца—мирная Православная Миссія въ Пекинѣ была разгромлена, а члены ея, принявшіе христіанство Китайцы, испытали изувѣрское кровавое преслѣдованіе фанатичныхъ язычниковъ.

Въ виду этого, ничѣмъ невызваннаго, дерзкаго вызова со стороны Китайцевъ, Россія была вынуждена выйти изъ своего благодушнаго, довѣрчиваго къ нимъ отношенія и двинуть свои войска на Дальній Востокъ для защиты своей территоріи, для освобожденія своего посла, для возобновленія своей желѣзной дороги, для возстановленія своей христіанской Миссіи и для поддержанія своего политическаго обаянія на всемъ Востокѣ.

Русскія войска доблестно исполнили возложенное на нихъ порученіе, прошли съ сѣвера на югъ, при постоянныхъ стычкахъ съ Китайцами, всю Манчжурію и нанесли этимъ китайскому высокомѣрію тотъ рѣшительный

ударъ, который немедленно отозвался и въ Пекинѣ и далъ возможность, между прочимъ, Русскимъ же войскамъ освободить изъ мучительной осады европейскія посольства.

По возстановленіи мирныхъ отношеній съ Китаемъ, Россія условилась съ нимъ относительно постепенной эвакуаціи Русскихъ войскъ изъ Маньчжуріи въ томъ случаѣ, если 1) полное спокойствіе въ ней будетъ возстановлено, и если 2) не возникнутъ какія-либо новыя осложненія на Востокѣ, которыя вынудятъ Россію отказаться отъ предполагавшейся эвакуаціи.

Какъ извѣстно, оба эти условія не осуществились. Въ Манчжуріи до послѣдняго времени не утихали дерзкія агрессивныя дѣйствія хунхузовъ, а вновь заключенный Англо-Японскій союзъ совершенно измѣнилъ существовавшее на Дальнемъ Востокѣ равновѣсіе военныхъ силъ. Японія въ союзѣ съ Англіей является нынѣ сильною угрозой восточному міру, и, пока эта угроза не прекратится, Россія имѣетъ, на основаніи своего договора съ Китаемъ, полное право ожидать грядущихъ событій, не покидая своей маньчжурской позиціи, которую она заняла не по собственному произволу, а въ силу необходимой самозащиты.

Россія, какъ прежде, такъ и теперь, никакихъ завоеваній на Востокѣ не ищетъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ исторія всего движенія Россіи въ Средней Азіи въ теченіе всего XIX столѣтія. Россія всякій разъ была вызываема на отраженіе враждебныхъ противъ нея дѣйствій сосѣднихъ государствъ или племенъ, и иногда находила себя вынужденною полагать предѣлъ этимъ дѣйствіямъ покореніемъ своихъ враговъ и подчиненіемъ себѣ ихъ владѣній.

Точно такъ же и въ настоящемъ случаѣ Россія давно очистила бы Маньчжурію, если бы не враждебные противъ нея замыслы Англичанъ, Японцевъ, а можетъ-быть и Китайцевъ, которые вынуждаютъ ее пока пользоваться своимъ правомъ и не очищать Маньчжуріи, и которые могутъ со временемъ вынудить ее отложить это очищеніе на неопредѣленное время...

Такъ будетъ и впредь, пока сосѣди Россіи не убѣдятся въ необходимости жить въ полномъ мирѣ съ Россіей, отъ которой имъ тогда не будетъ угрожать ни малѣйшей опасности. Всѣ западныя европейскія великія державы направляютъ нынѣ свои мысли на заморскую колоніальную политику, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ ближайшіе вѣка судьба этихъ государствъ будетъ разрѣшаться въ Африкѣ, Америкѣ, Австраліи и Азіи. Россія никакихъ заморскихъ плановъ не имѣетъ, а желаетъ только оставаться спокойно у себя дома, на своей сплошной европейско-азіатской территоріи; если остальныя державы предоставятъ ей этотъ мирный покой, она ихъ колоніальной политикѣ, конечно, мѣшать не будетъ.

Такова міровая программа Россіи на Дальнемъ Востокѣ, сравнительно съ которымъ Ближній Востокъ является какимъ-то политическимъ пигмеемъ. Выходъ Россіи изъ Чернаго Моря, составлявшій до сихъ поръ жизненный ея интересъ, утратилъ нынѣ для нея всю свою обостренность, такъ какъ Сибирская дорога открыла Россіи иной, болѣе удобный и краткій, путь въ ея восточныя владѣнія. Святая Софія, какъ и Святая Земля, является для Россіи чисто духовнымъ высшимъ идеаломъ, безкровное достиженіе котораго ей, вѣроятно, суждено лишь какъ высшая награда за конечное исполненіе ея великаго историческаго призванія. А что касается до находящихся пока подъ мусульманскимъ владычествомъ Балканскихъ Славянъ, то Россія, конечно, и безъ военныхъ мѣръ сумѣетъ улучшить ихъ положеніе, если только они сами своими безразсудными дѣйствіями не будутъ препятствовать ея благимъ намѣреніямъ.

XLI.

Кому бороться съ соціализмомъ?

Вся благомыслящая Италія до сихъ поръ не можетъ найти утѣшенія въ томъ горѣ, которое причинили ей соціалисты, создавшіе своими демонстраціями и угрозами такое печальное для Италіи положеніе, что она не можетъ гарантировать достойный пріемъ, съ соблюденіемъ элементарныхъ правилъ гостепріимства, даже вѣнценоснымъ вождямъ дружественныхъ державъ.

Италіанская печать обрушилась на соціалистовъ цѣлымъ потокомъ укоризненныхъ и даже ругательныхъ статей, но, конечно, эти статьи дѣлу помочь не могутъ. Совершенно справедливо по этому поводу говоритъ въ передовой статьѣ, озаглавленной «Овчарня», неаполитанской газеты *Mattino* (№ 241), извѣстный италіанскій публицистъ, подписывающійся «Bergeret», что общество напрасно возлагаетъ всѣ свои надежды на печать, которая будто бы одна должна вести борьбу съ соціализмомъ:

„На другой день послѣ того, какъ стало извѣстнымъ,— пишетъ Bergeret,— что Царь въ Италію не пріѣдетъ, мои добрые друзья обратились ко мнѣ съ просьбой спасти отечество, обмакнувъ мое перо въ растворъ нитроглицерина и сулемы и разразившись оглушительнымъ громомъ молніеносныхъ словъ надъ головой соціалистовъ.

„Такія просьбы я получаю послѣ каждой побѣды этихъ господъ, которые уже привыкли къ легкимъ тріумфамъ, одерживаемымъ нахальной энергіей десятка людей надъ трусливою апатіей милліонной массы, удивляющейся геропзму журналистовъ, рѣшающихся назвать соціалиста Ферри психопатомъ на основаніи его собственныхъ антропологическихъ доктринъ, а соціалиста Моргари—дегенераптомъ на основаніи всѣхъ вообще антропологій. Вся буржуазія какъ будто столпилась въ громадную овчарню, дрожа предъ этими бѣшеными волками и взираетъ умоляющими слезливыми глазами на насъ, журналистовъ, какъ на добрыхъ пастырей, которые будто бы одни только и могутъ выйти на борьбу съ кровожадными хищниками и спасти отъ нихъ все баранье стадо. Всѣ пощечины, которыя наносятся консервативной и монархической Италіи грязными руками этихъ негодяевъ, излѣчиваются, повидимому, полустраничкой нашей журнальной прозы, которую благомыслящее общество накладываетъ въ видѣ горячаго пластыря на опозоренное лицо отечества!

„Я, напримѣръ, имѣлъ несчастіе дать въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ довольно вѣрную характеристику италіанскихъ соціалистовъ вообще и неаполитанскихъ въ особенности, изобразивъ всю ихъ хищническую, невѣжественную, лживую психику, распознать которую, впрочемъ, можетъ каждый человѣкъ, обладающій хотя бы элементарною наблюдательностью. И вотъ теперь мои читатели считаютъ меня какимъ-то спеціальнымъ антисоціалистическимъ тореадоромъ и побуждаютъ меня даже издалека, письмами и телеграммами, снова спѣть какую-нибудь бравурную арію всякій разъ, какъ соціалисты совершаютъ какую-нибудь глупость или подлость, т.-е. семь или восемь разъ въ недѣлю.

„И этимъ все кончается. Читатели считаютъ, что они удовлетворили всѣ свои потребности политическихъ животныхъ, говоря словами Аристотеля, коль скоро они прочли въ консервативной газетѣ вереницу болѣе или менѣе красиво написанныхъ изобличеній этихъ новыхъ варваровъ, идущихъ приступомъ на отечество, на религію, на армію, на судъ, на науку, на искуства и на промышленность, т.-е. на всю человѣческую цивилизацію. Дерзость, неутомимость и безстыдство ихъ такъ велики, что они, представляя собою ничтожнѣйшее меньшинство въ населеніи, являются очень замѣтнымъ и грознымъ меньшинствомъ въ парламентѣ, вліяющимъ даже на нашу иностранную политику гораздо сильнѣе, чѣмъ робкое парламентское большинство нашей буржуазіи. Они такъ малочисленны, что ребятишки могли бы ихъ разогнать десяткомъ мѣтко брошенныхъ каменьевъ, но они такъ нахальны, что имъ удается преклонить передъ своей волей ошеломленную, мумифицированную общественную совѣсть цѣлаго государства. Легенда говоритъ, что Рожеръ Нормапскій высадился съ дружиной со сто человѣкъ, чтобы покорить Италію. Для покоренія совре-

менной Италіи соціалистическая орда довольствуется гораздо меньшимъ числомъ дружинниковъ.

„Современная Италія представляетъ собой громадную овчарню, въ которой тѣснится многомилліонное, громадное, боязливое, жалкое стадо, вся жизнь котораго состоитъ въ отысканіи или въ похищеніи клочка сѣна для ежедневнаго пропитанія. Преподаваніе абсентеизма и равнодушія, этихъ синонимовъ трусости, открыло свои даровые курсы въ каждой семьѣ, въ каждой школѣ, въ каждомъ учрежденіи. Политика сдѣлалась ремесломъ или спортомъ для небольшого кружка привилегированныхъ дѣльцовъ. Для всего остального населенія участіе въ политикѣ заключается лишь въ ожиданіи той или другой взятки въ періодъ выборной агитаціи.

„Достаточно трехъ десятковъ соціалистовъ, чтобы обратить въ бѣгство 200 или 300 депутатовъ. Засѣданіе, въ которомъ участвуютъ 60 общинныхъ или провинціальныхъ совѣтниковъ (земскихъ гласныхъ), трусливо выслушиваетъ грубую ругань пяти, шести бѣснующихся соціалистовъ, молча проглатывая эти нравственныя пощечины. А всякій разъ, когда рабочіе, увлеченные демагогомъ, вуждающимся въ популярности, т.-е. въ деньгахъ, устраиваютъ какую-нибудь безсмысленную, самоубійственную „всеобщую стачку“, всѣ капиталисты, фабриканты и владѣльцы становятся мишенію яростныхъ нападокъ нѣкоторыхъ органовъ даже не соціалистической печати, и въ этихъ нападкахъ участвуютъ и городскія власти, и общественныя учрежденія, и учащаяся молодежь, и домашняя прислуга, требуя, чтобы соціалистамъ дѣлались уступки, чтобы всѣ преклонялись предъ ихъ волей, довольствуясь тѣмъ, что соціалисты пока еще не требуютъ поголовной казни всей буржуазіи“...

Авторъ приведенной нами статьи совершенно основательно доказываетъ, что однимъ журналистамъ не подъ силу вести борьбу съ соціализмомъ, при общей трусости и апатіи всего общества Но онъ глубоко ошибается, обвиняя общество въ этой трусости и апатіи, такъ какъ общество вовсе и не призвано къ тому, чтобы занимать въ государствѣ воинствующее положеніе по отношенію къ врагамъ государства и вести съ ними непрестанную борьбу.

Вести борьбу съ врагами государства обязана та власть, которая для того въ государствѣ и существуетъ, чтобы защищать его отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ и поддерживать въ немъ тотъ миръ и порядокъ, при которыхъ только и можетъ плодотворно развиваться общественная жизнь. А эта власть принадлежитъ правительству, имѣющему и право, и обязанность бороться съ врагами государства.

У насъ въ Россіи часто встрѣчаются очень почтенные, хотя и не особенно дальновидные люди, которые патетически восклицаютъ:

— Нельзя вѣчно во всемъ зависѣть отъ правительства! Общество должно проявлять самодѣятельность, а не ходить на помочахъ!

Въ этой краткой фразѣ есть на первый взглядъ очень много справедливаго, но на самомъ дѣлѣ въ ней есть много и ошибочнаго.

Если намъ завтра Японія объявитъ войну, то кто долженъ будетъ взять на себя обязанность защитить Россію отъ нападенія иноземныхъ враговъ,— правительство или общество? Конечно, правительство, отъ котораго и будетъ зависѣть спасеніе, честь, слава и цѣлость Россіи. Если при этомъ отъ общества будетъ требоваться какая-нибудь дѣятельность, то она будетъ заключаться въ *сочувствіи* и *содѣйствіи* правительству въ общей борьбѣ съ врагами Россіи.

Такими врагами Россіи являются и соціалистическіе революціонеры. Не общество, а правительство должно вести съ ними борьбу, такъ какъ одно правительство обладаетъ тѣми средствами, которыя могутъ положить конецъ ихъ преступной агитаціи. Въ этой борьбѣ правительство имѣетъ полное право разсчитывать на сочувствіе и содѣйствіе общества, но въ случаѣ крайности можетъ обойтись и безъ него, ибо жалко и презрѣнно то правительство, ко-

торое въ моментъ государственной опасности стало бы заботиться о сочувствіи «общественнаго мнѣнія», а не о спасеніи государства.

Въ такомъ именно жалкомъ положеніи находится, напримѣръ, въ настоящее время Италіанское правительство. Оно выпустило изъ рукъ бразды внутренняго правленія, прекратило борьбу съ соціализмомъ и старается сообразовать свои дѣйствія съ общественнымъ мнѣніемъ. Общественное мнѣніе относится съ величайшею антипатіей къ соціалистамъ, но, видя ихъ возрастающую дерзость и безнаказанность, Общество сбилось, по выраженію вышеупомянутаго италіанскаго публициста, какъ трусливое стадо въ овчарню и, не надѣясь на энергію правительства, возлагаетъ свои упованія на энергію журнальныхъ фразъ, надъ которыми соціалисты, конечно, только смѣются!

Да иначе и быть не можетъ. Вотъ еслибъ Италіанское правительство смотрѣло на соціалистовъ такъ же, какъ на нихъ смотритъ благоразумная италіанская печать, то есть не какъ на «политическую партію», пользующуюся всѣми правами конституціонной свободы, а какъ на «шайку варваровъ, разбойниковъ и психопатовъ», не признающихъ государства и его законовъ, а потому поставившихъ себя внѣ закона,—тогда и италіанское общество воспрянуло бы духомъ и съ восторгомъ содѣйствовало бы своему правительству въ освобожденіи отечества отъ того позорнаго ига, подъ которымъ его держатъ внутренніе его враги.

Всѣ успѣхи соціализма въ Западной Европѣ зависятъ именно отъ того, что онъ тамъ, благодаря парламентаризму съ его выборною системой, занялъ «почетное» мѣсто «политической партіи», имѣющей свои органы печати и пользующейся правомъ сходокъ, свободы слова и широкой пропаганды. Еслибъ и Россія имѣла несчастіе «наслаждаться» парламентскимъ режимомъ, то и въ Россіи революціонный соціализмъ по необходимости имѣлъ бы своихъ представителей въ «земскомъ соборѣ» и пользовался бы всѣми преимуществами «политической партіи», тогда бы и въ Россіи правительство вынуждено было, подобно Италіанскому или Германскому правительству, съ пассивнымъ фатализмомъ видѣть ежегодное усиленіе соціализма въ государствѣ, а русское общество тоже походило бы на загнанное въ овчарню трусливое стадо, тревожно прозябающее отъ одной «генеральной» стачки до другой, подчиняясь командѣ безсовѣстныхъ политикановъ и участвуя въ политической жизни лишь во время выборныхъ коммиссій, въ надеждѣ получить какую-нибудь взятку отъ того или другого кандидата. Словомъ, парламентаризмъ, со своимъ неизбѣжнымъ спутникомъ—соціализмомъ, поставилъ бы Россію въ то самое позорное положеніе, въ которомъ нынѣ находится Италія.

Мы назвали соціализмъ неизбѣжнымъ спутникомъ парламентаризма, такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что соціализмъ является логическимъ послѣдствіемъ парламентаризма, и что вслѣдствіе этого парламентаризмъ совершенно безсиленъ въ борьбѣ со своимъ дѣтищемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разъ парламентаризмъ самъ выросъ на почвѣ революціи, уничтожившей весь предшествовавшій ей государственный строй, разъ онъ является воплощеніемъ демократическихъ доктринъ, требующихъ борьбы политическихъ партій посредствомъ всенародныхъ выборовъ, разъ «третье» сословіе сочло себя въ правѣ вытѣснить, на основаніи этихъ доктринъ, съ политической арены первое и второе сословія,— то оно логически обязано признать и за «четвертымъ» сословіемъ тѣ же права, которыя оно присвоило себѣ, и мириться съ его завоевательнымъ походомъ, несмотря на всю варварскую дикость его сущности и его внѣшнихъ пріемовъ.

Лишь въ самодержавномъ государствѣ, въ которомъ, по самому принципу Самодержавія, не допустима даже и мысль о «борьбѣ политическихъ партій» изъза обладанія верховною властью, лишь въ самодержавномъ государствѣ, въ которомъ власть не обязана предоставлять политическія права отъявленнымъ врагамъ государственнаго и общественнаго порядка,—лишь въ такомъ государствѣ правительство имѣетъ полное право и безусловную обязанность вести безпощадную борьбу съ соціализмомъ, и если оно будетъ вести ее съ должною разумною энергіей, оно можетъ быть увѣрено, что и общество не будетъ походить на сбившееся въ овчарню трусливое стадо, а будетъ съ восторгомъ сочувствовать и содѣйствовать правительству въ защитѣ высшихъ благъ человѣческой культуры.

XLII.

Окраинные миражи.

Въ настоящее время не только въ обществѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ весьма серіозно обсуждается вопросъ объ отношеніи «центра» къ «окраинамъ». Отношеніе это оказывается во многихъ случаяхъ крайне ненормальнымъ, вслѣдствіе многихъ, весьма разнообразныхъ, причинъ, къ которымъ, между прочимъ, принадлежитъ то ложное представленіе, которое «центръ» доселѣ имѣлъ объ «окраинахъ».

Подъ «центромъ» мы въ данномъ случаѣ разумѣемъ не только русское общество нашихъ центральныхъ губерній, но и правительственный «центръ»—нашъ бюрократическій Петербургъ, который, находясь самъ на окраинѣ Россіи, тѣмъ не менѣе становится жертвой фантастическихъ иллюзій и миражей, коль скоро начинаетъ разсуждать о вопросахъ, касающихся ближайшихъ съ нимъ сѣверныхъ и западныхъ окраинъ Россіи. Въ виду этой феноменальной близорукости Петербурга, вполнѣ естественнымъ является его абсолютное непониманіе того, что̀ творится на такихъ отдаленныхъ отъ него окраинахъ, какъ, напримѣръ, Кавказъ и Бессарабія, не говоря уже о Маньчжуріи.

Окраинные миражи, сбивающіе съ толку какъ нашу «интеллигенцію», такъ и нашу бюрократію, отличаются обыкновенно двумя совершенно противоположными свойствами, характеръ которыхъ особенно наглядно проявился въ Польскомъ вопросѣ.

До 1863 года наша легкомысленная интеллигенція и бюрократія убаюкивали себя мыслью, что въ Варшавѣ все спокойно, что Поляки очень милые люди, вполнѣ «лойяльно» относящіеся къ Россіи, и что намъ, поэтому, необходимо идти навстрѣчу всѣмъ ихъ желаніямъ. Если раздавался трезвый голосъ, предостерегавшій общество и правительство отъ подобныхъ иллюзій, то всюду, какъ въ нашей интеллигенціи, такъ и въ нашей бюрократіи, поднималась буря негодованія противъ такого «мрачнаго пессимиста», который де всюду только видитъ «измѣну» и «крамолу» тамъ, гдѣ процвѣтаетъ лишь самая миролюбивая идиллія. Всѣмъ еще памятенъ тотъ слѣпой фанатизмъ русской печати, интеллигенціи и бюрократіи, который обрушился на покойнаго М. Н. Каткова за то, что онъ видѣлъ и говорилъ *правду* о подготовлявшемся польскомъ мятежѣ, возможность котораго эта печать, интеллигенція и бюрократія и представить себѣ не могли.

Но вотъ миролюбивая польская идиллія внезапно превратилась въ из-

мѣшническій бунтъ, озаренный «дымомъ пожаровъ». Прозрѣла ли тогда русская интеллигенція и русская бюрократія? Нисколько. Миражъ «идилліи», правда, исчезъ, но тотчасъ же его мѣсто занялъ другой миражъ—«все пропало»! Бунтъ польской шляхты припялъ въ запуганной фантазіи даже Петербурга размѣръ какой-то непреодолимой для Россіи иноплеменной войны, грозящей разгромить всю Имперію, а потому намъ предлагали бѣжать изъ Польши и сохранить за собой хотя бы одну только Литву.

И снова потребовались трезвый голосъ Каткова и разумная энергія Муравьева, чтобы разсѣять этотъ миражъ и воочію показать, что никакою опасностью Россіи банды Лангѣвича не грозили, что справиться съ ними очень легко, и что вся эта легкомысленная затѣя заносчивыхъ пановъ должна послужить лишь къ тому, чтобы прочнѣе закрѣпить связь Привислянской окраины съ центральною Россіей, и чтобы научить насъ впредь относиться съ величайшею осторожностью ко мнимой «лойяльности» Поляковъ.

Первая изъ этихъ задачъ дѣйствительно осуществилась; что же касается второй, то она оказалась неразрѣшимою вслѣдствіе того, что наша интеллигенція, изъ которой пополняются ряды и нашей бюрократіи, неисправима: сегодня, какъ и сорокъ лѣтъ тому назадъ, она готова съ такимъ же легкомысленнымъ благодушіемъ вѣрить въ польскіе миражи о «лойяльности» Поляковъ и объ ихъ «искреннемъ» желаніи сблизиться съ Россіей, возмущаясь съ такимъ же «благороднымъ негодованіемъ» противъ каждаго здравомыслящаго человѣка, совѣтующаго не предаваться подобнымъ обманчивымъ иллюзіямъ.

Буквально то же самое повторилось и въ Финляндскомъ вопросѣ.

Слѣпая вѣра въ Финляндскую «лойяльность» составляла одну изъ основныхъ частей русскаго «интеллигентнаго» катихизиса. Кто не помнитъ, какой ожесточенной травлѣ подвергались *Московскія Вѣдомости* и при М. Н. Катковѣ, и послѣ его кончины, всякій разъ, когда онѣ пытались разсѣять миражъ Финляндской «конституціи», сочиненной «лойяльными» Финляндцами путемъ цѣлаго ряда безсовѣстныхъ шантажей? Долгіе годы наша газета стояла совершенно одинокою, отстаивая ту политику относительно Финляндіи, которая лишь въ послѣднее время сдѣлалась политикой правительственною. Кто только насъ во время этого одиночества не упрекалъ все въ томъ же «мрачномъ пессимизмѣ» и въ желаніи всюду видѣть «измѣну» и «крамолу», гдѣ на самомъ дѣлѣ, по мнѣнію интеллигенціи и бюрократіи, слѣдовало видѣть лишь «честную, миролюбивую лойяльность».

Теперь этотъ миражъ исчезъ. Шведоманы въ Финляндіи сбросили свою овечью шкуру и показали свои волчьи когти, поднявъ дерзкіе протесты противъ объявленной имъ Высочайшей Воли и организовавъ «пассивное» сопротивленіе, за которымъ должно было послѣдовать,—о, ужасъ!—сопротивленіе «активное». И вотъ, какъ въ Польскомъ вопросѣ, предъ дряблою фантазіей русской интеллигенціи возникаетъ новый миражъ: весь Финляндскій народъ возстанетъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ Россіи, и съ этимъ возстаніемъ намъ «ужасно трудно» будетъ справиться; не лучше ли ужъ прекратить намъ нашу государственную политику въ Финляндіи и идти навстрѣчу желаніямъ гг. Мехелина, графа Борка и К°?

Все это миражъ, одинъ миражъ! Достаточно было гг. сепаратистамъ убѣдиться въ томъ, что Русская правительственная власть будетъ идти на Финляндской окраинѣ *неуклонно* по разъ намѣченному Государемъ Императоромъ пути, какъ весь открытый задоръ ихъ притихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ-подъ

ихъ крамольнаго ига освободился и Финскій народъ, не желающій имѣть ничего общаго съ закабалившими его шведскими «господами». Эти «господа», конечно, оружія своего еще не положили и, покинувъ Финляндію, продолжаютъ еще изъ Стокгольма вести свою преступную пропаганду, требующую воркаго за ней наблюденія со стороны Русской власти; но всякій благоразумный человѣкъ теперь уже отлично понимаетъ, что для окончательнаго рѣшенія Финляндскаго вопроса никакого «ужаснаго труда» вовсе не требуется, а что для этого вполнѣ достаточна *бдительная, неуклонная энергія* мѣстной Русской власти при постепенномъ, послѣдовательномъ проведеніи Высочайше установленной правительственной программы въ краѣ.

Если непоколебимость твердой и зоркой Русской власти образумила и умиротворила населеніе Финляндіи, то она, несомнѣнно, еще съ бо́льшимъ успѣхомъ образумитъ и умиротворитъ населеніе Кавказа, привыкшее издавна преклоняться предъ проявленіемъ сильной, несокрушимой воли начальства, а вмѣстѣ съ этимъ усмиреніемъ тотчасъ же исчезнутъ и кавказскіе миражи, которые такъ долго морочили русскую интеллигенцію и бюрократію.

Эти миражи, какъ въ Польскомъ и Финляндскомъ вопросахъ, были двоякаго свойства, сперва чрезмѣрно убаюкивавшіе русскую интеллигенцію, а затѣмъ чрезмѣрно ее встревожившіе.

Когда наша газета въ Москвѣ и *Кавказъ* подъ редакціей В. Л. Величко въ Тифлисѣ старались пробудить русское самосознаніе, указывая на готовившееся измѣнническое движеніе кавказскихъ Армянъ, никто намъ не хотѣлъ вѣрить; мы прямо обвинялись въ «разжиганіи національныхъ страстей» и въ клеветѣ на «честныхъ, миролюбивыхъ, лойяльныхъ Армянъ». Теперь, когда послѣднія событія на Кавказѣ показали, каково свойство этой пресловутой армянской «честности» и «лойяльности», мы присутствуемъ при наступленіи другого кавказскаго миража, приводящаго въ трепетъ нашу интеллигенцію; одна ея часть считаетъ необходимымъ объявить весь Кавказъ на военномъ положеніи, такъ какъ де иначе нельзя справиться съ гнусною шайкой армянскихъ кинжальщиковъ, другая же совѣтуетъ покаяться предъ Армянами и исполнить всѣ ихъ желанія. На самомъ же дѣлѣ необходимо только обуздать своеволіе армянскихъ крезовъ на Кавказѣ, чтобы кавказское населеніе воочію убѣдилось въ ихъ полномъ безсиліи предъ Русскою Властью *). Этимъ сразу подорвется армянскій мятежъ на Кавказѣ, и трудолюбивое армянское населеніе отшатнется отъ своихъ теперешнихъ преступныхъ вожаковъ. Само собою разумѣется, что армянская революціонная организація должна быть подавлена своимъ чередомъ, соотвѣтствующими административными и полицейскими мѣрами, съ которыми рука объ руку должна идти и власть судебная, постановка которой на Кавказѣ нуждается въ болѣе строгомъ приспособленіи къ мѣстнымъ антикультурнымъ условіямъ

Къ этому послѣднему вопросу мы еще вернемся. Сегодня мы хотимъ только установить тотъ фактъ, что если наши окраины доставляютъ намъ столько хлопотъ, то это только потому, что нашъ центръ плохо ихъ знаетъ и руководствуется въ оцѣнкѣ ихъ положенія не истинною сутью дѣла, а лишь фантастическими миражами, впадая изъ одной крайности въ другую, то не видя въ нихъ никакой опасности, то преувеличивая ее до чудовищныхъ размѣровъ.

---

*) См. „Письмо изъ Тифлиса“ Кубанца въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1903 г., № 292.

Этимъ свойствомъ поддаваться такимъ противоположнымъ другъ-другу увлеченіямъ русское «интеллигентное» общество отличается, впрочемъ, и въ другихъ государственныхъ вопросахъ. Когда, въ концѣ 70-хъ годовъ, М. Н. Катковъ указывалъ на необходимость принимать серіозныя мѣры противъ развивавшейся тогда преступной политической пропаганды, никто его и слушать не хотѣлъ, такъ какъ онъ, видите ли, «страдалъ маніей всюду видѣть измѣну и крамолу». А когда всѣ его предсказанія сбылись, и невѣрующіе слѣпцы оглушены были катастрофой 1 марта, то они затрепетали предъ миражемъ какого-то «коренного недуга Россіи» и предъ иллюзіей какой-то всероссійской всемогущей революціи, и тому же Каткову пришлось успокаивать ихъ, доказывая, что Россія вполнѣ здорова, и что Правительству стоитъ только *захотѣть* серіозно справиться съ ничтожною шайкой террористовъ, и они тотчасъ исчезнутъ. И въ этомъ онъ оказался правъ, какъ это доказало славное, мирное царствованіе Александра III.

Если наша «интеллигенція», по присущему ей легкомысленному характеру, такъ легко поддается непростительнымъ ошибкамъ всякій разъ, когда она принимается судить о государственныхъ вопросахъ, то какой же разумный человѣкъ можетъ допустить ее къ тому активному участію въ государственныхъ дѣлахъ, котораго она такъ добивается?

XLIII.

Напрасное долготерпѣніе.

Когда два года тому назадъ учреждено было Особое Совѣщаніе для поднятія нашего сельскаго хозяйства, вся Россія воспрянула духомъ, искренно повѣривъ, что кончился, наконецъ, страшный кошмаръ, обрекавшій на безсиліе и безплодность всѣ неимовѣрные труды русскихъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, и что настанетъ новая, свѣтлая эра развитія всей мощи Русской земли.

Но вдругъ пробѣжала зловѣщая молва, сразу положившая конецъ всѣмъ радужнымъ мечтамъ и свѣтлымъ надеждамъ.

Оказалось, къ ужасу всѣхъ серіозныхъ и благомыслящихъ Русскихъ людей, что къ возрожденію русскаго сельскаго хозяйства, къ этому столь важному и сложному дѣлу, будутъ призваны прежде всего «мѣстные комитеты», въ которые будутъ допущены *земскіе* дѣятели!

«Если къ серіозному, полезному дѣлу привлечены земцы, они неизбѣжно превратятъ его въ дѣло пустое и вредное»,—таково было глубокое убѣжденіе каждаго Русскаго человѣка, слѣдившаго за тридцатилѣтнею дѣятельностью нашихъ земскихъ заправилъ.

Всѣхъ поразило въ то время благодушное долготерпѣніе петербургскихъ властей, тоже вѣдь слѣдившихъ за дѣятельностью нашихъ земскихъ краснобаевъ и все таки не утратившихъ надежды на то, что они когда-нибудь да исправятся и отъ пустыхъ словъ перейдутъ къ полезному дѣлу. Правительство, очевидно, все еще принимало въ серіозъ земскихъ дѣятелей и полагало, что они кромѣ заученныхъ шаблонныхъ фразъ могутъ иногда сказать и дѣльное слово. Какъ это ни странно, но въ Петербургѣ все еще не понимали, что земскіе ораторы походятъ на тѣ «говорящія» куклы, которыя могутъ про-

износить только «папа» да «мама». Потяните за одинъ снурокъ, и земскій дѣятель произнесетъ «правовой порядокъ», потяните за другой, и онъ скажетъ «народная грамотность». Этими двумя словами онъ отвѣчаетъ на всѣ ваши вопросы, какіе бы они ни затрогивали сложные и головоломные предметы. Вѣдь это извѣстно было всей Россіи, какъ же этого не знали въ Петербургѣ, какъ же могли столь полезное дѣло, какъ совѣщаніе о подъемѣ сельскаго хозяйства, въ корнѣ испортить и обратить въ пустую болтовню, открывъ доступъ къ нему всероссійскимъ земскимъ пустомелямъ?

Само собой разумѣется, что такъ именно и случилось, какъ того опасались всѣ Русскіе люди, дѣйствительно дорожащіе возрожденіемъ нашего сельскаго хозяйства: цѣлый годъ изумленная Россія присутствовала при вакханаліяхъ земскаго краснобайства въ «мѣстныхъ комитетахъ», съ нетерпѣніемъ ожидая, когда же, наконецъ, кончится эта пустая трагикомедія, которая взбаламутила всю Россію, но никому никакой пользы не принесла.

Впрочемъ, можно было думать, что, такъ какъ худа безъ добра не бываетъ, то и въ данномъ случаѣ можно было утѣшиться надеждой, что вся эта неудачная затѣя послужила на пользу Петербургу и что онъ, по крайней мѣрѣ теперь, наконецъ, ясно пойметъ, что въ серіозныхъ дѣлахъ можно обращаться за совѣтомъ лишь къ серіознымъ и дѣловымъ людямъ, а никакъ ужъ не къ передовымъ земцамъ, отъ которыхъ никогда ничего, кромѣ вѣчныхъ ихъ двухъ затверженныхъ словъ «правовой порядокъ» и «народная грамотность», не услышишь.

«Дорогою цѣной», думали мы, «дался этотъ урокъ Петербургу, но зато онъ теперь радикально излѣчится отъ своихъ иллюзій относительно земцевъ, будетъ знать настоящую имъ цѣну и въ серіозныхъ дѣлахъ къ ихъ совѣтамъ прибѣгать ужъ не будетъ».

И вотъ въ настоящемъ году народилось новое, дѣствительно серіозное дѣло,— учреждено было Совѣщаніе въ Петербургѣ по вопросу объ экономическомъ подъемѣ центральной Россіи.

И что же? Петербургъ, какъ оказывается, успѣлъ уже все забыть и ничему не научился. Онъ забылъ даже и то, что̀ приводило его еще въ прошломъ году въ такое изумленіе. Онъ опять ничего не нашелъ лучшаго, какъ обратиться за совѣтомъ въ серіозномъ и важномъ дѣлѣ все къ тѣмъ же земскимъ болтунамъ съ тою только разницей, что «мѣстные комитеты» онъ замѣнилъ всероссійскимъ земскимъ сборищемъ въ стѣнахъ Невской столицы. Но, что̀ всего удивительнѣе, въ Петербургъ на сей разъ были приглашены предсѣдатели земскихъ *губерскихъ* управъ, т.-е. люди всего дальше стоящіе отъ дѣйствительнаго экономическаго дѣла, всего менѣе его понимающіе, а потому и наиболѣе вынужденные прикрывать свое невѣжество и умственную пустоту избитыми фразами о «правовомъ порядкѣ» и о «народной грамотности», для произнесенія которыхъ не требуется никакого ни умственнаго труда, ни серіознаго экономическаго знанія.

Для всѣхъ ясно было, что въ Петербургѣ повторится буквально та же самая буффонада, которая годъ тому назадъ съ такимъ шумомъ разыгрывалась на провинціальныхъ сценахъ. Но для Петербурга все это было почему-то совершенно непредвидѣнною новостью. Онъ почему-то снова вооружился благодушнымъ долготерпѣніемъ и, опять принявъ нашихъ земскихъ болтуновъ въ серьезъ, до крайности удивился, что они дѣйствительно оказались куклами, умѣющими говорить только «правовой порядокъ» и «народная грамотность».

Мы знаемъ благодушныхъ людей, которые снова говорятъ:

— Ну, вотъ отлично. Нѣтъ худа безъ добра. Теперь, наконецъ, Петербургъ понялъ всю пустоту нашихъ земскихъ дѣятелей и къ нимъ уже за совѣтами впредь обращаться не будетъ.

Блаженны вѣрующіе въ исправимость Петербурга. Наученные горькимъ опытомъ, мы, къ сожалѣнію, этой вѣры не раздѣляемъ и нисколько не удивимся, если уже въ будущемъ году, при возникновеніи какого-нибудь новаго серіознаго вопроса экономическаго свойства, Петербургъ опять проявитъ свое неистощимое, но совершенно напрасное долготерпѣніе и снова обратится къ земскимъ дѣятелямъ, чтобы, къ своему наивному изумленію, потянувъ за одинъ сурокъ, услышать отъ нихъ «правовой порядокъ», а потянувъ за другой — «народная грамотность».

Намъ пришлось встрѣтиться въ Петербургѣ съ однимъ изъ приглашенныхъ туда земскихъ Цицероновъ. Это было въ одномъ частномъ домѣ, въ которомъ собралось довольно многочисленное общество, разбившееся на маленькіе кружки.

Въ одномъ изъ этихъ кружковъ какой-то молодой человѣкъ съ большимъ оживленіемъ разсказывалъ о какомъ-то происшествіи. Мы съ земцемъ, очень важнымъ лысымъ господиномъ, приблизились къ этому кружку, чтобы послушать повидимому очень интересный разсказъ молодого человѣка.

— Нѣтъ, вы не повѣрите, говорилъ разсказчикъ, до какой степени я изумился, когда я узналъ, что всѣ эти безчеловѣчныя мерзости надѣлалъ крестьянинъ изъ сосѣдней деревни. Онъ очевидно не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о самыхъ элементарныхъ понятіяхъ нравственности, если онъ рѣшился на такое дѣло. И мнѣ говорили, что такіе крестьяне тамъ не рѣдкость. «Что же тутъ дѣлать?» спросилъ я моего друга. Онъ только руками развелъ...

— Удивляюсь вашему другу да и вамъ,—авторитетно вмѣшался въ разговоръ мой земецъ.— Тутъ дѣло самое простое: еслибъ эти крестьяне были *грамотны*, они бы не дѣлали того, что васъ такъ возмущаетъ.

— Но позвольте, — возразилъ молодой человѣкъ, — не только этотъ крестьянинъ получилъ школьное образованіе, но и во всей его деревнѣ едва ли найдется хоть одинъ неграмотный человѣкъ.

— Да, но вы не забывайте, что при отсутствіи у насъ *правового порядка* крестьяне вынуждены жить въ скотоподобномъ положеніи...

— Да, но вѣдь то, о чемъ я разсказываю, произошло не у насъ въ Россіи.

— А гдѣ же?

— Во Франціи. Я вѣдь только что оттуда пріѣхалъ. Развѣ вы не слышали начала моего разсказа?

— Нѣтъ, не имѣлъ удовольствія,— сухо замѣтилъ земецъ, покраснѣвъ до корня волосъ, и, круто повернувшись на каблукахъ, онъ съ олимпійскимъ величіемъ удалился въ другой уголъ гостиной, гдѣ говорили о какихъ-то грустныхъ явленіяхъ въ *русской* сельской жизни, и гдѣ поэтому ему можно было безнаказанно, съ напыщеннымъ глубокомысліемъ, отпускать избитыя фразы о «правовомъ порядкѣ» и «народной грамотности», какъ объ «единственномъ, безусловно вѣрномъ средствѣ» для поднятія народной нравственности — до уровня нравственности французской.

XLIV.

Малоинтеллигентность русской интеллигенціи.

На-дняхъ въ одной изъ наиболѣе либеральныхъ петербургскихъ газетъ *) нѣкій «Православный интеллигентъ» напечаталъ «Два открытыя письма къ священнику А. Смирягину», въ отвѣтъ на изданную имъ брошюру *Интеллигенція и народъ.*

Письма эти чрезвычайно интересны не по главному своему содержанію, а по разнымъ здравымъ мыслямъ, которыя мы въ нихъ встрѣчаемъ.

Авторъ этихъ писемъ старается объяснить, почему произошелъ расколъ между русскою Церковью и русскою «интеллигенціей». Во многомъ онъ винитъ Церковь, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ мужество обвинять кое въ-чемъ и ту «интеллигентную» среду, къ которой онъ и самого себя причисляетъ. Правда, онъ видитъ лишь *одинъ* грѣхъ у интеллигенціи, но зато онъ признаетъ его «большимъ» и, слѣдовательно, очень близко подходитъ къ тому, чтобы признать его, какъ и мы, *кореннымъ* источникомъ всѣхъ остальныхъ грѣховъ интеллигенціи, о которыхъ онъ умалчиваетъ, но которые бросаются въ глаза каждому серіозному наблюдателю. Вотъ его слова:

„Грѣхъ же у интеллигенціи есть—одинъ и большой—это только ея *малоинтеллигентность* **). Никогда толкомъ не зная церковнаго ученія, она его толковала и вкривь и вкось и воевала противъ фантастическихъ суевѣрій въ религіи, существовавшихъ только въ ея воображеніи. И никогда, въ общемъ, она въ этомъ не сознавалась даже передъ собою: *для интеллигенціи всегда было все понятно, и она не считала долгомъ учиться. Она—только учила...*“

Указавъ затѣмъ, что Аксаковы и Бѣлинскій укоряли интеллигенцію въ этомъ «грѣхѣ самомнѣнія», авторъ признаетъ, что—

„ихъ призывъ пронесся надъ головами интеллигенціи; онъ былъ выше этихъ головъ и шире,—отчасти не попалъ, отчасти не вмѣстился въ нихъ. *Для этого у интеллигенціи не достало серіозности, жизненнаго опыта и познаній*“.

«Православный интеллигентъ» настолько искрененъ въ своемъ покаяніи, что признаетъ «малоинтеллигентность» нашей интеллигенціи не въ одномъ только ея отношеніи къ Церкви:

„Интеллигенція,—говоритъ онъ,—должна быть интеллигентна до конца. Вотъ противъ этого положенія наши „верхніе слои“ несомнѣнно очень повинны. Очень много сторонъ жизни проходятъ безсознательно и неосмысленно для самыхъ какъ будто интеллигентныхъ людей! Между прочимъ, и желаніе просвѣтить народъ у интеллигенціи основано на хорошихъ мотивахъ, но забыта основная черта жизни народовъ, что все извнѣ и насильственно насаждаемое только расшатываетъ народный бытъ, связываетъ народную душу. Въ частности *грамотность для народа мало развитаго въ нравственномъ отношеніи, ему прививаетъ только лишніе взгляды и вкусы того случайнаго уличнаго листка, который ему попадетъ въ руки, и значитъ—только р а з в р а ш а е т ъ...*“

Нужно дѣйствительно, по нашимъ временамъ, имѣть большое гражданское мужество, чтобы въ самой средѣ либеральнаго стана открыто высказы-

---

*) *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1903 г., № 301.

**) Курсивъ вездѣ нашъ.

вать такія, для насъ консерваторовъ, азбучныя истины. Мы воображаемъ себѣ, какъ окрысились на «Православнаго интеллигента» его единомышленники въ либеральной газетѣ, читая дальнѣйшее развитіе его основнаго тезиса:

„Правда, грамотность можетъ выдвинуть отдѣльныхъ дѣятелей, но въ общемъ,—лишенная нравственныхъ началъ,—она становится тѣмъ, чѣмъ она оказалась въ русской жизни: суевѣріемъ и средствомъ къ распространенію въ народѣ всего того дурнаго, что захотѣлъ провести въ народное сознаніе малообразованный, но крикливый классъ литераторовъ. Вотъ интеллигенція въ борьбѣ противъ „религіозныхъ суевѣрій“ и увлеклась *несомнѣннымъ суевѣріемъ, своею вѣрою въ воображаемое торжество ума вмѣстѣ съ торжествомъ грамотности.*

„Вся работа въ этомъ направленіи оказалась, такимъ образомъ, благонамѣреннымъ (?) недоразумѣніемъ и привела къ размноженію отчасти грамотныхъ, отчасти даже „безграмотныхъ“, но *одинаково безрелигіозныхъ, и безнравственныхъ босяковъ.*

„Въ этомъ повинна интеллигенція, въ этомъ—и ея несомнѣнная вина: *она не была достаточно подготовлена къ тому великому и святому, къ которое она съ великимъ воодушевленіемъ взялась. Это—ея несомнѣнная вина*“.

Въ этомъ именно авторъ видитъ «вину» интеллигенціи, а не «грѣхъ» ея. Грѣхъ же онъ видитъ у нея *«только одинъ и большой—это ея малоинтеллигентность»*.

Въ этомъ послѣднемъ покаяніи, какъ мы уже сказали, авторъ совершенно правъ. Вся разница въ томъ, что мы нашу «интеллигенцію» прямо называемъ невѣжественною, онъ же ее называетъ «малоинтеллигентною», что въ сущности одно и то же. Вѣрно и то, что «интеллигенція никогда въ своей малоинтеллигентности не сознавалась даже предъ собой»; правда, наконецъ, и то, что «для интеллигенціи всегда было все понятно, и она не считала долгомъ учиться. Она—только учила».

Если вдуматься въ эти слова, то легко понять, какой громадный вредъ интеллигенція принесла Россіи. Что можетъ быть возмутительнѣе учителя, который берется авторитетно учить тому, чего онъ самъ не знаетъ, и притомъ учить людей, слѣпо вѣрящихъ въ его авторитетъ и затѣмъ самоувѣренно широко распространяющихъ ту ложь, которую онъ, по «малоинтеллигентности», выдалъ имъ за истину?

Сколько разъ намъ приходилось указывать на тотъ несомнѣнный фактъ, что наши «интеллигенты» не знаютъ того, о чемъ они съ такимъ апломбомъ говорятъ. Они съ высокомѣрнымъ чувствомъ непогрѣшимости разсуждаютъ *о Церкви*, которой они не знаютъ и знать не хотятъ, *о Русскомъ народѣ*, объ истинной сущности котораго они и понятія не имѣютъ, *о Русскомъ государствѣ*, о которомъ они имѣютъ совершенно нелѣпое представленіе, *о западныхъ государственныхъ формахъ*, безобразные и очевидные недостатки которыхъ они упорно не хотятъ видѣть, и, наконецъ, о народномъ, среднемъ и высшемъ *образованіи*, основные принципы котораго дѣйствительно не могутъ быть постигнуты «малоинтеллигентными» умами.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи наши интеллигенты находятся въ совершенно безвыходномъ положеніи, топчась на одномъ мѣстѣ въ заколдованномъ кругу. Для того, чтобы стремиться къ дальнѣйшему серіозному ученію, нужно быть серіозно-образованнымъ, а для того, чтобы быть серіозно-образованнымъ, нужно пройти долгое и серіозное ученіе; наши же интеллигенты никакъ не могутъ достигнуть полной образованности, такъ какъ они, по мѣткому замѣчанію «Православнаго интеллигента»,—*не считаютъ долгомъ учиться, а желаютъ только учить*».

И теперь интеллигенція менѣе чѣмъ когда-либо можетъ выйти изъ этого заколдованнаго круга: подъ ея напоромъ до основанія рушилась та средняя школа, которая давала ей хоть нѣкоторую прочную основу для дальнѣйшаго серіознаго высшаго образованія и серіознаго саморазвитія. Теперешняя средняя школа ей даже и этого основанія давать не можетъ. Будущая «интеллигенція» будетъ поступать въ высшія школы совершенно неподготовленною къ серіозному научному труду и этимъ низведетъ русскую науку до собственнаго невѣжественнаго уровня. Въ виду этого, она будетъ выходить въ жизнь съ еще болѣе грубымъ непониманіемъ этой жизни, съ еще бо́льшимъ пустоголовымъ и легкомысленнымъ самомнѣніемъ, съ еще большими претензіями на учительство и будетъ съ еще болѣе широкимъ розмахомъ распространять въ этой жизни ложь вмѣсто истины, на пагубу Русскаго народа и всей Россіи.

Вотъ почему мы утверждаемъ, что «полуинтеллигентность» нашей интеллигенціи есть не только «больной», но и *коренной* ея грѣхъ. Вотъ почему задачей каждаго Русскаго человѣка, любящаго Россію и заботящагося объ ея будущности, должна быть борьба за русскую школу, дабы предохранить ее отъ дальнѣйшаго разрушенія и возвысить ее до уровня лучшихъ и серіознѣйшихъ школъ Европы.

Мы говоримъ это, конечно, не для нашихъ «либеральныхъ интеллигентовъ», которые, какъ мы видѣли, *по существу своему*, никогда серіозному образованію сочувствовать не могутъ,—а для тѣхъ, кто себя къ этой невѣжественной толпѣ не причисляетъ, кто вѣритъ въ великое значеніе серіознаго умственнаго труда на почвѣ строго нравственнаго воспитанія,—для тѣхъ, кому дорога вся грядущая судьба Россіи.

XLV.

Государственное нефтяное дѣло.

Мы со всѣхъ сторонъ получаемъ устныя и письменныя выраженія той радости, которую испытываютъ всѣ Русскіе люди въ виду «торжества русскаго дѣла въ Биби-Эйбатскомъ вопросѣ».

Но торжество это, по нашему мнѣнію, далеко еще не полное.

Правда, какъ Сенатъ, такъ и Совѣщаніе, образованное при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, рѣшили этотъ вопросъ, по мѣрѣ своихъ силъ, совершенно правильно, и вся Россія должна воздать имъ за это и честь, и славу. Но какъ будетъ рѣшенъ этотъ вопросъ въ Комитетѣ Министровъ—еще неизвѣстно, такъ какъ преданные Ротшильду агенты и газеты уже теперь напрягаютъ всѣ свои силы, чтобъ убѣдить Комитетъ Министровъ въ необходимости рѣшить Биби-Эйбатскій вопросъ такъ именно, какъ это угодно великому еврейскому банкиру, осчастливившему Россію своею эксплуатаціонною дѣятельностью.

Мало того, если даже и Комитетъ Министровъ окажетъ мужественное противодѣйствіе Ротшильдовскимъ аппетитамъ, если Биби Эйбатскіе промыслы останутся за прежними ихъ арендаторами, то и тогда имъ будутъ грозить Ротшильдовскіе захваты, какъ насъ объ этомъ заранѣе оповѣщаетъ та часть петербургской печати, которая всецѣло предалась могущественному Ротшильду.

Онъ, видите ли, перекупитъ Биби-Эйбатскіе промыслы у прежнихъ арендаторовъ, «давъ имъ отступного», и, такимъ образомъ, все-таки поставитъ на

своемъ, захвативъ въ свои цѣпкія руки всю нефтяную промышленность въ Россіи. А если ему не удастся эта операція, онъ выдумаетъ другую, третью, четвертую, но *непремѣнно* де добьется своего, ибо Ротшильдъ всемогущъ, никакихъ препятствій для него не существуетъ, его милліоны откроютъ ему доступъ куда угодно, и Россія, въ концѣ-концовъ, будетъ лежать подъ его побѣдоносною пятой.

И въ самомъ дѣлѣ, если Ротшильдъ обратитъ все нефтяное дѣло въ Россіи въ свою личную монополію и будетъ назначать на всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ рынкахъ какія ему будетъ угодно цѣны на нефть, керосинъ и мазутъ, онъ дѣйствительно будетъ держать въ своихъ рукахъ нашу промышленность, наши желѣзныя дороги, нашъ торговый и военный флотъ, а косвеннымъ образомъ, слѣдовательно, и нашу сухопутную и морскую силу.

Объ этомъ результатѣ Ротшильдовской монополіи преданныя Ротшильду газеты старательно молчатъ, такъ какъ порабощеніе Россіи иностранному капиталисту входитъ въ ихъ прямые разсчеты.

Но Русскіе люди объ этомъ молчать не могутъ. Они должны продолжать борьбу противъ Ротшильда, не вѣря во всемогущество его милліоновъ и твердо надѣясь, что то препятствіе, которое онъ теперь такъ неожиданно встрѣтилъ на своемъ побѣдоносномъ пути въ Сенатѣ и Министерствѣ Земледѣлія, является лишь началомъ его будущихъ пораженій, которыя не прекратятся до тѣхъ поръ, пока послѣдняя пядь русской нефтеносной земли не будетъ исторгнута изъ его хищническихъ рукъ.

Предавшіяся ему русскія (?) газеты съ цинической наглостью издѣваются надъ интересами нашего отечества. Онѣ добиваются возобновленія Бибиэйбатскихъ торговъ, къ которымъ де Ротшильдъ явится «со всѣми требуемыми законною формалистикой бумажками», подъ личиной какого-нибудь «совершенно-русскаго» акціонернаго общества, и тогда де ни Сенатъ, ни Министерство, ни Комитетъ Министровъ ничего съ нимъ не подѣлаютъ, а должны будутъ смириться предъ этимъ безсовѣстнымъ обманомъ. Не все ли равно, будетъ ли законъ «соблюденъ» или «обойденъ», лишь бы русская нефть находилась въ рукахъ Ротшильдовской монополіи?

Нѣтъ, это не все равно. Если у насъ существуетъ законъ относительно нефтяной промышленности, который можетъ быть обойденнымъ, то законъ этотъ долженъ быть *измѣненъ*, и измѣненъ *такъ*, чтобъ его даже самъ Ротшильдъ со своими милліонами, газетами, агентами и адвокатами обойти не могъ.

Русскіе законы издаются и измѣняются, слава Богу, не какими-нибудь парламентскими депутатами, всегда готовыми стать «папамистами», продавъ свою честь и совѣсть за всякаго рода «промессы» и наличныя взятки. Законодательная Власть въ Россіи стоитъ на такой неизмѣримой высотѣ, которая недостижима даже самымъ отважнымъ помысламъ г. Ротшильда. Между интересами иностраннаго банкира и интересами Россіи Власть эта ни на минуту колебаться не станетъ.

Но законодательная Власть, по всей вѣроятности, взглянетъ на наше нефтяное дѣло еще и съ другой, болѣе важной, стороны.

Съ каждымъ годомъ становится все яснѣе, что нефтяныя богатства Россіи призваны играть великую *міровую* роль, что Россія обладаетъ въ нихъ громадною экономическою силой для своего внутренняго и внѣшняго экономическаго могущества, и притомъ силою постоянною, поддающеюся болѣе легкому управленію, чѣмъ вѣчно колеблющіяся сельско хозяйственная, фабричная и заводская промышленности.

И что же? Вся эта могущественная богатая сила находится въ рукахъ враждебныхъ Россіи иностранцевъ и инородцевъ!

Не величайшій ли это государственный и экономическій абсурдъ, достигающій своего апогея, если принять въ соображеніе, что наши нефтяныя богатства, эксплуатируемыя иностранцами во вредъ Россіи, находятся въ нѣдрахъ обширныхъ земель, составляющихъ не частное, а *государственное имущество!*

Русское Государство свободно могло располагать этими землями по своему усмотрѣнію на собственную свою пользу, эксплуатируя ихъ тѣмъ или инымъ способомъ, но во всякомъ случаѣ способомъ наиболѣе выгоднымъ и полезнымъ для государственныхъ и экономическихъ жизненныхъ интересовъ Россіи. А между тѣмъ, Государство не придумало ничего лучшаго, какъ предоставить эксплуатацію этого богатѣйшаго золотого дна какимъ-то иностраннымъ хищникамъ, довольствуясь взиманіемъ съ нихъ до смѣшного скромной арендной или долевой платы, и предоставляя этимъ хищникамъ держать всю Россію подъ самымъ жестокимъ игомъ безсовѣстнѣйшей монополіи! Государство смотритъ на свои нефтяныя богатства лишь какъ на «доходную статью», тогда какъ на самомъ дѣлѣ богатства эти являются источникомъ не только государственныхъ доходовъ, но и государственнаго могущества, и государственной независимости.

Государство, въ виду этого, несомнѣнно, исправитъ допущенную имъ роковую, ошибку и вернетъ себѣ полную, неограниченную власть надъ всѣми своими нефтеносными землями.

Если въ Россіи можетъ или должна существовать нефтяная монополія, то монополія эта можетъ быть только государственною: она должна находиться въ рукахъ Русскаго Правительства, Русской Казны, а никакъ не въ рукахъ какихъ-либо, хотя бы и русскихъ, откупщиковъ, не говоря уже объ откупщикахъ иностранныхъ, смотрящихъ на Россію, какъ на удобный объектъ для хищнической эксплуатаціи.

Къ этому необходимому, простому и единственно-правильному рѣшенію нефтянаго вопроса мы непремѣнно и придемъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Для Русскихъ людей яснѣе Божьяго дня, что одна Россія должна извлекать всѣ богатства и связанную съ ними громадную силу изъ своихъ нефтеносныхъ земель, и что отнынѣ часть ея законодательной дѣятельности должна быть направлена къ окончательному отобранію этихъ земель у иностранныхъ и инородныхъ эксплуататоровъ (посредствомъ выкупа, отчужденія и другихъ законныхъ мѣръ) и къ организаціи совершенно новаго управленія этими землями, которое можетъ быть какимъ угодно, лишь бы оно всецѣло служило исключительно интересамъ Россіи и Русскаго народа.

Для достиженія этого безусловно необходимаго результата потребуется много законодательнаго, организаторскаго и административнаго труда, потребуются, вѣроятно, и временныя серіозныя финансовыя жертвы. Но этому труду соотвѣтствуетъ и величіе поставленной ему государственной задачи, а финансовыя жертвы вознаградятся затѣмъ сторицей.

Къ тому же, трудъ этотъ будетъ несравненно болѣе легкимъ, чѣмъ тотъ, который былъ потраченъ на такое, напримѣръ, крупное государственное дѣло, какъ организація казенной винной монополіи.

А по своей экономической плодотворности государственное нефтяное управленіе, во всякомъ случаѣ, не уступитъ въ своемъ значеніи винной монополіи, а, можетъ быть, и превзойдетъ ее.

XLVI.

Будетъ ли война?

Со всѣхъ сторонъ насъ осаждаютъ этимъ вопросомъ.

— Будетъ ли у насъ война на Дальнемъ Востокѣ?

— Съ кѣмъ война?

— Да тамъ съ Японцами, что ли, или съ Китайцами, а то можетъ и съ Англичанами или Американцами.

— Да изъ-за чего же война?

— Да изъ-за Маньчжуріи, что ли, или изъ-за Кореи...

Такіе вопросы отлично характеризуютъ то смутное представленіе, которое русское общество имѣетъ о нашемъ положеніи на Дальнемъ Востокѣ.

Прежде всего необходимо констатировать, что Россія не желаетъ никакой войны ни въ Азіи, ни въ Европѣ, ни на Дальнемъ, ни на Ближнемъ Востокѣ. А если Россіи войны не желаетъ, то кто же можетъ ей навязать войну?

Неужели можно придавать серіозное значеніе какимъ-то «ультиматумамъ», которыми Японцы хотятъ запугать Русское Правительство? Вѣдь Россія не желаетъ войны не потому, чтобъ она ея боялась, а просто потому, что она *не желаетъ* ея. А это не одно и то же.

Александръ III потому и получилъ великое наименованіе Миротворца, что никогда не выказывалъ какого бы то ни было страха Россіи предъ войной, а заставлялъ всѣхъ преклоняться предъ Своею твердою, несокрушимою волей, дѣлавшею всякую войну невозможною.

Такъ и теперь рѣшеніе вопроса о томъ: быть или не быть войнѣ,—все цѣло зависитъ отъ одной только Россіи, все равно будутъ, или не будутъ ее «пугать».

Вѣдь всѣ эти «пуганія» имѣютъ одну только цѣль: узнать—смутится ли Россія предъ ними, или нѣтъ?

Если смутится, то будетъ война; если нѣтъ, то войны не будетъ.

Мнѣ припоминается разсказъ о двухъ помѣщикахъ-сосѣдяхъ Тамбовской губерніи, слышанный мною въ восьмидесятыхъ годахъ.

У одного было громадное благоустроенное имѣніе, которымъ управлялъ опытный агрономъ, самъ же помѣщикъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ занималъ видный административный постъ. Сосѣдъ его, наоборотъ, былъ мѣстный кулакъ изъ тамбовскихъ мѣщанъ, истощившій хищническою культурой свое небольшое, купленное на аукціонѣ, помѣстье и старавшійся урвать что нибудь подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ изъ луговъ или пахотной земли сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Это былъ мелочной сутяга и крючкотворъ, измышлявшій всевозможныя клаузы и имѣвшій вѣчныя дѣла во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ.

Пріѣзжаетъ, однажды, агрономъ въ Москву къ своему хозяину, богатому помѣщику,—назовемъ его С.,—и сообщаетъ, что вышеназванный сосѣдъ его Т—нъ началъ искъ, чтобъ оттягать у С. полторы десятины спорнаго будто бы лѣса.

— Что же вы думаете дѣлать? спрашиваетъ С.

— Да уступить ему этотъ ничтожный клочокъ.—Стóитъ ли изъ за такихъ пустяковъ судиться съ этимъ негодяемъ?

— Да, онъ негодяй, отвѣтилъ С.,—но потому-то именно я и полдесятина своей земли не уступлю. Развѣ вы не видите, что онъ только пытаетъ насъ, боимся ли мы процесса, или нѣтъ. Теперь у него нѣтъ никакихъ шансовъ выиграть процессъ о полутора десятинахъ. Но если мы ихъ ему добровольно уступимъ, то эта наша уступка будетъ истолкована не только имъ, но и другими, что мы не увѣрены въ правотѣ нашего дѣла, и что поэтому можно возбудить новый искъ объ отчужденіи у насъ уже не полутора, а полутораста десятинъ. А если мы и тогда уступимъ, то отъ насъ онъ потребуетъ полторы тысячи десятинъ на основаніи того, что у насъ де, очевидно, совѣсть не чиста, такъ какъ мы первыми уступками хотѣли подкупить его и заставить отказаться отъ его правъ на нашу землю. И легко можетъ статься, что судъ согласится съ подобными его аргументами Нѣтъ, я ему этихъ полторы десятины не дамъ. Скажите ему, что я никакого процесса съ нимъ имѣть *не желаю*, а потому и объявляю ему: пусть онъ, если хочетъ, начинаетъ со мной процессъ.

Агрономъ вернулся въ Тамбовскую губернію, объявилъ кляузнику Т—ну это категорическое рѣшеніе, и Т—нъ немедленно отказался отъ всякаго намѣренія начать процессъ противъ С., убѣдясь въ томъ, что С. процесса не боится.

Весь вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ, чтобы какъ Японцы, такъ и Китайцы, какъ Англичане, такъ и Американцы, были твердо убѣждены, что никакія угрозы не могутъ побудить Россію поступиться своими законными правами, такъ такъ Россія никакой войны не боится. Тогда несомнѣнно никакой войны и не будетъ.

А права, которыя мы защищаемъ въ Маньчжуріи, являются, дѣйствительно, нашими законными правами, которыя мы пріобрѣли тамъ Русскою кровью и русскимъ достояніемъ. Можемъ ли мы допустить хоть на минуту мысль, что Россія откажется отъ этихъ правъ? Конечно, нѣтъ.

А въ такомъ случаѣ мы можемъ быть покойны: войны не будетъ.

XLVII.

Г. Струве и его антагонисты.

Мы не разъ уже указывали на постыдную дѣятельность бѣглаго марксиста Струве, занимающагося за границей революціонно-соціалистическою пропагандой и находящаго себѣ поддержку, какъ онъ увѣряетъ, въ «лучшихъ представителяхъ нашего земства».

Такъ, еще 25 мая, въ нашей статьѣ «Подпольное земство» мы высказывали свое удивленіе, что съ г. Струве еще такъ недавно носились во вліятельныхъ сферахъ Невской столицы, какъ съ какимъ-то серіознымъ научнымъ авторитетомъ, тогда какъ онъ и тогда уже былъ тѣмъ, чѣмъ вполнѣ обнаружился теперь —самымъ банальнымъ русскимъ революціонеромъ и низкимъ пасквилянтомъ.

Какъ въ этой статьѣ, такъ и въ статьѣ «Заграничныя басни о Россіи», напечатанной нами 1 іюля, мы подробно разобрали дѣятельность г. Струве и сотрудничающихъ въ его подпольномъ изданіи писакъ и привели цѣлый рядъ примѣровъ, характеризующихъ эту «почтенную» дѣятельность. Вмѣстѣ съ тѣмъ

мы изумлялись и той откровенности, съ какою г. Струве раскрываетъ тайныя карты нашихъ либераловъ, «легальные» представители которыхъ могли отнестись за эти неожиданныя разоблаченія лишь съ величайшимъ неудовольствіемъ къ своему «подпольному» коллегѣ.

«Мы увѣрены,— говорили мы,— что они въ этомъ отношеніи отрекутся отъ г. Струве, не потому, чтобъ они не сочувствовали его *цѣлямъ*, а потому, что пускаемыя имъ въ ходъ *средства* вызываютъ какъ разъ обратное впечатлѣніе.

Прошло затѣмъ два мѣсяца, и вотъ возсталъ г. Буренинъ, рѣшившійся «высмѣять» г. Струве двумя статьями, полными того спеціальнаго юмора, который свойственъ одному лишь этому публицисту *Новаго Времени*.

Г. Буренинъ исходилъ изъ того извѣстнаго полемическаго принципа, который Французы выражаютъ словами *c'est le ridicule qui tue*. Дѣйствительно, очень часто достаточно бываетъ высмѣять человѣка, выставить его въ шутовскомъ видѣ, нарисовать его карикатуру, чтобъ окончательно его убить.

Мы въ свое время сообщили нашимъ читателямъ *) о тѣхъ ударахъ весьма своеобразнаго бича, которыми г. Буренинъ отхлесталъ г. Струве, этого, какъ онъ выразился, «смѣшно и глупо хрюкающаго мимо-революціоннаго поросенка», который де «воображаетъ, что онъ превосходно ««срамляетъ»» Россію глупымъ печатаніемъ глупыхъ клеветъ и сплетенъ и служитъ ««дѣлу революціи»», но въ сущности срамляетъ только самого себя и никого болѣе, а служитъ лишь дѣлу печатнаго легкомыслія».

Вотъ еслибы г. Струве, по мнѣнію г. Буренина, *дѣйствительно* служилъ «дѣлу революціи», то г. Буренинъ о немъ очевидно отозвался бы совершенно иначе.

Прошло еще два мѣсяца, и противъ г. Струве выступилъ *spiritus rector Петербургскихъ Вѣдомостей* г. С — нъ, который, однако, въ своей полемикѣ подошелъ къ г. Струве съ совершенно иной стороны, нежели г. Буренинъ.

Г. С—нъ уличилъ г. Струве въ томъ, что онъ ведетъ свою пропаганду на еврейскія деньги и указалъ даже тотъ еврейскій источникъ, изъ котораго г. Струве получаетъ эту искаріотскую субсидію. Источникъ этотъ находится де въ рукахъ нѣкоего Боруха Минцеса, «австрійскаго шпіона и Русскаго (!) революціонера, редактирующаго вѣнскую газету *Zeit*».

Г. С — нъ упрекнулъ г. Струве и въ томъ, что онъ одобряетъ политическія преступленія, печатаетъ сплетни и пользуется выкраденными документами.

Мы вполнѣ признаемъ гражданскую заслугу гг. Буренина и С—на, рѣшившихся, наконецъ, въ свою очередь тоже сорвать маску съ подвизающагося въ Штутгартѣ кумира нашихъ «либераловъ». Они дѣйствительно вполнѣ вѣрно изображаютъ презрѣнную личность этого господина, котораго г. Буренинъ представляетъ въ комическомъ видѣ «тупоумнаго педанта, лѣзущаго изъ своей толстой кожи, чтобы сравняться съ Герценомъ», а г. С—нъ — въ видѣ несчастнаго, свихнувшагося съ пути Русскаго человѣка, попавшаго въ еврейскія лапы.

Но, къ сожалѣнію, ни г. Буренинъ, ни г. С—нъ не касаются главной преступной *цѣли* той пропаганды, которую ведетъ г. Струве. Они порицаютъ его лишь за то, что онъ стремится къ этой цѣли, не имѣя для этого надле-

*) См. *Моск. Вѣд.*, 1903 г., № 251.

жащаго таланта (г. Буренинъ), или же что онъ стремится къ ней, пользуясь для этого еврейскими деньгами и воровскими средствами (г. С—нъ).

Г. С—нъ вообще очень скорбитъ о г. Струве и въ сущности очень уважаетъ его «убѣжденія».

Такъ, возвращаясь въ № 325 *Петербургскихъ Вѣдомостей* къ вопросу о еврейской субсидіи, получаемой бѣглымъ марксистомъ изъ рукъ г. Боруха Минцеса, г. С—нъ расшаркивается предъ г. Струве, называетъ его «Русскимъ изгнанникомъ» (хотя никто изъ Россіи г. Струве никогда не изгонялъ), предполагаетъ въ этомъ низкомъ клеветникѣ «и любовь къ родинѣ, и сердце, и прямую честь» (!!) и «продолжаетъ надѣяться, что онъ, по зрѣломъ размышленіи, убѣдится въ необходимости отказаться отъ *некорректности* (!) пріемовъ, которыми онъ увлекся, а это онъ можетъ сдѣлать, *не измѣняя своихъ убѣжденій*, и дай Богъ, чтобы онъ это сдѣлалъ» *).

Ah, qu'en beaux termes ces choses-là sont dites.

Г. Струве, видите ли, «не корректенъ». Хороша «некорректность», заключающаяся въ гнусномъ оклеветаніи Россіи на еврейскія деньги и въ прославленіи убійствъ и всякаго рода насилій!

Хороши же и «убѣжденія» этого негодяя, предъ которыми г. С—нъ, однако, преклоняется!

Въ самомъ дѣлѣ, г. С—нъ «*проситъ*» г. Струве только «изъ простой благовоспитанности не относиться непочтительно къ тѣмъ, чье имя дорого Русскому сердцу». Онъ «*проситъ*» его «не соскальзывать на путь пропаганды преступленія, насилія и софистическихъ оправданій гнусностей, которыхъ онъ самъ одобрять не можетъ безъ противорѣчій себѣ» (?). (На самомъ же дѣлѣ г. Струве, оправдывая гнусности, является вполнѣ вѣренъ своему характеру.) Наконецъ, г. С—нъ опять-таки «*проситъ*» г. Струве «строже относиться къ провѣркѣ матеріала, получаемаго изъ Россіи, и не давать мѣста (на радость иностранцамъ) злобнымъ и невѣроятнымъ клеветамъ на Россію и все Русское», такъ какъ де «наша дѣйствительность и безъ клеветы на нее достаточно печальна».

Какія это все унизительныя «просьбы» Русскаго человѣка передъ отъявленнымъ негодяемъ и врагомъ Россіи!

Такъ, значитъ, если г. Струве будетъ издавать свои пасквили не на еврейскія, а на какія-либо иныя деньги, если онъ будетъ вести свою пропаганду въ болѣе «почтительномъ» тонѣ и въ «благовоспитанномъ» стилѣ, безъ софистическихъ оправданій гнусностей и съ большею критикой получаемаго имъ изъ Россіи краденаго матеріала, и если онъ при этомъ останется «при своихъ убѣжденіяхъ», то г. С—нъ найдетъ его поведеніе не возмутительнымъ, а вполнѣ «корректнымъ»?!

А въ чемъ заключаются «убѣжденія» г. Струве? Онъ ихъ нисколько не скрываетъ: онъ возстаетъ противъ Самодержавнаго принципа Русской Государственной Власти и подсовываетъ Русскому народу изъ подъ своей воровской полы негоднѣйшую, во всей Европѣ опозорившуюся, «конституцію»!

Вотъ въ чемъ заключается истинная гнусность его дѣятельности,— въ этомъ безсовѣстномъ, сознательномъ *обманѣ*, а не въ томъ, что онъ хочетъ произвести этотъ возмутительный обманъ на тѣ или другія деньги, съ боль

*) Курсивы вездѣ наши.

шею или меньшею «благовоспитанностію», съ большею или меньшею «корректностію».

Мы еще понимаемъ, что можно было рекомендовать Россіи «конституцію» и «парламентскій режимъ» въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда лишь ясные и прозорливые умы предвидѣли то жалкое крушеніе, которому парламентская система должна была къ концу XIX вѣка неизбѣжно подвергнуться въ Западной Европѣ. Тогда могли ею увлекаться даже вполнѣ почтенные представители нашего западническаго лагеря.

Но *теперь*, когда полная негодность и развращающее дѣйствіе парламентаризма уже обнаружились съ полною очевидностью; *теперь*, когда примѣненіе парламентаризма къ Россіи является чудовищною нелѣпостью въ глазахъ каждаго Русскаго человѣка, обладающаго хотя каплей здраваго смысла; *теперь*, когда даже г. Суворинъ понялъ эту азбучную истину и торжественно провозгласилъ: «*Парламентаризмъ Россію я не могу себѣ представить*»*),—какъ же можно еще *теперь* рекомендовать Россіи такую грязную, изношенную гниль, какъ «конституцію», не будучи либо наглымъ обманщикомъ, либо круглымъ идіотомъ?

Кѣмъ же является г. Струве? Очевидно, къ нему примѣнима лишь первая изъ этихъ двухъ альтернативъ. Такъ можно ли еще говорить объ его «убѣжденіяхъ?» Стоитъ ли распространяться о его *средствахъ*, когда всего возмутительнѣе его *цѣль?*

Да, г. Струве прибѣгаетъ къ отвратительнымъ *средствамъ*. Но развѣ не смѣшно и не унизительно просить *такого* негодяя, чтобъ онъ выбралъ для своей столь отвратительной цѣли другія средства?

Вѣдь мошенникъ, остающійся вѣрнымъ себѣ и дѣйствующій грубыми мошенническими средствами, менѣе опасенъ, чѣмъ еслибъ онъ надѣлъ на себя маску благовоспитанности и корректности и этимъ вводилъ бы въ заблужденіе массу людей, которые не попали бы на его удочку, еслибъ онъ оперировалъ безъ этой маски. Вотъ еслибы г. Струве *послушался* г. С—на, онъ дѣйствительно сталъ бы опаснымъ пропагандистомъ, ведущимъ свою революціонную проповѣдь въ «корректной и благовоспитанной» формѣ.

Мы еще разъ повторяемъ: тутъ дѣло не въ *формѣ* пропаганды, а въ ея преступной *сути*, не въ ея *средствахъ*, а въ ея возмутительной *цѣли*.

А развѣ г. С—нъ не знаетъ, какова *цѣль* г. Струве?

Вотъ противъ этой именно *цѣли* необходимо громко и дружно протестовать всѣмъ Русскимъ людямъ, называющимъ себя вѣрными подданными Русскаго Самодержавнаго Царя; вотъ противъ этой *цѣли* намъ нужно всѣмъ бороться, какія бы средства наши враги ни избирали для ея достиженія.

XLVIII.

Казенная нефтяная монополія.

Все настойчивѣе нашъ нефтяной вопросъ требуетъ окончательнаго государственнаго разрѣшенія. Онъ за послѣднее время такъ обострился, что долѣе его неразрѣшеннымъ, или полуразрѣшеннымъ, оставлять нельзя. Онъ за-

*) № 9.943 *Новаго Времени*, отъ 8 ноября 1903 года.

трогиваетъ слишкомъ существенные, не только экономическіе и биржевые, но и національные и политическіе интересы Россіи, чтобы Русское Правительство могло равнодушно относиться къ столь ненормальному явленію, видя, что эти интересы находятся въ зависимости отъ хищническихъ спекуляцій частныхъ лицъ, для которыхъ святы лишь интересы собственнаго кармана.

Развѣ, въ сущности, не все равно, будутъ ли набивать свои карманы русскими кровными деньгами русскіе, армянскіе, еврейскіе или англійскіе капиталисты? Правда, лучше уже, чтобъ эти деньги оставались въ Россіи, а не уходили за границу, и въ настоящемъ переходномъ положеніи вопроса нужно, конечно, желать чтобы на Биби-Эйбатѣ русскій и даже русско-армянскій синдикатъ одержалъ верхъ надъ синдикатомъ англо еврейскимъ. Но мы не должны забывать, что всякій нефтяной синдикатъ есть не что иное какъ своекорыстная стачка крупныхъ промышленниковъ, направленная противъ интересовъ Русскаго государства и Русскаго народа, для которыхъ одинаково будетъ невыносимо платить тяжелую контрибуцію частнымъ нефтянымъ монополистамъ, все равно—будутъ ли они носить русское или иностранное имя.

Къ тому же, всякій русскій синдикатъ всегда можетъ въ одно мгновеніе перейти, если не прямо въ руки, то «подъ руку» иностранцевъ, хотя бы того же Ротшильда. Слишкомъ уже неравны шансы борьбы русскихъ милліоновъ съ ротшильдовскими милліардами.

Развѣ мы не видимъ, какъ, даже въ Биби-Эйбатскомъ вопросѣ, въ которомъ само Правительство старается обезпечить побѣду «русскому» дѣлу, до сихъ поръ еще побѣда эта грозитъ перейти на сторону Ротшильда? Лишь половина прежнихъ арендаторовъ Биби-Эйбатскихъ участковъ дала робкое «газетное» обязательство не перепродавать своихъ участковъ Ротшильду, а остальные, очевидно, съ величайшею готовностью продадутъ ему все, что̀ угодно, и самихъ себя въ придачу, коль скоро онъ предложитъ имъ «подходящую цѣну». Неужели они хоть на минуту поколеблются въ выборѣ между интересами Россіи и интересами собственной мошны? Вѣдь, приходится же придумывать разныя казуистическія ухищренія, которыя должны быть внесены въ новые контракты старыхъ арендаторовъ, чтобы затруднить имъ возможность обмануть Правительство и разстроить всѣ его благія намѣренія, переуступивъ свои участки, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, все тому же всемогущему Ротшильду. А развѣ Ротшильдъ не имѣетъ ко своимъ услугамъ весь цвѣтъ русской и заграничной еврейской адвокатуры, которая сумѣетъ обойти какія угодно контрактныя ухищренія?

Нѣтъ, все это нужно оставить. Нужно стать выше всего этого кляузничества, выше какихъ бы то ни было частныхъ интересовъ въ государственномъ дѣлѣ столь громадной важности.

Изо всѣхъ несмѣтныхъ богатствъ, которыя Русская земля таитъ въ своихъ нѣдрахъ, самымъ драгоцѣннымъ сокровищемъ являются тѣ обширные, почти неистощимые, запасы нефти, которые обезпечиваютъ не только внутреннее благосостояніе Россіи, но и внѣшнее міровое ея могущество. И этотъ столь сильный рычагъ благосостоянія, независимости и величія Русскаго народа мы оставляемъ въ рукахъ не только русскихъ, но и иностранныхъ эксплуататоровъ и гешефтмахеровъ, предоставляя имъ по ихъ усмотрѣнію налагать милліонныя контрибуціи на русскую казну, на русскій флотъ, на русскія желѣзныя дороги, на русскую промышленность и на все населеніе Россіи!

Неужели нужно еще доказывать всю вопіющую нелѣпость этого явленія?

Развѣ тутъ можетъ быть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что такое государственное сокровище, какъ нефть, должно быть признано *государственною регаліей*, и что нефтяная промышленность должна находиться *въ рукахъ самого государства?*

Нефть, какъ въ видѣ мазута, такъ и въ видѣ керосина, стала въ настоящее время почти предметомъ первой необходимости, который долженъ быть доступенъ всѣмъ потребителямъ въ Россіи, будутъ ли то казенныя и общественныя учрежденія или частныя лица, по самой минимальной цѣнѣ, которая покрывала бы только эксплуатаціонные и транспортные расходы нефтяныхъ продуктовъ, тогда какъ цѣна вывозной нефти регулировалась бы потребностями міровыхъ рынковъ и интересами Русской Государственной Казны.

Такой порядокъ былъ бы, конечно, порядкомъ нормальнымъ, и достигнуть его можно лишь введеніемъ *казенной нефтяной монополіи.*

Мы уже говорили раньше *) о томъ, что нисколько не скрываемъ отъ себя всей трудности организаціи столь важнаго государственнаго дѣла. Но организація его отличается несравненно большею легкостью и меньшею сложностью, чѣмъ, напримѣръ, организація казенной винной монополіи, потребовавшей милліонныхъ расходовъ на оборудованіе и содержаніе всѣхъ связанныхъ съ нею разнородныхъ, какъ крупныхъ, такъ и безчисленныхъ мелкихъ, учрежденій. Нефтяная промышленность сама по себѣ отличается гораздо большею простотой, чѣмъ промышленность водочная, а потому требуетъ со стороны Правительства вовсе не особенно сложнаго контроля.

Мы не приминемъ подробнѣе развить примѣрную систему казенной нефтяной монополіи, въ которой частной иниціативѣ и предпріимчивости должна быть предоставлена значительная сфера дѣятельности, какъ въ эксплуатаціи нефтяныхъ запасовъ, такъ и въ обработкѣ и продажѣ ихъ. О какой-либо «мертвящей казенщинѣ» тутъ не должно быть и рѣчи. Важно лишь то, чтобы въ нефтяномъ дѣлѣ не участвовала ни биржевая, ни какая-либо иная хищническая спекуляція, повышающая и понижающая нефтяныя цѣны и нефтяныя акціи въ исключительномъ интересѣ небольшой группы частныхъ лицъ, строящихъ свое благополучіе на разореніи Русскаго народа.

Да,—мы еще разъ повторяемъ,—организовать казенную нефтяную монополію будетъ дѣломъ весьма серіознымъ, но и весьма благодарнымъ для того государственнаго дѣятеля, который возьметъ эту организацію въ свои руки, доведетъ ее до конца и этимъ создастъ себѣ вѣчный памятникъ въ глазахъ современной и будущей Россіи. Онъ явится истиннымъ благодѣтелемъ государства, обезпечивъ ему внутреннее благосостояніе и внѣшнюю независимость и силу.

Развѣ можно сравнить несомнѣнное благодѣяніе правильно-организованной казенной *нефтяной* монополіи съ весьма сомнительною пользой *винной* монополіи, которая уже тѣмъ грѣшитъ, что преслѣдуетъ двѣ совершенно противоположныя другъ другу цѣли—отрезвленіе народа и обогащеніе казны посредствомъ усиленной водочной продажи.

Ничего подобнаго въ нефтяной монополіи, конечно, и быть не можетъ. Всѣ цѣли ея не противорѣчатъ другъ другу, а находятся между собою въ полной гармоніи. Чѣмъ дешевле будутъ нефтяные продукты, тѣмъ шире (:-

---

*) См. *Московскія Вѣдомости* 1903 г., № 314.

детъ ихъ потребленіе въ промышленности и въ народѣ, тѣмъ больше сбереженій и достатка будетъ у этого народа, тѣмъ обильнѣе, слѣдовательно, будутъ и источники государственныхъ доходовъ.

А если, въ годину какого-либо, не дай Богъ, бѣдствія, Государственная Казна потребуетъ временнаго усиленія своихъ рессурсовъ, достаточно будетъ ей набавить *полкопѣйки* на пудъ нефти, и вотъ уже въ Казнѣ окажутся лишніе *три милліона рублей*. Народъ Русскій въ такомъ случаѣ охотно перенесетъ надбавку даже одной или двухъ копѣекъ, зная, что онъ несетъ эту лепту на алтарь отечества, тогда какъ теперь, кто же изъ насъ можетъ мириться съ мыслію, что Русскій народъ вынужденъ платить, напримѣръ въ настоящее время, неслыханныя цѣны за нефтяные продукты, покорно принося эту жертву золотому тельцу г. Ротшильда?

Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что рано или поздно Россія должна будетъ учредить у себя государственное нефтяное дѣло.

Дай только Богъ, чтобъ это случилось рано, а не поздно.

XLIX.

Война.

Да, легко можетъ быть и война.

Война нами нежеланная, намъ навязанная, но, тѣмъ не менѣе, а можетъ-быть потому именно и неизбѣжная.

Мы такъ убѣдительно говорили, что мы войны не желаемъ, что убѣдили въ этомъ нашихъ противниковъ, принявшихъ наше миролюбіе за безсиліе, за малодушіе, и рѣшившихъ широко воспользоваться этими мнимыми нашими недостатками. Эта иллюзія такъ вскружила имъ головы и такъ взвинтила ихъ дерзкія притязанія, что теперь и имъ уже нельзя отступить назадъ, и намъ нельзя долѣе сохранять свою сдержанность. А потому легко можетъ быть, что намъ поневолѣ придется для самозащиты обнажить и свой мечъ.

Въ этомъ и заключаются роковыя послѣдствія извращеннаго Толстымъ евангельскаго ученія о «непротивленіи злу», въ особенности если это извращенное ученіе примѣняется не къ частной жизни вѣрующаго христіанина, а къ политической жизни цѣлаго народа. Достаточно, чтобъ о какомъ-либо народѣ составилось убѣжденіе, что онъ никогда, ни подъ какимъ предлогомъ войны вести не будетъ, чтобъ у его противниковъ возгорѣлось хищническое желаніе воспользоваться всѣмъ, что «плохо лежитъ» у благодушнаго сосѣда. Вся ошибочность Толстовской теоріи заключается именно въ томъ, что грозное наступающее зло можно, будто бы, обезоружить дѣлаемыми ему миролюбивыми уступками. На самомъ же дѣлѣ эти уступки могутъ лишь увеличить самоувѣренность зла и усилить его дерзкую волю до слѣпого фанатизма.

Намъ вспоминается разсказъ, прочитанный нами когда-то въ одномъ изъ романовъ Фенимора Купера или Густава Эмара.

Большая партія «блѣдноликихъ» піонеровъ, хорошо вооруженная огнестрѣльнымъ оружіемъ, глубоко затесалась въ преріи «Дальняго Запада» и поселилась на берегу озера въ плодородной мѣстности. Сосѣдніе краснокожіе Индійцы косо поглядывали на новоселовъ, но помалкивали предъ ихъ спокойнымъ, рѣшительнымъ образомъ дѣйствія. Но, по прошествіи нѣкотораго вре-

мени, они засылаютъ къ европейскимъ піонерамъ «мирное посольство», съ вопросомъ, когда «блѣднолицые» думаютъ уйти съ береговъ озера, принадлежащаго де краснокожимъ. Отвѣтъ былъ очень кратокъ:

— Намъ здѣсь хорошо, и мы отсюда никогда не уйдемъ.

Посланцы выкурили съ Европейцами «трубку мира» и вернулись восвояси. Индійцы успокоились и вступили даже со своими новыми сосѣдями въ пріятельскія сношенія. Они, очевидно, примирились съ перспективой, что «блѣднолицые» не уйдутъ и краснокожихъ не боятся.

Но вотъ, какъ-то между сосѣдями произошла размолвка изъ-за рыбной ловли, и въ поселеніе Европейцевъ снова явилось краснокожее посольство и снова предъявило вопросъ: когда «блѣднолицые» думаютъ уйти съ береговъ озера?

Вмѣсто того чтобы дать тотъ же прямой и твердый отвѣтъ, какъ въ первый разъ, піонеры сперва рѣшили между собой посовѣтоваться.

Какъ только глава краснокожаго посольства узналъ объ этомъ предварительномъ совѣщаніи, онъ тотчасъ возвысилъ голосъ и превратилъ свой мирный вопросъ въ грозное требованіе:

— Мы даемъ вамъ здѣсь жить *полгода*, а затѣмъ вы должны уйти отсюда.

На совѣщаніи піонеровъ мнѣнія раздѣлились. Одни настаивали на томъ, чтобы заявить краснокожимъ, что «блѣднолицые» ни въ какомъ случаѣ не уйдутъ, другіе совѣтовали «не раздражать сосѣдей, а пойти на уступки и поразить ихъ кротостью и «миролюбіемъ». Напрасно старый опытный піонеръ доказывалъ нелѣпость такого совѣта, принятіе котораго именно и раздражитъ краснокожихъ, и приведетъ къ гибели всего поселенія,— «миролюбивая партія взяла верхъ, и посольству былъ данъ такой отвѣтъ:

— Хорошо, вы правы, мы уйдемъ. А чтобы вы видѣли нашу справедливость и наше миролюбіе, мы вамъ обѣщаемъ уйти уже *черезъ три мѣсяца*.

Краснокожіе ушли, но на другой же день явилось новое посольство, потребовавшее, чтобы всѣ блѣднолицые ушли *черезъ недѣлю*, а когда піонеры согласились и на это условіе, то въ слѣдующую же ночь краснокожіе напали на европейскія поселенія и истребили всѣхъ піонеровъ.

Впослѣдствіи явились правительственныя войска, наложившія тяжкую кару на это краснокожее племя за совершенный имъ возмутительный поступокъ. На вопросъ, предложенный вождю этого племени, за что же оно истребило Европейцевъ, которые добровольно согласились уйти, онъ отвѣтилъ:

— Намъ досадно было, что мы такъ долго боялись людей, которые оказались трусами. Еслибъ они намъ не уступили и не обѣщались уйти, мы теперь бы еще жили съ ними добрыми сосѣдями. Я теперь самъ вижу, что не слѣдовало убивать этихъ блѣднолицыхъ, но я въ то время не могъ бы удержать своихъ людей, которые такъ обрадовались, узнавъ, что блѣднолицые не хотятъ съ ними драться. Вотъ почему мы рѣшили разъ навсегда покончить съ ними, чтобъ они впредь не вздумали возвращаться къ нашему озеру. Мы тутъ не виноваты. Блѣднолицые сами вызвали наше нападеніе своею уступчивостью, и мы не могли устоять противъ соблазна.

Японцы хотятъ навязать намъ войну, въ надеждѣ, что мы уклонимся отъ войны и согласимся на всѣ ихъ требованія. Сами они войны также не желаютъ, но, подстрекаемые Англичанами, такъ зарвались въ своихъ требованіяхъ, предаваясь иллюзіи о нашей мнимой «безграничной уступчивости»,

что ихъ теперь уже обуялъ лождый стыдъ предъ Европой, которая принимала де въ серіозъ ихъ кичливый задоръ и получитъ де о Японіи очень жалкое представленіе, если этотъ пигмей понизитъ свой тонъ азартнаго забіяки. Вѣдь пигмеи, какъ извѣстно, самый надменный и тщеславный народъ.

Мы не станемъ изслѣдовать тѣхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ у Японцевъ могла возникнуть такая иллюзія о мнимо-«безграничной уступчивости» Россіи. Для всѣхъ Русскихъ ясно лишь одно, что *этой иллюзіи необходимо положить конецъ*, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; а если для этого нѣтъ другого средства кромѣ войны, то мы должны рѣшиться на эту войну, какъ бы она намъ ни казалась нежелательною.

Но этого мало. Мы должны сознательно и твердо рѣшиться, въ случаѣ надобности, на эту войну не только для того, чтобы разсѣять нелѣпую иллюзію, создавшуюся въ пораженномъ мегаломаніей воображеніи Японцевъ, но и для того, чтобы не дать зародиться такой же иллюзіи въ умахъ народовъ Востока и Запада, зорко слѣдящихъ съ притаеннымъ дыханіемъ за развитіемъ Русско-Японскаго столкновенія.

Россія является для всѣхъ этихъ народовъ великимъ, загадочнымъ сфинксомъ; да такимъ сфинксомъ, по правдѣ сказать, она представляется и намъ самимъ, старающимся разгадать ее, Русскимъ. Развѣ мы сами не предаемся иногда тоже пустымъ иллюзіямъ, воображая себѣ Россію въ безвыходномъ положеніи, какъ это было напримѣръ въ 1612 году, въ 1812, въ 1863, въ 1881 году? А между тѣмъ собиравшаяся надъ ея головой гроза разражалась всякій разъ, чтобъ очистить сгустившійся вокругъ нея воздухъ, оздоровить и прояснить умъ и душу Русскихъ людей и проявить неизсякаемые источники крѣпости духа и непоколебимости вѣры Русскаго народа.

Да, но у *насъ* сохранилось, въ виду этихъ многократныхъ примѣровъ ниспосланной намъ Небесной помощи въ труднѣйшія времена, пережитыя Россіей,—въ насъ сохранилось твердое упованіе на то, что Господь насъ и впредь не оставитъ Своею благостью, и что даже тяжкія кары, которыми Онъ по временамъ посѣщаетъ Русскій народъ, всегда будутъ служить лишь на пользу и во славу Святой Россіи. Мы знаемъ, что, когда нашъ слабый человѣческій умъ отказывается постигать окружающія насъ щемящія душу явленія, мы имѣемъ возможность воскликнуть съ искреннею, глубокою вѣрой: «никто какъ Богъ!»—зная, что потомки наши поймутъ, для чего именно нужно Россіи испытывать то, что она испытываетъ въ тотъ или другой періодъ своихъ бѣдствій.

Но такого взгляда на судьбу Россіи наши восточные и западные сосѣди, конечно, не имѣютъ и имѣть не могутъ. Они судятъ о столь загадочной для нихъ Россіи не по скрытой отъ нихъ внутренней ея мощи, а лишь по внѣшнимъ ея проявленіямъ.

Вотъ почему мы никогда не должны забывать золотого правила, такъ мѣтко выраженнаго Русскимъ народнымъ умомъ: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай!» Мы не имѣемъ права «плошать» передъ Западомъ, а еще менѣе передъ Востокомъ, который весь сразу поднимется на насъ, если только онъ заразится японскою иллюзіей о «безграничной уступчивости» Россіи.

Вотъ почему возникшій на нашихъ глазахъ Русско-Японскій конфликтъ имѣетъ не мѣстное только, но и громадное міровое значеніе. Отъ исхода его зависитъ дальнѣйшее положеніе Россіи на Востокѣ, а слѣдовательно и на Западѣ. Отъ исхода его зависитъ и вся дальнѣйшая внутренняя наша жизнь.

Вотъ, наконецъ, почему нельзя не желать, чтобы нашей дипломатіи все-таки удалось отстранить отъ насъ военную грозу безо всякаго ущерба достоинству и обаянію Россіи. Если же, наче чаянія, достигнуть этого окажется невозможнымъ, то пусть разразится эта гроза, пусть разсѣетъ она заволокнувшій насъ туманъ, со всѣми его тревожными фантасмагоріями, и пусть вернетъ она намъ чистую, бодрящую, здоровую атмосферу, въ которой снова развернется во всю ширь внутренняя духовная мощь Русскаго народа подъ твердою, нарушимою эгидой Православнаго Царскаго Самодержавія.

L.

Церковный вопросъ.

Мы только-что имѣли разговоръ съ типичнымъ русскимъ интеллигентомъ, «интересующимся» церковнымъ вопросомъ.

Разговорились мы прежде всего по поводу вопроса объ «упорствующихъ» въ Холмщинѣ и Подляшьѣ. Собесѣдникъ нашъ, только-что пріѣхавшій изъ этого края, привезъ съ собой рецептъ для разрѣшенія этого весьма сложнаго вопроса нашей церковной жизни.

— Какъ же хотите вы разрѣшить этотъ вопросъ? спрашиваемъ мы.

— О, это очень просто: нужно только опросить упорствующихъ, чего они желаютъ.

— Чего же ихъ спрашивать? Мы заранѣе знаемъ, что они намъ отвѣтятъ: «хотимъ перейти въ католичество».

— Нѣтъ, не всѣ такъ отвѣтятъ. Найдутся такіе, которые скажутъ: Мы въ костелъ не пойдемъ, такъ какъ мы хотимъ молиться на славянскомъ языкѣ, но мы желаемъ, чтобы Православная Церковь сдѣлала намъ уступки, приняв. наши требованія, и тогда мы согласимся считаться православными.

— Какія же это требованія?

— А это тамъ видно будетъ, нужно только опросить ихъ.

— И что же? Православная Церковь должна будетъ принять эти требованія?

— Само собою разумѣется. Эти требованія будутъ касаться разныхъ тамъ формъ и обрядовъ, а потому Православной Церкви, конечно, легко будетъ подчиниться этимъ требованіямъ.

— Такъ, по-вашему, Православная Церковь должна вести какой-то торгъ своими формами и обрядами, прибѣгая къ «запросамъ» и «уступкамъ» для того, чтобы привлечь въ свою лавочку побольше покупателей? Неужели вы можете предлагать Церкви такую торгашескую роль? Да, къ тому же, гдѣ вы укажете въ Православной Церкви точную границу между формой и содержаніемъ, между обрядами, развившимися на почвѣ догмата, и самимъ, породившимъ и одухотворяющимъ ихъ, догматомъ? Если вы вырвете всѣ цвѣты изъ вашего сада и оставите одну только черную землю, то вы этимъ уничтожите и самый садъ. Въ Церкви все такъ тѣсно, такъ гармонично связано между собой, что мы, правда, можемъ въ ней отличать главныя части отъ второстепенныхъ, но не можемъ себѣ представить ни тѣхъ, ни другихъ отдѣльно другъ отъ друга. Знаете ли, что выйдетъ въ Холмщинѣ и Подляшьѣ, если бы мы послѣдовали вашему рецепту? Образовалась бы новая секта, въ родѣ уніатской, изъ кото-

рой никто въ Православную Церковь не перешелъ бы, но въ которую изъ Православной Церкви перешло бы множество народа. Я не говорю уже о томъ, что во всемъ краѣ возникло бы громадное броженіе, которымъ съ большимъ успѣхомъ воспользовались бы и польская, и католическая пропаганда.

— Да, но это броженіе было бы только временнымъ, а потомъ все успокоилось бы...

— Да, все успокоилось бы, когда всѣ теперешніе «упорствующіе» и масса православнаго народа были бы поглощены католическою Церковью. Нѣтъ, повѣрьте мнѣ, Православная Церковь никакихъ запросовъ и никакихъ уступокъ не знаетъ и знать не можетъ. Вѣдь вы вотъ, пожалуй, потребуете, чтобы Православная Церковь пошла на уступки и въ томъ постыдномъ торгѣ, который предлагаютъ ей наши «интеллигенты».

— Ну, конечно, всенепремѣнно!—подхватилъ мой собесѣдникъ, весь засіявъ отъ радости, такъ какъ разговоръ, очевидно, коснулся его любимаго конька.—Церковь должна многимъ поступиться, чтобы угодить нашимъ интеллигентамъ, такъ какъ иначе они останутся чуждыми ея вліянія, а это очень прискорбно для всего государства.

— Нѣтъ, извините, Церковь должна напрягать всѣ свои усилія, чтобы благотворно повліять на нашихъ интеллигентовъ, но поступаться своими сокровищами ради нихъ она не можетъ.

— Вы, слѣдовательно, представляете себѣ Церковь стоящею на высокомъ, крутомъ утесѣ, на вершину котораго простымъ смертнымъ подняться невозможно? А я думаю, что Церковь должна спуститься къ этимъ простымъ смертнымъ, чтобы спасти ихъ. Если я вижу, что человѣкъ тонетъ, я долженъ броситься въ воду, чтобы спасти его, а если не брошусь и останусь на берегу, то не спасу его.

— Совершенно вѣрно. Но если я брошусь въ воду и, забывъ о берегѣ, останусь въ водѣ, то я не только не спасу утопающаго, но и самъ съ нимъ потону. Такъ и Церковь должна спускаться до язычниковъ, невѣрующихъ и полувѣровъ, но не съ тѣмъ, чтобъ угождать ихъ язычеству, невѣрію или полувѣрію, а съ тѣмъ, чтобы спасти ихъ отъ этого пагубнаго для нихъ состоянія и увести съ собой, силой убѣжденія пробудивъ въ нихъ искреннюю вѣру, на ту вершину идеальной христіанской церковной вѣры, отъ которой идутъ еще высшія ступени къ полному, совершенному христіанству, выразителемъ котораго является Самъ Спаситель нашъ, Іисусъ Христосъ.

— Нѣтъ, я съ вами не согласенъ. Православная Церковь слишкомъ далеко стоитъ отъ жизни. Она не знаетъ нашей жизни.

— Полноте, что́ вы говорите! Не мы ли въ самыхъ трудныхъ, сложныхъ вопросахъ нашей жизни идемъ за совѣтами именно къ Церкви, къ нашему духовнику, къ прославившемуся строгою церковною жизнью иноку, къ живущему вдали отъ нашей жизни «старцу?» И оказывается, что они-то именно всего лучше нашу жизнь и понимаютъ.

— Да, но это совершенно отдѣльныя личности, апостолы и пророки, они въ счетъ не идутъ.

— Нѣтъ, извините, это вотъ ваши «интеллигенты» въ счетъ не идутъ, а эти апостолы и пророки именно и являются живыми выразителями истиннаго духа той самой Православной Церкви, которая, по вашему, должна дѣлать какія-то уступки въ угоду интеллигентамъ! И въ чемъ должны заключаться эти уступки? Опять, конечно, въ формахъ и обрядахъ?

— Ну, конечно! Самъ Христосъ относился снисходительно къ тѣмъ, кто не могъ «вмѣстить».

— Да, конечно, но вѣдь и наша Церковь относится снисходительно къ грѣшникамъ, коль скоро они сознаютъ свои грѣхи и въ нихъ каются. Развѣ православный духовникъ не превосходитъ своею истинно-христіанскою снисходительностью во сто кратъ духовника католическаго? Да и вообще я не понимаю, на что̀ собственно жалуются наши «интеллигенты». Всѣ они числятся православными, и хотя они въ дѣйствительности не соблюдаютъ не только формъ и обрядовъ, но даже и догматовъ Православной Церкви, Православная Церковь не отвергаетъ ихъ отъ себя, ничего отъ нихъ не требуетъ, напоминая имъ о себѣ лишь при крестинахъ, бракосочетаніяхъ и похоронахъ. Какихъ же еще большихъ уступокъ интеллигенты требуютъ отъ Церкви? Вотъ, положимъ, интеллигентъ приходитъ къ духовнику и сознается въ несоблюденіи какого-либо церковнаго устава или даже въ нарушеніи заповѣди Божіей. Что̀ же, оттолкнетъ его духовникъ? Нѣтъ, онъ низойдетъ до него, объяснитъ ему всю важность его грѣха, вызоветъ въ немъ чувство раскаянія, а затѣмъ ободритъ его, возвыситъ до истиннаго пониманія христіанской жизни и отпуститъ его съ миромъ, сказавъ, подобно Спасителю: «иди и впредь не грѣши».

— Да, такъ, стало быть, Церковь требуетъ исповѣди и покаянія? А мы интеллигенты и этого не хотимъ.

— Такъ чего же вы хотите? Неужели вы думаете, что Церковь можетъ сказать интеллигентамъ: «Вы не молитесь? И не надо. Вы въ церковь не ходите? Это такіе пустяки, что объ этомъ и говорить не стоитъ. Вы не причащаетесь? Это одна пустая формальность».

— Да, именно вотъ такъ Церковь и должна говорить. Тогда къ ней придетъ масса интеллигентовъ.

— Ну, а если эти интеллигенты ска́жутъ: «Мы признаемъ одно лишь Евангеліе, но только безъ чудесъ».

— То и въ этомъ случаѣ Церковь должна признать ихъ православными.

— Ну ужъ, извините, такихъ людей не только православными, но и христіанами признать нельзя.

— Отчего же? Вѣдь вотъ протестанты...

— Позвольте, даже протестанты—и тѣ вѣрятъ въ чудеса. Да, виноватъ: вы, можетъ быть, въ протестантствѣ видите ту цѣль, къ которой должна стремиться Православная Церковь?

— Да, конечно. Протестантство есть не что иное, какъ очищенное Православіе.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы бы съ самаго начала такъ и сказали. Говорить намъ больше не о чемъ. Прощайте!

Македонскій вопросъ.

Недавняя поѣздка графа Ламздорфа въ Бѣлградъ, Софію и Вѣну положила начало новой эрѣ въ Македонскомъ вопросѣ. Россія взяла на себя инициативу справедливаго и безкровнаго рѣшенія *труднѣйшаго* изо всѣхъ

Балканскихъ вопросовъ, и этотъ рѣшительный шагъ Императорскаго Правительства произвелъ, несомнѣнно, сильное впечатлѣніе на Порту, какъ о томъ свидѣтельствуютъ послѣднія извѣстія изъ Константинополя.

Труднѣйшимъ Македонскій вопросъ является потому, что здѣсь дѣло идетъ не только объ устраненіи той тяжести, подъ которой изнемогаютъ подчиненные мусульманскому владычеству христіане, но и объ устраненіи той національной распри, которая существуетъ между христіанскимъ населеніемъ Македоніи.

Румынскій, Болгарскій и Сербскій вопросы отличались, въ сущности, большою простотой: стоило только предоставить Румыніи, Болгаріи и Сербіи государственную автономію,—и всѣ эти вопросы были рѣшены, такъ какъ во всѣхъ трехъ случаяхъ государственные интересы совпадали съ интересами національными.

Не то въ Македоніи. Если бы Македонія получила автономію, то Македонскій вопросъ былъ бы рѣшенъ лишь на половину, и, можно прямо сказать, что рѣшить вторую его половину было бы несравненно труднѣе, чѣмъ первую.

Дѣло въ томъ, что *Македонской націи* не существуетъ: Македонія населена Греками, Болгарами, Сербами, Румынами и Албанцами, желающими освобожденія отъ турецкаго ига не для того, чтобы слиться въ единое, дружно сплоченное, Македонское государство, а для того, чтобы присоединиться, смотря по національнымъ стремленіямъ каждаго племени, къ Греціи, къ Болгаріи, къ Сербіи или къ будущей Албаніи. Примирить македонскія племена между собой нѣтъ никакой возможности; и если еще есть хорошая сторона въ угнетающемъ ихъ турецкомъ игѣ, то развѣ та, что пока оно сдерживало ихъ отъ кровавой національной брани.

Болгары убѣждены, что все славянское населеніе Македоніи принадлежитъ Болгарскому племени, говоритъ на различныхъ болгарскихъ нарѣчіяхъ и свято хранитъ болгарскіе народные обычаи и преданія; но съ такою же увѣренностью и съ такими же аргументами Сербы считаютъ македонскихъ Славянъ чистыми Сербами.

Что касается Грековъ, то они, на основаніи древнихъ историческихъ и новыхъ этнографическихъ данныхъ, признаютъ Македонію чисто-греческою провинціей. Еще не далѣе, какъ 15 (28) декабря 1902 года профессоръ Касасисъ, президентъ Лондонскаго Патріотическаго Общества «Эллинисмосъ», доказывалъ предъ многочисленнымъ, одобрявшимъ его собраніемъ, что вся Македонія должна принадлежать Греціи, такъ какъ де вся она заселена Греками, «вокругъ которыхъ остальные національные элементы группируются, какъ звѣзды вокругъ солнца», а потому онъ требуетъ на первыхъ порахъ греческой оккупаціи Македоніи, по примѣру австрійской оккупаціи Босніи и Герцеговины, а затѣмъ полнаго сліянія Македоніи, Ѳракіи и Эпира съ Греческимъ королевствомъ.

Легко себѣ представить, какой враждебный отпоръ вызвала эта рѣчь въ Болгаріи, гдѣ вся Македонія считается болгарскою провинціей, и въ Сербіи, гдѣ всѣ ее признаютъ провинціей сербскою.

Какъ же должна относиться Россія ко всѣмъ этимъ національнымъ распрямъ?

Съ величайшимъ безпристрастіемъ и строгою справедливостью.

Боже насъ упаси стать всецѣло на точку зрѣнія Болгаръ, Грековъ или

Сербовъ: національныя страсти разгорѣлись въ Македонскомъ вопросѣ до такой непримиримой остроты, что открытое сочувствіе и покровительство лишь одной изъ названныхъ національностей неминуемо вызвало бы ожесточенную, неугасимую вражду противъ Россіи со стороны остальныхъ двухъ націй,—а это было бы крушеніемъ всей Балканской политики Россіи.

Единственный выходъ изъ этого труднаго положенія мы находимъ въ статьѣ графини Евгеніи Каниисть, (*М. В.* 1903 г., № 8), которая, не скрывая своего полнаго сочувствія Грекамъ, тѣмъ не менѣе, весьма далека отъ безграничныхъ панэллинистическихъ притязаній профессора Касасиса.

«По личной симпатіи,—говоритъ она,—нельзя дѣлить народы и страны: есть историческія и этнографическія данныя. Ихъ слѣдуетъ безпристрастно изучить, сравнить Болгарскія этнографическія карты съ Греческими, Сербскими, Румынскими, Французскими, Англійскими и Германскими, изданными по свѣдѣніямъ ихъ консуловъ, а выше всего ставить справедливость,—этотъ Божій лучъ, который, въ міровой жизни, тучи нашего племеннаго эгоизма, невѣжества или личной выгоды не должны затемнять».

Графиня Каниисть полагаетъ, что Русскій народъ, по какому-то пристрастію предпочитаетъ македонскихъ Болгаръ македонскимъ Грекамъ. Едва ли она въ этомъ права. Русскій народъ прежде всего движется въ своихъ чувствахъ религіознымн, а не этнографическими мотивами. Если бы Греки, Сербы и Болгары не были *православными*, Россія не была бы въ свое время охвачена такимъ духовнымъ подъемомъ, когда она такъ восторгалась въ началѣ и въ концѣ XIX вѣка освобожденіемъ своихъ *единовѣрныхъ* братьевъ изъ-подъ мусульманскаго владычества. Такъ и теперь: если бы въ Македоніи возстали православные Греки, они встрѣтили бы въ Россіи такое же горячее сочувствіе, какъ нынѣ возставшіе православные Болгары.

Вообще, Россія стоитъ очень далеко отъ всѣхъ національныхъ осложненій Македонскаго вопроса, которыя могутъ быть улажены, какъ совершенно справедливо говоритъ графиня Каниисть, не по какимъ-либо личнымъ симпатіямъ, а на основаніи строгой справедливости. Это была бы достойная задача для спокойнаго строго-научнаго и строго-юридическаго обсужденія со стороны такого, напримѣръ, высокаго судилища, какъ то, которое учреждено въ Гаагѣ, благодаря великодушной инпціативѣ Русскаго Государя.

Но, какъ мы сказали, это будетъ *вторая* часть Македонскаго вопроса, рѣшеніе которой еще скрывается въ неопредѣленномъ будущемъ.

Теперь же пока предъ нами лишь *первая* его часть, состоящая въ умиротвореніи Македоніи посредствомъ быстрыхъ и цѣлесообразныхъ реформъ со стороны Порты и прекращенія тѣхъ самовольныхъ попытокъ рѣшить вопросъ кровавымъ возстаніемъ со стороны болгарскихъ комитетовъ, дѣятельность которыхъ можетъ лишь препятствовать благотворнымъ и справедливымъ намѣреніямъ Русскаго Императорскаго Правительства.

Религіозно-нравственное воспитаніе.

Мы присутствовали на трогательномъ религіозномъ торжествѣ—на годичномъ актѣ Московскаго Лицея.

Весь актъ, происходившій какъ всегда, предъ храмомъ Святаго Николая, Мурликійскаго Чудотворца, съ начала до конца, былъ проникнутъ такимъ

глубокимъ религіознымъ настроеніемъ, что получилъ характеръ именно церковнаго торжества.

Конечно, этотъ характеръ болѣе или менѣе присущъ былъ всѣмъ торжественнымъ актамъ Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, которые, повторяясь ежегодно въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, всѣ сохранились въ нашей памяти; и, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ этихъ актовъ такимъ высокимъ церковнымъ благоговѣніемъ, какъ настоящій актъ, не отличался.

Уже одно сосредоточенное, молитвенное вниманіе дѣтей, отроковъ и юношей, собравшихся въ лицейскомъ храмѣ, производило глубокое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, а затѣмъ стройное пѣніе хора воспитанниковъ, торжественное благолѣпіе архіерейскаго служенія, въ которомъ въ качествѣ чтецовъ и прислужниковъ принимали участіе воспитанники Лицея, прекрасное назидательное поученіе, которое съ необыкновенною сердечною искренностью сказалъ учащимся преосвященный Трифонъ, епископъ Дмитровскій, — слово о значеніи православнаго храма, изъ ряду выходящее своею красотой и убѣдительностью — и, наконецъ, актовая рѣчь директора, въ которой столь значительная часть посвящена была именно вопросу религіознаго воспитанія какъ въ гимназическомъ, такъ и въ университетскомъ отдѣленіи Лицея, — все это придавало этому торжеству такое высоко-духовное, гармоническое значеніе, что ему могли бы позавидовать не только наши свѣтскія, но и иныя духовныя школы.

Намъ слишкомъ дорога судьба Лицея, чтобы на насъ не отражалось до глубины самой души всякое радостное и всякое горестное событіе въ его жизни, а потому сегодняшнее торжество умилило насъ своею благоговѣйностью и еще разъ убѣдило, что надъ Лицеемъ, этимъ созданіемъ преданнѣйшаго Церкви великаго Русскаго человѣка, почіетъ благодать Господня, не разъ уже видимо охранявшая лицейскую святыню и всю сосредоточенную вокругъ нея школьную семью отъ гибельныхъ напастей даже въ минуты тяжелыхъ испытаній.

Присутствуя на этомъ умилительномъ торжествѣ, мы невольно переносились мыслію къ тому коренному вопросу нашего школьнаго воспитанія, на который не разъ уже такъ настойчиво указывалъ намъ нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, и о которомъ, несмотря на эти указанія, у насъ такъ мало заботятся и въ обществѣ, и въ многорѣчивыхъ собраніяхъ, и въ многоболтливой печати.

Мы разумѣемъ вопросъ *религіозно-нравственный*, который однимъ реформаторамъ представляется вопросомъ совершенно излишнимъ, другимъ—вопросомъ подлежащимъ формальной бумажной отпискѣ, третьимъ—вопросомъ безконечно труднымъ и даже неразрѣшимымъ.

А между тѣмъ какъ просто, естественно, теоретически и практически разрѣшается онъ въ нашемъ Лицеѣ!

Сердцемъ Лицея служитъ храмъ его. Настоятелемъ храма, законоучителемъ и духовникомъ заведенія, поставленъ горячо преданный Православной Церкви, беззавѣтно любящій лицеистовъ пастырь-педагогъ, идущій рука объ руку во всѣхъ вопросахъ воспитанія со свѣтскимъ директоромъ Лицея, глубоко вѣрующимъ сыномъ Православной Церкви, видящимъ въ ней одной истинное спасеніе и для себя, и для ввѣренныхъ его попеченію «малыхъ сихъ».

Поставьте во главѣ всѣхъ нашихъ школъ людей столь же искренно преданныхъ Православной Церкви и столь же опытныхъ въ религіозномъ воспитаніи дѣтей—и вы этимъ сразу разрѣшите вопросъ о религіозномъ воспитаніи

въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. *Такіе* руководители молодежи сумѣютъ окружить себя столь же родственными имъ по духу надежными сотрудниками въ дѣлѣ воспитанія и образованія и не потерпятъ, чтобы, напримѣръ, уроки исторіи или словесности превращались въ систематическое развращеніе нашихъ дѣтей въ духѣ противоцерковномъ или противогосударственномъ.

Вотъ въ чемъ истинная сила того религіозно-нравственнаго воспитанія, о которомъ намъ съ высоты Престола указано заботиться.

Мы должны принять всѣ зависящія отъ насъ мѣры, чтобы порогъ нашихъ школъ переступали лишь такіе воспитатели и преподаватели, которые сами отличались бы глубокимъ религіознымъ воспитаніемъ, ибо лишь они могутъ въ свою очередь религіозно воспитывать своихъ питомцевъ.

А у насъ думаютъ — и думаютъ даже люди серіозные, — что вопросъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи въ нашихъ школахъ тотчасъ же разрѣшится, если мы нѣсколько увеличимъ число уроковъ Закона Божія, да еще введемъ какія-нибудь внѣурочныя богословскія собесѣдованія. Жалкія мѣры! Въ то время, какъ добрый пастырь будетъ на своихъ урокахъ и «бесѣдахъ» всемѣрно стараться предохранить своихъ овецъ отъ хищныхъ волковъ, хищные волки будутъ тутъ же, въ томъ же школьномъ помѣщеніи, въ слѣдующій часъ отравлять души легковѣрныхъ дѣтей ироническими вылазками противъ «батюшки», восхваленіемъ реформаціи и революціи, а то и прямо толстовщиной и марксизмомъ.

Подчините всѣ наши свѣтскія школы непосредственному, фактическому и постоянному наблюденію нашего высшаго епархіальнаго начальства — что было бы совершенно согласно съ его призваніемъ, — ставьте во главѣ школъ не только законоучителя, но и директора съ архіерейскаго благословенія, предоставьте имъ самимъ выборъ своихъ сотрудниковъ, и вы этимъ—и только этимъ—исполните волю Государеву въ той полной мѣрѣ, въ какой она должна быть исполнена, если мы желаемъ предохранить нашу школу отъ дальнѣйшаго растлѣнія.

Если въ нѣкоторыхъ школахъ, какъ, напримѣръ, въ нашемъ Лицеѣ, уже имѣются вышеуказанныя благопріятныя условія для религіозно-нравственнаго воспитанія, тѣмъ лучше. Но гдѣ ихъ нѣтъ, ихъ нужно создать, а это вовсе не такъ трудно. Необходимы лишь твердая добрая воля и цѣлесообразныя мѣры.

Коренная реформа мѣстной администраціи.

Читатели наши несомнѣнно обратили должное вниманіе на замѣчательную *Рѣчь* Орловскаго дворянина Сергѣя Александровича Нилуса, которую мы помѣстили на страницахъ нашей газеты (*М. В.* 1903 г., №№ 14—16).

Глубокій знатокъ сельской жизни и сельскаго хозяйства, посвятившій почти весь свой жизненный трудъ родной *землѣ* и выстрадавшій физически и нравственно всѣ ея тяжелыя невзгоды, С. А. Нилусъ предлагаетъ зрѣло обдуманный имъ проектъ реформы сельской администраціи, которая не можетъ быть иначе названа, какъ *коренною*.

Да иначе не могло и быть, коль скоро С. А. Нилусъ не ограничился, подобно громадному большинству нашихъ «комитетскихъ» реформаторовъ,

одною лишь внѣшнею формой переживаемаго нами кризиса, но сосредоточилъ свое вниманіе на самомъ источникѣ этого кризиса, на самомъ корнѣ угнетающаго Россію зла.

Предлагаемая С. А. Нилусомъ реформа является коренною ломкой существующаго у насъ сельскаго административнаго строя, коренною ломкой тѣхъ демократическихъ «традицій», которымъ, правда, еще не минуло и пятаго десятка лѣтъ, но которыя, къ сожалѣнію, успѣли уже, какъ цѣпкій паразитъ, присосаться къ организму Русскаго народа, все болѣе нарушая нормальныя функціи этого организма и все болѣе истощая его здоровыя силы.

Весь тяжелый вредъ этихъ «традицій», разорившихъ и до безобразія исказившихъ дворянскую и крестьянскую сельскую жизнь въ особенности черноземной Россіи, этого могучаго нѣкогда жизненнаго центра, создавшаго вокругъ себя все исполинское Русское государство,—давно уже признанъ всѣми серіозными Русскими людьми безъ различія партій. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ въ одинъ голосъ признаютъ ненормальное, даже критическое, почти безвыходное положеніе нашего центра. Различіе взглядовъ начинается лишь съ предложенія цѣлительныхъ средствъ для устраненія констатированнаго всѣми недуга.

Въ то время, какъ одни предлагаютъ упомянутому демократическому паразиту предоставить еще большую свободу саморазвитія вплоть до полнаго поглощенія имъ всей Россіи,—другіе, желая спасти Россію отъ этой гибели, видятъ единственную возможность этого спасенія въ коренной операціи, которая должна покончить съ демократическимъ принципомъ, столь чуждымъ, по своему существу, государственному идеалу Русскаго народа.

Правительство наше несомнѣнно стремится къ оздоровленію нашей мѣстной жизни и неоднократно уже принимало мѣры, которыя должны были вести къ этой цѣли. Но до сихъ поръ всѣ эти мѣры были какими-то робкими опытами, слабыми частичными палліативами, не касавшимися того чисто-демократическаго начала, на которомъ основано все наше злополучное мѣстное управленіе. При этихъ условіяхъ правительственныя мѣры, при всемъ ихъ благожелательствѣ, обречены были на неуспѣхъ, подрывавшій лишь правительственный авторитетъ и еще болѣе усиливавшій демократизацію Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ, можно сколько угодно усиливать, напримѣръ, власть губернаторовъ, дѣйствующихъ отъ имени Государя Императора; но если эта *власть* обречена на постоянныя столкновенія съ далеко не фиктивною демократическою *властью* нашихъ земствъ, дѣйствующихъ отъ имени «общества» и публично шельмующихъ неугодныхъ имъ губернаторовъ, то, при этихъ условіяхъ, о плодотворной, гармоничеcкой дѣятельности мѣстной администраціи не можетъ быть и рѣчи.

Двухъ властей въ Россіи быть не можетъ: въ ней неограниченно должна господствовать лишь одна власть, власть Самодержавнаго Государя, рядомъ съ которою не допустима ни въ принципѣ, ни въ реальномъ проявленіи, ни малѣйшая частица какого бы то ни было *народовластія*, какой бы то ни было *демократіи*. А между тѣмъ наши выборныя земства и городскія думы мнятъ себя «представителями народа», призванными отстаивать его интересы противъ Правительства, а, слѣдовательно, призванными и *бороться* противъ него!

Къ чему же намъ допускать эту неслыханную аномалію въ Самодержавномъ Государствѣ? Она по роковой ошибкѣ, была допущена у насъ сорокъ лѣтъ тому назадъ и принесла за это время неисчислимый вредъ Россіи. По-

чему же сразу *коренным* образомъ не покончить съ нею? Зачѣмъ мы ограничиваемся только тѣмъ, что ставимъ выборныя земства и думы въ болѣе тѣсныя рамки, которыя только усиливаютъ эффектные вопли нашихъ демагоговъ о «стѣсненіи общественной свободы»; зачѣмъ мы постепенно отбираемъ отъ нихъ всѣ плохо исполняемыя ими функціи, вызывая этимъ еще новые вопли все о томъ же стѣсненіи Правительствомъ демократическихъ принциповъ общественной дѣятельности? Не лучше ли, не справедливѣе ли разъ навсегда открыто признать полную несовмѣстимость демократическихъ принциповъ съ принципомъ Самодержавія и устранить *коренною* реформою нашей мѣстной жизни даже малѣйшіе поводы къ жалобамъ на стѣсненіе «законныхъ» будто бы народовластныхъ элементовъ?

Этимъ сразу уничтожились бы и та пагубная двойственность, отъ которой такъ страдаетъ вся внутренняя жизнь Россіи, и тотъ искусственно-созданный расколъ между Русскимъ Правительствомъ и русскимъ обществомъ, стоящими почему-то другъ противъ друга въ двухъ вооруженныхъ лагеряхъ, вмѣсто того, чтобы дружно работать рука объ руку, служа вѣрой и правдой Царю и Россіи.

Но, можетъ-быть, мы этимъ «убьемъ общественную дѣятельность», какъ объ этомъ всюду кричатъ защитники демократическаго разложенія Россіи?

Нѣтъ, мы лишь пробудимъ Русское общество къ здоровой, полезной дѣятельности.

Для этого у насъ въ Россіи есть только одинъ путь—энергическая, разумная дѣятельность самого Правительства.

Когда Правительство бездѣйствуетъ, тогда неизбѣжно является иллюзія, будто все спасеніе Россіи—въ «обществѣ», которое должно упразднить совершенно де ненужное Правительство; тогда начинается пагубная, *разрушительная* дѣятельность общества.

Но когда Правительство стоитъ на высотѣ своего долга, развивая всюду бодрую и всѣхъ бодрящую разумную энергію, все общество пробуждается къ *здоровой, созидательной* дѣятельности, стремясь всюду оказать содѣйствіе правительственной иниціативѣ, но ясно и громко провозглашенной Правительствомъ національной программѣ.

Но возвратимся къ проекту С. А. Нилуса.

Наши демократы въ настоящее время всюду, кстати и не кстати, толкуютъ о необходимости ввести у насъ «мелкую земскую единицу».

Мы съ ними совершенно согласны: чѣмъ мельче государственная единица, тѣмъ она полезнѣе, дѣльнѣе и плодотворнѣе.

А потому необходимо прежде всего избавить Россію отъ такихъ безполезныхъ и часто зловредныхъ крупныхъ единицъ, какъ *губернскія* земства. Одинъ уже этотъ шагъ почти сразу разсѣялъ бы весь тяжелый демократическій кошмаръ, тяготѣющій надъ Россіей, и мы уже лѣтъ черезъ пять убѣдились бы въ бодромъ ея здоровьѣ, коль скоро она не чувствовала бы надъ собою сумасброднаго ига губернскихъ демагоговъ.

Но и выборныя *уѣздныя* земства являются въ этомъ отношеніи такимъ же несомнѣннымъ зломъ, хотя и меньшаго калибра. Одна лишь *мелкая земская единица*, величиной съ сельскій приходъ, съ земскимъ или «сельскимъ», какъ предлагаетъ С. А. Нилусъ, начальникомъ во главѣ, будетъ дѣйствительно дѣльною и полезною государственною ячейкой.

Сельскіе начальники должны быть назначены изъ числа помѣстныхъ,

сидящихъ на землѣ или посаженныхъ на землю, русскихъ православныхъ дворянъ, подчиненныхъ строгому контролю непосредственныхъ и отвѣтственныхъ Царскихъ представителей, какими должны быть какъ предводители дворянства, такъ и губернаторы, выбирающіе себѣ наиболѣе дѣльныхъ сотрудниковъ и совѣтниковъ изъ лучшей части *мѣстнаго общества*.

Вотъ единственное спасеніе для Россіи, вотъ справедливое разрѣшеніе дворянскаго и крестьянскаго вопроса, вотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ясная, опредѣленная программа дальнѣйшей правительственной дѣятельности, программа не двойственная, не хромающая на оба колѣна, но открытая, прямая, одухотворенная однимъ только принципомъ,—принципомъ истинно Русскаго Царскаго Самодержавія, при которомъ источникомъ всякой власти на Руси является Царская воля, Царскій выборъ, а не какіе-либо «выборы народные» или «общественные».

Выборное начало есть демократическая язва, губящая всякое, даже самое благое, дѣло. Всюду, гдѣ отдается предпочтеніе *количеству* предъ *качествомъ* голосовъ, естественному *большинству* посредственностей передъ столь же естественнымъ *меньшинствомъ* ума, таланта и генія,—тамъ неизбѣжно должны царить и дѣйствительно царятъ: безумье—надъ умомъ, интрига—надъ честностью, партійныя страсти—надъ спокойною, плодотворною работой, разрушительные элементы—надъ созидательными.

Этого не видятъ или не хотятъ видѣть лишь тѣ, кто сами стоятъ за демократизацію Россіи, или тѣ, кто, дорожа здоровою общественною дѣятельностью, не могутъ почему-то представить себѣ ее безъ «неизбѣжной» будто бы, хотя и вредной, выборной системы. А между тѣмъ, какъ мы сказали, здоровая, бодрая общественная дѣятельность можетъ въ Россіи быть вызвана не тою или другою выборною системой, а лишь здоровою и бодрою національною дѣятельностью самого Правительства.

Намъ скажутъ, что уничтоженіе выборныхъ общественныхъ самоуправленій явится у насъ не только коренною реформой, но цѣлымъ государственнымъ переворотомъ, чуть не революціей.

Да, но только революціей не снизу, а сверху, революціей созидательною, а не разрушительною, революціей, которая спасетъ, а не погубитъ Россію.

Въ шестидесятыхъ годахъ у насъ была произведена Правительствомъ революція въ духѣ демократическомъ; почему же Правительство, наученное сорокалѣтнимъ опытомъ, должно остановиться передъ кореннымъ переворотомъ въ духѣ самодержавнаго монархизма, если только оно будетъ убѣждено въ необходимости этого переворота?

А общественное мнѣніе? Да оно все горой станетъ за Правительство, лишь только услышитъ отъ него призывъ къ твердой, національно-самодержавной политикѣ Россіи,—призывъ, выраженный въ ясныхъ словахъ, не подающихъ повода къ какимъ-либо лжетолкованіямъ.

Мелкія подробности проекта С. А Нилуса могутъ вызвать ту или другую практическую оцѣнку; но безусловно вѣрна принципіальная его *основа*, выраженная авторомъ съ несомнѣннымъ гражданскимъ мужествомъ противъ столь сильнаго у насъ демократическаго общественнаго теченія,—основа твердая и ясная, вполнѣ согласованная съ истинно-русскимъ государственнымъ міровоззрѣніемъ.

Вотъ за эту основу, основу Царскаго Самодержавія, не допускающаго рядомъ съ собою никакого *выборнаго народовластія*, всецѣло стоимъ и мы.

Московскіе рабочіе.

Появленіе новой брошюры генерала Богдановича, посвященной *Русскому Народу* и въ особенности нашему рабочему населенію, имѣетъ важное значеніе въ современномъ развитіи столь серіознаго у насъ вопроса о благоустройствѣ рабочихъ.

Брошюра эта полагаетъ конецъ одному страннному недоразумѣнію, упорно коренившемуся въ Московскихъ и Петербургскихъ общественныхъ сферахъ.

Исторія этого недоразумѣнія весьма интересна и поучительна.

Когда впервые Московскіе рабочіе заговорили объ организаціи своей кассы взаимопомощи, они тотчасъ же рѣшили не дѣлать ни одного незаконнаго шага, а строго держаться совѣтовъ правительственныхъ лицъ, къ которымъ они и обратились со своею нуждой.

Такой образъ дѣйствій Московскихъ рабочихъ, конечно, не могъ быть по вкусу тѣмъ «злымъ смутьянамъ», которые, какъ совершенно вѣрно говоритъ генералъ Богдановичъ, «ищутъ уловить въ свои сѣти крестьянъ и фабрично-заводскихъ рабочихъ, надѣвая личину доброжелателей и печальниковъ, прикидываясь, будто любятъ простой народъ, и нашептывая преступныя мысли о раздѣлѣ всей земли, а фабрично-заводскимъ рабочимъ—о томъ, чтобъ они требовали увеличенія заработной платы и уменьшенія рабочихъ часовъ, во множествѣ разбрасывая облыжныя книжки и воззванія, въ которыхъ внушаются эти мысли».

Само собою разумѣется, эти господа постарались прежде всего разстроить доброе начинаніе Московскихъ рабочихъ, внушая имъ недовѣріе къ правительственнымъ лицамъ, къ которымъ они обратились со своимъ проектомъ. Потерпѣвъ, однако, въ этомъ неудачу, смутьяны перемѣнили свою тактику: они рѣшили не препятствовать начавшемуся въ Москвѣ строгозаконному движенію рабочихъ, а, напротивъ того, содѣйствовать ему, дабы затѣмъ воспользоваться имъ въ своихъ преступныхъ цѣляхъ.

Они вообразили себѣ, что русскаго рабочаго также легко завлечь въ соціалистическую ловушку, какъ и его западно-европейскаго товарища, дабы затѣмъ ловкимъ образомъ злоупотребить его довѣрчивостью и сдѣлать его слѣпымъ орудіемъ соціалистической революціи въ Россіи.

И вотъ эти ученые дѣятели соціалистической пропаганды начали свою тайную и явную работу, стараясь «просвѣтить» Московскихъ рабочихъ «великимъ ученіемъ о широкихъ, всемірныхъ задачахъ» соціализма, сбивая ихъ съ толку доказательствами «необходимости коренного общественнаго переворота», безъ котораго, будто бы, русскіе рабочіе никогда не достигнутъ благоустроенной жизни.

Но Московскіе рабочіе очень скоро разглядѣли настоящія коварныя цѣли этихъ лжеучителей, и тотчасъ же отъ нихъ отвернулись. Да иначе и быть не могло.

«Русскій человѣкъ», говоритъ генералъ Богдановичъ, «не можетъ не любить Матушку-Русь. Здравый смыслъ Русскаго народа сильнѣе козней враговъ, ищущихъ ослабить и погубить наше Отечество».

Началось совершенно новое направленіе въ движеніи Московскихъ рабочихъ, или, лучше сказать, возобновилось первоначальное его здравое, законное направленіе.

Московскіе рабочіе выразили свое твердое намѣреніе искать благоустройства своей жизни не на зыбкой почвѣ какихъ-нибудь соціальныхъ переворотовъ, а на твердомъ основаніи завѣтовъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, всячески стараясь,—мы приводимъ слова генерала Богдановича—«беречь свою Православную вѣру и свое свято-русское великое Царство, горой стоять за это драгоцѣнное наслѣдіе, созданное пóтомъ, кровью и великими жертвами народа Русскаго со временъ древнихъ,—вѣрою и правдою служить Царю-Батюшкѣ, истинному Блюстителю и Печальнику Земли Русской, и не поддаваться никакимъ соблазнамъ, никакимъ обманамъ нашихъ враговъ, которые одинаково враги Православной вѣры, Самодержавнаго Царя и Боголюбиваго Русскаго народа».

Но если мимолетное соприкосновеніе Московскихъ рабочихъ съ учителями соціализма не оставило—слава Богу—никакихъ слѣдовъ въ ихъ истинно-русскомъ, патріотическомъ міровоззрѣніи, тѣмъ не менѣе, оно набросило нѣкоторую тѣнь на все ихъ благое дѣло и вызвало то недоразумѣніе, о которомъ мы выше говорили.

Московскіе фабриканты, имѣющіе тѣснѣйшее соприкосновеніе съ Московскими рабочими, долгое время не могли уяснить себѣ истиннаго значенія того дѣла, которымъ эти рабочіе такъ заинтересовались. Зная, по примѣру Запада, какую роль рабочіе играютъ въ подготовленіи соціальной революціи, Московскіе фабриканты были твердо убѣждены, что и у насъ въ Россіи всякое рабочее движеніе можетъ имѣть только одинъ соціалистическій, революціонный характеръ; а когда, какъ мы видѣли, соціалистическіе агитаторы дѣйствительно съ первыхъ же шаговъ Московскаго рабочаго дѣла употребили всѣ усилія, чтобы захватить его въ свои руки, Московскіе фабриканты усвоили себѣ непоколебимую увѣренность, что дѣло Московскихъ рабочихъ—дѣло вредное, преступное, и что ему нужно противиться всякими явными и тайными средствами.

Въ особенности иностранные фабриканты, совершенно не понимающіе духа Русскаго народа и видящіе въ русскихъ рабочихъ такихъ же легкомысленныхъ крамольниковъ, какими такъ часто являются рабочіе во Франціи, не щадили никакихъ усилій, чтобы всѣ вполнѣ законныя желанія Московскихъ рабочихъ выставить въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, какъ предъ остальными Московскими фабрикантами, такъ и предъ Петербургскими властями.

Но Петербургскія власти, отлично зная истинную сущность стремленій Московскихъ рабочихъ, не дали себя смутить приходившею изъ Москвы клеветой на Московскихъ рабочихъ и, сохранивъ полное къ нимъ довѣріе, помогли имъ организовать тѣ кассы взаимопомощи и тѣ публичныя чтенія въ духѣ Православной вѣры, преданности Самодержавному Престолу и любви къ лучшимъ завѣтамъ дорогой Родины, — словомъ, все то дополезное, о чемъ только и просили Московскіе рабочіе.

И вотъ, теперь правда восторжествовала: Московскіе фабриканты, сами истинно-Русскіе люди, начинаютъ ближе присматриваться къ быту Московскихъ рабочихъ и убѣждаются въ своей ошибкѣ; они видятъ теперь, что Московскіе рабочіе сплотились не для того, чтобы подчиниться соціалистическому движенію, а, напротивъ, для того чтобъ успѣшнѣе сопротивляться ему; они видятъ, что, слѣдовательно, у рабочихъ и фабрикантовъ цѣль одна и та же, и что фабрикантамъ слѣдуетъ не отталкивать отъ себя Московскихъ рабочихъ, а подать имъ руку помощи въ ихъ добромъ, патріотическомъ дѣлѣ.

И вотъ, какъ мы видимъ, эта рука помощи уже подана, и 20 января 1903 года въ собраніи, посвященномъ организаціи Общества московскихъ ткачей, участвовали не одни уже рабочіе, но и представители Московскихъ фабрикантовъ, изъ коихъ многіе были выбраны въ почетные члены этого Общества.

А если кто изъ Московскихъ фабрикантовъ еще сомнѣвается въ благихъ намѣреніяхъ Московскихъ рабочихъ, то всѣ эти сомнѣнія окончательно разсѣиваетъ та же брошюра генерала Богдановича, къ которой приложено воззваніе *Русскому народу отъ Московскихъ рабочихъ*.

Воззваніе это составлено однимъ изъ Московскихъ рабочихъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ организаціи первой ихъ кассы взаимопомощи; онъ предупреждаетъ своихъ товарищей отъ злыхъ козней соціалистическихъ агитаторовъ слѣдующими краснорѣчивыми словами:

«Какой же способъ враги наши избрали теперь для дѣланія зла нашей родинѣ? Способъ этотъ самый дьявольскій; онъ хуже всякихъ погромовъ, всякихъ вооруженныхъ нападеній, которыхъ не боится нашъ народъ, всегда готовый встрѣтить враговъ своихъ въ честномъ открытомъ бою и лечь костьми, но не посрамить Земли Русской.

«Новый способъ злодѣйства враговъ выражается въ тайной смутѣ русскихъ довѣрчивыхъ людей, возбуждая ихъ, — страшно сказать!—оказывать неповиновеніе власти, сопротивляться правительственнымъ законамъ и не уважать священнаго значенія Государя.

«Люди эти сближаются съ народомъ, нашептываютъ ему, чтобъ онъ не слушался власти, а дѣлалъ бы такъ, какъ ему самому вздумается. Они говорятъ даже, что и высшая власть не нужна, указывая при этомъ на такія иноземныя государства, гдѣ нѣтъ государей, а есть такой чиновникъ, котораго они называютъ президентомъ.

«Нашъ же Царь есть Помазанникъ Божій, имѣющій власть Самодержавную. Онъ никому, кромѣ Бога, не повинуется. Онъ является Отцомъ для своего народа; для Него всѣ равны: богатые и бѣдные, знатные и нищіе. Онъ Царь, хранящій вѣру Православную и оберегающій народъ отъ вражескихъ нападеній. Враги наши, зная преданность народа къ Царю своему, страшно злятся и стараются сбить народъ льстивыми рѣчами съ толку и, къ несчастью нашему, добиваются успѣха въ этомъ зломъ дѣлѣ.

«Они возбуждаютъ рабочихъ на фабрикахъ бунтовать. Они не только подбиваютъ къ бунтамъ рабочихъ, а стараются дѣлать то же самое и въ крестьянскомъ населеніи, какъ это было въ Полтавской, Харьковской и Черниговской губерніяхъ недавно. За послѣднее время они возмутили рабочихъ въ городѣ Ростовѣ-на-Дону, гдѣ произошла братоубійственная схватка между ними и казаками.

«Русскіе люди! братья по вѣрѣ, опомнитесь и отвернитесь отъ темныхъ людей. Вѣдь слушая ихъ, поддаваясь ихъ ученію, мы помогаемъ имъ разорять и губить свою родину мать. Осмотритесь внимательнѣе вокругъ, и вы увидите, что тѣ люди, которые подбиваютъ насъ къ бунтамъ — не друзья намъ, а самые злѣйшіе враги!

«Дорогіе братья, соединимся всѣ въ тѣсную семью, двинемтесь дружно на встрѣчу врагамъ и отразимъ ихъ, какъ дѣлали наши дѣды и прадѣды. Неужели мы не тѣ же Русскіе люди, неужели въ нашихъ жилахъ не та же кровь течетъ? Лучше пожертвовать своею жизнью, чѣмъ помогать врагамъ разорять нашу родину.

Кто Русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
Пожертвуетъ жизнью за правое дѣло.

«Русскіе люди, призываемъ васъ къ объединенію въ дружной совмѣстной борьбѣ со злыми врагами, какъ борьбѣ не насильственной, а разумной и сознательной. Если мы будемъ идти прямою дорогой, то Царь нашъ и Правительство всегда помогутъ намъ. Найдется также много людей на Руси, истинно любящихъ родину, и они не откажутъ намъ въ поддержкѣ. Съ Богомъ, братья! Съ нами Онъ всегда былъ и всегда будетъ, если мы станемъ защищать родину отъ враговъ».

Можетъ ли послѣ такого искренняго призыва оставаться еще хоть тѣнь сомнѣнія въ истинно-правовѣрномъ настроеніи Московскихъ рабочихъ? Можетъ ли послѣ этого оставаться какое-нибудь недоразумѣніе между ними и Московскими фабрикантами? Развѣ какой-нибудь Французъ будетъ еще подозрительно относиться къ этому истинному крику русской души. Каждый же истинно-Русскій человѣкъ всею душой отзовется на этотъ призывъ, какъ на него и отозвался маститый нашъ патріотъ, тонкій знатокъ русской души, Евгеній Васильевичъ Богдановичъ, сдѣлавшій своею брошюрой великое и полезное русское дѣло, показавъ намъ Московскихъ рабочихъ въ истинномъ ихъ свѣтѣ и разсѣявъ всѣ скопившіяся вокругъ нихъ недоразумѣнія.

Великое ему за это спасибо!

Новая консервативная газета.

Предъ нами первые нумера новой газеты *Отечество*, выходящей въ Петербургѣ два раза въ недѣлю, подъ редакціей графа П. А. Кутузова.

Имя графа хорошо извѣстно читателямъ *Московскихъ Вѣдомостей* и *Гражданина*. Онъ всегда съ горячимъ убѣжденіемъ отстаивалъ на страницахъ этихъ газетъ коренныя основы русской жизни, святую Православную Вѣру, русское Самодержавіе и дружное единеніе дворянства и крестьянства, какъ необходимое единственное условіе для мирнаго развитія нашей внутренней жизни и нашего духовнаго и матеріальнаго благосостоянія.

Нынѣ графъ Кутузовъ сталъ во главѣ собственнаго органа печати, и мы съ радостью привѣтствуемъ его, какъ самостоятельнаго сподвижника въ рядахъ той части нашей печати, которая считаетъ священнымъ своимъ долгомъ служить вѣрой и правдой не легкомысленнымъ капризамъ «общественнаго мнѣнія», а Богу, Царю и Отечеству.

Первую программную свою статью, посвященную «Царскимъ наставленіямъ», графъ Кутузовъ составилъ съ полною ясностью и опредѣленностью, вполнѣ сознавая, что—

„никакой неясности, а тѣмъ паче двусмысленности или недосказанности тутъ не должно быть мѣста. Печатная проповѣдь только тогда и внушительна, и полезна, когда она ясна и честна. Всякія же двоедушныя ухищренія, неискреннее славословіе или лукавое фарисейство, обезцѣнивая печатную рѣчь, низводятъ ее съ пьедестала того возвышеннаго проповѣдничества, къ которому сводится все назначеніе полезнаго органа.

„Открыто и ясно высказывать, въ предѣлахъ дозволеннаго, то, что говоритъ совѣсть, исповѣдываться предъ читателями непринужденно и безхитростно, въ твердой увѣренности, что всякое доброе сѣмя правды, братолюбія и безкорыстія всегда найдетъ себѣ почву и

дастъ плоды сторицею,—вотъ что должно, по нашему убѣжденію, являться основой печатной дѣятельности".

Приведя рѣчь Государя къ Курскому дворянству, графъ Кутузовъ совершенно основательно говоритъ, что «въ этой рѣчи еще разъ утверждается великой важности историческій фактъ, безспорный относительно прошедшаго, но который заключаетъ въ себѣ и для будущаго ясную программу и руководство:

„Дворянство съ крестьянствомъ составляло искони и призвано составлять и впредь одну общую семью, одно братство, связанное не только общностью ихъ прошлой работы въ судьбахъ Россіи, но и жизненною полезностью ихъ тѣснаго единенія и взаимодѣйствія въ будущемъ.

„Вдумчивые Русскіе люди всегда этому сочувствовали и всегда говорили о возможности дворянско-крестьянскаго товарищества на почвѣ ихъ хозяйственныхъ нуждъ и жизненныхъ сословныхъ потребностей крестьянскаго люда.

„Крестьянство сжилось съ дворянствомъ почвенно и исторически. Ихъ братство по отчизнолюбію запечатлѣлось въ теченіе столѣтій потоками общей, дворянско-крестьянской крови, которой они не жалѣли ни противъ Татаръ, ни противъ иноземцевъ, подъ Бородинымъ и Аустерлицемъ, подъ стѣнами Карса и на Малаховомъ курганѣ, въ тѣ времена, когда прочія сословія къ пролитію крови за отечество еще не призывались...

„Легкомысленнымъ замысломъ слѣдуетъ, поэтому, признать попытки разобщить и отчудить другъ отъ друга эти два, создавшія Россію, сословія. Никакого антагонизма между дворянствомъ и крестьянствомъ нѣтъ, и быть не можетъ. Дворянство всегда могло выполнять и выполняло по мѣрѣ возможности призваніе опекуна, наставника и братскаго совѣтчика народа. Крестьянство всегда охотно пользовалось доброжелательнымъ попеченіемъ о немъ дворянства и всегда охотно шло за нимъ, лишь бы само дворянство его не бросало".

Правда, на пути сближенія дворянства съ крестьянствомъ возникли за послѣднія десятилѣтія значительныя препятствія, но «въ Царскихъ словахъ звучитъ указаніе, что задача крестьянскаго благоустройства будетъ оставлена и впредь на попеченіе, между прочимъ, и дворянства, голосъ котораго въ вопросахъ крестьянскаго благополучія останется во всей силѣ.

„Для дворянства", говоритъ графъ Кутузовъ, „возстановляется, такимъ образомъ, его задача нравственнаго руководителя массами крестьянскаго сословія. Какой колоссальной важности задача, и какой рычагъ благоустройства всей Русской земли дается этимъ дворянству въ руки, лишь бы дворянство захотѣло и сумѣло имъ воспользоваться!"

Указавъ на великое значеніе Царскихъ словъ о томъ, что необходимо «жить по заповѣдямъ Божіимъ», редакторъ *Отечества* говоритъ, что «въ этихъ словахъ—цѣлое для насъ законодательство», сводъ всей высшей «юстиціи», основа всякой «культуры», возможность всякаго «прогресса», содержаніе всякой «цивилизаціи», фундаментъ всякаго благополучія и благоденствія,

„Или Законъ Божій—устарѣлъ? Или Евангеліе—недостаточно? Или небеса упразднены, и отрадная земля торжествуетъ? Или у Русскихъ людей изсякла ихъ народная душа, та, которая „полагала себя за други своя" предъ полчищами татарскими, турецкими, передъ Ляхами, Галлами и двѣнадцатью всевозможными языками?..

„Ничего этого нѣтъ и быть не можетъ. Все отъ вѣка сущее—было, есть и будетъ: Богъ есть и будетъ нашимъ небеснымъ Законодателемъ, и лучшаго мы не хотимъ, ибо его не видимъ и не находимъ. Христосъ былъ и будетъ вѣчнымъ учителемъ душъ, сердецъ и жизни нашей. Святые князья, подвижники и создатели земли Русской, московскіе Святители, мученики и подвижники, были и будутъ насадителями и блюстителями нашего русскаго духовнаго просвѣщенія, съ которымъ всякая иноземная человѣческая „культура" намъ нужна лишь относительно и отчасти, не какъ основа и содержаніе нашего развитія, а какъ придатокъ, которымъ можно пользоваться, но которымъ не слѣдуетъ вдохновляться".

Въ № 3 своей газеты графъ Кутузовъ говоритъ о нашей «интеллигенціи», стоящей къ народу и его душѣ въ неразумномъ и бездушномъ положеніи.

„Интеллигенція, изволите ли видѣть, это дѣтище народа, только одаренное всеблагимъ просвѣщеніемъ. Какъ просвѣщенная, эта интеллигенція,—такъ она сама думаетъ,—смотритъ на народъ и на весь міръ глазами возвышенныхъ существъ. А народъ, оставаясь темнымъ, призванъ вѣрять, изволите ли видѣть, свой голосъ, а съ нимъ свою совѣсть и свободу—этой отъ него отвернувшейся интеллигенціи, которой, какъ говорится, и книги въ руки: гляди, суди, говори очень много, и устно, и печатно, кричи, что̀ хочешь, рѣшай, изрекай и предначертывай вмѣсто народа и отъ его имени.

„Таковъ смыслъ и значеніе связи интеллигенціи съ народомъ: интеллигенція, ничуть не дожидаясь никакихъ *полномочій*, попросту беретъ обыкновенно палку въ руки и ею гонитъ стадо народное туда, куда ей, интеллигенціи, хочется или полезно.

„Не прикажете ли и намъ преклоняться предъ этими палкодержателями и захватчиками самодержавныхъ правъ, никогда имъ народомъ не дававшихся, потому что нечего давать тому, кто самъ взялъ то, что̀ ему хотѣлось!..

„Не прикажите ли намъ этихъ самозванныхъ пастырей почитать облеченными священными правами законнаго представительства?“...

Можно надѣяться, что графъ Кутузовъ и впредь будетъ отстаивать здравыя міровоззрѣнія Русскаго народа противъ искажающихъ его «интеллигентныхъ» вліяній, а потому мы желаемъ ему полнаго успѣха въ его самостоятельной публицистической дѣятельности.

Возстановленіе истины.

Наши послѣднія статьи о необходимости коренного преобразованія мѣстнаго управленія всполошили весь лагерь нашихъ демократовъ, и они выступаютъ теперь въ защиту своихъ давно уже избитыхъ доктринъ. Они выбираютъ въ старомъ арсеналѣ своихъ аргументовъ тѣ именно софизмы, которые при первомъ же ихъ примѣненіи обнаруживаютъ свою полную негодность и притомъ вносятъ искаженія въ принципіальной постановкѣ вопроса.

Мы постоянно указывали на необходимость привлеченія лучшихъ, наиболѣе здоровыхъ силъ мѣстнаго населенія къ активному участію въ благоустроеніи мѣстной жизни и въ плодотворномъ ея управленіи.

Наши противники тщательно замалчиваютъ это наше основное требованіе и говорятъ завѣдомую неправду, утверждая, будто мы «желаемъ только усиленія администраціи и *устраненія общества отъ всякаго участія въ интересующихъ его дѣлахъ*» *).

Неужѣли эти господа всю свою силу видятъ лишь въ извращеніи истины? Они тогда̀ только чувствуютъ себя въ состояніи спорить съ нами, когда приписываютъ намъ совершенно чуждыя намъ мнѣнія, а отъ обсужденія подлинныхъ нашихъ взглядовъ они упорно уклоняются. Имъ во что бы то ни стало хочется представить дѣло такъ, будто *мы* стоимъ за *бюрократію*, которая, по нашему, неоднократно выражавшемуся, мнѣнію, есть величайшее зло, а что единственными врагами бюрократіи являются *они!* На этой, совершенно ложной, почвѣ они только и спорятъ съ нами, утверждая, будто—

«*Московскія Вѣдомости* требуютъ, чтобы *все передано было исключительно въ руки чиновниковъ*, которые всюду порядокъ водворятъ, а главное—*все бу-*

---

*) Курсивы вездѣ наши. Приводимыя нами цитаты взяты изъ *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 24) и вполнѣ сочувствующихъ имъ *Петербургскихъ Вѣдомостей* (№ 25).

дѣть молчать, что въ особенности желательно, и въ чемъ и кроется истинное благополучіе».

Если бы мы попросили этихъ господъ указать, гдѣ и когда мы высказывали такое требованіе, они этого сдѣлать не могутъ, но это нисколько ихъ не удержитъ отъ того, чтобы спокойно продолжать свое профессіональное извращеніе истины и съ притворною наивностью ставить такой, напримѣръ, вопросъ:

«Почему мѣстные *земскіе люди должны быть устранены отъ участія въ дѣлахъ*, всего ближе имъ знакомыхъ и непосредственно ихъ интересующихъ, и дѣла эти должны быть *возложены на людей посторонних, пришлыхъ, менѣе компетентныхъ?*»

Они очень хорошо знаютъ, что мы требуемъ *не устраненія, а привлеченія* мѣстныхъ людей къ мѣстнымъ дѣламъ, но имъ удобнѣе, въ цѣляхъ полемики, говорить противное, а потому они съ легкою совѣстью это противное и говорятъ, и затѣмъ побѣдоносно выводятъ изъ ложнаго утвержденія столь же ложное и заключеніе, облекая его въ форму новаго вопроса:

«Почему этимъ мѣстнымъ земскимъ людямъ должно быть демонстративно *отказано во всякомъ довѣріи*, въ которомъ не отказывается послѣднему административному служащему?»

Само собою разумѣется, что мы никогда объ «отказѣ во всякомъ довѣріи» мѣстнымъ земскимъ людямъ не говорили, но наши «либералы» никогда не воздержатся отъ эффектной фразы, какъ бы она ни была фальшива.

Фальшь этихъ господъ выражается и въ томъ, что они съ одной стороны совершенно правильно утверждаютъ, что—

«земство есть такой же органъ государственной власти, какъ и органы правительственные, *въ предѣлахъ предоставленныхъ имъ закономъ*».

Но тутъ же они приводятъ взглядъ совершенно противоположный, обосновывающій общественную дѣятельность къ *нарушенію* этихъ предѣловъ предоставленныхъ ей закономъ:

«Случается, говорятъ они, что возбуждаемые вопросы *выходятъ за предѣлы «компетенціи»* обсуждающихъ и проводящихъ ихъ совѣщаній, собраній, группъ—это даетъ имъ поводъ возводить на эти общественныя группы различныя обвиненія, указывать на ненормальность проявляемой ими дѣятельности; но съ точки зрѣнія *культуры* и *прогресса* такія явленія указываютъ только на рость *общественнаго самосознанія*».

Такимъ образомъ, «культура», «прогрессъ» и «общественное самосознаніе» требуютъ нарушенія законовъ! Это уже чисто-революціонная теорія!

Но не въ этомъ дѣло. Если «земство есть органъ Государственной Власти», то чѣмъ же объяснить, что наши земства такъ часто являются въ оппозиціи съ Государственною Властью, что они ведутъ съ ней систематическую борьбу и проявляютъ свою собственную *власть*, совершенно несогласуемую съ Государственною Властью? Вѣдь о томъ же не можетъ быть спора, что у насъ въ мѣстномъ управленіи *двѣ власти*, которыя въ своихъ дѣйствіяхъ взаимно другъ друга парализуютъ, порождая этимъ всѣ мѣстныя неурядицы.

Почему же земство *не хочетъ* считать себя только «органомъ» Правительственной Власти, а приписываетъ себѣ право какой-то независимой отъ Правительства и противоположной ему власти? Гдѣ кроется мнимый источникъ этого права, гдѣ корень всего этого недоразумѣнія?

Въ современномъ государствѣ Власть можетъ имѣть только одинъ изъ двухъ источниковъ: въ Самодержавномъ государствѣ—*милость Божію*, въ демократическомъ (республиканскомъ или конституціонномъ)—*милость народа*. О внутреннемъ, этическомъ значеніи этихъ двухъ источниковъ Власти мы здѣсь распространяться не будемъ, такъ какъ для каждаго серіознаго человѣка, вникшаго въ смыслъ исторіи и государственнаго права, преимущество перваго источника надъ вторымъ слишкомъ очевидно. Мы здѣсь хотимъ только констатировать коренное различіе этихъ двухъ источниковъ, которые, по существу своему, не могутъ одновременно существовать въ одномъ и томъ же государствѣ, не приходя между собой въ непримиримые конфликты, порождающіе самыя тяжкія для государственной жизни недоразумѣнія. Съ полною логическою послѣдовательностью могутъ функціонировать и развиваться лишь тѣ государства, въ которыхъ въ наиболѣе чистомъ видѣ проявляется либо установленная Богомъ самодержавная власть христіанскаго Монарха, въ особенности Русскаго Православнаго Царя (не имѣющая, по существу своему, недостатковъ присущихъ азіатскому деспотизму и западному феодализму),—либо демократическая власть выборныхъ представителей народа. Смѣшеніе этихъ двухъ властей въ одномъ и томъ же государствѣ является вопіющею антиноміей, которая рано или поздно по необходимости прекратится переходомъ такого государства либо въ чистый монархическій, либо въ чистый демократическій типъ.

У насъ въ Россіи съ учрежденіемъ выборнаго мѣстнаго самоуправленія возникла ячейка демократическаго элемента, которая съ тѣхъ поръ разрослась до весьма внушительныхъ размѣровъ и нынѣ уже претендуетъ на независимое отъ Правительственной Власти положеніе. Наши думцы и въ особенности наши земцы видятъ въ себѣ не только людей призванныхъ заниматься мѣстными чисто-хозяйственными дѣлами, но «представителей избравшаго ихъ народа», призванныхъ, въ силу этого избранія, къ политической роли въ государствѣ и облеченныхъ особою властью для защиты интересовъ общества и вообще народа противъ Правительственной Власти. И вотъ мало-по-малу у насъ, въ самодержавномъ государствѣ, образуются какіе-то два враждебные другъ другу лагери: съ одной стороны—«общество», съ другой — Правительство. Наша демократическая или, какъ она себя называетъ, «либеральная» печать старается еще болѣе усилить антагонизмъ между этими двумя сторонами, призывая «общество» на систематическую борьбу противъ Правительства, приписывая «обществу» исключительно благіе, культурные идеалы, а Правительству — стремленія самаго мрачнаго свойства, какъ-то, «стѣсненіе свободы личности», затрудненіе способовъ къ общенію и т. д. Противъ всего этого «общество», въ лицѣ своихъ представителей, должно де бороться, какъ этого настойчиво требуютъ наши газетные демократы.

«И чѣмъ затруднительнѣе, говорятъ они, способы къ общенію путемъ устнаго и печатнаго обмѣна мнѣній, чѣмъ болѣе съуженъ кругъ общественной самодѣятельности, чѣмъ болѣе стѣснена свобода личности..., тѣмъ болѣе цѣнною и плодотворною является всякая прогрессивная общественная инициатива, каждое стремленіе къ открытому выраженію общественныхъ нуждъ, каждый шагъ въ направленіи къ культурнымъ идеаламъ. Вполнѣ понятно, что *если нѣтъ установленныхъ путей для выраженія общественнаго мнѣнія*, то послѣднее вынуждено пользоваться *всѣми* путями, по которымъ бы голосъ его могъ быть услышанъ, могъ бы выйти изъ стадіи молчанія или тихаго шепота».

И какъ же, въ самомъ дѣлѣ, «обществу» не возставать противъ такого Правительства, которое, по увѣренію «либеральной» печати, не предоставляетъ «обществу» даже «установленныхъ путей для выраженія общественнаго мнѣнія» и держитъ его въ «стадіи молчанія или тихаго шепота?» Положимъ, все это грубая ложь и клевета, которую «стѣсненная» печать не стѣсняясь взводитъ на Правительство, но вѣдь извѣстно, что клевета никогда не остается безъ результата, и что наше «общество» мало-по-малу серіозно начинаетъ вѣрить, будто наша Правительственная Власть и въ самомъ дѣлѣ является какимъ-то мрачнымъ зломъ, противъ котораго должны бороться облеченные «свѣтлою, благою, культурною» властью выборные представители народа.

Такимъ образомъ, мы снова наталкиваемся на существованіе у насъ двухъ противоположныхъ властей. Что врагамъ Россіи этотъ фактъ весьма желателенъ, это мы вполнѣ понимаемъ, такъ какъ они никогда не отрицали, что видятъ въ демократическомъ началѣ нашего выборнаго самоуправленія первый шагъ къ распространенію этого начала на всѣ функціи государственнаго организма Россіи. Но столь же понятна и наша точка зрѣнія: мы видимъ единственный логическій выходъ изъ настоящаго двойственнаго положенія въ возстановленіи всюду въ мѣстномъ управленіи *единой* Власти и, конечно, единственно возможной на Руси Власти—Самодержавной Правительственной Власти.

Губерніей долженъ управлять, за полною своею отвѣтственностью предъ Государемъ, назначенный Имъ губернаторъ. Управленіе это должно простираться на всѣ безъ исключенія части губернскаго благоустройства, но участвовать въ этомъ управленіи должны *отнюдь не одни «посторонніе пришлые» чиновники*, но именно *лучшіе мѣстные люди, всего ближе знакомые съ мѣстными дѣлами и непосредственно ими интересующіеся.*

Весь вопросъ только въ томъ, *кто* долженъ *выбрать* этихъ лучшихъ мѣстныхъ людей. Мы со строго-логическою послѣдовательностью отвѣчаемъ, что ихъ долженъ выбрать себѣ въ помощь *губернаторъ*, такъ какъ *лишь при этомъ условіи онъ можетъ вполнѣ отвѣчать за благоустройство своей губерніи*, направляя всю свою энергію не на борьбу съ мѣстными демагогами, парализующими теперь самыя благія намѣренія Правительственной Власти, а на осуществленіе этихъ благихъ намѣреній. Ибо «задача государства», какъ совершенно вѣрно замѣчаютъ наши противники,—

«не парализовать жизнь, а направлять ее по пути плодотворнаго развитія, при которомъ бы всѣ ея *здоровыя*, *производительныя* силы могли находить себѣ активное примѣненіе, могли работать въ общихъ цѣляхъ прогресса, цивилизаціи, народнаго блага и порядка».

Эта дружная, производительная работа тогда только и осуществится у насъ, когда Правительственная Власть будетъ привлекать здоровыя, производительныя силы къ активному *содѣйствію* ей въ достиженіи ея благихъ цѣлей, и когда, слѣдовательно, прекратится теперешнее фрондирующее противодѣйствіе ей со стороны мнимыхъ «представителей народа». Содѣйствовать Правительству мѣстные люди могутъ и въ формѣ совѣщательныхъ земскихъ собраній, но состоящихъ изъ гласныхъ, выбранныхъ не на демократическомъ началѣ общественнаго или народнаго «голосованія», а на основаніи единственно допустимаго въ самодержавномъ государствѣ избранія достойнѣйшихъ самимъ представителемъ Верховной Власти.

Выборное начало.

Мы указали (№ 29) на неправильное утвержденіе нашихъ противниковъ, будто мы стоимъ за мѣстное управленіе посредствомъ однихъ только «посторонніихъ, пришлыхъ» чиновниковъ и требуемъ «устраненія мѣстныхъ земскихъ людей отъ участія въ дѣлахъ, всего ближе имъ знакомыхъ и непосредственно ихъ интересующихъ». Нелѣпость этого утвержденія видна уже изъ того, что мы сами всегда высказывались противъ преобладанія бюрократіи и доказывали необходимость не устраненія, а именно привлеченія лучшихъ мѣстныхъ людей къ мѣстнымъ хозяйственнымъ дѣламъ.

Мы, въ виду этого, совершенно не понимаемъ аргумента нашихъ противниковъ, спрашивающихъ: «Почему этимъ мѣстнымъ земскимъ людямъ должно быть демонстративно отказано во всякомъ довѣріи, въ которомъ не отказывается послѣднему административному служащему?» Мы именно стоимъ за *довѣріе* высшей губернской власти къ мѣстнымъ людямъ, довѣріе «демонстративно» выражающееся въ томъ, что власть эта *выбираетъ* себѣ изъ этихъ мѣстныхъ людей наиболѣе серіозныхъ, свѣдущихъ и дѣятельныхъ помощниковъ, въ видѣ ли «земскаго совѣта», или «земскаго собранія», или «земской коммиссіи», или подъ какимъ-либо другимъ названіемъ. Наши же противники стоятъ за то, чтобы представитель Верховной Власти въ губерніи былъ лишенъ этого права выбора лучшихъ земскихъ людей, а дѣйствовалъ совмѣстно со случайными людьми, назначенными посредствомъ баллотировальной лотереи.

«Высшая власть,—говорятъ *Русскія Вѣдомости*,—относясь съ довѣріемъ къ народу и сознавая необходимость его участія въ удовлетвореніи ближайшихъ его нуждъ, которыя только при такомъ условіи и могутъ быть лучше уясняемы, предоставляетъ *избраннымъ отъ народа людямъ* завѣдывать опредѣленными отраслями мѣстнаго управленія и *совмѣстно съ правительственными органами* осуществлять задачу цивилизованнаго государства.»

Мы уже знаемъ, къ чему приводитъ такая система, ибо результаты у насъ на глазахъ: «избранные отъ народа люди» дѣйствуютъ «совмѣстно съ правительственными органами» лишь въ томъ смыслѣ, что дѣйствуютъ съ ними въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но о какомъ либо *согласномъ* между ними дѣйствіи у насъ и рѣчи не можетъ быть: напротивъ того, между ними идетъ непрестанная *борьба*, которая уже, конечно, «осуществленію задачъ цивилизованнаго государства» содѣйствовать не можетъ.

Такимъ образомъ, какъ мы, такъ и наши противники, одинаково стоимъ за то, чтобы въ завѣдываніи мѣстными дѣлами дѣятельно участвовали совмѣстно съ Правительственною Властью мѣстные земскіе люди, и объ этомъ у насъ спора быть не можетъ, какъ бы объ этомъ ни старались недобросовѣстные наши противники. Разногласіе у насъ заключается единственно въ томъ, что мы желали бы видѣть мѣстныхъ земскихъ людей, принимающихъ дѣятельное, плодотворное участіе въ мѣстныхъ дѣлахъ *согласно съ Верховной Властію*, по личному выбору представителя этой Власти,—а *они* желали бы удержать теперешнюю злополучную систему, по которой мѣстные земскіе люди *противодѣйствуютъ* Правительству, въ качествѣ «избранныхъ отъ народа людей», содѣйствуя этимъ постепенной демократизаціи всего Государства, то-есть достиженію завѣтной цѣли всей нашей народовластной партіи и ея печати.

Вотъ въ этомъ заключается все наше коренное разногласіе съ нашими противниками, и если они хотятъ добросовѣстно вести съ нами споръ, то, мы принимаемъ его только на этой почвѣ.

Итакъ, весь вопросъ сводится къ тому, *кѣмъ* должны выбираться мѣстные земскіе люди для содѣйствія Верховной Власти въ мѣстномъ управленіи — представителемъ ли этой Власти, или же «народомъ»?

Мы, слѣдовательно, сталкиваемся тутъ съ очень старымъ, давно рѣшеннымъ и, тѣмъ не менѣе, все еще будто бы открытымъ, вопросомъ о пригодности выборной системы въ дѣлахъ управленія.

Давно рѣшенъ этотъ вопросъ еще Сократомъ, установившимъ ту аксіому, что «если какое нибудь дѣло нуждается въ *правильномъ* рѣшеніи, то оно должно быть рѣшено *разумомъ, а не большинствомъ голосовъ*». Всѣмъ извѣстна и другая аксіома, установленная Шиллеромъ и гласящая, что «нужно не *считать*, а взвѣшивать голоса». Установлена въ наши дни не менѣе аксіома Ибсена о томъ, что «справедливость находится на сторонѣ меньшинства, а не большинства, и эта аксіома вполнѣ ясна уже при томъ соображеніи, что въ каждомъ данномъ общественномъ или народномъ собраніи людей *умныхъ просвѣщенныхъ и дѣльныхъ* всегда бываетъ *меньше*, чѣмъ людей ограниченныхъ и неспособныхъ къ серіозной дѣятельности. И, несмотря на всѣ эти совершенно очевидныя, неопровержимыя и никѣмъ не отрицаемыя истины, важнѣйшія дѣла въ настоящее время рѣшаются механическимъ *подсчетомъ* голосовъ, согласно съ мнѣніемъ того самаго «большинства», за которымъ всѣ признаютъ выше указанные *существенные* дефекты!

Чѣмъ объяснить эту наглядную несообразность? Да только тѣмъ, что она *неизбѣжна* во всѣхъ государствахъ, основанныхъ на демократическомъ принципѣ, т.-е. на принципѣ *народовластія*, а таковы всѣ западно-европейскія и американскія государства. Таковыми были и всѣ республики древняго міра, впервые выработавшія выборное начало въ примѣненіи къ политической жизни во всей его логической чистотѣ и впервые убѣдившіяся въ полной его негодности. Французская Революція снова вызвала въ жизнь эту негодную для управленія государствомъ систему, такъ какъ, при демократическомъ началѣ, другой, лучшей, изобрѣсти нельзя. Въ томъ именно и заключается вся гнилая сторона народовластія, что оно обречено на примѣненіе этой негодной механической системы торжествующаго умственно-ограниченнаго большинства и угнетаемаго, хотя бы болѣе талантливаго, меньшинства. Всюду, гдѣ царитъ народовластіе, тамъ по необходимости должна господствовать и выборная система, которая, помимо своей абсолютной нелѣпости, вноситъ въ населеніе глубокую заразу политическаго разврата, начиная съ грязныхъ выборныхъ интригъ, избирательныхъ подкуповъ, и кончая слѣпымъ партійнымъ фанатизмомъ и гибельнымъ междоусобіемъ.

Россія имѣетъ великое счастіе стоять подъ Верховною Властію Самодержавнаго Царя и потому можетъ и должна быть избавлена ого всѣхъ нелѣпостей и ого всего политическаго разврата, неизбѣжно сопряженнаго исключительно только съ системой «верховной власти самодержавнаго народа». Если въ Западной Европѣ въ государственномъ управленіи принимаютъ участіе «избранные отъ народа люди», то это вполнѣ понятно, потому что, какъ мы уже сказали, западныя государства всѣ основаны на *революціонномъ* началѣ *народовластія*, которое, слава Богу, Россіи не коснулось. Но присущая этому началу и совершенно чуждая Русскому Самодержавію *выборная система управленія* проникла къ намъ въ Россію при нашей земской и городовой реформѣ

и создала въ нашемъ мѣстномъ управленіи тотъ глубокій разладъ, который въ настоящее время для всѣхъ сталъ очевиднымъ.

Наше выборное «самоуправленіе» до мозга костей пропитано всѣмъ зломъ, съ которымъ неизбѣжно сопряжено всякое выборное управленіе: партійными интригами, эксплуатаціей умственно-ограниченнаго большинства ловкими и наглыми шарлатанами, аферистами и краснобаями, затираніемъ болѣе дѣльнаго, болѣе серіознаго, а слѣдовательно болѣе скромнаго, меньшинства систематическою оппозиціей противъ Верховной Власти, предпочтеніями узко-партійныхъ интересовъ интересамъ серіозной и плодотворной работы, и въ особенности, полнымъ отсутствіемъ отвѣтственности, такъ какъ тамъ, гдѣ дѣла вершатся баллотировочнымъ ящикомъ, *личной* отвѣтственности быть не можетъ.

Какая же можетъ быть *здоровая, плодотворная* дѣятельность мѣстныхъ людей при такихъ ненормальныхъ условіяхъ? Выступаютъ на первый планъ, какъ и во всѣхъ демократическихъ выборныхъ организаціяхъ, люди фразы, люди корыстнаго честолюбія, а за флагомъ остаются люди дѣла, люди скромной серіозной работы, люди дѣйствительно готовые не противодѣйствовать, а содѣйствовать Верховной Власти во всѣхъ ея благихъ начинаніяхъ. Вотъ эти люди, всюду составляющіе это дѣльное талантливое *меньшинство*, о которыхъ мы говорили выше, *лучшіе земскіе люди*—должны быть привлекаемы къ участію въ управленіи мѣстными дѣлами по личному выбору губернатора. Ихъ совѣты для него будутъ въ высшей степени драгоцѣнны, и онъ каждому изъ нихъ окажетъ то довѣріе, которое развяжетъ имъ руки въ ревностной работѣ на пользу Государства вдали отъ всякихъ партійныхъ интригъ и конфликтовъ, которые въ настоящее время отравляютъ и парализуютъ всякую, сколько нибудь серіозную, дѣятельность мѣстныхъ земскихъ людей. Отыскать же этихъ *лучшихъ* людей среди мѣстнаго населенія всегда сумѣетъ умный губернаторъ, но ихъ не отыщетъ толпа «народныхъ избирателей», подчиняющаяся обаянію громкой пустой *фразы* и не умѣющая отличать и по достоинству оцѣнять скромное, серіозное *дѣло*.

Выборъ земскихъ людей представителемъ Верховной Власти имѣетъ не только то громадное преимущество, что онъ вполнѣ согласенъ съ основными началами монархическаго Самодержавія, но и то чрезвычайно важное достоинство, что онъ всѣхъ и все ставитъ на реальную почву дѣйствительнаго, отвѣтственнаго дѣла, устраняя всякія лживыя фикціи и порождаемыя ими недоразумѣнія. Земскій дѣятель, выбранный губернаторомъ для участія въ мѣстномъ-земскомъ дѣлѣ, будетъ вести порученное ему дѣло подъ *личною своею отвѣтственностью* по мѣрѣ собственныхъ силъ и разумѣнія, а не какъ «представитель избравшаго его народа», говорящій и дѣйствующій «отъ имени народа» и приписывающій поэтому своимъ словамъ и дѣйствіямъ чисто-фиктивное значеніе, предъ которымъ будто бы должны преклоняться «представители Правительства». Мы, конечно, понимаемъ, что эта именно фикція «народнаго представительства» въ выборномъ земствѣ наиболѣе дорога внутреннимъ врагамъ Россіи, видящимъ въ этой фикціи зародышъ того всероссійскаго «народнаго представительства», о которомъ они только и мечтаютъ, какъ о могущественномъ орудіи въ ихъ борьбѣ съ вѣковою, традиціонною формой правленія Россіи; но мы такъ же ясно понимаемъ, что необходимо покончить съ этою фикціей, коль скоро мы дорожимъ этою формой правленія и стремимся ее укрѣпить, а не расшатать.

Отвѣтъ «Новому Времени».

Пытаясь возразить на наши послѣднія статьи о необходимости выбора мѣстныхъ людей губернаторомъ, а не «народомъ», *Новое Время* (№ 9.667) выдвигаетъ противъ предлагаемой нами мѣры лишь одинъ аргументъ. Не находя возможнымъ опровергнуть всѣ указанные нами вопіющіе недостатки «народныхъ» выборовъ, петербургская газета старается заранѣе набросить тѣнь на выборы губернаторскіе. Вотъ ея слова:

«Какую же огромную и отвѣтственную обязанность думаютъ *Московскія Вѣдомости* возложить на начальника губерніи, который, если и *является управлять* губерніею во всеоружіи административныхъ знаній и способностей, то все же безсиленъ разобраться въ совершенно новыхъ для него мѣстныхъ людяхъ.»

Новое Время очевидно думаетъ, что губернаторы всегда только «являются управлять» своими губерніями, но никогда ими не управляютъ. Или, можетъ быть, *Новое Время* полагаетъ, что мы одновременно съ введеніемъ названной мѣры предлагаемъ во всѣхъ губерніяхъ назначить непремѣнно новыхъ губернаторовъ, дабы они были «безсильны разобраться въ совершенно новыхъ для нихъ мѣстныхъ людяхъ»?

Можно ли серіозно выставлять такіе аргументы! Возьмите теперешній составъ нашихъ губернаторовъ и скажите намъ, много ли между ними будетъ такихъ, которые вслѣдствіе недавняго своего назначенія не въ силахъ разобраться въ своихъ губерніяхъ? Пять, шесть человѣкъ—и только. Остальное же громадное большинство губернаторовъ служатъ не одинъ и не два года на своихъ мѣстахъ, а гораздо больше лѣтъ, и давно уже знаютъ мѣстныхъ людей, какъ свои пять пальцевъ.

Такимъ указаніемъ на «неопытность» губернаторовъ никого не убѣдишь, и для того чтобъ идти походомъ на предлагаемую нами мѣру, «нужно было бы», говоря словами *Новаго Времени*, «вооружиться болѣе внушительными доспѣхами».

«Создаемъ» ли мы «рабочій вопросъ».

Доброму примѣру, поданному Москвой въ упорядоченіи быта нашихъ рабочихъ, послѣдовалъ и Петербургъ.

Въ воскресенье, 2 февраля, въ священный день Срѣтенія Господня, состоялось въ залѣ при Троицкой церкви Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія первое собраніе Петербургскихъ рабочихъ механическаго производства для обсужденія способовъ въ дѣлѣ взаимопомощи и умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія.

Какъ и въ Москвѣ, рабочіе поставили свое дѣло подъ сѣнь Святой Православной Церкви, и одинъ уже этотъ фактъ ярко характеризуетъ ихъ нравственный обликъ и благую цѣль ихъ начинанія, въ отличіе отъ всякихъ аналогичныхъ рабочихъ движеній на Западѣ.

Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ генералъ Е. В. Богдановичъ въ своемъ прекрасномъ письмѣ протоіерею Ф. И. Орнатскому, прочитанномъ на этомъ первомъ собраніи петербургскихъ рабочихъ, нельзя не радоваться, видя «Русскихъ людей, благоговѣйно жаждущихъ освятить молитвой начало каждаго важнаго дѣла, ибо сердце подсказываетъ: значитъ живъ Богъ въ Русскихъ людяхъ, и Богъ не попуститъ, чтобы молитвой начинаемое дѣло обратилось во зло или пошло по кривымъ путямъ».

А между тѣмъ дѣло, начатое московскими и петербургскими рабочими, вызываетъ даже у иныхъ благомыслящихъ людей смутную тревогу, и намъ не разъ приходилось слышать серіозный укоръ инціаторамъ и покровителямъ этого дѣла. Этотъ укоръ сводится большею частью къ слѣдующему доводу:

«У насъ, слава Богу, нѣтъ рабочаго вопроса, къ чему же намъ создавать его»?

Въ столь важномъ дѣлѣ никакихъ недоразумѣній быть не должно, а потому мы считаемъ своимъ долгомъ внимательно разсмотрѣть истинное значеніе этого довода.

Что такое, прежде всего, «рабочій вопросъ»?

Подъ этимъ терминомъ у насъ обыкновенно разумѣютъ то соціалистическое движеніе рабочихъ, которое открыто на нашихъ глазахъ грозитъ столь серіозною опасностью Западной Европѣ. *Такого* «рабочаго вопроса» у насъ, дѣйствительно, слава Богу, и, Богъ дастъ, никогда и не будетъ.

«Россія», говоритъ генералъ Богдановичъ, «во многомъ не похожа на другія страны, гдѣ такъ много говорятъ о рабочемъ вопросѣ и гдѣ нѣтъ прирожденнаго могучаго радѣтеля объ общемъ благѣ народа, а въ Россіи у всѣхъ одинъ Державный Хозяинъ, Отецъ своего народа, обо всѣхъ печущійся съ любовью и съ несомнѣннымъ желаніемъ обезпечить благо всѣхъ по справедливости, безъ пристрастія и лицепріятія. Что необходимо для блага рабочихъ, о томъ неустанно печется, по Царскому велѣнію, Правительство».

Еслибы въ Западной Европѣ былъ «прирожденный Радѣтель объ общемъ благѣ народа», то и тамъ не существовало бы того соціалистическаго «рабочаго вопроса», который могъ возникнуть и развиться лишь на той зыбкой демократически-революціонной почвѣ, на которой построены всѣ западно-европейскія государства. У насъ же, при Самодержавномъ правленіи нашихъ Государей, въ равной мѣрѣ заботящихся обо всѣхъ сословіяхъ Своей Державы, открытое возникновеніе *соціалистическаго* рабочаго вопроса, по существу своему, невозможно.

«Рабочій вопросъ»,—вполнѣ основательно говоритъ генералъ Богдановичъ,—«возникаетъ тамъ, гдѣ рабочимъ приходится самимъ устраиваться въ своемъ особомъ положеніи, на свой собственный конитъ и страхъ».

Это чрезвычайно важное обстоятельство упускаютъ изъ виду тѣ пессимисты, которые предсказываютъ Россіи всѣ ужасы, являющіеся прямымъ послѣдствіемъ лишь народовластія, а отнюдь не Самодержавія, которое, пока будетъ существовать Россія, всегда будетъ предохранять ее отъ тѣхъ западныхъ язвъ, которыя стараются привить имъ тѣ «сѣятели зла», которые, какъ пишетъ генералъ Богдановичъ, «рвутъ разорить вѣковые устои Земли Русской—Вѣру Православную и Царское Самодержавіе».

Но значитъ ли это, что Правительство, полагаясь на силу Самодержавія, должно предоставить рабочую среду на произволъ судьбы? Конечно, нѣтъ. Всюду, гдѣ не проявляется энергически разумная дѣятельность Правительства,

неминуемо начинаетъ проявляться дѣятельность антиправительственная. Примѣры на лицо: въ нашихъ земскихъ и городскихъ «самоуправленіяхъ», въ которыхъ Правительство такъ долго намѣренно отсутствовало, завелась и развилась противоправительственная фронда. Точно такъ же и въ рабочую среду, долгое время оставшуюся безъ здраваго правительственнаго призора, проникла соціалистическая пропаганда, старающаяся создать тотъ именно «рабочій вопросъ», который, какъ мы уже сказали, является серіозною опасностью для общественнаго и государственнаго строя.

Какъ же должно Правительство относиться къ этому прискорбному факту? Должно ли оно сидѣть сложа руки и предоставлять крамольникамъ волновать рабочій людъ своею преступною пропагандой? Конечно, нѣтъ, ибо тогда именно и создастся у насъ «рабочій вопросъ», какъ послѣдствіе инертной апатичности Правительства. Или, можетъ быть, мы должны бороться съ соціалистическою пропагандою одними лишь полицейскими мѣрами, ничего не дѣлая для того религіозно нравственнаго и умственнаго развитія рабочихъ, которое могло бы дать имъ возможность распознать подкрадывающееся къ нимъ зло и разъ навсегда предохранило бы ихъ отъ соціалистической заразы?

Какъ это ни невѣроятно, но находятся у насъ серіозные, повидимому, люди, которые допускаютъ одинъ лишь полицейскія мѣры для борьбы противъ соціалистической пропаганды и обвиняютъ Правительство въ томъ, что оно будто бы «создаетъ рабочій вопросъ», когда оно помогаетъ рабочимъ бороться противъ возникновенія этого вопроса...

Это очевидное недоразумѣніе. Происходитъ оно отъ того, что у насъ такъ мало знаютъ реальную дѣйствительность нашей рабочей среды.

Тотъ, кто лично въ этой средѣ не вращался, кто не говорилъ съ русскими рабочими, всегда будетъ склоненъ думать, что между русскими и западными рабочими въ этическомъ отношеніи никакой разницы нѣтъ, что русскіе рабочіе, подобно своимъ западнымъ собратіямъ, одушевлены одною лишь злобною ненавистью къ «капиталистамъ» и ни о чемъ, кромѣ матеріальныхъ интересовъ, не заботятся.

Совершенно иная картина раскрывается, однако, передъ нами, коль скоро мы приходимъ въ личное соприкосновеніе съ нравственнымъ характеромъ Русскихъ рабочихъ. Одинъ уже тотъ фактъ, что Московскіе рабочіе такъ искренно увлекаются церковнымъ вѣроученіемъ, даетъ намъ возможность видѣть то коренное различіе, которое существуетъ между ними и рабочими всей Западной Европы. Русскіе рабочіе не пролетаріи: они сохранили свою тѣсную родственную связь съ деревней, они сыновья нашего православнаго крестьянства, они, подобно отцамъ своимъ, беззавѣтно преданы Батюшкѣ-Царю и готовы грудью стоять за Русь Святую. Какъ же намъ не дорожить этими незамѣнимыми качествами русскихъ рабочихъ? А если мы ими дорожимъ, мы должны развивать и укрѣплять ихъ.

Московскіе рабочіе являются къ Московскому Митрополиту съ просьбой руководить ихъ въ дѣлѣ умственнаго и религіозно нравственнаго воспитанія. Съ такою же просьбой петербургскіе рабочіе обращаются къ Митрополиту Петербургскому. И что же? Неужели слѣдовало отказать имъ въ ихъ просьбѣ, дабы «не создавать» рабочаго вопроса? Неужели не ясно, что еслибы послѣдовалъ такой неразумный отказъ, то это было бы лишь на руку соціалистической пропагандѣ, и что тогда именно возникъ бы у насъ «рабочій вопросъ» въ грозномъ *западномъ* значеніи этого слова?

Московскіе и петербургскіе рабочіе желаютъ основать союзы «взаимопомощи». «Вотъ тутъ именно», говорятъ намъ, «и таится главная опасность. Нужно препятствовать всякимъ рабочимъ организаціямъ, какъ полезнымъ, такъ и вреднымъ, ибо самая полезная организація можетъ превратиться во вредную».

Такъ говорятъ у насъ люди, даже очень благонамѣренные, имѣющіе, однако, очень странное понятіе о нашемъ Правительствѣ. Развѣ наше Правительство, создавъ полезную организацію, не въ состояніи предотвратить перехода этой организаціи къ вредной дѣятельности? Лишь конституціонное правительство невольно въ своихъ дѣйствіяхъ. Правительство же Самодержавное можетъ придать всему, что оно создаетъ, ту разумную форму, которая, будучи внушена государственною мудростью и практическою дѣйствительностью, обезпечиваетъ дѣйствительно полезную для государства дѣятельность всякой созданной Правительствомъ организаціи. И неужели для Русскаго Правительства созданіе дѣйствительно полезнаго рабочаго союза взаимопомощи такая уже неразрѣшимая задача, что отъ нея нужно безусловно отказаться изъ опасенія, какъ бы невзначай не создать «рабочаго вопроса»?

Нужно трезво и серіозно смотрѣть на дѣйствительную сущность вещей и не пугаться пустыхъ призраковъ. У насъ нѣтъ и не должно быть западнаго, соціалистическаго рабочаго вопроса, но какъ же можно отрицать, что у насъ есть свой *русскій* рабочій вопросъ въ томъ простомъ, отнюдь, не тревожномъ, значеніи, въ которомъ у насъ есть и дворянскій, и крестьянскій, и школьный, и тарифный, и пожарный вопросъ, то есть въ смыслѣ различныхъ государственныхъ и общественныхъ задачъ, подлежащихъ благоразумному рѣшенію Императорскаго Правительства? Такія задачи, такіе «вопросы» постоянно существуютъ, и въ наиболѣе правильномъ рѣшеніи ихъ и заключается Правительственная дѣятельность. Въ этомъ смыслѣ «рабочій вопросъ» у насъ существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ у насъ существуютъ рабочіе, и онъ можетъ исчезнуть лишь тогда, когда у насъ не будетъ больше ни одного рабочаго. Но рабочій вопросъ, подъ вліяніемъ различныхъ условій, всегда мѣняется и требуетъ все новыхъ правительственныхъ рѣшеній, такъ же какъ, напримѣръ, мѣняются желѣзнодорожный, земскій или какой-нибудь другой вопросъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики.

Такимъ образомъ и въ этомъ, болѣе узкомъ, смыслѣ намъ не приходится «создавать рабочаго вопроса», такъ какъ онъ помимо насъ давно уже созданъ.

Для того чтобъ окончательно успокоить нашихъ пессимистовъ, мы можемъ указать имъ еще на то знаменательное явленіе, что образованіе Московскихъ и Петербургскихъ союзовъ рабочихъ, ищущихъ умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія въ духѣ истины Св. вѣры и любви къ Отечеству, встрѣчается съ нескрываемою враждой со стороны всѣхъ нашихъ соціалъ-демократовъ, дѣлающихъ всевозможныя усилія, чтобъ отвратить рабочихъ отъ этихъ союзовъ, такъ какъ они видятъ въ нихъ величайшую опасность для своей дѣятельности. А все, что вредно для нашихъ враговъ, то очевидно для насъ полезно.

Когда, при первыхъ шагахъ Московскихъ рабочихъ на пути къ своей организаціи, наши соціалъ-демократы пытались забрать эти организаціи въ свои руки, главный органъ ихъ *Русскія Вѣдомости* всячески за нихъ распинались. Но какъ только Московскіе рабочіе тѣсно сплотились вокругъ стяга Православной Вѣры и Самодержавія, соціалъ-демократы отреклись отъ нихъ, и *Русскія Вѣдомости* теперь и знать не хотятъ Московскихъ рабочихъ.

Да послужитъ это должнымъ назиданіемъ и для Петербургскихъ рабочихъ. Да сторонятся они тѣхъ волковъ въ овечьей шкурѣ, которымъ очень хотѣлось-бы втереться въ ихъ среду подъ предлогомъ «умственнаго ихъ просвѣщенія», и да станутъ они, съ первыхъ же шаговъ своихъ, на тотъ путь, который имъ указалъ и преосвященный Сергій, и протоіерей Орнатскій, и генералъ Богдановичъ, который, на основаніи своего долголѣтняго опыта, говоритъ, что «для нашихъ рабочихъ нѣтъ лучшаго союза, какъ союзъ съ пастырями Церкви». Маститый нашъ патріотъ убѣжденъ, что «этотъ нашъ особенный русскій союзъ сбережетъ русскихъ рабочихъ отъ кривыхъ и опасныхъ путей, въ чемъ да поможетъ имъ Богъ».

Московскіе рабочіе уже глубоко и вѣрно оцѣнили мудрые совѣты, преподанные имъ Е. В. Богдановичемъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ присланный ему адресъ ихъ. Такъ же несомнѣнно примутъ къ сердцу его наставленія и Петербургскіе рабочіе, и тогда совершенно будутъ праздными опасенія насчетъ того, «поднимать ли намъ рабочій вопросъ».

Армянская назойливость.

Мелкій, повидимому, инцидентъ, происшедшій на дняхъ въ Петербургѣ, ярко освѣтилъ весьма характерную особенность армянской «интеллигенціи», которую отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ Армянскимъ народомъ.

Русскіе люди, всюду тѣснимые и отовсюду вытѣсняемые столь широко и властно преобладающими у насъ инородческими и иновѣрческими элементами, устроили себѣ въ Петербургѣ убѣжище для того, чтобы тамъ въ тѣсномъ кругу единомышленниковъ отдохнуть душой отъ тяжкой борьбы съ назойливыми врагами Русскаго народа и чтобы тѣснѣе сплотиться въ истинно-русскую дружину, прочнѣе укрѣпить свое національное самосознаніе и яснѣе опредѣлить свое содѣйствіе тому національному возрожденію Россіи, которому положено было начало Великимъ Государемъ Александромъ III. Убѣжище это было названо «Русскимъ Собраніемъ», и одно уже это наименованіе содержало въ себѣ не только характеристику этого новаго кружка, но и характеристику переживаемаго нами времени.

Стало-быть тяжело живется Русскимъ людямъ въ Петербургѣ, если они вынуждены въ столицѣ Русской Имперіи составлять какъ бы особую «русскую колонію» въ иноземномъ государствѣ для того, чтобы чувствовать себя *дома*, чтобы создать себѣ единственно родной пріютъ, въ который не могли бы вторгаться инородческіе элементы съ тою легкостью, съ которою они втираются во всѣ остальныя столичныя общества и собранія. И дѣйствительно «Русское Собраніе» стало для Русскихъ людей въ Петербургѣ такимъ именно учрежденіемъ, въ которомъ, они могутъ собираться для откровенной домашней бесѣды, не опасаясь нарушенія своего домашняго устава и порядка какими-либо непрошенными гостями.

И что же? Даже и въ своемъ собственномъ домѣ Русскіе люди подверглись натиску инородцевъ и вынуждены были дать имъ отпоръ, памятуя правило *my house is my castle.*

31 января, (1903 г.), въ Русскомъ Собраніи сошлись члены его и приглашенные ими гости, чтобы выслушать докладъ редактора *Русскаго Вѣстника*, В. Л. Величко, о Кавказѣ.

Узнавъ объ этомъ, заволновались петербургскіе Армяне и потребовали, чтобы имъ въ этотъ вечеръ открыли доступъ въ Собраніе. Получивъ вполнѣ естественный отказъ, нѣкоторые изъ наиболѣе смѣлыхъ и видныхъ членовъ армянской колоніи явились, съ невѣроятною для благовоспитанныхъ людей назойливостью, въ «Русское Собраніе» передъ началомъ предполагавшейся бесѣды и снова потребовали, чтобы ихъ впустили въ чужой домъ для того, чтобы тамъ протестовать противъ доклада г. Величко, и такимъ образомъ скандально нарушать въ этомъ домѣ тишину и порядокъ.

Потерпѣвъ, разумѣется, новую неудачу и въ этомъ набѣгѣ, Армянскіе «интеллигенты» не угомонились, а стали печатать, на гостепріимныхъ страницахъ *Новаго Времени*, «протесты», негодуя на то, что они «въ число избранныхъ лекторомъ слушателей-гостей попасть не могли», и выражая претензію на то, что «Русскіе люди, спокойно сидя въ своемъ кругу, «должны» выслушать Армянъ въ тѣхъ случаяхъ когда они говорятъ объ Армянахъ».

Мы не знаемъ, приводилъ ли г. Величко въ своемъ докладѣ (составленномъ, судя по резюме, появившемся въ № 9.668 *Новаго Времени*, съ большою сдержанностью и политическимъ тактомъ) какіе либо примѣры армянской назойливости, но едвали онъ могъ привести болѣе убѣдительный и наглядный примѣръ, чѣмъ тотъ, который ему добровольно представили армянскіе «интеллигенты», желавшіе во что бы то ни стало проникнуть въ Русское Собраніе».

Этимъ господамъ совершенно незнакомы даже самые основные элементы простой вѣжливости, ставящей извѣстные предѣлы дикимъ инстинктамъ человѣка. Они не ощущаютъ никакой неловкости въ положеніи непрошенныхъ гостей; они съ полною развязностью чувствуютъ себя дома даже тамъ, куда ихъ никто не приглашалъ и гдѣ присутствіе ихъ никому не можетъ быть желательнымъ. Они уже теперь считаютъ себя «побѣдителями», которыхъ никто не смѣетъ «судить», а еще менѣе «осуждать». Не только въ завоеванномъ ими посредствомъ «захватовъ» Баку, но и въ самой нашей столицѣ они всюду хотятъ наложить свое *veto* и подвергнуть своей армянской цензурѣ даже тѣ русскія мысли, которыя высказываются въ частномъ собраніи Русскихъ людей!

Легко можно себѣ представить, какой они, при такихъ некультурныхъ нравахъ и понятіяхъ, учинили бы скандалъ въ «Русскомъ Собраніи», еслибы распорядители его не нашли въ себѣ достаточно гражданскаго мужества, чтобы затворить предъ ними двери единственнаго на Руси убѣжища для истинно-Русскихъ людей!

Но этотъ примѣръ неслыханной Армянской назойливости имѣетъ и свою хорошую сторону: онъ наглядно доказываетъ, что «Русское Собраніе» уже пріобрѣло должное значеніе, коль скоро на него считаютъ нужнымъ ополчаться инородцы въ союзѣ съ тѣми измѣнниками Русскому дѣлу, которые съ пѣной у рта накидываются на русское самосознаніе и на всѣхъ, кто къ этому самосознанію стремится.

«Русское Собраніе» окажетъ тѣмъ большую услугу Россіи, чѣмъ тѣснѣе будутъ смыкаться ряды его членовъ, чѣмъ строже оно будетъ оказывать отпоръ инородческому натиску на самые завѣтные идеалы Русскаго народа и чѣмъ искреннѣе оно будетъ служить Православной Церкви, Самодержавному Русскому Царю и преданному Церкви и Царю, Русскому народу.

Нововременская логика.

Новое Время (№ 9.671) отказывается теперь отъ огульнаго обвиненія губернаторовъ въ неопытности и въ незнаніи своихъ губерній. А это былъ *единственный* аргументъ петербургской газеты противъ предложеннаго нами выбора членовъ земскихъ совѣтовъ губернаторами, а не «народомъ». *Новое Время* теперь уже не возражаетъ противъ того неопровержимаго факта, на который мы указали въ № 34 нашей газеты, а именно, что «*громадное большинство* губернаторовъ давно уже *знаютъ* мѣстныхъ людей какъ свои пять пальцевъ».

И, тѣмъ не менѣе *Новое Время*, по свойственному ему легкомыслію, дѣлаетъ слѣдующій логическій промахъ:

«Возражая на выставленный нами аргументъ, *якобы единственный*, московская газета обошла молчаніемъ другое наше замѣчаніе, что, *при недостаточномъ знакомствѣ* губернатора съ *мѣстными людьми* *), придуманная ею система мѣстнаго управленія поведетъ къ самому ярому «протекціонизму». А въ этомъ-то и заключается главная прорѣха московскаго законопроекта».

Неужели публицисты *Новаго Времени* не видятъ, что это ихъ «другое замѣчаніе» всецѣло обусловлено первымъ? Оно является лишь *слѣдствіемъ* выставленной ими *единственной причины*, заключающейся во мнимой «неопытности» всѣхъ губернаторовъ. Но разъ они сами теперь признаютъ, что громадное большинство губернаторовъ вполнѣ знакомо съ мѣстными людьми, то этимъ самымъ устраняются и всѣ послѣдствія, которыхъ можно было бы опасаться лишь въ томъ случаѣ, еслибы была вѣрна первая посылка, выставленная *Новымъ Временемъ*, отъ которой оно теперь отказывается. *Tollenda causa tollitur effectus.*

Что же касается ничтожнаго процента «вновь назначаемыхъ» губернаторовъ, то они найдутъ въ своихъ губерніяхъ уже готовый составъ земскихъ совѣтовъ, назначенный ихъ предшественниками, такъ что и они будутъ избавлены отъ ошибокъ, на первое время, пока они основательно будутъ знакомиться съ мѣстными земскими людьми своей губерніи. Къ тому же подобныя ошибки легко поправимы.

Если *Новое Время* будетъ строго держаться логики и отрѣшится отъ устарѣлыхъ предразсудковъ противъ Правительственной Власти, петербургская газета не найдетъ никакихъ «прорѣхъ» въ «московскомъ законопроектѣ», имѣющемъ главною своею цѣлью организовать на мѣстахъ сильную и разумную губернаторскую власть, *несущую полную отвѣтственность* за *все* благоустройство ввѣренной ей губерніи и могущую нести эту отвѣтственность лишь при томъ условіи, что *она сама* будетъ выбирать себѣ изъ среды мѣстнаго населенія дѣльныхъ сотрудниковъ, готовыхъ *содѣйствовать*, а не *противодѣйствовать* Правительственной Власти.

---

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

Фальшивое знамя.

Въ своей статьѣ «Оправданіе зла» (*М. В.* 1903 г., № 47) князь П. Н. Цертелевъ совершенно справедливо указываетъ на то недоразумѣніе, которое у насъ возникаетъ каждый разъ, когда мы говоримъ о нашемъ мѣстномъ управленіи.

Недоразумѣніе это вызывается тѣмъ, что мѣстныя, чисто-хозяйственныя, учрежденія дѣйствуютъ подъ флагомъ «земства», а этотъ флагъ вызываетъ представленіе о несравненно болѣе широкихъ функціяхъ.

Если бы наши, такъ-называемыя, «земства» носили болѣе скромныя, но за то и болѣе подходящія къ ихъ законной дѣятельности названія мѣстныхъ «хозяйственныхъ собраній», или комитетовъ, то имъ и въ голову не приходило бы присваивать себѣ роль какихъ-то мѣстныхъ «земскихъ соборовъ». А еслибы какой-нибудь членъ такого «хозяйственнаго комитета» когда-нибудь и зарапортовался и началъ бы говорить о предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ мѣстному хозяйству, то достаточно было бы напомнить ему о названіи того учрежденія, въ которомъ онъ говоритъ, чтобы тотчасъ же предохранить его отъ излишнихъ увлеченій. Но попробуйте вразумить «земскаго» оратора указаніемъ на то, чтобъ онъ держался въ предѣлахъ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ: онъ сочтетъ себя кровно обиженнымъ, такъ какъ до онъ «земскій», а, слѣдовательно, «народный» дѣятель а народные интересы такъ де широки и разнообразны, что ихъ ни въ какія рамки помѣстить нельзя, а потому въ «земскихъ собраніяхъ» можно де обсуждать и рѣшать всѣ возможныя и даже невозможныя дѣла.

Путаница понятій, вызванная неудачнымъ наименованіемъ мѣстныхъ хозяйственныхъ учрежденій «земскими», такъ велика, что даже Государю Императору необходимо было снизойти до объясненія мѣстнымъ дѣятелямъ истинной ихъ задачи.

Всѣмъ памятны слова Государя, съ какими Его Величеству угодно было обратиться прошлою осенью (1902 г.) къ Курскому земству. Вотъ эти слова:

«Я радъ буду оказать вамъ всякое попеченіе, заботясь въ то же время объ объединеніи дѣятельности всѣхъ властей на мѣстахъ. Помните, что призваніе ваше: мѣстное устройство въ области хозяйственныхъ нуждъ. Успѣшно выполняя это призваніе, вы можете быть увѣрены въ сердечномъ Моемъ къ вамъ благоволеніи».

Еслибы наши мѣстныя хозяйственныя учрежденія принуждены были спустить присвоенный имъ по ошибкѣ фальшивый флагъ «земства» и вмѣсто него надъ ними взвилось бы знамя, на которомъ начертаны были бы только-что приведенныя Царскія слова, то этимъ сразу внесенъ былъ бы яркій свѣтъ въ запутанную нынѣ область мѣстнаго управленія и былъ бы положенъ конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ, доводящимъ подъ часъ нашу мѣстную и даже общегосударственную жизнь до весьма остраго ненормальнаго положенія.

Правда—прежде всего, правда—во всемъ! Каждому предмету должно быть дано настоящее, а не ложное имя, а потому и учрежденія, вѣдающія исключительно мѣстныя *хозяйственныя* дѣла, должны бы такъ и называться учрежденіями «хозяйственными», а не «земскими».

Царскій путь.

Яркимъ свѣточемъ въ современной тьмѣ возсіялъ для насъ Высочайшій Манифестъ 26 февраля (1903 г.).

Положенъ, наконецъ, предѣлъ тѣмъ тревожнымъ слухамъ и толкамъ, которые такъ долго волновали наше общество относительно какого-то новаго, невѣдомаго пути, предстоящаго будто бы Россіи. Слухи эти усиленно распространялись врагами Россіи какъ заграницей, такъ и въ предѣлахъ нашей родины—въ печати, въ общественныхъ собраніяхъ и въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, всюду вызывая смуту и броженіе, ропотъ и недовольство, охватившіе какъ высшіе, такъ и низшіе слои населенія. Дошло до того, что даже самые безсмысленные вѣсти находили себѣ вѣру, и никто уже не могъ отличить ложь отъ правды, возможное отъ невозможнаго. Съ каждымъ днемъ все сильнѣе чувствовалась потребность въ ясномъ словѣ, которое освободило бы Россію отъ сгущавшагося вокругъ нея мрака, и разъ навсегда указало бы ей тотъ путь, который предъ нею открывается.

Слово это нынѣ произнесено.

Самъ Державный Вождь Россіи провозгласилъ его и разъяснилъ намъ всѣ сомнѣнія, такъ мучительно тревожившія наши умы и сердца.

Мы теперь знаемъ, что Россія не покинетъ своего вѣковаго, испытаннаго пути, и что всѣ противорѣчившіе этому слухи никакого серіознаго основанія не имѣли. Причиной ихъ возникновенія служила «*смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни*».

«*Смута эта*», говоритъ Государь, «*препятствуетъ общей работѣ по улучшенію благосостоянія*», и «*волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодыя силы, дорогія Нашему сердцу и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ*».

Разсѣять эту смуту, замѣнить лживыя иллюзіи реальною правдой и возвратить покой встревоженнымъ умамъ русскихъ людей,—вотъ что рѣшилъ въ Своемъ любвеобильномъ сердцѣ Боговѣнчанный Отецъ Русскаго народа, и Онъ дѣйствительно совершилъ это великое дѣло, преисполнивъ радостною бодростью всѣхъ вѣрноподданныхъ сыновъ Своихъ, которые найдутъ въ Высочайшемъ Манифестѣ 26 февраля ясный отвѣтъ на всѣ волновавшіе ихъ за послѣднее время вопросы, возбужденные враждебными государственному порядку и чуждыми русской жизни лжеученіями.

Лжеученія эти направлены, какъ извѣстно, противъ двухъ главныхъ устоевъ Русскаго Государства,—противъ Самодержавія его Царей и противъ Православія его Церкви, соединяющихся въ одномъ общемъ величавомъ, глубоко религіозномъ, понятіи Русской Царской Власти.

Этотъ характеръ Своей Власти Государь Императоръ выражаетъ съ категорическою ясностью въ слѣдующихъ, умилительныхъ для Русскаго сердца, начальныхъ словахъ Своего Манифеста:

«*Изволеніемъ промысла Божія вступивъ на Прародительскій Престолъ, Мы приняли священный обѣтъ предъ лицомъ Всевышняго и совѣстью Нашею свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской и посвятить жизнь Нашу служенію возлюбленному Отечеству*».

Итакъ, не на новый, неизвѣданный путь ведетъ Русскій Царь Свою Россію: Онъ твердо намѣренъ и впредь править ею, держась вѣрнаго, прямаго пути Своихъ Державныхъ Прародителей, на которомъ свято хранятся «вѣковые устои Русскаго Государства».

Дабы въ этомъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, Государю угодно было подтвердить эту Свою основную мысль еще слѣдующими знаменательными словами:

«*Въ неусыпныхъ заботахъ о подданныхъ Нашихъ, Мы обрѣли пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ Державныхъ Нашихъ Предшественниковъ и прежде всего Незабвеннаго Родителя Нашего*».

Въ чемъ же заключалось главное «дѣло» въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III?

Манифестъ, изданный въ знаменательный день 26 февраля въ пятьдесятъ восьмую годовщину рожденія великаго Царя-Миротворца, весьма точно опредѣляетъ Его дѣло слѣдующими словами:

«*Укрѣпленіе порядка и правды въ Русской землѣ*».

Державный Сынъ Его, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, считаетъ Своимъ «*священнымъ долгомъ, возложеннымъ на Него Всемогущимъ Богомъ*»,—*довершить* это дѣло укрѣпленія порядка и правды, «*въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни*».

Въ виду этого, Государь призываетъ всѣхъ Своихъ вѣрноподданныхъ —

«*содѣйствовать Ему къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью Самодержавной Власти, только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ*».

Да послужатъ эти слова государственной мудрости незыблемымъ руководствомъ всѣмъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ, въ особенности же родителямъ и воспитателямъ русскаго юношества, какъ въ низшихъ и среднихъ, такъ и въ высшихъ школахъ, ставшихъ, къ сожалѣнію, поприщемъ той антигосударственной смуты, которая «приводитъ къ гибели молодыя силы, дорогія сердцу Царя и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ».

Но враги Россіи, какъ мы видѣли, стремятся не только къ тому, чтобы вывести Россію изъ-подъ благодатной сѣни Самодержавной Власти, но и къ тому, чтобы поколебать устои Православной Церкви. Имъ хотѣлось бы лишить ее первенствующаго ея въ нашемъ Государствѣ значенія, чтобы уравнять ее съ прочими вѣрованіями и сектантскими лжеученіями, узаконивъ подъ предлогомъ «свободы совѣсти» и «вѣротерпимости», даже совращеніе сыновъ Православной Церкви въ чуждыя ей вѣрованія и даже въ полное невѣріе.

Манифестъ 26 февраля напоминаетъ намъ, что вовсе не въ этомъ заключается истинная вѣротерпимость, завѣты которой «*начертаны въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской*»: эти законы предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Русскаго Царя инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженій по обрядамъ опой, но тѣ же законы «*благоговѣйно почитаютъ Православную Церковь первенствую-*

щею и господствующею», а слѣдовательно и имѣющею присвоенныя ей одной права и преимущества предъ другими исповѣданіями.

Русское Государство находится въ столь тѣсномъ единеніи съ Православною Церковью, что дѣло «укрѣпленія порядка и правды въ Русской землѣ» немыслимо безъ содѣйствія Православной Церкви, въ лицѣ ея какъ высшаго, такъ и низшаго духовенства. Вотъ почему въ Своихъ отеческихъ заботахъ объ упорядоченіи нашей сельской жизни Государь Императоръ призналъ за благо—

«*Продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы*».

Наша сельская жизнь является, какъ извѣстно, вслѣдствіе давно уже укоренившихся въ ней непорядковъ, главнымъ объектомъ той преступной дѣятельности, которую наши враги проявляютъ за послѣднее время съ такою интенсивностью, стараясь уничтожить сословный строй Русскаго Государства и окончательно погубить русское дворянство, въ вѣковыхъ доблестныхъ завѣтахъ котораго они чуютъ главный оплотъ Царской Самодержавной Власти. А потому они усиленно распускаютъ слухи о томъ, будто уже рѣшено упразднить сословный строй въ Россіи, какъ вредный пережитокъ стараго времени.

Нелѣпые слухи эти находятъ себѣ полное опроверженіе въ Манифестѣ 26 февраля: желая упрочить народное хозяйство, Государь рѣшилъ направить дѣятельность Дворянскаго и Крестьянскаго Банковъ—

«*къ вящшему укрѣпленію и развитію благосостоянія основныхъ устоевъ русской сельской жизни — помѣстнаго дворянства и крестьянства*».

Сельскому и мѣстному управленію Манифестъ 26 февраля посвящаетъ особое вниманіе, такъ какъ въ этой сферѣ особенно сгустился мракъ противорѣчивыхъ толковъ и лжеученій, которые сдѣлали нашу деревню яблокомъ раздора между земствомъ и администраціей, находящимися и по другимъ вопросамъ мѣстной жизни въ остромъ антагонизмѣ. Манифестъ напоминаетъ о предначертанныхъ Государемъ трудахъ по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, въ основу которыхъ будетъ положена неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, при отмѣнѣ круговой поруки, и которые, по ихъ первоначальномъ выполненіи въ указанномъ Государемъ порядкѣ, будутъ переданы на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки въ губернскихъ совѣщаніяхъ, при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, мѣстныхъ дѣятелей.

Что же касается вообще участія мѣстныхъ людей въ земской жизни, которому наши антигосударственные элементы постоянно стараются отвоевать наибольшую независимость отъ Правительственной Власти, то Манифестъ 26 февраля въ особо рѣшительной формѣ ставитъ окончательный предѣлъ всѣмъ ихъ иллюзіямъ: губернское и уѣздное управленія будутъ преобразованы для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, «*руководимыхъ сильною и закономѣрною властью, предъ Государемъ строго отвѣтственною*».

Такимъ образомъ, Манифестъ 26 февраля снова возстановляетъ во всей его силѣ тотъ основной, но пошатнувшійся у насъ, принципъ, что мѣстная административная власть должна предъ Государемъ строго отвѣчать за все благосостояніе ввѣреннаго ей края, а эту отвѣтственность она можетъ нести лишь въ томъ случаѣ, если въ краѣ рядомъ съ нею не будетъ другой, парализующей ея дѣйствія, земской власти, т.-е. если она, говоря словами Манифеста, будетъ сильна и закономѣрна и сама, по своему усмотрѣнію, будетъ руководить трудами мѣстныхъ людей.

Таковъ тотъ путь, по которому Государь будетъ вести Россію «*къ усовершенствованію государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни, какъ главнаго условія преуспѣянія Его державы на твердыхъ основахъ Вѣры, Закона и Власти*».

На этомъ пути Государь можетъ быть увѣренъ въ «*тѣсномъ единеніи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества*», которые поспѣшатъ исполнить Его благія помышленія.

Русскій Царь «*требуетъ отъ всѣхъ исполнителей Его воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни, и уповаетъ на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга*».

Нѣтъ ни одного истинно-Русскаго человѣка, который не счелъ бы своимъ священнѣйшимъ долгомъ откликнуться на этотъ призывъ своего Царя, дабы съ самоотверженнымъ рвеніемъ исполнить Его требованія и оправдать Его упованія, благоговѣйно присоединяясь къ Его молитвѣ Господу Вседержителю о «*ниспосланіи благословенія на Царственный трудъ Его*».

Да грядетъ нашъ Царь съ бодрою рѣшимостью по этому, избранному Имъ, истинно-царскому пути: вся Россія послѣдуетъ за Нимъ съ пламеннымъ восторгомъ.

Правда въ русскомъ винодѣліи.

Какъ это ни невѣроятно, но фальсификація русскихъ винъ находитъ себѣ защитниковъ. И, что еще невѣроятнѣе, этими защитниками являются не только виноторговцы, видящіе прямую выгоду въ обманѣ своихъ покупателей, но и люди, драпирующіеся въ тогу науки, народолюбія и безкорыстія. Но что же это за «наука», которая беретъ подъ свою защиту не истину, а ложь? Что это за «народолюбіе», которое стремится къ эксплуатаціи народа путемъ грубаго обмана? И что это за «безкорыстіе», которое старается извлекать громадную прибыль изъ продажи негоднаго дешеваго продукта подъ видомъ продукта цѣннаго и доброкачественнаго?

Но что уже совершенно непостижимо, это—то, что Русскіе люди, борющіеся противъ всей этой клики защитниковъ лжи, обмана и народной эксплуатаціи, не находятъ себѣ немедленнаго и полнаго содѣйствія со стороны всѣхъ компетентныхъ въ этомъ вопросѣ властей, а должны еще доказывать нѣкоторымъ изъ нихъ, что дважды-два — четыре, что ложь — вредна, что

обманъ—безнравствененъ, и что всякая фальсификація промышленныхъ продуктовъ приноситъ несомнѣнный вредъ какъ народу, такъ и промышленности, а слѣдовательно и всему Государству.

Наши читатели хорошо знакомы съ сущностью вопроса о фальсификаціи русскихъ винъ *). Они знаютъ, что борьба съ этою фальсификаціей безусловно необходима не только въ интересахъ истиннаго, «правдиваго» русскаго винодѣлія, требующаго защиты отъ безсовѣстной конкурренціи фальсификаторовъ, но и въ интересахъ самого Государства, такъ какъ созданіе правильнаго винодѣлія въ Россіи, которое превратитъ неизмѣримыя безплодныя пространства нашего Юга въ богатыя, доходныя статьи, является вопросомъ первостепенной государственной важности, который, однако, можетъ быть правильно разрѣшенъ лишь тогда, когда натуральное вино на нашихъ рынкахъ не будетъ вытѣсняться виномъ фальсифицированнымъ.

Но Правительство заинтересовано въ побѣдѣ надъ торжествующею въ настоящее время у насъ винною фальсификаціей не только потому, что оно, въ силу своего этическаго принципа, всегда обязано стоять за правду противъ лжи, и не только потому, что оно обязано заботиться о поднятіи сельскохозяйственной производительности нашего Юга, но и по болѣе реальнымъ, финансовымъ соображеніямъ.

Южные фальсификаторы, прибавляющіе къ виноградному суслу, полученному отъ самыхъ низкихъ, дешевыхъ сортовъ винограда, кристаллизованный сахаръ, а главнымъ образомъ сахаръ-песокъ, во время бурнаго броженія сусла, превращающаго сахаръ въ алкоголь,—создаютъ подъ видомъ «натуральнаго виноградная вина» не что иное, какъ безакцизный спиртный напитокъ, который, будучи, по стоимости градусовъ алкоголя, болѣе чѣмъ въ два раза дешевле нашей монопольной водки, вытѣсняетъ ее съ нашихъ внутреннихъ рынковъ, нанося громадный ущербъ казенному акцизу, а также губитъ русское виноградарство Правда, казна получаетъ акцизъ съ сахара, которымъ фальсифицируется вышеуказаннымъ способомъ плохое виноградное вино, но эта выгода казны ничтожна сравнительно съ тою потерей, которую она несетъ на произведенной этимъ сахаромъ безакцизной водкѣ **).

Всѣ эти доводы неопровержимо доказываютъ, что русскіе винодѣлы, поднявшіе непримиримую борьбу противъ винныхъ фальсификаторовъ, заслуживаютъ не только серіознаго вниманія и полнаго сочувствія со стороны Правительства, но и немедленнаго энергическаго содѣйствія.

Предлагаемыя ими мѣры для этой, столь важной въ государственномъ отношеніи, борьбы вполнѣ разумны, справедливы и цѣлесообразны, отличаясь вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и всякое правое дѣло, простотой и удобопримѣнимостью.

Мѣры эти, какъ извѣстно, заключаются въ томъ, что Правительство обя-

*) См. *Моск. Вѣд.* № 59 „Отвѣтъ г. Тапрову и К°“ кн. Л. С. Голицына; № 60 „Правда объ Одесскомъ Съѣздѣ“ А. Пернотте; № 63 „Голосъ потребителя“ П. Сазонова и № 67 „Нужды винодѣлія“. См. также „Открытое письмо“ князя Л. С. Голицына (№ 74).

**) Въ Россіи производится ежегодно 30.000.000 ведеръ винограднаго вина. Если предположить, что только одна третья часть фальсифицируется сахаромъ въ указанномъ на Одесскомъ Съѣздѣ количествѣ (5 фун. на ведро), то казна получитъ акциза съ этого сахара 2.187.500 руб.; но получившаяся отъ фальсификаціи водка приноситъ акцизу ущербъ на 13.900.000 р., такъ что въ концѣ концовъ казна отъ этой операціи ежегодно теряетъ 10.812.500 руб.

зало виноделовъ и виноторговцевъ продавать свои вина съ такими внѣшними знаками, которые бы ясно показывали покупателю, какое ему предлагается настоящее ли натуральное вино, или же вино съ тою или другою примѣсью, происходящею отъ винограда, будь то виноградный спиртъ или сгущенное виноградное сусло, или же, наконецъ, свекловичный или тростниковый сахаръ, — не говоря уже о винахъ фальсифицированныхъ примѣсью хлѣбнаго или картофельнаго спирта или какихъ-либо другихъ ингредіентовъ; подобныя «вина», разумѣется, также должны поступать въ продажу съ особою внѣшнею отмѣткой. Такими знаками и отмѣтками могли бы быть, напримѣръ, различнаго цвѣта бандероли, чтобы нанести окончательный ударъ всякимъ фальсификаторамъ, которымъ, подъ страхомъ чувствительныхъ законныхъ каръ, должно быть запрещено пользоваться несоотвѣтствующимъ содержимому вину внѣшнимъ знакомъ. Такая мѣра уже установлена въ Германіи закономъ 24 мая 1901 года (§§ 2 и 4) и, по общимъ отзывамъ, она уже оказала *самое благодѣтельное* вліяніе на германское винодѣліе: раціональная культура винограда стала быстро вытѣснять плохую, хищническую культуру, а фальсификація вина стала быстро исчезать.

Не ясно ли, что подходящая законодательная мѣра должна быть немедленно введена и у насъ въ Россіи, и что и у насъ она будетъ имѣть тѣ же благія послѣдствія, какъ и въ Германіи?

А между тѣмъ, нашимъ Русскимъ винодѣламъ предлагаютъ, вмѣсто этого, какъ бы съ нѣкоторою провіей, какую-то жалкую полумѣру, въ видѣ «факультативной бандероли». Имъ говорятъ: «вы можете, если хотите, обозначить свое чистое вино соотвѣтствующимъ знакомъ; но тѣмъ же знакомъ можетъ обозначить и фальсификаторъ свое фальшивое вино, не подвергаясь за это ни отвѣтственности, ни карѣ». Можно ли серіозно говорить о такой мѣрѣ, которая, очевидно, будетъ не противодѣйствовать, а еще болѣе содѣйствовать фальсификаціи вина, обману публики и подрыву правильной виноградной культуры, со всѣми ея тяжкими для Государства послѣдствіями? А потому, если внѣшнимъ отличительнымъ знакомъ для нашихъ винъ будетъ введена бандероль, то она должна быть не «факультативною», а *обязательною,* и примѣненіе ея должно подлежать строгому казенному контролю, съ наложеніемъ серіозныхъ судебныхъ каръ въ случаѣ обнаруженныхъ злоупотребленій.

Но чистыя русскія вина должны быть ограждены отъ безчестной конкурренціи фальсифицированныхъ винъ не только русской, но и заграничной фабрикаціи. Для этого будетъ вполнѣ достаточно, если Россія, при предстоящемъ заключеніи новыхъ торговыхъ договоровъ съ Германіей и Франціей (которыя однѣ только, въ сущности, и ввозятъ къ намъ иностранныя вина), установитъ, какъ правило, что всѣ ввозимыя къ намъ иностранныя вина должны быть снабжены такъ-называемыми «свидѣтельствами о происхожденіи» (certificats d'origine).

Но, можетъ-быть, Германія и Франція возстанутъ противъ этого правила?

Нисколько. Германія, какъ мы только-что видѣли, уже упорядочила свое винодѣліе, такъ что сама пойдетъ къ намъ навстрѣчу, если мы поможемъ ей въ борьбѣ противъ фальсификаціи германскихъ винъ. Что же касается Франціи, то ея серіозные, солидные винодѣлы только и мечтаютъ о томъ, чтобъ имъ дана была возможность ввозить въ Россію свои *хорошія, чистыя* вина, не опасаясь совершенно убивающей ихъ конкурренціи всевозможныхъ заграничныхъ и русскихъ фальсифицированныхъ французскихъ винъ. Мы могли бы

даже, въ виду нашего союза съ Франціей, понизить нашъ таможенный тарифъ на *доказанно-чистыя* Французскія вина: пусть они на льготныхъ условіяхъ конкуррируютъ съ нашими *чистыми* же винами, для которыхъ гибельна лишь конкурренція *лжи*, а не благородное соперничество съ *правдой*.

Дѣло правды всегда ясно, просто и чисто. Борьба со всякою ложью и фальшью есть всегда дѣло правое. Такимъ правымъ дѣломъ является и борьба съ фальсификаціей русскихъ винъ, а потому мы не можемъ допустить даже мысли, чтобы за этимъ правымъ дѣломъ не оказалось скорой и полной побѣды.

Благая вѣсть.

Съ восторженною радостью Москва встрѣтила облетѣвшую сегодня (26 марта) всѣхъ ея жителей благую вѣсть о предстоящемъ прибытіи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Свою Первопрестольную столицу.

Офиціальныя извѣщенія говорятъ намъ пока лишь о Высочайшемъ выходѣ къ божественной литургіи въ Успенскій соборъ, имѣющемъ быть 30 сего марта, въ день праздника Входа Господня въ Іерусалимъ, но сердца Москвичей уповаютъ, что осуществится та свѣтлая надежда, которая вспыхнула въ нихъ три года тому назадъ, когда Царь и Царица благоговѣйно готовились среди московскихъ святынь ко встрѣчѣ Свѣтлаго праздника, и когда, по наступленіи сего великаго торжества, Царь христосовался со Своимъ народомъ.

Надежда эта высказывалась въ то время единодушно всѣми Москвичами, безъ различія состояній и сословій: «Да повторятся, говорили мы, эти святые незабвенные дни еще и еще разъ; да обратятся они въ постоянное, хранимое обычаемъ, преданіе, связующее наше время со священнѣйшими преданіями Московской Царской Россіи, когда, во дни Страстной и Пасхальной седьмицъ, осѣняемый Церковною благодатію таинственно-духовный союзъ Русскаго Царя съ Русскимъ народомъ выступалъ передъ взорами всего міра въ наиболѣе яркомъ, осязательномъ своемъ проявленіи!»

Дѣйствительно, единеніе Царя съ народомъ давно уже не выражалось съ такою глубоко-умилительною, истинно русскою простотой, какъ это было три года тому назадъ въ священные дни тѣхъ двухъ седьмицъ, которыя являются высшимъ апогеемъ церковнаго и народнаго подъема духа въ годичномъ кругѣ великихъ праздниковъ Православной Церкви.

Москва доселѣ еще полна разсказовъ о всѣхъ тѣхъ событіяхъ, которыми были ознаменованы эти дни Высочайшаго пребыванія въ стѣнахъ Бѣлокаменной Москвы, и разсказы эти, передаваемые изъ устъ въ уста, получаютъ уже характеръ трогательныхъ легендъ, которыя сохранятся въ памяти народной и передадутся дальнѣйшимъ поколѣніямъ, какъ явные примѣры той беззавѣтной любви, которою неразрывно соединяется Русскій Царь со Своимъ народомъ на благо всей Россіи.

Вотъ почему Москва, при первой вѣсти о предстоящемъ новомъ счастіи—прибытіи Государя со Своею Августѣйшею Семьей къ началу Страстной седьмицы,—не можетъ отказаться отъ мысли, что Господу Богу угодно исполнить ея надежды и осчастливить ее такою же несказанною радостью, какая ей ниспослана была въ то незабвенное время народнаго блаженства.

Но если наша надежда дѣйствительно осуществится, то благая вѣсть о Царскомъ пребываніи въ Москвѣ въ предстоящіе великіе и святые дни исполнитъ благоговѣйною радостью не однихъ только Москвичей, но и всѣхъ Русскихъ людей на всемъ необозримомъ пространствѣ нашей Родины. Вѣдь не даромъ вѣщій гласъ поэта навсегда опредѣлилъ великое значеніе Москвы, при одномъ имени которой сливается въ русскомъ сердцѣ столько святыхъ, глубокихъ чувствъ. «Царь въ Москвѣ»—одно уже сочетаніе этихъ словъ вызываетъ въ воображеніи Русскаго народа дорогое, родное представленіе о Царѣ, пребывающемъ подъ благодатною сѣнью той вѣковѣчной святыни, которая благословляла на державные подвиги Московскихъ Великихъ Князей и Царей, созидателей, собирателей и утвердителей Россійскаго Государства. Русскій народъ искренно вѣритъ, что Царь въ Москвѣ набирается новыхъ силъ для Своего труднаго Самодержавнаго поприща, вознося въ Кремлевскихъ храмахъ Свою молитву къ престолу Царя царствующихъ и соприкасаясь на стогнахъ Первопрестольной Столицы съ бодрящею стихіей беззавѣтно преданнаго Ему народа. И когда въ 1900 году вся Россія съ сердечнымъ участіемъ читала умилительное повѣствованіе о Царскомъ говѣніи въ Москвѣ, Русскіе люди сами усерднѣе молились и встрѣчали Свѣтлый праздникъ съ повышеннымъ чувствомъ ликующей радости, въ твердомъ упованіи, что Господь услышитъ слившуюся воедино молитву Царя и народа и ниспошлетъ имъ ту крѣпость духа, которая такъ необходима и спасительна для Россіи на предуказанномъ ей Богомъ великомъ ея историческомъ пути.

Таковы тѣ надежды и упованія, которыми нынѣ преисполнились сердца всѣхъ русскихъ людей, радостно встрепенувшихся при благой вѣсти о новомъ Царскомъ посѣщеніи Москвы.

Да даруетъ Господь этимъ надеждамъ и упованіямъ счастливое и благополучное исполненіе!

Исполнившаяся надежда.

При первой радостной вѣсти о прибытіи Государя въ Москву мы рѣшились высказать надежду, возгорѣвшуюся въ сердцахъ всѣхъ Москвичей, что Москва будетъ осчастливлена такъ же, какъ три года тому назадъ, пребываніемъ въ ея стѣнахъ Царской Семьи въ теченіе всей Страстной и Пасхальной седьмицъ.

Надежда эта нынѣ сбылась.

На Высочайшемъ выходѣ къ Божественной литургіи въ Успенскій соборъ Его Величеству Государю Императору угодно было отвѣтить на привѣтъ Московскаго городскаго головы, между прочимъ, слѣдующими словами:

„Мы счастливы провести дни Страстной и Пасхальной недѣли въ дорогой Намъ Москвѣ“.

Такимъ образомъ, та радость Первопрестольной столицы, которую она всегда выражаетъ съ такимъ искреннимъ увлеченіемъ, когда она удостоивается видѣть у себя своего Царя, усугубляется нынѣ, какъ и три года тому назадъ, еще другою, болѣе глубокою, благоговѣйною радостью.

Вмѣстѣ съ Царемъ своимъ Москва будетъ готовиться постомъ и покаяніемъ въ достойной встрѣчѣ Свѣтлаго праздника; вмѣстѣ съ Царемъ своимъ Москвичи будутъ возносить Всевышнему свои молитвы въ тѣ великіе дни Страстей Господнихъ, когда церковная служба въ православныхъ храмахъ исполнена захватывающаго душу глубокаго трагизма, которымъ проникаются и умиляются даже самыя равнодушныя сердца; вмѣстѣ съ Царемъ своимъ мы услышимъ въ нашихъ храмахъ и торжествующую надъ смертью пѣснь о воскресшемъ Христѣ Спасителѣ, ту пѣснь, которая пробуждаетъ въ насъ искреннѣйшія чувства той чистой братской любви, которая составляетъ самую суть данной намъ Спасителемъ новой заповѣди.

Мы всѣ дорожимъ духовнымъ общеніемъ въ молитвѣ съ лицами, близкими нашему сердцу. Православныя семьи всегда мечтаютъ о томъ, чтобы вмѣстѣ помолиться въ храмѣ въ великія церковныя торжества; супруги, братья и сестры, родственники и друзья стремятся къ тому, чтобы вмѣстѣ приступить къ величайшему моменту въ жизни христіанина — къ причащенію Святыхъ Таинъ Господнихъ; а встрѣтить Пасху вдали отъ родной семьи ощущается православнымъ христіаниномъ какъ великое несчастіе.

И это весьма понятно. Общеніе съ близкими намъ людьми внѣ храма не можетъ сравняться по своей духовной силѣ съ общеніемъ молитвеннымъ, которое одно даетъ намъ возможность соединиться съ дорогими намъ лицами въ абсолютно-чистомъ духовномъ единеніи, осѣняемомъ благодатною силой Господнею. Намъ трудно полагаться на самихъ себя во всѣхъ нашихъ дѣлахъ житейскихъ: мы на каждомъ шагу нуждаемся въ искренней дружеской помощи нашихъ ближнихъ. Но еще менѣе мы можемъ полагаться на собственныя силы въ нашей духовной жизни, въ которой намъ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, нужна искренняя духовная помощь дорогихъ нашему сердцу друзей. Вотъ почему мы такъ ищемъ общей съ ними молитвы, уповая на то, что они намъ помогутъ вознестись душою къ Престолу Всевышняго и испросить у Него небесной помощи въ переживаемыхъ нами скорбяхъ и тягостяхъ сего міра.

Какое блаженство дѣтямъ молиться вмѣстѣ со своими родителями, какое блаженство народу Русскому сливаться въ молитвенномъ единеніи со своимъ Царемъ и Царицею, на которыхъ онъ иначе и не смотритъ, какъ на своихъ духовныхъ Родителей, величая ихъ, съ доступною только русскому сердцу патріархальною простотой,—своимъ Царемъ-Батюшкой и Царицей-Матушкой.

Мы, конечно, не можемъ входить въ анализъ всего того, что ощущаетъ сердце Державнаго Отца Русскаго народа. Но мы дерзаемъ думать, что и для Царицы нашей молитвенное единеніе со Своимъ народомъ подъ сѣнью Московскихъ святынь имѣетъ совершенно особое, глубокое значеніе. Недаромъ повинуются Они таинственно-духовному влеченію, которое вотъ уже второй разъ приводитъ Ихъ въ средоточіе религіозной жизни Русскаго народа, въ златоглавую Москву, какъ разъ въ тѣ двѣ недѣли, когда Русскій Народъ, болѣе чѣмъ когда-либо, благоговѣйно сливается вселенно въ искреннихъ восторженныхъ молитвахъ.

Да услышитъ же и нынѣ Всевышній тѣ молитвы, которыя теперь ежедневно будутъ возносить къ нему Русскій Царь и склонившійся вокругъ Него Русскій народъ о дарованіи мирнаго и тихаго житія, полнаго счастья и благополучія Царю и Его Августѣйшей Семьѣ, и всей дорогой нашей Родинѣ.

Царь въ народѣ.

День 2 апрѣля 1903 года останется навѣки памятнымъ не только въ исторіи Москвы, но и въ исторіи Россіи.

Мы пишемъ эти строки подъ живымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на насъ разсказами счастливцевъ, бывшихъ сегодня очевидцами величаваго событія, которое и въ пересказѣ глубоко захватываетъ несказанною радостію душу, сердце и умъ Русскаго человѣка.

Государь съ Государыней совершали вмѣстѣ съ Великою Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной, Великимъ Княземъ Дмитріемъ Павловичемъ и Великою Княжной Маріей Павловной прогулку по Кремлевскимъ стѣнамъ. Народъ скоро запримѣтилъ обожаемаго Монарха и сталъ собираться густыми толпами какъ внутри Кремля, такъ и въ особенности на Красной площади, привѣтствуя Царскую Чету громкими ликующими кликами и сопровождая громаднымъ стихійнымъ движеніемъ Ея шествіе, направлявшееся отъ Спасскихъ воротъ къ воротамъ Никольскимъ.

У Никольскихъ воротъ, остававшихся все время открытыми, образовалась необозримая масса тѣсно сплоченнаго увлекавшагося восторженнымъ энтузіазмомъ народа, который, увидавъ, что Государь и Государыня съ сопровождавшими Ихъ Августѣйшими Лицами спускаются со стѣны на Кремлевскую Сенатскую площадь, ринулся въ ворота, чтобы приблизиться къ Государю и выразить Ему чувство неописуемой радости, всецѣло охватывающей Русскихъ людей, которымъ Господь дастъ счастіе лицезрѣть своего Царя.

Когда Государь спустился на Сенатскую площадь, Онъ увидалъ предъ собой высоко-умилительное зрѣлище: тысячи народа, находившіяся въ Кремлѣ, стремились къ Нему навстрѣчу съ кликами восторженнаго ликованія, а къ этой народной массѣ присоединились новыя волны народа, катившіяся сплошною массой въ Кремль черезъ Никольскія ворота.

Тутъ не было ни малѣйшаго признака какой-либо охраны, которая сдерживала бы стремительный порывъ народной стихіи; да *такого* порыва и никакая охрана не могла бы удержать.

Государь Своимъ чуткимъ сердцемъ понялъ весь великій историческій смыслъ этого торжественнаго момента, знаменовавшаго непосредственное, полное единеніе Русскаго Царя съ Русскимъ народомъ. Онъ почуялъ, что Онъ ни къ кому въ мірѣ не можетъ относиться съ такимъ неограниченнымъ довѣріемъ, какъ къ этому, всѣмъ сердцемъ стремившемуся къ Нему народу—и Онъ Самъ пошелъ ему навстрѣчу.

Съ истинно Царскою простотой, съ сіяющими глубокимъ довѣріемъ взорами, Государь и Государыня съ Великою Княгиней и юными Великою Княжной и Великимъ Княземъ направились прямо въ народъ, идя навстрѣчу той волнѣ, которая неудержимымъ потокомъ неслась въ Кремль черезъ Никольскія ворота. Въ одно мгновеніе Ихъ Величества и Ихъ Высочества были со всѣхъ сторонъ окружены непроницаемою стѣной ликующаго народа, до глубины сердца тронутаго дарованнымъ ему небывалымъ счастіемъ; со всѣхъ сторонъ надвигался народъ, чтобы приблизиться къ Царю, направлявшемуся въ тѣсный проѣздъ Никольскихъ воротъ, а между тѣмъ, ни на одну секунду, не былъ нарушенъ порядокъ, и Августѣйшая Чета, хотя медленно, но совер-

шенно спокойно и безпрепятственно двигалась среди разступавшагося передъ Нею народа, со слезами на глазахъ и съ восторженными кликами на устахъ любовно и бережно провожавшаго своего Батюшку-Царя и Матушку-Царицу. Въ самомъ проѣздѣ Никольскихъ воротъ стремившаяся въ Кремль толпа почтительно отступала передъ Государемъ, Который, отвѣчая привѣтливою лаской на взрывы народнаго энтузіазма, дошелъ до боковой двери подъ сводами воротъ, черезъ которую снова поднялся съ Государыней и сопровождавшими Ихъ Августѣйшими Лицами на Кремлевскую стѣну, направляясь къ Троицкимъ и Боровицкимъ воротамъ.

Всѣ лица, на долю которыхъ выпало великое счастіе быть свидѣтелями этого историческаго момента, когда Русскій Царь такъ естественно и просто и такъ непосредственно, безо всякой охраны, соприкасался съ живою народною стихіей,—всѣ единогласно свидѣтельствуютъ о томъ ни съ чѣмъ несравнимомъ чувствѣ глубочайшаго радостнаго умиленія, которое охватило всю эту многотысячную толпу народа, долго еще не приходившую въ себя отъ того, столь внезапно испытаннаго ею, наивысшаго счастія, которое только себѣ можетъ представить Русскій народъ, беззавѣтно преданный своему Монарху.

О великомъ, глубоко-духовномъ таинствѣ сердечнаго единенія Русскаго Царя со Своимъ народомъ и о необъятномъ нравственно-политическомъ значеніи этого единенія можно писать цѣлые трактаты и историко-философскія книги; но всѣ они будутъ блѣдными и ничтожными со всею своею отвлеченною теоріей передъ такимъ яркимъ, осязательнымъ и краснорѣчивымъ событіемъ, какимъ является совершившееся 2 апрѣля 1903 года фактическое единеніе Царя съ народомъ у стѣнъ Московскаго Кремля.

Это событіе тѣмъ особенно намъ дорого, что оно не было ни подготовлено, ни кѣмъ-либо предусмотрѣно; оно совершилось само собой, по естественной логикѣ и этикѣ Русской исторіи или, вѣрнѣе, по Промыслу Божію, руководящему великими судьбами нашей Родины.

Господу Богу угодно было воочію показать всей Россіи, какимъ драгоцѣннымъ сокровищемъ она обладаетъ въ преданности народа своему Царю и въ довѣріи Царя къ Своему народу.

Да воспрянутъ же духомъ друзья Россіи, уразумѣвъ это ниспосланное намъ знаменіе Божіе! Да уразумѣютъ это знаменіе и враги наши, поняв всю тщету своихъ усилій, разбивающихся о ту непроницаемую стѣну, которою Русскій народъ мысленно всегда окружаетъ своего Царя, и которою онъ, въ дѣйствительности, съ беззавѣтною любовью окружилъ Его въ знаменательный отнынѣ день 2 апрѣля 1903 года.

Грозитъ ли намъ «безцерковное христіанство»?

Великою отрадой служитъ всей Россіи настоящее пребываніе Государя Императора въ первопрестольной Москвѣ.

Духовное общеніе Его со Своимъ народомъ подъ сѣнью Православной Церкви, строгое соблюденіе Имъ древнѣйшихъ церковныхъ обрядовъ, установ-

ленныхъ для православныхъ христіанъ, готовящихся сподобиться причащенія Святыхъ Таинъ, ежедневное посѣщеніе Государемъ древнихъ Святынь, хранимыхъ въ святыхъ храмахъ и монашескихъ обителяхъ Московскаго Кремля,— всѣ эти великіе примѣры благоговѣнія, даваемые Благочестивѣйшимъ Государемъ Своему православному народу, принимаются имъ съ глубокимъ душевнымъ умиленіемъ и свѣтлою радостью, побуждающею Русскихъ людей къ бодрому стоянію предъ Господомъ въ наслѣдованной отъ предковъ и создавшей всю Россію *строго-церковной* Православной Вѣрѣ.

Но переживаемые нами Царскіе дни въ Москвѣ приносятъ намъ и другую отраду.

Они доказываютъ всю тщету современныхъ враговъ Церкви, силящихся отдѣлить Царя и народъ глубокою пропастью отъ Церкви, которая будто бы уже отжила свой вѣкъ и находится де въ противорѣчіи съ какимъ-то «истиннымъ» безцерковнымъ христіанствомъ!

Мы недавно уже указывали на то, что Россія окружена многими соблазнами чуждой мысли, противорѣчащей мысли Русской и старающейся повліять на ея содержаніе. Но тогда мы говорили лишь о тѣхъ неразумныхъ ревнителяхъ, которые старались умалить Власть Церковную, надѣясь возвысить Власть Царскую, и достигали этимъ, на самомъ дѣлѣ, лишь противоположныхъ результатовъ (*М. В.*, № 91).

Въ настоящее же время явились другіе лукавые ревнители, которые желали бы совершенно устранить Церковную Власть, не для усиленія Власти Царской, а, наоборотъ, для ея ослабленія. Правда, объ этой послѣдней цѣли они пока благоразумно молчатъ, довольствуясь тою свободой, которую они присвоили себѣ въ своей антицерковной пропагандѣ. Но конечная ихъ цѣль ни для кого не составляетъ тайны, и она изобличена владыкой-митрополитомъ Московскимъ, справедливо указавшимъ въ своемъ боговдохновенномъ словѣ 30 марта, что враги нашего отечества ополчились на нашу Церковь, «выходя изъ того убѣжденія, что тамъ, гдѣ падаютъ алтари, падаютъ и престолы».

Еслибъ эти враги открыто признавались въ своемъ безбожіи, они, конечно, особой опасности православнымъ людямъ не представляли. Но они называютъ себя «истинными христіанами», они прикрываются именемъ Христа въ то самое время, когда ополчаются на Его Церковь, а иные изъ нихъ даже облекаются въ одѣянія церковнослужителей и якобы смиренныхъ иноковъ, чтобы затѣмъ, къ соблазну вѣрующихъ, ратовать и противъ церковнаго служенія, и противъ аскетической иноческой жизни.

Чего-либо новаго въ рѣчахъ ихъ вы не найдете. Они лишь повторяютъ давно извѣстные и избитые раціоналистическіе софизмы западнаго протестантства, отвергающаго всю Христіанскую Церковь, созданную, на твердой основѣ Христова ученія, Святыми Соборами, Святыми Угодниками Божіими и великими богомудрыми Отцами Церкви. Всѣ они отвергаютъ величавое зданіе Христіанской Церкви на томъ основаніи, что при земной жизни Спасителя этого де зданія еще не существовало. Это все равно, какъ еслибы мы захотѣли разрушить всѣ дома на томъ основаніи, что они противорѣчатъ своему фундаменту, въ которомъ нѣтъ никакихъ намековъ на двери, окна, стропила и кровлю!

Православная Церковь создалась постепенно въ теченіе вѣковъ, по указанію Святыхъ Подвижниковъ и Вселенскихъ Соборовъ, глубже и полнѣе понимавшихъ истинную сущность Божественнаго ученія Господа нашего Іисуса Христа, чѣмъ тупоумные западные и современные русскіе протестанты.

Лютеръ имѣлъ еще нѣкоторое оправданіе въ своей антицерковной пропагандѣ, такъ какъ онъ иной церкви, кромѣ Римской, искаженной папизмомъ, не зналъ. Но этого оправданія *наши* «протестанты» не имѣютъ. Православная Церковь свято хранитъ преданіе первыхъ апостольскихъ и святоотеческихъ временъ и не впадала въ заблужденія, подобныя тѣмъ, которыя совратили съ истиннаго пути церковь Римскую. А потому идти противъ Православной Церкви—значитъ идти противъ Самого Христа, противъ Бога и Духа Святаго.

Протестантская пропаганда ведется у насъ подъ видомъ удовлетворенія духовныхъ нуждъ нашей безпочвенной и легкомысленной «интеллигенціи». Она, видите ли, не прочь допустить существованіе Церкви, но только не такой возвышенной и строгой, требующей стремленія къ такимъ недосягаемымъ для «интеллигентнаго человѣка» идеаламъ,—а Церкви потакающей низменнымъ инстинктамъ умственной лѣности, невѣжественной ограниченности и праздной болтливости нашихъ «интеллигентовъ». Наши «интеллигенты» въ своемъ убогомъ самодовольствѣ не желаютъ возвыситься ни на одну ступень, чтобы ближе стать къ Церкви; напротивъ того, они требуютъ, чтобы Церковь отреклась отъ всѣхъ своихъ правилъ и преданій и опустилась до того низкаго уровня, на которомъ и впредь намѣрена пребывать наша «интеллигенція».

Само собою разумѣется, что сама Церковь на такое самоуничтоженіе никогда не согласится. Но, къ сожалѣнію, нашлись отдѣльные представители ея, которые сами поспѣшили, ради дешевой популярности, примкнуть къ нашимъ «интеллигентамъ», чтобъ утвердить ихъ въ убѣжденіи, будто можно быть «христіанами», не соблюдая правилъ и обрядовъ Православной Церкви и даже совершенно ее игнорируя.

И вотъ у насъ началась открытая проповѣдь безцерковнаго и даже антицерковнаго христіанства въ публичныхъ чтеніяхъ, газетныхъ статьяхъ и фельетонахъ и даже въ спеціальномъ, для сего созданномъ, противоцерковномъ журналѣ.

Безпрепятственность этой пропаганды вводила многихъ вѣрующихъ въ соблазнъ, а многихъ и въ смущеніе. Дѣлались самые крайніе тревожные выводы изъ того прискорбнаго факта, что Православная Церковь за послѣдніе три года сдѣлалась мишенью всевозможныхъ нападокъ со стороны, людей, ищущихъ будто бы «новыхъ путей», а, на самомъ дѣлѣ, силящихся нагромоздить препятствія собственнаго издѣлія на единственно-вѣрный *старый* путь.

Эти тревожные выводы, слава Богу, никакого серіознаго основанія не имѣютъ. Пусть наши жалкіе «интеллигенты» пишутъ и болтаютъ о «новыхъ путяхъ», пусть съ ними по этимъ новымъ путямъ блуждаютъ старающіеся имъ угодить единичные духовные ренегаты,—Царь и народъ остаются и останутся на старомъ пути, на томъ пути, по которому Православная Церковь ведетъ своихъ вѣрныхъ сыновей къ правильному житію на землѣ и къ вѣчному спасенію въ загробной жизни. А въ Царѣ и народѣ—вся сила и суть Россіи и вся ея будущность, столь тѣсно связанная съ судьбой Православной Церкви. Создалась Россія Православною Церковью и внѣ этой Церкви жить не можетъ.

Вотъ почему такое глубокое значеніе получаетъ въ *настоящее именно время* то строгое соблюденіе церковныхъ правилъ и обрядовъ, которое такъ дорого сердцу Благочестивѣйшаго Царя и всего православнаго Его народа. Мы говоримъ *въ настоящее время*, такъ какъ три года тому назадъ у насъ и рѣчи не было о томъ безцерковномъ «христіанствѣ», о которомъ теперь такъ много говорится съ легкой руки и легкаго ума модныхъ петербургскихъ писателей и проповѣдниковъ.

Такъ быстро смѣняются у насъ различные фазисы нашей общественной жизни, которая давно уже унесла бы насъ Богъ знаетъ до какого крайняго абсурда, еслибы судьба Россіи зависѣла отъ нашей «интеллигенціи», а не отъ Русскаго Царя, твердо идущаго со Своимъ народомъ по испытанному пути, подъ стягомъ Православной Церкви, къ величію, единству и славѣ Россіи.

Христіанская любовь.

Никогда, въ теченіе цѣлаго года, православные христіане не ощущаютъ такого одушевленія любовью къ ближнимъ, какъ въ дни Святой Пасхальной седьмицы, когда въ нашей памяти съ такою силою оживляется Божественный образъ Спасителя, заповѣдавшаго людямъ любовь, какъ высшій законъ всей ихъ жизни.

Къ сожалѣнію, этотъ приливъ христіанской любви продолжается не долго: минуетъ Свѣтлый Праздникъ, и люди, погружаясь снова въ прозу будничной жизни, уступаютъ соблазнамъ эгоизма и забываютъ о высшихъ идеалахъ христіанства.

Да и сами эти идеалы далеко не всѣмъ христіанамъ, въ особенности въ переживаемое нами время, представляются съ должною ясностью. Какъ много у насъ толкуютъ въ наступившіе святые дни о христіанской любви, придавая ей иногда совершенно превратное значеніе!...

Самая обычная въ этомъ случаѣ путаница понятій происходитъ, какъ извѣстно, отъ того, что упускается изъ виду чисто *личный* характеръ заповѣданной намъ Спасителемъ любви къ ближнимъ.

Истинный христіанинъ любитъ не только своихъ друзей, но и своихъ личныхъ враговъ, и прощаетъ нанесенныя ему личныя обиды и даже себя отъ нихъ не ограждаетъ.

Но если онъ долженъ любовно заботиться о своихъ ближнихъ, онъ обязанъ, въ силу христіанской любви, охранять ихъ всѣми силами отъ грозящаго имъ зла, вступать съ этимъ зломъ въ непримиримую борьбу и даже, въ случаѣ необходимости, положить жизнь за своихъ ближнихъ. Прощаетъ истинный христіанинъ только тѣ обиды, которыя нанесены лично ему, а не ввѣреннымъ его попеченію ближнимъ, ибо прощать собственную обиду есть христіанскій подвигъ, а равнодушно смотрѣть на зло, причиняемое ближнему, есть трусость.

Къ сожалѣнію, многіе у насъ придерживаются совершенно иного взгляда на христіанскую любовь и ставятъ только что указанное нами трусливое малодушіе на одинаковую высоту съ христіанскимъ подвигомъ. Такъ, напримѣръ, по ихъ мнѣнію, Государство не должно заботиться объ охраненіи своихъ гражданъ отъ грозящаго имъ зла, но должно «изъ христіанской любви» отдавать ихъ въ жертву этому злу. По этому ученію, Правительство должно вѣчно находиться въ какомъ-то сентиментальномъ маразмѣ, созерцая съ добродушною улыбкой на то, какъ въ Государствѣ добро изнемогаетъ отъ натиска зла.

Но что̀ сказали бы мы о пастырѣ, который, видя, какъ стая волковъ напала на порученное его попеченію стадо, вздумалъ бы этихъ волковъ

«обезоружить любовью», предоставляя полную свободу ихъ хищническимъ инстинктамъ? Да, любовь, дѣйствительно, могла бы обезоружить этихъ хищниковъ, но любовь не къ нимъ, а къ ихъ жертвамъ. Эта любовь должна подвигнуть пастыря не къ «любовному» созерцанію творящагося предъ его глазами ужаса, а къ бодрой, энергичной защитѣ стада отъ волковъ, къ отважной съ ними борьбѣ и къ обезоруженію ихъ путемъ благоразумной, стойкой силы.

Точно такъ же и Правительство должно неусыпно печись о благѣ ввѣренныхъ ему Богомъ гражданъ, и истинная христіанская любовь къ нимъ должна побуждать его къ неуклонному, могущественному ограждению ихъ ото всякаго зла, которое можетъ имъ грозить какъ извнѣ, такъ и внутри государства.

Конечно, всякому правительству гораздо легче не исполнить этого своего христіанскаго долга и прикрывать свою малодушную бездѣятельность тѣмъ же именемъ «христіанской любви». Но такъ поступать могутъ лишь очень близорукія правительства, не видящія, что бушующее въ государствѣ зло можетъ только усилиться, а не уменьшиться, коль скоро правительство пойдетъ на какія бы то ни было ему уступки.

Не таково Императорское Правительство, руководящее судьбой Россіи.

На одной изъ окраинъ нашего Отечества свила себѣ гнѣздо шайка политическихъ смутьяновъ, поставившая себѣ цѣлью вовлечь въ свои сѣти мирное, трудолюбивое населеніе края и соблазнить его лукавыми совѣтами на преступную дѣятельность, могущую привести его къ гибельному разоренію.

Какъ поступило бы Правительство, понимающее христіанскую любовь, какъ сентиментальную слабость?

Оно предоставило бы указанной шайкѣ злоумышленниковъ полную свободу развращать народъ и потомъ очень удивилось бы, когда народъ, отданный въ жертву смутьянамъ, вступилъ бы, по ихъ указаніямъ, на путь открытаго насилія, которое неминуемо вызвало бы необъятное число тяжкихъ несчастій.

Такъ ли поступило Русское Правительство по отношенію къ тѣмъ злоумышленникамъ, о которыхъ мы говоримъ и въ которыхъ читатели, конечно, узнали финляндскихъ политикановъ?

Нѣтъ. Истинная любовь къ финляндскому населенію побудила Правительство принимать, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, цѣлый рядъ мѣръ къ ограждению его отъ злаго на него воздѣйствія домашнихъ враговъ, старающихся, изъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей, ввести народъ въ заблужденіе путемъ безсовѣстной лжи и затѣмъ толкнуть его на путь беззаконій.

Со спокойною твердостью и неуклонною послѣдовательностью Русское Правительство проводитъ эти мѣры, внушаемыя ему искреннею любовью къ мирному, честному населенію Финляндіи, помогая ему не на словахъ только, но и на дѣлѣ въ его тяжеломъ положеніи и постепенно обезоруживая ополчившихся на него враговъ, не уступая ни ихъ лукавой лести, ни дерзкимъ ихъ угрозамъ.

Пользуясь тѣмъ, что власть Финляндскаго Генералъ-Губернатора доселѣ была безсильна должнымъ образомъ оградить населеніе отъ преступной пропаганды, крамольники могли во многихъ случаяхъ разсчитывать на полную безнаказанность своей злокозненной агитаціи и проявляли ее со все усиливавшеюся дерзостью.

И вотъ мы видимъ, что Императорское Правительство принимаетъ мѣры къ усиленію власти Генералъ-Губернатора, какъ о томъ свидѣтельствуетъ только что опубликованный Высочайшій Рескриптъ на имя генералъ-адъютанта Бобрикова, дающій ему нынѣ полную возможность оградить Финляндское населеніе отъ грозящихъ ему гибелью хищниковъ.

Мы еще недавно видѣли, съ какою истинно-христіанскою любовью генералъ Бобриковъ снабжалъ пищею голодное Финляндское населеніе, отъ котораго съ такимъ преступнымъ равнодушіемъ въ минуту нужды отвернулись финляндскіе политиканы. Та же любовь внушитъ ему и тѣ цѣлесообразныя мѣры, которыя окончательно обезоружатъ грозящее Финляндіи зло и упрочатъ въ ней мирное и спокойное благоденствіе.

По этому наглядному примѣру мы можемъ видѣть, какъ бодро стоитъ наше Правительство на указанной ему Богомъ чредѣ и какъ вѣрно оно понимаетъ свой христіанскій долгъ искренней любви къ порученному его попеченію честному, мирному, трудолюбивому народу.

Не на одной Финляндской окраинѣ у насъ дѣйствуютъ смутьяны. Всюду они ведутъ свою коварную подземную работу, стараясь соблазнить своимъ лживымъ словомъ не только наше юношество, но и наше сельское и городское рабочее населеніе, и нашу пресловутую «интеллигенцію», и даже наше духовенство.

Лукавая дѣятельность этихъ враговъ Россіи пока серіознаго успѣха не имѣетъ; но они не унываютъ. На что же они надѣются?

Всѣ они воображаютъ, будто Правительство можетъ, изъ страха передъ ними, спустить свой флагъ и предоставить имъ на полное пагубное развращеніе весь православный Русскій народъ, столь беззавѣтно преданный своему Самодержавному Государю! Всѣ они ждутъ, что Правительство сдѣлаетъ имъ хоть какую-нибудь уступку, которую они могли бы тотчасъ эксплуатировать, какъ первый знакъ своей побѣды надъ Правительствомъ!

Какія наивныя, близорукія ожиданія. Кто далъ этимъ людямъ право сомнѣваться въ истинной христіанской любви Правительства къ Русскому народу? Гдѣ видятъ они признаки, что Правительство измѣнитъ своему пастырскому долгу по отношенію къ Россіи и населяющему ее народу?

На Финляндіи Правительство намъ показываетъ, съ какою твердою послѣдовательностью оно беретъ со зломъ, когда это зло принимаетъ дѣйствительно серіозные размѣры и когда Правительство изъ христіанской любви ко ввѣренному ему Богомъ населенію становится во всеоружіи на защиту его покоя, безопасности и мирнаго, плодотворнаго труда.

Царь и дворянство.

Въ Своемъ Всемилостивѣйшемъ Манифестѣ, отъ 26 февраля 1903 года, Государю Императору благоугодно было признать въ числѣ «назрѣвшихъ нуждъ Государственныхъ»—«вящшее укрѣпленіе и развитіе благосостоянія основныхъ устоевъ русской сельской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства».

Эти Царскія слова ясно выражаютъ и прочно подтверждаютъ ту историческую истину, что русская сельская жизнь не можетъ быть ни безсословною, ни односословною, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ она была бы обречена на гибельное разореніе. Отсутствіе сословности отдало бы всю землю въ руки пришлаго хищническаго элемента, а исключительное наблюденіе одного лишь крестьянскаго сословія, о чемъ такъ мечтаютъ наши крайніе демократы, обрекло бы нашу сельскую жизнь на полный культурный застой, который, конечно, окончательно погубилъ бы наше и безъ того уже многострадальное сельское хозяйство.

Нѣтъ, сельская жизнь можетъ процвѣтать въ Россіи лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ покоиться на тѣхъ двухъ основныхъ устояхъ, которыми у насъ всегда были и впредь должны оставаться крестьянство и помѣстное дворянство, и лишь при правильномъ ихъ взаимоотношеніи общіе ихъ труды въ области сельской жизни могутъ быть истинно-плодотворными и служить на дѣйствительную пользу всей Россіи.

До средины истекшаго столѣтія эти взаимоотношенія, исторически сложившіяся въ опредѣленную форму, представляли много тяжкихъ аномалій, которыя необходимо было устранить, замѣнивъ прежнюю опредѣленную ненормальную форму—другою формой, которая была бы нормальна, но столь же опредѣленна, какъ и первая. Къ сожалѣнію, эта важная Государственная задача была рѣшена лишь наполовину крестьянскою реформою 1861 года. Старая форма дворянско-крестьянскихъ взаимоотношеній была разрушена, а новой опредѣленной формы этихъ взаимоотношеній создано не было: обоимъ сословіямъ было предоставлено самимъ создать себѣ съ теченіемъ времени какой-нибудь modus vivendi.

Прошло сорокъ лѣтъ, и этотъ modus vivendi до сихъ поръ не найденъ. Въ иныхъ мѣстахъ дворянство и крестьянство обособились въ два враждебные лагеря; въ другихъ—изъ своихъ помѣстій и старинныхъ гнѣздъ бѣгутъ дворяне; въ третьихъ—крестьяне выселяются изъ своихъ надѣловъ; въ четвертыхъ—одновременно стремятся покинуть свои родныя владѣнія какъ крестьяне, такъ и дворяне,—и всюду раздаются жалобы на оскудѣніе обоихъ сословій, на упадокъ сельскаго хозяйства и на ненормальныя условія сельской жизни, вслѣдствіе этого глубокаго потрясенія обоихъ ея основныхъ устоевъ.

Вотъ почему «укрѣпленіе» этихъ устоевъ посредствомъ «развитія благосостоянія помѣстнаго дворянства и крестьянства» является дѣйствительно «назрѣвшими государственными нуждами». Въ этомъ отношеніи предстоящая дѣятельность нашего законодательства должна будетъ постоянно имѣть въ виду вышеприведенныя слова Высочайшаго Манифеста и создать, наконецъ, ту опредѣленную форму гармонически-согласованной совмѣстной трудовой жизни дворянства и крестьянства, которая давала бы имъ полную возможность содѣйствовать другъ другу въ поднятіи нашего сельскаго хозяйства, въ установленіи прочныхъ законныхъ порядковъ сельскаго быта и въ устраненіи грозящихъ опасностей. Лишь при этихъ условіяхъ снова окрѣпнутъ основные устои русской сельской жизни, и дворянство такъ же, какъ и крестьянство, снова займутъ подобающее имъ мѣсто въ государственномъ строѣ и понесутъ съ новыми силами свою службу Царю и Отечеству.

Эта служба является главнымъ, первенствующимъ долгомъ русскаго дворянства, такъ какъ въ Царской службѣ заключается весь его raison d'être.

Своими вѣковыми традиціями, своею наслѣдственно-выработанною высшею культурой—коренное Россійское дворянство является носителемъ высокаго идеала беззавѣтной, доблестной службы своему Монарху, содѣйствуя процвѣтанію и славѣ Государства не только ревностнымъ исполненіемъ своего долга на гражданскомъ и военномъ поприщахъ, но и тѣмъ, что оно своимъ примѣромъ побуждаетъ и остальныя сословія столь же беззавѣтно и ревностно служить Царю и Отечеству.

Вотъ почему здоровое и крѣпкое дворянство является въ Россіи прочнымъ устоемъ не только сельской, но и всей государственной жизни, черпая силы какъ въ своихъ личныхъ помѣстныхъ трудахъ, такъ и въ своей службѣ Самодержавному Царю, и въ Его милостивомъ къ нему довѣріи.

Нынѣ Московское дворянство удостоивается великаго счастія привѣтствовать въ своей средѣ прибывшаго въ Первопрестольную Столицу Государя Императора. Радостно бьются сердца Московскихъ дворянъ при одной мысли объ этомъ несказанномъ счастьѣ, являющемся драгоцѣннымъ залогомъ Царскаго довѣрія дворянамъ и могучимъ поощреніемъ ихъ доблестной службы своему Монарху.

Московское дворянство является въ эту торжественную минуту представителемъ и выразителемъ искреннихъ чувствъ всего Россійскаго дворянства, столь часто видѣвшаго за послѣднее время явныя доказательства постояннаго, сердечнаго о немъ попеченія со стороны Государя Императора и преклоняющагося предъ Нимъ съ безпредѣльною готовностью приложить всѣ свои силы, чтобы служить Ему съ истинно-русскою вѣрой и правдой.

Государь на могилѣ Каткова.

Совершая свое паломничество по Московскимъ древнимъ монастырямъ и храмамъ, Государь Императоръ и Государыня Императрица посѣтили 10 апрѣля и Алексѣевскій монастырь, на обширномъ кладбищѣ котораго покоится прахъ многихъ Москвичей, служившихъ вѣрой и правдой Самодержавному Царю и дорогой Родинѣ. Любвеобильное сердце Государя, цѣня заслуги этихъ истинно-Русскихъ людей, побудило Его почтить ихъ память въ лицѣ того великаго патріота, который при жизни своей являлъ собой великій примѣръ самоотверженнаго служенія Богу, Царю и Отечеству,—примѣръ, сіяющій путеводною звѣздой Русскимъ людямъ и послѣ его кончины.

Государь посѣтилъ могилу Михаила Никифоровича Каткова.

Какой глубокій историческій смыслъ таится въ этихъ простыхъ словахъ!

Съ именемъ Каткова нераздѣльно связана идея бодрой, доблестной борьбы, за самыя драгоцѣнныя сокровища Русскаго народа: за единство и славу Россіи, за православную чистоту ея Церкви, за неограниченное Самодержавіе ея Царя, за національное самосознаніе Русскихъ людей.

Всѣ эти великія идеи, хранившіяся въ теченіе вѣковъ въ мечтахъ и думахъ Русскаго народа, проявлявшіяся въ славныхъ подвигахъ его духовныхъ и свѣтскихъ вождей и подвергавшіяся попыткамъ теоретическаго обоснованія со стороны отдѣльныхъ русскихъ мыслителей первой половины XIX вѣка,—

всѣ эти зиждительныя и творческія идеи русской государственности были впервые выражены съ неопровержимою логическою ясностью и наглядною убѣдительностью Михаиломъ Никифоровичемъ Катковымъ. Въ теченіе четверти вѣка, ежедневно освѣщая яркими лучами своего геніальнаго ума текущія событія современной ему исторіи, Катковъ создавалъ своими вдохновенными писаніями цѣлую самостоятельную науку философіи русскаго государственнаго права, въ которой въ величавомъ гармоническомъ согласіи сочетались всѣ вышеназванныя великія идеи Русскаго народа.

Сколько нужно было времени, чтобы глубоко обдуманная государственная философія Каткова, ныпѣ совершенно ясная для истинно-Русскихъ людей, нашла себѣ доступъ къ пониманію его современниковъ! Даже многіе друзья его, сочувствуя ему по своему русскому *сердцу*, отказывались постигать его ученіе своимъ *умомъ*, сбитымъ съ толку западными фальшивыми доктринами или отжившими формами Московскаго царства. Новая императорская Россія, по ученію М. Н. Каткова, должна была считаться съ новыми условіями современной ей исторической жизни, но свято хранить всю полноту Царскаго Самодержавія безо всякихъ уступокъ обманчивымъ фантазіямъ западнаго парламентаризма и сентиментальнымъ грезамъ о безвозвратно исчезнувшемъ патріархальномъ строѣ старой Москвы.

Легко понять, какое ожесточеніе должно было вызвать это новое ученіе, въ особенности среди тѣхъ лицъ, которыя въ шестидесятыхъ годахъ уже начали было праздновать канунъ крушенія Русскаго Самодержавія и привѣтствовать ново-учрежденныя земскія собранія, какъ предвѣстниковъ всероссійскаго земскаго парламента. Они полагали, что имъ придется бороться лишь съ бюрократическимъ безпочвеннымъ «полицейскимъ» государствомъ, а тутъ предъ ними созидались прочныя правовыя и культурно-этическія основы Русскаго Самодержавнаго Государства, которыя оказывались столь мощными своею историческою самобытностью, согласованною съ современными условіями государственной жизни, что рядомъ съ ними бросалась въ глаза вся ничтожная искусственность западныхъ конституціонныхъ шаблоновъ.

Вотъ почему наши западники, почуявъ въ Катковѣ ту богатырскую силу, которая грозила полнымъ крушеніемъ всему ихъ явному и тайному походу противъ Царскаго Самодержавія, набросились на него со слѣпою фанатическою злобой, пуская въ ходъ всѣ орудія лжи, обмана и клеветы, чтобы такъ или иначе помѣшать его проповѣди и набросить тѣнь на рыцарскую чистоту его благороднаго служенія Царю и Отечеству.

Началась та мученическая жизнь великаго патріота, стоявшаго совершенно одиноко среди толпы разъяренныхъ враговъ и черпавшаго силы для ежедневной, ежечасной борьбы съ врагами Россіи лишь въ довѣріи своего Монарха. Сколько адскихъ усилій употребили эти враги, чтобы лишить Каткова этого источника его бодрой энергіи! Сколько разъ официальный Петербургъ старался стать между Царемъ и пылкимъ Московскимъ патріотомъ, не страшившимся никакихъ ни низшихъ, ни высшихъ интригъ, лишь бы всегда говорить своему Царю истинную правду.

Мы помнимъ, какъ тяжело давилъ мученическій крестъ Каткова въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда его вѣщій голосъ указывалъ на всю опасность пресловутой «диктатуры сердца», когда онъ возмущался тѣмъ, что Самодержавное Правительство обращалось за помощью къ «обществу», какъ бы признавая себя безсильнымъ справиться съ шайкой политическихъ

негодяевъ. Катковъ предсказывалъ тогда, что это обращеніе къ «обществу» усилитъ лишь революціонную пропаганду, которая будетъ праздновать побѣду при каждой уступкѣ Правительства тому или другому пункту революціонной программы, и что, если либеральничанье Правительства не прекратится, намъ грозитъ страшная катастрофа. О, какъ возсталъ тогда легкомысленный либеральный Петербургъ на Каткова, обвиняя его въ полномъ непониманіи даннаго положенія вещей и увѣряя всѣхъ и каждаго, что именно уступчивость Правительства успокоитъ революцію и водворитъ порядокъ въ Россіи. «Не вѣрьте Каткову», восклицали петербургскіе авгуры, «онъ всюду видитъ опасность, гдѣ ея нѣтъ; онъ постоянно чуетъ крамолу, которая никогда, въ сущности, намъ и не угрожала; онъ хочетъ насъ запугать призракомъ революціи, который уже давно исчезъ, какъ только появилась надежда на конституцію. Спите спокойно, не слушайте Каткова, намъ теперь уже нечего опасаться какой-либо катастрофы.»

Отвѣтомъ на это преступное легкомысліе явилось 1 марта, оправдавшее самыя тяжкія предчувствія Московскаго патріота. Умолкли враги его, затаивъ свою злобу въ глубинѣ своихъ душъ.

Началось новое царствованіе, и сразу прекратилась революція, какъ только прекратилось всякое помышленіе о какой бы то ни было уступчивости Правительства революціонной программѣ и какъ только исчезъ послѣдній намекъ на заигрываніе его съ «обществомъ».

Совершился сказочно-быстрый національный государственный и международный подъемъ Россіи подъ державнымъ скипетромъ Царя Миротворца, водворившаго плодотворный порядокъ внутри Государства и хранившаго властною рукой миръ во всей Европѣ.

Чѣмъ же объяснить этотъ неимовѣрно блестящій успѣхъ Самодержавной политики Александра III?

Реальнымъ осуществленіемъ созданной Катковымъ государственной теоріи геніальною инціативой Великаго Монарха.

Въ правильности государственнаго ученія Московскаго патріота могли еще сомнѣваться близорукіе люди, пока это ученіе еще не было провѣрено на практикѣ. Но когда царствованіе Александра III въ теченіе 13 лѣтъ явно и осязательно передъ цѣлымъ міромъ доказало не только теоретическую, но и практическую вѣрность этого ученія, то сомнѣваться въ немъ теперь могутъ лишь умственные слѣпцы, а опровергать его лишь люди, относящіеся къ нему съ намѣренною недобросовѣстностью.

Но то, что для истинно-Русскихъ людей является азбучною истиной, должно было, какъ всякая великая новая идея, пробиться до этой ясности по тернистому пути, чрезъ неимовѣрныя препятствія. Въ борьбѣ съ этими препятствіями Михаилъ Никифоровичъ Катковъ потратилъ лучшія силы своей многострадальной жизни. Онъ жилъ и умеръ за истину, уповая лишь на Бога и Царя и свято слѣдуя законамъ, преподаннымъ Божественнымъ Страдальцемъ, распятый образъ Котораго нынѣ высится надъ могилой Каткова на кладбищѣ Алексѣевскаго монастыря.

Государь Императоръ посѣтилъ эту могилу и почтилъ память основоположителя государственнаго права Самодержавной Императорской Россіи, память мужественнаго страдальца за истину этого права, память вѣрнаго слуги Церкви, Царя и Отечества.

Эта великая посмертная почесть, оказанная М. Н. Каткову есть почесть,

оказанная Царемъ всѣмъ остальнымъ русскимъ патріотамъ, покоящимся, послѣ подвижнической жизни, въ матери-сырой землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, эта почесть является поощреніемъ всѣмъ слугамъ Царя къ бодрому служенію на пути, указанномъ великимъ Катковымъ.

Спасеніе нашей средней школы.

Въ неусыпныхъ заботахъ Своихъ о правильной постановкѣ воспитанія и образованія русскаго юношества, Государю Императору благоугодно было преподать министру Народнаго Просвѣщенія указаніе, какимъ образомъ слѣдуетъ вывести нашу среднюю школу изъ того тяжкаго положенія, въ которомъ она нынѣ находится.

Вотъ подлинный текстъ этихъ указаній, опубликованныхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и долженствующихъ служить главными основаніями подлежащихъ разработкѣ законодательныхъ проектовъ о средней школѣ:

1) Гимназіи сохраняютъ восьмиклассный составъ; въ нихъ преподаются оба древніе языка, но обученіе греческому языку въ большей части ихъ необязательно. Усвоеніе гимназическаго курса открываетъ доступъ къ высшему университетскому образованію.

2) За реальными училищами, коихъ учебный планъ подлежитъ тоже пересмотру, сохраняется составъ шести основныхъ классовъ и седьмаго дополнительнаго. Окончаніе курса сего послѣдняго класса открываетъ доступъ въ высшія техническія заведенія.

3) Помимо гимназій и реальныхъ училищъ, должны быть организованы среднія учебныя заведенія съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ при шестиклассномъ составѣ. Окончаніе курса въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ даетъ право на службу въ губерніи.

4) Широкое развитіе должно быть дано среднему техническому и профессіональному образованію, разсчитанному на удовлетвореніе практическихъ потребностей жизни.

5) Особенное вниманіе должно быть обращено на изысканіе способовъ къ поднятію религіозно-нравственнаго и вообще воспитательнаго воздѣйствія школъ всѣхъ типовъ на учащихся, а также на укрѣпленіе въ нихъ преданности русской государственности и народности.

6) Въ видахъ возможно полнаго разрѣшенія воспитательныхъ задачъ, должны быть учреждены пансіоны, въ которыхъ могли бы пользоваться соотвѣтственнымъ руководствомъ питомцы извѣстной группы учебныхъ заведеній даннаго города.

7) Въ соотвѣтствіи съ требованіями, предъявляемыми къ преобразуемой средней школѣ, должны быть безотлагательно установлены способы болѣе цѣлесообразной подготовки учителей для оной.

Итакъ, прежде всего въ гимназіяхъ спасенъ восьмой классъ, противъ котораго такъ вооружались враги серіознаго и плодотворнаго гимназическаго образованія. Одинъ уже этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе для нашей не только средней, но и высшей школы, которой грозило нашествіе плохо-

подготовленныхъ недоучекъ, совершенно неспособныхъ къ какой-либо дѣльной, основательной научной работѣ.

Но гораздо важнѣе еще въ этомъ отношеніи сохраненіе того основнаго принципа, что лишь «усвоеніе гимназическаго курса открываетъ доступъ къ высшему университетскому образованію». Такимъ образомъ гимназія перестаетъ быть «общеобразовательною» школой, каковою ее до сихъ поръ у насъ считали, а становится *спеціальною* школой, подготовляющею своихъ питомцевъ исключительно къ высшему научному образованію въ университетахъ. А такъ какъ предположено сохранить за университетами лишь право давать своимъ слушателямъ ученыя степени, то какъ гимназіи, такъ и университеты сразу освободятся отъ всей той массы лицъ, поступавшихъ въ эти научныя заведенія не ради науки, а ради служебнаго диплома. А коль скоро прекратится переполненіе гимназій и университетовъ элементомъ, не желающимъ или не могущимъ имѣть что-либо общее съ наукой, коль скоро въ гимназіяхъ и университетахъ будутъ лишь дѣйствительно и ревностно *учащіеся* молодые люди, то возвысятся и успѣхи ихъ ученія, и русская наука станетъ на подобающую ей высоту.

Точно такъ же и реальныя училища получатъ характеръ спеціальныхъ школъ, открывающихъ доступъ въ высшія техническія заведенія, число которыхъ должно быть, конечно, увеличено, чтобы всѣ молодые люди, прошедшіе полный семиклассный курсъ реальнаго училища, такъ же непосредственно переходили, безо всякихъ конкурсныхъ мытарствъ, въ высшія техническія заведенія, какъ гимназическіе абитуріенты непосредственно переходятъ въ университеты. Этимъ устранятся и вѣчныя домогательства «реалистовъ», чтобы имъ открыли доступъ въ университетъ, такъ какъ имъ уже не придется жаловаться на то, что «реальныя училища ихъ никуда не ведутъ». Они ихъ такъ же естественно приведутъ въ высшія техническія заведенія, какъ гимназіи естественно приводятъ своихъ питомцевъ въ университеты.

«Общеобразовательными» заведеніями у насъ отнынѣ будутъ не гимназіи и не реальныя училища, а новый, третій типъ «среднихъ учебныхъ заведеній съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ при шестиклассномъ составѣ». Эти школы будутъ готовить своихъ питомцевъ не для научныхъ и не для высшихъ техническихъ занятій, а *для жизни* и для государственной службы во всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ, кромѣ службы въ высшихъ центральныхъ вѣдомствахъ. Эти школы должны замѣнить собою гимназіи и реальныя училища для тѣхъ учениковъ, родители которыхъ не предназначаютъ своихъ дѣтей для высшей научной, технической и правительственной карьеры, а желаютъ дать имъ воспитаніе, открывающее имъ дорогу въ практическую жизнь, въ казенную службу въ губерніи, и дающее имъ необходимыя льготы по воинской повинности. Само собою разумѣется, что эти практическія школы должны быть открыты въ весьма большомъ количествѣ, дабы гимназіи и реальныя училища, какъ *спеціальныя* школы, были избавлены отъ затопляющаго ихъ теперь наплыва учениковъ, ищущихъ лишь «общаго образованія».

Достиженію той же цѣли должно содѣйствовать широкое развитіе среднихъ техническихъ и профессіональныхъ школъ, разсчитанныхъ на удовлетвореніе практическихъ потребностей жизни.

Чрезвычайную важность имѣетъ Высочайшее указаніе на необходимость «безотлагательнаго установленія способовъ болѣе цѣлесообразной подготовки учителей для средней школы».

Этими словами затронуто одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашего школьнаго дѣла. Если наша средняя школа потерпѣла такое тяжкое крушеніе, то въ этомъ въ значительной степени виноваты наши педагоги, вызвавшіе своими недостатками нареканія на ни въ чемъ неповинную классическую систему и не сумѣвшіе должнымъ образомъ отстоять ее противъ натиска враговъ, совершенно не вѣдавшихъ ея истиннаго значенія и встрѣчавшихъ зачастую въ ея «защитникахъ» такое же невѣдѣніе. У насъ до сихъ поръ воспитателями юношества назначались, безо всякой спеціальной къ тому подготовки, вчерашніе студенты, непосредственно переходившіе съ университетской скамьи на гимназическую каѳедру. Какого же воспитанія и преподаванія можно было ожидать отъ *такихъ* педагоговъ? На этотъ вопіющій недостатокъ нашихъ школъ мы не переставали указывать съ 1890 года. На этотъ же недостатокъ указывалъ и покойный М. Н. Катковъ съ самаго начала нашей классической реформы,—и лишь теперь является увѣренность, что этотъ недостатокъ будетъ устраненъ по личному настоянію Государя Императора.

А когда же мы, наконецъ, дождемся, что исполнится та воля нашего Государя, которую Онъ неуклонно подтверждаетъ каждый разъ, когда Ему приходится выражать Свой взглядъ на школьный вопросъ, и которую Онъ снова выразилъ и теперь въ слѣдующихъ словахъ:

«Особое вниманіе должно быть обращено на изысканіе способовъ къ поднятію *религіозно-нравственнаго* и вообще *воспитательнаго* воздѣйствія школъ всѣхъ типовъ на учащихся, а также на укрѣпленіе въ нихъ *преданности русской государственности и народности*».

Будемъ надѣяться, что Государю не придется болѣе повторять этихъ указаній и что для пробужденія религіозно-національнаго духа въ нашихъ школахъ будутъ приняты не какія-либо жалкія палліативныя мѣры, а будетъ проведена, наконецъ, та коренная реформа, на которую мы уже неоднократно указывали. Не въ программахъ дѣло и не въ количествѣ уроковъ по тому или другому предмету, а въ религіозномъ и нравственномъ характерѣ воспитателей и преподавателей средней школы. А на эту именно наиважнѣйшую сторону нашего школьнаго дѣла у насъ доселѣ почти никто не обращалъ вниманія. Вотъ главная задача предстоящей школьной реформы, и пока она не будетъ окончательно разрѣшена, всѣ остальныя части реформы никакихъ благихъ результатовъ принести не могутъ.

Намъ остается сказать о томъ единственномъ уронѣ, который понесла гимназія въ окончившейся нынѣ тяжкой трехлѣтней борьбѣ.

Въ большинствѣ гимназій греческій языкъ перестанетъ быть обязательнымъ предметомъ. Зато въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ онъ останется обязательнымъ, преподаваніе его будетъ поставлено, конечно, гораздо лучше и основательнѣе, чѣмъ въ нашихъ теперешнихъ гимназіяхъ, и преподаваніе это будетъ поручено самымъ лучшимъ изъ теперешнихъ учителей.

Нѣтъ худа безъ добра: университеты вскорѣ убѣдятся, какая громадная разница будетъ существовать въ научной подготовкѣ между молодыми людьми, кончившими гимназическій курсъ съ однимъ латинскимъ языкомъ, и тѣми, которымъ дана будетъ возможность возвысить и изощрить свой умъ на дивныхъ твореніяхъ Гомера, Платона, Софокла и Демосѳена. Преимущества греческаго языка въ гимназическомъ образованіи станутъ тогда на столько для всѣхъ очевидными и осязательными, что ему можно будетъ предсказать еще блестящую будущность въ исторіи Русской школы...

Воспитательное значеніе пансіоновъ.

Его Величеству Государю Императору благоугодно было осчастливить Своимъ посѣщеніемъ пансіонъ-пріютъ Московскаго Дворянства, уже осуществившаго одно изъ важнѣйшихъ указаній, недавно преподанныхъ Государемъ министру Народнаго Просвѣщенія. Вотъ это указаніе:

«Въ видахъ возможно полнаго разрѣшенія воспитательныхъ задачъ, должны быть учреждены п а н с і о н ы, въ которыхъ могли бы пользоваться соотвѣтственнымъ руководствомъ питомцы извѣстной группы учебныхъ заведеній даннаго города».

Московское дворянство давно уже признало пользу такихъ именно пансіоновъ и положило много заботъ на то, чтобы дѣти московскихъ дворянъ, живущихъ внѣ Москвы, посѣщая различныя учебныя заведенія столицы, имѣли свой пріютъ, въ который бы они ежедневно могли возвращаться какъ бы въ родную семью, находя здѣсь любовное попеченіе объ ихъ научныхъ успѣхахъ, въ особенности объ ихъ нравственномъ воспитаніи.

Къ сожалѣнію, наше школьное дѣло все еще такъ плохо поставлено въ религіозно-нравственномъ отношеніи, что вся воспитательная часть нашей педагогіи падаетъ на семьи, а за отсутствіемъ ихъ—на пансіоны, тогда какъ воспитаніе въ значительной мѣрѣ должно лежать также и на школахъ, обязанныхъ давать своимъ питомцамъ не одно лишь образованіе въ видѣ сообщенія имъ извѣстнаго количества тѣхъ или иныхъ знаній, а *образованіе воспитательное*, то-есть образованіе, даваемое религіозно-нравственными, истинно-патріотически настроенными преподавателями, которые могли бы дѣйствительно, исполняя волю Государя, содѣйствовать «поднятію религіозно-нравственнаго и вообще воспитательнаго воздѣйствія на учащихся, а также укрѣпленію въ нихъ преданности Русской государственности и народности».

Эту первостепенную задачу свою наши школы до сихъ поръ никакъ не могутъ себѣ усвоить. Наши педагоги упорно ограничиваются толками о характерѣ *учебныхъ программъ*, имѣющихъ лишь второстепенное значеніе въ дѣлѣ воспитанія, и совершенно игнорируютъ вопросъ о религіозно-нравственномъ и патріотическомъ характерѣ *преподавателей*, который имѣетъ значеніе первостепенной важности.

Если уже педагоги такъ равнодушно относятся къ этому вопросу, то что же сказать о газетныхъ дилеттантахъ, которые у насъ считаются величайшими авторитетами въ школьномъ дѣлѣ? Они никакого *воспитанія* и знать не хотятъ, а все сводятъ къ одному лишь «знанію».

Такъ еще надняхъ одна изъ петербургскихъ газетъ, встревоженная тѣмъ, что теперь такъ властно поставленъ на очередь вопросъ о національномъ воспитаніи, спѣшитъ заявить, что «въ русской школѣ національный принципъ можетъ быть надежно проведенъ и дать цѣнные результаты лишь при условіи, чтобъ онъ опирался на истинное и точное *знаніе*»*). Авторъ статьи мечетъ громы и молніи противъ національнизма, который де привелъ Францію къ Седану. У Французовъ, видите ли, было много патріотизма, а у Нѣмцевъ много «знаній», а потому Нѣмцы и побѣдили. Стоитъ ли говорить объ этомъ дѣтскомъ

*) Курсивъ подлинника. *Биржс. Вѣд.* №181, 13 апрѣля 1903 г. „Національный принципъ въ школѣ“ М. Богданова.

пониманіи исторіи? Вѣдь при Наполеонѣ I Французы имѣли еще меньше «знаній», чѣмъ при Наполеонѣ III, однако, они побѣдили многознающую Германію, а въ 1812 году Французы были наголову разбиты Русскими, обладавшими уже совершенно ничтожными «знаніями».

Но послушаемъ, что говоритъ о національномъ воспитаніи побѣдитель Французовъ, самъ знаменитый фельдмаршалъ Мольтке:

«*Das blosse Wissen erhebt den Menschen noch nicht auf den Standpunkt, wo er bereit ist, das Leben einzusetzen für eine Idee, für Pflichterfüllung, für Ehre und Vaterland: dazu gehört die ganze Erziehung des Menschen*». (*Простое знаніе еще не поднимаетъ человѣка до той высоты, на которой онъ готовъ жертвовать своею жизнью за идею, за исполненіе долга, за честь и Родину: для этого необходимо все воспитаніе человѣка.*)

Вотъ слова серіознаго мыслителя и глубокаго знатока человѣческаго характера!

Русская школа должна давать Отечеству «религіозно - нравственныхъ» людей, «преданныхъ Русской государственности и народности». Таково требованіе здравой педагогики, такова непреклонная воля Государя, таково искреннее желаніе всей Россіи.

Какъ же можетъ школа достигнуть этой цѣли? Своимъ *воспитательнымъ образованіемъ*.

Школа, конечно, должна давать своимъ питомцамъ знанія и притомъ знанія истинныя, безо всякой тенденціозной фальсификаціи. Не только Полтава, но и Нарва должны быть представлены имъ въ настоящемъ свѣтѣ, ибо истинный патріотъ черпаетъ силу національнаго духа какъ въ тяжелыхъ, такъ и въ свѣтлыхъ временахъ своего отечества. Когда двинулась Русская рать изъ Нижняго-Новгорода на выручку побѣжденной Поляками Москвы, развѣ кто-нибудь скрывалъ отъ Русскихъ мрачную вѣсть о польской побѣдѣ? Развѣ пламенныя рѣчи Минина не говорили Русскимъ людямъ всей истины о совершившемся несчастіи? И что же? Какъ подѣйствовала эта вѣсть на народъ? Палъ онъ духомъ, узнавъ эту горькую истину? Нѣтъ, въ народѣ возгорѣлся еще болѣе пламенный патріотизмъ—и Москва была спасена.

Мы, поэтому, совершенно не понимаемъ, почему школа для поднятія національнаго духа должна говорить своимъ питомцамъ какую-то ложь, скрывать какія-нибудь истины, какъ ее въ томъ обвиняетъ авторъ вышеуказанной статьи. Патріотизмъ никакой истины не боится, ибо настоящій патріотизмъ вовсе не находится въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ фактическихъ данныхъ. Если какой-нибудь преподаватель исторіи передастъ всю эпопею Севастопольской обороны въ истинномъ ея видѣ, онъ можетъ вызвать въ своихъ воспитанникахъ либо величайшее чувство патріотизма, либо скверное чувство глумленія надъ отечествомъ. Все зависитъ отъ личнаго характера преподавателя. Если самъ онъ искренній патріотъ, то всѣ, даже самыя мрачныя, страницы этой эпопеи возвысятъ національное чувство его учениковъ; а если онъ пошлый «интеллигентный» зубоскалъ, то самыя блестящія страницы Севастопольскихъ подвиговъ вызовутъ въ его ученикахъ столь же пошлое чувство и ненависть къ Россіи.

А не находится ли въ нашихъ среднихъ школахъ изрядное число преподавателей послѣдняго типа, ежедневно соблазняющихъ своимъ ученіемъ малыхъ сихъ?

Вотъ истинное зло нашей школы, и мы не должны скрывать отъ себя этого зла, а должны разъ навсегда вырвать его изъ нашей школы.

А пока это не будетъ сдѣлано, школы наши своей воспитательной задачи исполнять не будутъ, и изъ стѣнъ ихъ далеко не всегда будутъ выходить религіозно-нравственные люди, преданные Русской государственности и народности.

Вотъ почему въ настоящее тяжелое время столь выдающаяся роль въ воспитаніи Русскихъ людей выпадаетъ на долю тѣхъ пансіоновъ-пріютовъ, образцомъ которыхъ является великолѣпно-поставленный пансіонъ Московскаго Дворянства.

Такіе пансіоны по составу своихъ воспитателей должны являться національнымъ противовѣсомъ настоящему космополитическому направленію, господствующему въ немаломъ числѣ нашихъ среднихъ школъ, подобно тому, какъ этому же направленію служатъ противовѣсомъ добрыя истинно-русскія семьи. Въ пансіонахъ воспитанники должны получать то религіозно-нравственное воспитаніе, котораго они не могутъ получить въ школѣ, гдѣ доброе, но рѣдкое слово законоучителя зачастую заглушается далеко не добрыми рѣчами другихъ преподавателей.

Но, повторяемъ, такое раздѣленіе труда совершенно ненормально, а потому оно можетъ быть лишь временнымъ. Сами школы наши, къ какимъ бы типамъ онѣ ни принадлежали, должны быть живыми очагами такого же религіозно-нравственнаго и національнаго воспитанія, какъ и пансіоны, такъ какъ вѣдь большинство воспитанниковъ среднихъ школъ никогда въ правильно-поставленные пансіоны не попадутъ, а у многихъ изъ нихъ семейная обстановка здоровыми элементами не обладаетъ. Да и какое воспитаніе, кромѣ коверканнаго, могутъ получить дѣти, наставники которыхъ въ школѣ держатся одного направленія, а наставники въ пансіонѣ—другаго, совершенно противоположнаго?

Лишь тогда у насъ школьный вопросъ будетъ окончательно рѣшенъ, когда всѣ наши школы и пансіоны будутъ проникнуты однимъ и тѣмъ же религіозно-нравственнымъ духомъ, когда они дружными усиліями будутъ стремиться къ одной и той же цѣли—къ воспитанію вѣрныхъ слугъ Богу, Царю и Отечеству.

Солунскіе анархисты.

Кто тѣ злѣйшіе враги славянства, которые такимъ коварнымъ образомъ вооружили несчастныхъ Македонцевъ динамитными бомбами и толкнули ихъ на адскія преступленія въ Салоникахъ?

Какая цѣль этихъ преступленій?

Лишить угнетенныхъ македонскихъ христіанъ тѣхъ симпатій, которыми они пользовались въ христіанскихъ государствахъ Европы и въ особенности въ единовѣрной имъ Россіи? Воспрепятствовать введенію предписанныхъ Россіей реформъ въ Македоніи? Освободить Турцію отъ обязательствъ, принятыхъ ею передъ Россіей? Облегчить Австріи вооруженное вмѣшательство въ Македонію и занятіе Салоникъ?

Если Солунскіе динамитчики, дѣйствительно, стремились къ этимъ цѣлямъ, то они несомнѣнно выбрали вполнѣ подходящее къ сему средство.

Народу, ведущему борьбу за свою вѣру и свободу, можно сочувствовать, если эта борьба его направлена непосредственно противъ его угнетателей. Но можно ли сочувствовать послѣдователямъ Равашоля, взрывающимъ динамитомъ городскіе дома со всѣми ихъ мирными, ни въ чемъ не повинными жителями? Вотъ, напримѣръ, Буры. Они пускали въ ходъ динамитъ противъ англійскихъ военныхъ блиндированныхъ поѣздовъ, но ни одинъ Буръ и не подумалъ взорвать то или другое правительственное зданіе въ Капштадѣ.

„Да, говорятъ намъ защитники Солунскихъ анархистовъ, вы забываете, что несчастнымъ Македонцамъ ничего другаго не остается, какъ бросать динамитныя бомбы въ турецкіе города. Почему же такъ? Потому, видите ли, что они не вѣрятъ, чтобы Турція провела предписанныя Россіей реформы.

Но почему же они не хотятъ выждать, чтобы окончательно выяснилось, что Турція откажется отъ проведенія этихъ реформъ?

На такой вопросъ приходится слышать слѣдующій странный отвѣтъ:

«Македонцамъ надоѣло ждать. Они ждали 25 лѣтъ, и никакихъ реформъ имъ не дали, и вотъ теперь они взялись за динамитныя бомбы».

Мы назвали этотъ отвѣтъ страннымъ, чтобы не употребить болѣе рѣзкаго выраженія. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ этотъ отвѣтъ былъ основателенъ, то пришлось бы придти къ слѣдующему нелѣпому выводу:

Македонцы 24 года ждали реформъ и динамитныхъ бомбъ не бросали. А вотъ на 25-й годъ, когда Россія впервые торжественно имъ объщала, что она непремѣнно настоитъ на дарованіи имъ реформъ, они, оказывается, и нѣсколько мѣсяцевъ не могутъ подождать, пока Россія исполнитъ свое обѣщаніе, и дѣлаютъ все возможное, чтобъ оскорбить Россію недовѣріемъ къ ея слову и оттолкнуть ее отъ себя адскими анархистскими преступленіями.

Вотъ къ какому выводу, говоримъ мы, пришлось бы придти, еслибы можно было серіозно отнестись къ выше указанному возраженію. Но мы рѣшительно отказываемся вѣрить, чтобы населяющій Македонію православный славянскій народъ могъ относиться къ Россіи съ такимъ недовѣріемъ, которое противорѣчитъ всей исторической славянской этикѣ.

До Солунскихъ динамитныхъ покушеній положеніе Македонскаго вопроса было слѣдующее:

Россія вмѣстѣ съ Австріей потребовали отъ Турціи реформъ для Македоніи. Турція согласилась на эти реформы и стала приводить ихъ въ исполненіе. Этому воспрепятствовали Албанцы, поднявъ возстаніе противъ Турціи. Послѣ нѣкотораго колебанія, Турція, по настоянію все той же Россіи, принялась за усмиреніе Албанцевъ. Чѣмъ кончилось бы это усмиреніе, сказать, конечно, трудно, но, во всякомъ случаѣ, Россія зорко бы слѣдила за ходомъ событій, ни на минуту не упуская изъ виду интересовъ христіанскаго населенія Македоніи и, въ концѣ концовъ, съумѣла бы настоять на дѣйствительномъ, а не фиктивномъ осуществленіи предписанныхъ ею реформъ, принудивъ Турцію исполнить свои обязательства.

И вотъ Солунскіе динамитчики даютъ теперь Турціи предлогъ, и притомъ предлогъ весьма благовидный, чтобъ освободиться отъ этихъ непріятныхъ для нея обязательствъ. И въ то же самое время они даютъ такой же предлогъ иностраннымъ державамъ вмѣшаться въ дѣло, которое до сихъ поръ находилось въ рукахъ Россіи и Австріи, а это можетъ разстроить существующее между ними соглашеніе и предоставить Австріи свободу дѣйствія въ Македоніи.

Не правы ли мы, говоря, что худшаго совѣта нельзя было дать несчастнымъ Македонцамъ, какъ это подражаніе европейскимъ анархистамъ. На этомъ пути они ничего, кромѣ гибели своей родины, не достигнутъ и окончательно лишатся того сочувствія Россіи, безъ котораго на Балканахъ ничего прочнаго и полезнаго создать невозможно.

Сила разумной власти.

Пасхальная недѣля 1903 года, ознаменовавшаяся лучезарными днями Царскаго пребыванія въ Москвѣ, имѣла особое выдающееся значеніе еще для двухъ другихъ городовъ Россійской Имперіи, радостное — для Гельсингфорса и глубоко прискорбное—для Кишинева.

Въ первомъ изъ этихъ городовъ объявлена была Царская Воля, предоставившая широкія полномочія Финляндскому Генералъ-Губернатору, который немедленно же и воспользовался ими для того, чтобы нѣсколькими энергическими мѣрами, давно уже требовавшимися государственнымъ здравымъ смысломъ, положить конецъ напряженному состоянію всего края, вызванному противоправительственною шведоманскою крамолой.

Сколько разъ приходилось намъ говорить о необходимости этихъ мѣръ и сколько разъ приходилось выслушивать мудрыя возраженія «либеральныхъ» политикановъ, упрекавшихъ насъ въ «шовинизмѣ» и предрекавшихъ страшныя бѣдствія для Финляндіи, если только Правительство рѣшится не на словахъ только, но и на дѣлѣ, водворить сильною рукой исчезнувшій въ краѣ порядокъ. Сколько разъ намъ доказывали, что Финляндію можно успокоить лишь уступчивостью, а что крутыя мѣры немедленно вызовутъ всеобщее возстаніе...

И вотъ Государю угодно было вручить генералъ-адъютанту Бобрикову чрезвычайныя полномочія для того, чтобъ онъ обладалъ всѣми необходимыми средствами для мощнаго огражденія мирнаго финляндскаго населенія отъ подстрекательствъ преступныхъ агитаторовъ.

Мы въ свое время привѣтствовали эту благую мѣру, какъ выраженіе истинной христіанской любви.

«Эта любовь, говорили мы, должна подвигнуть пастыря не къ «любовному» созерцанію творящагося предъ его глазами ужаса, а къ бодрой, энергичной защитѣ стада отъ волковъ, къ отважной съ ними борьбѣ и къ обезоруженію ихъ путемъ благоразумной, стойкой силы. На Финляндіи Правительство намъ показываетъ, съ какою твердою послѣдовательностью оно борется со зломъ, когда это зло принимаетъ дѣйствительно серіозные размѣры, и когда Правительство изъ христіанской любви ко ввѣренному ему Богомъ населенію становится во всеоружіи на защиту его покоя, безопасности и мирнаго, плодотворнаго труда» (*М. В.* № 95, 1903 г.).

Мы были увѣрены, что проявленіе сильной, разумной Русской Власти въ Финляндіи будетъ встрѣчено съ искреннею радостью кореннымъ населеніемъ края, которое, какъ и вездѣ, нуждаясь въ крѣпкой опорѣ и защитѣ, всегда будетъ сочувствовать сильной государственной политикѣ. Если финляндское населеніе до сихъ поръ колебалось въ своихъ симпатіяхъ, то это

только потому, что оно сомнѣвалось въ силѣ Русской Власти и опасалось, что она, въ концѣ-концовъ, уступитъ шведоманскимъ агитаторамъ и снова передастъ имъ господство надъ Финляндіей. Необходимо было разъ навсегда разсѣять эти сомнѣнія и опасенія и наглядно доказать, что Русское Правительство никогда уже власти изъ своихъ рукъ не выпуститъ и что преступная сила Мехелиновъ, Борновъ и Маннергеймовъ окончательно сломлена, такъ что Финляндскому населенію уже болѣе не грозитъ позорное подчиненіе этимъ крамольникамъ. Населеніе, говорили мы, встрѣтитъ съ радостью благую вѣсть о томъ, что этотъ Дамокловъ мечъ надъ нимъ болѣе не виситъ.

Мы въ этомъ не ошиблись: каждый день приноситъ намъ радостныя вѣсти изъ Финляндіи, и еще сегодня слышали мы отъ очевидца, что давно уже Пасхальная недѣля не была проведена въ Гельсингфорсѣ въ такомъ мирномъ, радостномъ настроеніи, какъ въ настоящемъ году тотчасъ послѣ принятія Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ тѣхъ экстренныхъ мѣръ (изгнаніе изъ Финляндіи главныхъ вожаковъ крамолы), которыя ясно показали населенію, что отнынѣ ничто уже не угрожаетъ ихъ мирной, трудолюбивой жизни. Вотъ подлинныя слова нашего собесѣдника:

«Мы положительно не узнавали Финновъ. Куда дѣвались ихъ угрюмыя, запуганныя лица? Они встрѣчали насъ, Русскихъ, съ привѣтливою радостью во взорахъ, какъ добрыхъ друзей. Они открыто говорили, что теперь у нихъ свалился камень съ сердца, такъ какъ они теперь знаютъ, что Русскій Царь ихъ не дастъ въ обиду и что теперь уже никто имъ не будетъ приказывать идти противъ Царя.

«Призывъ къ воинской повинности тотчасъ сталъ давать удовлетворительные результаты и даже Финны-студенты въ своихъ праздничныхъ собраніяхъ веселились отъ всей души, воздерживаясь отъ всякихъ политическихъ демонстрацій, которыя были бы, конечно, очень желательны ихъ товарищамъ Шведамъ.

«Подвергшіеся изгнанію вожаки сразу утратили всю свою шведскую спѣсь и традиціонное берзеркерство. Иные изъ нихъ поспѣшили бѣжать за границу, еще не получивъ официальное къ тому приглашеніе, а остальные подчинились этому приглашенію съ нижайшею покорностью, стараясь только о томъ, чтобы въ точности исполнить всѣ указанныя имъ Властью условія предписаннаго изгнанія.

«Стопло Правительству показать *дѣйствительную* власть, и тотчасъ же все сразу успокоилось. Всѣ вздохнули свободно: и мы, и они, которые давно уже были бы вмѣстѣ съ нами, еслибы они заранѣе были увѣрены, что мы въ Финляндіи не шутки шутимъ, а дѣло дѣлаемъ.

«Но нужно отдать справедливость нашему Генералъ-Губернатору. Онъ за всѣ эти годы не щадилъ своихъ силъ, чтобы въ тонкости изучить положеніе края и подготовить ту почву, на которой онъ теперь, наконецъ, можетъ начать пожинаніе мирныхъ плодовъ своей неустанной дѣятельности. Онъ все дѣло велъ самъ, не выпуская изъ рукъ его сложныхъ нитей, и всюду бралъ на себя отвѣтственность, гдѣ была наибольшая опасность».

Совершенно иное намъ пришлось выслушать сегодня же отъ очевидца Кишиневскихъ безобразій.

Всего ужаснаго и не разскажешь, что̀ тамъ дѣлалось и, въ особенности, чего не дѣлалось...

Опубликованное «Правительственное Сообщеніе» ясно констатируетъ,

что возникновеніе въ Кишиневѣ антиеврейскихъ безпорядковъ не было дѣломъ неожиданнымъ, противъ котораго нельзя было бы принять заблаговременно сильныхъ, разумныхъ мѣръ.

«Въ Бессарабской губерніи», читаемъ мы въ этомъ офиціальномъ документѣ, «между христіанами и Евреями создались обостренныя отношенія, при которыхъ всякій нелѣпый слухъ объ Евреяхъ могъ послужить предлогомъ для взрыва народныхъ страстей»...

Къ сожалѣнію, мы не видимъ, чтобы кто-либо позаботился о предотвращеніи этого взрыва. А когда этотъ взрывъ произошелъ, то «распорядительная власть по охраненію порядка была передана губернаторомъ военному начальству». Къ сожалѣнію, вызваннымъ войсковымъ частямъ долго «не удавалось подавить безпорядки, такъ какъ вслѣдствіе нераспорядительности полиціи, не имѣвшей, очевидно, должнаго руководства, улицы были запружены не только безчинствующими, но и толпами любопытныхъ».

Въ виду этихъ промаховъ мѣстныхъ властей, повлекшихъ за собой такія послѣдствія, министръ Внутреннихъ Дѣлъ нашелъ себя вынужденнымъ обратиться циркулярно къ губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ со слѣдующими, между прочимъ, назидательными словами:

«По всеподданнѣйшему докладу моему вышеизложенныхъ свѣдѣній о ходѣ безпорядковъ, полученныхъ на мѣстѣ исправляющимъ должность директора Департамента Полиціи, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: подтвердить начальникамъ губерній и городовъ, что имъ вмѣняется въ долгъ, подъ личною ихъ отвѣтственностью, принимать всѣ мѣры къ предупрежденію насилій и для успокоенія населенія, дабы устранить поводы къ появленію въ какой-либо его части опасеній за жизнь и имущество». И далѣе: «Гражданскія власти во время безпорядковъ не имѣютъ права при вызовѣ войскъ передавать военному начальству свои обязанности по водворенію спокойствія, а должны, *присутствуя лично на мѣстахъ*, направлять совокупную дѣятельность вызванныхъ войскъ и полиціи къ *умѣлому и энергичному* подавленію безчинствъ».

«Умѣлыя и энергичныя» дѣйствія администраціи являются выраженіемъ той сильной, разумной власти, которая составляетъ первое условіе спокойствія и процвѣтанія государства. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что если бы энергическая сила разумной власти была своевременно проявлена въ Кишиневѣ, она предупредила бы совершившееся кровопролитіе, точно такъ же, какъ умѣлая и энергичная сила Финляндской администраціи предотвратила такіе же ужасы, неминуемо грозившіе всему краю, еслибы мѣстнымъ ненормальнымъ условіямъ предоставлена была свобода дальнѣйшаго обостренія національныхъ отношеній, при которыхъ такъ легко могъ явиться поводъ для взрыва народныхъ страстей!

А общественное мнѣніе? Оно, какъ въ данномъ случай, такъ и всегда, станетъ всецѣло на сторону разумной энергіи, такъ какъ на этой же сторонѣ всегда будетъ и успѣхъ.

Отголосокъ лучезарныхъ дней.

«Мѣстное населеніе съ живѣйшею радостью встрѣтило вѣсть о Царскомъ посѣщеніи Новаго Іерусалима. Съ утра сталъ собираться народъ къ обители, къ желѣзнодорожной станціи, а также по обѣимъ сторонамъ шоссе, на про-

тяженіи двухъ съ половиной верстъ отъ станціи до монастыря. Навстрѣчу Государя поспѣшили не только жители Воскресенска и окрестныхъ селеній, но и отдаленныхъ деревень».

Въ такихъ словахъ передавали намъ народную встрѣчу Царя въ Новомъ Іерусалимѣ газетные репортеры, сопровождавшіе Ихъ Императорскія Величества 12 апрѣля въ Ихъ поѣздкѣ въ древнюю Никонову обитель.

Съ внѣшней стороны эта передача совершенно корректна; но какъ далека она отъ наиболѣе существенной *внутренней* истины, которую можно найти лишь въ душевныхъ тайникахъ Русскаго народа.

Мы имѣли счастливый случай слышать разсказъ объ этой встрѣчѣ народомъ своего Царя подъ Новымъ Іерусалимомъ изъ устъ простой женщины, которая, будучи сама родомъ изъ Звенигородскаго уѣзда, близъ города Воскресенска, до сихъ поръ находится подъ очарованіемъ того великаго счастія, которое выпало на ея родную сторону, удостоившуюся встрѣтить Батюшку-Царя и Матушку-Царицу въ Ихъ паломничествѣ къ Ново-Іерусалимской святынѣ.

Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ наша вчерашняя собесѣдница:

«— Слухъ о томъ, что пріѣдетъ Государь въ Новый Іерусалимъ распространился по всей нашей округѣ уже съ первыхъ дней Пасхи, а потому Свѣтлый праздникъ былъ для насъ двойнымъ праздникомъ.

«Изъ нашихъ деревень многіе собирались идти въ Москву, чтобы тамъ посмотрѣть на Царя съ Царицей. И вдругъ такое счастіе! Не намъ идти въ Москву, а Самъ Царь изъ Москвы къ намъ пріѣдетъ.

«И вотъ всѣ начали собираться встрѣтить Царя у Новаго Іерусалима еще съ четверга (10 апрѣля), чтобы занять самыя лучшія мѣста по обѣ стороны дороги отъ вокзала къ монастырю. А дороги этой будетъ версты три. Отовсюду потянулись мужики, бабы, дѣвки, дѣти, словно на богомолье. Кто двадцать верстъ шелъ, кто тридцать, а кто и сорокъ. Пришли изъ-подъ Звенигорода, изъ-подъ Рузы и даже изъ-подъ Волоколамска, а это уже будетъ верстъ шестьдесятъ. Отсюда, впрочемъ, многіе пріѣхали и по чугункѣ. Опустѣли всѣ села въ цѣлой округѣ, всякому хотѣлось пойти. Особенно же шли старики и старушки и малыя дѣти. Запасались ѣдой на двое, на трое сутокъ и несли ее въ узелкахъ и котомкахъ.

«А какъ пришли къ вокзалу и монастырю и стали по обѣимъ сторонамъ дороги, такъ вышелъ приказъ, что съ узлами Царя встрѣчать нельзя. Пришлось всѣ котомки и узелки убрать, пришлось разстаться съ ними и со всей ѣдой, что захватили съ собой изъ деревни. Пришлось чуть не два дня пробыть безъ пищи, но только никто со своего мѣста не тронулся, такъ какъ каждый дорожилъ запятымъ имъ заранѣе мѣстечкомъ, поближе къ дорогѣ, чтобы получше увидать Царя. Такъ тутъ всѣ въ полѣ, по краямъ дороги, и ночевали, благо Господь погодку послалъ теплую и сухую.

«А въ субботу, какъ дождались Царя, всѣ въ струнку стали по обѣ стороны дороги. Всѣ молча стояли, все ждали. А какъ завидѣли Царя съ Царицей, такъ всѣ сразу встрепенулись, стали кричать *ура* и бросать шапки кверху, хотя и это тоже было запрещено. Ну, тутъ ужъ никого не слушали, всѣ были такъ рады, что Господь привелъ нашего Батюшку съ Матушкой увидать. Ради такого счастія можно было бы еще столько же простоять и проголодать. Не только бабы и дѣвки, но и многіе мужики, плакали отъ радости. А старушки—тѣ совсѣмъ растаяли, со слезами молились и благодарили Царицу Небесную, что не дала имъ умереть, не повидавши Государя съ Государыней.

«Былъ тутъ старикъ, совсѣмъ слѣпенькій, какъ есть ничего не видитъ; да ему ужъ больше ста лѣтъ будетъ. И онъ примлелся, маленькая внучка привела его. Какъ проѣхалъ Царь, онъ и говоритъ ей:

«— Веди, веди меня скорѣй.

А дѣвочка ему говоритъ.

«— Да, куда же тебя, дѣдушка, вести-то, вѣдь все равно ничего не увидишь.

«— Веди меня, говоритъ, мнѣ хочется хоть пройтись по той дорогѣ, по которой Батюшка-Царь проѣхалъ».

Что можно прибавить къ этому трогательному безыскусственному разсказу? Какъ многому нужно намъ еще учиться у нашего простого народа, котораго мы же сами думаемъ еще учить! Вѣдь его чувство къ Царю—это цѣлая святыня, которую нужно тщательно беречь, чтобъ ее не захватали наши «интеллигенты» своими нечистыми руками...

Уфимское преступленіе.

Еще новое злодѣяніе той гнусной шайки, которая хочетъ во что бы то ни стало воскресить на Руси мрачныя времена, предшествовавшія началу 1881 года!

Убитъ Уфимскій губернаторъ Николай Модестовичъ Богдановичъ.

Въ городскомъ паркѣ на него 6-го мая, среди бѣла дня, напали двое или трое негодяевъ, подосланныхъ главарями вышеупомянутой шайки, убили его нѣсколькими выстрѣлами изъ револьверовъ и затѣмъ безслѣдно скрылись.

Какая цѣль этого подлаго преступленія, совершеннаго надъ человѣкомъ, снискавшимъ себѣ за шестилѣтнее управленіе Уфимской губерніей горячую любовь всего населенія?

Цѣль все та же, какъ и въ былыя времена: «запугать» общество и Правительство и побудить послѣднее къ уступчивости предъ требованіями революціонной крамолы.

Есть и другая цѣль: терроризировать губернскія власти, дабы онѣ, при вспышкѣ какихъ-либо мѣстныхъ безпорядковъ, потворствовали имъ, вопреки своему долгу, и не принимали противъ нихъ какихъ-либо разумныхъ, энергическихъ мѣръ.

Но неужели эти злодѣи могутъ надѣяться на достиженіе своихъ цѣлей? Неужели они думаютъ, что Правительство не понимаетъ ихъ коварныхъ разсчетовъ и не разстроитъ ихъ принятіемъ совершенно противоположныхъ мѣръ, чѣмъ они отъ него ожидаютъ? Мѣры эти были испытаны послѣ 1881 года; онѣ тогда сразу разсѣяли кошмаръ мнимой болѣзни, такъ долго тяготѣвшій надъ Россіей, и призвали ее къ новой бодрой жизни и къ сознанію своего крѣпкаго, нисколько не пошатнувшагося, организма.

Такъ и теперь: Россія здорова, въ какія бы мрачныя иллюзіи ее ни старалась погрузить наша «либеральная» партія со всею своею легальною и нелегальною печатью. Ни въ какихъ реформахъ своего государственнаго строя не нуждается Россія, а нуждается она въ твердомъ сохраненіи этого строя и

въ неослабномъ его функціонированіи во всѣхъ сферахъ нашей государственной и общественной жизни, которая должна быть разъ навсегда освобождена отъ всей той баламутящей ее устной и печатной пропаганды, вслѣдствіе которой только и становятся возможными такія злодѣянія, какъ совершившееся нынѣ въ Уфѣ.

Россію хочетъ сбить съ толку новоявленная банда террористовъ.

Но это ей такъ же не удастся, какъ не удалось двадцать лѣтъ тому назадъ.

Знаменательная Высочайшая награда.

Государю Императору угодно было осчастливить 6 мая, въ день Своего рожденія, одного изъ преданнѣйшихъ Своихъ слугъ, генералъ-лейтенанта Евгенія Васильевича Богдановича, Высочайшею Грамотой, признающею «многолѣтнюю службу» его, «ознаменованную преданностью Престолу и полезными трудами». Одновременно съ симъ, Государь призналъ за благо наградить генерала Богдановича «всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ его кавалеромъ Императорскаго Ордена Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго» — «въ уваженіе къ просвѣтительной и плодотворной его дѣятельности по разъясненію въ изданіяхъ духовно-нравственнаго и патріотическаго содержанія истиннаго значенія коренныхъ основъ нашей государственной жизни».

Высочайшая награда, которою всенародно удостоена патріотическая дѣятельность генерала Е. В. Богдановича, имѣла бы въ иное время только высокое личное для него значеніе. Но, въ переживаемую нами нынѣ пору общественныхъ волненій и недоразумѣній, награда эта и сопровождающія ее Высочайшія слова получаютъ значеніе обще-государственное.

Въ данной генералу Богдановичу Высочайшей Грамотѣ Государь Императоръ особенно высоко цѣнитъ не только многолѣтнюю службу и полезные труды Своего вѣрнаго слуги, не только безпредѣльную его преданность Престолу, но и въ особенности его просвѣтительную и плодотворную дѣятельность, которую онъ проявилъ преимущественно за послѣднее время въ безчисленныхъ художественныхъ и народныхъ изданіяхъ духовно-нравственнаго и патріотическаго содержанія,—изданіяхъ, разъясняющихъ «*истинное значеніе коренныхъ основъ нашей государственной жизни*».

Намъ уже неоднократно приходилось указывать на высокое достоинство изданій генерала Богдановича, и мы всегда горячо привѣтствовали появленіе каждаго изъ нихъ, такъ какъ, по нашему глубокому убѣжденію, всѣ они являются драгоцѣнными сѣменами, которыми маститый патріотъ засѣваетъ нашу народную и общественную ниву, нуждающуюся въ такомъ именно духовно-нравственномъ и патріотическомъ посѣвѣ, въ виду появленія совершенно иного духа сѣятелей, которые стараются о томъ, чтобы на этой нивѣ взошли сорныя травы, дабы заглушить ими здоровые ростки, появляющіеся на почвѣ нашей государственной и общественной жизни.

Въ виду этого мы особенно счастливы тѣмъ, что наша оцѣнка патріотическихъ трудовъ Е. В. Богдановича оказалась вѣрною, такъ какъ труды эти

нашли себѣ высокое одобреніе Самого Государя. Вмѣстѣ съ нами возрадуются и всѣ истинно-Русскіе люди, которые увидятъ, что въ наше время общественной тревоги Русскій Царь ободряетъ насъ призывомъ не смущаться происками и извѣтами нашихъ внутреннихъ враговъ, а всецѣло попрежнему непоколебимо стоять на стражѣ *«коренныхъ основъ нашей государственной жизни»*, понимая ихъ не въ ложномъ, а въ *«истинномъ значеніи»*.

Эти послѣднія слова имѣютъ особенно глубокій смыслъ въ переживаемое нами трудное время.

Въ нашемъ обществѣ, взбаламученномъ враждебною Россіи пропагандой, нынѣ появились и такіе смутьяны, которые пытаются провести свои разрушительныя ученія подъ флагомъ тѣхъ же коренныхъ основъ нашей государственной жизни, которыми такъ дорожатъ всѣ истинно-Русскіе люди, но которыя смутьяны эти стараются извратить всякими лжетолкованіями. Они тоже, какъ будто, стоятъ за Православную Вѣру, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поносятъ Православную Церковь; они тоже восхваляютъ Самодержавіе Русскаго Царя, но хотятъ навязать Ему какихъ-то наставниковъ изъ числа нашихъ, оказавшихся никуда негодными, «земскихъ» людей; они тоже распинаются за Русскій народъ, но съ тѣмъ, чтобъ его распинали, въ своихъ эгоистическихъ видахъ, всякіе инородцы и иновѣрцы. Словомъ, эти измѣнники тѣмъ именно и опасны, что они на своемъ знамени пишутъ тѣ же слова, какъ и всѣ истинно-Русскіе люди, а своею проповѣдью и своими дѣйствіями придаютъ этимъ священнымъ словамъ совершенно ложное значеніе.

Но, можетъ-быть, правда на *ихъ* сторонѣ, а ошибаемся *мы*? Можетъ-быть то, что мы называемъ ложью, на самомъ дѣлѣ является истиной? Кто изъ насъ правъ въ пониманіи коренныхъ основъ нашей государственной жизни? Мы,—или они?

Это вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ вся будущность Россіи. Кто же можетъ рѣшить его? Кто можетъ высшимъ, непререкаемымъ авторитетомъ своимъ ясно и безповоротно опредѣлить истинное значеніе этихъ коренныхъ основъ?

Никто иной, какъ только Самъ Помазанникъ Божій, Вѣнценосный Вождь Россіи, знающій, куда Онъ ведетъ врученную Ему Богомъ Родину, а потому имѣющій Одинъ возможность отличить истинный ея путь отъ пути ложнаго.

И вотъ, Россія нынѣ слышитъ этотъ ясный, непререкаемый отвѣтъ на указанный выше роковой вопросъ. *Истинное* значеніе коренныхъ основъ нашей государственной жизни — такъ сказано въ Высочайшей Грамотѣ генералу Богдановичу — разъясняется въ его именно духовно-нравственныхъ и патріотическихъ изданіяхъ.

Откройте эти изданія, и вы въ нихъ на каждой страницѣ прочтете простое, для всѣхъ убѣдительное разъясненіе истинной Православной Вѣры, истиннаго Самодержавія и истинной любви къ Русскому народу, и ни одного слова вы не найдете въ этихъ изданіяхъ, которое хоть издали смахивало бы на тѣ ложныя толкованія нашихъ коренныхъ государственныхъ основъ, которыя стараются имъ придать тѣ волки въ овечьей шкурѣ, которые своими коварными словами вносятъ столько соблазна въ наше легковѣрное общество, пытаясь уловить въ свои сѣти и простой Русскій народъ.

Прислушайтесь къ тѣмъ бесѣдамъ, которыя Е. В. Богдановичу приходится нерѣдко вести съ этимъ простымъ Русскимъ народомъ, когда онъ старается предохранить его отъ этихъ злокозненныхъ сѣтей, — и вы еще болѣе

поймете все глубокое значеніе той «просвѣтительной и плодотворной дѣятельности», которую нынѣ Царь ему поставилъ въ особую заслугу.

Вліяніе этихъ бесѣдъ, можетъ быть, даже превосходитъ своими благими послѣдствіями вліяніе его чудныхъ изданій. Никто такъ близко не знаетъ всѣхъ тайниковъ русской народной души, какъ знаетъ ихъ Евгеній Васильевичъ, и въ этой душѣ онъ находитъ тѣ золотыя струны, которыя тотчасъ же даютъ дивный гармоническій отзвукъ на его искреннія, задушевныя слова. Но и въ этихъ словахъ вы не найдете какой-либо лести «меньшему брату», ради пріобрѣтенія дешевой популярности, до которой такъ охочи наши интеллигентные «народолюбцы»; не о «правахъ» народа говоритъ генералъ Богдановичъ своимъ собесѣдникамъ, а объ его «обязанностяхъ», объ его «долгѣ» предъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ. Чувство этого долга является самою существенною, самою драгоцѣнною характерною чертой Русской народной души. Вотъ почему душа эта такъ отзывчиво пробуждается при сродныхъ ей словахъ и такъ горячо стремится навстрѣчу истинному другу народа, обращающему къ нему свои искреннія, благородныя, высоко-патріотическія слова.

Можетъ ли послѣ этого быть хотя еще малѣйшее сомнѣніе въ томъ, каково *истинное*, и каково *ложное* толкованіе того значенія, которое имѣютъ для Россіи коренныя основы ея государственной жизни? Не ясно ли, что правда на нашей сторонѣ, на сторонѣ всѣхъ истинно Русскихъ людей, на сторонѣ великаго, убѣленнаго сѣдинами патріота, котораго нынѣ осчастливилъ своимъ всемилостивѣйшимъ одобреніемъ Государь Императоръ.

Эта драгоцѣнная награда за многолѣтнюю вѣрную службу придастъ несомнѣнно новыя силы награжденному, для того, чтобы далѣе идти по указанному ему и всѣмъ намъ пути беззавѣтнаго служенія вѣрой и правдой Богу, Царю и Россіи.

Двухсотлѣтіе Петербурга.

Петербургъ празднуетъ 16 мая двусотлѣтнюю годовщину своего основанія.

Въ тотъ же день Россія можетъ праздновать двухсотлѣтіе своего вступленія въ число европейскихъ державъ.

Но въ тотъ же день и Москва можетъ съ благодарною памятью встрѣтить двухсотлѣтіе своего посвященія въ «хранительницу животворныхъ Русскихъ идеаловъ».

Великій Петръ, признавъ въ геніальномъ полетѣ своего ума, что настало для Россіи время сравняться во внѣшней цивилизаціи съ государствами Западной Европы, перенесъ для сей цѣли столицу будущей Россійской Имперіи на крайнюю западную ея границу. Здѣсь прорубилъ онъ не только окно, но и дверь въ Европу, какъ бы для того, чтобы тутъ, на порогѣ Россіи, принимать для строгой провѣрки все, чѣмъ насъ захочетъ одарить Европа, и, отобравъ добрыя зерна отъ плевелъ, направлять лишь одни эти зерна для плодотворнаго посѣва ихъ на необъятной Русской нивѣ.

Здѣсь, на этомъ дальнемъ рубежѣ Россіи, Петръ основалъ новый городъ, который уже однимъ иноземнымъ «нѣмецкимъ» именемъ своимъ долженъ былъ привлекать къ себѣ, какъ нѣкій духовный порто-франко, иноземныхъ

просвѣтителей Россіи. Этотъ городъ обрекался такимъ образомъ на исключительное, предъ всею остальною Россіей, воспріятіе и концентрацію европейской культуры въ общемъ, неразобранномъ ея видѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ становился столицей, то-есть мѣстомъ пребыванія Самого Царя и Его Высшаго Духовнаго и Гражданскаго Правительства, дабы тѣ изъ вносимыхъ иноземныхъ элементовъ, которые оказались бы вредными Россіи, парализовались, по мѣрѣ возможности, присутствіемъ могущественныхъ выразителей Русскихъ національныхъ принциповъ—Православною Церковью и Царскимъ Самодержавіемъ, а европейская культура тутъ же на мѣстѣ, подъ окномъ Царевымъ, приспособлялась къ истиннымъ потребностямъ Россіи.

Но мало того: въ противовѣсъ новому средоточію европейскаго космополитизма необходимо было сохранить въ сердцѣ Россіи прочный оплотъ вѣковыхъ русскихъ національныхъ традицій, средоточіе истиннаго Русскаго духа, изъ котораго какъ Русскій Царь, такъ и Русскій народъ, всегда могли бы черпать новыя животворныя силы для вѣрнаго служенія священнымъ завѣтамъ своей Родины.

Этимъ великимъ духовнымъ оплотомъ Россіи оказалась Москва, покинутая Петромъ, сохранившимъ, однако, за ней все ея высоко идеальное значеніе Первопрестольной Столицы за все то время, когда онъ неустанно работалъ на созданномъ Имъ новомъ поприщѣ кипучей дѣятельности на благо обновленной Имъ Россіи.

Къ перенесенію Своей резиденціи на устья Невы побудили Великаго Преобразователя и другія чрезвычайно важныя государственныя причины. Его влекли къ этому сѣверному краю чисто-московскія стремленія, которымъ въ свое время уже повиновались и Александръ Невскій, и Іоаннъ Грозный. А въ данное время ему необходимо было быстро создать для Россіи военный и коммерческій флотъ, а этого онъ могъ достигнуть лишь постояннымъ, личнымъ присутствіемъ на тѣхъ обильныхъ водой и лѣсами мѣстахъ, гдѣ флотъ этотъ создавался—на берегахъ Ладоги и Финскаго залива. Ему хотѣлось тутъ же вызвать къ жизни изъ среды своего народа цѣлое новое сословіе Русскихъ мореходныхъ торговыхъ людей, которые взяли бы въ свои—*русскія*—руки всѣ торговыя сношенія съ Западною Европой—великая мечта, до сихъ поръ еще не осуществившаяся, но вѣчно стоящая передъ нами, какъ неисполненный идеальный завѣтъ Петра. Мы уже не говоримъ о томъ, что главная опасность, грозившая существованію Государства Россійскаго, шла въ то время отъ Шведовъ, и Санктъ-Петербургъ былъ поэтому основанъ прежде всего, какъ пограничная крѣпость, которою Петръ въ 1703 году защитилъ Московскую національную и государственную святыню, точно такъ же, какъ онъ ту же святыню защитилъ въ 1709 году на поляхъ Полтавы.

Москва, освобожденная отъ непрестанныхъ хлопотъ столь лихорадочной въ то время правительственной дѣятельности, со всѣми ея неизбѣжными увлеченіями, ошибками, разочарованіями, компромиссами и уступками,—могла теперь жить съ большею сосредоточенностью и спокойною послѣдовательностью, вырабатывая въ тишинѣ своихъ Кремлевскихъ святынь то ясное сознаніе чистыхъ Русскихъ идеаловъ, которое иногда, можетъ быть, не проявилось бы съ такою осязательностью, если бы этому не содѣйствовалъ яркій контрастъ Петербургскаго космополитизма, противъ котораго Москва съ перваго же его проявленія предприняла тихую, теоретическую, но упорную борьбу.

Эта борьба выдвинула въ XIX вѣкѣ первую и вторую плеяду славяно-

филовъ, протестовавшихъ противъ всего великаго дѣла Петра, и наконецъ—М. Н. Каткова, который своимъ геніальнымъ умомъ впервые вѣрно оцѣнилъ историческую роль Великаго Преобразователя Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ впервые и выяснилъ истинное значеніе Петербурга и Москвы въ дѣлѣ нашей государственности и культуры.

Россія съ 1703 года живетъ двойственною жизнью. Эта двойственность имѣетъ много нежелательныхъ для Россіи послѣдствій и препятствуетъ установленію гармоническаго строя ея жизни. Но какъ *временный* режимъ, установленный Петромъ, эта двойственность имѣла свое глубокое историческое основаніе.

Представимъ себѣ, что всю преобразовательную работу свою Петръ Великій совершилъ бы въ Москвѣ, что Москва была бы наводнена всею массой какъ полезныхъ, такъ и вредныхъ иностранныхъ элементовъ, что, словомъ, Москва стала бы «Петербургомъ». Конечно, всегда бываетъ трудно въ точности опредѣлить все то, что́ совершилось бы въ истекшей исторіи народа при предположенномъ измѣненіи того или другого условія ея развитія. Но едвали мы ошибемся, утверждая, что бурный наплывъ иностранныхъ элементовъ въ ихъ грубомъ хаотизмѣ—какъ онъ именно и совершился въ Петербургѣ—легко могъ одержать побѣду надъ хранившимися въ Москвѣ вѣковыми *духовными* традиціями Русскаго народа. Одна уже упорная, не только принципіальная, но и дѣловая, борьба между иноземною и русскою стихіей въ стѣнахъ Москвы, съ несомнѣнною поддержкой первой изъ нихъ со стороны Правительства, нанесла бы идеальному значенію Москвы тяжелый уронъ, отъ котораго она едвали могла бы оправиться. Побѣда космополитизма въ Москвѣ была бы тѣмъ полнѣе и вреднѣе, что ни одинъ уже городъ во всей Россіи не могъ бы служить денаціонализованной Москвѣ какимъ-либо серіознымъ національнымъ противовѣсомъ, и Россія быстро пошла бы съ легкимъ сердцемъ и легкою совѣстью по пути какъ полезнаго, такъ и вреднѣйшаго западнаго «прогресса» не только въ научномъ, техническомъ и художественномъ, но и въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ.

Отъ этой именно опасности Россія была предохранена Петромъ Великимъ, оставившимъ Москву во всей ея идейной неприкосновенности, какъ священный палладіумъ Россіи, какъ святой ея *храмъ*. Петръ перенесъ всю мірскую, бурную и на первыхъ порахъ еще не вполнѣ разборчивую европеизацію Россіи на совершенно иное «опытное поле» на отдаленной окраинѣ, только-что отвоеванной у западнаго врага и уже успѣвшей въ значительной степени утратить къ этому времени свой былой древне-русскій характеръ. Здѣсь европейскіе эксперименты могли производиться «на чистоту» безъ всякихъ стихійно-національныхъ помѣхъ; здѣсь какъ случайныя, такъ и неизбѣжныя на первыхъ порахъ ошибки и неудачи могли легче сглаживаться, не причиняя непоправимаго вреда основнымъ устоямъ Россіи, которые хранились въ Москвѣ подъ сѣнью ея вѣковыхъ святынь, оставаясь пока въ сторонѣ отъ преобразовательныхъ работъ, не мѣшая имъ, но и не терпя отъ нихъ какого-либо урона или ущерба.

Такъ длилось два столѣтія, въ теченіе которыхъ Петербургъ выросъ въ первый по внѣшнему блеску городъ Россіи, въ «красу полнощныхъ странъ», а Москва, сохранивъ за собой значеніе средоточія духовныхъ сокровищъ Россіи, сдѣлалась сверхъ того и центромъ ея матеріальныхъ богатствъ. Петербургъ остается еще по праву постояннымъ мѣстопребываніемъ Русскихъ

Царей—уже потому одному, что въ немъ сосредоточенъ весь правительственный механизмъ Россіи,—тогда какъ Москва постепенно уже становится временною Царскою резиденціей, гдѣ «подъ благодатною сѣнью Святой Матери Церкви, въ стѣнахъ древняго Кремля, среди великихъ святынь московскихъ и славныхъ памятниковъ родной исторіи, Русскіе цари почерпаютъ въ завѣтахъ старины русской и въ проявленіяхъ чувства народнаго обновленныя силы для служенія возлюбленному Отечеству», какъ о томъ свидѣтельствуетъ Высочайшій Рескриптъ, данный 16 апрѣля на имя Августѣйшаго Московскаго Генералъ-Губернатора.

Такимъ образомъ какъ Петербургу, такъ и Москвѣ было опредѣлено особое назначеніе Промысломъ Божіимъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда Петръ Великій вдали отъ старой столицы создавалъ новую.

Исполнилъ ли Петербургъ это назначеніе? Къ сожалѣнію—нѣтъ; но объ этомъ мы поговоримъ особо. Москва же свое назначеніе исполнила вполнѣ. Вотъ почему центръ тяжести Россійскаго государства, искусственно перенесенный въ 1703 году на Неву, съ тѣхъ поръ неоднократно естественнымъ путемъ возвращался на берега Москвы-рѣки, всякій разъ когда Русскимъ Царямъ и Царицамъ необходимо было испрашивать высшее благодатное освященіе Своихъ подвиговъ на предстоявшемъ Имъ Царственномъ пути, и всякій разъ, когда Русскій народъ, на глазахъ всего міра, чувствовалъ потребность выражать на дѣлѣ свою беззавѣтную преданность Русскому Самодержцу.

Да процвѣтаетъ же и впредь великолѣпный градъ Петра, да развиваются въ немъ силы богатаго морскаго порта на пользу русской промышленности и торговли, да станетъ онъ, со своимъ несокрушимымъ Кронштадтскимъ бастіономъ, твердымъ оплотомъ Русской Державы отъ всякихъ вражескихъ покушеній, да освободится онъ отъ созданнаго имъ уродливаго, совершенно чуждаго завѣтамъ Петра, либеральнаго бюрократизма, и да приближается онъ съ каждымъ годомъ все болѣе къ идеалу истинно-Русскаго города и богатаго источника русскихъ культурныхъ силъ для благаго просвѣщенія лежащихъ къ сѣверу его окраинъ Россіи!

Пожелаемъ же и Москвѣ, съ честью и достоинствомъ выдержавшей двухсотлѣтнее нелегкое испытаніе, оставаться и впредь носительницей священныхъ русскихъ идеаловъ, дабы, когда на то будетъ воля Господня и Царское рѣшеніе, снова стать, и по праву и на дѣлѣ, единственнымъ средоточіемъ церковныхъ и государственныхъ началъ Россіи.

Сербскій король Петръ I.

Сербскіе сенаторы и скупчинары избрали королемъ Сербіи князя Петра Карагеоргіевича.

Получаемыя со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія не оставляютъ сомнѣнія, что князь Петръ приметъ предложенную ему корону, что сербскій народъ встрѣтитъ его съ распростертыми объятіями и что великія державы отнесутся сочувственно къ воцаренію новой или, вѣрнѣе, старой династіи Карагеоргіевичей на Сербскомъ королевскомъ престолѣ.

Такимъ образомъ можно надѣяться, что король Петръ I вступитъ на

этотъ престолъ при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ и что для Сербіи настанетъ эпоха мирнаго, плодотворнаго развитія, чего ей отъ всей души, конечно, желаетъ братская единовѣрная Россія.

Вѣрнымъ залогомъ этого для всѣхъ желаннаго благодатнаго разрѣшенія Сербскаго кризиса является самъ король Петръ, о которомъ въ настоящее время всюду раздаются лишь самые благопріятные отзывы. Глубокая преданность его Россіи всѣмъ извѣстна и уже явствуетъ изъ того факта, что воспитаніе обоихъ сыновей своихъ онъ поручилъ русскимъ учебнымъ заведеніямъ — Петербургскому Александровскому Кадетскому Корпусу и Училищу Правовѣдѣнія. Можно поэтому быть увѣреннымъ, что новый король Сербскій будетъ въ будущей своей государственной дѣятельности дорожить совѣтами Императорскаго Русскаго Правительства, которое давно уже доказало свое безкорыстное, истинно-благожелательное отношеніе къ Сербіи, какъ одному изъ главныхъ христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова, являющихся предметомъ особаго сердечнаго попеченія со стороны Россійской Державы.

Король Петръ отличается, по увѣренію лицъ, близко его знающихъ, весьма симпатичною и рѣдкою на Балканскомъ полуостровѣ характерною чертою — откровенною, прямою искренностью. Онъ, несомнѣнно, установитъ опредѣленный планъ дѣйствія, который онъ могъ зрѣло обдумать въ теченіе всей своей продолжительной, многоопытной, а за послѣднее время спокойной, сосредоточенной жизни, когда онъ изъ своего швейцарскаго уединенія зорко наблюдалъ за событіями, совершавшимися въ его несчастной родинѣ, о злополучной судьбѣ которой ему приходилось не разъ горько кручиниться безъ возможности ей помочь.

Онъ ясно видѣлъ все то зло, которое она испытывала подъ долголѣтнимъ прямымъ и косвеннымъ вліяніемъ своего злого генія, Милана Обреновича, и подъ неопытнымъ правленіемъ его несчастнаго сына.

Не разъ, конечно, приходилось князю Петру Карагеоргіевичу подвергать суровой критикѣ слова и дѣйствія тѣхъ государственныхъ людей Сербіи, которые изъ корыстныхъ цѣлей вели ее къ гибели, отклоняя ее отъ искреннихъ друзей и предавая ее заклятымъ врагамъ славянства.

Теперь для него настало время перейти отъ критики къ самостоятельному творчеству и показать, *какъ* слѣдуетъ править сербскимъ кормиломъ не только среди бушующихъ страстей Балканскаго народнаго моря, но и среди непримиримо враждующихъ между собой сербскихъ политическихъ партій.

Конституціонная форма правленія, которою, къ истинному ея несчастію, надѣлена Сербія, наравнѣ съ прочими, столько же страдающими отъ нелѣпаго парламентаризма, христіанскими государствами Балканскаго полуострова, создастъ, конечно, королю Петру много препятствій къ мирному упорядоченію внутренняго положенія страны, взбудораженному тѣмъ острымъ кризисомъ, который вызванъ безчеловѣчнымъ Бѣлградскимъ преступленіемъ 29 мая. Правда, Сербскій народъ, какъ о томъ насъ извѣщаютъ многочисленныя телеграммы, отнесся совершенно спокойно къ ужасной вѣсти о варварскомъ убійствѣ своего короля и королевы. Но именно это спокойствіе и является зловѣщимъ признакомъ непормальнаго состоянія Сербской народной психики.

Мы ежедневно получаемъ письма отъ нашихъ читателей, истинно-Русскихъ людей, которые громко протестуютъ не только противъ того чисто-башибузукскаго звѣрства, съ которымъ офицеры Сербскаго 6-го полка убили своего

короля и даже беззащитную женщину, королеву, предавъ затѣмъ ихъ тѣла кровожадному изуродованію и поруганію, но и противъ того холоднаго, тупого равнодушія, съ которымъ весь народъ, не принимавшій участія въ заговорѣ, отнесся къ совершенной заговорщиками непужной кровавой расправѣ.

«Миланъ, пишетъ намъ г. О. Я., дѣлалъ все, что хотѣлъ, въ Сербіи: грабилъ свой народъ, издѣвался надъ нимъ самымъ циничнымъ образомъ, и Сербы все молча переносили, терпѣли и платили ему милліоны, и никто не осмѣлился ему даже предложить отречься отъ престола. Онъ самъ это сдѣлалъ, чтобы сорвать лишній кушъ, и затѣмъ преспокойно управлялъ Сербіей при своемъ сынѣ, и опять таки всѣ Сербы молча терпѣли и платили, и не рѣшались заступиться за своего несчастнаго короля-юношу, чтобы освободить его отъ ига развратнаго отца. Но вотъ Миланъ умираетъ, бояться его нечего. На престолѣ слабый юноша и женщина. Теперь можно показать и свою храбрость. Можно не только изгнать ихъ, но даже убить. И ихъ убиваютъ, пуская въ ходъ и динамитъ, и револьверы, и сабли, и кинжалы! Каковы герои! Каковы юнаки! Дѣды и отцы ихъ дрались по-сербски съ Турками, а они теперь по-турецки рвутъ на части женщину, Сербку, свою королеву! А народъ? Народъ находитъ это въ порядкѣ вещей. Страшно становится за нынѣшнюю сербскую народную душу!»

Мы опускаемъ тѣ сильныя выраженія справедливаго негодованія, которыми полно какъ это письмо, такъ и другія письма нашихъ читателей, и которыя всюду повторяются въ русскомъ обществѣ, не могущемъ примириться въ особенности съ звѣрскимъ убійствомъ беззащитной женщины...

И вотъ королю Петру на первыхъ же шагахъ предстоитъ трудная задача: какъ поступить съ этими кровожадными убійцами короля Александра и королевы Драги?

Телеграфъ уже извѣстилъ насъ, что князь Петръ Карагеоргіевичъ ничего общаго съ Бѣлградскими заговорщиками не имѣлъ и что онъ не скрываетъ своего къ нимъ отвращенія. Если онъ взойдетъ на Сербскій престолъ, обагренный королевскою кровью, то самъ онъ долженъ быть чистъ отъ этой крови, дабы никто впослѣдствіи не могъ его попрекнуть ею. Можетъ ли онъ протянуть руку офицерамъ опозорившаго себя 6-го полка, отъ шефства котораго уже поспѣшилъ отречься король Румынскій? Можетъ ли онъ оставить безнаказанными явныхъ цареубійцъ, открыто хвастающихся своимъ гнуснымъ преступленіемъ? Эта безнаказанность только еще больше утвердитъ народъ въ его равнодушіи къ такимъ безчеловѣчнымъ злодѣяніямъ. Но, съ другой стороны, убійцы будутъ говорить, что король Петръ *имъ* обязанъ своею короной и что они ждутъ отъ него не казни, а награды, а въ противномъ случаѣ они будутъ грозить ему участью Александра.

Король Петръ I встрѣтится, такимъ образомъ, съ самовольнымъ войскомъ, отвыкшимъ отъ дисциплины, и съ народомъ, утратившимъ элементарныя государственно-этическія чувства. Да поможетъ ему Господь найти вѣрный путь на этомъ трудномъ, тернистомъ поприщѣ, а въ полномъ сердечномъ ему сочувствіи Русскаго народа онъ можетъ быть увѣренъ.

Сербія и Россія.

Императорское Русское Правительство, привѣтствуя восшествіе на Сербскій престолъ короля Петра I, и выражая ему пожеланіе полнаго успѣха въ его благихъ начинаніяхъ, «не могло не высказать увѣренности въ томъ, что король Петръ сумѣетъ проявить справедливость и твердую волю, принявъ прежде всего мѣры къ разслѣдованію гнуснаго злодѣянія, и подвергнетъ строгой карѣ клятвопреступниковъ, запятнавшихъ себя позоромъ цареубійства».

Такъ гласитъ опубликованное 5 іюня «Правительственное Сообщеніе», выражающее искреннее чувство и зрѣло обдуманный взглядъ не только Русскаго Правительства, но и всего Русскаго народа.

Мы еще на дняхъ указывали, что Русское общество, во всѣхъ своихъ слояхъ, при всемъ своемъ горячемъ сочувствіи королю Петру, отъ котораго оно ожидаетъ болѣе плодотворной дѣятельности на пользу Сербіи, чѣмъ отъ покойнаго короля Александра,—тѣмъ не менѣе глубоко возмущено звѣрскимъ убійствомъ послѣдняго, совершеннымъ офицерами сербской арміи.

Возмущеніе это вызывается какъ чувствомъ простого человѣколюбія, такъ и чувствомъ здравомыслящей государственной этики.

Русскому народу совершенно чуждо то чувство кровожадности, которому предались офицеры 6-го сербскаго полка, не только ворвавшіеся ночью, какъ разбойники, во внутреннія покои короля Александра и королевы Драги, но набросившіеся на нихъ какъ разъяренные хищные звѣри, въ запуски стрѣлявшіе въ нихъ какъ въ живую мишень, изрубившіе ихъ саблями и кинжалами и цинически надругавшіеся надъ ихъ безжизненными останками. Такую гнусность можно было еще ожидать отъ какой нибудь пафанатизированной уличной черни, не претендующей на культурность и повинующейся дикимъ стаднымъ инстинктамъ, или отъ какихъ-нибудь турецкихъ начальниковъ башибузукскаго полка, для которыхъ нѣтъ ничего святого и которые всегда открыто хвастаются своею удалью кровожадныхъ головорѣзовъ. Но мы ставимъ совершенно иныя требованія офицерамъ сербской арміи, такъ какъ они сами требуютъ, чтобъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ признавали вполнѣ равными не только съ представителями армій европейскихъ культурныхъ націй, но и съ представителями русскаго христолюбиваго воинства. Сербскіе офицеры считаются цвѣтомъ сербской націи какъ по своему образованію, такъ и по своимъ умственнымъ дарованіямъ. Какъ же могли офицеры 6-го полка такъ низко пасть, чтобъ уподобить себя хищнымъ звѣрямъ? Или, можетъ быть, вѣковое пребываніе Сербскаго народа сперва въ близкомъ сосѣдствѣ съ Турками, а затѣмъ и подъ ихъ игомъ, такъ глубоко привило ему турецкіе нравы, что даже теперь эти нравы выказываются какъ въ дикихъ кровавыхъ расправахъ, такъ и въ равнодушномъ, чтобы не сказать одобрительномъ, отношеніи Сербскаго общества и народа къ такимъ расправамъ?

Но гнусное событіе 29 мая глубоко нарушило не только основы общечеловѣческой, христіанской нравственности, но и принципы нравственности государственной. Убитъ не частный человѣкъ, а законный монархъ; убитъ онъ не какими-нибудь анархистами, этими отбросами цивилизованнаго общества, а офицерами, принесшими своему королю присягу на вѣрность: они являются поэтому не только *цареубійцами*, но и *клятвопреступниками*, лицами, совер-

шившими тяжкія преступленія, совершенно нетерпимыми въ благоустроенномъ государствѣ, предусмотрѣнныя уголовными законами и подлежащія, на основаніи этихъ законовъ, тяжкимъ карамъ.

Безнаказанность уголовныхъ преступленій является несомнѣннымъ признакомъ національной деморализаціи, въ какомъ бы государствѣ она ни проявлялась, такъ какъ если вообще преступленія до нѣкоторой степени заразительны, то безнаказанныя преступленія дѣйствуютъ съ истинно-эпидемической силой. Въ виду этого первою заботой разумнаго правительства всегда является твердое обезпеченіе строгаго соблюденія уголовныхъ законовъ, охраняющихъ личную, имущественную и гражданскую жизнь населенія, а слѣдовательно и благоустройства общества и государства. Еще болѣе важно соблюденіе законовъ, установленныхъ для обезпеченія ненарушимости Государственной Власти, безъ которой націи возвращаются въ состояніе первобытной необузданной анархіи, къ кулачному праву и дикому произволу.

Вотъ почему Русское Императорское Правительство вполнѣ выражаетъ чувство благомыслящихъ Русскихъ людей, дорожащихъ культурнымъ развитіемъ братскихъ славянскихъ народовъ, въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ «Правительственнаго Сообщенія»:

«Нельзя, конечно, возлагать на весь Сербскій народъ, на все сербское войско отвѣтственность за возмущающее общественную совѣсть преступленіе, но было бы опасно для внутренняго спокойствія въ самой Сербіи оставлять безъ должнаго возмездія насильственно совершенный военными чинами государственный переворотъ. Таковое попустительство неизбѣжно отразилось бы въ неблагопріятномъ смыслѣ на отношеніяхъ всѣхъ государствъ къ Сербіи и тѣмъ создало бы для нея серіозныя затрудненія на зарѣ начинающагося царствованія короля Петра I».

Мы имѣли уже случай указать на трудность той задачи, которую королю Петру придется разрѣшить съ первыхъ же шаговъ своего царственнаго поприща, дабы водворить необходимый нравственный порядокъ въ свой народъ, деморализованный долголѣтнимъ вліяніемъ такого правителя, какъ Миланъ. Мы приводимъ (№ 154) разсказъ нашего корреспондента о бесѣдѣ его съ покойнымъ сербскимъ государственнымъ дѣятелемъ Таушановичемъ, какъ примѣръ тѣхъ дикихъ взглядовъ, которые сдѣлались обычными въ Сербіи. Взгляды эти поддерживаются «конституціоннымъ» режимомъ съ его неизбѣжными, враждующими между собой, партіями, добивающимися правительственной власти, для того, чтобы всѣми мѣрами угнетать своихъ противниковъ, возбуждая въ нихъ чувство дикой мести, которая тотчасъ же осуществляется, какъ только «оппозиціонная» партія становится партіей «правительственною».

Съ этимъ глубоко вкоренившимся зломъ королю Петру придется бороться упорнымъ образомъ и, при всей ожидаемой отъ него справедливости и твердой волѣ, ему едва ли удастся на первыхъ же порахъ справиться съ нарушителями государственнаго порядка въ Сербіи, стремящимися не къ необходимому въ настоящее время усиленію королевской власти, а къ ея ослабленію.

Россія несомнѣнно приметъ во вниманіе эту исключительную трудность положенія новаго Сербскаго короля и не оставитъ его и впредь своими благожелательными совѣтами, внушенными ей искреннимъ сочувствіемъ братскому, единовѣрному народу.

Побѣда германскихъ соціалистовъ.

Вся Германія находится подъ глубокимъ впечатлѣніемъ того «неожиданнаго» результата, которымъ завершились только что произведенные 16 (3) іюня выборы въ рейхстагъ: *соціалисты разбили на голову какъ «либераловъ», такъ и «аграріевъ»*.

Но неожиданнымъ этотъ результатъ можетъ казаться однимъ лишь побѣжденнымъ партіямъ: побѣдители не только въ немъ не сомнѣвались, но ожидали даже еще болѣе блестящей побѣды. Они ее, по всей вѣроятности, и получатъ на предстоящихъ перебаллотировкахъ, которые на этотъ разъ очень многочисленны (въ 142 округахъ изъ общаго числа 397) и въ которыхъ почти всюду кандидатами являются соціалисты. Такимъ образомъ въ будущемъ рейхстагѣ, послѣ католическаго «центра», имѣющаго не болѣе 100 голосовъ, самою сильною партіей явятся соціалисты, у которыхъ окажется немного менѣе 100 голосовъ, тогда какъ ихъ до сихъ поръ было какихъ-нибудь два десятка. Теперь уже легко можно предвидѣть, что черезъ пять лѣтъ, при будущихъ выборахъ, соціализмъ завоюетъ себѣ первое мѣсто въ рейхстагѣ. Уже теперь почти весь Берлинъ, весь Гамбургъ, Бременъ, Кильи вся Саксонія будутъ представлены въ рейхстагѣ одними только соціалистами.

Таковъ неизбѣжный ходъ политическаго разложенія всякаго конституціоннаго государства. Смотря по обстоятельствамъ, ходъ этотъ бываетъ то болѣе быстрымъ, то болѣе медленнымъ, но самый характеръ его отъ этого не измѣняется. Коль скоро правительство обязано парламентскою системой предоставлять на выборахъ полную свободу политическимъ шарлатанамъ, морочащимъ народъ своими лживыми обѣщаніями, то побѣда, безъ всякаго сомнѣнія, должна въ концѣ-концовъ остаться на сторонѣ тѣхъ именно обманщиковъ, которые въ состояніи наобѣщать народу наибольшія утопическія золотыя горы. А кто же въ этомъ безсовѣстномъ народномъ обманѣ можетъ превзойти соціалистовъ? Ни «либералы», ни «демократы», ни «свободомыслящіе» не могутъ конкуррировать съ соціалистами въ этомъ постыдномъ спортѣ, въ которомъ «рекордъ» политическаго мошенничества всегда останется за соціалистами.

Эту неизбѣжную эволюцію парламентаризма, съ постепеннымъ передвиженіемъ центра тяжести сперва въ «лѣвую», а затѣмъ въ «крайнюю лѣвую» сторону, мы уже видѣли во Франціи, теперь видимъ въ Германіи, затѣмъ увидимъ въ Италіи и въ прочихъ шаблонно-конституціонныхъ государствахъ, въ которыхъ соціалисты уже теперь медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ постепенно поднимаются въ гору. То же самое было бы и у насъ въ Россіи, если бъ у насъ настолько помутился разумъ, что мы послушались бы нашихъ «либераловъ» и ввели у себя «конституцію», эту нелѣпѣйшую изъ всѣхъ формъ правленія. Сперва у насъ нѣкоторое время преобладала бы консервативная партія, затѣмъ возобладалъ бы «примирительный» центръ во главѣ съ такимъ приблизительно органомъ, какъ покойная *Россія*, но скоро взяла бы верхъ либерально-буржуазная партія *Вѣстника Европы*, которая потомъ была бы сметена съ лица земли соціалистами *Русскихъ Вѣдомостей*, какъ нынѣ въ Германіи «свободомыслящая» партія Рихтера разгромлена партіей Бебеля и Бернштейна.

Торжество Бебеля и Бернштейна является въ Германіи такимъ образомъ не только не неожиданнымъ, но даже совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ. Знаменательно лишь то, что оно наступило уже теперь, при настоящихъ выборахъ, а не при будущихъ.

Этому, конечно, въ значительной степени содѣйствовало само правительство, имѣющее во главѣ своей такого «геніальнаго» имперскаго канцлера, какъ графъ Бюловъ. Въ таможенномъ вопросѣ онъ нашелъ нужнымъ тѣсно сойтись съ враждебными русской хлѣбной торговлѣ восточно-прусскими аграріями, желавшими изъ узко-эгоистическихъ разсчетовъ, не допуская русскаго хлѣба въ Германію, продавать свой собственный хлѣбъ по такимъ высокимъ цѣнамъ, которыя легли бы невыносимою тяжестью на все германское населеніе. Чтобы достигнуть этой въ высшей степени неразумной и непопулярной мѣры, графъ Бюловъ вынужденъ былъ заручиться поддержкой католическаго «центра» цѣной такихъ унизительныхъ уступокъ, которыя вызвали, къ великой радости и выгодѣ соціалистовъ, сильнѣйшее неудовольствіе во всѣхъ классахъ протестантской Германіи. Наконецъ, высокія, направленныя противъ Россіи, хлѣбныя пошлины должны были вызвать съ русской стороны такія же высокія пошлины, направленныя противъ германской промышленности; а потому неудивительно, что весь промышленный міръ Германіи — какъ представители капитала, такъ и вся «армія труда», поголовно перешли въ непримиримую оппозицію противъ правительства. Какъ же было соціалистамъ не воспользоваться такими для нихъ исключительно благопріятными обстоятельствами? Они ими и воспользовались въ самой широкой степени и такимъ образомъ достигли уже теперь той неминуемой побѣды, которая при менѣе благопріятныхъ условіяхъ могла быть ими достигнута лишь послѣ пяти, десяти или пятнадцати лѣтъ.

Теперешняя побѣда ихъ поставила графа Бюлова въ самое невыгодное положеніе передъ Россіей, при предстоящихъ переговорахъ о таможенныхъ пошлинахъ.

До сихъ поръ многимъ казалось, что Германія въ этихъ переговорахъ займетъ болѣе твердое положеніе, такъ какъ де Германія будетъ имѣть въ своихъ рукахъ высокій хлѣбный тарифъ, утвержденный послѣ обстоятельныхъ преній прошлымъ германскимъ рейхстагомъ; на всѣ доводы Россіи графъ Бюловъ отвѣчалъ бы простымъ «*non possumus*, мы связаны постановленіемъ рейхстага, за нами стоитъ вся Германія»; а Русское Правительство должно было бы идти на уступки, такъ какъ де оно не имѣло бы возможности опереться на такой «неизмѣнно-фиксированный» таможенный проектъ, какимъ былъ бы вооруженъ графъ Бюловъ.

Теперь же дѣло совершенно измѣнилось.

Новый германскій рейхстагъ, выражающій, по конституціонной фикціи, «волю Германскаго народа», является живымъ протестомъ противъ таможенной политики прусскихъ аграріевъ, усвоенной графомъ Бюловымъ, и требуетъ *свободнаго ввоза русскаго хлѣба въ Германію*, то есть какъ разъ того же самаго, чего требуетъ и Россія. Такимъ образомъ графу Бюлову придется отстаивать свои высокія хлѣбныя пошлины не только противъ Россіи, но и *противъ своего собственнаго народа*. Какое же значеніе будетъ имѣть, въ такомъ случаѣ, его «неизмѣнно-фиксированный» тарифъ?

Мы поэтому можемъ только радоваться побѣдѣ германскихъ соціалистовъ, такъ какъ намъ несомнѣнно выгодно все то, что служитъ *ослабленію* нашихъ сосѣдей.

Но мы тѣмъ упорнѣе должны бороться противъ внесенія въ Россію тѣхъ же элементовъ ослабленія и разложенія, которые подтачиваютъ основы всѣхъ конституціонныхъ государствъ.

Посланіе Святѣйшей Вселенской Патріархіи.

Лишь на-дняхъ обнародовано Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ полученное имъ годъ тому назадъ «Посланіе» Святѣйшей Вселенской Патріархіи отъ 30 іюня 1902 года, полный текстъ котораго мы привели въ № 156 *Моск. Вѣд.*

«Посланіе» это займетъ, безъ сомнѣнія, выдающееся мѣсто въ исторіи Православной Церкви, не только знаменуя собою, предъ цѣлою вселенной, полное духовное единеніе всѣхъ автокефальныхъ православныхъ церквей, тѣхъ «согласно въ священномъ сонмѣ вмѣстѣ молящихся во Христѣ сестеръ»,— но и ставя на очередь согласнаго рѣшенія чрезвычайно важные, давно уже назрѣвшіе вопросы не только спеціально церковной, но и общей народной и даже международной жизни.

Святая Православная Церковь, съ отпаденіемъ отъ нея западно-римской ея вѣтви, присвоившей себѣ названіе католической, отказала себѣ въ правѣ созыванія вселенскихъ соборовъ, на которыхъ естественнымъ и преемственнымъ образомъ могли бы рѣшаться въ духѣ истинной вѣры и христіанской любви всѣ религіозные вопросы, неизбѣжно возникающіе съ измѣненіемъ историческихъ и культурныхъ условій православныхъ народовъ. Мы не станемъ здѣсь входить въ исчисленіе всѣхъ прискорбныхъ послѣдствій, вызванныхъ этимъ самоограниченіемъ Православной Церкви, которая зато пріобрѣла утраченную прочими христіанскими церквами необычайную стойкость въ твердомъ и вѣрномъ сохраненіи древнѣйшихъ преданій Святой Христіанской Церкви первыхъ вѣковъ ея существованія, благодаря чему наша Православная Церковь является нынѣ вѣрнымъ прибѣжищемъ всѣхъ, чье сердце не удовлетворено инославными и иновѣрными ученіями и ищетъ истинной христіанской вѣры во всей ея первобытной апостольской чистотѣ.

Отсутствіе вселенскихъ соборовъ въ современной Православной Церкви можетъ до нѣкоторой степени восполняться *обменомъ мнѣній* между святѣйшими патріархами и предстоятелями автокефальныхъ церквей. Такому именно обмѣну мнѣній посредствомъ письменнаго общенія полагаетъ нынѣ начало Святѣйшая Вселенская Патріархія въ лицѣ Патріарха Константинопольскаго Іоакима, достойно занимающаго Святѣйшій Апостольскій и Патріаршій Вселенскій Престолъ.

Святѣйшая Вселенская Патріархія не возбуждаетъ въ своемъ «Посланіи» отъ 30 іюня 1902 года какихъ-либо новыхъ вопросовъ, «а лишь предлагаетъ общей заботѣ долгое время бывшіе въ пренебреженіи для взаимнаго выясненія ихъ помѣстными церквами».

«Посему,—говоритъ Святѣйшій Патріархъ Іоакимъ,—сначала слѣдуетъ, мы думаемъ, изслѣдовать, что̀ когда нибудь казалось уважаемымъ предстоятелямъ святѣйшихъ автокефальныхъ церквей полезнымъ совершить, но не совершено, что̀ отнынѣ должно и можно совершить для соединенія православ-

ныхъ народовъ въ единствѣ вѣры, во взаимной любви другъ къ другу и согласіи, и что за симъ должно сдѣлать къ большему утвержденію Святой Православной нашей Вѣры и лучшей защиты Божіихъ церквей противъ нападокъ противнаго духа вѣка сего.»

Такимъ образомъ автокефальныя церкви приглашаются не только обсудить вопросы, которые затѣмъ въ точности исчисляются въ «Посланіи» Святѣйшей Вселенской Патріархіи, но и въ свою очередь поставить на общее обсужденіе собственные вопросы, бывшіе уже предметомъ ихъ заботъ, но еще не получившіе окончательнаго рѣшенія.

Этотъ призывъ автокефальныхъ церквей къ самостоятельной активной инціативѣ въ предложеніи общихъ для всей Православной Церкви мѣръ, долженствующихъ содѣйствовать тѣснѣйшему единенію православныхъ народовъ и защитѣ церквей противъ нападокъ невѣрія,—несомнѣнно найдетъ себѣ живой откликъ во всемъ православномъ мірѣ и принесетъ много полезныхъ плодовъ на Божьей нивѣ.

Нашимъ читателямъ болѣе чѣмъ кому-либо извѣстно, сколько накопилось въ одной Русской Православной Церкви настоятельныхъ вопросовъ, давно уже и тщетно ожидающихъ своего разрѣшенія. Это замедленіе произошло, между прочимъ, и потому, что нашъ Святѣйшій Правительствующій Сунодъ, въ смиреніи своемъ, не считалъ себя достаточно компетентнымъ для самостоятельнаго рѣшенія вопросовъ, требующихъ предварительнаго обсужденія всѣхъ автокефальныхъ православныхъ церквей. «Посланіе» Святѣйшей Вселенской Патріархіи открываетъ теперь широкій путь къ взаимному междуцерковному обсужденію подобныхъ вопросовъ, которымъ нашъ Святѣйшій Сунодъ, несомнѣнно, и воспользуется.

Впрочемъ, одинъ изъ такихъ вопросовъ, давно уже служащій предметомъ заботливаго вниманія Святѣйшаго Россійскаго Сунода, ставится на очередь самою Святѣйшею Вселенскою Патріархіей. Это—вопросъ о *старокатоличествѣ*.

«Посланіе» Патріархіи затрогиваетъ великій общій вопросъ о желательномъ возсоединеніи всѣхъ христіанскихъ церквей и предлагаетъ—

«наблюдать и заботиться, чтобы по возможности расчистить ведущій къ этой цѣли и нынѣ неправильный путь, изыскивать точки для соглашенія и соединенія и для взаимныхъ дозволенныхъ уступокъ, до тѣхъ поръ, пока не завершится это дѣло, и тѣмъ исполнится, къ общей радости и пользѣ, изреченіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа о единомъ пастырѣ и единомъ стадѣ.»

Въ виду этого «Посланіе» предлагаетъ—

«нѣкоторое предварительное разсужденіе о томъ, чтобы приготовить гладкій и широкій путь для любезнаго и взаимнаго сближенія и опредѣлить, съ общаго согласія членовъ всей Православной нашей Церкви, основанія, мѣры и средства, какія будутъ признаны для сего наилучшими».

Одною изъ такихъ именно желательныхъ мѣръ и является возсоединеніе съ Православною Церковью—

«недавно отдѣлившихся отъ Римской церкви западныхъ христіанъ, которые, принявъ названіе старо-католиковъ и утверждая, что они содержатъ все

принятое нераздѣльною Церковью до IX вѣка, а также постановленія седми святыхъ и уважаемыхъ Вселенскихъ Соборовъ, себя же возвѣщаютъ какъ сущихъ уже въ Каѳолической Православной Церкви, ищутъ съ нею единства и общенія въ смыслѣ окончательнаго, формальнаго признанія.»

Но одно признаніе старо-католиковъ себя православными ихъ еще дѣйствительно православными не дѣлаетъ: они могутъ и ошибаться, утверждая, что они ничѣмъ въ своей вѣрѣ отъ истинно-вѣрующихъ сыновъ Святой Православной Церкви не отличаются. И дѣйствительно, само «Посланіе» указываетъ на то, что нашими церковными мужами высказываются относительно выражаемаго старо-католиками исповѣданія вѣры различныя сужденія:

«Одни относительно такого исповѣданія заявляютъ, что въ догматическомъ отношеніи оно далеко отстоитъ отъ чистаго Православія, а другіе, напротивъ, разсуждаютъ, что оно не содержитъ въ себѣ никакихъ отличій, препятствующихъ единству вѣры и церковному общенію.»

Въ виду этого разногласія, Святѣйшая Вселенская Патріархія—

«признала за благо спросить относительно этого важнаго предмета благочестиваго и братолюбиваго мнѣнія святѣйшихъ и единовѣрныхъ церквей, если только имъ покажется благовременнымъ и признано будетъ желаннымъ содѣйствовать осуществленію желанія о полномъ единеніи съ нами названныхъ христіанъ, и тѣмъ положитъ доброе начало къ ожидаемому и вожделѣнному всемірному христіанскому единству.»

Наиболѣе вѣскимъ мнѣніемъ въ рѣшеніи этого важнаго вопроса будетъ несомнѣнно мнѣніе Святѣйшаго Правительствующаго Россійскаго Синода, который, какъ извѣстно, давно уже подробно изучалъ вопросъ о старо-католикахъ, входя съ ними въ непосредственное общеніе и возбудивъ этимъ въ Россіи цѣлую литературу о старокатоличествѣ, въ которую привнесли серіозные вклады какъ духовные, такъ и свѣтскіе русскіе писатели. Тѣмъ большая отвѣтственность возлагается нынѣ на Русскій Святѣйшій Синодъ, который, конечно, сумѣетъ въ своемъ мнѣніи выказать какъ свою заботливость объ охраненіи неприкосновенной чистоты Святой Православной Вѣры, такъ и свою мудрость въ указаніи наиболѣе вѣрныхъ путей къ столь желанному полному единенію съ нами отдѣлившихся отъ Римской церкви западныхъ христіанъ, не приставшихъ къ протестантству и ищущихъ спасенія въ лонѣ Святой Православной Церкви.

Не меньшаго вниманія заслуживаютъ, по мнѣнію Святѣйшей Вселенской Патріархіи, и вопросы объ *общемъ календарѣ* и о *пересмотрѣ нашей церковной пасхаліи*.

Различные интересы чисто свѣтскаго характера неоднократно побуждали православныхъ христіанъ заняться обсужденіемъ вопроса: можетъ ли православный міръ отказаться отъ «переданнаго намъ отцами и Церковью свыше провозглашеннаго» Юліанскаго календаря, столь тѣсно связаннаго съ православною церковною пасхаліей?

По свидѣтельству «Посланія» Святѣйшей Вселенской Патріархіи, «и въ отношеніи къ сему предмету мнѣнія среди нашихъ православныхъ раздѣляются на двѣ половины».

По всей вѣроятности, среди этихъ «православныхъ» разумѣются и люди свѣтскіе, ибо, насколько намъ извѣстно, мнѣнія духовныхъ православныхъ

лицъ, по крайней мѣрѣ въ Россійской Православной Церкви, единогласно высказываются за сохраненіе Юліанскаго календаря, «считая», говоря словами «Посланія»,—«издревле принятый у насъ календарь за единственно приличный для Церкви и, по основаніямъ, которыя приводятъ, находятъ измѣненіе его не только не нужнымъ, но думаютъ, что таковаго необходимо избѣгать».

Однако, въ виду того, что иные «православные» «являются сторонниками западнаго календаря и введенія его у насъ, находя это приличнымъ и ожидая получить отъ западной церкви религіозную, по ихъ особому пониманію, пользу» (?) — Святѣйшая Вселенская Патріархія предлагаетъ святымъ православнымъ церквамъ—

«войти въ сношеніе другъ съ другомъ, дабы имѣть одно мнѣніе и одно рѣшеніе всей Православной Церкви, коей одной только подлежитъ сужденіе объ этомъ предметѣ, и изысканіе, по необходимости, способа соединить возможную требуемую научную точность съ сохраненіемъ освященныхъ церковныхъ опредѣленій.»

Таково содержаніе «Посланія» Святѣйшей Вселенской Патріархіи.

Весь православный міръ будетъ ожидать съ напряженнымъ вниманіемъ отвѣтныхъ мнѣній, которыми предстоятели святыхъ автокефальныхъ церквей откликнутся на это высоко-знаменательное «Посланіе», и будетъ молить Господа Бога о томъ, чтобы Онъ просвѣтилъ мудростью сихъ верховныхъ пастырей Святой Православной Церкви въ предстоящихъ имъ трудахъ, дабы всѣ предлежащіе имъ важные вопросы нашли себѣ рѣшеніе въ духѣ истинной Православной Вѣры.

Отвѣтное посланіе Святѣйшаго Сунода.

Вопросъ, почему нашъ Святѣйшій Сунодъ обнародовалъ лишь по истеченіи цѣлаго года полученное имъ Посланіе Святѣйшей Вселенской Патріархіи, теперь окончательно разрѣшенъ: Сунодъ, очевидно, счелъ болѣе умѣстнымъ огласить «Посланіе» одновременно съ своимъ «Отвѣтомъ».

Мы не знаемъ, чѣмъ руководился Святѣйшій Сунодъ въ этомъ своемъ рѣшеніи, но полагаемъ, что не ошибемся, если рѣшеніе это поставимъ въ связь съ весьма естественнымъ желаніемъ Сунода оградить себя въ своихъ размышленіяхъ о Посланіи Святѣйшей Патріархіи отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, въ особенности же отъ вліянія свѣтской печати, которая, конечно, не преминула бы въ теченіе цѣлаго года обсуждать вкривь и вкось вопросы, возбужденные Вселенскою Патріархіей, волнуя и запутывая неопытное въ богословскихъ вопросахъ общественное мнѣніе и ставя этимъ Святѣйшій Сунодъ въ невольную зависимость отъ элементовъ, ничего общаго не имѣющихъ съ истинною Вѣрой Православной Церкви. Мудрымъ своимъ рѣшеніемъ Святѣйшій Сунодъ предотвратилъ отъ себя эту опасность и получилъ такимъ образомъ полную возможность въ теченіе цѣлаго года, безо всякихъ помѣхъ, углубиться въ изученіе вопросовъ, предложенныхъ Святѣйшею Патріархіей, и въ обстоятельное обсужденіе своего на нихъ «Отвѣта».

«Отвѣтъ» этотъ въ настоящее время преданъ во всеобщее свѣдѣніе, и мы познакомили нашихъ читателей съ полнымъ текстомъ этого выдающагося по своей важности документа (*М. В.* 1903 г., № 163).

На всѣ вопросы, предложенные ему Вселенскою Патріархіей, нашъ Святѣйшій Синодъ не счелъ возможнымъ дать иной отвѣтъ, кромѣ отрицательнаго. Онъ также не призналъ благовременнымъ воспользоваться приглашеніемъ Святѣйшей Патріархіи и не поставилъ на взаимное обсужденіе ни одного изъ тѣхъ немалочисленныхъ собственныхъ вопросовъ, которые уже были предметомъ его самостоятельныхъ заботъ, но еще не получили окончательнаго рѣшенія.

Правда, Святѣйшій Синодъ затрогиваетъ въ своемъ «Отвѣтѣ» вопросъ величайшей, первостепенной важности, о которомъ совершенно и не упоминалось въ Посланіи Вселенской Патріархіи: вопросъ о созывѣ общаго Собора всѣхъ Восточныхъ Православныхъ Церквей. Но Синодъ возбуждаетъ этотъ вопросъ лишь для того, чтобы тотчасъ же его устранить, такъ что и въ этомъ случаѣ «Отвѣтъ» Святѣйшаго Синода не измѣняетъ своему общему чисто-отрицательному характеру. Даже и тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ объ измѣненіи календаря, Синодъ выражаетъ нѣкоторую готовность сдѣлать уступку свѣтскимъ требованіямъ, уступка эта едва ли имѣетъ виды на практическое осуществленіе, ибо встрѣтитъ несомнѣнное несочувствіе со стороны всего православнаго — преимущественно простого — народа, который найдетъ болѣе чѣмъ страннымъ праздновать, напримѣръ, Богоявленіе 19 января, Срѣтеніе 15 февраля, Успеніе Пресвятой Богородицы 28 августа, а Рождество Христово 7 января (!), тогда какъ западныя церкви сохранили бы право праздновать эти святые, столь дорогіе каждому христіанину дни въ тѣ мѣсяцы и въ тѣ ихъ числа, въ которыя они всегда праздновалцсь съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуетъ Церковь Христова. Нѣтъ, *такой* «положительный» отвѣтъ есть по существу своему тотъ же отвѣтъ отрицательный.

Но каковъ бы ни былъ отвѣтъ Святѣйшаго Правительствующаго Россійскаго Синода, онъ является для Русскаго православнаго христіанина безусловно авторитетнымъ мнѣніемъ высшей въ Россіи Церковной власти, не подлежащей какой-либо критикѣ, въ особенности со стороны свѣтской печати, и, конечно, не мы станемъ колебать авторитетъ этой власти въ настоящее именно время, когда всѣ благомыслящіе люди должны сплачиваться для укрѣпленія столь необходимаго для народнаго блага авторитета власти какъ духовной, такъ и свѣтской. Мы преклоняемся предъ отвѣтнымъ Посланіемъ нашего Синода не только по чувству духовной дисциплины, но и по глубокому внутреннему убѣжденію.

Какъ на тотъ вопросъ, который затронулъ самъ Синодъ, такъ и на тѣ два вопроса, которые ему предложила Вселенская Патріархія, онъ, дѣйствительно, могъ дать только отрицательные отвѣты. Но мотивировка этихъ отвѣтовъ могла бы, можетъ быть, отличаться большею полнотой и убѣдительностью.

Доводы Святѣйшаго Синода сами по себѣ совершенно вѣрны, но могли бы, намъ кажется, быть приведены и другіе, быть можетъ, еще болѣе вѣскіе аргументы какъ противъ созыва Собора, такъ и противъ чрезмѣрной уступчивости въ вопросѣ о старо-католикахъ. Что касается вопроса о календарѣ, то, конечно, и онъ могъ бы получить отрицательный отвѣтъ съ болѣе обстоятельною мотивировкой, которая однако своими спеціальными научно-техническими

подробностями чрезмѣрно обременила бы и безъ того уже пространное Отвѣтное Посланіе Святѣйшаго Сунода.

Созваніе Собора Восточныхъ автокефальныхъ Православныхъ Церквей нашъ Сунодъ считаетъ хотя весьма желательнымъ, но въ данное время небезопаснымъ въ виду того, что въ вопросы чисто-религіозные могли бы проникнуть политическія теченія, которыя служили бы не выясненію, а лишь осложненію и затемненію этихъ вопросовъ. Это совершенно вѣрно, какъ вѣрно и то, что затемненію религіозныхъ вопросовъ на предполагаемомъ Соборѣ содѣйствовали бы не только политическія, но и, главнымъ образомъ, національныя теченія, которыя въ Восточной Православной Церкви находятся въ гораздо болѣе остромъ антагонизмѣ, чѣмъ въ западной Римской.

Тамъ, на Западѣ, католики уходили изъ-подъ власти папы не столько по вопросамъ національнымъ, сколько по вопросамъ чисто-церковнымъ. Папа возмутилъ противъ себя Нѣмцевъ съ Лютеромъ во главѣ не тѣмъ, чтобъ онъ когда-либо навязывалъ имъ непремѣнно италіянскихъ епископовъ и священниковъ, а искаженіями вѣры Христовой, орудіями которыхъ были тѣ же Нѣмцы, въ родѣ Тецеля. Освобождаясь отъ центральной власти Рима, протестовавшіе противъ нея Нѣмцы, а затѣмъ и другіе западные народы вышли вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ лона римско-католической церкви, образовавъ свои собственныя «протестантскія» церкви. Зато всѣ милліоны католиковъ, оставшіеся вѣрными папѣ, соединены между собой не только единою вѣрой и единымъ богослуженіемъ, но и единымъ церковнымъ языкомъ. При этомъ единствѣ національныя различія если и играютъ какую-нибудь роль въ западной Римской церкви, то роль лишь второстепенную, совершенно исчезающую предъ властнымъ деспотизмомъ «непогрѣшимаго» папы. Вотъ почему папа можетъ созывать «соборы», не опасаясь особенно ни политическихъ, ни національныхъ сильныхъ оппозицій противъ его «ультрамонтанства»; ему приходится опасаться лишь расколовъ чисто-религіозныхъ, какимъ и былъ на послѣднемъ Ватиканскомъ соборѣ старо-католическій.

У насъ же, на Востокѣ, въ особенности въ славянскомъ мірѣ, автокефальныя церкви старались и доселѣ стараются обособиться отнюдь не на религіозной, а на чисто-національной почвѣ. Вотъ почему Восточная Православная Церковь лишилась даже единства церковнаго языка, и уже въ одномъ этомъ обстоятельствѣ предполагаемый Соборъ встрѣтилъ бы весьма существенное, почти непреодолимое препятствіе. А о массѣ національныхъ разногласій, которыя возникли бы на этомъ Соборѣ, и говорить нечего. Мы ежедневно видимъ въ современной намъ политической жизни, что національныя чувства всюду принимаютъ первенствующій, ожесточенный, непримиримый характеръ. Они подчинили себѣ и политику, и религію, а потому легко себѣ представить, какъ они возгорѣлись бы на аренѣ Собора, на которомъ сошлись бы для обсужденія спорныхъ вопросовъ представители различныхъ восточныхъ православныхъ національностей, не имѣющихъ надъ собой единой безспорной власти, каковою въ римской церкви является грозный папскій деспотизмъ.

Но національныя страсти такъ сильно обострились лишь съ начала XIX столѣтія и, можетъ быть, придетъ время, когда онѣ улягутся. Лишь тогда можно будетъ думать о созваніи Всеправославнаго Собора, а до тѣхъ поръ Восточнымъ автокефальнымъ Церквамъ придется, какъ доселѣ, говоря словами Святѣйшаго Сунода, «по возможности приближаться къ свѣтлому идеалу древнецерковнаго вселенскаго общенія, поддерживая между собою постоянную и живую связь посредствомъ письменныхъ и другихъ сношеній».

Такое постоянное общеніе должно будетъ выработать себѣ и особыя нормы и традиціи, которыми можно будетъ руководствоваться при рѣшеніи междуцерковныхъ вопросовъ.

Такъ, напримѣръ, доселѣ нельзя еще съ точностью предвидѣть, какъ будетъ рѣшенъ возбужденный Вселенскою Патріархіей вопросъ о принятіи въ лоно Православной Церкви отложившихся отъ Рима старо-католиковъ.

Патріархія обратилась съ этимъ вопросомъ, какъ извѣстно, не къ одному лишь Святѣйшему Россійскому Синоду, а къ представителямъ всѣхъ Святѣйшихъ Православныхъ Церквей. Какъ отнесутся къ этому вопросу остальныя Церкви, кромѣ Россійской, какъ отнесется къ этому вопросу сама Вселенская Патріархія, по полученіи всѣхъ отвѣтовъ на поставленный ею вопросъ, возьметъ ли она на себя окончательное его рѣшеніе и чѣмъ она могла бы руководствоваться при этомъ рѣшеніи,—все это пока открытые вопросы, нуждающіеся не только въ рѣшеніи, но и въ самомъ методѣ ихъ трактованія.

Вотъ почему такъ желательна была бы болѣе обстоятельная мотивировка того отрицательнаго отвѣта, которымъ встрѣтилъ этотъ вопросъ нашъ Святѣйшій Синодъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отвѣтное Посланіе Святѣйшаго Синода совершенно основательно указываетъ на то, что «главные столпы старо-католическаго движенія, воспитанные хотя не въ православныхъ, но все же церковныхъ преданіяхъ, одинъ за другимъ сходятъ съ жизненной арены, уступая мѣсто новымъ людямъ, не столь твердымъ въ церковности, не жившимъ церковною жизнью», а потому легко могущимъ соблазниться окружающимъ ихъ міромъ протестантскимъ.

Но вѣдь сущность вопроса о той или другой вѣрѣ заключается не столько въ томъ, *кто* вѣруетъ и *кѣмъ* онъ окруженъ, а въ томъ, *какъ* онъ вѣруетъ.

Старо-католики не скрываютъ своей вѣры, и никогда никто въ неискренности не обвинялъ ихъ. Какова же эта ихъ вѣра? Православная или не православная? Въ этомъ весь вопросъ, рѣшить который можетъ не свѣтскій какой-либо или духовный писатель, а одна лишь Православная Церковь въ лицѣ Святѣйшаго Россійскаго Синода или въ лицѣ Всеправославнаго Собора.

И вотъ Святѣйшій Синодъ произноситъ свое вѣское и справедливое слово о старо-католикахъ, но о сущности ихъ вѣры воздерживается отъ всякаго сужденія. На это воздержаніе у него, безъ сомнѣнія, должны быть основательныя причины, но тѣмъ не менѣе и мы, и старо-католики остаемся въ невѣдѣніи, православная ли ихъ вѣра или нѣтъ? Повидимому, она *не* православна, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, Синодъ не затруднился бы исполнить ихъ желаніе, которому онъ самъ такъ очевидно сочувствуетъ. Но почему ихъ нельзя признать православными? Это, можетъ быть, слѣдовало бы сказать и имъ, и намъ, и остальнымъ автокефальнымъ церквамъ, и Вселенской Патріархіи, которая вѣдь ни о чемъ другомъ и не спрашивала, какъ только о томъ, каково «догматическое и литургическое ученіе старо-католиковъ, изложенное въ ихъ катехизическихъ и символическихъ книгахъ».

Но Святѣйшій Синодъ, можетъ быть, оставляетъ этотъ вопросъ намѣренно открытымъ, въ надеждѣ, что не вполнѣ еще православное ученіе старо-католиковъ станетъ со временемъ болѣе православнымъ, и тогда можно будетъ исполнить ихъ общее съ нами желаніе. Въ такомъ случаѣ намъ остается

только и отъ своего сердца повторить заключительныя слова, посвященныя этому вопросу въ отвѣтномъ Посланіи Синода:

Мы должны «серіозно и твердо, по совѣсти и предъ Христомъ, раскрыть старо-католикамъ нашу вѣру и неизмѣнное убѣжденіе въ томъ, что только наша Восточная Православная Церковь, неповрежденно сохранившая всецѣлый залогъ Христовъ, есть въ настоящее время Церковь Вселенская, и тѣмъ показать имъ, что они должны имѣть въ виду и на что рѣшиться, если дѣйствительно вѣрятъ въ спасительность пребыванія въ Церкви и искренно желаютъ единенія съ нею. Наша любовь и наши молитвы должны сдѣлать эти нелегкія для гордаго ума условія удобопріемлемыми для старо-католиковъ».

Побѣда Кошута.

Не императоръ Францъ-Іосифъ управляетъ Австро-Венгріей, а венгерскій депутатъ Францъ Кошутъ, сынъ пресловутаго Людвига Кошута, злѣйшаго, непримиримаго врага Австріи, приговореннаго въ 1851 году къ смертной казни, какъ государственный преступникъ.

Францъ Кошутъ, унаслѣдовавшій отъ своего отца ту же пламенную ненависть къ Нѣмцамъ и ту же непримиримость съ какою бы то ни было совмѣстною съ ними политическою жизнью, стремится нынѣ къ той же цѣли, къ какой всю жизнь свою стремился его отецъ,—къ полному разрыву Венгріи съ Австріей и къ образованію на восточной границѣ Австріи враждебнаго ей, совершенно самостоятельнаго Мадьярскаго государства, словомъ—къ полному крушенію Габсбургской монархіи. Но Людвигъ Кошутъ добивался этой цѣли съ оружіемъ въ рукахъ, и ея не добился, сынъ же его съ гораздо бо́льшимъ успѣхомъ добивается той же цѣли, вооружившись несравненно болѣе сильнымъ орудіемъ государственнаго разрушенія—парламентаризмомъ.

«Независимая» партія Кошута составляетъ въ Венгерскомъ парламентѣ лишь небольшую кучку людей, имѣющихъ противъ себя не только все венгерское правительство, но и все большинство парламента. Это, однако, нисколько не мѣшаетъ Францу Кошуту быть первымъ лицомъ и въ парламентѣ, и въ странѣ.

Дѣло въ томъ, что въ наше время парламентаризмъ, это усовершенствованное орудіе политическаго угнетенія, служитъ не только для того, чтобы «большинство» тиранически угнетало «меньшинство», какъ это было въ теченіе всего XIX столѣтія, но и для того, чтобы, вопреки самой основной теоріи парламентаризма, «меньшинство» угнетало «большинство» посредствомъ столь блестяще примѣняемой съ конца XIX вѣка «обструкціи». Вся исторія Европы приняла бы, можетъ-быть, совершенно иное теченіе, если бы всѣ «меньшинства» въ европейскихъ парламентахъ съ самаго начала парламентской эры догадались, какое могущественное орудіе у нихъ находится въ рукахъ въ видѣ «обструкціи»; правда, что тогда, можетъ-быть, и самъ парламентаризмъ не просуществовалъ бы до конца XIX столѣтія.

Въ Австро-Венгріи парламентаризмъ юридически еще существуетъ, но и въ Австріи, и въ Венгріи онъ фактически уже уничтоженъ обструкціонною тактикой какъ австрійскаго, такъ и венгерскаго парламентскаго меньшинства.

Въ Австріи парламентъ только-что распущенъ, въ виду очевидной его работоиеспособности, вызванной обструкціей чешскаго меньшинства, и этимъ фактически отмѣненъ австрійскій конституціонный режимъ; а въ Венгріи внѣконституціонный режимъ, или, какъ его тамъ называютъ, «внѣзаконный (*ex lex*) режимъ» только-что окончился блестящею побѣдой маленькой «независимой» партіи Кошута надъ всѣмъ «либеральнымъ» большинствомъ парламента и надъ императорско-королевскимъ правительствомъ Габсбургскаго монарха.

«Внѣзаконный» режимъ тянулся въ Венгріи цѣлые полгода и приводилъ въ отчаяніе какъ парламентское большинство, такъ и опиравшееся на это большинство правительство, во главѣ котораго стоялъ такой опытный политикъ, какъ Коломанъ Селль. Казалось бы, по наивной теоріи парламентаризма, что большей благодати и нельзя придумать, какъ дружное взаимодѣйствіе правительства и парламентскаго большинства. На примѣрѣ Венгріи мы, однако, видимъ, чего стóитъ эта прекрасная теорія, которою могутъ еще увлекаться развѣ только самые отсталые доктринеры въ редакціи какого-нибудь *Вѣстника Европы* и слѣпо вѣрящіе имъ русскіе «интеллигенты»: своею систематическою обструкціей Францъ Кошутъ взбудоражилъ все государство, прервалъ его политическую жизнь и заставилъ преклоняться предъ собой не только Венгерское правительство и парламентъ, но и самого императора Франца-Іосифа.

Дѣло въ томъ, что для Австро-Венгерской монархіи въ этомъ году безусловно необходимо было увеличить какъ въ Австріи, такъ и въ Венгріи, число призываемыхъ къ исполненію воинской обязанности рекрутовъ. Большинство Венгерскаго парламента охотно согласилось на это требованіе, предъявленное ему, отъ имени императора, министерствомъ Селля, но Кошутъ наотрѣзъ заявилъ, что онъ не согласенъ увеличивать число венгерскихъ новобранцевъ. Это свое заявленіе онъ подкрѣпилъ, какъ мы сказали, такою упорною обструкціей, что лишилъ парламентъ возможности заниматься даже такими неотложными дѣлами, какъ разсмотрѣніе бюджета на текущій годъ. Эта обструкція повергла всю Венгрію въ вышеупомянутый «внѣзаконный» режимъ и заставила, наконецъ, Коломана Селля выйти въ отставку послѣ продолжительной борьбы, въ которой онъ тщетно доказывалъ, что увеличеніе числа рекрутовъ «безусловно необходимо» въ интересахъ обороны государства, которая потерпитъ тяжелый ущербъ, если Кошутъ не согласится на требуемое увеличеніе числа рекрутовъ.

Но достойный сынъ государственнаго преступника Лудвига Кошута не внималъ ни просьбамъ, ни угрозамъ, а дерзко и упорно стоялъ на своемъ, гордясь тѣмъ, что онъ фактически держитъ въ своихъ рукахъ не только Венгрію, но и Австрію, и даже самого императора.

Кто уступитъ изъ двухъ противниковъ, — Францъ-Іосифъ или Францъ Кошутъ?

Въ этомъ роковомъ вопросѣ сосредоточивался весь интересъ австро-венгерской политики, такъ какъ этотъ вопросъ имѣлъ не только громадное практическое, чисто-военное, но и несравненно болѣе серіозное принципіальное значеніе: отъ рѣшенія его зависѣли и весь престижъ носителя Габсбургской короны, и дальнѣйшая судьба его дуалистической монархіи.

Уступилъ императоръ. Онъ замѣнилъ преданнаго ему и до конца съ непоколебимою вѣрностью защищавшаго законные интересы монархіи венгерскаго министра-президента Коломана Селля новымъ верховнымъ представителемъ Венгерскаго правительства — пресловутымъ баномъ Хорватіи графомъ

Куэнъ-Гедерварн, поручивъ ему съѣздить въ Будапешть и упросить Франца Кошута, чтобъ онъ смѣнилъ гнѣвъ на милость, такъ какъ-де императоръ преклоняется предъ его волей и уже болѣе не настаиваетъ на безусловно необходимомъ для обороны государства увеличеніи числа рекрутовъ.

И свирѣпый Хорватскій банъ, только что прославившійся своимъ безпощаднымъ противоконституціоннымъ преслѣдованіемъ славянскаго населенія, отправился отъ имени императора въ Канossу къ Францу Кошуту въ его частную квартиру, всю украшенную воспоминаніями о Лудвигѣ Кошутѣ и объ его непримиримой революціонной борьбѣ противъ того самаго императора, который нынѣ обратился къ его сыну съ покорною просьбой о примиреніи и съ заявленіемъ о своемъ подчиненіи его дерзкой волѣ, даже въ ущербъ жизненнымъ интересамъ государства!

Можно ли себѣ представить болѣе тяжелаго униженія для несчастнаго монарха, которому, сверхъ всѣхъ испытанныхъ имъ несказанныхъ страданій, суждено еще на склонѣ жизни испить до дна всю чашу огорченій и оскорбленій, вызываемыхъ какъ нелѣпостями парламентаризма, такъ и неизбѣжными результатами противоестественной дуалистической «персональной уніи» (той самой уніи, которую финляндскіе сепаратисты хотѣли было навязать и Россіи!).

Правда, графъ Куэнъ-Гедерварн попробовалъ было поторговаться съ Францемъ Кошутомъ, но встрѣтилъ съ его стороны такое категорическое *non possumus*, что смирившійся банъ тотчасъ же пошелъ на всякія уступки, лишь бы фактическій диктаторъ Венгріи прекратилъ свою грозную парламентскую обструкцію и этимъ далъ возможность Хорватскому бану образовать новое «жизнеспособное» министерство и этимъ положить конецъ невыносимому, тяготѣющему надъ Венгріей, внѣзаконному режиму.

Францъ Кошутъ соблаговолилъ обѣщать, что до поры до времени согласенъ дать передышку парламенту, правительству и императору, но оставляетъ за собою право возобновить свою столь блестяще удавшуюся обструкцію, чуть только они вызовутъ его немилость.

Графъ Куэнъ-Гедерварн радъ былъ и этому милостивому рѣшенію и поспѣшилъ составить новый кабинетъ, пока еще Францъ Кошутъ не передумалъ и не отказался отъ своего обѣщанія.

А это послѣднее опасеніе не лишено основанія, тѣмъ болѣе, что единомышленники Кошута уже обвиняютъ его въ томъ, что онъ де продешевилъ, такъ какъ, пользуясь своимъ столь выгоднымъ положеніемъ, онъ, несомнѣнно, могъ принудить Хорватскаго бана еще къ гораздо болѣе существеннымъ уступкамъ національной программѣ «независимой» партіи, требующей, напримѣръ, введенія мадьярскаго служебнаго языка и мадьярскаго знамени въ венгерскую армію, то-есть *полной дезорганизаціи австро-венгерской боевой силы*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно сынъ Лудвига Кошута добьется и этого послѣдняго *coup de grâce* Габсбургской монархіи.

Сколько во всѣхъ этихъ явленіяхъ поучительнаго для ближайшихъ сосѣдей гибнущей Австро-Венгріи!..

Болгарскій кризисъ.

Мы обыкновенно упрекаемъ какъ Сербію, такъ и Болгарію, въ той внутренней неурядицѣ, которая такъ гибельно отражается на ихъ политической и экономической жизни и которая является прямымъ послѣдствіемъ непримиримой партійной борьбы, вызываемой какъ сербскимъ, такъ и болгарскимъ конституціоннымъ режимомъ.

Но, что касается Болгаріи, то наши упреки направлены не по надлежащему адресу.

Въ самомъ дѣлѣ, Сербія сама виновата въ томъ, что отчаянно бьется въ сѣтяхъ парламентаризма, а на Болгарію эти сѣти были накинуты тѣми самыми Русскими людьми, которые ее только что освободили отъ сѣтей турецкихъ.

Правда, сами Болгары, вкусившіе демократической отравы, не сознаютъ всего пагубнаго ея вреда и готовы даже насъ благодарить за нее; не сознаютъ или, вѣрнѣе, не хотятъ сознавать этого вреда и наши «либералы», только и мечтающіе о томъ, чтобы и Россію отравить тѣмъ же ядовитымъ зельемъ. Но каждый честный, здравомыслящій Русскій человѣкъ не можетъ не видѣть той бросающейся въ глаза истины, что Сербія и Болгарія гибнутъ отъ раздирающей ихъ фанатической борьбы парламентскихъ партій, тогда какъ Черногорія, сохранившая свой истинно-славянскій монархическій строй, процвѣтаетъ, наслаждаясь полнымъ государственнымъ порядкомъ.

Что могутъ сдѣлать король Петръ или князь Фердинандъ для блага своихъ государствъ? Ровно ничего.

Самыя лучшія, самыя полезныя ихъ намѣренія всегда будутъ разбиваться о личныя, своекорыстныя интриги либо «правительственныхъ», либо «оппозиціонныхъ» сербскихъ и болгарскихъ партій, борющихся между собою не изъ-за блага страны, а единственно изъ-за правительственной власти. Всѣ эти «радикальныя», «либеральныя», «напредняцкія» и «демократическія» партіи стремятся къ одной и той же цѣли, ничего не имѣющей общаго съ ихъ различными пустозвонными наименованіями,—къ захвату жирнаго государственнаго пирога и къ раздѣлу его бо́льшими и меньшими ломтями среди своихъ партійныхъ единомышленниковъ, а затѣмъ — къ безпощадной травлѣ враждебныхъ партій, стремящихся къ той же самой лакомой цѣли, и, наконецъ, къ искусственному или насильственному вліянію на парламентскіе выборы для цинической торжества своей партіи и для фанатическаго истребленія партій, соперничествующихъ съ ней въ своихъ хищническихъ интригахъ.

Эту отвратительную картину междоусобной злобы мы какъ разъ теперь видимъ въ несчастной Болгаріи.

Обладая такъ же, какъ и Сербія, «самою либеральною конституціей въ Европѣ», Болгарія до сихъ поръ несла и гибельныя послѣдствія этой злополучной привилегіи: каждое новое министерство торжествовало свою побѣду чисто-американскимъ способомъ,—поголовнымъ увольненіемъ всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ и замѣщеніемъ ихъ людьми «своей» партіи, дабы наградить своихъ приверженцевъ, удовлетворить ихъ тщеславную и корыстолюбивую жадность и подготовить въ свою пользу фабрикацію будущихъ парламентскихъ выборовъ. Но въ Сѣверной Америкѣ такая цинническая метамор-

фоза происходитъ лишь *разъ въ четыре года*, послѣ выбора новаго президента» и то лишь, если новый президентъ принадлежитъ къ партіи бывшей въ оппозиціи прежнему президенту,—а въ Сербіи и Болгаріи поголовная смѣна чиновниковъ происходитъ *раза четыре въ годъ*, послѣ назначенія каждаго новаго министерства, которое всегда находится въ оппозиціи къ предыдущему министерству.

Легко себѣ представить, какой хаосъ, по необходимости, долженъ былъ водвориться во внутреннемъ управленіи Сербіи и Болгаріи при такомъ нелѣпомъ режимѣ, когда каждый новый чиновникъ старался немедленно уничтожить все, что дѣлалъ его предшественникъ, чтобы поскорѣе всласть воспользоваться властью во всѣхъ безусловно отношеніяхъ, пока еще не явился новый замѣститель послѣ какого-либо новаго «министерскаго кризиса». Ясно, что при такихъ условіяхъ чиновники принуждены служить не интересамъ государства, а интересамъ своей партіи и что поэтому о какомъ-либо безпристрастіи этихъ чиновниковъ и рѣчи быть не можетъ. Всѣ они думаютъ не о своемъ дѣлѣ, а лишь о политическихъ интригахъ, о партійномъ кумовствѣ и партійной мести, грубо издѣваясь надъ самыми элементарными требованіями справедливости.

Князь Фердинандъ давно уже возмущался этою безобразною дезорганизаціей всего внутренняго правительственнаго аппарата Болгаріи, но всѣ его усилія побудить какое-либо министерство къ огражденію чиновничества отъ политическаго растлѣнія оставались тщетными. Наконецъ, лишь послѣдній цанковистскій кабинетъ Данева понялъ необходимость этой мѣры и провелъ черезъ Собраніе законъ о несмѣняемости правительственныхъ должностныхъ лицъ, которыхъ нельзя уличить въ какомъ-либо нарушеніи своего служебнаго долга.

Этотъ новый законъ былъ торжественно провозглашенъ и очень сочувственно встрѣченъ народомъ, увидавшимъ въ немъ наступленіе «новой эры» внутренняго порядка и безпристрастной справедливости.

«Новая эра» могла бы дѣйствительно и наступить, если бы въ Болгаріи не было конституціоннаго режима съ его неизбѣжною партійною борьбой. «Стамбуловцы» нашли, что «цанковисты» слишкомъ долго засидѣлись у власти. Чтобы занять ихъ мѣсто, «стамбуловцамъ» нужно было придумать какой-нибудь предлогъ для ихъ сверженія. И вотъ «стамбуловецъ» Петровъ началъ доказывать, что «цанковистъ» Даневъ ничего де не смыслитъ въ Македонскомъ вопросѣ и унижаетъ Болгарію, идя рука объ руку съ Россіей, что необходимо де Болгаріи самостоятельно добиться у султана реформъ для Македоніи не черезъ какую-нибудь тамъ Россію, а черезъ г. Начевича, бездарнѣйшаго «болгарскаго Бисмарка», который съ такимъ же слѣпымъ фанатизмомъ боготворитъ свою собственную особу, съ какимъ пылаетъ ненавистью къ Россіи.

И вотъ «стамбуловцы» насѣли на князя Фердинанда, заставили его уволить кабинетъ Данева, назначить министрами Петрова и Петкова со всею ихъ стамбуловскою бандой и отыскать изъ-подъ спуда г. Начевича, который, дѣйствительно, былъ посланъ полтора раза въ Стамбулъ съ такимъ успѣхомъ, что вмѣсто болгарско-турецкой *entente cordiale* возникла болгарско-турецкая распря, обострившаяся до такой степени, что Россіи едва удалось предотвратить кровопролитную Болгаро-Турецкую войну.

Но тѣмъ временемъ «стамбуловцы», уютно расположившись на своихъ

министерскихъ мѣстахъ, почувствовали потребность, по заведенному обычаю, прогнать всѣхъ чиновниковъ-«цанковистовъ» и замѣнить ихъ чиновниками-«стамбуловцами». Но тутъ они натолкнулись на новый, только-что изданный «цанковистами» законъ о несмѣняемости чиновниковъ. Эка важность! Нужно уничтожить этотъ «нелѣпый» законъ. Нельзя; законъ вотированъ Собраніемъ, и князь Фердинандъ не соглашается отмѣнить его простымъ указомъ. Вотъ еще новости! Да развѣ можно управлять Болгаріей съ такимъ закономъ? Развѣ чиновники-«цанковисты» станутъ слушаться министровъ-«стамбуловцевъ»? Конечно, нѣтъ. Если бы «цанковисты» сдѣлались министрами, они сами уничтожили бы свой законъ, коль скоро чиновниками были бы «стамбуловцы.»

Какъ тутъ быть? Князь Фердинандъ долго боролся, но въ концѣ-концовъ, какъ конституціонный правитель, долженъ былъ уступить требованію своихъ министровъ и, вопреки конституціи, отмѣнить постановленіе новаго закона, а, слѣдовательно, отмѣнить и наступленіе «новой эры», ввергнувъ Болгарію опять въ хаосъ партійной зависти, ненависти и злостныхъ, безпощадныхъ интригъ, при ясномъ сознаніи, что онъ этимъ безвозвратно губитъ свою страну!..

Наши «либералы» называютъ этотъ хаосъ «правовымъ порядкомъ» и не могутъ дождаться водворенія такого же «порядка» и у насъ въ Россіи. Они тщательно стараются скрыть отъ нашего «общественнаго мнѣнія» всѣ гибельныя послѣдствія западнаго и южнаго парламентаризма чтобы и насъ завлечь въ тѣ самыя тенета, въ которыхъ съ такимъ отчаяніемъ бьется, по первоначальной нашей винѣ, несчастная Болгарія.

Наша школьная дисциплина.

Мы должны быть искренно признательны г. министру Народнаго Просвѣщенія.

Онъ открыто и ясно указалъ, въ только-что изданномъ имъ Циркулярѣ гг. попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 28 іюня (1903 года), на ту страшную гангрену нашей современной школьной жизни, которая приводила въ ужасъ всѣхъ серіозныхъ педагоговъ, всѣхъ благоразумныхъ родителей и всѣхъ здравомыслящихъ Русскихъ людей, но которая тщательно замалчивалась и упорно отрицалась всею нашею «либеральною» печатью, систематически-развращающею и одурманивающею наше общественное мнѣніе.

Всякій разъ, когда намъ за послѣднее, столь тяжкое для нашей школы, время приходилось приподнимать завѣсу надъ тѣми чудовищными порядками, которые такъ быстро водворились въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, мы подвергались яростнымъ нападкамъ всей «либеральной» клики, которая обвиняла насъ въ томъ, что мы де «клевещемъ» на новую школу, что мы идемъ противъ раздавшейся съ высоты Престола Монаршей Воли, поставившей высокимъ идеаломъ школьнаго воспитанія «сердечное попеченіе» о воспитанникахъ, и что мы не признаемъ великихъ благъ той полной «свободы», которою нынѣ пользуются всѣ ученики по отношенію къ своимъ нравственнымъ

и учебнымъ обязанностямъ. Мы еще помнимъ, какой громъ негодованія пронесся по всей «либеральной» печати, когда мы указали на тѣ безобразія, которыя стали позволять себѣ гимназисты внѣ стѣнъ своихъ учебныхъ заведеній, и на ту крайнюю ихъ распущенность, которою никогда дотолѣ воспитанники русскихъ гимназій не отличались, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ русскія гимназіи: «либеральные» публицисты не находили достаточно сильныхъ выраженій, чтобы «заклеймить» насъ за то, что мы осмѣлились возстать противъ дальнѣйшаго, столь желаннаго имъ, развращенія русскаго юношества.

Нынѣ всѣ эти рыцари торжествующаго зла должны умолкнуть: все, что они отрицали, официально подтверждается г. министромъ Народнаго Просвѣщенія, всему тому злу, которому они рукоплескали, дана нынѣ достойная оцѣнка изъ устъ лица, авторитетъ, безпристрастіе и искреннюю благожелательность котораго никто отрицать не можетъ.

Да, это печальная правда, говоритъ министръ: «въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и отчасти въ городскихъ училищахъ упадокъ дисциплины» является уже общепризнаннымъ фактомъ. Нельзя отрицать ни «распущенности воспитанниковъ нѣкоторыхъ изъ этихъ заведеній», ни «вреднаго направленія мысли, нерѣдко замѣчаемаго среди учащихся въ старшихъ классахъ». И г. министръ перечисляетъ такія возмутительныя явленія, когда «ученики цѣлаго класса отказывались исполнять распоряженія учебной власти и дѣйствовали при этомъ скопомъ», когда учащіеся позволяли себѣ «грубыя и дерзкія выходки по поводу полученныхъ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, замѣчаній или внушеній преподавателей», когда учащіеся доходили даже до «прямаго нападенія на лицъ педагогическаго персонала и нанесенія имъ оскорбленія дѣйствіемъ», не говоря уже о томъ, что «среди учениковъ старшаго возраста ведется въ широкихъ размѣрахъ противоправительственная пропаганда, порождающая не мало жертвъ столь же безразсуднаго, сколь преступнаго движенія».

Г. министръ не скрываетъ и того, что такъ тщательно скрывалось и отрицалось нашею «либеральною» печатью,—мы разумѣемъ «неприличное поведеніе учащихся на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ» и «упорное нарушеніе ими правилъ о внѣшкольномъ поведеніи по цѣлымъ категоріямъ проступковъ», при чемъ они даже «похваляются своею невоспитанностью» и доходятъ до «поражающей неучтивости и даже заносчивости, съ какою держатся въ настоящее время многіе юноши, обучающіеся въ средней школѣ, и которая объясняется весьма распространеннымъ въ ихъ средѣ ложнымъ взглядомъ, будто скромное и вѣжливое обхожденіе со старшими унизительно для молодого человѣка».

Все это—тяжелая, горькая истина, которую ясно сознавали лица, близко стоявшія къ школѣ; но они не рѣшались громко выражать тотъ ужасъ, который наводили на нихъ бросавшіеся имъ въ глаза факты полной распущенности и дерзкаго своеволія воспитанниковъ—не столько изъ ложнаго страха предъ начальствомъ, которое будто бы поощряло эту распущенность и это своеволіе, сколько изъ вполнѣ основательнаго страха предъ всюду задающею у насъ тонъ «либеральною» печатью, которая, дѣйствительно, и развивала, и поощряла возмутительный упадокъ дисциплины въ нашей средней школѣ.

Говоря о причинахъ этого упадка, г. министръ съ прискорбіемъ указываетъ на тотъ фактъ, что «лица школьной администраціи безучастно относились къ предосудительному поведенію учащихся», и объясняли это «ничѣмъ неоправдываемою ссылкой на памятныя всему русскому обществу слова Го-

сударя Императора въ Рескриптѣ отъ 25 марта 1901 года, на имя генералъ-адъютанта Ванновскаго, о необходимости *сердечнаго попеченія* школъ о своихъ питомцахъ».

Мы увѣрены, что лица школьной администраціи никогда не придали бы ложнаго толкованія этимъ высокомудрымъ Царскимъ словамъ, еслибъ имъ не придала такового наша невѣжественная печать, взявшая на себя такую вредную роль въ разгромѣ нашей школы и державшая ее подъ своимъ терроромъ цѣлые два года. Кто не помнитъ той фанатической травли, которой она подвергала наставниковъ нашей средней школы, изображая ихъ поголовно какими-то извергами, истязующими своихъ несчастныхъ воспитанниковъ, и внушая послѣднимъ чувство злобы, глумленія и своеволія по отношенію къ представителямъ школьной администраціи! Ученики перестали учиться и стали дерзко издѣваться надъ своими наставниками, которые не рѣшались призывать ихъ къ порядку и къ исполненію своихъ обязанностей, опасаясь, какъ бы завтра же ихъ не опельмовалъ на всю Россію какой-нибудь «либеральный» борзописецъ, а иногда и тотъ самый юный забіяка, который въ классѣ рисовался передъ товарищами своимъ нахальствомъ и грозился «пропечатать» своего учителя, если тотъ посмѣетъ поставить ему неудовлетворительную отмѣтку за невыученный урокъ. Спросите любого гимназическаго учителя, и онъ вамъ разскажетъ еще не такіе факты возмутительной дерзости, которые въ послѣдніе два года вошли въ самый заурядный обиходъ въ большинствѣ нашихъ среднихъ школъ. Спросите учителей, почему же они это допускали, почему же они отдали себя на нравственное истязаніе всѣмъ этимъ обнаглѣвшимъ школьникамъ,—и они вамъ откровенно скажутъ, что это произошло потому, что они чувствовали себя совершенно беззащитными передъ спущенною на нихъ сворой «либеральныхъ» публицистовъ, которые травили ихъ за малѣйшее серіозное желаніе возстановить попранную дисциплину и водворить порядокъ въ школѣ, которая безъ порядка лишается своего прямого назначенія и изъ школы знанія и добра превращается въ школу невѣжества и разврата.

Мы назвали отсутствіе дисциплины въ школѣ тяжкою ея гангреной. Это, дѣйствительно, и нравственная, и умственная гангрена.

Г. министръ совершенно вѣрно указалъ на ужасныя ея послѣдствія: на распущенность нравовъ учащихся и на увлеченіе ихъ антиправительственною пропагандой.

Но есть и третье, прямое послѣдствіе упадка дисциплины въ школѣ — полное атрофированіе ея учебныхъ функцій.

Распущенный, недисциплинированный классъ *учиться не можетъ*, и всѣ уроки въ такомъ классѣ являются даромъ потраченнымъ временемъ со стороны преподавателя, который ничему своихъ разпущенныхъ учениковъ научить не въ состояніи, а можетъ лишь надорвать свои нервы въ непрестанной борьбѣ съ безнаказаннымъ своеволіемъ класса. Поэтому въ школѣ, *гдѣ нѣтъ дисциплины, нѣтъ и ученія*, невоспитанность идетъ рука объ руку съ невѣжествомъ, и такая школа является разсадникомъ не только нравственно, но и умственно незрѣлыхъ людей, отъ которыхъ г. министръ вполнѣ основательно желаетъ оградить высшія учебныя заведенія, какъ отъ «умышленно-некультурныхъ элементовъ».

Мы должны всѣмъ сердцемъ сочувствовать благому намѣренію Г. Э. Зенгера и всѣми мѣрами содѣйствовать его осуществленію, такъ какъ отъ этого осуществленія зависитъ упорядоченіе не только воспитательнаго, но и

учебнаго дѣла въ нашихъ гимназіяхъ, а слѣдовательно и степень научнаго преподаванія въ нашихъ университетахъ, однимъ словомъ — вся будущность русской науки.

Но какими же мѣрами можно достигнуть возстановленія дисциплины въ нашей средней школѣ?

Перечисливъ всѣ виды распущенности, которая нынѣ водворилась въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, Циркуляръ г. министра Народнаго Просвѣщенія указываетъ какъ на причины этой распущенности, такъ и на средства къ устраненію ея изъ нашей школьной жизни.

Мы уже видѣли выше, что одною изъ причинъ дезорганизаціи нашихъ среднихъ школъ послужило невѣрное толкованіе Высочайшихъ словъ Государя Императора въ Рескриптѣ отъ 25 марта 1901 года о необходимости *сердечнаго попеченія* школы о своихъ питомцахъ.

Эти драгоцѣнныя слова составляютъ альфу и омегу всякаго воспитанія, какъ семейнаго, такъ и школьнаго. Безъ сердечнаго попеченія никакое нормальное благотворное воспитаніе и немыслимо, а возможна лишь, въ лучшемъ случаѣ, механическая, казарменная дрессировка. Педагогъ долженъ искренно любить какъ свое дѣло, такъ и каждаго изъ своихъ воспитанниковъ, и лишь при этомъ условіи онъ можетъ принести имъ истинную пользу.

Но для этого онъ долженъ прежде всего *близко знать всѣ индивидуальныя характерныя черты каждаго изъ своихъ воспитанниковъ*, чтобъ имѣть ясное понятіе о томъ, къ какимъ именно изъ этихъ индивидуальныхъ качествъ ему слѣдуетъ приложить свое сердечное попеченіе, стараясь, по возможности, развивать добрыя дарованія и сдерживать нравственные недостатки. Безъ этого близкаго индивидуальнаго знакомства съ воспитанниками не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо сознательномъ сердечномъ отношеніи къ ихъ воспитанію, а, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о воспитаніи вообще. Если я начну воспитывать ребенка, отрока или юношу, не имѣя понятія объ его индивидуальности, то я рискую дѣлать ошибку за ошибкой и принесу своимъ воспитаніемъ не пользу, а вредъ.

Все это, казалось бы, давно уже всѣми признанныя истины. Да, но только не въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ.

Учитель, приходящій лишь въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ въ недѣлю въ соприкосновеніе съ классомъ, въ которомъ сидятъ *шестьдесятъ, семьдесятъ* учениковъ, не имѣетъ ни малѣйшей физической возможности близко знать индивидуальныя черты характера каждаго изъ нихъ, а поэтому онъ *не имѣетъ и возможности индивидуально ихъ воспитывать*, а мы только-что видѣли, что *истинное, благотворное воспитаніе можетъ быть только индивидуальнымъ*.

Педагогическая практика давно уже установила ту *непреложную аксіому*, что въ средне-учебной школѣ плодотворное преподаваніе и воспитаніе возможны лишь при наличности *не болѣе 25 — 30 учениковъ въ классѣ* *). Но мы съ удивительнымъ упорствомъ сажаемъ въ классъ *60—70 учениковъ*, ста-

*) Вотъ почему, напримѣръ, еще въ 1874 году, Н. М. Леонтьевъ, приступая къ сооруженію *образцоваго* школьнаго зданія Лицея Цесаревича Николая, *сознательно* ограничилъ размѣры классныхъ комнатъ, чтобы не было возможности помѣщать болѣе 30 учениковъ въ одноклассное помѣщеніе, такъ чтобъ уже при 31 воспитанникѣ классъ *непремѣнно* дѣлился на параллельныя отдѣленія въ 15 и 16 человѣкъ.

вимъ вслѣдствіе этого и преподаваніе, и воспитаніе, въ самыя невозможныя условія, и потомъ удивляемся, что у насъ ни изъ преподаванія, ни изъ воспитанія ничего путнаго не выходитъ!

Здравая педагогика намъ говоритъ, что истинно-сердечное попеченіе объ индивидуальномъ воспитаніи дѣтей всего легче осуществляется въ *семьѣ*, по той простой причинѣ, что здѣсь приходится заботиться о *минимальной* группѣ питомцевъ, изъ коихъ каждый каждому изъ воспитателей насквозь извѣстенъ. Чѣмъ эта группа становится многочисленнѣе, тѣмъ труднѣе становится и индивидуальное воспитаніе каждаго изъ ея членовъ, и тѣмъ необходимѣе становится подчиненіе ея дисциплинарнымъ порядкамъ, опредѣляющимъ нормы ея совмѣстной жизни. Въ школѣ должное равновѣсіе между индивидуальнымъ воспитаніемъ и внѣшнимъ дисциплинарнымъ порядкомъ возможно, какъ мы видѣли, лишь при группѣ 25—30 воспитанниковъ. При большемъ ихъ числѣ возможность индивидуальнаго воспитанія все сокращается, уступая мѣсто внѣшней дрессировкѣ, а при 50 или 60, 70 ученикахъ объ индивидуальномъ воспитаніи и рѣчи быть не можетъ,—возможны только *желѣзная, казарменная дисциплина и бездушный формализмъ*.

Вотъ истинная, коренная причина того зла, которое тяготѣло надъ нашими гимназіями, и которое имѣлъ въ виду устранить Высочайшій Рескриптъ 25 апрѣля 1901 года, указавшій русскимъ педагогамъ сердечное попеченіе объ учащихся какъ высшій идеалъ ихъ дѣятельности.

Если бы въ то время Министерство Народнаго Просвѣщенія имѣло въ своемъ распоряженіи необходимыя финансовыя средства, въ которыхъ оно постоянно нуждалось для постановки нашихъ гимназій на должную высоту, оно немедленно позаботилось бы о созданіи тѣхъ условій, при которыхъ этотъ идеалъ могъ бы быть достижимъ: оно раздѣлило бы переполненные классы на такое число параллельныхъ отдѣленій, которое обезпечило бы каждому изъ нихъ возможность вмѣщать въ себѣ не болѣе того количества учениковъ, при которомъ, какъ мы видѣли, только и возможно истинно-плодотворное преподаваніе и воспитаніе.

Но Министерство этого, за недостаткомъ средствъ, сдѣлать не могло; оно оставило классы въ томъ же ненормальномъ, чрезмѣрно-переполненномъ составѣ, но отмѣнило лишь сдерживавшую ихъ въ строгомъ порядкѣ суровую дисциплину.

Произошло то, что̀ должно было произойти, и что̀ такъ ярко и убѣдительно изложено въ послѣднемъ Циркулярѣ г. министра Народнаго Просвѣщенія: безъ строгой дисциплины классы въ 60 человѣкъ неминуемо должны были превратиться въ сборища своевольныхъ ребятъ, подрывающихъ всякій порядокъ во всемъ учебномъ заведеніи, которое не въ силахъ тогда уже поддержать его и въ менѣе многочисленныхъ классахъ.

Если причина зла ясна, то вполнѣ ясно и средство къ его устраненію: сто́итъ только образовать классы съ нормальнымъ числомъ учениковъ, при которомъ возможно индивидуальное воспитаніе, и мѣры суровой, казарменной дисциплины сами собою станутъ излишними, такъ какъ порядокъ въ классѣ тогда можетъ поддерживаться исключительно нравственнымъ сердечнымъ вліяніемъ преподавателя на своихъ учениковъ.

Вотъ почему мы снова повторяемъ то, что̀ уже неоднократно твердили: коренное зло нашихъ гимназій, какъ въ учебномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи, заключалось и доселѣ заключается въ *чрезмѣрномъ переполненіи*

классовъ, которое прежде вызывало преобладаніе въ гимназіяхъ бездушнаго формализма, а нынѣ — необузданной распущенности. И пока классы у насъ останутся переполненными, наши школы вѣчно и неизбѣжно будутъ переходить отъ одного изъ этихъ золъ къ другому — отъ казарменнаго формализма къ распущенности, а отъ распущенности къ казарменному формализму; сердечному же, индивидуальному воспитанію ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ мѣста не будетъ.

Это хорошо извѣстно и г. министру Народнаго Просвѣщенія, который, несомнѣнно, серіозно озабоченъ тѣмъ, чтобы бюджетъ его Министерства былъ настолько солиденъ, чтобъ указанное зло нашихъ гимназій было окончательно устранено; и лишь до наступленія этой давно ожидаемой поры онъ вынужденъ предложить нѣкоторыя мѣры болѣе палліативнаго характера, которыя могли бы хоть нѣсколько обезпечить порядокъ класснаго преподаванія и при теперешнемъ ненормальномъ положеніи нашихъ гимназій.

Кончина папы.

Скончался Левъ XIII. Завершился въ исторіи Римской церкви одинъ изъ интереснѣйшихъ ея періодовъ, въ который она проявила удивительную внутреннюю силу при всѣхъ признакахъ внѣшней немощи.

Когда Пій IX, умирая, оставлялъ оспоренный престолъ Св. Петра невѣдомому преемнику, онъ не скрывалъ своего опасенія, что преемникъ этотъ не будетъ въ состояніи вернуть папской власти ея прежній авторитетъ и могущество: до такой степени духовная власть Римскихъ папъ казалась неразрывно связанною съ ихъ свѣтскою властью. Войска Виктора-Эммануила, занявъ не только Папскую область, но и самый Римъ, лишили папъ этой вѣковой ихъ свѣтской власти, предоставивъ въ ихъ обладаніе лишь одинъ Ватиканскій дворецъ. Пій IX объявилъ себя на всю вселенную «мученикомъ» и замкнулся въ Ватиканѣ въ качествѣ «узника», отказавшись отъ какихъ бы то ни было сношеній съ «узурпаторами». Онъ полагалъ, что одно лишь «трагическое положеніе» папы способно еще привлечь къ нему вниманіе міра, который въ то время съ несравненно большимъ напряженіемъ слѣдилъ за великимъ франко-германскимъ поединкомъ, чѣмъ за давно предвидѣннымъ занятіемъ Вѣчнаго Города италіянскими войсками. Всѣ послѣднія усилія свои Пій IX посвятилъ на то, чтобы придать «закату папскаго солнца» послѣдній эффектный ореолъ «непогрѣшимости» и «мученичества», видя въ этомъ контрастѣ высшаго величія и глубочайшаго униженія яркій символъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ сильно подѣйствовать на воображеніе католическихъ народовъ и подвинуть ихъ на новый крестовый походъ для освобожденія папы изъ его «Ватиканской темницы», возвращенія ему какъ Рима, такъ и всей Папской области, безъ которой онъ не могъ себѣ даже представить настоящаго папу.

И вотъ Пія IX смѣнилъ въ качествѣ «намѣстника Христа» Левъ XIII.

Предъ нимъ, казалось, открыты были только два пути: онъ могъ продолжать политику своего предшественника, наполнял весь міръ громкими воп-

лями и протестами противъ своего «мученичества», которые, конечно, заранѣе обречены были на безплодность; или же онъ могъ примириться съ своимъ положеніемъ, принять ту руку, которую ему протягивало Итальянское правительство, и сдѣлаться изъ «узника» свободнымъ «гражданиномъ», получать жалованіе отъ короля Италіи и доказывать этимъ какъ фактически, такъ и юридически, что папство въ свѣтской власти вовсе не нуждается, и что, слѣдовательно, Пій IX совершенно напрасно терпѣлъ мученія, упорствуя на своемъ *non possumus*. Въ томъ и другомъ случаѣ паденіе папской власти было неминуемо, а потому опасенія Пія IX относительно своего преемника могли казаться вполнѣ основательными.

Но Левъ XIII не выбралъ ни того, ни другого пути.

Онъ, правда, тоже замкнулся, какъ и Пій IX, въ стѣнахъ своего Ватикана и отвергъ, такъ же какъ и онъ, всякіе компромиссы съ Итальянскимъ правительствомъ, считая всѣ его дѣйствія незаконными и какъ бы несуществующими. Но вмѣсто жалобъ и протестовъ онъ принялся тихо и спокойно за работу внутренняго укрѣпленія папской *духовной* власти какъ въ Италіи, такъ и во всей остальной вселенной. Онъ заставилъ встрепенуться весь католическій міръ не для крестоваго похода въ Римъ съ цѣлью освобожденія папы, а для борьбы противъ современной «антирелигіозной» проповѣди, подъ которою Левъ XIII, въ качествѣ главы Римской Церкви, разумѣлъ не только атеистическія лжеученія матеріализма, но и всѣ некатолическія вѣроученія христіанскаго міра.

И вотъ, по даваемымъ изъ Ватикана зрѣло обдуманнымъ указаніямъ, всюду закипѣла дѣятельность католическаго духовенства, которое стало не только усиливаться въ своихъ вѣковыхъ насиженныхъ мѣстахъ, но и расширять свое вліяніе, посредствомъ энергическаго миссіонерства, на новыя области какъ въ Европѣ, такъ и въ остальныхъ частяхъ свѣта.

Этой упорной, интенсивной дѣятельности внезапно возродившагося католичества попытался прежде всего поставить преграду міръ протестантскій, имѣя во главѣ такого опытнаго, твердаго и мудраго вожака, какъ князь Бисмаркъ. Желѣзный канцлеръ началъ пресловутую «культурную борьбу» противъ папы и гордо заявилъ, что онъ «въ Каноссу не пойдетъ». И что же? Бисмаркъ, ни предъ кѣмъ не склонявшій своей гордой заносчивости, никогда не признававшій себя побѣжденнымъ, склонился предъ «жалкимъ Ватиканскимъ узникомъ» и дѣйствительно пошелъ въ Каноссу, отмѣнивъ свои грозные «майскіе законы» противъ католическаго духовенства: до такой степени подъ вліяніемъ папы усилилось какъ вообще могущество католиковъ въ Германіи, такъ и въ особенности вліяніе ихъ партіи «центра» въ Германскомъ Рейхстагѣ. Это ясно было и на послѣднихъ выборахъ, на которыхъ католики снова одержали такую блестящую побѣду.

Если уже самъ Бисмаркъ не могъ справиться со спокойною систематическою дѣятельностью папы, то что же сказать о другихъ борцахъ противъ преобладающаго вліянія католической пропаганды? Мы знаемъ, съ какимъ успѣхомъ она стала распространяться при Львѣ XIII на Балканскомъ полуостровѣ, отвоевывая себѣ области не только мусульманскія, но и чисто-православныя. И всюду, на Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ, въ Африкѣ и Америкѣ, католическіе миссіонеры дѣйствуютъ неустанно и успѣшно по одному и тому же плану, выработанному въ Ватиканѣ и отличающемуся тою обдуманностью, практичностью и послѣдовательностью, которыми всегда отли-

чаются мѣропріятія, исходящія изъ единоличной инціативы выдающагося человѣка.

Мы сами у себя, въ Россіи, являемся свидѣтелями той оживленной, интенсивной дѣятельности, которую при Львѣ XIII проявляло католическое духовенство въ Привислинскомъ и Сѣверо-Западномъ краѣ, вліяя вмѣстѣ съ тѣмъ и на оживленіе польскихъ политическихъ фантазій. Духовенство это, смирившееся послѣ неудачъ 1863 года, съ конца семидесятыхъ годовъ снова подняло голову и вступило въ открытую борьбу съ Православною Церковью и съ Русскимъ Правительствомъ.

И тѣмъ не менѣе, всюду возбуждая и поощряя непримиримый духъ своего духовенства, Левъ XIII умѣлъ съ изумительною тактичностью поддерживать самыя лучшія, можно сказать, дружескія отношенія со всѣми правительствами тѣхъ государствъ, въ которыхъ онъ дѣйствовалъ *ad majorem Romae gloriam*. Ни съ кѣмъ онъ ни разу не прерывалъ сношеній, а, напротивъ, возстановлялъ сношенія, порванныя его предшественникомъ,—за исключеніемъ лишь сношеній съ «незаконнымъ» Италіянскимъ правительствомъ, — всюду онъ охотно шелъ на внѣшнія уступки, какъ бы лично симпатизируя и протестантскому императору, и православному Царю, и даже атеистическому президенту республики, къ великому негодованію ультрамонтанской партіи Ватикана.

Мало того, стараясь привлечь на свою сторону правителей государствъ, Левъ XIII не упускалъ изъ виду и ихъ населенія, впервые высоко поднявъ знамя «католическаго соціализма». Онъ видѣлъ, какое преобладающее значеніе въ современныхъ государствахъ принадлежитъ рабочему вопросу, и тщательно его изучилъ, дабы затѣмъ предложить его рѣшеніе въ духѣ католическаго христіанства.

Такимъ образомъ Левъ XIII лишь тѣломъ своимъ пребывалъ въ Ватиканской «темницѣ», а духъ его далеко проникалъ за ея предѣлы, всюду, во всемъ мірѣ вызывая кипучую дѣятельность въ угодномъ ему направленіи и незамѣтнымъ образомъ подчиняя себѣ даже и противниковъ своихъ.

Съ его кончиной все это можетъ измѣниться. Едва ли среди теперешнихъ кардиналовъ окажется человѣкъ, который обладалъ бы такимъ *умомъ* и *тактомъ*, такою *энергіей* и *послѣдовательностью* и такимъ *авторитетомъ*, какіе давали возможность Льву XIII осуществлять свою политическую программу. Такая программа можетъ разсчитывать на успѣхъ лишь при наличности всѣхъ этихъ столь рѣдкихъ качествъ у лица, приводящаго ее въ исполненіе. Конечно, Римская церковь всегда будетъ имѣть громадное стратегическое преимущество предъ остальными христіанскими церквами, будучи управляемою не какимъ-либо коллегіальнымъ учрежденіемъ, а единоличною властью своего первосвященника, опирающагося на вѣковую строгую дисциплину своего духовенства. Но эта именно единоличная власть можетъ находиться въ рукахъ лицъ неодинаковыхъ административныхъ способностей, а потому, если Льва XIII на Римскомъ престолѣ замѣнитъ менѣе выдающійся преемникъ, то можно разсчитывать и на ослабленіе міровой католической пропаганды, съ которою тогда легче будетъ справиться, между прочимъ, и Православной Церкви.

Пораженіе Кошута.

Три недѣли тому назадъ мы говорили о побѣдѣ, одержанной Францемъ Кошутомъ надъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, который вынужденъ былъ пойти на унизительныя уступки передъ ультра-національною «независимою» партіей Венгерцевъ, предводимою сыномъ покойнаго Лудвига Кошута, заклятаго врага Габсбургскаго дома. Но мы уже тогда предвидѣли, что эта уступчивость престарѣлаго императора можетъ только еще болѣе возбудить аппетиты Мадьяровъ, мечтающихъ о полномъ разрывѣ между Венгріей и Австріей.

«Единомышленники Кошута, говорили мы, уже обвиняютъ его (въ самый день его побѣды) въ томъ, что онъ де продешевилъ, такъ какъ, пользуясь своимъ столь выгоднымъ положеніемъ, онъ, несомнѣнно, могъ принудить представителя императора, графа Куэнъ-Гедервари, къ еще гораздо болѣе существеннымъ уступкамъ національной программѣ «независимой» партіи, требующей, напримѣръ, введенія мадьярскаго служебнаго языка и мадьярскаго знамени въ венгерскую армію, т.-е. *полной дезорганизаціи австро-венгерской боевой силы*» (*М. В.* 1903 г., № 165).

Все буквально такъ и исполнилось. Политическая логика исключеній не знаетъ. Всякая правительственная уступка, сдѣланная для «*успокоенія* общественнаго мнѣнія», неизбѣжно вызываетъ, совершенно наоборотъ, еще лишь большее его *раздраженіе*. Остается только удивляться, какъ въ непреложности этой аксіомы до сихъ поръ не успѣлъ убѣдиться несчастный Габсбургскій монархъ, все правленіе котораго было лишь убѣдительнѣйшимъ подтвержденіемъ этой непреложности. Онъ постоянно дѣлалъ уступку за уступкой разрушительнымъ требованіямъ своихъ поддапныхъ, въ особенности Венгерцевъ, и всякій разъ полагалъ, что каждая изъ этихъ уступокъ будетъ «послѣднею», послѣ которой наступитъ де въ его владѣніяхъ миръ и тишина,— и *ни разу* его благодушное желаніе не оправдалось: вмѣсто мира его уступки лишь усиливали междоусобную вражду, и вмѣсто благодарности ему приходилось выслушивать лишь новыя дерзкія требованія и запальчивыя угрозы.

Такъ случилось и съ послѣднею его уступкой «независимымъ» Мадьярамъ.

Партія «независимыхъ», какъ извѣстно, составляетъ въ Венгерской Палатѣ Депутатовъ лишь незначительное по численности своей меньшинство, которое однако искусно веденною «обструкціей» является властною распорядительницей всей политической жизни Венгерскаго королевства. Когда, семь мѣсяцевъ тому назадъ, тогдашній министръ-президентъ Коломанъ Селль внесъ въ Палату законопроектъ о назначенномъ для текущаго года рекрутскомъ призывѣ, по которому число призываемыхъ было нѣсколько увеличено сравнительно съ прошлогоднимъ наборомъ, то большинство Палаты встрѣтило эту мѣру полнымъ одобреніемъ, но Францъ Кошутъ, стоявшій во главѣ «независимыхъ», заявилъ, что его партія не допуститъ *увеличенія* числа рекрутовъ, если правительство не согласится на введеніе въ венгерскую армію *венгерскаго языка, венгерскаго знамени и венгерскаго національнаго гимна*. Коломанъ Селль отказался исполнить эти требованія, и Францъ Кошутъ объявилъ ему безпощадную обструкцію, не допускавшую къ обсужденію никакихъ другихъ зако-

повъ, между прочимъ и столь безусловно необходимыхъ, какъ, напримѣръ, законъ о государственномъ бюджетѣ. Обструкція эта привела все государство въ полный политическій «внѣзаконный» хаосъ. Коломанъ Селль настаивалъ на томъ, что лишнее противъ прошлогодняго число рекрутовъ *безусловно* необходимо, а Францъ Кошутъ съ еще большею настойчивостью заявлялъ, что его партія тогда лишь прекратитъ свою обструкцію, если правительство откажется отъ этого своего требованія.

И вотъ императоръ склонился передъ волей Франца Кошута, уволивъ въ отставку Коломана Селля и поручивъ графу Куэнъ-Гедервари заключить предварительное условіе съ вожакомъ «независимыхъ» о томъ, что *правительство отказывается отъ увеличенія числа рекрутовъ* и ограничится наборомъ, равняющимся по числу прошлогоднему набору, а *«независимая» партія*, въ свою очередь, *прекратитъ свою обструкцію* и такимъ образомъ дастъ возможность парламенту заняться бюджетомъ и другими неотложными законами.

Графъ Куэнъ-Гедервари, какъ извѣстно, лично прибылъ въ Будапештъ, отправился къ Францу Кошуту и торжественно заключилъ съ нимъ, мѣсяцъ тому назадъ, вышеозначенное, столь унизительное для правительства, соглашеніе. Побѣда Кошута была полная, пораженіе королевскаго правительства безпримѣрное (военный министръ Фейерварн немедленно подалъ въ отставку, не желая участвовать въ такомъ позорѣ). Но цѣной этого пораженія, какъ полагали наивные люди, правительство достигло громаднаго результата, такъ какъ де теперь столь невыносимый «внѣзаконный» хаосъ въ Венгріи придетъ къ концу, и государственная жизнь снова потечетъ при нормальныхъ условіяхъ.

Само собою разумѣется, что ничего подобнаго не случилось и случиться не могло.

«Независимая» партія, упоенная своимъ успѣхомъ, конечно, увидала въ столь позорной уступчивости правительства новые, болѣе широкіе для себя горизонты. Она заявила, что она не считаетъ себя связанною словомъ своего предсѣдателя Кошута, и что не допуститъ не только новаго, *увеличеннаго*, но и прежняго, *нормальнаго* размѣра рекрутскаго набора безъ «національныхъ компетенцій», т.-е. безъ вышеуказаннаго полнаго отдѣленія венгерской арміи отъ австрійской.

Такое явное и наглое нарушеніе предварительнаго договора, заключеннаго между графомъ Куэнъ-Гедервари и Францемъ Кошутомъ, крайне возмутило и того, и другого. Кошутъ, оставаясь вѣрнымъ своему слову, хотѣлъ убѣдить свою партію въ необходимости свято соблюдать этотъ договоръ и на основаніи его прекратить въ парламентѣ всякую обструкцію, разъ правительство, согласно данному имъ обѣщанію, отказалось отъ своего столь настоятельнаго требованія увеличить численность новыхъ рекрутовъ.

Но «независимые» не захотѣли и слушать такія «пустячныя» разсужденія. Среди нихъ выдвинулся новый вождь, Бела Барабашъ, который заявилъ, что слово Франца Кошута не обязательно для его партіи, твердо рѣшившейся продолжать свою обструкцію до тѣхъ поръ, пока правительство не согласится на ея «національныя» требованія.

Въ виду этого вчерашній побѣдитель и прославленный мадьярскій патріотъ Францъ Кошутъ нынѣ объявленъ своими друзьями «измѣнникомъ» за то, что онъ «вошелъ въ невыгодное для Венгріи соглашеніе съ правительствомъ». Онъ вынужденъ былъ сложить съ себя предсѣдательство надъ партіей «неза-

висимыхъ», которые нынѣ сомкнулись вокругъ новаго своего вожака, Барабаша, и уже приступили къ новой непримиримой борьбѣ противъ правительства.

Графъ Куэнъ-Гедерварн уже ясно понялъ безвыходность своего положенія, возникшаго изъ столь легкомысленной его увѣренности въ возможномъ торжествѣ политическихъ «уступокъ», которой никакъ нельзя было ожидать отъ столь опытнаго и энергическаго государственнаго человѣка, какимъ заявилъ себя бывшій банъ Хорватскій. Не прошло и мѣсяца, какъ онъ вступилъ въ свою новую должность, а уже возникъ вопросъ, не лучше ли ему снова покинуть ее.

Но въ еще худшемъ положеніи оказался императоръ Францъ-Іосифъ: ему покинуть свой постъ невозможно; ему приходится снова стать лицомъ къ лицу съ мадьярскими повинистами, имѣя дѣло теперь не съ Францемъ Кошутомъ, а съ превзошедшимъ его въ дерзости Белой Барабашемъ.

Пойдетъ ли носитель Габсбургской короны на новыя унизительныя уступки, чтобы этимъ вызвать еще болѣе наглыя требованія, клонящіяся къ полному крушенію двуединой монархіи? Или онъ захочетъ проявить слишкомъ запоздалую энергію, которую онъ все равно не будетъ въ силахъ довести до конца на той наклонной плоскости, по которой всякое конституціонное государство неудержимо катится къ своей окончательной гибели?

Какое бы рѣшеніе онъ ни принялъ,—во всякомъ случаѣ не только года, а, можетъ быть, даже и мѣсяцы Австро-Венгріи уже сочтены.

М. Н. Катковъ.

Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 20-тый день іюля, Россія лишилась великаго патріота, котораго она никогда не забудетъ. Мало того, память о немъ будетъ расти съ теченіемъ времени такъ же, какъ она уже теперь на нашихъ глазахъ растетъ съ каждымъ годомъ. Объ этомъ особенно ярко свидѣтельствуетъ 10-тый день апрѣля 1903 года, когда могилу Михаила Никифоровича Каткова посѣтилъ съ благоговѣйною молитвой Государь Императоръ, указавъ этимъ всей Россіи, какихъ людей она должна цѣнить и вѣчно хранить въ своей благодарной памяти.

Мы въ свое время указали на великое значеніе этого знаменательнаго событія. Но нынѣ оно получаетъ еще новый, болѣе глубокій смыслъ, когда Государь Императоръ Своимъ паломничествомъ къ могилѣ Преподобнаго Серафима Саровскаго еще яснѣе опредѣлилъ тѣ высокія качества великихъ людей земли Русской, которыя должны служить яркими свѣточами для Россіи, въ особенности для *современной* Россіи, мятущейся во мракѣ уныпія, тревожныхъ сомнѣній и блуждающаго искапія новыхъ, ложныхъ путей.

Къ бодрому, истинно-вѣрующему упованію на Господа Бога Вседержителя призываетъ Свой народъ Русскій Царь, къ такому именно упованію, которое окрыляетъ человѣка на великіе подвиги духа и воли.

Подвиги эти могутъ быть двоякп: совершаются они въ земной нашей жизни какъ на бурномъ поприщѣ мірскомъ, такъ и на уединенной стезѣ

возвысившагося надъ мірскою жизнью иночества. И тутъ, и тамъ человѣкъ, согласно съ назначеннымъ ему Богомъ призваніемъ, можетъ всею своею жизнью, всѣми своими помышленіями отстаивать святое, правое дѣло; и тутъ, и тамъ онъ можетъ служить великимъ примѣромъ для своихъ современниковъ и потомковъ; и тутъ, и тамъ онъ можетъ достигнуть вѣчной памяти въ своемъ отечествѣ; и тутъ, и тамъ онъ можетъ уготовить себѣ спасеніе и блаженство въ будущей жизни, приблизится ли его душа къ Престолу Всевышняго, какъ душа очистившагося отъ грѣховъ праведника, или какъ душа духовнаго подвижника, достигшаго еще въ земной своей жизни высшей Благодати Господней, того вѣнца Святости, который является небесною наградой лишь для немногихъ избранныхъ сыновъ Церкви Христовой.

Но легки великіе подвиги духа и воли какъ въ міру, такъ и внѣ міра.

Въ міру духовный подвигъ требуетъ двойной борьбы — съ собой и съ міромъ, и первая, наиболѣе важная борьба уже потому не можетъ вестись съ полнымъ успѣхомъ, что ей постоянно мѣшаетъ вторая борьба, полная соблазновъ и незамѣтныхъ иногда поводовъ къ грѣховнымъ помысламъ и даже дѣйствіямъ.

Внѣ міра духовная борьба, однако, не легче: она, правда, сосредоточивается лишь на самомъ естествѣ духовнаго подвижника, на его грѣхахъ и страстяхъ, но постепенное ихъ преодолѣніе возможно лишь путемъ строжайшей аскезы тѣла и души, путемъ неусыпнаго наблюденія за каждымъ малѣйшимъ ихъ проявленіемъ и путемъ непрестаннаго молитвеннаго общенія съ Богомъ.

Еще недавно въ нашей печати, не только свѣтской, но—увы—даже и въ духовной, обсуждался «вопросъ» (!) о томъ, нужна ли эта аскеза, нужны ли намъ отшельники и иноки, видящіе духовный свой идеалъ въ уединенной жизни, вдали отъ мірскихъ соблазновъ. Такіе «вопросы» характеризуютъ именно тотъ мракъ сомнѣній и блужданій, которымъ окутана, какъ мы говорили выше, современная Россія.

Можетъ ли быть болѣе ясный, болѣе категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ то, столь выдающееся въ лѣтописяхъ христіанства, торжество Православія на могилѣ Саровскаго Чудотворца, совершающееся нынѣ съ такимъ народнымъ единодушіемъ, при такихъ великихъ чудесныхъ знаменіяхъ Вѣры и среди такого же изъ ряда выходящаго, по волѣ Православнѣйшаго Государя, величественнаго благолѣпія?

Какъ же можно сомнѣваться хотя бы въ практической «пользѣ» аскезы, когда она на нашихъ глазахъ не только творитъ неопровержимыя даже для закоренѣлыхъ скептиковъ великія дѣла чудесныхъ исцѣленій страждущихъ, искренно-вѣрующихъ христіанъ, но и осуществляетъ такія первостепенныя въ государственномъ отношеніи событія, какъ реальное единеніе Царя и народа въ общихъ имъ глубокихъ и возвышеннѣйшихъ чувствахъ?

Вѣдь это единеніе всѣми признается, какъ конкретный политическій факторъ, безъ котораго Россія жить не можетъ, и который проявляетъ свою дѣйственную силу при наглядномъ внѣшнемъ выраженіи своей глубокой, внутренней идеи.

Надъ выясненіемъ этой животворной идеи всю жизнь свою трудился М. Н. Катковъ: «Русскій Царь и Русскій народъ», говорилъ онъ, «всегда думаютъ и чувствуютъ согласно, и въ этомъ согласіи—вся сила Россіи.»

Но есть еще русское такъ называемое «интеллигентное общество», ко-

торое думаетъ и чувствуетъ несогласно съ Царемъ и народомъ, и въ этомъ заключается, къ сожалѣнію, давнишняя уже слабая сторона Россіи. Это «общество желало бы втереться между Царемъ и народомъ и присвоить себѣ его представительство, дабы затѣмъ, якобы «отъ имени народа», идти противъ его общихъ съ Царемъ идеаловъ.

За эти идеалы боролся Катковъ до послѣдняго издыханія, уличая внутреннихъ враговъ Россіи въ ихъ преступныхъ попыткахъ разъединить Царя съ Его народомъ, посѣять въ народѣ смуту и возбудить въ немъ тревожные, безсмысленные «вопросы» скептическаго сомнѣнія относительно своихъ не только религіозныхъ, но и государственныхъ драгоцѣннѣйшихъ завѣтовъ.

И на эти «вопросы» Саровское торжество даетъ ясный, неопровержимый отвѣтъ.

Вотъ предъ святыми останками Саровскаго Чудотворца молитвенно преклонили колѣна Царь со всѣмъ Своимъ народомъ.

Гдѣ же находится дерзающая говорить отъ имени народа «либеральная интеллигенція?»

Ея тамъ нѣтъ.

Она столь же чужда Царю, какъ и народу. Она своимъ отсутствіемъ какъ нельзя болѣе подтверждаетъ справедливость того, что̀ о ней всегда говорилъ М. Н. Катковъ, обличавшій ее въ измѣнѣ своей родинѣ и своему народу.

Когда, сорокъ лѣтъ тому назадъ, впервые на всю Россію раздался голосъ московскаго трибуна, Россія, какъ и теперь предавалась унынію и блуждала въ поискахъ новыхъ, ложныхъ путей. Севастопольская кампанія, эта славная, безсмертная страница русскаго оружія, толковалась какъ «банкротство всей Россіи»; дерзкое возстаніе польскихъ пановъ — какъ страшная опасность, во избѣжаніе которой Россіи де слѣдовало идти на всякія уступки; а вмѣшательство иностранныхъ державъ въ наши внутреннія дѣла приводило въ ужасъ наше «либеральное общество», готовившееся уже на всевозможныя униженія передъ грозною Европой. Все казалось у насъ расшатаннымъ, краеугольныя основы нашего государственнаго бытія подвергались систематическимъ подрывамъ, сомнѣнія, отрицанія ослабляли всю государственную и общественную энергію, проявлявшуюся развѣ только въ позорнѣйшемъ самобичеваніи.

Противъ всего этого пагубнаго, смертоноснаго настроенія возсталъ одинъ Катковъ.

Его пламенныя рѣчи призывали всѣхъ къ бодрости, къ вѣрѣ въ Бога и къ упованію въ Его покровительство русскому правому дѣлу, и эти рѣчи дѣйствительно снова зажгли священный огонь въ сердцахъ Русскихъ людей и двинули ихъ на защиту Родины и ея великихъ идеаловъ, къ тѣсному, непосредственному единенію Царя со Своимъ народомъ,—и Россія была спасена.

Она была спасена и во второй разъ, когда, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, на нее снова спустилась непроглядная мгла либерально общественнаго сумбура, противъ котораго снова пришлось бороться, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, тому же Каткову, не переставшему требовать все того же *непосредственнаго* единенія Царя съ народомъ, которое уже готова была навѣки расторгнуть безумная конституціонная попытка «сердечнаго диктатора». Всѣ благомыслящіе Русскіе люди приходили въ уныніе предъ этою попыткой, которая приводила въ неистовый восторгъ злѣйшихъ враговъ Рос-

сіи,—одинъ Катковъ не падалъ духомъ и всѣхъ призывалъ къ бодрой борьбѣ за правое дѣло,—и правое дѣло восторжествовало.

Россія въ третій разъ переживаетъ тяжелыя времена, приводящія многихъ въ сомнѣніе, уныніе и даже отчаяніе. Но нынѣ Самъ Государь призываетъ насъ къ бодрости, указывая намъ великіе примѣры религіознаго и гражданскаго подвижничества, которые должны наполнить насъ вѣрою въ Бога и въ Его благое руководительство судьбами Россіи.

Послѣдуемъ же этому призыву! Замѣнимъ унылые свѣтлымъ упованіемъ на Бога по примѣру Преподобнаго Серафима, и станемъ грудью за великіе идеалы Царя и Русскаго народа столь же твердо и непоколебимо, какъ стоялъ за нихъ Катковъ!

Италія и посѣщеніе Русскаго Царя.

Въ то время, когда каждый русскій искренно радуется, что Государь Императоръ отложилъ Свою поѣздку въ Италію, которая должна была служить отвѣтомъ на визитъ Италіянскаго короля въ Петербургѣ, въ Италіи вѣсть объ отсрочкѣ этого посѣщенія произвела удручающее впечатлѣніе. Большинство населенія глубоко чувствуетъ, какое пятно кладетъ на Италіянскій народъ отказъ Монарха дружественной державы отъ посѣщенія страны, гдѣ Онъ не могъ разсчитывать на гостепріимство, составляющее обыкновенно первую добродѣтель даже некультурнаго народа.

Причины, побудившія Государя Императора отсрочить Свою поѣздку въ Римъ, заключаются въ той грубой и дерзкой агитаціи, которую вели въ теченіе нѣсколькихъ недѣль италіянскіе соціалисты. Агитація эта была направлена противъ представителя монархической власти, Котораго Россія признаетъ своимъ Верховнымъ Вождемъ. Анархическая ненависть италіянскихъ соціалистовъ къ порядку и закону такъ велика, что заставила ихъ забыть не только гостепріимство, считающееся съ незапамятныхъ временъ священнымъ, но и простыя правила приличія.

Но развѣ весь Италіянскій народъ раздѣляетъ взгляды соціалистовъ? Достаточно взглянуть на составъ Италіянской Палаты Депутатовъ, члены которой избирались народомъ свободно и могутъ служить дѣйствительнымъ выраженіемъ настроенія народа, чтобъ убѣдиться; съ какою безсовѣстною наглостію кучка безшабашныхъ крикуновъ желаетъ выдать себя за истинныхъ выразителей общественнаго мнѣнія и желаетъ руководить этимъ мнѣніемъ. Полоумные вожди, профессора, выгнанные изъ университетовъ, депутаты, изгнанные изъ Палаты за дурное поведеніе, въ родѣ Энрико Ферри, руководятъ этою шайкой враговъ современнаго общественнаго строя, къ негодованію Италіянскаго народа, который въ значительной части своей не сочувствуетъ дикимъ идеямъ соціалистовъ.

Если они, тѣмъ не менѣе, сумѣли получить нѣкоторое вліяніе на ходъ общественной жизни, то въ этомъ виновато общество, которое сторонилось отъ борьбы съ такими грязными элементами. Соціалисты добились нынѣшняго вліянія «путемъ дерзости и нахальства, путемъ криковъ и насилія, благодаря трусости однихъ и преступной апатіи другихъ», какъ выразился антисоціалистическій комитетъ въ своей программѣ.

Не менѣе виновато въ такомъ поведеніи соціалистовъ и правительство Италіи.

Италіянское правительство страдаетъ общимъ порокомъ правительствъ конституціонныхъ странъ. Заботы всѣхъ министерствъ сводятся къ тому, чтобы, ради сохраненія своего положенія, жить въ мирѣ со всѣми партіями. Даже сознавая опасность, которая грозитъ государству со стороны анархистовъ и соціалистовъ, министерства не принимали никакихъ мѣръ, хотя прямой долгъ службы призывалъ ихъ къ защитѣ государства и общества. Только изрѣдка появлялись отдѣльныя лица, въ родѣ Криспи, Никотеры, генерала Пеллу, которыя считали нужнымъ дѣйствовать энергично, но и то только въ такія минуты, когда агитація переходила въ открытый бунтъ, какъ въ Миланѣ, въ Сициліи, въ Романьѣ. Министерство г. Цанарделли виновно въ этомъ попустительствѣ болѣе другихъ кабинетовъ, потому что вся его дѣятельность была направлена только къ угожденію либераламъ и соціалистамъ. Не выработавъ ни одного законопроекта, которымъ врачевались бы соціальныя или экономическія язвы Италіи, созданныя политикой дѣльцовъ, находившихся въ кабалѣ у Тройной Лиги, кабинетъ, ради сохраненія симпатій крайнихъ партій, занимался выработкой такихъ безцѣльныхъ законопроектовъ, какъ законъ о разводѣ, два раза отвергнутый въ Палатѣ. Единственный человѣкъ въ министерствѣ, сознававшій правильно свои обязанности и потому по необходимости принимавшій крутыя мѣры противъ соціалистовъ, Джіолитти, былъ уволенъ г. Цанарделли именно за свою энергическую дѣятельность. Вотъ почему на кабинетъ Цанарделли должна пасть главная часть обвиненій за то, что происходило въ Италіи, и онъ не можетъ ссылаться въ свое оправданіе на то, что конституція не давала ему права противодѣйствовать этому отравленію общественнаго организма.

Наконецъ, извѣстная доля отвѣтственности за нынѣшнее положеніе Италіи, за чрезвычайное усиленіе деструктивныхъ партій, должна пасть также на Ватиканское правительство. На первый взглядъ это покажется страннымъ, такъ какъ правительство папы не принимаетъ участія въ политической жизни страны. Но въ этомъ-то и заключается его вина. Для поддержанія фикціи о насильственномъ лишеніи папы свободы Итальянскимъ правительствомъ еще Пій IX издалъ приказъ, чтобы истинные католики не принимали участія въ выборахъ. Это non expedit и является закономъ для самой религіозной, болѣе всѣхъ другихъ сохранившей уваженіе къ закону и авторитету власти, части населенія, и она устраняется отъ выборовъ, предоставляя свободное поле врагамъ церкви и государства.

Если бъ эта лучшая часть населенія, сохранившая въ душѣ своей сѣмена, посѣянныя въ ней Церковью, принимала участіе въ выборахъ и не предоставляла являться представителями Италіянскаго народа людей, потерявшихъ не только уваженіе къ Церкви и закону, но и къ авторитету всякой власти, тогда и правительство страны носило бы иной характеръ и не прикрывало бы свою вредную дѣятельность ссылкой на конституцію, которая ни въ одной странѣ не возлагаетъ на правительство обязанности взирать сложа руки на то, какъ враги подкапываются подъ основы государства.

Русскій народъ не можетъ забыть поведенія Италіянскаго народа и его правительства, и если инцидентъ этотъ не повліяетъ на дружественныя отношенія родственныхъ дворовъ Италіи и Россіи, то очень ошибается тотъ, кто полагаетъ, что отношенія между Русскимъ и Италіянскимъ народами сохра-

нятъ прежній характеръ. Ни одинъ Русскій не проститъ того, что происходило въ Италіи въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, не проститъ этой вакханаліи шайки революціонеровъ, противъ которой ни кабинетъ слабохарактернаго Цанарделли, ни Италіянскій народъ не сочли нужнымъ принимать мѣры. Оскорбленія забываются съ трудомъ, а въ особенности такія, которыми затронуто самое святое, что̀ есть въ націи.

Кризисъ дворянскаго землевладѣнія.

«Дальше идти некуда!» говоритъ С. А. Нилусъ «отъ имени умирающаго нашего земледѣльческаго центра» (*М. В.* 1903 г., № 312), откликаясь на такой же отчаянный вопль А. С. Суворина, который, скорбя о томъ же «злополучномъ, многострадальномъ центрѣ», недавно воскликнулъ: «клянусь Богомъ, что такъ продолжаться не можетъ».

И со всѣхъ сторонъ мы слышимъ то же самое. Мы завалены письмами изъ нашихъ центральныхъ губерній, въ которыхъ раздаются все тѣ же вопли, повторяющіеся съ такимъ же отчаяніемъ и въ устныхъ разсказахъ дворянъ-землевладѣльцевъ, изнывающихъ подъ невозможными условіями современной сельской жизни и работы: «Такъ жить нельзя». «Руки опускаются». «Такъ продолжаться не можетъ». «Мы не въ силахъ больше бороться». «Дальше идти некуда».

И не успѣли мы напечатать (№ 312) надрывающую сердце статью С. А. Нилуса, какъ намъ уже сегодня говорятъ и пишутъ люди близко знающіе нашъ центръ, это сердце Россіи:

«Да, это правда! Это сущая правда! Мы подписываемся подъ каждымъ словомъ г. Нилуса! У него вырвалось изъ души то, что̀ у всѣхъ насъ на душѣ, то, что̀ растерзало нашу душу! Спасибо ему, что онъ за всѣхъ насъ крикнулъ этотъ предсмертный крикъ центральнаго земельнаго дворянства: *дальше идти некуда*».

А длинные, ужасающе-длинные списки дворянскихъ имѣній, продающихся съ публичнаго торга, изъ коихъ всѣ почти и идутъ подъ безпощадный аукціонный молотокъ,—этотъ залитый слезами скорбный листъ и грозно-трагическій мартирологъ Русскаго «служилаго, передоваго» сословія подтверждаетъ, холодными какъ ледъ, безжалостными цифрами, что всѣ эти отчаянные крики и вопли—не плодъ разгоряченной фантазіи какихъ-нибудь двухъ-трехъ «неудачниковъ», а голосъ суровой, неумолимой истины, раздающійся подъ тисками **желѣзной необходимости.**

Да, дѣйствительно, такъ жить нельзя!

Давно уже начавшійся кризисъ дворянскаго землевладѣнія въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ достигъ того кульминаціоннаго пункта, послѣ котораго возможны лишь два исхода: либо окончательная смерть, либо чудесное спасеніе. Но смерть настанетъ сама собой, логически неизбѣжнымъ ходомъ событій, а спасеніе можетъ наступить лишь какимъ-нибудь внезапнымъ кореннымъ измѣненіемъ жизненныхъ условій земельнаго дворянства, а этого въ настоящее время можно именно ждать лишь какъ чуда небеснаго.

Но если этотъ тяжелый кризисъ существуетъ уже давно, то неужели до сихъ поръ ничего не дѣлалось для его устраненія?

О, напротивъ, для этого *дѣлалось* очень многое, но, къ сожалѣнію, ровно ничего *не сдѣлано*. Какая-то «тайная вражья сила», по выраженію С. А. Нилуса, постоянно парализовала самыя лучшія начинанія Правительства и постоянно тормозила и сводила на нѣтъ самыя благія его намѣренія.

Созданъ былъ Дворянскій Банкъ *для помощи дворянскому землевладѣнію*, и рядомъ съ нимъ Крестьянскій—для помощи землевладѣнію крестьянскому. Казалось бы, чего же лучше?

И вотъ оказалось, что, помимо добрыхъ намѣреній и здравыхъ взглядовъ Русскаго Правительства, у насъ существуетъ еще нелѣпая демократическая доктрина, по которой «дворянское землевладѣніе должно быть разорено, уничтожено и передано въ руки однихъ лишь крестьянъ».

Эта доктрина оказалась сильнѣе Правительства. Наступило время совершенно непредвидѣннаго Правительствомъ примѣненія этой торжествующей доктрины. Дѣйствіе обоихъ Банковъ оказалось такъ хитро-согласованнымъ, что Дворянскій Банкъ систематически разорялъ съ безсердечнымъ злорадствомъ дворянское землевладѣніе и преподносилъ его ликующему Крестьянскому Банку на безпощадное растерзаніе и «раздробленіе», для дальнѣйшей передачи его крестьянамъ, которые уже окончательно довершали хищническое уничтоженіе многовѣковой культурной работы дворянскаго землевладѣнія.

Правительство поняло все грозное для Россіи значеніе этого зла, и для устраненія его было учреждено Особое Совѣщаніе *для спасенія земельнаго дворянства*.

Вся Россія воспряпула надеждой, что теперь де, наконецъ, настало свѣтлое время для коренного устраненія всѣхъ тѣхъ препятствій, которыя не давали развиться столь необходимому для государства служилому сословію. Всѣ были увѣрены, что краеугольнымъ камнемъ этой реформы будетъ устраненіе того рокового недоразумѣнія, которое, какъ мы только что видѣли, направило дѣйствія Дворянскаго и Крестьянскаго Банковъ на систематическое интенсивное разореніе дворянства въ угоду демократической доктринѣ о «нивеллировкѣ сословій».

И что же? Доктрина эта опять оказалась сильнѣе разумнаго и великодушнаго намѣренія Правительства! Особое Совѣщаніе работало долго, очень долго, надъ всевозможными вопросами, касающимися дворянства, а въ это время Крестьянскій Банкъ невозбранно продолжалъ со все столь же усиленною быстротой пожирать дворянскія имѣнія, передававшіяся ему все съ тою же любезною предупредительностію Дворянскимъ Банкомъ. Особое Совѣщаніе кончило свои работы, даже не коснувшись этого капитальнаго и въ сущности единственнаго вопроса, отъ котораго зависитъ весь сельско-хозяйственный кризисъ нашихъ центральныхъ губерній, а Крестьянскій Банкъ продолжаетъ и понынѣ свою раздробительно-разорительную дѣятельность, къ великому ликованію всѣхъ нашихъ радикальныхъ демократовъ и къ гибели нѣкогда столь крѣпкихъ сословныхъ устоевъ и всей сельскохозяйственной культуры Россіи.

Но Правительство рѣшило продолжать борьбу съ этимъ торжествующимъ зломъ, перенеся ее на другое поприще. Образовано было новое Особое Совѣщаніе *для спасенія нашего сельскаго хозяйства*, гибнущаго отъ примѣненія къ Россіи не одной только доктрины демократизма, но и отъ вступившей съ нею въ союзъ еще болѣе нелѣпой и пагубной доктрины марксизма.

Доктрина эта, давно уже опровергнутая учеными серіозными экономистами, возсіяла надъ Россіей какъ нѣкая «неопровержимая научная аксіома». По этой доктринѣ сельское хозяйство должно быть непремѣнно уничтожено и замѣнено промышленностью, которая, въ свою очередь, должна выработать громадный голодный пролетаріатъ, дабы ввергнуть все государство въ режимъ соціализма. Этого де непремѣнно требуетъ «наука», созданная Марксомъ.

И вотъ слѣпые адепты этой науки поставили крестъ надъ русскимъ сельскимъ хозяйствомъ, а слѣдовательно, прежде всего, надъ нашимъ земельнымъ дворянствомъ, и обрекли его на «постепенное вымираніе», на-ряду съ лихорадочно-быстрымъ, совершенно искусственнымъ насажденіемъ промышленности въ Россіи.

Вотъ отъ этого именно самоубійственнаго процесса новое Особое Совѣщаніе и должно было спасти Россію, все благосостояніе и весь внутренній порядокъ которой зиждется, *прежде всего*, по историческимъ и культурнымъ условіямъ, на сельскомъ хозяйствѣ.

Учрежденіе этого Особаго Совѣщанія снова возбудило во всей Россіи яркія надежды, которыя, однако, очень быстро потускнѣли и смѣнились грустнымъ разочарованіемъ.

Оказалось, что къ рѣшенію вопроса о сельскомъ хозяйствѣ были привлечены, прежде всего, такіе элементы, о которыхъ заранѣе можно было сказать, что они внесутъ въ этотъ вопросъ не дѣловую ясность, а непроглядный «идейный» сумбуръ. И дѣйствительно, эти элементы создали цѣлые вороха, не идущихъ къ дѣлу, словообильныхъ проектовъ, которые нынѣ безнадежно загромоздили первоначально столь простой и цѣлесообразный путь, о которомъ мечтало Правительство, когда оно, съ такими свѣтлыми упованіями, учреждало Особое Совѣщаніе для возрожденія гибнущаго сельскаго хозяйства.

Не унывая, однако, въ своихъ благихъ намѣреніяхъ, Правительство создало еще новое Совѣщаніе—уже со спеціальною цѣлью *спасенія гибнущаго центра Россіи*. Мы уже знаемъ, что и это Совѣщаніе опять таки обратилось, прежде всего, за совѣтомъ все къ тѣмъ же элементамъ, которые давно уже зарекомендовали себя не только равнодушнымъ, но и враждебнымъ отношеніемъ къ сельскохозяйственнымъ интересамъ вообще и къ интересамъ дворянскаго землевладѣнія въ особенности. А отъ спасенія этого именно землевладѣнія, въ сущности, и зависитъ спасеніе многострадальнаго нашего центра.

Оказалось то, что̀ должно было оказаться: созванные въ Петербургъ совѣтчики написали и наговорили много, не идущихъ къ дѣлу, фразъ и уѣхали, не подвинувъ дѣла ни на шагъ...

Такъ дальше идти нельзя.

Одно изъ двухъ: или дворянство, *земельное* дворянство, нужно Россіи, или оно ему не нужно.

Если оно не нужно, то пусть оно умираетъ, пусть торжествуютъ доктрины демократизма и марксизма, пусть Россія быстро и неуклонно летитъ въ пропасть соціалистической анархіи.

Но если дворянство нужно Россіи, то пусть Правительство твердо станетъ выше этихъ безразсудныхъ доктринъ, пусть оно сломитъ ихъ вліяніе, въ какихъ бы сферахъ оно, явно или тайно, ни проявлялось, дабы, наконецъ, *дѣйствительно* спасти дворянство отъ грозящей ему гибели,—не ради дворянства, а *ради Россіи*.

Миръ или война?

Давно Россія не встрѣчала великаго праздника Рождества Христова съ такою напряженною сосредоточенностью, какъ въ настоящемъ году.

На Дальнемъ Востокѣ политическій небосклонъ покрылся мрачною грозовою тучей, которая не сегодня — завтра можетъ разразиться войной. Уже засверкали зловѣщія молніи, и легко уже можетъ грянуть громъ, который заставитъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ весь православный Русскій народъ.

Но, быть можетъ, Господь не допуститъ этого, и гроза минуетъ насъ. Едва ли, однако, небо надъ восточною окраиной Россіи окончательно расчистится. Рано или поздно намъ придется съ оружіемъ въ рукахъ разрѣшить многіе обострившіеся за послѣднее время вопросы, сводящіеся всѣ къ одному, къ коренному, вѣковому вопросу—о политическомъ и культурномъ верховенствѣ Россіи надъ азіатскимъ материкомъ.

До сихъ поръ это верховенство стоитъ внѣ сомнѣнія. Имя Бѣлаго Царя сіяетъ высшимъ государственнымъ и этическимъ идеаломъ надъ всею Азіей, какъ подвластною, такъ и неподвластною Русскому Орлу

Нынѣ наступилъ роковой критическій моментъ, отъ котораго зависитъ дальнѣйшая судьба какъ Азіи, такъ и Европы. Все равно, разрѣшится ли этотъ кризисъ миромъ или войной, исходъ его будетъ одинаково знаменателенъ.

Если надъ настоящимъ столкновеніемъ россійскаго богатыря съ японскимъ пигмеемъ и его явными и тайными подстрекателями восторжествуетъ вѣками испытанное миролюбіе Россіи, то эта безкровная побѣда, одержанная безъ малѣйшаго ущерба интересовъ Россійской Имперіи, утвердитъ ея славу и могущество въ глазахъ азіатскихъ народовъ, для которыхъ доселѣ имя Россіи было синонимомъ высшей справедливости, геройской доблести и несокрушимой силы.

Иного миролюбиваго исхода настоящаго кризиса, конечно, и быть не можетъ. Россія на Востокѣ можетъ либо удерживать занятую ею позицію, либо идти впередъ, когда она къ тому вынуждается своими жизненными интересами. Отступать она не можетъ. Отступленіе Россіи на Востокѣ, хотя бы на одинъ только шагъ, будетъ знакомъ ко всеобщему пробужденію всѣхъ враждебныхъ намъ въ Азіи элементовъ, которые таятся въ робкой покорности, пока не затронуто великое обаяніе побѣдоносной, свѣтлой силы Россіи, но которые мгновенно возстанутъ со всѣхъ сторонъ, если это обаяніе въ ихъ глазахъ померкнетъ.

Вотъ почему миролюбивое разрѣшеніе настоящаго кризиса, столь желанное для любвеобильнаго сердца Русскаго Царя и для всего вѣрноподданнаго Ему Русскаго народа, будетъ въ данномъ случаѣ великою побѣдой Россіи надъ завистью и злобой ея явныхъ и тайныхъ враговъ, и если эта побѣда и не увеличитъ существующихъ нынѣ *матеріальныхъ* силъ Россіи, то во всякомъ случаѣ *нравственная* ея сила еще болѣе окрѣпнетъ и возрастетъ въ глазахъ всей вселенной.

Хотѣлось бы вѣрить, что такъ именно и будетъ.

Всѣ несогласные съ этимъ, тревожащіе насъ слухи исходятъ изъ завѣдомо враждебныхъ намъ источниковъ, весьма неразборчивыхъ въ выборѣ своихъ средствъ для борьбы противъ Россіи. Мы, по правдѣ сказать, не понимаемъ, съ какою цѣлью наши телеграфныя агентства спѣшатъ намъ передавать иной разъ даже и явную ложь, печатающуюся въ англійскихъ газетахъ съ очевидною цѣлью оклеветать Россію или произвести удручающее впечатлѣніе на русское общественное мнѣніе, въ то время какъ русскіе офиціальные источники, упорно храня молчаніе, ничѣмъ не противодѣйствуютъ распространенію этого несомнѣннаго зла. Ни одинъ Русскій, конечно, не станетъ требовать преждевременнаго разоблаченія какихъ-либо дипломатическихъ тайнъ, могущаго повредить интересамъ Россіи. Но оставлять русское общество въ полной неизвѣстности объ истинномъ положеніи дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ, открывая широкій доступъ ложнымъ извѣстіямъ, смущающимъ всѣ слои Русскихъ людей,—едва ли можетъ быть желательнымъ и цѣлесообразнымъ. Читатели русскихъ газетъ совершенно теряются среди ежедневныхъ противорѣчащихъ другъ другу телеграфныхъ извѣстій, и полная неизвѣстность, въ чемъ заключается истина и въ чемъ ложь, вызываетъ то тревожное напряженное состояніе умовъ, съ которымъ, какъ мы сказали, Россія нынѣ встрѣчаетъ великій праздникъ Господній, являющійся для православныхъ христіанъ возвѣстителемъ «мира и благоволенія».

Да пошлетъ же Господь и въ настоящее тяжкое время Русскому народу благодатный миръ, да поможетъ Онъ ему выйти съ честью изъ обступившихъ его затрудненій, не обнажая завѣтнаго меча.

Но если Господу, по неисповѣдимымъ Его предначертаніямъ, угодно, чтобъ эта чаша насъ не миновала, покоримся Его волѣ, въ твердомъ упованіи, что Онъ насъ не оставитъ въ этомъ тяжкомъ испытаніи и поможетъ намъ оказаться въ защитѣ чести, славы и единства Россіи достойными нашихъ предковъ и отцовъ, вѣрой и правдой служившихъ своему Царю и своей родинѣ какъ на поприщѣ мира, такъ и на полѣ военной брани.

Русско-Японскій вопросъ.

Несмотря на тревожныя извѣстія, приходящія изъ Японіи и въ особенности изъ Англіи, мы имѣемъ основаніе думать, что въ ближайшее, по крайней мѣрѣ, время миръ на Дальнемъ Востокѣ нарушенъ не будетъ.

Вотъ что намъ передаютъ изъ достовѣрнаго источника:

Мы присутствуемъ при развитіи и разрѣшеніи *двухъ* параллельныхъ русско-японскихъ вопросовъ.

Первый изъ этихъ вопросовъ является вопросомъ дѣйствительно существующимъ и обсуждаемымъ между Русскимъ и Японскимъ правительствами, изъ коихъ ни одно войны не желаетъ. Обсужденіе это идетъ хотя медленно, но не безъ успѣха. Число спорныхъ вопросовъ постепенно сокращается, и находятся все новые способы къ устраненію препятствій, мѣшающихъ благопріятному разрѣшенію оставшихся еще вопросовъ. Переговоры между обоими правительствами ведутся съ соблюденіемъ какъ дипломатическаго такта, такъ

и дипломатической тайны, благодаря которымъ только и удается вести обсужденіе въ границахъ должной сдержанности и столь желательнаго миролюбія. Сущность этихъ переговоровъ извѣстна пока только непосредственно-заинтересованнымъ въ нихъ державамъ, сознающимъ всю свою отвѣтственность въ столь важномъ дѣлѣ и не допускающимъ постороннаго вмѣшательства въ это чисто личное ихъ дѣло, которое они намѣрены довести съ настойчивымъ терпѣніемъ до благополучнаго конца.

Но рядомъ съ этимъ истиннымъ русско-японскимъ вопросомъ существуетъ искусственно раздутый въ Лондонѣ, «русско-японскій конфликтъ», который вотъ-вотъ долженъ де разразиться страшной войной. Война эта, очевидно, очень желательна Англіи, которая не можетъ дождаться, чтобы, наконецъ, русско-японскіе переговоры уступили мѣсто болѣе краснорѣчивому и убѣдительному «языку ружей и пушекъ». Дабы ускорить наступленіе этого столь желаннаго Англичанамъ момента, они сами создали совершенно ложный трескучій «русско-японскій вопросъ», наводняя ежедневно печать всей вселенной ложными сенсаціонными телеграммами, имѣющими цѣлью разжечь національное чувство Россіи и Японіи, «натравить» ихъ другъ на друга, нарушить этимъ спокойное теченіе вышеупомянутыхъ серіозныхъ русско-японскихъ переговоровъ и вызвать такимъ образомъ ту войну, которой не желаютъ ни Русское, ни Японское правительство, но которая почему-то такъ безусловно необходима «имперіалистической» Англіи.

Удастся ли ей этотъ коварный планъ? Вотъ въ чемъ теперь весь вопросъ.

Относительно Россіи мы, конечно, можемъ быть покойны. Національное чувство Русскаго народа относится совершенно равнодушно къ измышленіямъ гг. корреспондентовъ Рейтера и К°. Оно можетъ встрепенуться лишь тогда, когда раздастся призывъ Русскаго Царя къ защитѣ чести, славы и единства Россіи.

Въ иномъ положеніи, къ сожалѣнію, находится Японія, уже пораженная язвой парламентаризма и партійнаго политиканства, лишающаго правительство необходимой самостоятельности въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Въ Россіи не существуетъ особой «военной партіи», сколько бы объ этомъ ни толковали англійскія газеты. Но въ Японіи такая партія есть, и на нее-то главнымъ образомъ и разсчитываютъ Англичане, надѣясь, что она внезапною вспышкой шовинизма заставитъ правительство японскаго Микадо опрометчиво броситься въ войну съ Россіей.

Въ этой возможности заключается вся опасность настоящаго кризиса, а не въ той или другой дипломатической нотѣ Россіи или Японіи. Если бы не существовало искусственнаго, *ложнаго* Русско-Японскаго вопроса, то можно было бы съ полною увѣренностью сказать, что *истинный* вопросъ, вызвавшій переговоры между Россіей и Японіей, безо всякаго сомнѣнія получитъ вполнѣ мирное разрѣшеніе. Что касается стратегическихъ мѣръ, принимаемыхъ какъ нами, такъ и Японцами, то онѣ въ сущности являются лишь мѣрами предосторожности, въ родѣ тѣхъ, которыя приняты на русско-германской или германско-французской границѣ и обезпечиваютъ лишь международный миръ.

Таковы полученныя нами извѣстія. Охотно имъ вѣримъ. Но, тѣмъ не менѣе, мы снова не можемъ не высказать недоумѣнія, зачѣмъ же мы обречены распространять ложныя извѣстія англійской фабрикаціи, не имѣя воз-

можности обезвреживать ихъ извѣстіями, соотвѣтствующими дѣйствительной истинѣ? Конечно, эти ложныя извѣстія не «раздражатъ русскаго національнаго чувства» и не вызовутъ «взрыва русскаго шовинизма». Но они смущаютъ русское общественное мнѣніе, которое жаждетъ увидѣть ясный свѣтъ точныхъ офиціальныхъ сообщеній среди этого хаоса лживыхъ газетныхъ и телеграфныхъ извѣстій. А намъ кажется, что такія сообщенія могли бы быть даны и безъ нарушенія той дипломатической тайны, которая, какъ намъ сообщаютъ, такъ успѣшно вліяетъ на ходъ русско-японскихъ переговоровъ...

Истекшій годъ.

Въ исторіи Россіи истекшій 1903 годъ займетъ совершенно особое, выдающееся мѣсто.

Не какія-либо событія военной или гражданской жизни дѣлаютъ его знаменательнымъ для Русскихъ людей, а событія чисто духовнаго, религіознаго свойства. Пасхальное пребываніе Царя и Его Семьи среди Московскихъ святынь и лѣтнее Царское паломничество въ Саровъ, ознаменовавшееся столькими явными чудесами, ниспосланными Господомъ Богомъ Русскому народу,—вотъ что̀ навсегда останется въ памяти Русскихъ людей, какъ въ современномъ, такъ и будущихъ поколѣніяхъ, вотъ чѣмъ будетъ запечатлѣнъ 1903 годъ.

Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Саровѣ, Русскій Царь чувствовалъ Себя въ тѣсномъ единеніи со Своимъ народомъ, сливаясь съ нимъ въ благоговѣйной мольбѣ предъ Престоломъ Всевышняго. Такъ было въ нашу старину, создавшую Русское государство, такъ было въ истекшемъ году, еще тѣснѣе сплотившемъ Царя и народъ, эти двѣ неразрывныя основы Православной Россіи; такъ будетъ и впредь, пока будетъ существовать Россія, черпающая свои жизненныя силы изъ духовнаго союза Царя и народа подъ сѣнью Православной Церкви.

Въ другихъ государствахъ монархи находятся со своими народами въ чисто-внѣшнихъ договорныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на юридическихъ условіяхъ, изобрѣтенныхъ жалкою человѣческою мудростью, а потому и не удивительно, что подобныя отношенія вызываютъ вѣчныя недоразумѣнія, разногласія и столкновенія между основными элементами государственнаго строя. Достаточно вспомнить одну Австро-Венгрію, которая въ истекшемъ году представляла собой жалкое зрѣлище столь же упорной, сколько и безплодной борьбы между правительственною властью и «представителями народа», а также и между отдѣльными народностями, какъ въ Австріи, такъ и въ Венгріи. Мы уже не говоримъ объ успѣхахъ анти-государственнаго соціализма, проявившихся въ истекшемъ году въ Германіи, Италіи и Франціи на почвѣ все тѣхъ же договорныхъ «конституціонныхъ» началъ, которыя неизбѣжно ведутъ къ разрушающимъ государственную силу междуусобнымъ распрямъ.

Совершенно въ иномъ положеніи находится Россія, въ которой Царь и Народъ связаны между собою не какимъ-либо юридическимъ, кляузнымъ договоромъ, а духовнымъ единеніемъ, установленнымъ Божьею волей на благо

Россіи. На этой почвѣ немыслимы разногласія между Монархомъ и Его вѣрноподданнымъ народомъ, а возможно лишь болѣе глубокое, проникновенное, духовное сліяніе ихъ въ одну неразрывную мощь, съ которою не въ состояніи сравняться никакая земная сила.

Вотъ почему Россіи не страшны всѣ происки ея внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, соединившихъ свои усилія для того, чтобы разрушить эту мощь. А происки эти ведутся съ величайшимъ упорствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, съ какою небывалою доселѣ самоувѣренностью подняло свою голову воинствующее безвѣріе, объявившее непримиримую борьбу Церкви Христовой. Борьба эта прекрасно организована и ведется съ настойчивою энергіей всюду, гдѣ исповѣдуется имя Христово. Ее ведутъ различныя атеистическія секты, объединенныя могущественною, повсемѣстною коалиціей масоновъ. Нѣтъ того христіанскаго государства, въ которомъ не дѣйствовали бы, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, эти злѣйшіе враги нашей Церкви. Сперва они кутаются въ овчія шкуры, смиренно повторяютъ евангельскія истины, но тщательно отдѣляютъ Христа отъ ненавидимой ими Церкви Христовой, прославляя «новые пути», ведущіе будто бы къ «истинѣ», а приводящіе на самомъ дѣлѣ къ постепенному отрицанію сперва Божественнаго начала Церкви, а затѣмъ и Божественности Самого Спасителя. Еще одинъ шагъ, и они сбрасываютъ свою личину и являются, какъ нынѣ во Франціи, уже не кроткими агнцами, ищущими новый путь истины, а какъ хищные волки, уже нашедшіе путь къ своей истинной цѣли,—къ разрушенію всего христіанства, къ фанатическому гоненію на самое имя Господне и къ торжеству наглѣйшаго атеизма.

Крѣпкимъ оплотомъ Церкви Христовой на землѣ является доселѣ Россія съ ея Православнымъ Царемъ и православнымъ народомъ. Вотъ почему главное усиліе всесвѣтной масонской коалиціи съ такою интенсивною яростью направлено именно на наше отечество, для сокрушенія котораго искусственно создаются и внутреннія, и внѣшніе элементы разрушительнаго броженія. Враждебная намъ коалиція располагаетъ громадными денежными средствами, находясь въ тѣснѣйшей связи съ наиболѣе враждебнымъ христіанству заграничнымъ капитализмомъ, чѣмъ и объясняется та щедрость, съ которою тратятся деньги на подпольную и «легальную» революціонную пропаганду въ Россіи. Изъ тѣхъ же источниковъ льются безконечныя субсидіи всей иностранной, враждебной намъ печати, поддерживающей и растравляющей всѣ тѣ политическіе вопросы, которые искусственно создаются все съ тою же цѣлью,—нанести по возможности тяжкіе удары могуществу Россіи, зиждущемуся на православномъ союзѣ Царя и Народа.

А сколько масонская коалиція имѣетъ въ Россіи сознательныхъ и безсознательныхъ пособниковъ, идущихъ рука объ руку съ нею для сокрушенія этого могущества! Всѣ эти позорящіе Русскую Церковь, пока еще, слава Богу, не особенно многочисленные представители нашего духовенства, увлекающіеся проповѣдью графа Толстаго и его подручника о. Петрова и старающіеся потрясти вѣковѣчныя основы Русской Православной Церкви; всѣ эти земскіе дѣятели, дѣйствующіе по указкѣ бѣглаго марксиста Струве въ затѣянной ими борьбѣ «общества» противъ Правительства съ цѣлью подчинить Правительство демократическому конституціонному режиму; всѣ эти «либеральные» представители высшей бюрократіи, ополчившіеся противъ сословнаго строя Россіи и противъ земледѣльческой, доселѣ такъ щедро питавшей

ее, промышленности, стремящіеся къ той же цѣли крушенія Россіи во имя демократическаго эгалитаризма и соціалистическихъ теорій Маркса; всѣ, наконецъ, эти «наставники юношества» въ среднихъ и высшихъ школахъ, поющіе дифирамбы французской революціи и съ злобнымъ хихиканьемъ издѣвающіеся надъ самобытнымъ строемъ Россійскаго Государства,—всѣ они,—повторяемъ, можетъ-быть и безсознательно,—являются пособниками все той же адской идеи.

Насколько эта идея уже считаетъ себя упрочившеюся въ Россіи, видно изъ того, что она начинаетъ выступать теперь съ большею откровенностью. Недавно воспитанники средне-учебныхъ заведеній были созваны на публичное чтеніе о масонахъ въ Россіи, въ которомъ дѣятельность масоновъ превозносилась до небесъ; а такъ какъ масоны были изгнаны изъ Россіи Русскимъ Правительствомъ, то юнымъ слушателямъ предоставлялось самимъ сдѣлать заключеніе о мнимой де «справедливости» и «просвѣтительной дѣятельности» нашего Правительства. Конечно, это только первые робкіе шаги возрожденія масонства въ Россіи, но тѣмъ съ большею энергіей слѣдуетъ возстать на первыхъ же порахъ противъ этого зла, пока оно еще не достигло тѣхъ ужасающихъ размѣровъ, отъ которыхъ гибнетъ союзная намъ Франція.

Въ какой связи съ походомъ масонской идеи противъ Россіи находятся направленныя противъ насъ иноземныя интриги, видно уже изъ того, что ими всецѣло руководитъ то государство, традиціонная политика котораго заключается въ покровительствѣ и въ поощреніи всѣхъ направленныхъ противъ Россіи враждебныхъ и революціонныхъ элементовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не будь Англіи, не было бы у насъ революціоннаго террора въ концѣ семидесятыхъ годовъ, не было бы революціонной пропаганды въ настоящее время, не было бы ни Македонскаго вопроса въ Европѣ, ни Русско-Японскаго столкновенія на Дальнемъ Востокѣ. Всѣ «имперіалистическія» стремленія современной Чемберлэновской агитаціи являются послѣдовательнымъ выраженіемъ той вѣковой политики Англіи, которая видитъ конечною своею цѣлью, какъ и всѣ остальные наши злѣйшіе враги — крушеніе могущества Православной, Самодержавной Россіи. Развѣ Японія могла бы когда-нибудь подумать о возможности бросать дерзкіе вызовы Россіи, если бы не побуждала ея къ этому та самая Англія, которая побуждаетъ Русскихъ анархистовъ къ ихъ преступной дѣятельности, давая имъ у себя пріютъ и намѣренно парализуя всѣ международныя мѣры, клонящіяся къ обузданію анархизма.

Такимъ образомъ, начало 1904 года застаетъ Россію во внутренней и внѣшней борьбѣ съ этою всесвѣтною язвой.

Человѣческій умъ не можетъ предвидѣть всѣхъ тѣхъ фазъ, чрезъ которыя пройдетъ эта борьба, и всѣхъ ея различныхъ перипетій. Одно лишь ясно для насъ, православныхъ Русскихъ людей: пока Русскій Царь и Русскій народъ будутъ дружно и крѣпко держаться глубокой вѣры въ Господа и въ установленную Имъ Православную Церковь,—Господь Россію не оставитъ, и если Онъ даже посѣтитъ насъ, за грѣхи наши, можетъ-быть, и тяжкимъ испытаніемъ, то приведетъ Россію, въ концѣ концовъ, лишь Ему вѣдомыми путями, ко спасенію, вящшей славѣ и побѣдѣ.

Порукой тому намъ служитъ истекшій годъ, ознаменованный великими чудесами Саровскаго молитвенника, даровавшаго исцѣленіе столькимъ страдальцамъ за ихъ искреннюю вѣру въ Господа. Да пошлетъ же Господь, по ходатайству Преподобнаго Серафима, такое же исцѣленіе отъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ недуговъ и Православной Россіи!

Мнимый недугъ Россіи.

Въ истекшемъ году у насъ дѣлались, какъ нашими подпольными, такъ и «легальными» революціонерами, всевозможныя попытки вызвать иллюзію о какой-то органической болѣзни русскаго государственнаго строя, которую будто бы необходимо устранить «конституціонною» операціей, несмотря на то, что эта операція такъ тяжело отозвалась на подвергшихся ей государствахъ Запада.

Борьба съ этою революціонною пропагандой приковывала къ себѣ въ теченіе истекшаго года серіозное вниманіе Правительства, повидимому рѣшившагося окончательно разсѣять вызванный этою пропагандой тяжелый кошмаръ, удручающій современную Россію.

Къ сожалѣнію, всѣ принятыя съ этою цѣлью мѣры могли пока носить лишь палліативный характеръ, такъ какъ лишь къ концу года Министерство Внутреннихъ Дѣлъ успѣло выработать цѣлый рядъ весьма существенныхъ преобразованій нашей мѣстной, административной, общественной и въ особенности сельской жизни, дошедшей до совершенно хаотическаго безпорядка, такъ что въ нашей доселѣ столь тихой провинціи явился какъ разъ наиболѣе широкій просторъ пагубной дѣятельности политическихъ злоумышленниковъ.

Предстоящая нынѣ крестьянская реформа, надо надѣяться, призоветъ нашу сельскую жизнь къ полному оздоровленію, если только эта реформа не будетъ испорчена тѣми вредными тенденціями, которыя продолжаютъ преобладать въ нѣкоторыхъ нашихъ *губернскихъ* земствахъ, существованіе которыхъ, рядомъ съ болѣе дѣльными и дѣловитыми *уѣздными* земствами, является совершенно непужнымъ пережиткомъ бывшаго у насъ въ шестидесятыхъ годахъ періода «бури и патиска».

Истекшій годъ съ особенною ясностью показалъ, что наши губернскія земства, за немногими исключеніями, видятъ свое призваніе не въ томъ, чтобы содѣйствовать Правительству къ упорядоченію нашей мѣстной жизни, а въ томъ, чтобы вести «идейную» антиправительственную политику, рука объ руку со злѣйшими врагами Россіи.

Но, какъ мы уже сказали, есть полное основаніе надѣяться, что земская неурядица доживаетъ свои послѣдніе дни, и что Правительство сумѣетъ, наконецъ, вооружиться должною разумною энергіей, чтобъ освободить населеніе отъ невыносимаго земскаго ига. Вся дѣятельность нашего Министерства Внутреннихъ Дѣлъ постепенно направляется къ этой желанной цѣли, и истекшій годъ нельзя, поэтому, назвать потеряннымъ для великаго дѣла возрожденія строгаго, плодотворнаго порядка въ нашей внутренней жизни.

Но не является ли этотъ годъ потеряннымъ въ дѣлѣ нашей учебной реформы?

Никто этого въ точности сказать не можетъ, такъ какъ никто ничего опредѣленнаго не знаетъ, насколько подвинулось давно уже предпринятое коренное преобразованіе нашихъ среднихъ и высшихъ школъ.

А между тѣмъ каждый годъ, каждый мѣсяцъ, переживаемый нашими злополучными школами въ теперешнемъ ихъ «переходномъ» состояніи,—когда порваны всѣ бывшія традиціи и загражденa всякая перспектива на будущій нормальный строй,—тяжко отзывается на ихъ современной жизни, въ кото-

рую теперь такъ легко стала проникать все та же революціонная пропаганда. Но это хаотическое состояніе нашихъ школъ еще тяжелѣе отзовется лѣтъ черезъ двадцать, тридцать на всей Россіи, когда нынѣшніе мимо-учащіеся въ гимназіяхъ и университетахъ молодые люди выступятъ на арену дѣйствительной жизни и будутъ руководить судьбами Россіи съ «основательнымъ незнаніемъ» серіозныхъ научныхъ данныхъ, съ полною непривычкой къ усердному плодотворному труду и съ совершеннымъ игнорированіемъ великихъ требованій долга.

Но, какъ мы уже сказали, никто этого въ точности предсказать не можетъ, а потому будемъ ожидать не худшаго, а лучшаго; будемъ надѣяться, что истекшій годъ не былъ безплоднымъ и въ этомъ отношеніи, и что Министерство Народнаго Просвѣщенія успѣло такъ же, какъ и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, выработать цѣлый рядъ зрѣло-обдуманныхъ реформъ, съ которыми оно выступитъ въ предстоящемъ году. Дай Богъ, чтобъ эти съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемыя реформы положили начало возстановленію порядка и серіозной научной работы въ нашихъ среднихъ и высшихъ школахъ,—работы, основанной на томъ религіозно-нравственномъ воспитаніи, на которое уже неоднократно указывалъ Государь Императоръ, какъ на первое необходимое условіе для должнаго преуспѣянія нашихъ школъ и для обезпеченія будущаго благосостоянія Россіи.

Не менѣе важнымъ условіемъ, содѣйствующимъ злонамѣренной пропагандѣ, является въ настоящее время и то неопредѣленное положеніе нашего фабричнаго рабочаго населенія, для котораго въ истекшемъ году выработаны и изданы были два закона: о фабричныхъ старостахъ и объ отвѣтственности хозяевъ за увѣчья рабочихъ.

Первый изъ этихъ законовъ основанъ на весьма разумныхъ соображеніяхъ и могъ бы быть весьма полезенъ, если бы былъ доведенъ до своего логическаго конца, давалъ бы возможность развиваться дѣятельности фабричныхъ старостъ безо всякихъ недоразумѣній и помогъ бы имъ приводить всѣ возникающіе въ фабричной жизни спорные вопросы до яснаго, окончательнаго и для всѣхъ обязательнаго разрѣшенія. Пока этотъ законъ не будетъ дополненъ учрежденіемъ особаго фабрично-ремесленнаго суда, онъ будетъ висѣть въ воздухѣ, вызывая весьма часто недоразумѣнія тамъ, гдѣ онъ могъ бы, при правильной своей постановкѣ, приносить лишь величайшую пользу.

Что касается закона объ увѣчьяхъ фабричныхъ рабочихъ, то онъ, какъ мы это неоднократно указывали, основанъ на совершенно ложномъ принципѣ и можетъ вносить въ фабричную жизнь лишь весьма нежелательное обостреніе спорныхъ вопросовъ, вызывая такой рѣзкій антагонизмъ между хозяевами и рабочими, какого до сихъ поръ на нашихъ фабрикахъ не существовало. Этотъ законъ, совершенно соотвѣтствующій соціалистическимъ стремленіямъ организовать «борьбу» между трудомъ и капиталомъ, явился у насъ вмѣсто давно ожидаемаго и единственно разумнаго закона о государственномъ страхованіи рабочихъ. Противъ изданія этого закона всегда ратовали какъ германскіе, такъ и наши марксисты.

А между тѣмъ, пока у насъ не будетъ изданъ этотъ послѣдній законъ, и пока, сверхъ того, фабричная инспекція не будетъ вполнѣ подчинена Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, въ видѣ спеціальной фабричной полиціи,—рабочій вопросъ будетъ у насъ находиться въ нерѣшенномъ положеніи, что, конечно, можетъ быть только на руку революціонной пропагандѣ.

Чтобы положить предѣлъ повсемѣстной дѣятельности этой пропаганды, необходимо, слѣдовательно, подчинить нашу мѣстную жизнь благоразумному энергическому контролю со стороны твердой, ясно и цѣлесообразно дѣйствующей Правительственной Власти; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо водворить строгій порядокъ и серіозную научную работу въ нашихъ среднихъ и высшихъ школахъ, обезпечить мирную трудовую жизнь на фабрикахъ путемъ государственнаго попеченія о благѣ рабочаго населенія, въ полномъ соотвѣтствіи съ законными интересами работодателей.

Такими именно мѣрами Правительство несомнѣнно совершенно разсѣетъ кошмаръ о мнимомъ «органическомъ недугѣ» нашего Отечества и лишитъ злонамѣренную пропаганду возможности дѣйствовать въ деревнѣ, земствѣ, фабрикѣ и школѣ.

Объявленіе войны.

Война объявлена...

Объ этомъ великомъ историческомъ событіи, знаменующемъ начало новой эры въ судьбахъ Россіи, Русскій Царь оповѣстилъ Своихъ вѣрныхъ подданныхъ торжественнымъ Манифестомъ, каждая строка котораго глубоко врѣзается въ сердце и память Русскихъ людей.

«*Въ заботахъ о сохраненіи дорогаго сердцу Нашему мира Нами были приложены всѣ усилія для упроченія спокойствія на Дальнемъ Востокѣ*».

Въ этихъ словахъ Русскаго Государя заключается вся исторія русской политики на Дальнемъ Востокѣ. Каждый шагъ, который дѣлала Россія на этой окраинѣ Азіятскаго материка, никогда не вызывался какимъ-либо корыстнымъ властолюбіемъ, а лишь миролюбіемъ и миротвореніемъ, этими характерными чертами Русскаго народа, идеальнымъ воплощеніемъ котораго является Богомъ избранный Верховный Вождь Россіи. Русскія войска вошли въ Маньчжурію для умиротворенія возникшаго въ ней боксерскаго мятежа; Русскія войска остаются въ Маньчжуріи для поддержанія въ ней мира и порядка, которому постоянно грозятъ разбойническіе отряды хунхузовъ. Такіе же безпорядки грозили и Кореѣ, и для предотвращенія ихъ Русское Правительство вошло въ переговоры съ правительствомъ Японіи, какъ объ этомъ возвѣщаетъ Высочайшій Манифестъ:

«*Въ сихъ миролюбивыхъ цѣляхъ Мы изъявили согласіе на предложенный Японскимъ правительствомъ пересмотръ существовавшихъ между обѣими Имперіями соглашеній по Корейскимъ дѣламъ*».

Приступивъ къ этому пересмотру, Императорское Русское Правительство рѣшилось строго держаться все той же миролюбивой политики, соглашаться на всѣ сколько-нибудь справедливыя требованія Японіи и не давать ей ни малѣйшаго повода видѣть въ какомъ-либо словѣ или дѣйствіи Россіи тотъ *casus belli*, котораго, какъ теперь оказывается, такъ алчно домогалось Токійское правительство.

Если бы Россія имѣла дѣло съ дѣйствительно цивилизованнымъ государствомъ, то осторожная, миролюбивая тактика ея Правительства можетъ-быть

и увѣнчалась бы успѣхомъ. Такимъ именно цивилизованнымъ государствомъ Японія всегда и всюду себя за послѣднее время выставляла и этимъ ввела въ заблужденіе Россію, которая теперь лишь ясно увидала, что она на самомъ дѣлѣ имѣла дѣло съ лживыми, коварными азіятскими варварами.

Почему Японія не захотѣла принять послѣдней миролюбивой ноты Россіи? А потому, что если бы эта нота была получена Японскимъ правительствомъ, то Японцы были бы лишены возможности немедленно начать военныя дѣйствія, ибо на миролюбивую уступку можно отвѣчать развѣ только новыми требованіями, но уже никакъ не пушечными выстрѣлами. Вотъ почему, какъ теперь оказывается, Японское правительство, узнавъ отъ своего представителя въ Петербургѣ о содержаніи отправленной въ Токіо русской ноты, поспѣшило порвать съ Россіей дипломатическіе переговоры, чтобы не получать этой ноты и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать вѣроломное нападеніе на нашу эскадру безо всякаго объявленія войны.

Такой поступокъ Японцевъ, противорѣчащій не только элементарнымъ требованіямъ международнаго права, но и простой порядочности, долженъ былъ, конечно, положить предѣлъ миролюбію Россіи. Политика ея сразу измѣнилась, какъ о томъ свидѣтельствуютъ слова Высочайшаго Манифеста:

«По полученіи донесенія намѣстника Нашего на Дальнемъ Востокѣ, Мы тотчасъ же повелѣли вооруженною силою отвѣтить на вызовъ Японіи».

Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія наши войска вступили въ грозный морской бой предъ Портъ-Артуромъ, кончившійся блестящею, при данныхъ условіяхъ, побѣдой Русскаго оружія: атака японскихъ броненосцевъ и крейсеровъ была отбита, приморскія батареи крѣпости и орудія нашей эскадры заставили прекратить огонь японскихъ судовъ, поспѣшно отошедшихъ къ югу съ потерей цѣлаго ряда потопленныхъ и поврежденныхъ нашими орудіями боевыхъ судовъ.

По всей вѣроятности, японская эскадра возобновитъ свою атаку, которая, однако, уже не будетъ имѣть тѣхъ шансовъ удачи, которые ей предоставляла на первый разъ та внезапная неожиданность, съ которою Японцы привели въ исполненіе свой коварный планъ, давшій имъ возможность, при первомъ набѣгѣ и случайномъ перевѣсѣ силъ, нанести поврежденія нѣкоторымъ судамъ нашей эскадры. Но доблестный нашъ флотъ, успѣвшій уже показать себя во всемъ своемъ блескѣ, безъ сомнѣнія, молодецки вознаградитъ насъ за нанесенный намъ вѣроломный ударъ и отмститъ дерзкому и коварному противнику за его вопіющій предательскій поступокъ. Одновременно двинется и наша сухопутная рать, эта славная, непобѣдимая сила наша въ борьбѣ съ полчищами Азіи.

Японцы намъ развязали руки. Для нашихъ войскъ уже не существуетъ болѣе ни дипломатическихъ, ни географическихъ ограниченій; они слѣдуютъ теперь лишь по намѣченнымъ для ихъ побѣды стратегическимъ путямъ, которые приведутъ ихъ туда, гдѣ Провидѣніе предуказало имъ поприще славы.

Отнынѣ съ Россійской мощи спали всѣ путы договоровъ и трактатовъ, задерживавшихъ ея развитіе на Дальнемъ Востокѣ.

Свободною грудью дышетъ Русскій Богатырь, вдохновляясь всею прошлою славой Россіи и помышляя о готовящейся ей еще высшей славѣ будущей. Онъ идетъ въ бой за благоденствіе и счастье грядущихъ поколѣній

Русскаго народа, за безмятежное царствованіе его будущихъ Верховныхъ Вождей, за торжество Православной Церкви надъ язычествомъ Востока.

Съ какимъ восторгомъ и умиленіемъ отвѣтитъ Русскій народъ на призывъ Русскаго Царя, разнесшійся нынѣ по всей необъятной Россіи и раздающійся всюду въ городахъ и селахъ, въ церквахъ, дворцахъ и крестьянскихъ хижинахъ:

«*Мы съ непоколебимою вѣрой въ помощь Всевышняго и въ твердомъ упованіи на единодушную готовность всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ стать вмѣстѣ съ нами на защиту Отечества, призываемъ благословеніе Божіе на доблестныя Наши войска арміи и флота*».

Да, Государь, мы всѣ сплотимся вокругъ Тебя! Веди насъ на защиту дорогой нашей Родины! Мы спокойно взираемъ на ниспосылаемыя намъ испытанія, уповая вмѣстѣ съ Тобой на благословеніе и милость Господа Бога, Который не оставитъ насъ въ нашемъ правомъ дѣлѣ и снова выведетъ насъ на поприще славнаго мира, столь дорогаго Твоему сердцу, съ которымъ сливается сердце и всей Россіи!

Тяжкій ударъ.

Господь посѣтилъ Россію тяжелымъ испытаніемъ.

Съ глубокою грустью прочтутъ всѣ Русскіе люди полученныя 31 марта съ Дальняго Востока прискорбныя телеграммы, каждое слово которыхъ наноситъ жестокій ударъ русскому сердцу.

Вотъ эта роковая вѣсть во всемъ ея ужасѣ:

Броненосецъ *Петропавловскъ* наскочилъ на мину, взорвался и опрокинулся. Среди погибшихъ съ броненосцемъ офицеровъ находится и адмиралъ Макаровъ, среди раненыхъ—Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ.

Уста нѣмѣютъ при чтеніи этихъ строкъ.

Да и что сказать въ дополненіе къ ихъ лаконическому краснорѣчію? Каждый изъ насъ понимаетъ безо всякихъ долгихъ объясненій всю тяжесть этой утраты, которую понесла наша Родина въ самомъ началѣ той великой борьбы, къ которой она готовится. Къ тому же мы не имѣемъ еще всѣхъ подробностей разразившейся надъ нами катастрофы, а потому должны пока воздержаться отъ всякихъ преждевременныхъ толкованій этого страшнаго событія.

Но каковы бы ни были его причины и сопровождавшія его обстоятельства,—для насъ одно должно быть непререкаемо яснымъ и нравственно обязательнымъ: — мы не должны падать духомъ предъ этимъ ударомъ, какъ бы тяжело онъ ни отражался въ глубинѣ нашего сердца, а напротивъ того, должны воспрянуть къ еще болѣе строгому, бодрому и неукоснительному исполненію своего долга!

Война требуетъ жертвъ и подчасъ мучительно-тяжкихъ жертвъ. Это мы знали, когда поднимали оружіе на защиту дорогой Родины противъ дерзкаго

нападенія непріятеля. Мы готовы были перенести всѣ испытанія, неизбѣжно связанныя съ измѣнчивыми перипетіями военной борьбы. А потому если первое тяжкое испытаніе насъ застало, можетъ быть, раньше, чѣмъ мы этого ожидали, то оно не должно насъ застать врасплохъ, не должно вызвать въ насъ растерянность и уныніе, которыя, вѣроятно, рисуются въ воображеніи нашихъ враговъ, мечтающихъ, можетъ быть, быстро воспользоваться ими для нанесенія намъ новаго удара.

Они ошибутся въ своемъ разсчетѣ. Подъ грозными ударами Русскій человѣкъ не теряется, не распускается, а лишь энергичнѣе собирается съ духомъ и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, отбрасываетъ шутки въ сторону, сосредоточиваетъ все свое бодрое, зоркое вниманіе на грозящей ему опасности и, быстро смекнувъ, выбираетъ наиболѣе пригодныя для отраженія ея средства.

Такъ будетъ и теперь. Вѣсть о страшной катастрофѣ облетитъ, какъ электрическая искра, наши доблестныя войска и все мирное населеніе Россіи, и всѣ станутъ съ новымъ усиленнымъ порывомъ на защиту дорогаго Отечества. Погибшихъ героевъ-мучениковъ замѣнятъ новые, живые герои, которые встрѣтятъ всякій напоръ враговъ теперь уже съ утроенною энергіей.

Вѣчная память и вѣчная слава этимъ дорогимъ нашимъ героямъ-мученикамъ, погибшимъ вокругъ любимаго своего вождя, адмирала Макарова!

Макаровъ! Какъ быстро сталъ онъ въ глазахъ всего Русскаго народа легендарнымъ богатыремъ, одушевившимъ однимъ своимъ прибытіемъ всѣхъ нашихъ моряковъ на Дальнемъ Востокѣ! Еще вчера мы читали, что онъ провелъ всю Свѣтлую ночь, «не раздѣваясь, на сторожевой лодкѣ», и восторгались его бдительностью, доходящею до самозабвенія ради блага Россіи.

А сегодня...

Какая невыразимо-острая, щемящая боль охватила сердца всѣхъ Русскихъ людей при страшной вѣсти о его кончинѣ! Всѣ набожно крестятся и возглашаютъ едиными устами: «царствіе небесное ему и доблестнымъ товарищамъ его, сложившимъ свою жизнь на вѣрной службѣ Царю и Отечеству»!

Отъ мертвыхъ мысль переходитъ къ раненымъ и прежде всего останавливается на юномъ отпрыскѣ нашего Царствующаго Дома, на Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Кириллѣ Владиміровичѣ, который, къ счастью, былъ спасенъ изъ разразившейся вокругъ него адской катастрофы, но потерпѣлъ при этомъ пораненіе, которое, по милости Божіей, тяжкой опасности не представляетъ.

Давно ли Москва провожала Августѣйшаго юнаго Воина, добровольно спѣшившаго на защиту Родины! А нынѣ мы уже видимъ его проливши мъ кровь въ ряду другихъ безконечно-дорогихъ намъ героевъ-мучениковъ, о которыхъ мы отъ глубины сердца возносимъ мольбы ко Господу Вседержителю. Да уготовитъ Онъ мирное упокоеніе усопшимъ и да даруетъ Онъ быстрое и благое исцѣленіе всѣмъ понесшимъ раны и увѣчья въ этомъ страшномъ испытаніи!

О живыхъ же и здравыхъ мы молимъ Бога въ томъ твердомъ упованіи, что Онъ не лишитъ ихъ Своего покрова и внушитъ имъ ту бодрую стойкость, съ которою, какъ мы уже сказали, Русскіе люди принимаютъ ниспосылаемые имъ тяжкіе удары.

Программа генерала Глазова.

«Мы, военные, привыкли имѣть дѣло съ людьми, которыхъ воспитываютъ въ идеѣ безпредѣльной преданности Царю и Отечеству, въ неуклонныхъ правилахъ дисциплины и порядка».

Съ такими, между прочимъ, словами обратился къ чинамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія генералъ В. Г. Глазовъ, вступая въ управленіе этимъ Министерствомъ.

Въ обыкновенное, нормальное время слова эти могли бы быть приняты за одну изъ тѣхъ общихъ фразъ, которыхъ не бываетъ чуждо и министерское краснорѣчіе. Но въ переживаемую нами критическую эпоху нашей злополучной школы слова генерала Глазова являются не банальнымъ общимъ мѣстомъ, а серіознымъ, нарочитымъ дѣломъ.

Желая ознакомить своихъ ближайшихъ сотрудниковъ со своими взглядами на будущую ихъ совмѣстную работу, В. Г. Глазовъ ставитъ на первое мѣсто воспитаніе юношества «въ идеѣ безпредѣльной преданности Царю и Отечеству, въ неуклонныхъ правилахъ дисциплины и порядка».

Всѣ истинные друзья нашей школы вздохнутъ свободно, услышавъ эти твердыя, разумныя слова, знаменующія конецъ того невообразимаго хаоса, въ которомъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ пребываютъ наши среднія и высшія научныя школы, ежегодно выпуская изъ своихъ стѣнъ дипломированныхъ невѣждъ, не подготовленныхъ ни къ общественной, ни къ государственной дѣятельности, привыкшихъ къ своеволію и безвластію, не умѣющихъ взяться ни за какое серіозное дѣло и вносящихъ съ собою всюду тотъ духъ недисциплинированности и безпорядка, среди которыхъ происходило въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ ихъ школьное «воспитаніе».

Боже Праведный, что это было за воспитаніе! Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Россія, никогда еще въ ея школахъ не бывало того изумительнаго явленія, что въ гимназіяхъ и университетахъ отмѣнены были старые уставы и не введено было новыхъ, такъ что приходилось пробавляться какими-то несуразными, противорѣчивыми временными мѣрами, въ которыхъ никто не могъ разобраться—ни начальствующія лица, ни подчиненныя, ни учащіе, ни учащіеся, ни школа, ни родители, ни Правительство, ни общество. Сердце обливается кровью, когда подумаешь, какимъ чудовищнымъ экспериментамъ подвергали въ школахъ нашихъ дѣтей, подрывая въ нихъ въ самомъ корнѣ и чувство долга, и повиновеніе закону, и взращенныя семьей чувства нравственности и порядочности. Никто не зналъ, кого слушаться, чѣмъ руководиться, кого уважать, къ чему стремиться и чего избѣгать. При такомъ анархическомъ положеніи нашихъ школъ можно ли удивляться, что въ стѣны ихъ стала проникать зловредная пропаганда, губя не только юношей, но даже и дѣтей?

Еще два года тому назадъ плачевное состояніе нашихъ школъ обратило на себя вниманіе Государя Императора, Который въ знаменательномъ Рескриптѣ Своемъ, отъ 10 іюня 1902 года, призналъ нужнымъ преподать Министерству Народнаго Просвѣщенія слѣдующія руководительныя указанія:

„Прежде всего подтверждаю Мое требованіе, чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялись воспитаніе его въ духѣ Вѣры, преданности Престолу и Отечеству и уваженія къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы, съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи, пріучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сроднившій религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиной и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволіе и самомнѣніе".

Съ тѣхъ поръ, какъ съ вершины Престола раздались эти золотыя слова, прошло два года, въ теченіе которыхъ Министерству,—по причинамъ, перечислять которыя здѣсь теперь не время,—не удалось найти средства, необходимыя для того, чтобы вывести наши школы изъ ихъ «временнаго» хаотическаго положенія.

А потому и въ настоящемъ году всѣ благомыслящіе родители съ ужасомъ помышляли о томъ, что и будущій 1904—5 академическій годъ застанетъ ихъ несчастныхъ дѣтей въ тѣхъ же школахъ умственнаго распутства, какими, къ сожалѣнію, стали наши гимназіи и университеты за послѣдніе годы своего существованія.

Слова генерала Глазова должны вполнѣ успокоить насъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ они находятся въ полномъ согласіи съ вышеприведенными Высочайшими указаніями. Если Государю Императору угодно было поручить управленіе столь дорогимъ Его любвеобильному сердцу дѣломъ такому испытанному въ исполненіи своего долга государственному мужу, какъ В. Г. Глазовъ, то это ясно свидѣтельствуетъ, что Государь нашелъ, наконецъ, въ немъ того человѣка, которому Онъ можетъ ввѣрить Русскую школу съ полнымъ упованіемъ, что она подъ его твердымъ, разумнымъ руководствомъ дѣйствительно станетъ школой дисциплины и порядка, разсадникомъ людей, воспитанныхъ въ духѣ Вѣры, преданныхъ Престолу и Отечеству, пріученныхъ къ серіозному труду и понимающихъ по собственному опыту высокое значеніе истиннаго религіозно-нравственнаго воспитанія, дабы служить его поборниками и въ своей семьѣ, и въ своей общественной и государственой дѣятельности.

Но порядокъ и дисциплина въ школѣ не мыслимы безъ серіознаго ученія. Школа есть прежде всего *училище* и лишь какъ училище можетъ она быть *воспитательнымъ* учрежденіемъ. Лишите школу серіознаго ученія,—и воспитаніе въ ней сдѣлается немыслимымъ, какъ мы видимъ это на примѣрѣ нашихъ школъ послѣднихъ трехъ лѣтъ. Пріучать къ исполненію своего долга, этого важнѣйшаго нравственнаго элемента, школа можетъ лишь въ томъ случаѣ, если она пріучаетъ своихъ питомцевъ къ точному и строгому исполненію ихъ учебныхъ обязанностей, которыя уже по одному этому не могутъ быть пустою забавой, а должны быть серіознымъ дѣломъ. Давать религіозно-нравственное воспитаніе школа можетъ опять-таки лишь въ томъ случаѣ, если въ ней царитъ не безшабашная праздность, которую совершенно вѣрно называютъ матерью всѣхъ пороковъ, а разумно организованная трудолюбивая

жизнь подъ руководствомъ религіозно-нравственныхъ наставниковъ — какъ воспитателей, такъ и преподавателей. Воспитывать безъ ученія можетъ только семья; школа же можетъ воспитывать лишь при правильно поставленномъ серіозномъ ученіи и посредствомъ этого ученія.

Вотъ почему невозможно будетъ водворить порядокъ и дисциплину и религіозно-нравственное воспитаніе въ нашу школу, пока въ ней будетъ отсутствовать серіозное, правильное ученіе. Вотъ почему, между прочимъ, не могъ водворить въ нашу школу порядокъ и дисциплину предшественникъ генерала Глазова, такъ какъ въ этой школѣ, вмѣсто ученія по прочно опредѣленной, строго обдуманной программѣ, царила праздная болтовня безъ всякой программы, такъ что ученики систематически отвыкали отъ какого бы то ни было серіознаго ученія, а слѣдовательно и отъ исполненія своихъ обязанностей, и отъ уваженія къ своимъ наставникамъ. Вотъ почему и генералу Глазову придется для возрожденія дисциплины и порядка въ нашихъ школахъ прежде всего водворить въ нихъ изгнанное изъ нихъ стѣнъ серіозное, плодотворное ученіе, какъ первое основаніе воспитательной дѣятельности каждой школы.

Но что же подразумѣвать подъ серіознымъ, плодотворнымъ ученіемъ?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо изучить исторію и систему высшаго и средняго образованія, какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ тѣхъ европейскихъ государствахъ, въ которыхъ оно лучше всего поставлено.

Этимъ изученіемъ, несомнѣнно, и займется прежде всего новый управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

Здравое, ясное, твердое слово.

Наши читатели прочли, вѣроятно, съ большимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ прекрасную рѣчь, произнесенную новымъ попечителемъ Оренбургскаго Учебнаго Округа при представленіи ему служащихъ въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ. (*М. В.* 1904 г., №№ 142—143).

Вотъ, наконецъ, среди хаотическаго тумана, въ которомъ пребываетъ наша злополучная школа, голосъ здравый, ясный и твердый. Нужно обладать не только глубокимъ знаніемъ дѣла, но и бодрымъ гражданскимъ мужествомъ, чтобы въ наше жалкое, либерально-космополитическое время выступить съ такою безусловно-откровенною консервативно-національною воспитательною программой. Какъ легко было Н. Ч. Заіончковскому разсыпаться предъ своими подчиненными въ банально-медоточивыхъ фразахъ, чтобъ угодить «и нашимъ, и вашимъ» и отпустить всѣхъ по домамъ въ полномъ недоумѣніи, чего же именно отъ нихъ требуютъ.

Новый Оренбургскій попечитель не поддался этому соблазну: онъ самъ по опыту знаетъ, въ какомъ невыносимомъ положеніи находятся подчиненные, не знающіе ясныхъ и точныхъ намѣреній и взглядовъ своего начальства.

Это тяжкое недоумѣніе, парализующее всякую бодрую и полезную инициативу, отражается самымъ пагубнымъ образомъ не только на учебно-воспитательномъ дѣлѣ, но и на всякомъ дѣлѣ,—государственномъ, общественномъ

или частномъ,—въ которомъ высшіе руководители трудятся вмѣстѣ съ зависящими отъ нихъ второстепенными дѣятелями.

Какъ часто приходится констатировать такое прискорбное явленіе: начальство жалуется на то, что оно не можетъ найти себѣ дѣльныхъ исполнителей его предначертаній, повторяя избитую фразу о томъ, что де «людей нѣтъ»; а между тѣмъ оно само виновато въ этомъ мнимомъ «безлюдіи», такъ какъ оно не высказываетъ съ ясною опредѣленностью ни своихъ взглядовъ, ни своихъ намѣреній и не даетъ «общаго тона» всей работѣ подчиненныхъ ему дѣятелей. Если само начальство не имѣетъ *le courage de ses opinions*, а пробавляется либо молчаніемъ, либо ничего не значащими банальностями, которыя можно понимать какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, то чего же ждать отъ подчиненныхъ ему лицъ, которыя рады были бы приложить всю свою опытность и энергію къ тому, что̀ требуется начальствомъ, но не могутъ этого сдѣлать, такъ какъ не знаютъ, чего именно начальство отъ нихъ требуетъ.

Вотъ почему Оренбургскій педагогическій персоналъ долженъ былъ вздохнуть свободно, услышавъ изъ устъ своего новаго попечителя не какія-либо избитыя прописныя истины, а категорически и ясно выраженныя требованія, вполнѣ согласованныя со столь же опредѣленно-выраженною Высочайшею Волей.

Воля эта была провозглашена два года тому назадъ, 10 іюня 1902 года, въ Высочайшемъ Рескриптѣ на имя министра Народнаго Просвѣщенія, съ такою изумительною простотой, послѣдовательностью и ясностью, что для всей Россіи является загадочнымъ, какимъ образомъ послѣ этого знаменательнаго документа, проникнутаго глубокою государственною и педагогическою мудростью, могъ еще существовать какой бы то ни было школьный вопросъ.

А между тѣмъ онъ существуетъ уже два года, и мы конца ему не предвидимъ; за это время возникло много различныхъ проектовъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ въ точности согласованъ съ выраженною 10 іюня 1902 года Высочайшею Волей, а потому всѣ эти проекты были мертворожденными созданіями педагогическихъ и иныхъ фантазеровъ, желавшихъ во что̀ бы то ни стало рѣшить школьный вопросъ не тѣмъ *единственно разумнымъ* путемъ, который указанъ въ вышеупомянутомъ Высочайшемъ Рескриптѣ, а непремѣнно иначе, подъ тѣмъ предлогомъ, что они, эти фантазеры, считаютъ Высочайшую Волю «неисполнимою» (!), выдавая себѣ этимъ признаніемъ краснорѣчивое *testimonium paupertatis*.

Въ самомъ дѣлѣ,—мы это еще разъ повторяемъ—Высочайшій Рескриптъ 10 іюня 1902 года является единственною путеводною звѣздой въ непроглядномъ мракѣ нашего школьнаго хаоса. Всѣ коренные вопросы ученія и воспитанія какъ въ различнаго рода среднихъ, такъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, рѣшены въ этомъ Рескриптѣ въ совершенно-ясномъ гармоническомъ сочетаніи. Въ этомъ сочетаніи ничего нельзя измѣнить, не извративъ всей намѣченной въ немъ глубоко обдуманной программы. Это — стройный организмъ, въ которомъ каждая часть обусловлена остальными частями и, въ свою очередь, ихъ обусловливаетъ. Осуществите *въ точности* все, что̀ сказано въ этомъ Рескриптѣ, и вся наша злополучная школа тотчасъ войдетъ въ твердыя нормы. Измѣните хоть частицу предначертанной Высочайшею Волей программы, — и вы еще только глубже опустите нашу школу въ то бездонное болото, въ которомъ она нынѣ такъ безпомощно гибнетъ.

Да, поистинѣ загадочно все, что творится въ нашей средней и высшей школѣ послѣ 10 іюня 1902 года! Самые ясные вопросы запутываются коммиссіями и комитетами, совѣщаніями и совѣтами, въ какіе то Гордіевы узлы, тщетно ждущіе своего Александра Македонскаго, — а сыновья наши за это время систематически отучаются отъ ученія, порядка и дисциплины, подвергаясь всевозможнымъ внѣшнимъ развращающимъ ихъ вліяніямъ.

«Наши недавно еще *учебныя* заведенія»,—совершенно основательно говоритъ И. Ч. Зіончковскій,—«обратились въ *неучебныя*, въ какія-то фабрики свидѣтельствъ, аттестатовъ, дипломовъ. Мы забыли, господа, что значитъ праздность для дѣтей и юношей; мы упустили изъ вида, что «природа не терпитъ пустоты»...

«И вотъ теперь мы пожинаемъ плоды своей слабости и забывчивости: въ школѣ водворилась *полная распущенность* ..

«На наше мѣсто пришли другіе, самозванные, учителя, разные «развиватели»; школьные предметы обученія замѣнились внѣшкольною пропагандой марксизма, соціализма, ницшеанства, босячества и практическими упражненіями въ хулиганствѣ.

«Получившіе у насъ свидѣтельства объ окончаніи средней школы, переходя изъ нея въ высшую крайне невѣжественными, безъ интереса къ ученію и любви къ наукѣ, не привыкшими къ труду и недисциплинированными, естественно не въ состояніи заинтересоваться наукой и воспринимать ее въ этой высшей школѣ. Имъ здѣсь не остается ничего дѣлать, какъ... забастовать, изыскивая для этого, конечно, всевозможные и самые невозможные предлоги.

«Молодые нѣжные организмы, особенно въ средней школѣ, не выдерживаютъ той атмосферы, въ которой живутъ. Здѣсь причина увеличивающагося числа самоубійствъ несчастныхъ юношей.

«Дальше, господа, въ этомъ направленіи идти уже некуда: передъ нами пропасть, куда есть не мало охотниковъ столкнуть насъ».

Какая глубокая, страшная правда въ этихъ ясныхъ, твердыхъ словахъ!

Они, конечно, относятся не къ одному только округу, въ которомъ они были произнесены. Новый Оренбургскій попечитель ясно указываетъ въ своей рѣчи, что онъ не имѣетъ въ виду исключительно Оренбургскія школы, съ которыми онъ еще не знакомъ, а даетъ характеристику того ужаснаго положенія, въ которомъ, благодаря нашей «либеральной» интеллигенціи и печати, извратившей благія намѣренія Высочайшей Воли, находятся, за немногими исключеніями, всѣ среднія и высшія учебныя заведенія Россіи.

Открытое констатированіе этого вопіющаго факта есть первый шагъ къ его устраненію.

Вся Россія давно уже съ нетерпѣніемъ ждетъ, чтобы твердая рука спасла ея школу, спасла находящихся въ этой школѣ дѣтей нашихъ. Громко возликовала вся Россія, когда, два года тому назадъ, путь къ этому спасенію былъ ясно указанъ Монаршею Волей, и мы всѣ ждали, что съ такою же ясностью и категоричностью высшее Учебное Начальство укажетъ намъ тѣ мѣры, которыя на этомъ пути спасутъ Русскую школу. Увы, ожиданія наши доселѣ были напрасны. Въ истекшіе два года школа еще болѣе приблизилась не къ своему спасенію, а къ своей гибели, а *такіе* два года въ жизни школы—громадное, страшное дѣло, въ особенности если имъ предшествовали такіе же два года разрушенія!

Спросите нашихъ преподавателей, воспитателей, директоровъ, попечителей: какова будетъ русская средняя и высшая школа съ будущаго учебнаго года? Они вамъ чистосердечно отвѣтятъ, что *они этого не знаютъ!* Еще менѣе, слѣдовательно, знаютъ это родители, которые вынуждены отдавать своихъ дѣтей въ *правительственныя* учебныя заведенія, помышляя со смертельнымъ ужасомъ о томъ, не отдаютъ ли они ихъ въ школы умственной, нравственной и политической анархіи.

Здраваго и мужественнаго слова ждутъ они, эти бѣдные родители, ждемъ мы всѣ Русскіе отъ новаго верховнаго руководителя нашими низшими, средними и высшими школами, отъ генерала В. Г. Глазова, которое успокоило бы насъ, давъ намъ ясное, категорическое указаніе, что отнынѣ школа наша вступитъ въ нормальныя условія строгой, разумной дисциплины, серіознаго, плодотворнаго труда и *дѣйствительнаго* религіозно-нравственнаго воспитанія. Мы лично не сомнѣваемся въ томъ, что таковы именно искреннія намѣренія новаго управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Но вся необъятная Россія этого не знаетъ. Во всѣхъ народныхъ школахъ, во всѣхъ гимназіяхъ и училищахъ, во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, всѣ взоры обращены на него въ трепетномъ ожиданіи, будетъ ли, наконецъ, осуществленъ Высочайшій Рескриптъ 10 іюня 1902 года? Этого ждутъ какъ враги, такъ и истинные друзья нашей школы, дабы затѣмъ дѣйствовать соотвѣтственно съ выраженною волей министра. Молчаніе и всякая неясность можетъ служить лишь на пользу врагамъ нашей школы, которымъ такъ желательно было бы снова отсрочить исполненіе Высочайшей Воли.

Мы возвращаемся къ основной нашей мысли: дѣло гибнетъ, если подчиненные не знаютъ, чего требуетъ отъ нихъ начальство; стóитъ только начальству ясно и категорически высказать свои требованія, и тотчасъ же его здравое, ясное, твердое слово соберетъ вокругъ него цѣлыя фаланги бодрыхъ дѣятелей, которые съ радостью будутъ ему содѣйствовать въ его трудахъ и этимъ обезпечатъ ихъ полный успѣхъ.

Гельсингфорсское злодѣяніе.

Сегодня (3 іюня 1904 г.) мы получили слѣдующую глубоко насъ поразившую телеграмму отъ генерала Е. В. Богдановича:

«Съ величайшею скорбью сообщаю вамъ, что сегодня въ часъ ночи скончался Николай Ивановичъ Бобриковъ. Такъ жестоко пресѣклась жизнь этого государственнаго дѣятеля, столь дорогая тѣмъ, кто зналъ его рыцарскую преданность долгу и его самоотверженное служеніе Царю и Русскому дѣлу».

Убитъ Николай Ивановичъ Бобриковъ!

Не на одномъ, стало-быть, Дальнемъ Востокѣ вѣрнымъ слугамъ Царя приходится жертвовать своею жизнью за благо дорогой Родины! Вездѣ, гдѣ существуютъ враги Россіи, они готовы броситься съ оружіемъ въ рукахъ на доблестныхъ борцовъ за честь ея и славу.

Внутренніе враги Россіи спѣшатъ подать руку внѣшнимъ ея врагамъ,

подчеркивая этимъ еще больше всю подлость своей измѣны. Ничего другого мы, впрочемъ, отъ нихъ и не ожидали.

Злодѣй, убившій генералъ-адютанта Бобрикова, явился несомнѣнно орудіемъ тѣхъ финляндскихъ крамольниковъ, которые давно уже ведутъ и тайную, и явную войну съ Императорскимъ Правительствомъ, переходя отъ одной формы борьбы къ другой; нынѣ они уже дошли до гнуснаго убійства изъ-за угла. Если бы въ ихъ рукахъ еще была упраздненная, слава Богу, «финляндская армія», то мы, конечно, были бы теперь свидѣтелями и иныхъ, еще болѣе кровавыхъ «манифестацій» финляндскихъ революціонеровъ.

Этихъ негодяевъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ кореннымъ населеніемъ нашей Финляндской окраины, которое какъ разъ въ настоящее тяжелое для Россіи время неоднократно уже заявляло свою привязанность къ Россіи, доказывая этимъ благіе результаты той твердой и разумной политики Императорскаго Правительства, главнымъ выразителемъ которой являлся въ краѣ генералъ Бобриковъ.

Пока мятежники еще надѣялись увлечь за собой весь Финскій народъ, они ограничивались «легальною» формой своей преступной пропаганды. Теперь, когда эта надежда для нихъ исчезла, и въ Финляндіи послѣ эпохи бурныхъ волненій началъ водворяться мирный порядокъ, когда ея населеніе съ негодованіемъ стало отворачиваться отъ подлыхъ подстрекателей, оцѣнивъ благія начинанія Императорскаго Правительства,—бунтари, очевидно, рѣшили перейти къ открытому злодѣйскому насилію, надѣясь имъ терроризовать какъ населеніе, такъ и Правительство.

Такова всегдашняя тактика нашихъ революціонеровъ, и она слишкомъ хорошо извѣстна Русскимъ Властямъ, чтобы она могла разсчитывать на какой-либо успѣхъ. Великая государственная польза той истинно русской политики, которую доселѣ примѣнялъ въ Финляндіи генералъ Бобриковъ, слишкомъ очевидна, чтобы можно было измѣнить ее подъ вліяніемъ револьверныхъ выстрѣловъ гнуснаго убійцы.

Къ тому же, уже не могутъ вернуться тѣ времена, когда финляндскіе сепаратисты издѣвались надъ Русскимъ Правительствомъ, подсовывая плохо освѣдомленнымъ его представителямъ подложные документы и вымаливая у нихъ посредствомъ эскамотажей различныя уступки, нарушавшія прямые интересы Россіи.

Теперь возможна въ Финляндіи *одна* лишь Русская политика, именно та политика, которую съ такою неизмѣнною доблестною твердостью осуществлялъ и отстаивалъ Николай Ивановичъ Бобриковъ.

Россія понесла въ его лицѣ тяжелую, почти невознаградимую утрату—не только потому, что онъ былъ образцовымъ окраинным генералъ-губернаторомъ, но и потому, что онъ былъ однимъ изъ столь рѣдкихъ въ настоящее время истинно-русскихъ государственныхъ дѣятелей, всецѣло и беззавѣтно отдающихъ себя служенію русской государственной идеѣ, высоко держащихъ знамя Россіи и не идущихъ ни на какіе компромиссы съ ея врагами. Это былъ поистинѣ доблестный русскій богатырь безъ страха и упрека, презиравшій дешевую популярность и дорожившій лишь мнѣніемъ своего Государя, Которому онъ всегда говорилъ всю правду, и только правду и волю Котораго онъ исполнялъ съ безусловною точностью и добросовѣстностью. Такой человѣкъ оказалъ бы Россіи неоцѣненныя услуги, на какой бы постъ ни былъ онъ призванъ довѣріемъ своего Царя.

Нынѣ онъ лежитъ въ гробу, пораженный пулей измѣнника-врага, и вся Россія оплакиваетъ въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ!

Конечно, шайка финляндскихъ бунтарей будетъ съ ликованіемъ привѣтствовать совершенное въ Гельсингфорсѣ гнусное злодѣяніе. Но коренное населеніе Финляндіи теперь еще болѣе отстранится отъ этой шайки, такъ что и въ этомъ отношеніи разсчеты террористовъ не оправдаются.

Финляндскій народъ всегда отличался спокойнымъ, разумнымъ характеромъ, и если его могли иногда сбивать съ толку хитроумные софизмы мѣстныхъ сепаратистовъ, то по пути кровавыхъ преступленій онъ за ними не пойдетъ, какъ бы о томъ ни старалась вся банда, собравшаяся вокругъ Лео Мехелина, этого злого генія Финляндіи, которому она обязана многими тяжкими невзгодами, въ томъ числѣ и памятнымъ отнынѣ злодѣйскимъ убійствомъ 3 іюня 1904 года.

Въ Николаѣ Ивановичѣ Бобриковѣ мы лично теряемъ стараго, испытаннаго друга. Тяжелымъ камнемъ ложится это горе на наше сердце, особенно въ настоящее суровое время грозныхъ испытаній, переживаемыхъ Россіей. Но что̀ значитъ горе одного человѣка въ сравненіи со скорбью всѣхъ истинно-русскихъ людей, которые, узнавъ о мученической кончинѣ такого государственнаго дѣятеля, какимъ былъ дорогой всѣмъ намъ усопшій, будутъ со слезами возносить молитвы ко Господу о мирномъ упокоеніи раба Божія Николая, живо̀тъ свой положившаго за Царя своего и за свою Родину...

Еще о клеветѣ г. Столыпина.

20 мая (1904 г.) г. А. Столыпинъ совершилъ тотъ возмутительный поступокъ, который отнынѣ останется неотдѣлимымъ отъ его имени, взведя въ редактируемыхъ имъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* гнусную клевету на всѣхъ Московскихъ финансистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на всѣхъ Москвичей въ томъ, будто они—«іуды» и государственные преступники, ссужающіе Японію деньгами, подписываясь на выпущенный ею военный заемъ.

21 мая Московское отдѣленіе Ліонскаго Кредита, въ которомъ таинственный корреспондентъ г. Столыпина почерпнулъ будто бы вышеуказанныя позорящія Москву свѣдѣнія, категорически изобличило г. Столыпина съ его корреспондентомъ въ безсовѣстной лжи.

22 мая мы потребовали «во имя правды, во имя закона и государственнаго интереса», немедленнаго офиціальнаго изобличенія возмутительнаго поступка г. Столыпина, тѣмъ болѣе, что онъ въ № 136 своей газеты повторилъ ту же клевету въ еще болѣе оскорбительной для Москвичей формѣ, тогда какъ цѣлый рядъ петербургскихъ и московскихъ газетъ, произведя своими частными средствами подробное разслѣдованіе даннаго вопроса, пришли къ единогласному заключенію, что обвиненіе, брошенное Москвичамъ г. Столыпинымъ, не только лишено всякаго основанія, но и отличается такою нелѣпостью, что произнести его могъ только полоумный человѣкъ.

22 мая г. Столыпинъ видя, что прижатъ къ стѣнѣ, заявилъ:

«Мое невѣріе было сломлено положеніемъ и личностью писавшаго, ко-

торый *недѣли черезъ двѣ* вернется въ Петербургъ и, надѣюсь, не откажется отъ своего имени подтвердить серіозное обвиненіе, направленное противъ московскихъ биржевиковъ или, въ случаѣ ошибки, разъяснить ее. Пока я не считаю себя въ правѣ обнаруживать личность моего корреспондента».

24 мая мы высказали увѣренность, что г. Столыпинъ, требуя двухнедѣльной отсрочки, дѣлаетъ это не для того, чтобы, какъ честный человѣкъ, сдержать данное имъ слово, а заранѣе разсчитываетъ увильнуть отъ исполненія своего обѣщанія, въ надеждѣ, что черезъ двѣ недѣли всѣ уже успѣютъ забыть о совершенномъ имъ гнусномъ поступкѣ.

26 мая г. Столыпинъ еще разъ торжественно повторилъ свое обѣщаніе:

«Во всякомъ случаѣ,— писалъ онъ,— на многочисленные запросы моихъ читателей могу заявить, что точка еще не поставлена на этомъ дѣлѣ, и *въ скоромъ времени* свиданіе съ лицомъ, поднявшимъ этотъ вопросъ, дастъ мнѣ возможность *выступить съ категорическими разъясненіями*».

Сегодня — 14 іюня. Прошли, слѣдовательно, не двѣ, а три недѣли, и **г. Столыпинъ своего слова не сдержалъ и ни съ какими «категорическими разъясненіями» не выступилъ.** Онъ, слѣдовательно, оказался не только клеветникомъ, но и человѣкомъ, слову котораго вѣрить нельзя.

Но этого мало.

Министерство Финансовъ произвело офиціальное дознаніе по вопросу, поднятому клеветой г. Столыпина, и получило отъ Московскаго Биржевого Комитета офиціальное заявленіе о томъ, что извѣстіе, сообщенное г. Столыпинымъ, «совершенно вымышлено». Въ офиціальномъ органѣ Министерства Финансовъ, въ *Торгово-Промышленной Газетѣ*, было напечатано объ этомъ офиціальное сообщеніе.

Вы думаете, что г. Столыпинъ, какъ честный человѣкъ, поспѣшилъ сообщить своимъ читателямъ этотъ офиціальный документъ? Нисколько. Онъ просто *замолчалъ* его, такъ что когда затѣмъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* за вышеупомянутыя статьи г. Столыпина подверглись цензурной карѣ, то читатели этой доблестной газеты, прикрывающейся двуглавымъ орломъ, должны были получить впечатлѣніе, что г. Столыпинъ «пострадалъ невинно за правду», являясь «жертвой грубаго произвола».

Такъ какъ г. Столыпинъ въ своей клеветѣ, весьма предусмотрительно, никого по имени не назвалъ, а обвинилъ въ государственной измѣнѣ *всѣхъ* Москвичей (вотъ его слова: *«не знаю, карается ли закономъ такая подлая, такая гнусная измѣна... Я знаю только то, что теперь страшно и жутко будетъ на всю жизнь подавать руку Москвичамъ... А вдругъ и та рука, какъ Іудина, принимала сребренники?»*),— то онъ этимъ фортелемъ и укрылся отъ судебнаго преслѣдованія. Люди этого сорта если дѣлаютъ гнусность, то дѣлаютъ ее артистически, до безнаказанности включительно.

Москва удовлетворена тѣмъ, что клевета г. Столыпина офиціально признана клеветой; государственный интересъ — тѣмъ, что газета г. Столыпина подверглась цензурной карѣ; а г. Столыпинъ—тѣмъ, что онъ только всенародно изобличенъ какъ гнусный клеветникъ, но отъ суда за свою клевету и отъ признанія въ ней—ловкимъ и циническимъ вольтомъ себя избавилъ.

Такъ и запишемъ.

Два слова г. Столыпину.

Недавно мы констатировали, что редакторъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, г. А. Столыпинъ, не сдержалъ даннаго имъ слова. Возведя возмутительную клевету на всѣхъ Москвичей, этотъ господинъ обязался *черезъ двѣ недѣли* представить «*категорическія разъясненія*» своего наглаго поступка, а затѣмъ онъ не только «категорическихъ», но и вообще *никакихъ разъясненій не представилъ*.

За это мы и пригвоздили его куда слѣдуетъ.

Теперь г. Столыпинъ говоритъ слѣдующее:

«Два слова *Московскимъ Вѣдомостямъ*: они опять выступаютъ противъ меня съ воплями негодованія, которые такъ сильны, что дѣланность (?) ихъ становится очевидною. Между прочимъ, они требуютъ (?) отъ меня продолженія полемики, которую, какъ имъ хорошо извѣстно, *я лишенъ возможности продолжать* *). Такое отсутствіе логики нисколько для этой газеты не удивительно». *(С.-Петербургскія Вѣдомости* 1904 г., № 163*)*.

Мы вовсе и не думали «требовать» отъ г. Столыпина «продолженія полемики», такъ какъ мы очень хорошо знаемъ, что онъ, не имѣя никакихъ доказательствъ, дѣйствительно «лишенъ возможности продолжать полемику». Въ этомъ смыслѣ—слова его равняются полному признанію своей виновности.

Но г. Столыпинъ, очевидно, желаетъ, чтобъ его словамъ былъ приданъ другой смыслъ, который далъ бы ему возможность играть роль «невиннаго страдальца за правду», лишеннаго де безчеловѣчною цензурой возможности «продолжать полемику».

Но это было бы уже клеветой на цензуру. Какъ извѣстно, министръ Внутреннихъ Дѣлъ «опредѣлилъ объявить дворянину Александру Столыпину второе предостереженіе» вовсе не за то, что сей дворянинъ говорилъ правду, а за то именно, что онъ *говорилъ неправду* и этимъ «напрасно тревожилъ общественное мнѣніе». А потому дворянину Александру Столыпину и впредь никто не запрещаетъ «продолжать полемику», *лишь бы только онъ не лгалъ*, а строго исполнялъ высокозавѣтныя слова «говорить правду и только правду».

Если у г. Столыпина есть хоть какія-нибудь правдивыя доказательства, пусть онъ не боится и покажетъ ихъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что у него *никакихъ доказательствъ нѣтъ*, и если онъ теперь придаетъ себѣ видъ, будто онъ могъ бы что-то сказать, да ему говорить не позволяютъ, то этой новой его лжи никто уже не повѣритъ, такъ какъ въ ней, дѣйствительно, «полное отсутствіе логики», которое развѣ только для г. Столыпина «не удивительно».

А въ такомъ случаѣ ему ужь лучше просто молчать безъ всякихъ жалкихъ гримасъ и комедій.

---

*) Курсивъ нашъ.

Царская помощь.

Страшная стихійная катастрофа, разразившаяся 16 іюня (1904 г.) надъ частью Москвы и Московскаго уѣзда, глубоко тронула любвеобильное сердце Русскаго Царя, неустанно пекущагося о всемъ народѣ Русскомъ, какъ отецъ о родныхъ своихъ дѣтяхъ.

Для пропзводства пособій бѣднѣйшимъ жителямъ, пострадавшимъ въ Москвѣ и въ нѣсколькихъ сельскихъ мѣстностяхъ отъ разрушительнаго циклона, Государю Императору благоугодно было пожаловать *сто тысячъ рублей*.

Эта Царская жертва и во всякое другое время исполнила бы сердца Москвичей и всего Русскаго народа чувствами глубокаго умиленія и вѣрноподданной благодарности, но въ настоящее тяжелое время, переживаемое Россіей, жертва эта получаетъ особенно-знаменательное значеніе.

Враги наши, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе, воображаютъ себѣ Россію чуть не «на краю гибели», вслѣдствіе какого-то будто бы «побѣдоноснаго шествія» Японцевъ, предъ коимъ Россія «трепещетъ», забывъ де о всѣхъ своихъ внутреннихъ нуждахъ и заботахъ, которыя будто бы для нея исчезли предъ грозящею ей съ Востока «военною катастрофой». Въ этой вымышленной картинѣ мнимой Русской «паники», рисующейся въ воображеніи нашихъ враговъ, весьма естественнымъ является и фантастическое представленіе о Русскомъ Царѣ, до того де поглощенномъ тревогой за исходъ нашей борьбы съ войсками микадо, что для Него становятся будто бы чуждыми всѣ радости и горести Русскаго народа, коль скоро онѣ не имѣютъ прямого отношенія къ Русско-Японской войнѣ!

Какъ мало они знаютъ сердце Русскаго Царя, и какъ глубоко ошибаются въ оцѣнкѣ той мѣры вниманія, которая удѣляется какъ Царемъ, такъ и Его народомъ, великимъ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ, важность которыхъ всѣмъ въ Россіи вполнѣ извѣстна, не возбуждая, однако, ни у кого какихъ-либо преувеличенныхъ тревогъ, не говоря уже о какомъ-либо «паническомъ страхѣ».

Мы всѣ знаемъ, и съ самаго начала знали, что первый періодъ войны по необходимости будетъ для насъ неудачнымъ, такъ какъ мы къ ней не готовились, а врагъ нашъ началъ ее вооруженный съ ногъ до головы. Но мы также твердо знали и знаемъ, что конечный періодъ этой, лишь въ началѣ неравной, борьбы не только будетъ для насъ побѣдоносенъ, но и закончится блестящимъ для насъ миромъ. Въ виду этого, наши матеріальныя потери у Порть-Артура, на Ялу, у Цзиньчжоу и Вафангоу могли насъ лишь опечалить, но не привести въ какое-либо уныніе, тѣмъ болѣе, что онѣ сторицей вознаграждались отрадными вѣстями о доблестныхъ подвигахъ нашихъ славныхъ войскъ. Мы все время оставались и остаемся съ невозмутимою, твердою надеждой на неминуемое торжество нашего праваго дѣла надъ японскимъ озлобленнымъ и коварнымъ фанатизмомъ. А потому у насъ ни на минуту не прекратилось правильное теченіе нашей внутренней жизни, съ ея обычными свѣтлыми и мрачными днями, которые настолько же отражаются на нашемъ душевномъ настроеніи, насколько они отражались бы на немъ среди глубокаго внѣшняго мира.

При такихъ условіяхъ, случайное стихійное бѣдствіе, такъ тяжко поразившее Московское населеніе, привлекло къ себѣ должное вниманіе всѣхъ Русскихъ людей и вызвало то высокое чувство христіанскаго сострадавія, которое подвигло сердце Царево на щедрую помощь несчастнымъ жертвамъ пронесшагося надъ Москвой урагана.

Но Москвичи увидятъ, сверхъ того, въ этомъ актѣ Царской милости не только новое доказательство той теплой любви, съ которою Государь всегда относится ко Своей Первопрестольной столицѣ, видавшей уже столько яркихъ тому доказательствъ,—но и великій примѣръ горячей отзывчивости къ страданію ближнихъ, который несомнѣнно побудитъ всѣхъ жителей Москвы принести обильныя жертвы своимъ ближайшимъ согражданамъ и сосѣдямъ, внезапно оставшимся, въ страшный день 16 іюня, безъ крова и лишившимся самаго необходимаго имущества.

Да благословитъ же Господь нашего Царя, всегда идущаго во главѣ Своего народа во всѣхъ дѣлахъ и сердца, и ума!

Чего хотятъ наши злодѣи?

Гнусное преступленіе 15 іюля (1904 г.) повергло въ глубокое горе всѣхъ истинно-Русскихъ людей, видѣвшихъ въ злодѣйски убитомъ Вячеславѣ Константиновичѣ Плеве непоколебимо твердаго и умудреннаго государственнымъ опытомъ совѣтника и беззавѣтно преданнаго слугу Русскаго Царя.

Но теперь не время предаваться неутѣшному горю. Россія должна мужественно встрѣтить нанесенный ей злодѣями ударъ и приготовиться къ тому, чтобы дать имъ должный отпоръ.

А для этого необходимо прежде всего уяснить себѣ, *чего хотятъ* эти изверги, на что они разсчитываютъ, занося свою преступную руку надъ такимъ именно государственнымъ дѣятелемъ, какимъ былъ столь трагически павшій на своемъ посту Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

Цѣль у нихъ, очевидно, была двоякая: во-первыхъ, они хотѣли избавиться отъ противника, охранявшаго Россію отъ ихъ преступной пагубной дѣятельности, а, во вторыхъ, они надѣялись ошеломить всю Россію, лишивъ ее столь выдающагося радѣтеля о ея благѣ, дабы вызвать въ ней такую поголовную растерянность, которою могли бы воспользоваться какъ ея внутренніе, такъ и ея внѣшніе враги.

Мы должны, слѣдовательно, распознавъ намѣренія нашихъ враговъ, употребить всѣ усилія, чтобы они не достигли ни той, ни другой цѣли.

Конечно, утрата, понесенная Россіей въ лицѣ В. К. Плеве, очень тяжела, но было бы ошибочно думать, что у Русскаго Царя не найдется столь же опытныхъ и вѣрныхъ слугъ, которые могли бы продолжать великое дѣло, начатое безвременно погибшимъ В. К. Плеве, въ томъ же духѣ и въ томъ же направленіи, въ какомъ онъ его велъ съ перваго же момента своего вступленія въ должность Финляндскаго статсъ-секретаря, а затѣмъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ—и до послѣдняго своего издыханія.

Этотъ истинно Русскій духъ и это разумное, твердое направленіе всѣмъ

намъ извѣстны, и всѣ мы съ радостію слѣдили за обширною дѣятельностью В. К. Плеве, которая съ каждымъ шагомъ становилась все яснѣе, опредѣленнѣе и плодотворнѣе, подготовляя цѣлый рядъ глубокихъ, зрѣло обдуманныхъ реформъ во всемъ внутреннемъ управленіи Россіи и принимая разумныя, цѣлесообразныя мѣры для энергической борьбы съ тѣмъ пагубнымъ внутреннимъ зломъ Россіи, которое, на голову разбитое послѣ 1 марта 1881 года, за послѣднее время снова ожило, въ надеждѣ по-прежнему терроризовать Русское Правительство и вынудить у него уступки революціонной пропагандѣ.

Надежды эти оказались тщетными, благодаря твердой, предусмотрительной политикѣ В. К. Плеве, который ясно далъ понять гнусной шайкѣ террористовъ и ихъ заграничнымъ сообщникамъ, что онъ не только ни на какія ожидаемыя ими уступки не пойдетъ, но, наоборотъ, заставитъ ихъ отступить предъ законными требованіями Правительства, ограждающаго мирный покой и порядокъ Государства.

Убѣдившись, что В. К. Плеве не поддается терроризаціи, негодяи рѣшили насильственнымъ его устраненіемъ терроризовать его преемника, кто бы онъ ни былъ. Но въ этомъ разсчетѣ они, несомнѣнно, снова ошибутся.

Въ самомъ дѣлѣ, нужно быть очень жалкаго мнѣнія о политикѣ Русскаго Императорскаго Правительства, чтобы предположить возможность, что кто-нибудь изъ высшихъ его представителей рѣшится въ настоящую минуту спустить Правительственный флагъ предъ шайкой гнусныхъ убійцъ и считать возможнымъ исполненіе хотя бы малѣйшаго изъ ихъ безумныхъ требованій. Если В. К. Плеве запечатлѣлъ своею мученическою смертью тѣ великія начала, которыя онъ положилъ въ основу своей дѣятельности, то его преемникъ тѣмъ болѣе сочтетъ своею священнѣйшею обязанностью идти по стопамъ этого праведника и ужъ, конечно, не вступитъ ни въ какіе компромиссы съ его убійцами.

Если бы политика В. К. Плеве не была опасна врагамъ Россіи, они его и пальцемъ не тронули бы; если же они накинулись на него со всею своею адскою злобой, то именно потому, что его политика оказалась самою цѣлесообразною для борьбы съ ихъ преступною дѣятельностью. Эта наиболѣе грозная для нихъ политика должна и впредь примѣняться къ нимъ,— еслибъ она даже потребовала новыхъ жертвъ со стороны Правительства,— до полнаго истребленія террористической шайки, какъ это было достигнуто вслѣдъ за 1881 годомъ.

На полѣ военной брани внезапная гибель начальника отряда немедленно возмѣщается новымъ начальникомъ, который съ тою же энергіей, какъ и его предшественникъ, продолжаетъ борьбу съ врагомъ, зная, что онъ борется за правое дѣло, и что если и ему придется сложить голову за родину, онъ найдетъ себѣ преемника, который немедленно поведетъ ту же борьбу въ томъ же духѣ и съ тою же энергіей, не давая себя «терроризовать» и не вступая съ врагомъ ни въ какіе компромиссы. Такъ же точно должно быть и на поприщѣ гражданской брани съ внутренними врагами Отечества, въ особенности если этими врагами являются гнусные убійцы, прибѣгающіе къ тѣмъ же орудіямъ кровавой расправы, какъ и ихъ союзники, внѣшніе враги Россіи.

Такимъ образомъ надеждамъ русскихъ революціонеровъ не суждено осуществиться. Послѣ совершеннаго ими 15 іюля возмутительнаго злодѣянія курсъ

русской политики относительно извѣстной либерально-революціонной программы не измѣнится, и ни г. Струве, ни его московскіе и орловскіе друзья, ни гг. террористы въ выигрышѣ не останутся.

Но должна потерпѣть осѣчку и вторая часть подлыхъ разсчетовъ этихъ гнусныхъ негодяевъ: если Правительство сохранитъ свое полное, твердое и достойное хладнокровіе, то и Русское общество не дастъ себя увлечь въ бездну смущеній, колебаній и панической растерянности.

Мы должны ясно знать и твердо помнить, что политика В. К. Плеве была не его личною прихотью, а зрѣло обдуманною государственною системой, безповоротно принятою Русскимъ Императорскимъ Правительствомъ и послѣдовательно проводимою имъ, независимо отъ личнаго характера тѣхъ или другихъ государственныхъ дѣятелей. Мы должны встрѣтить мученическую кончину В. К. Плеве какъ великую утрату для Россіи, но не какъ предвѣстіе какихъ-либо колебаній Правительства въ проведеніи своей государственной программы. А потому мы должны, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать Правительству въ его задачѣ охраненія Россіи отъ преступной пропаганды внутреннихъ враговъ Россіи, какими бы партійными кличками они ни прикрывались и на какихъ бы поприщахъ ни развивали они свою пагубную для Россіи дѣятельность. Потворствовать имъ въ чемъ бы то ни было — значило бы, при настоящихъ обстоятельствахъ, измѣннически предавать Родину злѣйшимъ ея врагамъ.

Наши «либералы» съ начала текущаго года упорно твердили, что «осенью» у насъ начнется «политическая весна», съ «земскимъ парламентомъ», «свободой печати», «свободой сходокъ» и прочими прелестями революціоннаго катихизиса. Мы недоумѣвали предъ этими смѣлыми пророчествами, такъ какъ отлично знали, что В. К. Плеве никогда на такой возмутительный вздоръ не согласится.

На наши категорическія опроверженія этихъ нелѣпыхъ предсказаній намъ отвѣчали двусмысленными улыбками и простымъ повтореніемъ сказаннаго.

Теперь всякія недоумѣнія исчезли. Основной смыслъ зловѣщихъ пророчествъ сталъ совершенно ясенъ: государственный переворотъ въ Россіи, очевидно, долженъ былъ произойти «осенью» не при содѣйствіи В. К. Плеве, а безъ него, по насильственномъ прекращеніи его дѣятельности...

Такимъ образомъ, первое условіе для осуществленія либерально-революціонныхъ пророчествъ уже имѣется налицо: но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ осуществились и дальнѣйшія условія.

Правда, мы нисколько не удивились бы, если бы намъ сообщили, что г. Струве уже укладываетъ свои чемоданы для того, чтобы безнаказанно снова пробраться въ Россію, и что въ редакціяхъ *Вѣстника Европы* и *Русскихъ Вѣдомостей* уже теперь заготовляютъ статьи для встрѣчи «осенней» эры всяческихъ «свободъ». Но эти дѣйствія свидѣтельствовали бы лишь о легкомысленной самоувѣренности нашихъ демагоговъ, предполагающихъ и въ Русскомъ Правительствѣ, и въ обществѣ столь же легкомысленное малодушіе. Русское общество отвернется теперь отъ нихъ съ тѣмъ бо́льшимъ негодованіемъ, что теперь уже ясно увидитъ, къ чему ведутъ тѣ поблажки, которыя оказывались «либеральной» пропагандѣ и въ печати, и въ школѣ, и въ земствѣ, и въ другихъ «общественныхъ организаціяхъ, въ которыхъ борьба съ Правительствомъ» сдѣлалась самымъ модньмъ спортомъ. Эта борьба за по-

слѣднее время обострилась и направилась почти исключительно противъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, съ тою, какъ оказалось теперь, цѣлью, чтобы подготовить общество къ катастрофѣ 15 іюля.

О, конечно, наши гг. «либералы» и «постепеновцы» будутъ отрекаться отъ всякаго сообщничества съ гнусными динамитчиками, совершившими эту катастрофу; но они несомнѣнно были съ ними заодно въ общей систематической враждѣ къ В. К. Плеве и въ несомнѣнномъ сочувствіи если не организаціи катастрофы, то ея результату. Вѣдь и въ военномъ боѣ не всѣ лица, принимающія въ немъ участіе, обнажаютъ мечъ и выпускаютъ убійственные снаряды: есть много подготовителей и руководителей боя, которые, по существу своего положенія и своей роли, даже не могутъ никого ни ранить, ни убить; но всѣ они въ одинаковой степени сочувствуютъ общей цѣли боя и вполнѣ между собою солидарны, при всемъ разнообразіи своихъ дѣйствій. Въ такомъ же смыслѣ солидарны между собой и наши «либералы», и наши «террористы», дружно стремясь, хотя и разными путями, къ одной общей цѣли — къ борьбѣ противъ Самодержавной Власти Русскаго Царя.

Эту несомнѣнную солидарность Русское общество никогда не должно упускать изъ виду, помня, что нашъ «либералъ», ополчающійся противъ Самодержавія, тѣмъ самымъ влагаетъ револьверъ, кинжалъ или динамитную бомбу въ руки «террориста».

Мы, слѣдовательно, знаемъ, *чего хотятъ* всѣ эти злодѣи, и должны быть готовы во всеоружіи встрѣтить дружнымъ отпоромъ ихъ пагубную дѣятельность, въ какомъ бы «легальномъ» или «подпольномъ» видѣ она ни проявлялась въ своей борьбѣ противъ Царя и Россіи.

М. Н. Катковъ и современный кризисъ.

Ни разу еще, со времени кончины незабвеннаго Михаила Никифоровича, намъ не приходилось, въ ежегодныхъ, посвященныхъ его памяти, статьяхъ нашихъ, вызывать его великую тѣнь при такомъ внѣшнемъ и внутреннемъ кризисѣ, какой нынѣ переживаетъ Россія.

Тѣ же враги нашей Родины, съ которыми ему приходилось вести такую тяжкую борьбу въ теченіе всего своего доблестнаго служенія Царю и Отечеству на поприщѣ печатнаго слова, — всѣ они теперь снова ополчились съ адскою злобой на Россію, стараясь тѣмъ или другимъ способомъ подорвать могущество ея исполинскаго организма.

Да, это все тѣ же враги, которые въ свое время дѣйствовали заодно съ Турціей и съ нашими «нигилистами», а теперь дѣйствуютъ заодно съ Японіей и съ негодяями, которые смѣнили «нигилистовъ» на поприщѣ гнуснѣйшихъ злодѣяній. Прочтите пламенныя статьи М. Н. Каткова въ концѣ семидесятыхъ годовъ о роли Англіи въ тогдашнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ смутахъ, удручавшихъ Россію, и вы подумаете, что онѣ написаны вчера или сегодня. Такъ вѣрно понималъ Катковъ истинную сущность вещей, такъ ясно видѣлъ онъ и настоящую, и грядущую судьбу Россіи.

Но если теперешнее общее положеніе Россіи напоминаетъ собой то,

которому мы были свидѣтелями четверть вѣка тому назадъ, то причины, вызвавшія это положеніе, не совсѣмъ одинаковы.

Въ то время національно-государственная политика Россіи еще на практикѣ не примѣнялась; ея могучія, теоретическія основы еще только выковывались на столбцахъ *Московскихъ Вѣдомостей* великимъ патріотомъ, черпавшимъ, въ подтвержденіе своего ученія, краснорѣчивые примѣры изъ окружавшей его государственной жизни, шедшей наперекоръ провозглашеннымъ имъ вѣчнымъ, національнымъ истинамъ. Потрясающая катастрофа 1 марта открыла всѣмъ глаза; всѣ поняли глубокую основательность тѣхъ убѣжденій, которыя съ такою неутомимостью высказывалъ М. Н. Катковъ въ своихъ статьяхъ, написанныхъ кровью его сердца, изстрадавшагося тяжкими недугами Россіи. Государственное ученіе Каткова было признано истинно-русскимъ, единственно-спасительнымъ, и стало примѣняться на практикѣ государственной жизни. Всѣ помнятъ благодѣтельное царствованіе Царя-Миротворца, положившаго начало національному возрожденію Россіи. Сразу утихли какъ внѣшніе, такъ и внутренніе ея враги, и государство, казавшееся уже на краю гибели, сразу оказалось на вершинѣ своего могущества.

Это столь внезапно окрѣпшее явное могущество Россіи, сперва ошеломившее ея враговъ, вызвало въ нихъ затѣмъ опасеніе, что могущество это займетъ такое незыблемое міровое положеніе, которое поставитъ окончательный предѣлъ всѣмъ хищническимъ вожделѣніямъ ея соперниковъ. Вотъ почему они рѣшили соединенными силами сразу пустить въ ходъ всѣ средства, примѣненныя ими двадцать лѣтъ тому назадъ—и внѣшнюю войну, и внутреннюю смуту, и революціонную пропаганду, и гнусныя убійства.

Но если въ то время они пользовались тѣмъ, что у Правительства не было ясной, опредѣленной національной программы, и наводили на него терроръ какъ внѣшними, такъ и внутренними махинаціями, то теперь они имѣютъ дѣло съ Правительствомъ, глубоко-проникнутымъ правотой усвоенныхъ имъ національныхъ идеаловъ. Тѣ основы русской государственной политики, которыя въ то время исповѣдывались лишь Катковымъ и его ближайшими друзьями, нынѣ составляютъ самую завѣтную часть политическаго катехизиса людей, стоящихъ у кормила государства и черпающихъ въ своемъ національномъ самосознаніи ту духовную силу, которая не только предохраняетъ ихъ отъ какой-либо внѣшней «терроризаціи», но и внушаетъ имъ рѣшимость тѣмъ строже относиться къ исполненію своего долга, чѣмъ отчаяннѣе натискъ непріятеля.

Намъ припоминаются слова, сказанныя М. Н. Катковымъ по поводу «террора» семидесятыхъ годовъ:

«Террора, — говорилъ онъ, — боятся только трусы; такъ же, какъ одни лишь трусы боятся шантажа. Терроръ и шантажъ, въ сущности, одно и то же, съ тою лишь разницей, что первый старается запугать правительство, а второй—отдѣльнаго человѣка. Уступите въ чемъ-нибудь шантажисту,—и вы пропали, вы отдали себя въ руки безсовѣстному негодяю. Точно такъ же погубитъ себя и правительство, а вмѣстѣ съ собой и все государство, коль скоро оно хоть въ чемъ-нибудь уступитъ требованіямъ террористовъ. Террористамъ вовсе не нужна смерть того или другаго губернатора или министра: имъ только нужно, чтобы *правительство смутилось* предъ цѣлымъ рядомъ убійствъ, и *чтобы общество замѣтило это смущеніе.* Общество является свидѣтелемъ борьбы, происходящей между могущественнѣйшимъ правительствомъ

и ничтожнѣйшею кучкой отчаянныхъ негодяевъ, дѣлать уступки которымъ можно лишь покрывая себя несмываемымъ позоромъ предъ своею страной и предъ всею вселенной».

А между тѣмъ вы можете услышать теперь мнѣніе иныхъ мудрецовъ, совѣтующихъ Правительству «бросить этимъ господамъ какую-нибудь погремушку, чтобъ они перестали бросать свои бомбы» (текстуально!). А другіе совѣтуютъ «теперь, по крайней мѣрѣ во время войны, жить по возможности въ ладу съ нашими либералами и не раздражать нашихъ революціонеровъ».

Какимъ негодованіемъ воспылалъ бы М. Н. Катковъ при такомъ постыдномъ малодушіи! Но и всѣ современные намъ истинно-Русскіе люди возмутятся такими совѣтами.

Начать съ того, что эти «господа» никакими «погремушками» не удовольствуются. Они стремятся къ коренному государственному перевороту, въ которомъ провалилась бы раздробленная Россія, и всѣ подачки, которыя стало бы дѣлать имъ Правительство, разожгли бы въ нихъ еще болѣе хищническіе аппетиты и исполнили бы ихъ еще болѣе самонадѣянною дерзостью.

А затѣмъ, что̀ значитъ «жить въ ладу съ нашими либералами»?

Не препятствовать ихъ антиправительственной пропагандѣ? Отдать имъ на безнаказанное политическое развращеніе нашъ народъ и наше юношество?

Что̀ значитъ «не раздражать нашихъ революціонеровъ»?

Предоставить имъ возможность устраивать бунты и мятежи, гдѣ и какъ имъ заблагоразсудится, а высылаемыхъ ими на убійства негодяевъ прощать, миловать, а можетъ-быть и награждать?

Такое безуміе не было мыслимо даже въ то время, когда наши великіе національные завѣты лишь записывались на скрижаляхъ М. Н. Катковымъ въ назиданіе современникамъ и потомству; нынѣ же подобное безуміе стало совершенно невозможнымъ, когда эти завѣты вошли въ плоть и кровь какъ всего истинно-Русскаго общества, такъ и Русскаго Правительства.

Всемилостивѣйшій Манифестъ.

Любвеобильное сердце Русскаго Царя, обрадованное рожденіемъ давно желаннаго Первенца, пожелало пріобщить къ Своей радости и сердца Своихъ вѣрноподданныхъ. Желаніе это, несомнѣнно, усугубилось подъ вліяніемъ общихъ чувствъ любви къ дорогому Отечеству, сплотившихъ воедино Русскаго Царя и Русскій народъ въ «переживаемую нынѣ годину испытаній», которая, по словамъ только-что объявленнаго Высочайшаго Манифеста, не только «вызвала напряженіе силъ народныхъ, но и явила предъ лицомъ всего міра высокіе примѣры непоколебимой доблести и беззавѣтной любви къ Родинѣ». Въ такое именно время Государю «особенно отрадно» было «прійти на помощь вѣрнымъ Его подданнымъ облегченіемъ ихъ неотложныхъ нуждъ».

А какая нужда можетъ быть неотложнѣе въ настоящее именно время, какъ обезпеченіе семей нашихъ доблестныхъ воиновъ, проливающихъ нынѣ свою кровь за Царя и Отечество? Они въ своихъ мысляхъ уже отрѣшились

отъ всякихъ мірскихъ заботъ, посвятивъ самое высшее достояніе человѣка, свою жизнь, святому дѣлу обороны родной страны; они ввѣрили свою судьбу Господу Богу и безропотно несутъ всѣ тяжести военной брани, обративъ помыслы свои лишь къ тому, чтобъ одержать верхъ надъ дерзкимъ врагомъ, ополчившимся на Русь Святую.

Но доселѣ ихъ не могла не тревожить забота объ оставленныхъ ими семьяхъ, о дѣтяхъ, которыя останутся безъ отца, безъ покровителя и воспитателя, а въ большинствѣ случаевъ — и безъ средствъ къ воспитанію и обученію.

Забота эта нынѣ снята съ доблестныхъ нашихъ героевъ: заботу эту береть на Себя Самъ Государь.

Вотъ Его милостивыя слова, которыя вызовутъ слезы умиленія какъ у нашихъ воиновъ на Дальнемъ Востокѣ, такъ и въ семьяхъ ихъ, оставшихся вокругъ домашняго очага и съ душевнымъ трепетомъ слѣдящихъ за перипетіями кровавой войны:

„Пріемля близко къ сердцу участь осиротѣвшихъ дѣтей офицеровъ и нижнихъ чиновъ, запечатлѣвшихъ кровью на далекой окраинѣ пламенную преданность ихъ Россіи, Мы священною обязанностью Своею почитаемъ всемѣрно озаботиться изысканіемъ способовъ надлежащаго призрѣнія и воспитанія этихъ дѣтей.“

А посему Государь повелѣваетъ:

„Принять на Государственное Казначейство расходы по воспитанію и обезпеченію судьбы осиротѣвшихъ дѣтей офицерскихъ и нижнихъ чиновъ, умершихъ отъ ранъ и болѣзней въ войну съ Японіей.“

Какою благодарностью забьются сердца вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ нашихъ воиновъ, положившихъ на полѣ брани животъ свой за други своя! Въ недалекомъ будущемъ явится цѣлое поколѣніе Русскихъ людей, одушевленныхъ высшимъ чувствомъ патріотизма, какъ по вѣчной священной памяти о павшемъ за Родину отцѣ, такъ и по чувству преданности Государю, Который заступилъ имъ мѣсто отца, давъ имъ безвозмездно воспитаніе и обезпечивъ ихъ дальнѣйшую судьбу. Да послужитъ патріотизмъ этихъ усыновленныхъ Царемъ дѣтей Русскаго народа благимъ примѣромъ и всему остальному населенію Россіи, укрѣпляя его въ пламенной любви и въ беззавѣтной преданности Самодержавному Отцу Россіи.

Постоянное попеченіе Государя о нашемъ крестьянскомъ населеніи неоднократно уже проявлялось въ цѣломъ рядѣ мѣръ, клонившихся къ матеріальному его обезпеченію. Нынѣ населеніе это осчастливливается новою Царскою милостью, выразившеюся въ слѣдующихъ словахъ Высочайшаго Манифеста:

„Желая нерушимо закрѣпить достигнутую правильность податного строя. Мы, хотя и съ ущербомъ для Казны, остано-

вились на рѣшеніи совершенно сложить всѣ накопившіяся съ теченіемъ времени на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ недоимки въ выкупныхъ, земскихъ и другихъ окладныхъ сборахъ."

Одновременно съ симъ Государь Императоръ призналъ за благо повелѣть отмѣнить для сельскихъ обывателей и инородцевъ примѣняемыя къ нимъ по закону волостными судами и инородческими управленіями тѣлесныя наказанія.

Въ виду этого, Высочайшій Манифестъ выражаетъ слѣдующую надежду:

„Да послужитъ сіе къ вящшему укрѣпленію въ средѣ народной добрыхъ нравовъ и уваженія къ законнымъ правамъ каждаго."

Крестьянское населеніе, безъ сомнѣнія, по достоинству оцѣнитъ эти дарованныя ему Высочайшія милости и оправдаетъ возлагаемую на него надежду. Оно найдетъ въ необходимомъ дѣлѣ укрѣпленія въ своей средѣ «добрыхъ нравовъ» искренно-благожелательную помощь и въ сельскомъ духовенствѣ, и въ тѣхъ представителяхъ русскаго дворянства, которымъ Государь ввѣрилъ ближайшее попеченіе о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи крестьянъ.

Государь надѣется, что крестьянское населеніе отнынѣ укрѣпится въ «уваженіи къ законнымъ правамъ каждаго». Къ той же цѣли стремятся и мѣры государственнаго благоустроенія, предуказанныя въ Высочайшемъ Манифестѣ 26 февраля 1903 года, въ особенности та обширная реформа крестьянской правовой жизни, которая предпринята была покойнымъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и которая, несомнѣнно, будетъ осуществлена его преемникомъ. Предположенное въ этой реформѣ преобразованіе крестьянскаго волостного суда сумѣетъ создать тотъ порядокъ въ нашей сельской жизни, въ которомъ она доселѣ такъ нуждалась, и который твердо обезпечитъ новыми законными гарантіями, взамѣнъ нынѣ упраздняемыхъ, законныя права каждаго сельскаго жителя, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ.

По завѣту Предковъ Своихъ, Государь въ столь торжественный для Россіи день соблаговолилъ явить милость и всѣмъ особенно въ ней нуждающимся, какъ тѣмъ, которые, по бѣдности и временнымъ нуждамъ, оказались неисправными въ разныхъ платежахъ, такъ и тѣмъ, «кои, преступивъ велѣнія закона, искупили уже отчасти свою вину или, по другимъ обстоятельствамъ, заслуживаютъ снисхожденія».

Всѣ эти несчастные возблагодарятъ Бога и Царя за оказанныя имъ милости. Весь же народъ Русскій вознесетъ пламенныя молитвы о дарованіи счастія и долгоденствія обожаемому Монарху, столь близко принимающему къ Своему сердцу всѣ нужды «ввѣренной Ему Промысломъ великой семьи Русскаго народа».

Новый министръ.

Крупный пробѣлъ, образовавшійся во внутреннемъ управленіи Россіи со дня трагической кончины Вячеслава Константиновича Плеве, нынѣ восполненъ.

Государю Императору благоугодно было призвать на постъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ князя Петра Дмитріевича Святополкъ-Мирскаго.

Высочайшій выборъ, павшій, послѣ полуторамѣсячнаго выжиданія, на князя Петра Дмитріевича, уже этимъ самымъ характеризуется какъ результатъ глубокаго и тщательнаго размышленія, вызваннаго тою чрезвычайною важностью, какою въ настоящій историческій моментъ отличается постъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Россіи.

Россія,— мы не можемъ скрывать отъ себя этого очевиднаго факта,— переживаетъ въ настоящее время тяжелый внѣшній и внутренній кризисъ. Кризисъ этотъ, правда, не вызванъ какими-либо коренными недугами ея государственнаго организма, а лишь навѣянъ болѣзненнымъ самовнушеніемъ и ложными разрушительными бреднями нашего общества, подчинившими своему пагубному вліянію даже нѣкоторыя сферы нашей высшей бюрократіи. Но если этотъ кризисъ и легко устранимъ твердою и разумной волей Правительства, то, тѣмъ не менѣе, онъ очень серіозенъ и даже опасенъ, и устраненіе его требуетъ большой энергіи и громаднаго запаса благоразумной осмотрительности.

Если *внѣшніе* враги наши такъ ловко и жестоко сумѣли воспользоваться нашимъ безоружнымъ миролюбіемъ, то лишь потому, что это миролюбіе было вызвано овладѣвшими нашимъ обществомъ безсмысленными утопіями о какомъ-то вѣчномъ разоруженномъ «братствѣ народовъ»; а если наши *внутренніе* враги въ подпольныхъ типографіяхъ, въ разныхъ общественныхъ организаціяхъ, въ школѣ, въ печати и на улицѣ, съ бомбами въ рукахъ, такъ высоко подняли голову, идя на приступъ нашего внутренняго Портъ-Артура, то это возможно лишь потому, что они сбиваютъ съ толку и общество, и извѣстную часть правящихъ сферъ, совершенно ложными теоріями о необходимости устранить самые надежные устои Русскаго Государства—Самодержавіе его Царей, Православіе его Церкви и національное самосознаніе его народа.

Но мы еще разъ повторяемъ: какъ бы ни были нелѣпы эти утопіи, какъ бы ни были ложны теоріи, вызвавшія наше общественное безуміе, мы не можемъ ихъ игнорировать; мы должны съ ними бороться, мы должны лѣчить наше общество, освобождая его отъ безумія и возвращая ему ясность мысли, трезвость взгляда на государственную и національную сущность Россіи. Борьба эта не легка, и лѣченіе это можетъ быть произведено лишь опытною, искусною рукой вдумчиваго цѣлителя общественныхъ недуговъ.

Къ такому именно государственному врачеванію и призванъ нынѣ князь П. Д. Святополкъ-Мирскій.

Продолжительное и разнообразное служеніе на высокихъ военныхъ и гражданскихъ постахъ дало ему, безъ сомнѣнія, большой запасъ государственной опытности, соединенной съ тонкимъ умомъ, съ глубокимъ чувствомъ справедливости, съ большимъ природнымъ тактомъ и безукоризненно-рыцар-

ским характером. Мы уже не говорим объ его беззавѣтной преданности своему Государю, нынѣ почтившему его безупречную службу такимъ высокимъ знакомъ Своего довѣрія.

Всѣ истинно-Русскіе люди увѣрены въ томъ, что князь Святополкъ-Мирскій сумѣетъ оправдать это довѣріе, съ какими бы трудностями и опасностями ему ни пришлось бороться на открывающемся предъ нимъ новомъ поприщѣ.

Князь Петръ Дмитріевичъ застанетъ въ своемъ обширномъ вѣдомствѣ много начатыхъ и лишь намѣченныхъ реформъ, предпринятыхъ его предшественникомъ, имѣвшимъ въ виду реорганизовать или, вѣрнѣе, упорядочить все внутреннее управленіе Россійскаго Государства. Подробности этого упорядоченія могутъ быть различны, смотря по личному опыту и убѣжденію главнаго руководителя нашей внутренней политики; но въ крайней необходимости упорядоченія всей административной организаціи Россіи едва ли можетъ быть сомнѣніе, при томъ однако условіи, чтобъ оно было произведено въ духѣ истиннаго принципа Царскаго неограниченнаго Самодержавія.

А что этотъ принципъ будетъ сохраненъ въ своей нерушимости, мы можемъ быть покойны, пока на посту министра Внутреннихъ Дѣлъ будетъ стоять князь Святополкъ-Мирскій.

Рѣчь министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Князь П. Д. Святополкъ-Мирскій, принимая 16 сентября (1904 г.) личный составъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, произнесъ краткую, но весьма знаменательную рѣчь, изложившую главныя основанія предстоящей его дѣятельности и разъяснившую нѣкоторыя недоразумѣнія, вызванныя въ извѣстной части нашего общества разными тенденціозными слухами о будущей политикѣ новаго министра.

Чтобы положить конецъ этимъ слухамъ, князь Святополкъ-Мирскій прежде всего счелъ «своимъ долгомъ заявить, что въ основу направленія ввѣреннаго ему Министерства имъ будутъ положены начала, провозглашенныя съ высоты Престола Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ 26 февраля 1903 года».

Это, какъ извѣстно, тѣ самыя начала, которыя лежали въ основаніи дѣятельности предыдущаго министра, приступившаго уже къ практическому осуществленію многихъ мѣропріятій, указанныхъ Государемъ Императоромъ въ Манифестѣ 26 февраля 1903 года, и подготовившаго осуществленіе остальныхъ предначертаній Высочайшей Воли, которыми такъ богатъ этотъ высокознаменательный Манифестъ.

Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи всѣ благомыслящіе Русскіе люди могутъ быть покойны: никакихъ неожиданныхъ новшествъ и опасныхъ экспериментовъ, о которыхъ враги Россіи такъ усердно пророчествовали, новый министръ Внутреннихъ Дѣлъ вовсе и не думаетъ предпринимать, намѣреваясь строго держаться точнаго исполненія Высочайшей Воли, выраженной полтора года тому назадъ и встрѣченной съ такою вѣрноподданническою радостію всѣмъ истинно Русскимъ населеніемъ нашего Отечества.

Всѣхъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ Министерства князь Святополкъ-Мирскій призываетъ «къ дѣятельному, самоотверженному сотрудничеству *именно въ этомъ направленіи*», а не въ какомъ-либо иномъ, какъ этого, можетъ-быть, хотѣлось бы внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ Россіи, мечтающимъ о совершенно другихъ «широкихъ горизонтахъ» и идущихъ въ этомъ отношеніи совершенно наперекоръ Высочайшему Манифесту 26 февраля 1903 года.

Во второй части своей рѣчи министръ Внутреннихъ Дѣлъ разсѣялъ еще другое недоразумѣніе, которымъ такъ усердно пользовались злонамѣренные элементы въ нашемъ обществѣ, создавшіе легенду о какомъ-то враждебномъ будто бы отношеніи Правительства къ нашему общественному самоуправленію.

Князь Святополкъ-Мирскій счелъ нужнымъ, для устраненія этой легенды, особенно поставить на видъ, что «плодотворность правительственнаго труда основана на искренно-благожелательномъ и искренно-довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще».

И дѣйствительно, Правительство всегда относилось съ благожелательнымъ довѣріемъ къ нашимъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы не было этого довѣрія со стороны Правительства, то не могло бы быть и того злоупотребленія этимъ довѣріемъ со стороны нашихъ общественныхъ учрежденій, которое, къ сожалѣнію, съ такою неопровержимостью было констатировано предпринятою въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи Правительственною ревизіей.

Слова министра должны теперь побудить всѣхъ нашихъ земскихъ и городскихъ дѣятелей къ тому, чтобъ отнынѣ быть дѣйствительно-достойными оказываемыхъ имъ Правительствомъ благожеланія и довѣрія и строго держаться въ предѣлахъ предоставленной имъ закономъ дѣятельности, ибо лишь при этомъ условіи возможна та плодотворность Правительственнаго труда, къ которой стремится, подобно своему предшественнику, и новый министръ Внутреннихъ Дѣлъ. «Лишь при этихъ условіяхъ работы», говоритъ онъ, «можно получить *взаимное довѣріе*, безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія Государства».

Это—глубоко-вѣрныя слова. Правительство довѣряетъ органамъ общественнаго самоуправленія, но и эти органы должны довѣрять Правительству, не выставляя его всюду какимъ-то злымъ началомъ, съ которымъ будто бы обществу необходимо вести непримиримую борьбу. Не Правительство создало фикцію о какихъ-то двухъ враждебныхъ станахъ, на которые раздѣлились «Правительство» и «земство»; эту фикцію создало земство. Правительство смотрѣло на земство какъ на своего *сотрудника* на благо Россіи, а земство захотѣло быть *соперникомъ* и даже *противникомъ* Правительства, стараясь умалить власть Правительства для увеличенія своей собственной власти. Этому совершенно незаконному фальшивому антагонизму необходимо положить конецъ, и мы будемъ надѣяться, что недоразумѣніе это будетъ окончательно устранено столь яснымъ заявленіемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, призвавшаго наши общественныя учрежденія къ благожелательному сотрудничеству и искренно-довѣрчивому отношенію къ благимъ начинаніямъ Правительства, трудящагося надъ устроеніемъ Государства, согласно точнымъ указаніямъ Высочайшей Воли.

На одно изъ главныхъ условій успѣшности этого труда указалъ ветеранъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ генералъ-лейтенантъ Е. В. Богдано-

вичъ въ своей отвѣтной рѣчи князю Святополкъ-Мирскому. Условіе это— «*непреклонная твердость въ охраненіи справедливости и порядка*».

Кто изъ истинно-Русскихъ людей не присоединится къ этому заявленію, пожелавъ отъ всего сердца новому министру полнаго успѣха на этомъ испытанномъ государственною мудростью Правительственномъ пути?

Наша «оффиціозность».

Одна изъ петербургскихъ газетъ упрекаетъ насъ въ томъ, что мы де «своеобразно понимаемъ свою роль и обязанность оффиціоза» *).

Этотъ упрекъ является однимъ изъ безчисленныхъ варіантовъ той легенды, которая еще со временъ редакторства незабвеннаго М. Н. Каткова приписываетъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* значеніе оффиціознаго органа Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Противъ этой легенды всегда протестовалъ, какъ М. Н. Катковъ, такъ и его преемники, отстаивая полную самостоятельность своихъ убѣжденій и не признавая за собой никакой иной роли и обязанности кромѣ той, которая свойственна вѣрному поддаиному Самодержавнаго Русскаго Царя.

Съ одинаковою рѣшительностью М. Н. Катковъ отвергалъ и роль «органа общественнаго мнѣнія», которую иные приписывали его газетѣ. «*Московскія Вѣдомости*, говорилъ онъ, являются личнымъ органомъ ихъ редактора-издателя, не получая ни сверху, ни снизу, какихъ-либо внушеній, противныхъ его убѣжденіямъ, его совѣсти и его долгу вѣрной службы своему Государю».

Этотъ завѣтъ великій Русскій патріотъ оставилъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, и своимъ преемникамъ, всегда находившимъ въ этомъ завѣтѣ самое ясное, простое и вѣрное правило для соблюденія прямого пути при исполненіи обязанностей публициста въ столь сложныхъ условіяхъ нашей государственной и общественной жизни.

Лишь оставаясь безусловно-вѣрнымъ своему долгу предъ Царемъ и Отечествомъ, русскій публицистъ можетъ оставаться вѣрнымъ и самому себѣ и предохранить себя отъ жалкой роли корабля, безъ руля и безъ вѣтрилъ носимаго по мутнымъ волнамъ вѣчно-перемѣнчиваго «общественнаго мнѣнія», легкомысленно и раболѣпно увлекающагося сегодня одними идолами, а завтра другими.

Публицистъ, вѣрно понимающій свою высокую обязанность, долженъ не «выражать» общественное мнѣніе, вѣчно вертясь, какъ флюгеръ, то въ одну сторону, то въ другую, а стараться *руководить* это мнѣніе, научая его различать черное отъ бѣлаго, ложь отъ истины, добро отъ зла — на основаніи вѣковѣчныхъ правилъ этики и логики, указаній историческаго опыта и здраваго смысла, на основаніи долга предъ Богомъ и Царемъ и драгоцѣннѣйшихъ завѣтовъ своего народа.

---

*) *Новости* 1904 г., № 260.

Такова задача серіознаго публициста въ Россіи, и иною она быть не можетъ, и не должна. Никому, кромѣ своего Царя, онъ не служитъ, не подчиняясь своеволію ни толпы, ни какихъ-либо отдѣльныхъ лицъ.

Въ этомъ служеніи онъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ пользоваться внѣшнимъ успѣхомъ, «популярностью», а можетъ и стоять совершенно одинокимъ. Для него это безразлично, лишь бы онъ сознавалъ, что ни на шагъ не уклонился отъ строгаго исполненія своего вѣрноподданническаго долга.

При такомъ взглядѣ на свою задачу, добросовѣстный публицистъ ни «оффиціозомъ», ни «выразителемъ общественнаго мнѣнія» быть не можетъ. Все, что онъ говоритъ, онъ долженъ говорить отъ своего собственнаго лица, согласно своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, лично неся полную отвѣтственность за свои слова и дѣйствія. Другой «роли» и «обязанности» онъ не знаетъ.

Семья и школа.

19 сентября (1904 г.) министру Народнаго Просвѣщенія генералъ-лейтенанту Глазову представлялся въ зданіи Министерства педагогическій персоналъ С.-Петербургскихъ среднеучебныхъ заведеній. Попечитель учебнаго округа представилъ министру собравшихся, къ которымъ В. Г. Глазовъ обратился съ рѣчью, указавъ въ ней, главнымъ образомъ, на необходимость единенія семьи и школы.

«Школа,— такъ приблизительно выразился министръ,— является непосредственною преемницей родительской власти надъ дѣтьми, продолжательницей дѣла воспитанія. Поэтому между школой и родителями необходима самая тѣсная связь, которой, однако, не существуетъ. Какъ со стороны газетной прессы, такъ и со стороны родителей учащихся раздается не мало нареканій противъ педагогическаго персонала, самый фактъ которыхъ говоритъ о существованіи розни между семьей и школой. Не со всѣми этими нареканіями можно, однако, согласиться. Часто въ нихъ обнаруживается незнаніе условій внутренней жизни школы. Такъ, напримѣръ, учителей нерѣдко обвиняютъ въ неровности характера, недостаточной сердечности, любви къ дѣлу и т. п. Говорящіе это не знаютъ, въ какомъ тяжеломъ матеріальномъ, а подчасъ и нравственномъ положеніи находятся преподаватели. Вамъ, конечно, тоже приходилось слышать не мало родительскихъ упрековъ и часто доказывать, что они не совсѣмъ справедливы. Вотъ эту-то рознь между семьей и школой и нужно постараться прекратить».

В. Г. Глазовъ коснулся этими словами одной изъ самыхъ больныхъ сторонъ нашей многострадальной средней школы, у которой, по правдѣ сказать, въ настоящее время нѣтъ ни одного живого мѣста послѣ тяжкихъ ударовъ, понесенныхъ ею за послѣдніе годы.

Министръ взялъ на себя тяжкій трудъ залѣчить всѣ раны, нарушившія правильныя функціи школьнаго организма и возродить его къ новой, нормальной, плодотворной дѣятельности. Съ этою цѣлью онъ, очевидно, и жела-

етъ устранить недоразумѣнія, существующія между школой и семьей, и установить между ними доброжелательное взаимодѣйствіе.

И дѣйствительно, дружное единеніе между семьей и школой является необходимымъ условіемъ для правильнаго воспитанія нашихъ дѣтей.

Это такая простая, азбучная истина, доказывать которую совершенно излишне. Гораздо труднѣе и сложнѣе вопросъ о тѣхъ средствахъ, которыми можно достигнуть этого столь желательнаго для всѣхъ единенія.

Само собою разумѣется, что легче всего установить гармоническое согласіе между *нормальною* семьей и *нормальною* школой. Но если Правительство цѣлымъ рядомъ цѣлесообразныхъ мѣръ можетъ въ сравнительно скорое время приблизить школу къ нормальному идеалу, то сдѣлать семью нормальною — не въ его власти. А между тѣмъ кто же станетъ отрицать, что наша современная русская семья, къ сожалѣнію, въ весьма значительномъ большинствѣ случаевъ, очень далека отъ нормальнаго совершенства и настоятельно нуждается въ оздоровленіи?

Драматическая и эпическая литература каждаго даннаго общества является вѣрнымъ его зеркаломъ. Это качество особенно присуще нашей современной изящной словесности, которая ничѣмъ такъ не гордится, какъ своею реальною правдивостью. Какъ же отражается въ ея произведеніяхъ русская семья? Въ самомъ уродливомъ, безобразномъ, отталкивающемъ видѣ.

Вотъ изъ такихъ-то искалѣченныхъ семей и поступаютъ нравственно и физически изуродованныя дѣти въ наши среднеучебныя заведенія, быстро заражая тамъ своихъ товарищей, вышедшихъ изъ тѣхъ семей, въ коихъ еще сохранились религіозно-нравственныя традиціи, безъ которыхъ не мыслимо сколько нибудь правильное воспитаніе дѣтей.

Вотъ почему наша школа не только является, по вѣрному замѣчанію генерала Глазова, «непосредственною преемницей родительской власти надъ дѣтьми, продолжательницей дѣла воспитанія», но въ большинствѣ случаевъ— *первою* насадительницей нравственной дисциплины въ духовной жизни ввѣряемыхъ ей дѣтей, *первою* ихъ истинною воспитательницей.

Въ виду этого мы можемъ по достоинству оцѣнить всю трудность той сложной задачи, которая падаетъ на нашу школу, призванную не только продолжать своими средствами воспитаніе дѣтей правильно воспитанныхъ въ нормальной семьѣ, но исправлять всѣ разнообразные дефекты и изъяны ихъ семейнаго воспитанія.

Какими же могучими педагогическими средствами должна обладать школа для успѣшнаго выполненія этой труднѣйшей задачи?

Она должна прежде всего сама обладать высокими духовными качествами, какъ въ образцовомъ строѣ своей жизни, озаренной свѣтомъ Божественной истины, любви, справедливости, порядка и труда,— тѣмъ свѣтомъ, который померкъ въ большинствѣ русскихъ семей,— такъ и въ личномъ составѣ своихъ наставниковъ, призванныхъ близко изучить индивидуальныя особенности каждаго своего питомца, дабы до извѣстной степени замѣнить ему родителей и направить его, силой глубокаго своего педагогическаго опыта и здороваго, уравновѣшеннаго характера, на тотъ путь, на которомъ онъ станетъ честнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, полезнымъ сыномъ дорогаго ему Отечества и вѣрнымъ слугой Бога и Царя.

Такова ли, однако, въ настоящее время наша школа, чтобы мы могли быть совершенно покойны за успѣшное рѣшеніе ею столь сложной задачи?

Наша средпеучебная школа находится, какъ всѣмъ извѣстно, въ какомъ-то небываломъ доселѣ, переходномъ, хаотическомъ состояніи. Утративъ свой прежній уставъ, она вотъ уже нѣсколько лѣтъ живетъ безъ всякаго устава, на основаніи какихъ-то случайныхъ временныхъ правилъ, разобраться въ которыхъ не могутъ ни попечители учебныхъ округовъ, ни директора, ни наставники, ни воспитанники, ни ученики, ни уличная «газетная пресса», которая вообще въ педагогическихъ вопросахъ ровно ничего не смыслитъ.

Шаткость учебнаго порядка вызвала въ свою очередь и шаткость нравственнаго порядка.

Интересъ къ ученію исчезъ какъ въ ученикахъ, такъ и въ учителяхъ, ибо никто изъ нихъ не знаетъ, стóитъ ли сегодня учиться тому, что̀, можетъ быть, въ слѣдующемъ году будетъ выброшено за бортъ учебной программы, какъ ненужный балластъ. А разъ нѣтъ серіознаго ученія въ школѣ, она становится ареной нравственной и умственной разнузданности. Учебное заведеніе можетъ воспитывать своихъ учениковъ лишь посредствомъ «воспитательнаго ученія», которое приноситъ столь роскошные плоды въ германскихъ школахъ и породило цѣлую литературу объ «erziehender Unterricht», тогда какъ въ русскихъ школахъ оно извѣстно лишь немногимъ серіознымъ педагогамъ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ серіознаго ученія, какъ въ нашихъ школахъ, тамъ, очевидно, не можетъ быть рѣчи и о «воспитательномъ» ученіи, тамъ, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи и о воспитаніи вообще.

Но въ нашей современной школѣ не можетъ быть рѣчи о воспитаніи и по другой причинѣ, которая давно уже всѣми признана кореннымъ зломъ, губящимъ нашу школу, но къ устраненію которой до сихъ поръ еще ровно ничего не сдѣлано: это—переполненіе классовъ такимъ чрезмѣрнымъ числомъ учениковъ, которое является непреодолимымъ физическимъ препятствіемъ для успѣшнаго ученія и воспитанія.

Какъ можетъ учитель, при всемъ своемъ желаніи, узнать всю индивидуальность каждаго своего ученика,—а безъ этого знанія никакое осмысленное воспитаніе невозможно,— когда онъ имѣетъ предъ собой въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ недѣлю 50, 60 и болѣе учениковъ, каждому изъ которыхъ онъ можетъ удѣлить лишь нѣсколько минутъ, и которыхъ онъ знаетъ лишь по имени и по случайнымъ ихъ отвѣтамъ?

Въ этомъ попстинѣ вопіющемъ злѣ лежитъ основная причина тѣхъ недоразумѣній, которыя помимо̀ возникаютъ между семьей и школой. Преподаватели, находясь въ постоянномъ нервномъ напряженіи среди многочисленнаго, плохо дисциплинированнаго класса, постоянно дѣлаютъ промахи при умственной и нравственной оцѣнкѣ своихъ, невѣдомыхъ имъ, питомцевъ, а промахи эти возбуждаютъ справедливое негодованіе какъ учениковъ, такъ и ихъ родителей. Родители жалуются директору, который еще менѣе знаетъ учениковъ, чѣмъ преподаватели, и вотъ возникаютъ новыя недоразумѣнія, которыя иногда отражаются и въ газетной прессѣ, гдѣ имъ придается уже широко-обобщенное, иногда совершенно нелѣпое значеніе.

Сколько разъ приходилось намъ указывать на великое зло, происходящее отъ переполненія классовъ, зло, парализующее самыя благія школьныя реформы, зло, гибельно отражающееся положительно на всѣхъ сторонахъ школьной учебно-воспитательной жизни, зло, которое подтачивало и искажало всю нашу прежнюю школу,— и что̀ же? Всѣ признавали это зло, а когда принялись перестраивать нашу школу, то удалили и измѣнили въ ней все, что̀ угодно, а это зло оставили неприкосновеннымъ!

Насколько намъ извѣстно, новый министръ рѣшился покончить съ этимъ зломъ. Если ему удастся совершить этотъ подвигъ въ борьбѣ съ мертвящею рутиной, заполонившею нашу школу, то одна уже эта заслуга обезсмертитъ его имя. Но пока эта побѣда не будетъ одержана, пока не будетъ провозглашенъ законъ, что болѣе 30 учениковъ ни въ одномъ классѣ среднеучебныхъ заведеній одновременно обучаться не могутъ,— до тѣхъ поръ реформа этихъ заведеній будетъ встрѣчать непреодолимыя препятствія.

Генералъ Глазовъ для прекращенія розни между семьей и школой предполагаетъ образовать подъ руководствомъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа особую коммиссію, «которая должна изыскать средства, чтобъ уничтожить это ненормальное средостѣніе».

Отъ всей души желаемъ этой коммиссіи полнаго успѣха въ возложенной на нее работѣ. Она, несомнѣнно, познакомится съ богатою литературой этого предмета, существующею въ Германіи, этой странѣ образцовыхъ школъ, къ которымъ германская семья относится съ такимъ довѣріемъ и уваженіемъ,— а затѣмъ изучитъ подробно состояніе какъ русской семьи, такъ и русской школы, ибо полюбовное прекращеніе всякой розни можетъ быть основано лишь на знаніи индивидуальныхъ особенностей какъ той, такъ и другой изъ разрознившихся сторонъ.

Такія же коммиссіи, вѣроятно, будутъ образованы и въ другихъ учебныхъ округахъ, при чемъ въ особенно благопріятныя условія будетъ, несомнѣнно, поставленъ округъ Московскій, такъ какъ онъ будетъ имѣть возможность изучить организацію того учебнаго заведенія, въ которомъ отношенія къ семьѣ его питомцевъ давно уже поставлены въ наиболѣе нормальныя условія. Мы говоримъ объ Императорскомъ Лицеѣ въ память Цесаревича Николая, который, при самомъ возникновеніи своемъ, получилъ отъ своихъ основателей великую задачу *индивидуальнаго* воспитанія каждаго изъ своихъ питомцевъ, при чемъ число ихъ въ каждомъ классѣ было ограничено нормой 25 человѣкъ.

Строго придерживаясь этихъ завѣтовъ, Лицей имѣлъ возможность чрезъ своихъ классныхъ воспитателей (туторовъ) такъ близко изучить каждаго воспитанника и войти въ столь тѣсныя, непрерывныя сношенія съ его семьей, съ цѣлью дружнаго, совмѣстнаго его воспитанія, легко контролируемаго директоромъ заведенія, что упомянутыя выше недоразумѣнія, возникающія на каждомъ шагу въ нашихъ переполненныхъ казенныхъ школахъ, совершенно благополучно разрѣшаются въ Лицеѣ при первомъ же своемъ случайномъ появленіи, не оставляя и слѣдовъ какой-либо «розни» между семьей и школой *).

В. Г. Глазовъ совершенно основательно говоритъ, что нареканія семьи на преподавателей часто бываютъ несправедливы, «обнаруживая незнаніе условій внутренней жизни школы», между прочимъ и незнаніе, «въ какомъ тяжеломъ матеріальномъ, а подчасъ и нравственномъ, положеніи находятся преподаватели», которыхъ вслѣдствіе этого родители обвиняютъ «въ неровности характера, недостаточной сердечности, любви къ дѣлу и т. п.».

Но для родителей будетъ мало утѣшенія, если имъ скажутъ: «миритесь съ неровностью характера учителя вашихъ дѣтей, такъ какъ эта неровность

*) Вопросу о семьѣ и школѣ посвящена, между прочимъ, спеціальная статья въ одномъ изъ Лицейскихъ *Календарей*.

вызвана тѣмъ, что онъ мало получаетъ жалованія и вслѣдствіе этого находится въ угнетенномъ нравственномъ настроеніи, надрывая свои послѣднія силы въ чрезмѣрно переполненномъ классѣ, съ которымъ онъ, при всемъ желаніи, какъ слѣдуетъ справиться не можетъ». Родители на такое разъясненіе будутъ въ правѣ отвѣтить: «въ такомъ случаѣ обезпечьте вашихъ учителей такъ, чтобъ они не были нравственно угнетены, и поручайте имъ классы съ такимъ числомъ учениковъ, съ которымъ они могли бы справиться; мы же мириться съ угнетенными учителями, срывающими свою нервность на нашихъ дѣтяхъ, не можемъ, такъ какъ мы отдаемъ ихъ въ школы не для какого-либо иного, а только для *правильнаго* воспитанія».

Такъ отвѣтятъ родители благоразумные. А что скажутъ тѣ представители ненормальныхъ, искалѣченныхъ семей, о которыхъ мы говорили выше,—этого и предвидѣть нельзя; но всѣ ихъ отвѣты были бы, несомнѣнно, варіантами на основную «простаковскую» тему: «учите нашихъ дѣтей какъ можно меньше, дайте имъ возможность дѣлать что имъ угодно и снабдите ихъ какъ можно скорѣе дипломами съ самыми широкими правами и привилегіями».

Легко себѣ представить, въ какіе разсадники «Митрофанушекъ» обратились бы наши школы, если бы Правительство, крайне нуждающееся въ высоко-образованныхъ, серіозно ученыхъ дѣятеляхъ, стало исполнять желанія, выражаемыя такими «общественными голосами», которые нашли бы себѣ самую широкую поддержку въ нашей «либеральной» печати, ежедневно требующей *сокращенія* учебныхъ часовъ и классовъ въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ.

Вотъ почему разрѣшеніе вопроса о прекращеніи розни между семьей и школой, являясь крайне необходимымъ, отличается такою сложностью, которая на первый взглядъ для иныхъ и незамѣтна.

Честь и слава генералу Глазову, что онъ принялся за разрѣшеніе этого сложнаго вопроса. Мы не сомнѣваемся, что ему удастся его разрѣшить, коль скоро онъ приступитъ къ нему *со всѣхъ его сторонъ*, которыя столь тѣсно и неразрывно между собою связаны.

Да поможетъ ему Господь въ этомъ предпріятіи на благо Русскаго просвѣщенія!

Неосновательныя ликованія.

Вступительная рѣчь министра Внутреннихъ Дѣлъ вызвала въ нашемъ «либеральномъ» лагерѣ необычайную радость и зажгла въ немъ цѣлый рядъ необыкновенно-пылкихъ надеждъ. Всѣ многочисленныя газеты, служащія выразительницами демократическихъ вожделѣній, на перерывъ воспѣваютъ наступившую «весну русской жизни», «новую эру русскаго общества», «преддверіе великихъ реформъ», или, какъ нѣкоторые выражаются, «великой реформы», реформы коренной, фундаментальной, призванной разрушить до основанія существующій строй нашего государственнаго организма.

Мы не посвящены въ намѣренія князя Святополкъ-Мирскаго, но не можемъ не высказать своей глубокой увѣренности, что всѣ эти «либеральныя»

ликованія не только преждевременны, но прямо-таки неосновательны и въ высшей степени безтактны.

Нашу увѣренность мы почерпаемъ изъ факта, на который мы желали бы обратить вниманіе какъ нашихъ друзей, такъ и нашихъ противниковъ.

Московская газета *Русское Слово*, стремящаяся, какъ извѣстно, превзойти въ «либерализмѣ» такого ветерана демократической пропаганды, какъ *Русскія Вѣдомости*, напечатала статью, встрѣтившую радостный откликъ и въ петербургскихъ газетахъ того же оттѣнка.

Въ этой статьѣ комментируется, между прочимъ, переходъ въ Государственный Совѣтъ бывшаго товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ А. С. Стишинскаго, о которомъ совершенно справедливо говорится, что онъ «пользовался полнымъ довѣріемъ покойнаго В. К. Плеве» и стоялъ у такого «главнаго дѣла», какъ крестьянская реформа.

«Тайный совѣтникъ Стишинскій»,—говоритъ московская газета,—«былъ руководителемъ и вдохновителемъ намѣченныхъ преобразованій по крестьянскому вопросу. Новый министръ былъ знакомъ детально съ ходомъ и направленіемъ этихъ работъ. Ему хорошо извѣстно, въ какой мѣрѣ пожеланіямъ общества отвѣчаетъ направленіе преобразованій по крестьянскому вопросу, ясно охарактеризованное въ докладѣ (?) тайнаго совѣтника Стишинскаго. Основною характерною чертой намѣченныхъ преобразованій по крестьянскому вопросу является отрицательное отношеніе къ общественной самодѣятельности. Въ день своего вступленія въ должность князь Святополкъ-Мирскій обратился къ высшимъ чинамъ Министерства съ напутственною рѣчью, въ которой онъ категорически указалъ на необходимость иного отношенія къ обществу, его надеждамъ и «пожеланіямъ».

Выводъ отсюда ясенъ: крестьянская реформа, начатая покойнымъ министромъ, будетъ прервана и замѣнена другою реформой, совершенно противоположнаго характера.

Мы можемъ завѣрить почтенную московскую газету, что выводъ этотъ совершенно не вѣренъ. Какъ намъ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, крестьянская реформа будетъ продолжаться и при новомъ министрѣ на тѣхъ же основаніяхъ, которыя ей предуказаны во Всемилостивѣйшемъ Манифестѣ 26 февраля 1903 года, и которыя въ точности были соблюдены въ проектѣ, выработанномъ во время министерства В. К. Плеве. Однимъ изъ этихъ основаній является, какъ извѣстно, та «неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія», которая такъ ненавистна нашимъ «либераламъ», стремящимся уничтожить нашъ крестьянскій сословный строй. Неужели они воображаютъ, что новый министръ, въ угоду ихъ «надеждамъ и пожеланіямъ», станетъ передѣлывать крестьянскую реформу наперекоръ прямымъ, категорическимъ указаніямъ Высочайшей Воли? Да развѣ они забыли, что князь Святополкъ-Мирскій въ своей рѣчи поставилъ Манифестъ 26 февраля 1903 года краеугольнымъ камнемъ своей политики?

Вотъ еслибы крестьянская реформа В. К. Плеве противорѣчила этому Манифесту, то можно было бы думать, что новый министръ отъ нея отречется. Но вѣдь этого нѣтъ.

Всѣмъ извѣстно, съ какою тщательностью обширный проектъ крестьянской реформы былъ выработанъ, по порученію В. К. Плеве, его ближайшими по этому дѣлу сотрудниками А. С. Стишинскимъ и В. І. Гурко, положившими

всю свою энергію на то, чтобы, наконецъ, двинуть это настоятельное дѣло, ждавшее сорокъ лѣтъ своей очереди и никогда ея не достигавшее.

Проектъ этотъ былъ переданъ въ губернскіе комитеты и опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе съ цѣлью выслушать мнѣнія лицъ, наиболѣе компетентныхъ въ данномъ вопросѣ, дабы затѣмъ еще разъ подвергнуть весь проектъ усовершенствованію, согласно высказаннымъ, наиболѣе дѣльнымъ совѣтамъ и указаніямъ. Такимъ образомъ, къ этому проекту остается лишь приложить послѣднюю руку, чтобы перенести его затѣмъ на окончательное обсужденіе въ высшія законодательныя сферы. Въ виду этого весьма понятно, что новый министръ далекъ отъ той мысли, чтобы разрушить всѣ результаты этого драгоцѣннаго, вдумчиваго труда и снова отослать разрѣшеніе злополучнаго крестьянскаго вопроса *ad Kalendas Graecas*.

Къ тому же, увѣренія,—будто «основною характерною чертой намѣченныхъ преобразованій по крестьянскому вопросу является отрицательное отношеніе къ общественной самодѣятельности»,—представляютъ собой измышленіе черезчуръ «либеральной» фантазіи московской газеты.

Въ самомъ дѣлѣ, упорядоченіе крестьянскихъ взаимоотношеній и въ особенности волостного суда, являющееся главною сутью проекта В. К. Плеве, совершенно и не касается общественной самодѣятельности; а если этотъ проектъ не создаетъ столь желанной для нашихъ «либераловъ» *всесословной* волости, то это потому, что онъ въ точности исполняетъ указаніе Высочайшей Воли о неприкосновенности крестьянскаго общиннаго строя.

Изъ одного этого примѣра уже ясно видно, какъ неосновательны и остальные толки «либеральной» печати о тѣхъ намѣреніяхъ, которыя она приписываетъ новому министру.

Въ самомъ дѣлѣ, ни для кого не тайна, да и сами гг. «либералы» не станутъ отрицать, что всѣ ихъ «надежды и вожделѣнія», прикрываемыя словами «весна», «коренная реформа», «новая жизнь», «законченность государственнаго строенія», «народная воля въ творчествѣ народной судьбы», освобожденіе «круто-связанныхъ народныхъ силъ», «участіе націи въ своей жизни» *),—всѣ сводятся къ одному весьма ясному требованію, для открыто-циническаго формулированія которой имъ только и нужна та «свобода печати», о необходимости которой они тоже теперь толкуютъ на всѣ лады.

Но неужели они думаютъ, что и въ этомъ отношеніи они встрѣтятъ сочувствіе или даже содѣйствіе новаго министра, заявившаго, что онъ будетъ строго держаться Манифеста 26 февраля 1903 года? Въ этомъ Манифестѣ, какъ извѣстно, говорится о необходимости *свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской*, то-есть неприкосновенность Самодержавной Власти, «*подъ сѣнью которой*», какъ сказано въ томъ же Манифестѣ, «должны развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ».

Мы очень совѣтуемъ гг. «либераламъ», если они хотятъ судить о будущей дѣятельности новаго министра, читать и перечитывать его политическую программу, состоящую въ точномъ исполненіи Манифеста 26 февраля 1903 года. Тамъ они найдутъ весьма назидательныя для нихъ слова о смутѣ, «посѣянной замыслами враждебными государственному порядку» и «увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни». Тогда они поймутъ всю неосновательность

*) См. *Новое Время* 1904 г., № 10,256. Статья г. Мельщикова.

своихъ надеждъ, и для нихъ станетъ совершенно ясно, что они не могутъ требовать отъ министра того, чего онъ, какъ истинно-Русскій человѣкъ и какъ беззавѣтно-вѣрный слуга своего Государя, имъ дать не можетъ.

Предстоящая «либеральная» кампанія.

Въ то время, когда на Дальнемъ Востокѣ наши доблестныя войска готовятся къ рѣшительному наступленію, — во внутренней жизни Россіи наша «либеральная» рать принимаетъ тоже мѣры къ началу совсѣмъ иной кампаніи.

Мы на-дняхъ слышали о предполагаемыхъ боевыхъ дѣйствіяхъ нашей «демократической» партіи, съ которыми мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей.

Прежде всего наше вниманіе было обращено на передовую статью въ № 226 *Русскихъ Вѣдомостей*, офиціальнаго московскаго органа этой партіи. Въ этой статьѣ напечатанъ какъ бы «ультиматумъ», предъявляемый «либералами» и содержащій въ себѣ минимумъ тѣхъ предварительныхъ требованій, на принятіи которыхъ они теперь же настаиваютъ. Ультиматумъ этотъ содержитъ въ себѣ 5 пунктовъ. Вотъ они:

1) «Необходимо, чтобы печати была предоставлена свобода обсужденія государственныхъ и общественныхъ вопросовъ.

2) «Необходимо, чтобы земскія собранія не подвергались чрезмѣрнымъ ограниченіямъ въ выборѣ предметовъ и въ порядкѣ и способахъ обсужденія.

3) «Необходимо, чтобы не встрѣчали препятствій совѣщанія земскихъ дѣятелей разныхъ губерній для предварительнаго обмѣна мыслей и соглашеній по вопросамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію земскихъ собраній.

4) «Необходимо, чтобы устранены были со всѣми послѣдствіями тѣ мѣры, которыя были приняты по отношенію къ ученымъ Обществамъ, съѣздамъ и инымъ общественнымъ организаціямъ и парализовали или и совсѣмъ прекратили ихъ дѣятельность.

5) «Необходимо, чтобы, съ прекращеніемъ чрезвычайныхъ полномочій администраціи, былъ возстановленъ нормальный ходъ общественной жизни».

Говорятъ, что формулировка этого ультиматума была предметомъ тщательнаго обсужденія и была окончательно установлена, какъ списокъ безусловно необходимыхъ минимальныхъ требованій «либеральной» партіи.

Этотъ взглядъ уже выраженъ въ статьѣ *Русскихъ Вѣдомостей*, сопровождающей эти «пять пунктовъ», и, какъ слышно, будетъ еще подробнѣе развитъ въ ближайшей книжкѣ петербургскаго офиціальнаго органа этой партіи, *Вѣстника Европы*.

Дабы никто не подумалъ, что либеральная партія ограничится этими «пятью пунктами», московская газета открыто заявляетъ, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ эти требованія будутъ удовлетворены, начнется «всесторонняя и вполнѣ жизненная разработка вопросовъ нашей общественной жизни, отъ разрѣшенія которыхъ въ значительной степени будетъ зависѣть ближайшая будущность Русскаго народа и государства».

Такимъ образомъ, когда свободная печать, неограниченная въ выборѣ предметовъ обсужденія, земскія собранія, съѣзды земскихъ дѣятелей и иныя общественныя организаціи разработаютъ вопросы, касающіеся будущности Русскаго народа и государства, тогда уже «либеральная» партія представитъ другой, болѣе обширный, ультиматумъ съ болѣе радикальными требованіями.

Но до этого еще далеко. Пока необходимо добиться принятія всѣхъ «пяти пунктовъ» перваго списка.

Съ этою цѣлью будутъ, какъ слышно, приняты слѣдующія мѣры:

1) На всѣхъ предстоящихъ земскихъ собраніяхъ будетъ организована всеобщая единообразная *levée de boucliers*. Всѣ въ одинъ голосъ будутъ требовать принятія «пяти пунктовъ», торжественно провозглашенныхъ московской газетой и поставленныхъ «на платформу» либеральной партіи.

2) Одновременно, начиная со дня обнародованія этой «платформы», вся либеральная печать будетъ бить въ набатъ, доказывая, что Россія не можетъ жить, если не будутъ приняты эти роковые «пять пунктовъ».

3) Когда раздадутся требованія этихъ «пяти пунктовъ» въ земскихъ собраніяхъ, городскихъ думахъ, ученыхъ Обществахъ, различныхъ общественныхъ съѣздахъ и организаціяхъ, тогда всѣ органы либеральной прессы въ одинъ голосъ заявятъ, что русское общественное мнѣніе изрекло свою волю, предъ которою, какъ предъ волей народа, останется только преклониться.

4) Для успѣха этой всероссійской агитаціи нѣтъ надобности ждать офиціальнаго юридическаго принятія означенныхъ «пяти пунктовъ», а нужно дѣйствовать такъ, какъ будто они фактически уже приняты, а именно — свободно обсуждать въ печати вопросы государственнаго устройства, какъ будто никакой цензуры не существуетъ; въ земскихъ собраніяхъ трактовать объ этихъ вопросахъ, не стѣсняясь законами, опредѣляющими земскую компетенцію; устраивать всероссійскіе земскіе съѣзды, не испрашивая на то разрѣшенія; заниматься въ ученыхъ Обществахъ и общественныхъ организаціяхъ разрѣшеніемъ государственныхъ вопросовъ; считать чрезвычайныя полномочія администраціи какъ бы уже прекратившимися и замѣненными «нормальнымъ ходомъ общественной жизни».

5) Присвоивъ себѣ эту фактическую свободу, публицисты и ораторы либеральной партіи должны будутъ *постепенно*, но неукоснительно, повышать свой тонъ, освобождаясь отъ условныхъ выраженій «эзопова» языка, а называя вещи настоящимъ именемъ, такъ чтобы черезъ нѣкоторое время уже могъ быть формулированъ упомянутый выше *второй* ультиматумъ, съ совершенно ясными и категорически выраженными дальнѣйшими пунктами либеральной программы, до конечной ея цѣли включительно.

Таковъ, по слухамъ, планъ предстоящей «либеральной» кампаніи, и мы не видимъ основанія не вѣрить этимъ слухамъ, не находя въ этомъ планѣ ничего такого, что противорѣчило бы нравамъ и обычаямъ нашихъ «либераловъ».

Хотя бы взять вопросъ объ игнорированіи законовъ. Мы еще на-дняхъ читали въ одной «либеральной» газетѣ, что соблюденіе законовъ вовсе не обязательно для живой общественной жизни, рвущейся на свободу и доказывающей нарушеніемъ законовъ необходимость ихъ отмѣны. Это — теорія, очень удобная для всякихъ нарушителей законовъ, но она очень куріозна въ устахъ людей, патетически жалующихся на то, что въ Россіи такъ мало законности!

Только такою страшною теоріей и можно объяснить столь непонятное на первый взглядъ отношеніе «либераловъ» къ тому «довѣрію», съ которымъ новый министръ Внутреннихъ Дѣлъ обѣщалъ относиться къ земскимъ учрежденіямъ.

Казалось бы, что если наши земцы такъ обрадовались этому довѣрію, то это потому, что они передъ тѣмъ очень страдали отъ оказываемаго имъ незаслуженнаго недовѣрія. Они де были безупречны, а имъ не довѣряли, обвиняя ихъ въ нарушеніи законовъ. Вотъ теперь, когда это недовѣріе исчезло, они докажутъ, насколько оно было несправедливо, и будутъ съ этою цѣлью придерживаться въ своей дѣятельности законныхъ предѣловъ.

Да, такъ казалось бы, а вышло совершенно наоборотъ! Они не только не думаютъ, въ благодарность за оказанное имъ довѣріе, показать себя вполнѣ его достойными, но хотятъ теперь-то именно, болѣе чѣмъ когда-либо, не стѣсняться законами ни въ печати, ни въ земскихъ собраніяхъ, ни въ какихъ-либо другихъ проявленіяхъ общественной дѣятельности, требуя даже официальнаго одобренія ихъ беззаконныхъ дѣйствій!..

Такъ дальше жить нельзя.

Всякому терпѣнію и даже долготерпѣнію бываетъ предѣлъ.

Экспериментъ «довѣрія» доведенъ до конца и обнаружилъ полную свою несостоятельность.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ позволилъ русской печати свободно высказаться, а печать немедленно самымъ безцеремоннымъ образомъ злоупотребила этою свободой и вынудила министра прибѣгнуть къ цѣлому ряду репрессивныхъ, болѣе чѣмъ заслуженныхъ мѣръ.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ предоставилъ земцамъ свободу выразить свои пожеланія, конечно, относительно лучшаго устройства мѣстнаго хозяйственнаго самоуправленія, коимъ они призваны завѣдывать, а земскіе вожаки злоупотребили довѣріемъ Министра, воспользовавшись дарованною имъ свободой для широкой пропаганды противъ существующаго строя.

Все это легко было предвидѣть *a priori*, и мы съ самаго начала предсказывали, чѣмъ *по необходимости* должна была кончиться вся эта «новая эра» довѣрія.

La confiance est une belle chose, говорятъ Французы, *mais à condition qu'elle soit bien placée* *).

Но этого въ данномъ случаѣ и не было. Наши либералы пропитаны идеями, не имѣющими никакихъ корней въ русской исторіи и въ національномъ строѣ. Они рабски преклоняются предъ идеями западнаго свободомыслія и парламентаризма, потерявшими кредитъ даже на своей родинѣ. Обращаясь къ Россіи, предлагая реформы и вырабатывая «программы», они могутъ лишь увѣрять насъ, что нужно отречься отъ Церкви, отъ Царя и отъ самихъ себя, такъ какъ это будто бы единственное средство сравняться въ культурности

---

*) Довѣріе—прекрасное дѣло, если оно обращено къ людямъ его заслужившимъ.

съ Западною Европой. Кто знаетъ нашихъ «либераловъ», тотъ не могъ не предвидѣть, что имѣть довѣріе къ какой-либо созидательной дѣятельности ихъ—невозможно.

Ясно было также, что, по непмѣнію корней въ родной почвѣ, по равнодушію къ истиннымъ нуждамъ Россіи, наши либералы, допущенные къ свободному дѣйствію, могутъ привести не къ здоровому оживленію, а только къ шумнымъ смутамъ.

Все это, столь ясное *a priori*, стало до очевидности яснымъ на практикѣ.

Не прошло и девяти недѣль съ тѣхъ поръ, какъ эти господа удостоились министерскаго довѣрія, какъ они уже вызвали во всей Россіи искусственное революціонное броженіе. Всѣ газеты ихъ рипулись въ походъ на ослабленіе Правительственной Власти. Къ нимъ присоединились и сообщники, вернувшіеся изъ ссылки. Была составлена крамольная программа, наводнившая всѣ грады и веси Россіи, созывались сходки и съѣзды различныхъ наименованій и, подъ самыми разнообразными предлогами, всюду подстрекали «вотировать» одну и ту же революціонную программу, дабы произвести иллюзію, будто «вся Россія» съ ними солидарна. Такой инсценировкой своихъ требованій «либералы» надѣялись обмануть какъ Правительство, такъ и Русскій народъ.

Теперь настала очередь и Правительству сказать громко и твердо свое слово.

Правительство произвело экспериментъ «довѣрія» на чистоту. Оно съ рѣдкимъ долготерпѣніемъ дало высказаться всѣмъ либеральнымъ элементамъ. Но отъ дальнѣйшей ихъ болтовни могла бы пострадать вся Россія, такъ какъ, при молчаніи Правительства, Русскій народъ могъ бы подумать, что эти самозванные преобразователи пользуются правительственнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ.

Мы знаемъ, что это неправда, но это должна знать и вся Россія.

Особенно необходимо это въ настоящее время національной борьбы противъ поднявшагося на Россію Монгольскаго врага,—борьбы, требующей полнаго единенія и сосредоточенія всѣхъ силъ народа и власти предъ грозною внѣшнею опасностью.

Руководящее слово Правительства.

Мы говорили о сѣти смутныхъ политическихъ вожделѣній, охватившей Россію своими путанными нитями.

При этомъ главнымъ орудіемъ смуты является безпредѣльное злоупотребленіе слухами о якобы тѣхъ или иныхъ намѣреніяхъ Правительства. Кто что ни вздумаетъ проповѣдывать—непремѣнно ссылается на якобы достовѣрные слухи о томъ, что Правительство намѣревается произвести именно тѣ реформы, или даже перевороты, къ какимъ подстрекаетъ самъ проповѣдникъ.

Даже революціонные агитаторы, «идущіе въ народъ», облекаются иногда

въ генеральскіе мундиры и раздаютъ свои возмутительныя прокламаціи въ видѣ «Царскихъ грамотъ», чтобы этимъ убѣдить простодушный народъ, что де «Самъ Царь вполнѣ одобряетъ ихъ дѣятельность».

Точно также поступаютъ и либеральные самозванцы, которые развозятъ свою программу по всей Россіи, увѣряя наивныхъ обывателей, что они дѣйствуютъ съ Правительственнаго разрѣшенія и даже одобренія.

Истина нашего политическаго бытія можетъ быть лишь одна—неограниченное мощное Самодержавіе Русскаго Государя.

Мы знаемъ эту истину, ее знаетъ весь народъ Русскій и искренно въ нее вѣруетъ.

А теперь вотъ пришли смутьяны, которые хотятъ увѣрить насъ, будто наша вѣра подлежитъ упраздненію.

Между тѣмъ, кромѣ людей твердыхъ, непоколебимыхъ убѣжденій, есть у насъ еще, какъ и во всякомъ государствѣ, громадная, необозримая масса людей благонамѣренныхъ, но безвольныхъ, всегда готовыхъ плыть по теченію и идти по стопамъ болѣе сильныхъ, самоувѣренныхъ вожаковъ. Не крайнія партіи, а именно эта масса посредственныхъ, слабохарактерныхъ людей создаетъ то, что мы привыкли называть «общественнымъ мнѣніемъ» или «общественнымъ настроеніемъ». Если Правительство стоитъ, съ полнымъ сознаніемъ своего великаго призванія, во главѣ всего народа, ясно и твердо указуя ему предназначенный ему путь, то вся масса населенія спокойно и увѣренно идетъ по этому пути, во всемъ полагаясь на Правительство и не придавая никакой вѣры тѣмъ злоумышленникамъ и лжепророкамъ, которые вздумали бы сбивать ее съ этого пути.

Но для этого волю Правительства необходимо знать не только ближайшимъ слугамъ Правительства, но и населенію.

Вотъ, напримѣръ, надняхъ откроются сессіи нашихъ земскихъ собраній. Всѣмъ извѣстно, что, по вліянію своихъ столичныхъ вожаковъ, участники сессій могутъ быть увлекаемы къ занятіямъ не установленными закономъ вопросами мѣстнаго хозяйства, а вопросами общегосударственнаго переворота.

Какъ должны относиться къ столь дерзкой попыткѣ мѣстные губернаторы и предводители дворянства?

Безъ сомнѣнія, Правительство ясно и твердо укажетъ имъ, чего оно желаетъ. Ибо безъ этого губернаторы и предводители могли бы отнестись къ этимъ незаконнымъ вліяніямъ по своимъ личнымъ взглядамъ, въ одной губерніи свободно разрѣшая то, что строго запрещается въ другой, такъ что существующій уже у насъ хаосъ достигнетъ той именно степени безвыходной сумбурности, которой и желаютъ добиться противники существующаго строя.

Конечно, не въ интересахъ государства и народа допускать до такихъ результатовъ, а потому не можетъ быть сомнѣнія, что разъясняющее слово Правительства будетъ ясно руководить мирнымъ, трудолюбивымъ и преданнымъ Царю и Отечеству населеніемъ въ настоящія минуты, когда народъ особенно въ этомъ нуждается.

«Жаръ свалилъ, повѣяло прохладой...»

Свалилъ горячечный жаръ, разсѣялась анархія мысли, повѣяло трезвостью закона.

Лихорадочный бредъ нашей демагогической печати смѣнился болѣе осмысленными рѣчами, въ которыхъ уже чустся чувство долга и отвѣтственности предъ народомъ, Государствомъ и Правительствомъ.

По всѣмъ видимостямъ, первый кризисъ тяжкаго самовнушеннаго недуга, такъ внезапно и несвоевременно вызваннаго внутренними врагами Россіи, благополучно миновалъ. Но въ исторіи этой, къ сожалѣнію, значительно запущенной, болѣзни, легко можетъ быть, предстоятъ еще другіе кризисы, болѣе серіозные, чѣмъ газетная болтовня. Однако, нѣтъ никакого сомнѣнія, что и они разрѣшатся точно такимъ же благополучнымъ исходомъ, если только Правительство будетъ встрѣчать ихъ съ подобающею ему твердостью, неуклонно стоя на стражѣ строгаго соблюденія законности въ Россіи.

Въ этомъ всегда былъ, есть и будетъ единственно-вѣрный ключъ къ разрѣшенію всѣхъ, хотя бы и самыхъ сложныхъ, вопросовъ нашей внутренней жизни.

Наши демагоги упрекаютъ Правительство въ томъ, что оно «потворствуетъ произволу».

Если этотъ упрекъ искренень, то обвинители Правительства должны бы были присоединиться къ намъ, требующимъ отъ Правительства, чтобъ оно всегда и всюду исполняло свою прямую обязанность, состоящую именно въ предотвращеніи и карапіи всякаго рода произвола и въ содѣйствіи торжеству законности и правды. Но наши радѣтели объ этомъ и слышать не хотятъ. Они, наоборотъ, требуютъ, чтобы Правительство стушевалось, погрузилось въ Нирвану и ровно ни во что не вмѣшивалось! Это для предотвращенія произвола-то!

Если въ экономической теоріи прославленная нѣкогда доктрина *laissez faire, laissez passer* была въ концѣ концовъ признана серіозными экономическими практиками несостоятельною, то въ политической теоріи она всегда была и будетъ абсурдомъ. Въ этомъ насъ воочію убѣдилъ опытъ послѣднихъ дней, когда Правительство предоставило печати говорить обо всемъ, что ей угодно, и «либеральное» большинство печати немедленно завело на своихъ столбцахъ не охрану законности, а произвольное и сознательное ея нарушеніе.

Если бы Правительство сочло нужнымъ стушеваться и предоставить «общественнымъ силамъ» полную свободу дѣйствій, то мы немедленно сдѣлались бы свидѣтелями такой анархіи и такого произвола, которые перенесли бы насъ къ самымъ мрачнымъ днямъ государственной смуты.

Но, Богъ милостивъ, у насъ до этого и не дойдетъ. Опытъ съ печатью всѣмъ открылъ глаза, и они теперь уже не сомкнутся. Къ тому же, Правительство знаетъ, что весь народъ Русскій единодушно одобритъ его строгія разумныя мѣры противъ внутреннихъ враговъ Россіи.

Пора, наконецъ, чтобъ удушливая атмосфера послѣднихъ мѣсяцевъ очистилась, чтобы гнетущій жаръ свалилъ и повѣяло живительною прохладою, бодрящею человѣка къ трезвой, серіозной, полезной дѣятельности.

Правительственное слово.

Давно ожидавшееся руководящее слово Самодержавной Правительственной Власти произнесено.

Ожидалось оно прежде всего «благомыслящею частью» вѣрноподданныхъ Русскаго Государя, на «сочувствіе» которыхъ разсчитываетъ Верховный Вождь Россіи, такъ какъ они «истинное преуспѣяніе Родины видятъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ»; но ожидалось оно съ неменьшимъ нетерпѣніемъ и внѣшними, и внутренними врагами Россіи, надѣявшимися, въ своемъ ослѣпленномъ безуміи, на то, что Царское Слово провозгласитъ чуть не крушеніе основныхъ законовъ Россійской Имперіи!

Само собою разумѣется, что истинно-Русскіе люди ни на минуту не сомнѣвались въ томъ, что всѣ эти безсмысленныя ожиданія исчезнутъ, какъ только раздастся авторитетное слово съ высоты Царскаго Престола.

И дѣйствительно, во главѣ Своего Указа Правительствующему Сенату Государь Императоръ говоритъ о «священныхъ завѣтахъ Своихъ Предковъ», о «благѣ ввѣренной Ему Богомъ Державы» и о «непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи».

Въ объявленномъ, одновременно съ Высочайшимъ Указомъ, «Правительственномъ Сообщеніи» тѣ же «незыблемыя начала нашего государственнаго строя» называются «освященными основными законами Имперіи», а «Русскій народъ» признается «чуждымъ движенію противъ существующаго порядка управленія», такъ какъ онъ «вѣренъ исконнымъ основамъ существующаго государственнаго строя».

Такимъ образомъ, цѣлымъ рядомъ высокознаменательныхъ Правительственныхъ заявленій полагается окончательный предѣлъ всей той шумливой агитаціи, которою внутренніе враги Россіи старались сбить съ толку ея населеніе, приписывая Верховной Власти тѣ разрушительныя фантазіи, которыя бродили въ ихъ собственномъ убогомъ умѣ. Теперь уже имъ никого не удастся обмануть, такъ какъ весь Русскій народъ ясно видитъ, что Царь попрежнему свято чтитъ завѣты Своихъ Предковъ, и что основные законы Имперіи, утверждающіе неограниченную Самодержавную Власть Русскаго Государя, останутся и впредь незыблемыми.

Высочайшій Указъ называетъ «охраненіе полной силы закона—важнѣйшею въ Самодержавномъ Государствѣ опорой Престола».

И дѣйствительно, святость закона нигдѣ не можетъ и не должна соблюдаться такъ твердо, какъ въ Самодержавномъ Государствѣ, свободномъ отъ партійной борьбы, вѣчно колеблющей законы, и имѣющемъ высшаго нелицепріятнаго Судью въ своемъ, Богомъ поставленномъ, Государѣ.

Вотъ почему можно ожидать, что отнынѣ прекратится то дерзкое нарушеніе законовъ, которое на нашихъ глазахъ творится различными земскими, городскими и иными «общественными» учрежденіями, вторгающимися, вопреки ясному смыслу своихъ уставовъ, въ совершенно чуждую имъ область государственнаго переустройства.

Это явное издѣвательство надъ закономъ получило уже свою справедливую оцѣнку изъ устъ Державнаго Вождя Россіи, назвавшаго таковой посту-

покъ Черниговскаго Губернскаго Земскаго Собранія «дерзкимъ и безтактнымъ» и указавшаго, какъ общее правило, что «*заниматься вопросами государственнаго управленія не дѣло земскихъ собраній, кругъ дѣятельности и правъ которыхъ ясно очерченъ законами*».

Точно такъ же въ объявленномъ 14 декабря (1904 г.) «Правительственномъ Сообщеніи» съ категорическою ясностью указывается на то, что «земскія и городскія управленія и всякаго рода учрежденія и общества обязаны не выходить изъ предѣловъ предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію предметовъ и не касаться тѣхъ вопросовъ, на обсужденіе которыхъ они не имѣютъ законнаго полномочія».

Серіозное намѣреніе Правительства положить конецъ этому произволу выражено въ слѣдующемъ серіозномъ предостереженіи:

«Предсѣдатели же общественныхъ собраній за допущеніе въ нихъ обсужденія не относящихся къ ихъ вѣдѣнію вопросовъ общаго государственнаго свойства подлежатъ отвѣтственности на основаніи дѣйствующихъ законовъ.»

Высочайшій Указъ признаетъ неотложнымъ расширить «въ законныхъ предѣлахъ самостоятельность земскихъ и городскихъ учрежденій», но, какъ и прежде, лишь для «завѣдыванія различными сторонами *мѣстнаго* благоустройства»; слѣдовательно и впредь въ полной силѣ останется законъ, запрещающій этимъ учрежденіямъ преступать предѣлы своей легальной дѣятельности, и этотъ законъ, какъ мы видѣли, будетъ отнынѣ примѣняться, подобно остальнымъ законамъ Имперіи, съ должною строгостью, «дабы непарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе закона почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ подчиненныхъ Государю властей и мѣстъ, неисполненіе же его неизбѣжно влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность».

Таковъ основной смыслъ Высочайшаго Указа 12 декабря 1904 года.

Къ дальнѣйшимъ предначертаніямъ его, имѣющимъ цѣлью усовершенствованіе государственнаго порядка, мы не замедлимъ вернуться.

Высочайшія предначертанія къ усовершенствованію государственнаго порядка.

Высочайшій Указъ 12 декабря (1904 г.) свидѣтельствуетъ, что Государь Императоръ «во главѣ заботъ Своихъ поставляетъ мысль о наилучшемъ устройствѣ быта многочисленнѣйшаго у насъ крестьянскаго сословія».

Уже не впервые мы видимъ, какъ отеческое сердце Русскаго Царя неустанно и любвеобильно печется о томъ именно сословіи Русскаго народа, которое составляетъ по своей необъятной численности главнѣйшую часть всего населенія Россіи, и которое, вслѣдствіе неудачныхъ подробностей великой крестьянской реформы 1861 года, находится вотъ уже почти полстолѣтія въ неустроенномъ, почти анархическомъ, положеніи.

Мы не переставали указывать на крайнюю необходимость ввести нашъ хаотическій крестьянскій бытъ въ твердыя нормы законнаго порядка, началу которому было положено Царемъ-Миротворцемъ учрежденіемъ столь благодѣтельнаго института земскихъ начальниковъ, который несомнѣнно принесъ бы еще гораздо бо́льшую пользу, если бы могъ опираться на твердые и ясные

законы того Сельскаго Устава, который долженъ былъ появиться тотчасъ вслѣдъ за реформой 1861 года, и котораго до сихъ поръ не существуетъ даже въ видѣ готоваго законодательнаго проекта.

Въ виду этого, всѣ Русскіе люди встрѣтятъ съ радостью Государево Повелѣніе объ устроеніи крестьянской жизни, о чемъ Государь такъ настойчиво говорилъ еще годъ тому назадъ въ Высочайшемъ Указѣ 8 января 1904 года, въ которомъ повелѣвалось «произвести пересмотръ дѣйствующихъ законодательствъ о крестьянахъ на почвѣ главныхъ началъ преобразованій 1861 года, положивъ въ основу упомянутаго пересмотра, какъ сказано Нами въ Манифестѣ 26 февраля 1903 года, — *неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія*, при условіяхъ облегченія отдѣльнымъ крестьянамъ способовъ выхода изъ общины. Въ развитіе сихъ предначертаній признали Мы необходимымъ, на ряду съ этимъ, *сохранить крестьянамъ сословный строй* и неотчуждаемость крестьянскаго владѣнія надѣльныхъ земель».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти ясныя указанія Высочайшей Воли будутъ приняты къ непремѣнному руководству въ томъ «Особомъ изъ опытнѣйшихъ лицъ высшаго управленія Совѣщаніи», въ которомъ нынѣ изучаются важнѣйшіе вопросы устроенія крестьянской жизни.

Мы уже говорили (№ 346) о важномъ значеніи выраженнаго въ Высочайшемъ Указѣ требованія, признающаго неотложнымъ «принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона», въ особенности въ виду того дерзкаго нарушенія законности, на которое въ послѣднее время отважились наши «общественныя» учрежденія, желавшія присвоить себѣ совершенно несвойственную имъ государственную власть.

Точно также мы указали и на основной смыслъ предположенной въ Высочайшемъ Указѣ реформы земскихъ и городскихъ учрежденій, которыя, при всей даруемой имъ «въ законныхъ предѣлахъ самостоятельности», должны будутъ пользоваться ею лишь для «завѣдыванія различными сторонами *мѣстнаго* благоустройства».

Будемъ надѣяться, что въ особенности земскія учрежденія оцѣнятъ Высочайшую милость, призывающую къ ихъ дѣятельности «представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія» и основывающую, «сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ, въ небольшихъ по пространству участкахъ». Объ этихъ «мелкихъ земскихъ единицахъ» давно уже мечтали земскіе дѣятели, а потому Правительственная Власть въ правѣ ожидать отъ нихъ, что Всемилостивѣйшее осуществленіе ихъ мечты побудитъ ихъ къ оправданію оказаннаго имъ Царскаго довѣрія, и что они отнынѣ употребятъ всѣ свои усилія, чтобы земскія учрежденія не только заботились исключительно о *мѣстныхъ* дѣлахъ и объ ихъ *благоустройствѣ*, но и разъ навсегда прекратили ту антиправительственную агитацію, которая съ такою ясностью обнаружена была недавними правительственными ревизіями.

Какъ дальнѣйшее предначертаніе къ усовершенствованію государственнаго порядка, Высочайшій Указъ считаетъ необходимымъ обезпечить соотвѣтствующими мѣрами «охраненіе равенства передъ судомъ лицъ всѣхъ состояній», чему, разумѣется, могутъ только сочувствовать всѣ благомыслящіе Русскіе люди. Они съ неменьшимъ удовлетвореніемъ будутъ привѣтствовать и обѣщанное Высочайшимъ Указомъ «введеніе государственнаго страхованія рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ».

Наши читатели хорошо знакомы съ этимъ вопросомъ государственнаго страхованія рабочихъ, такъ какъ мы въ цѣломъ рядѣ статей не переставали указывать на эту мѣру, какъ на единственно-раціональную для обезпеченія нашего рабочаго сословія и для предотвращенія тѣхъ острыхъ столкновеній между рабочими и хозяевами, которыя, по необходимости, возникаютъ при теперешней системѣ отвѣтственности хозяевъ въ каждомъ отдѣльномъ несчастномъ случаѣ на фабрикѣ или заводѣ. Все многочисленное рабочее сословіе Россіи увидитъ въ этой Высочайшей милости несомнѣнный признакъ того, какъ близко къ сердцу принимаетъ Государь участь рабочихъ, которые ясно поймутъ, на Кого единственно могутъ они уповать для справедливаго удовлетворенія ихъ дѣйствительныхъ нуждъ, какъ особаго сословія въ громадной семьѣ вѣрноподданныхъ Русскаго Государя.

Высочайшій Указъ считаетъ необходимымъ «пересмотрѣть изданныя во время безпримѣрнаго проявленія преступной дѣятельности враговъ общественнаго порядка исключительныя законоположенія», но отнюдь не въ смыслѣ отмѣны ихъ, которая была бы только на руку возобновившимъ нынѣ свою дѣятельность врагамъ общественнаго порядка, а лишь въ смыслѣ «возможнаго ограниченія предѣловъ мѣстностей, на которыя они распространяются», и въ смыслѣ «допущенія вызываемыхъ ими стѣсненій правъ частныхъ лицъ только въ случаяхъ дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, какъ только энергичныя, разумныя и строго-послѣдовательныя мѣры Правительственной Власти окончательно прекратятъ дѣятельность тѣхъ лицъ, которыя, какъ сказано въ послѣднемъ *Правительственномъ Сообщеніи*, «стремятся внести въ общественную и государственную жизнь смуту», какъ только Правительство съ полнымъ успѣхомъ исполнитъ, по словамъ того же *Правительственнаго Сообщенія*, свой «законный долгъ ограждать государственный порядокъ и общественное спокойствіе отъ всякихъ попытокъ прервать правильный ходъ внутренней жизни», — что тогда можно будетъ и совсѣмъ отмѣнить вышеуказанныя исключительныя законоположенія,—но не раньше.

Предположенный Высочайшимъ Указомъ «пересмотръ узаконеній о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ», безспорно необходимъ, въ виду накопившихся въ теченіе времени многихъ противорѣчій въ этихъ узаконеніяхъ.

Но само собою разумѣется, что этотъ пересмотръ не можетъ клониться къ какому-либо умаленію значенія и достоинства Святой Православной Церкви, занимающей въ Государствѣ Россійскомъ подобающее ей,—какъ по хранимой въ ней благодати Божіей, такъ и по неоцѣненнымъ ея религіозно-нравственнымъ, просвѣтительнымъ, зиждительнымъ и историческимъ заслугамъ,—первостепенное и господствующее положеніе, освященное Основными Законами Православной Русской Имперіи. Предоставляя, по присущему ей духу терпимости, свободу другимъ вѣроисповѣданіямъ, она въ правѣ требовать отъ нихъ, чтобъ они этою свободой не злоупотребляли для похода противъ самой Православной Церкви и не подвергали ея тѣмъ оскорбленіямъ, отъ которыхъ они, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не воздерживались.

«Насущными интересами Государства»,—говорится далѣе въ «Высочайшемъ Указѣ», — «и явною пользой Русскаго народа» вызываются нѣкоторыя постановленія, ограничивающія права инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи. Эти постановленія, очевидно, будутъ сохранены и впредь.

Но тѣ ограниченія, которыя не вызываются столь важными государственными мотивами, должны будутъ подвергнуться пересмотру, который будетъ имѣть цѣлью сравненіе правъ инородцевъ съ правами уроженцевъ центральныхъ мѣстностей Имперіи, дабы тѣснѣе сплотить съ коренною Россіей всѣ ея разноплеменныя окраины. Такая Монаршая милость, оказанная нашимъ инородцамъ, должна вызвать въ нихъ чувство живѣйшей благодарности и побудить ихъ къ окончательному прекращенію доселѣ волнующихъ ихъ центробѣжныхъ и даже прямо сепаратистическихъ стремленій.

Высочайшій Указъ заканчивается дарованіемъ Монаршей милости русской печати, давно нуждающейся въ «точно опредѣленныхъ закономъ предѣлахъ», при наличности которыхъ она не позволила бы себѣ той неслыханной разнузданности, свидѣтелями которой мы только что были въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Если опредѣленный законъ должнымъ образомъ повыситъ образовательный и нравственно-политическій цензъ редакторовъ-издателей (которые, по нашему мнѣнію, должны нести обѣ функціи въ одномъ лицѣ), если такими законами будетъ установлена область политики, доступная публицистикѣ, и если нарушеніе этихъ законовъ будетъ строго караться коронным судомъ (ибо судъ присяжныхъ создалъ бы полную безнаказанность нарушителей политическихъ законовъ о печати),—тогда дѣйствительно отечественная печать получитъ возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницей разумныхъ стремленій на пользу Россіи и избавится, наконецъ, отъ заполонившихъ ее въ настоящее время пустыхъ болтуновъ, невѣжественныхъ борзописцевъ и безсовѣстныхъ кривотолковъ.

Всѣ новыя законоположенія Высочайшій Указъ предоставляетъ первоначальному разсмотрѣнію Комитета Министровъ, который долженъ обсудить наилучшій способъ проведенія ихъ въ жизнь. Этимъ, конечно, обезпечивается наиболѣе быстрое и полное осуществленіе Государевыхъ предначертаній, тѣмъ болѣе, что Комитетъ Министровъ имѣетъ въ лицѣ своего предсѣдателя опытнаго государственнаго человѣка, энергія котораго не подлежитъ сомнѣнію.

Будемъ надѣяться, что энергія эта будетъ посвящена дѣйствительной пользѣ Россіи, о которой такъ горячо заботится сердце ея Верховнаго Вождя.

Возможны ли уступки?

Мы получили письмо отъ лица, называющаго себя нашимъ «другомъ» и упрекающаго насъ въ «прямолинейности».

Мы должны, видите ли, «считаться съ общимъ настроеніемъ», отказаться отъ кое-какихъ своихъ убѣжденій и сдѣлать нѣкоторыя «уступки» въ нашей политической программѣ.

Уступки? Подумаешь, что дѣло идетъ о какомъ-то торгѣ, о какой-то коммерческой сдѣлкѣ, въ которой маклаки сперва запрашиваютъ какъ можно больше, съ тѣмъ, чтобы потомъ кое-что и «скинуть».

Но что же можетъ въ данномъ случаѣ служить объектомъ купли и продажи? Царское Самодержавіе? Но гдѣ же тотъ Русскій человѣкъ, который не былъ бы измѣнникомъ, еслибы взялъ на себя неслыханную дерзость выбро-

сить на рынокъ непринадлежащій ему вѣковой Государственный принципъ Россіи и сдѣлать его предметомъ торгашескихъ «надбавокъ» и «уступокъ»? Если даже Самъ Носитель Самодержавнаго принципа не въ силахъ и не въ правѣ умалить что-либо въ переданной Ему благодатью Божіей Самодержавной Власти Своей, то какъ можетъ помыслить о семъ преступленіи предъ Богомъ и Царемъ вѣрноподданный Русскаго Государя?

Такой поступокъ не только противорѣчилъ бы его совѣсти, но и его здравому разуму, умудренному опытомъ какъ Русской исторіи, такъ и исторіи иноземныхъ государствъ, ярко показывающей тѣ ужасы, которые наступаютъ всякій разъ, когда ослабляется Единоличная Власть Монарха.

Уступки? Но кому?

Говорятъ:—«общественному мнѣнію».

Но развѣ мы дѣти? Развѣ мы не знаемъ, какъ «дѣлается» общественное мнѣніе? Вѣдь въ послѣдніе два-три мѣсяца предъ нашими глазами открыто изготовлялся этотъ фальсификатъ: микроскопическая шайка всѣмъ извѣстныхъ «общественныхъ» агитаторовъ устроила самозванный съѣздъ нѣсколькихъ десятковъ пустоголовыхъ болтуновъ, сочинившихъ нелѣпую программу государственнаго переворота Россіи, и разослала ее во всѣ «общественныя» учрежденія, собранія, съѣзды, союзы и кружки, гдѣ она, конечно, съ восторгомъ была принята такими же болтунами, къ которымъ присоединились и тѣ умственные хулиганы, которые наполняютъ газетные листки своею убогою, пустозвонною дребеденью, сбивающею съ толку наше незрѣлое, неучащееся юношество обоего пола.

Вотъ вамъ и все «русское общественное мнѣніе»! И этой вздорной накипи грубѣйшаго и пошлѣйшаго невѣжества мы должны дѣлать уступки, отрекаться отъ истины, отъ серіознаго знанія, отъ глубочайшихъ убѣжденій?

Что сказали бы вы объ ученомъ математикѣ, который всю жизнь доказывалъ, что дважды два—четыре, среди оглушающихъ криковъ невѣждъ, утверждавшихъ, что дважды два—пять, и который подъ конецъ рѣшился бы сдѣлать уступку этому «общественному мнѣнію» и сказалъ бы, въ видѣ маленькаго «компромисса», что дважды два—четыре съ четвертью? Да вѣдь этого человѣка немедленно закидали бы презрѣніемъ и его бывшіе приверженцы, и его противники, а прежде всего его на смерть осудила бы собственная совѣсть. Его уступка оказалась бы не только дѣломъ недостойнаго малодушія, но и гибельнаго безумія.

Уступки? Мы еще разъ спрашиваемъ,—кому?

Многомилліонный Русскій народъ ни отъ кого никакихъ уступокъ не требуетъ; требуетъ ихъ совершенно ничтожная кучка внутреннихъ враговъ Россіи, присяжныхъ говоруновъ и смутьяновъ, которые съ хлестаковскимъ самозванствомъ выдаютъ себя за «всю Россію». Этотъ неоспоримый фактъ подтверждается и послѣднимъ *Правительственнымъ Сообщеніемъ*, указывающимъ на «движеніе противъ существующаго порядка управленія, чуждое Русскому народу», и на старанія придать этому движенію «несвойственное ему значеніе общаго стремленія». Такъ неужели же мы должны дѣлать уступки этимъ Хлестаковымъ?

Еслибъ имъ были сдѣланы какія-либо уступки въ принципѣ Самодержавія, то Русскій народъ этимъ былъ бы крайне изумленъ, не понимая, ради кого и чего нарушаются основные устои Русской жизни,—а сами смутьяны никакими бы «уступками» не удовлетворились, а почувствовали бы въ себѣ

лишь новыя силы побѣдителей для новыхъ, еще болѣе дерзкихъ, требованій. Дайте имъ сегодня участіе народныхъ представителей въ Государственномъ Совѣтѣ,—они немедленно потребуютъ «настоящей» конституціи; дайте имъ конституцію, —они потребуютъ республики: дайте имъ республику,—они потребуютъ соціалистической коммуны. Не даромъ послѣднія уличныя манифестаціи происходили подъ краснымъ, соціалистическимъ флагомъ

Да и вообще, кто же можетъ заставить людей, вооруженныхъ серіознымъ опытомъ, забыть историческую аксіому: *революціонное движеніе никогда не усмиряется какими бы то ни было уступками; уступки его только поощряютъ и усиливаютъ.*

Та ничтожная шайка крамольниковъ, о которой мы говоримъ, дѣйствительно производитъ много шуму на всю Россію и Европу, подобно тому, какъ и на сельскомъ сходѣ два-три горлана всегда могутъ перекричать всѣхъ спокойныхъ, разумныхъ людей и превратить весь сходъ въ скандальное позорище, коль скоро этимъ озорникамъ оказывается поблажка: но стоитъ только явиться разумной силѣ, и тотчасъ же передъ нею горланы съежатся и исчезнутъ, вызвавъ затѣмъ всеобщее удивленіе, какъ это такіе ничтожные люди могли заварить такую кашу.

Точно то же и съ нашими «общественными» озорниками.

Они идутъ, какъ стадо барановъ, за своими коноводами, которыхъ *очень немного*, которыхъ всѣхъ можно по пальцамъ перечесть, и которые всѣ сразу сгинутъ, какъ только почувствуютъ, что съ ними перестали шутить; но они еще болѣе воспрянули бы духомъ и пріобрѣли бы еще болѣе слѣпыхъ приверженцевъ, еслибъ имъ была сдѣлана хоть ничтожнѣйшая поблажка, хоть малѣйшая уступка.

Вотъ почему мы, въ сознаніи своего долга, можемъ отвѣтить на даваемые намъ «дружескіе» совѣты лишь рѣшительнымъ отказомъ.

Мы твердо стоимъ на своемъ посту, защищая драгоцѣннѣйшія сокровища Россіи, и никогда въ этомъ священномъ дѣлѣ никому ни въ чемъ не уступимъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

1901 годъ.

1. «Приказъ» генерала Ванновскаго (*Моск. Вѣд.* № 95)..... 5

1902 годъ.

2. Слова Государя Императора о русскомъ дворянствѣ и земствѣ (№ 240)..... 7
3. Университетская реформа (№ 274)..... 10
4. Хлѣбныя залежи (№ 275)..... 14
5. Царское милосердіе (№ 338)..... 15
6. Двухсотлѣтіе русской періодической печати (№ 345)..... 17

1903 годъ.

7. Россія въ 1902 году (№ 1)..... 20

Вопросы русской жизни:

8. Противоцерковность и безцерковность (№ 5)..... 23
9. Университетскій идеалъ (№ 12)..... 25
10. Наша «прямолинейность» (№ 19)..... 27
11. Четвертый элементъ (№ 26)..... 28
12. Правительственный соціализмъ (№ 33)..... 30
13. Поляки въ Петербургѣ (№ 40)..... 33
14. Будетъ ли война? (№ 47)..... 35
15. Что дали намъ наши «Комитеты»? (№ 53)..... 36
16. «Начала, чуждыя русской жизни» (№ 60)..... 38
17. Какъ быть съ нашими окраинами? (№ 67)..... 40
18. Участіе духовенства въ жизни своей паствы (№ 74)..... 43
19. Чего намъ ждать отъ мѣстной реформы? (№ 81)..... 45

Стран.

20. Кто долженъ управлять уѣздами? (№ 88)..... 47
21. Москва или Петербургъ? (№ 100)..... 49
22. Московское и Петербургское Православіе (№ 107)..... 51
23. Естественная цензура (№ 114)..... 54
24. Православная церковь передъ судомъ «интеллигенціи» (№ 121)... 56
25. Политическія преступленія (№ 128)..... 59
26. Чему намъ учиться у Петра? (№ 135)..... 61
27. Подпольное земство (№ 142)..... 63
28. Заграничныя басни о Россіи (№ 148)..... 66
29. Наши куцые конституціоналисты (№ 155)..... 69
30. Кто у насъ завидуетъ Сербамъ? (№ 162)..... 72
31. Американскій отзвукъ Кишиневскаго погрома (№ 169)..... 74
32. Двойная задача нашей окраинной политики (№ 176)..... 77
33. «Замѣчательный» датскій профессоръ (№ 183)..... 80
34. Иностранная легенда о Русскомъ Царѣ (№ 190)..... 82
35. «Либералы» и Саровское торжество (№ 197)..... 86
36 Иностранный взглядъ на Саровскія торжества (№ 204)..... 88
37. Уличные безпорядки (№ 211)..... 90
38. Главный источникъ нелѣпыхъ легендъ о Россіи (№ 218)..... 91
39. Въ чемъ сила и слабость соціализма? (№ 225)..... 94
40. С. Ю. Витте и государственныя задачи Россіи (№ 232)..... 97
41. Сіонизмъ (№ 241)..... 100
42. Македонскій вопросъ (№ 246)..... 103
43. Истинный либерализмъ (№ 251)..... 105
44. Соціалистическая пропаганда (№ 258)..... 108
45. Университетскій вопросъ (№ 265)..... 113
46. Наши Мадьяры (№ 272)..... 115
47. Ближній и Дальній Востокъ (№ 279)..... 118
48. Кому бороться съ соціализмомъ? (№ 286)..... 121
49. Окраинные миражи (№ 293)..... 124
50. Напрасное долготерпѣніе (№ 300)..... 127
51. Малоинтеллигентность русской интеллигенціи (№ 307)..... 130
52. Государственное нефтяное дѣло (№ 314)..... 132
53. Будетъ ли война? (№ 321)..... 135
54. Г. Струве и его антагонисты (№ 328)..... 136
55. Казенная нефтяная монополія (№ 335)..... 139
56. Война (№ 342)..... 142
57. Церковный вопросъ (№ 349)..... 145

Стран.

58. Македонскій вопросъ (№ 8) 147
59. Религіозно-нравственное воспитаніе (№ 14) 149
60. Коренная реформа мѣстной администраціи (№ 16) 151
61. Московскіе рабочіе (№ 24) 155
62. Новая консервативная газета (№ 25) 158
63. Возстановленіе истины (№ 29) 160
64. Выборное начало (№ 30) 164
65. Отвѣтъ «Новому Времени» (№ 34) 167
66. «Создаемъ» ли мы «рабочій вопросъ»? (№ 36) 167
67. Армянская назойливость (№ 37) 171
68. Нововременская логика (№ 38) 173
69. Фальшивое знамя (№ 47) 174
70. Царскій путь (№ 58) 175
71. Правда въ русскомъ винодѣліи (№ 74) 178
72. Благая вѣсть (№ 85) 181
73. Исполнившаяся надежда (№ 89) 182
74. Царь въ народѣ (№ 92) 184
75. Грозитъ ли намъ «безцерковное христіанство»? (№ 93) 185
76. Христіанская любовь (№ 95) 188
77. Царь и дворянство (№ 96) 190
78. Государь на могилѣ Каткова (№ 99) 192
79. Спасеніе нашей средней школы (№ 100) 195
80. Воспитательное значеніе пансіоновъ (№ 102) 198
81. Солунскіе анархисты (№ 112) 200
82. Сила разумной власти (№ 117) 202
83. Отголосокъ лучезарныхъ дней (№ 124) 204
84. Уфимское преступленіе (№ 125) 206
85. Знаменательная Высочайшая награда (№ 127) 207
86. Двухсотлѣтіе Петербурга (№ 133) 209
87. Сербскій король Петръ I (№ 151) 212
88. Сербія и Россія (№ 154) 215
89. Побѣда германскихъ соціалистовъ (№ 158) 217
90. Посланіе Святѣйшей Вселенской Патріархіи (№ 159) 219
91. Отвѣтное посланіе Святѣйшаго Синода (№ 164) 222
92. Побѣда Кошута (№ 165) 226
93. Болгарскій кризисъ (№ 172) 229
94. Наша школьная дисциплина (№ 181 и 183) 231
95. Кончина папы (№ 185) 236
96. Пораженіе Кошута (№ 186) 239
97. М. Н. Катковъ (№ 197) 241

IX-13998.

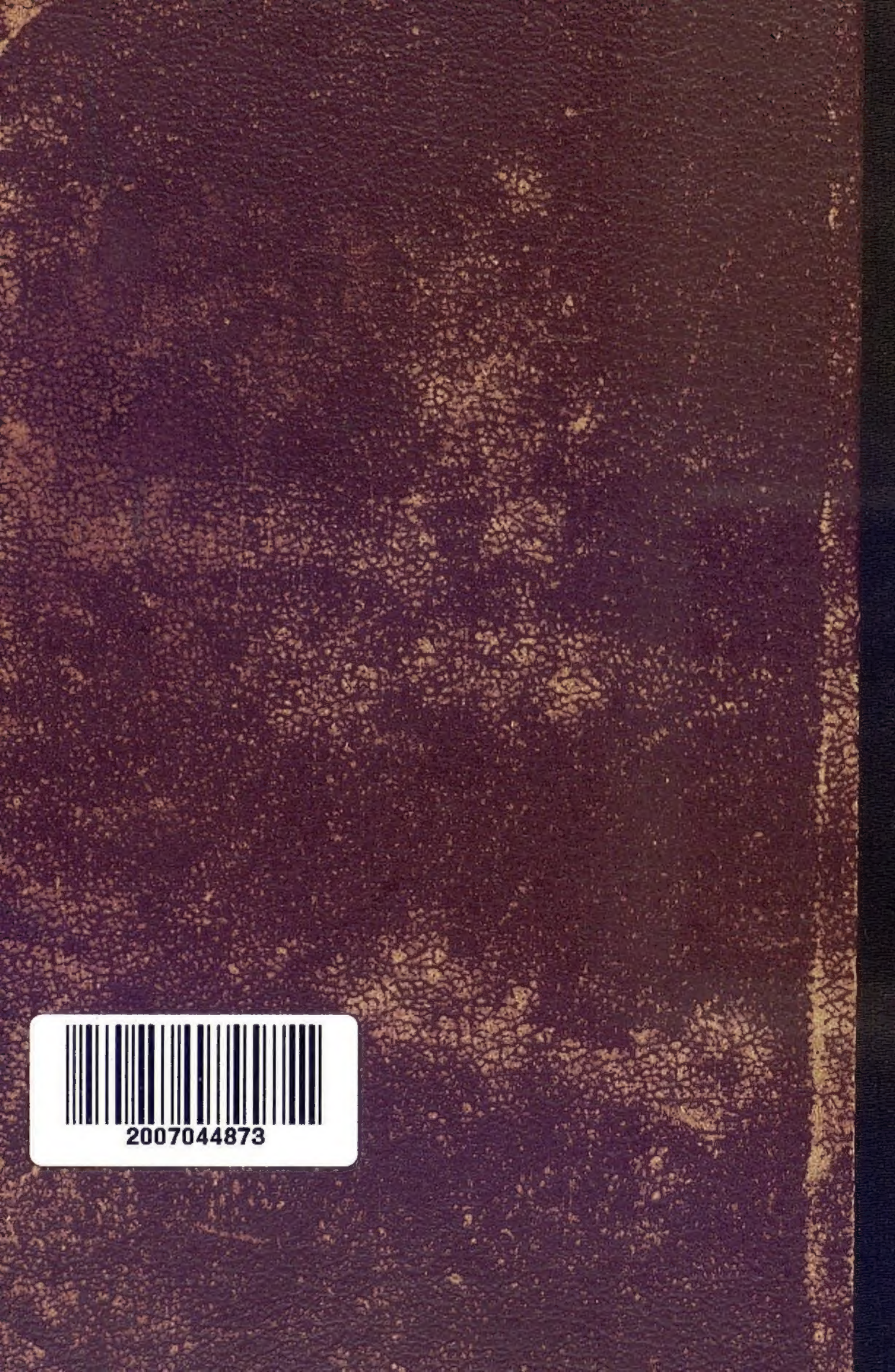
Стран

98. Италія и посѣщеніе Русскаго Царя (№ 269)..... 244
99. Кризисъ дворянскаго землевладѣнія (№ 313)..... 246
100. Миръ или война? (№ 353)..... 249
101. Русско-Японскій вопросъ (№ 355)..... 250

1904 годъ.

102. Истекшій годъ (№ 1)..... 252
103. Мнимый недугъ Россіи (№ 2)..... 255
104. Объявленіе войны (№ 29)..... 257
105. Тяжкій ударъ (№ 89)..... 259
106. Программа генерала Глазова (№ 106)..... 261
107. Здравое, ясное, твердое слово (№ 145)..... 263
108. Гельсингфорсское злодѣяніе (№ 153)..... 266
109. Еще о клеветѣ г. Столыпина (№ 163)..... 268
110. Два слова г. Столыпину (№ 167)..... 270
111. Царская помощь (№ 170)..... 271
112. Чего хотятъ наши злодѣи? (№ 195)..... 272
113. М. Н. Катковъ и современный кризисъ (№ 198)..... 275
114. Всемилостивѣйшій Манифестъ (№ 221)..... 277
115. Новый министръ (№ 237)..... 280
116. Рѣчь министра Внутреннихъ Дѣлъ (№ 258)..... 281
117. Наша «оффиціозность» (№ 262)..... 283
118. Семья и школа (№ 264)..... 284
119. Неосновательныя ликованія (№ 265)..... 288
120. Предстоящая «либеральная» кампанія (№ 268)..... 291
121. Такъ дальше жить нельзя (№ 325)..... 293
122. Руководящее слово Правительства (№ 326)..... 294
123. «Жаръ свалилъ, повѣяло прохладой» (№ 337)..... 296
124. Правительственное слово (№ 346)..... 297
125. Высочайшія предначертанія къ усовершенствованію государственнаго порядка (№ 347)..... 298
126. Возможны ли уступки? (№ 348)..... 301

Складъ изданія: Москва, Лиховъ пер., Епархіальный домъ.


2007044873